

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

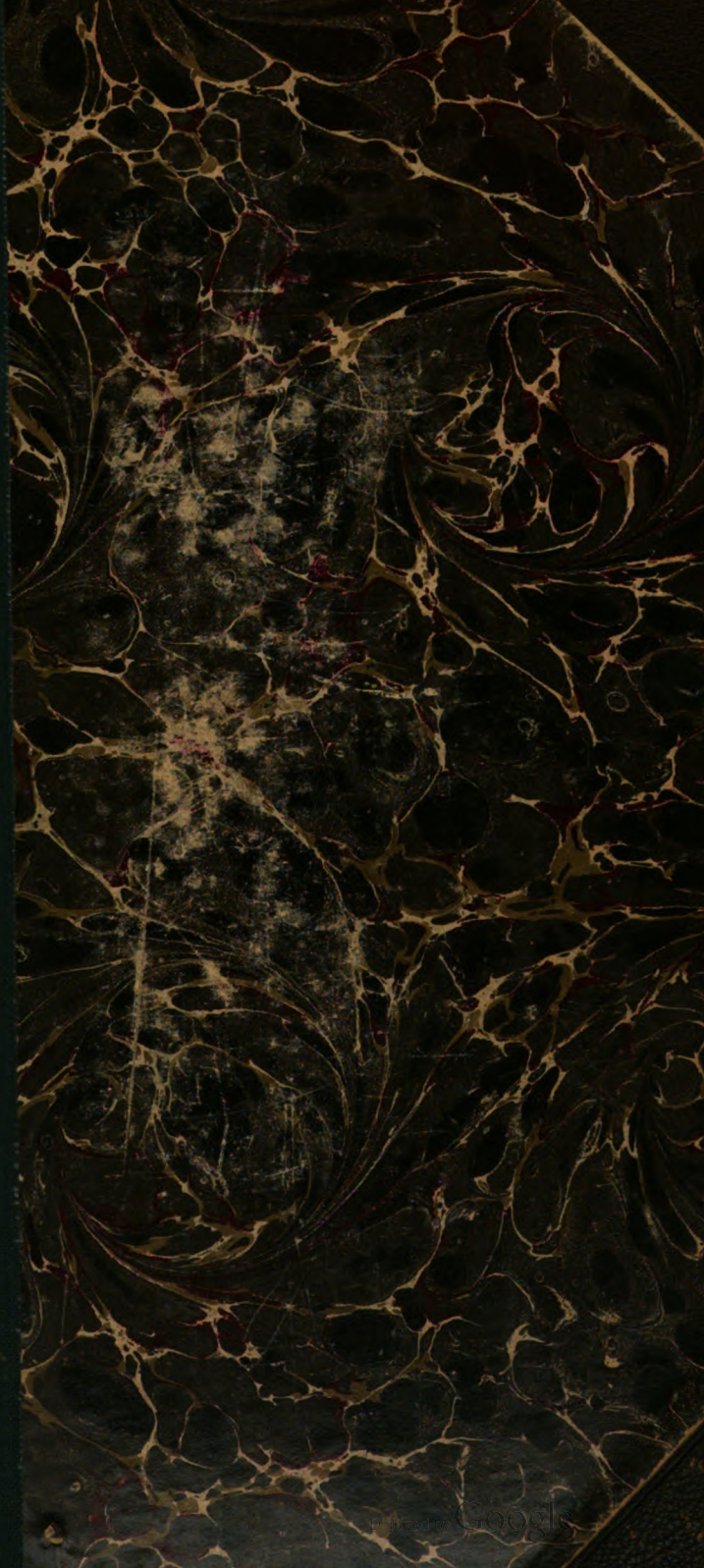
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

WIDENER LIBRARY

HX 5QIJ W

Philol 123

THE SLAVIC COLLECTION

Harvard College Library

GIFT OF

Archibald Cary Coolidge, Ph.D.

(Class of 1887.)

Received 1 July, 1895.

21 Nov. 1898.

ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ЖУРНАЛЪ

КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

И

ПЕДАГОГИКИ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

МОСКВА.

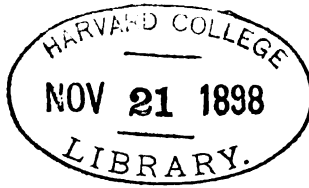
ТИПОГРАФІЯ Э. ЛИСНЕРА И Ю. РОМАНА.

Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер., д. Лиснера.

1891.

Philol 123

Gen. A. L. Knolidge.
(1-8 in 4 vols.)

Содержаніе перваго тома.

Отъ редакціи.

Отдѣлъ первый. Статьи научныя и педагогическія.
Хроника.

Стран.

И. В. Нетушила , Къ синтаксису сложныхъ предложеній греческихъ и латинскихъ. I. О вопросительныхъ придаточныхъ предложеніяхъ. .... 1. 81.	109
В. П. Бузескула , О раскопкахъ Шлимана въ Троѣ, Микенахъ и Тиринѣ.	19
Ф. Ф. Зѣлинскаго , Замѣтки къ трактату Лукіана „О томъ, какъ слѣдуетъ писать исторію“	46
С. И. Соболевскаго , Синтаксическое дѣленіе временъ греческаго глагола	52
В. А. Шеффера , Наука объ эпиграфикѣ и мѣсто, занимаемое ею среди другихъ филологическихъ наукъ.	110
Ф. Е. Корша , Notatiana I. II	120
Ф. Ф. Зѣлинскаго , Докимасія властей въ Драконовой конституціи	125
С. А. Селиванова , О словѣ „lada“ въ ликійскомъ языкѣ.	127
С. И. Любомудрова , Мысли Гербарта о значеніи и преподаваніи древнихъ языковъ	54
В. И. Шенрока , О методѣ веденія классныхъ переводовъ съ древнихъ языковъ на русскій.	130
А. Н. Щукарева , Археологическая хроника эллинскаго Востока. .... 73.	148
Varia	86

Отдѣлъ второй. Критика и библиографія.

I. Общія характеристики.

И. В. Цвѣтаева, О нѣкоторыхъ опредѣленіяхъ въ исторіи античнаго искусства.....	2. 103
Ю. А. Булаковского, Вопросъ о пеласагахъ	110

II. Обзоръ книгъ.

В. Ериштедтъ, Порфирьевскіе отрывки изъ аттической комедіи. — Ф. Ф. Зѣлинскаго	15
S. Sobolewski, De praepositionum usu Aristophaneo. — А. Н. Шварца	19
J. Luniak, Quaestiones Sapphicæ. — Ф. Ф. Зѣлинскаго.....	25
K. Brugmann, Griechische Grammatik. — И. В. Петушила	29
K. Reisig-Haase, Vorlesungen über lat. Sprachwissenschaft 3. Bd. — И. Н.	38
Сборникъ статей по класс. древности. Изд. Киев. Отд. Общ. класс. фил. Вып. III. — А. Н. Деревницкаго.....	41
W. Roscher, Ausführliches Lexicon der griech. und röm. Mythologie. — А. Н. Деревницкаго.....	43
O. Ribbeck, Geschichte der röm. Dichtung. 2. Bd. — Ал. С—ова.	48
И. Цвѣтаевъ, Учебный атласъ античнаго ваянія. — В. А.	51. 154
А. Шварцъ, [Ξενοφάντος] Ἀθηναίων πολιτεία. Критич. изслѣдованіе. — α —	52
Kenyon, Classical Texts from Papyri etc. — А. Ш.	53
E. Kammer, Ein ästhetischer Kommentar zu Homers Ilias. — Ф. Ф. Зѣлинскаго	55
А. Фетъ, Тита Макція Плавта „Горшокъ“ въ русск. переводѣ. — О. А. Шебора	57
О. Цыбульскій, Таблицы I и II. — В. В. Латышева.....	71
Гр. П. Капнистъ, Классицизмъ, какъ необходимая основа гимнагообразованія. — А. Л.	81
B. Latyschev, Inscriptiones etc. Vol. I. II. — В. А. Шеффера...	119
E. Rohde, Psyche. — Ф. Ф. Зѣлинскаго	128
Imhoof-Blumer, Griechische Münzen. — А. В. Орѣшниковъ....	134
Описание древне-греческихъ монетъ Имп. Моск. Унив. — В. А. ...	136
F. Stolz, Lateinische Grammatik. — И. В. Петушила.....	137
Н. Благовѣщенскій, Винкельманъ и позднія эпохи греческой скульптуры. — А. Шварца	145
R. Menge-S. Preuss, Lexicon Caesarianum. — И. Н.	160
K. Georges, Lexicon der lat. Wortformen. — И. Н.	162
А. Деревидкій, О началѣ историко-литературныхъ занятій въ древней Греціи. — А. В. А.	154
Г. Янчевецкій, Павсанія Описание Элады, русск. перев. — А. Н. Деревницкаго.....	156

	<i>Стран.</i>
A. Baumeister, Bilderhefte; H. Rheinhard, Album des klass. Alterthums; I. Bühlman u. A. Wagner, Das alte Rom; R. Engelmann, Bilder-Atlanten. — В. Г. Ансельрота	160
R. Oehler, Bilder-Atlas zu Caesars Büchern de b. G. — А. В. А.	161
П. Овидій Назонъ въ изданіяхъ А. Адольфа и проф. И. Негушпа. — И. Д—тина	166
В. Никифоровъ, Латинская грамматика. — С. И. Соболевскаго	168
Н. Санчурскій, Краткая латинская грамматика. — П. Д. Перова	173
H. Schiller, Hausarbeit und Schularbeit. — А. В. А.	181

III. Обзоръ журналовъ (за первое полугодіе 1891 года).

a) Русскіе журналы: Ж. Мин. Нар. Просв. — Уч. Зап. Казанскаго Университета. — Киевскія Унив. Извѣстія. — Русскій Филолог. Вѣстникъ. — Гимназія. — Вѣра и Разумъ. — Прибавленіе къ Твор. Св. Отцовъ въ руск. перев. — Историческое Обзоръніе. — Историческій Вѣстникъ. — Пантеонъ Литературы. — Русское Обзоръніе. — Русскій Вѣстникъ. — Наблюдатель. — Русская Мысль. — Вѣстникъ Европы. — Вѣстникъ Воспитанія	84. 186
b) Иностранные журналы: Revue de Philologie. — Revue des études grecques. — Journal des Savants. — Neue Jahrbücher für Phil. u. Päd. — Hermes. — Rheinisches Museum. — Philologus. — Archiv für Gesch. der Philos. — Zeitschrift für die Oester. Gymnasien. — Zeitschrift für das Gymnasialwesen. — Gymnasium. — Listy Filologické. — Berliner Phil. Wochenschrift. — Bursian's Jahresbericht	88. 192

IV. Новыя книги .....

Некрологъ проф. О. И. Пѣховскаго	97. 207
Братскій отчетъ о дѣятельности Кружка преподавателей древнихъ языковъ	212
	216

ЗАМѢЧЕННЫЯ ПОГРѢШНОСТИ.

ВЪ ОТДѢЛѢ ПЕРВОМЪ.

- Стран. 46, строка 6 св. — вычеркнуть *αυ*.
" 103, " 6 св. — вм. *andes* слѣд. чит. *audes*.
" " " 12 св. — вм. „въ вопросахъ, въ которыхъ... (напр. и т. д.“
слѣд. чит. „въ вопросахъ (въ которыхъ... напр.
и т. д.“
" 104 " 1 св. — (въ выносѣ) вм. *nunquid nam* и *esquis nam* слѣд.
чит. *nunquidnam* и *esquisnam*.

ВЪ ОТДѢЛѢ ВТОРОМЪ.

- Стран. 15 строка 12 св. — вм. комическаго слѣд. чит. гномическаго.
" 16 " 7 св. — вм. строки слѣд. чит.: *στοιχι*.
" 78 и 80 " 2 св. — вм. *χορυθία* слѣд. чит.: *χορυθία*.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Выпуская въ свѣтъ первую книжку „Филологическаго Обозрѣнія“, редакція считаетъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о цѣляхъ и стремленіяхъ издаваемого ею журнала.

Главнѣйшая и наиболѣе важная цѣль журнала заключается въ объединеніи наличныхъ русскихъ силъ, работающих въ области классической филологіи и не имѣвшихъ до сихъ поръ своего спеціальнаго органа. Блестящій успѣхъ въ свое время „Вѣстника“, нашедшихъ для выполнения поставленной себѣ задачи достаточно сотрудниковъ, при сравнительно немногочисленныхъ ученыхъ силахъ, даетъ право думать, что въ настоящее время, при наличности болѣе многочисленныхъ силъ, спеціальнй филологическій журналъ имѣетъ болѣе, чѣмъ когда-либо, право на существованіе. Редакторовъ одушевляетъ та мысль, что ихъ изданіе дастъ возможность русскимъ филологамъ своевременно отзываться на всѣ тѣ вопросы, которые ставятся постояннымъ движеніемъ впередъ ихъ спеціальной науки, и при этомъ знакомить русское общество, насколько, разумѣется, позволяеть спеціально-научный характеръ изданія, съ успѣхами той науки, результаты которой не могутъ не интересовать всякаго образованнаго человѣка.

Вмѣстѣ съ тѣмъ „Филологическое Обозрѣніе“ будетъ служить органомъ русской классической школы. Одною изъ своихъ задачъ оно ставитъ — по мѣрѣ силъ и возможности помочь учителямъ древнихъ языковъ въ ихъ нелегкомъ и сложномъ трудѣ введенія юношества въ богатый внутреннимъ содержаніемъ міръ древнихъ грековъ и римлянъ. Цѣлый рядъ задачъ, впервые выдвинутыхъ новыми учебными планами, требуетъ въ виду успѣха преподаванія и будущности русской классической школы того или иного рѣшенія — и нараждающійся

журналъ будетъ итти навстрѣчу новымъ потребностямъ классической школы, стараясь вызвать несомнѣнно существующія, но имѣвшія еще мало возможности проявиться, оригинальныя русскія педагогическія силы на обсужденіе этихъ вопросовъ и на то или иное ихъ рѣшеніе, которое бы опиралось на многолѣтній опытъ европейской классической школы. Съ цѣлью поставить русскаго учителя au courant хотя бы главнѣйшихъ явленій филологической науки и связанной съ нею дидактики древнихъ языковъ, редакція особенно будетъ заботиться о полнотѣ критическаго (преслѣдующаго, конечно, и свои особыя чисто научныя цѣли) и библиографическаго отдѣла, зная, что учителю, живущему вдали отъ университетскаго города и лишенному порядочной специальной библіотеки, трудно и даже невозможно слѣдить за текущей литературой своей специальности.

Вотъ въ общихъ чертахъ цѣли и стремленія журнала. Горячее сочувствіе, съ которымъ была встрѣчена со стороны русскихъ филологовъ и педагоговъ мысль объ изданіи „Филологическаго Обзорнія“, поставившаго себѣ вышеуказанныя цѣли, позволяетъ рассчитывать на то, что эти цѣли найдутъ свое осуществленіе въ новомъ журналѣ. Да послужитъ же онъ на пользу нашей юной филологической наукѣ и обновленной классической школѣ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ
СТАТЬИ НАУЧНЫЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ. ХРОНИКА.

І. СТАТЬИ НАУЧНЫЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ.

КЪ синтаксису сложныхъ предложеній греческихъ и латинскихъ.

І.

О вопросительныхъ придаточныхъ предложеніяхъ.

Между тѣмъ какъ въ греческомъ языкѣ наклоненія въ косвенныхъ вопросахъ остаются безъ всякаго измѣненія и только отчасти — послѣ историческихъ временъ — замѣняются желательнымъ, правило латинской грамматики гласитъ: въ косвенномъ вопросѣ требуется непременно сослагательное наклоненіе. Съ этимъ въ общемъ согласна фактическая сторона языка такъ-наз. классическихъ писателей, которою и ограничивается школьная грамматика. Однако съ точки зрѣнія научнаго синтаксиса, т.-е. съ той точки зрѣнія, на которой не ограничиваются одною только констатировкою фактовъ, но обращаютъ вниманіе также и на то, откуда эти факты произошли и въ какомъ отношеніи они находятся къ другимъ родственнымъ явленіямъ того же языка въ разные моменты его исторіи, равно какъ и къ явленіямъ другихъ родственныхъ языковъ, возникаетъ цѣлый рядъ вопросовъ при объясненіи фактической стороны упомянутыхъ предложеній какъ въ каждомъ изъ обоихъ древнихъ языковъ въ отдѣльности, такъ и въ сравненіи одного съ другимъ, равно какъ и съ прочими индо-европ. языками. Таковы прежде всего слѣдующіе вопросы: 1) какъ объяснить различіе правилъ для косвенно-вопросительныхъ предложеній въ обоихъ столь близко родственныхъ языкахъ? 2) какое основаніе имѣетъ въ этомъ случаѣ сослагательное въ латинскомъ языкѣ и желательное въ греческомъ? 3) по какой причинѣ желательное въ греческомъ языкѣ ограничивается только

сферою прошедшаго времени? 4) въ какомъ отношеніи находятся эти явленія обоихъ классическихъ языковъ къ остальнымъ индоевропейскимъ языкамъ, т.-е. составляютъ ли эти явленія древнее достояніе индоевропейской группы языковъ вообще или же это только нововведенія, возникшія уже на почвѣ отдѣльно развивающихся языковъ?

Независимо отъ этихъ вопросовъ, касающихся глагольной формы въ косвенно-вопросительныхъ предложеніяхъ, научный синтаксисъ имѣеть въ виду также и объясненіе происхожденія и значенія вопросительныхъ частицъ, равно какъ и различія, замѣчаемаго въ этомъ отношеніи между прямыми и косвенными вопросительными предложеніями, въ особенности въ греч. языкѣ.

Останавливаясь прежде всего на глагольной формѣ сказуемаго въ косвенно-вопросительныхъ предложеніяхъ, мы замѣчаемъ, что различіе между правилами латинской и греческой грамматикъ объ употребленіи наклоненій въ косвенныхъ вопросахъ значительно сокращается, если принимать во вниманіе не одинъ только классическій періодъ латинскаго языка, но также и архаическую латынь, т.-е. главнымъ образомъ языкъ Плавта и Теренція. Дѣло въ томъ, что въ древней латыни въ косвенныхъ вопросахъ нерѣдко ставится изъявительное, или, точнѣе, сохраняется та глагольная форма, которая должна бы быть, если бъ такой вопросъ сдѣлать независимымъ предложеніемъ. Впрочемъ изрѣдка встрѣчается такое изъявительное также и въ классической латыни, и притомъ, не только у поэтовъ, напр. Catull. 69, 10: *admirari desine, cur fugiunt*; Virg. *ecl.* 5, 7: *aspice, ut antrum silvestris raris sparsit labrusca racemis*; id. *A.* 2, 739: *erravitne via seu lassa resedit, incertum* (подр. est.): ib. 6, 614 и др., особенно часто у Проперція (ср. Schäfler, Die sog. syntactischen Gracismen стр. 92), но даже у самого Цицерона, напр. *Tusc.* 1, 5, 10: *dic, quaeso, num te illa terrent*; *am.* 25, 96: *meministis, quam popularis lex videbatur*; *Att.* 8, 13, 2: *et vide, quam conversa res est*; ib. 7, 12, 4: *quo aut qua aut quid nobis agendum est, nescio* и др.; ср. напр. Reisig's Vorlesungen III, стр. 493, прим. 504 (въ обработкѣ Schmalz-а и Landgraf-а). Правда, издатели сочиненій Цицерона всячески стараются освободить послѣдняго отъ подозрѣнія въ несоблюденіи правилъ о косвенномъ вопросѣ, разрѣшая свои недоумѣнія чаще всего тѣмъ, что при помощи знаковъ

препинанія превращаютъ такіе вопросы на видъ въ прямые. Такъ напр. вмѣсто: *dic, quaeso, num te illa terrent* печатается: *dic, quaeso: num te illa terrent?* и вмѣсто: *quid nobis agendum est, nescio* набирается: *quid nobis agendum est? nescio*. Однако, не говоря уже о томъ, что такая орфографическая хитростіека была, конечно, при тогдашнихъ знакахъ препинанія менѣе удобоисполнима, чѣмъ при современныхъ, уловки этого рода не вызываются крайнею необходимостью, такъ какъ употребленіе изъяснительнаго наклоненія въ косвенныхъ вопросахъ не составляетъ ошибки противъ латинскаго языка, а напротивъ, только выходящую въ то время изъ употребленія въ литературномъ языкѣ конструкцію, сохранявшуюся еще въ полной силѣ въ древней латыни, но (и это весьма существенное обстоятельство) только уже въ опредѣленныхъ условіяхъ, имѣющихъ мѣсто также и въ вышеприведенныхъ и имъ подобныхъ примѣрахъ изъ классическаго времени. Не разбирая этихъ условій, Kühner, въ своей *Ausf. Grammatik der lat. Sprache II*, стр. 990 сл., выставляетъ на основаніи сочиненія Беккера (*De syntaxi interrogationum obliquarum apud priscos scriptores latinos**) слѣдующіе случаи употребленія изъяснительнаго:

1) въ зависимости отъ выраженій, имѣющихъ такой смыслъ, какъ „скажи мнѣ“, „спрашиваю тебя“, «я хотѣлъ бы знать» и т. п., каковы напр. *dic, dic mihi, cedo mihi, loquere, responde mihi, responde, volo scire, rogo, quaero* и т. п. напр. *Pl. Amph. 377: loquere, quid venisti? Curc. 543: scire volo, quid reddidisti; сослагательное въ этомъ случаѣ въ древней латыни встрѣчается вообще рѣдко и можетъ быть обыкновенно объяснено какъ самостоятельное сослагательное, напр. *Vacch. 745: loquere, quid scribam (coni. deliberat.);**

2) послѣ повелительныхъ, обозначающихъ «посмотри» или «разсуди», а также послѣ обозначающихъ съ ними одно: *audin, viden, scin*, напр. *Curc. 311: vide, ut expalluit; Stich. 410: videte, quaeso quid potest pecunia; Men. 172: observa, quid dabo; Pers. 291: specta, quid dedero; Pers. 655: audin, quid ait? Asin. 636: videtin, viginti minae quid pollent?* Также и здѣсь сослагательное

*) Часть этого сочиненія вышла отдѣльно въ качествѣ диссертацин; обстоятельное извлеченіе изъ труда Беккера вошло въ *Historische Syntax der lat. Sprache* Дрегера, II, стр. 434—446.

въ древней латыни бываетъ не очень часто и можетъ быть объяснено, по крайней мѣрѣ отчасти, какъ самостоятельное сослагательное, напр. *Pers.* 154: *scin, quid facias* (conj. pot. = „что ты долженъ сдѣлать?“): однако не всегда, напр. *Merc.* 103: *vosmet videte, quam mihi valde placuerit*; объ этомъ примѣрѣ см. ниже;

3) кромѣ того вообще при всякомъ выраженіи въ главномъ предложени, если придаточное предложеніе начинается такою формою (мѣстоименіемъ или нарѣчіемъ), которая, смотря по обстоятельству, можетъ имѣть то относительное, то вопросительное значеніе, каковы: *qui, quae, quod, quo modo, quemadmodum, quomobrem, quam* и *ut*; такіа слова могутъ быть нерѣдко употребляемы произвольно то съ сослаг., то съ изъявительнымъ, и притомъ какъ въ древней, такъ и въ классической латыни, напр. *Pl. Men.* 685: *video, quam rem agis*; *Cic. R. A.* 30, 83: *quaeramus, ubi maleficium et est et inveniri potest*; для произвольности наклоненія ср. напр. *Cic. Tusc.* 1, 13, 29: *quaere, quorum demonstrantur sepulcra in Graecia*; *reminiscere, quae tradantur mysteriis*. Ясно, что въ такихъ случаяхъ въ классической латыни наклоненіемъ опредѣляется формальный, а иногда и вещественный смыслъ предложенія, такъ какъ напр. *quaeramus, ubi maleficium est* указываетъ, что мѣсто, гдѣ надо искать настоящаго преступника, извѣстно (= *quaeramus ibi, ubi — est*), между тѣмъ какъ при *quaere, ubi maleficium sit* получился бы другой смыслъ: самое мѣсто подлежитъ еще отысканію. Въ другихъ случаяхъ различіе смысла по существу весьма незначительно; но тѣмъ не менѣе для классической латыни не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что при употребленіи изъявительнаго наклоненія въ подобныхъ предложеніяхъ имѣемъ дѣло съ несомнѣнной относительной конструкціей. Напротивъ въ древней латыни имѣемъ и здѣсь несомнѣнное формальное безразличіе относительнаго и вопросительнаго сочетанія, такъ какъ изъявительное наклоненіе встрѣчается не только тамъ, гдѣ относительный характеръ предложенія болѣе или менѣе очевиденъ (напр. *Pl. Men.* 679: *uxor rescivit rem omnem, ut factum est, ordine = ita rescivit, ut factum est*), но и въ такихъ сочетаніяхъ, въ которыхъ относительный смыслъ не можетъ быть объясненъ удовлетворительно никакими натажками, напр. *Pl. Stich.* 363: *qua causa missus es ad portam, id*

expedi (при относительномъ смыслѣ было бы необходимо связать eam или eam causam вмѣсто id; для вопросительнаго смысла этого предложенія ср. также *Rud.* 1102: tu paucis expedi, *quid* postulas); *Most.* 459: non potest dici, *quam* indignum facinus fecisti et malum. Дрегеръ I. с. стр. 439 принимаетъ предложенія этого рода за относительныя, въ особенности въ такихъ случаяхъ, какъ: qua causa missus es, id expedi, такъ какъ, по его мнѣнiю „deutlicher tritt die Relativbedeutung des Nebensatzes hervor, wenn im Hauptsatze ein Demonstrativ steht“. Однако указательное id въ случаяхъ, подобныхъ *Stich.* 363, можетъ служить доказательствомъ относительнаго значенiя придаточнаго предложенiя столь же мало, какъ и передъ асс. с. inf. или при ut, ср. напр. *Cic. Cat.* IV § 4; *id* est initum consilium, *ut...* nemo... relinquatur; *Verr.* II § 33: *illud* negare non potes, te... iudicasse. Итакъ нѣтъ никакой необходимости вносить при помощи натажекъ относительный отгвѣнокъ туда, гдѣ его нѣтъ, когда даже несомнѣнно вопросительныя мѣстоименiя quis, quid безпрепятственно сочетаются съ изъявительнымъ. Не лишнее, однако, заметить, что при всѣхъ обоюдозначащихъ формахъ мѣстоименiй и нарѣчiй сослагательное наклоненiе составляетъ правило также и для архаическаго періода, если одна часть придаточнаго предложенiя (особенно подлежащее его) пролептически перенесена въ главное предложенiе, напр. *Pl. Pers.* 635: *patriam* te rogo, quae siet; *Trin.* 88: *istuc negoti* cupio scire, quid siet; *Ter. Eun.* 562: *parra istuc*, quae so, quid sit = *parra*, quid sit *istuc*; *ib.* 1035: *scin me*, in quibus sim gaudiis. Впрочемъ говорящему возможно даже и въ этомъ случаѣ принять винительный за самостоятельный объектъ главнаго глагола, рядомъ съ такимъ же самостоятельнымъ придаточнымъ предложенiемъ, и тогда можетъ быть и изъявительное, напр. *Pl. Rud.* 869: *viden me*, ut garriog = „посмотри жъ на меня, какъ я...“*).

Итакъ во всѣхъ трехъ вышензложенныхъ случаяхъ въ древней латыни употребленiе изъявительнаго наклоненiя въ косвенно-вопросительныхъ предложенiяхъ составляло весьма обыкновенное

* Наоборотъ, при перенесенiи части главнаго предложенiя въ придаточное винительное служатъ въ класс. латыни средствомъ для того, чтобы отмѣтить относительный характеръ предложенiя, напр. *Cic. ven.* § 12: nihil admirabilius, quam *quo modo* mortem filii tulit = quam modus, quo tulit.

явление. Остаткомъ этой древней конструкціи является въ классической латыни общеупотребительная конструкція съ изъявительнымъ выраженіемъ *nescio quis, nescio quid* и т. п., принимаемыхъ впрочемъ уже какъ бы за одно сложное выраженіе = *aliquis, aliquid*.

Такими же остатками древней конструкціи, продолжавшей свое существованіе до извѣстной степени въ разговорномъ языкѣ классическаго періода, оказываются также случаи вышеупомянутаго употребленія изъявительнаго наклоненія въ косвенныхъ вопросахъ у классическихъ поэтовъ и отчасти даже у самого Цицерона.

При этомъ однако конструкція косвенныхъ вопросовъ съ изъявительнымъ вообще, какъ въ классической, такъ еще въ архаической періодъ, находится въ зависимости отъ опредѣленныхъ условій формациі каждаго отдѣльнаго вопросительнаго предложенія.

Простѣйшая и повидимому древнѣйшая ступень подчиненія вопросительнаго предложенія другому, главному, состоитъ въ чисто механическомъ присоединеніи прямого вопроса безъ всякаго измѣненія его виѣшняго вида. На этой ступени развитія остановился ведическій языкъ, въ которомъ всякій вопросъ неизмѣнно сохраняетъ свой подлинный видъ, при чемъ грамматическая зависимость отмѣчается только виѣшнимъ образомъ при помощи частицы *iti* (= „моль“) *, прибавляемой обыкновенно въ концѣ вопросительнаго предложенія (рѣдко въ началѣ). Такъ напр. предложеніе: «онъ спрашивалъ, какъ *меня* зовутъ» въ ведическомъ языкѣ имѣетъ приблизительно слѣдующій видъ: „какъ *тебя* зовутъ? моль: спросилъ онъ“.

Вторая ступень въ развитіи подчиненія вопросительныхъ предложеній обнаруживаетъ приспособленіе личныхъ, временныхъ и мѣстныхъ отношеній подлиннаго прямого вопроса къ точкѣ зрѣнія говорящаго, передающаго этотъ вопросъ. Такъ напр. если мнѣ кто-нибудь вчера предложилъ слѣдующій вопросъ: „Придешь *ты завтра* ко мнѣ?“ а я сегодня объ этомъ говорю съ третьимъ лицомъ, то въ моей передачѣ вчерашній вопросъ подвергнется

*) Объ этой частицѣ ср. Delbrück, *Altindische Syntax* стр. 580 сл.; основное значеніе ея было, повидимому, = „такъ“ или „это“, при чемъ она сперва принадлежала къ составу главнаго предложенія (= „такъ спросилъ онъ“ или „это спросилъ онъ“).

такой передѣлкѣ личныхъ и временныхъ обстоятельствъ: „Вчера онъ меня спросилъ: *прийду ли я сегодня къ нему*“. Напротивъ вчерашній мой собесѣдникъ, говоря о томъ же предметѣ, скажетъ: „Вчера я его спрашивалъ: *придетъ ли онъ сегодня ко мнѣ*“. На этой степени развитія косвенной конструкціи вопросительныхъ предложений*), обусловленной соответствующимъ измѣненіемъ обстоятельствъ времени, мѣста и лицъ, остановились славянскіе языки и въ сущности также и греческій языкъ, такъ какъ греческое устройство косвенныхъ вопросовъ состоитъ главнымъ образомъ только въ соответствующемъ перемѣщеніи личныхъ, временныхъ и мѣстныхъ отношеній, не считая частичной и сравнительно позднѣйшей замѣны футурального сослагательнаго желательнымъ и не считая пока и выработки въ греческомъ языкѣ специальныхъ косвенно-вопросительныхъ частицъ.

Третья ступень развитія конструкціи косвенныхъ вопросовъ, находящаяся въ греческомъ языкѣ еще только въ моментѣ созиданія, состоитъ въ обозначеніи косвенности также и въ области наклоненія устраненіемъ изъявительнаго и замѣною его желательнымъ въ греческомъ и сослагательнымъ по-латыни, т.-е. такими наклоненіями, которыя въ этихъ языкахъ приобрѣли вообще функцію характеризовать всякую косвенную передачу чужихъ словъ. На этой-то степени развитія стоятъ латинскій языкъ съ древнейшихъ уже временъ, т.-е. является такимъ, по крайней мѣрѣ, уже при возникновеніи художественной литературы въ Римѣ, однако пока только въ одномъ случаѣ, а именно: если при такомъ подчиненіи вопросительнаго сочиненія дѣйствительно происходитъ какое-либо перемѣщеніе обстоятельствъ, личныхъ, временныхъ или мѣстныхъ, сравнительно съ формацией ихъ въ прямомъ вопросѣ. Въ этомъ случаѣ въ латинскомъ языкѣ издавна употребляется сослагательное наклоненіе, ср. напр. Pl. Men. 114: *rogitas, quo ego eam, quam rem agam* (прямой вопросъ имѣлъ бы такой видъ: *quo tu is? quam rem agis?*). Мало того: это же самое распространяется также и на такое измѣненіе формы зависящаго вопросительнаго предложенія, при которомъ часть его (именно его подлежащее) переносится пролептически въ главное, о чемъ была рѣчь уже выше.

*) Для косвенной рѣчи вообще ср. Schmitt, Ueber den Ursprung des Substantivsatzes mit Relativpartikeln im Griechischen стр. 63 сл.

Напротивъ изъявительное наклоненіе сохраняется, *если сохраняется подлинный видъ вопросительнаго предложенія также и во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ*, какъ въ формально-стилистическомъ устройствѣ сочетанія обонкъ предложеній, такъ и по отношенію къ лицамъ, времени и мѣсту. Къ этому разряду принадлежать всѣ вышеприведенные „случаи“ употребленія изъявительнаго наклоненія въ косвенныхъ вопросахъ. Вездѣ тутъ также и въ зависимости вопросъ удерживаетъ безъ измѣненія ту же форму, какую онъ имѣлъ бы, если бъ лицо, имѣющее надобность въ произнесеніи этого вопроса, поставило его прямо, безъ всякой грамматической зависимости. Особенно рельефно выступаетъ неизмѣнное тождество этихъ условій, если произносящій главное предложеніе и ставящій зависимый отъ него вопросъ — одно и то же лицо*). Такъ напр. тотъ же Ферапонтигонъ, говорящій у Pl. *Curc.* 543: *scire volo, quoi reddidisti*, устранивъ грамматическую зависимость косвеннаго вопроса, сказалъ бы Ликону безъ всякаго измѣненія: *Quoi reddidisti?* Подобнымъ образомъ у Цицерона или Катутла въ указанныхъ выше мѣстахъ также и безъ всякой зависимости было бы: *Num te illa terrent? Cur fugiunt?* Если же такой вопросъ въ самостоятельномъ видѣ невозможенъ, то употребляется союгательное даже и во второмъ изъ вышеуказанныхъ трехъ „случаевъ“. Такъ напр. въ разсказѣ Харина у Плавта (*Merc.* 103) самостоятельность зависящаго предложенія въ данномъ случаѣ не мыслима, такъ какъ *vosmet videte* здѣсь устранивъ нельзя (смыслъ этого стиха таковъ: „о томъ, какъ она мнѣ поправилась, вы можете убѣдиться изъ того, что я *postridie hospitem adeo, oro ut vendat mihi*“). Но еще со времени Теренція языкъ латинскій началъ распространять употребленіе союгательнаго вообще на всякіе косвенные вопросы (ср. напр. *Neaut.* 820: *sed scin, ubi sit nunc tibi tua Bacchis?*), пока, наконецъ, классическая проза Цицерона не возвела этого въ общее правило.

Такимъ образомъ завершеніе развитія этой конструкции въ лат. языкѣ происходитъ на глазахъ исторіи. Еще въ большихъ размѣрахъ касается это такъ наз. замѣнительнаго желательнаго въ греческомъ языкѣ. Такъ какъ въ индо-европейскихъ языкахъ гипотаксисъ вообще развился изъ паратаксиса, то и употребленіе

*) Этимъ объясняется, почему такъ мало примѣровъ съ союгательнымъ къ первому изъ 3-хъ вышеприведенныхъ „случаевъ“ (по Кибнер-у).

желательнаго и сослагательнаго наклоненій въ такъ наз. придаточныхъ предложеніяхъ должно было имѣть первоначально одно изъ тѣхъ значеній, въ которыхъ эти наклоненія употреблялись въ самостоятельныхъ или главныхъ предложеніяхъ. Поэтому и при объясненіи греческаго замѣнительнаго желательнаго восходятъ къ какому-либо случаю самостоятельнаго употребленія желательнаго наклоненія въ независимыхъ предложеніяхъ. Brugmann (Griech. Gram. 2-е изд. § 167), основываясь на сочиненіи Уртеля (Urtel, Ueber den homerischen Gebrauch des Optativs), производитъ его отъ обыкновеннаго потенциальнаго желательнаго (конечно безъ *ἄν*, которое первоначально вообще не составляло необходимой части этой конструкціи, ср. Brugmann l. c. стр. 194) и видитъ исходную точку развитія этой конструкціи въ такихъ предложеніяхъ, какъ напр. ι 89: *ἐτάρον; προέειπεν κεύθεσθαι ἰόντας, οἵτινες ἀνέρες εἴεν*. Здѣсь, по толкованію, принятому Бругманомъ, желательное само по себѣ было первоначально = optativus potentialis (со смысломъ: „какіе бы это могли быть люди“), и только благодаря общему смыслу всего предложенія оно приобрѣло значеніе субъективности. Но при этомъ самъ Бругманъ тутъ же прибавляетъ: „Какъ это, однако, случилось, что такой optativus obliquus (развившійся изъ opt. pot.) примѣнялся только послѣ прошедшихъ временъ, это не достаточно ясно“*). А между тѣмъ все дѣло именно въ этомъ обстоятельстве, которое и должно служить начальнымъ пунктомъ при объясненіи историческаго развитія конструкціи съ замѣнительнымъ желательнымъ. Кромѣ того, повидимому, поступаютъ неправильно, если, говоря о замѣнѣ желательнымъ другихъ наклоненій, подъ послѣдними подразумѣваютъ прежде всего и главнымъ образомъ изъявительное. Вѣдь какъ разъ при изъявительномъ замѣнѣ эта не обязательна, такъ какъ оно нерѣдко сохраняется безъ перемѣны. Напротивъ чередованіе желательнаго замѣнительнаго съ сослагательнымъ совершается, въ особенности въ нѣкоторыхъ случаяхъ, по строго установившейся нормѣ. По-

*) Вотъ подлинныя слова Бругмана (l. c. стр. 193): „Wie es kam, dass der Opt. or. obl. sich auf Verbindung mit einem regierenden Nebentempus einschränkte, scheint mir auch nach Behaghel's und Urtel's Erklärung nicht klar gestellt zu sein... Es fragt sich immer noch, welches Moment gerade diese Assoziation herbeiführte und warum nach der Haupttempora der Ausdruck der Subjektivität durch den Opt. verschmälert wurde“.

этому методичнѣе будетъ полагать въ основаніе именно это чередованіе желательнаго съ сослагательнымъ, оставивъ пока въ сторонѣ изъяснительное.

Какъ уже замѣчено, значеніе желательныхъ и сослагательныхъ, употребляемыхъ въ придаточныхъ предложеніяхъ, должно основываться на значеніяхъ, которыя эти наклоненія могли имѣть въ главныхъ предложеніяхъ. Такъ напр. вполне очевидно, что сослагательное, употребительное во 2-й формѣ условныхъ періодовъ (по терминологіи грамматики Нидерле) или въ предложеніяхъ цѣли, тождественно съ такъ наз. футуральнымъ сослагательнымъ, встрѣчающимся у Гомера очень часто и въ самостоятельныхъ (главныхъ) предложеніяхъ*), напр. *A 262: οὐ γὰρ πο τοίους ἴδον ἀνέρας οὐδέ ἴδωμαι*. Но въ подобномъ значеніи въ самостоятельныхъ же предложеніяхъ встрѣчается у Гомера**) также и желательное, напр. *T 321: οὐ μὲν γὰρ τι καχίτερον ἄλλο λάθοιμι*. Дельбрюкъ (Conj. u. Opt. стр. 28) называетъ также и это желательное футуральнымъ. Однако, какъ бы ни были близки по своему употребленію оба эти случая (т.-е. футуральное сослаг. и футуральное же желат.), они все же въ своемъ основаніи отличались другъ отъ друга навѣрно въ такой же степени, какъ отличается напр. желательное отъ повелительнаго, даже тогда, когда желательное употреблено при случаѣ взаимнѣ повелительнаго. Мы дошли такимъ образомъ до вопроса о томъ, какъ отличаются по значенію оба наклоненія, желательное и сослагательное, т.-е. каково основное значеніе каждаго изъ нихъ.

Формулировка основныхъ значеній отдѣльныхъ типовъ индо-европейской грамматики вообще, и въ частности наклоненій, не легка, какъ можно убѣдиться напр. изъ краткаго обзорннн исторіи и литературы этого вопроса въ новѣйшемъ изданіи Рейзиговыхъ *Vorlesungen III*, стр. 363, прим. 457. Въ свое время надѣмся представить болѣе обстоятельное изложеніе этого дѣла въ томъ видѣ, какъ это сдѣлано нами по отношенію къ категоріи надежей во вступительной части „Падежей“ (стр. 1—76) или по отношенію къ морфологическому объясненію латинской страдательной формы въ „Залогохъ“ (стр. 70—82), иди по отношенію къ разнымъ во-

*) Объ употребленіи сослаг. въ значеніи будущаго въ разныхъ языкахъ ср. указанія въ нашихъ „Аористахъ“ стр. 167 сл. и 189.

**) Равно какъ и въ савритскомъ языкѣ, см. Delbrück, Conj. u. Opt. стр. 200-

просамъ, касающимся морфологiи латинскаго перфекта, въ разныхъ мѣстахъ „Аристотель“. Здѣсь достаточно будетъ упомянуть, что противъ попытки объясненiя наклоненiй на основанiи трехъ Кантовыхъ категорiй: дѣйствительности, возможности и долженствованiя, можно возразить, что законы явленiй языка далеко не тождественны съ законами логики (примыкають они, напротивъ, къ законамъ психологiи), не говоря уже о томъ, что ради тройственности категорiй приходилось бы считать желательное наклоненiе только побочною формою сослагательнаго, какъ это дѣлаетъ напр. Kühner въ его Ausführliche Grammatik der griech. Sprache, II, стр. 166*) Прочiя же теорiи, признающiя безъ всякихъ оговорокъ фактъ существованiя желательнаго на ряду съ остальными наклоненiями, различаются, какiя бы ни были ихъ обобщенiя, въ сущности только во взглядѣ на основное значенiе желательнаго, при чемъ одни кладуть въ основанiе то значенiе, которое въ класс. языкѣ свойственно желательному съ *ἄν*, другiе же, напротивъ, значенiе желательнаго безъ *ἄν*. Самую удовлетворительную формулировку обобщенiй изъ числа тѣхъ, которые исходятъ изъ значенiя желательнаго безъ *ἄν*, представилъ Delbrück въ своемъ сочиненiи: Der Gebrauch des Conjunctivs und Optativs im Sanskrit und Griechischen стр. 11—15, далѣе въ Grundlagen der griech. Syntax стр. 115—117 (гдѣ, однако, онъ допускаетъ и другую возможность толкованiя) и, наконецъ, въ Altindische Syntax стр. 302—305 (здѣсь онъ снова возвращается къ основной своей мысли, хотя съ нѣкоторыми оговорками).

Принимая обобщенiя Дельбрюка, мы считаемъ возможнымъ признавать основнымъ значенiемъ сослагательнаго, желательнаго и повелительнаго выраженiе воли (хотѣнiя), желанiя и требованiя. Каждое изъ этихъ трехъ наклоненiй служитъ, согласно съ этимъ объясненiемъ, опредѣленному настроенiю самого говорящаго (*ψυχῆ διαθεσις*), такъ что изъяснительное, не выражающее такого настроенiя, а служащее только для указанiя на умственное созерцанiе факта, принадлежитъ къ наклоненiямъ лишь въ болѣе обширномъ смыслѣ этого слова. Изъяснительное наклоненiе можно было бы

*) Подобнымъ образомъ еще недавно G. H. Müller въ Philol. 1890, стр. 548 сл., принимающiй желательное наклоненiе за *modus secundarius praeteriti temporis*.

назвать наклоненіемъ объективнымъ, остальные же — наклоненіями субъективными*).

Различіе между волею (Wille) и желаніемъ (Wunsch) заключается, по опредѣленію Дельбрюка (Conj. und. Opt. стр. 16), въ томъ, что въ первомъ случаѣ подразумѣвается стремленіе къ осуществленію обозначенной сослагательнымъ мысли, во второмъ же заявляется, такъ сказать, только простая симпатія или антипатія по отношенію къ высказываемой мысли; другими словами, въ послѣднемъ случаѣ посредствомъ желательнаго отиѣчается только желательность или нежелательность даннаго дѣйствія съ субъективной точки зрѣнія самого говорящаго, безъ всякаго намека на какое-либо стремленіе съ его же стороны къ осуществленію того, что онъ признаетъ желательнымъ, или къ отвращенію нежелательнаго. Мало того: заявленіе о желательности или нежелательности какого-либо дѣйствія само по себѣ даже не включаетъ въ себѣ непременно указаніе на то, достижимо ли то, что признается желательнымъ или нѣтъ (потому потенциальная форма условныхъ періодовъ можетъ быть употреблена также объ ирреальныхъ дѣйствіяхъ).

При этомъ, конечно, какъ стремленіе, такъ и желаніе должны быть понимаемы прежде всего какъ внутреннія аффекціи говорящаго, которыя объективно могутъ проявиться съ большею или меньшею силою. На различіи этой эергіи и основывается, повидному, двойственность значеній, присущая какъ сослагательному, такъ и желательному наклоненію (и существовавшая несомнѣнно уже въ праязыкѣ). Если стремленіе къ осуществленію дѣйствія имѣетъ такъ сказать болѣе реальную окраску, т.-е. если подразумѣвается внѣшнее (объективное) содѣйствіе самого говорящаго осуществленію того, къ чему онъ стремится, то получаемъ тотъ отиѣнокъ сослагательнаго, на которомъ основывается *conj. adhortativus* и *conj. prohibitivus*. Но стремленіе это можетъ имѣть и чисто субъективную подкладку, исчерпывавъ всецѣло внутренней

*) Соответственно этому также и условные періоды могутъ быть раздѣлены на двѣ группы, изъ которыхъ случаи съ изъявительнымъ безъ *äy* (индикативная форма) могутъ быть названы объективной формой условныхъ періодовъ, всѣ же остальные — субъективными; первая приводитъ условное сочетаніе само по себѣ, вторая же, сверхъ этого, выражаетъ еще субъективное отношеніе къ данной мысли со стороны самого говорящаго, т.-е. сужденіе послѣдняго о томъ, считаетъ ли онъ условіе возможнымъ или ожидаемымъ или несуществующимъ.

аффекціей или тою энергіей мысли, благодаря которой говорящій рѣшительно (убѣжденно) ожидаетъ осуществленія даннаго дѣйствія и такимъ образомъ какъ бы настаиваетъ на его осуществленіи; на этомъ основывается такъ наз. футуральное сослагательное, равно какъ и *conj. deliberativus*. Оба эти случая отличаются другъ отъ друга примѣрно такъ же точно, какъ отличается конструкція съ союзомъ *ut* отъ конструкціи съ *acc. c. inf.* при такихъ глаголахъ, какъ напр. *monere, persuadere* и т. д. Въ первомъ случаѣ стремленіе или настаиваніе направлено къ тому, *чтобы* что-нибудь было, во второмъ же — къ тому, *что* что-нибудь будетъ. Совершенно аналогично также и различіе между оптативною и потенциальною частью желательнаго наклоненія. Въ первомъ случаѣ говорящій желалъ бы требовать осуществленія дѣйствія, во второмъ онъ желалъ бы лишь утверждать это осуществленіе. Такимъ образомъ различіе напр. между *καὶ ποτέ τις εἴηαι* (съ *καί* или безъ него) и *εἴλοι τις ἄν* будетъ заключаться въ слѣдующемъ: между тѣмъ какъ первое (*εἴηαι*) выражаетъ убѣжденіе со стороны говорящаго въ томъ, что такой случай навѣрно будетъ*), второе (*εἴλοι*), напротивъ, указываетъ, что это дѣйствіе кажется ему соответствующимъ даннымъ обстоятельствамъ и поэтому онъ высказывается въ его пользу (= симпатія), не предрѣшая, однако, своего мнѣнія о фактическомъ осуществленіи этого дѣйствія.

Согласно съ вышензложенномъ желательное наклоненіе могло быть безъ затрудненія употребляемо во всѣхъ трехъ временахъ (наст., прош., буд.), между тѣмъ какъ сослагательное по отношенію къ настоящему и прошедшему вообще оказывалось менѣе удобнымъ на томъ основаніи, что фактическое положеніе дѣйствія, относящагося къ настоящему или прошедшему, могло считаться уже извѣстнымъ (въ утвердительномъ или отрицательномъ смыслѣ),

*) Этимъ выясняется дагѣ также и различіе между футуральнымъ сослагательнымъ и собственнымъ будущимъ напр. въ условныхъ періодахъ при *εάν* съ *с* сослаг. и *εἰ* съ изъясн. будущаго. Последнее, представляя собою объективное наклоненіе въ ипсензложенномъ смыслѣ, указываетъ на будущее дѣйствіе чисто объективно, т. е. безъ всякаго со стороны говорящаго лица сужденія о фактическомъ осуществленіи дѣйствія, между тѣмъ какъ сослагательное наклоненіе, придавая мысли субъективный отгѣнокъ, указывая на убѣжденіе (ожиданіе) самого говорящаго, что дѣйствіе осуществится (поэтому по-русски употребляется въ этомъ случаѣ „когда“ вм. „если“). Впрочемъ въ главныхъ предложеніяхъ будущее вытѣснило собою мало-малу футуральное сослагательное, занявъ его мѣсто не только формально, но и по значенію.

а именно при предположительности, и тогда въ распоряженіи говорящаго была форма потенциальная, или же рѣшительно, и въ такомъ случаѣ убѣжденіе въ осуществленіи дѣйствія могло быть выражено объективнымъ образомъ посредствомъ изъявительнаго. Благодаря этому, сослагательное наклоненіе, заключаая въ себѣ указаніе на субъективное убѣжденіе говорящаго насчетъ осуществленія дѣйствія, само собою должно было ограничиться преимущественно сферою будущихъ дѣйствій. Этому же должно было содѣйствовать далѣе и то обстоятельство, что индо-европейская группа языковъ, не имѣвшая сперва самостоятельнаго (въ морфологическомъ отношеніи) будущаго времени, должна была прибѣгать въ этомъ случаѣ главнымъ образомъ къ формамъ сослагательнаго наклоненія, къ которому дѣйствительно восходитъ большинство формъ будущаго времени въ отдѣльныхъ индоевропейскихъ языкахъ. Выраженіе будущихъ дѣйствій посредствомъ формъ сослагательнаго наклоненія было тѣмъ болѣе умѣстнымъ, что объективное утвержденіе объ осуществленіи будущихъ дѣйствій, строго говоря, даже невозможно, такъ какъ всякое будущее дѣйствіе до тѣхъ поръ, пока не совершится фактически, существуетъ только въ воображеніи говорящаго или мыслящаго человѣка, и поэтому утвержденіе можетъ быть въ сущности только субъективное, т.-е. говорящій можетъ заявлять только о своемъ убѣжденіи, что такое дѣйствіе совершится. А эта-то *ψυχική διάθεσις* и выражалась посредствомъ сослагательнаго наклоненія. А разъ сослагательное наклоненіе обозначало субъективное ожиданіе со стороны говорящаго, что данное наклоненіе осуществится, то отсюда ясно, почему чужое ожиданіе, передаваемое другимъ лицомъ не въ прямомъ или подлинномъ видѣ, а въ косвенномъ, приспособленномъ къ точкѣ зрѣнія рассказчика, не передается сослагательнымъ, а желательнымъ, которое, какъ выше было замѣчено, можетъ употребляться также по отношенію къ будущимъ дѣйствіямъ (футуральное желательное), при чемъ оно выражаетъ то же самое, что и сослагательное, но безъ указанія на субъективное ожиданіе предстоящаго дѣйствія со стороны самого говорящаго (т.-е., въ данномъ случаѣ, рассказчика). Ср. напр. § 112:

*ἐνθ' αὐτ' ἀλλ' ἐνόησε θεὰ γλαυκῶπις Ἀθήνη,
ὡς Ὀδυσσεὺς ἔγροιοτο ἶσαι τ' εὐώπιδα κόρην,
ἦ οἱ Φαιήκων ἀνδρῶν πόλιν ἠγήσαιο.*

Для *Аонины* это были, конечно, дѣйствія будущія, въ осуществленію которыхъ она стремилась и относительно которыхъ она была убѣждена, что они осуществляются. Но здѣсь говорящимъ является не Аонна, а поэтъ, рассказывающій о томъ, что тогда дѣлала и чего ожидала Аонна. Для поэта это уже нѣчто фактически совершившееся и поэтому онъ не употребляетъ формъ сослагательнаго наклоненія, такъ какъ послѣднія могли бы обозначать, что онъ, *поэтъ*, еще только ожидаетъ осуществленія того, о чемъ онъ рассказываетъ. Что это дѣйствительно такъ, видно изъ того, что если ожиданіе осуществленія дѣйствія можетъ имѣть мѣсто также и еще въ то время, когда говорящій о немъ упоминаетъ, то можетъ быть употреблено сослагательное, хотя бы предложеніе находилось въ зависимости отъ формы прошедшаго времени (ср. Weber, *Entwicklungsgeschichte der Absichtssätze I*, 41 сл., II, 103), напр. *E* 128:

*ἀχλὺν δ' αὖ τοι ἀπ' ὀφθαλμῶν ἔλον, ἢ πρὶν ἐπῆεν,
ὄφρ' εὖ γιγνώσκῃς ἡμὲν θεὸν ἠδὲ καὶ ἄνδρα.*

И наоборотъ, если говорящій не желаетъ отмѣтить свое ожиданіе, то употребляется желательное наклоненіе: даже и послѣ главныхъ временъ (ср. Weber I, 42 сл.; II, 101; Urtel, стр. 12), напр. *H* 339: *πύλας ποιήσομεν, ὄφρα δι' αὐτῶν ἰππλησίσθι ὁδὸς εἴη.*

Отступленія у Гомера отъ только что изложеннаго употребленія сослагательнаго немногочисленны и сводятся, по крайней мѣрѣ отчасти, къ тому, что говорящій, упоминая о *своемъ собственномъ* (хотя и прошломъ) *ожиданіи* осуществленія дѣйствія, *сохраняетъ* ту форму глагола, которая вообще служитъ для выраженія субъективнаго ожиданія со стороны *самого говорящаго*; таковы напр. *O* 22 (*ῥίπτασθον* —, *ὄφρ' ἂν ἔχηται*), *π* 368 сл. (*ἐμίμνομεν* —, *ἴνα φθίσωμεν*) и др.*).

Такимъ образомъ желательное, замѣнявшее собою всякое сослагательное, которое, какъ выраженіе ожиданія, имѣло бы мѣсто лишь по отношенію къ тому лицу, или прошлому событію, о ко-

*) Эту вольность можно толковать двояко, а именно: какъ остатокъ прежняго болѣе обширнаго употребленія сослагательнаго, или, наоборотъ, какъ попытку расширенія этого употребленія; въ пользу послѣдняго толкованія можно было бы указать на то, что большинство примѣровъ этого рода принадлежатъ Одиссеѣ. Толкованіе, предложенное Веберомъ I, 55, слишкомъ механическое.

торомъ авторъ (разказчикъ) говорить, но не имѣть болѣе уже мѣста по отношенію къ самому говорящему или ко времени его рѣчи, приобрѣло съ теченіемъ времени значеніе характеристическаго признака передачи *чужою* ожиданія. Посредствомъ распространения этой функціи на всякую чужую мысль вообще желательное стало употребляться мало-по-малу также и вмѣстѣ изъявительнаго наклоненія, приобретаая такимъ образомъ характеръ общаго косвеннаго наклоненія (*optativus obliquus*). Однако у Гомера изъявительное еще только рѣдко замѣняется желательнымъ; такъ напр. ни разу не встрѣчается такое желательное вмѣстѣ изъявительнаго въ предложеніяхъ съ $\omega\varsigma$ или $\delta\tau\iota$, зависящихъ отъ *verba sentiendi* или *declaгandi*. Отсутствие косвеннаго желательнаго послѣ $\delta\tau\iota$ замѣчается даже еще у Эсхила, хотя у него уже имѣются примѣры этого рода при $\omega\varsigma = \delta\tau\iota$. Желательное же наклоненіе будущаго времени составляетъ вообще позднѣйшее нововведеніе, не встрѣчающееся еще у Гомера и со времени возникновенія служившее исключительно только въ значеніи *opt. obliquus* вмѣстѣ изъявительнаго (см. Delbrück, *Opt. u. Conj.* стр. 255), т.-е. возникшее только ради этой именно функціи косвенности и, слѣдовательно, уже только послѣ распространенія замѣнительной конструкціи также и на изъявительное.

Труднѣе объяснить возникновеніе и развитіе *латинскаю* *conj. obliquus*. Затрудненіе основывается тутъ 1) на томъ, что лат. сослагательное несомнѣнно сложилось изъ двухъ первоначально разнородныхъ слоевъ: собственнаго сослагательнаго и желательнаго, сліяніе которыхъ въ одну категорію обнаруживается съ достаточною ясностью какъ на почвѣ морфологической*), такъ и въ об-

*) *Сослагательное* наклоненіе основъ настоящаго времени характеризовалось а) въ „безпримѣтномъ“ спряженіи смѣнногласнымъ сурфиксомъ ° , т.-е. образовалось и спрягалось совершенно такъ, какъ изъявительное наклоненіе въ „тематическомъ“ спряженіи (ср. гом. $\dot{\iota}\text{-}\sigma\text{-}\mu\epsilon\nu$ при $\dot{\iota}\text{-}\mu\epsilon\nu$); остатокъ этого рода сослагательнаго сохранился въ формѣ будущаго *eg-o*, *eg-ŷs*, *eg-ŷt* и пр. изъ *es-o, *es-ŷs и пр. и, повидному, также и въ сурфиксѣ *-bo*, *-bis*, *-bit* и пр. изъ *fu-o (= *сослаг. къ ē-φv-ν*).

б) Въ „тематическомъ“ спряженіи сослагательное характеризовалось долгимъ $\bar{a}$, замѣнявшимъ собою смѣнногласное ° изъявительнаго наклоненія; звакъ $\bar{a}$ сохранился въ лат. языкѣ безъ переимѣн (въ греч. же языкѣ долгій гласный приспособился къ смѣнногласному суффиксу изъяв. наклоненія), напр. *leg-ā-m*, *leg-ā-s*, *leg-ā-t* (класс. *leg-ā-t*) и пр.

ласти синтаксиса*); 2) соединенное лат. сослагательное служить въ значеніи conj. obliquus не просто для обозначенія косвенной мысли (подобно греческому opt. obliquus), но вмѣстѣ съ тѣмъ выражаетъ и тѣсную логическую связь между придаточнымъ и главнымъ предложениями, т.-е. имѣетъ уже отчасти только формальное значеніе, могшее, въ качествѣ шаблона, уклониться далеко отъ первоначальной исходной точки развитія этой конструкціи; и 3) конструкція эта въ извѣстныхъ случаяхъ является сейчасъ при появленіи въ Римѣ художественной литературы вполне уже готовымъ фактомъ, развитіе котораго ускользаетъ такимъ образомъ отъ непосредственнаго изслѣдованія со стороны исторической грамматики.

Изъ придаточныхъ предложений, въ которыхъ по-латыни употребляется сослагательное, послѣднее прочтѣе всего установлено съ древнѣйшихъ поръ римской письменности въ предложенияхъ дѣли и слѣдствія, между тѣмъ какъ въ предложенияхъ времени и причины конструкція съ сослагательнымъ развивается на глазахъ исторіи; косвенно-вопросительныя предложения стоятъ по срединѣ между обонми этими случаями, такъ какъ одна часть ихъ имѣетъ прочно установившееся сослагательное еще съ доисторическаго времени, въ то время какъ другая часть пріобрѣтаетъ это наклоненіе только уже въ теченіе литературнаго періода. И вотъ какъ разъ въ предложенияхъ дѣли употребленіе сослагательнаго наклоненія, какъ видно изъ греческаго и санскритскаго языковъ (см. Delbrück, Conj. u. Opt. стр. 59), составляетъ безъ сомнѣнія еще

2. Желательное наклоненіе въ основѣ настоящаго времени характеризовалось

а) въ „безпримѣтномъ“ спряженіи смѣнногласнымъ -ie- (ед. ч.) и -i- (мн. ч.), напр. v-ie-m (класс. v-i-m), но v-i-mus.

б) Въ „тематическомъ“ спряженіи было вообще только -ie- или только -i-, вѣрѣе которымъ, однако, смѣнногласный суффиксъ тематическаго спряженія (°) сохранился, а именно въ греч. языкѣ въ видѣ о (φερ-ο-ι-ς), въ лат. же языкѣ въ видѣ e (fer-ē-с изъ *fer-e-ie-s); формы этого рода, слившіяся по-латыни въ одну группу съ собственнымъ сослагательнымъ, приняли значеніе то сослагательнаго, то будущаго; такъ напр. сослаг. 1-го спряженія amem, amem и пр. основывается на желат.

Въ основѣ перфекта формы собственного сослаг. получили значеніе fut. II, между тѣмъ какъ conj. perf. основывается на желат.

* На собственномъ сослаг. (= греч. сослаг.) основывается conj. adhortativus, conj. dubitativus и conj. prohibitivus; въ желательному же (= греч. желат.) восходятъ conj. optativus, conj. potentialis и отгѣнокъ послѣдняго, conj. concessivus, отчасти также conj. pro imperativo.

пряязычную конструкцію, перешедшую также и въ латинскій языкъ. Сослагательное же въ предложеніяхъ слѣдствія основывается, по-видимому, на потенциальномъ значеніи этого наклоненія, т.-е. на первоначальномъ оптативѣ; для воззрѣнія лежащаго въ основаніи этой конструкціи ср. напр. Хеп. *Мет.* 4, 8, 11: *Σωκράτης ἐδόκει τοιοῦτος εἶναι, ὅλος ἄν εἴη ἄριστός τε καὶ εὐδαιμονέστατος.* По образцу *ut consecutivum*, основывающемся на относительномъ значеніи слова *ut*, сослагательное перешло также и на *ut explicativum* (или *exhegeticum*); см. объ этомъ *ut* нашъ Синтаксисъ § 678. А такъ какъ послѣднее *ut* восходитъ къ косвенно-вопросительному значенію этой частицы (т.-е. тому, которое напр. еще ясно видно у Pl. *Most.* 237: *in te hercle certumst principe, ut sim ragsus, exregiri*), то эта же конструкція могла отсюда распространиться и на прочія косвенно-вопросительныя предложенія, находящіяся въ такой же тѣсной связи (сперва только логической, потомъ и формальной) съ главнымъ предложеніемъ, какая замѣчается при *ut explicativum*.

И. Нетушилъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

О раскопкахъ Шлимана въ Троѣ, Микенахъ и Тиринѣ.

Schliemann's Ausgrabungen in Troja, Tiryns, Mykenä, Orchomenos, Ithaka im Lichte der heutigen Wissenschaft. Dargestellt von Dr. Carl Schuchhardt, Direktor des Kestnermuseums zu Hannover. Leipzig 1890.

Excursions archéologiques en Grèce. Mycènes — Délos — Athènes — Olympie — Éleusis — Épidaure — Dodone — Tirynthe — Tanagra. Par Ch. Diehl. Paris 1890.

Bericht über die Ausgrabungen in Troja im Jahre 1890. Von Dr. Heinrich Schliemann. Mit einem Vorwort von Sophie Schliemann und Beiträgen von Dr. Wilhelm Dörpfeld. Leipzig 1891.

Въ XV и въ началѣ XVI стол. отважные мореплаватели, какъ Колумбъ, и смѣлые авантюристы — conquistador'ы, подобные Кортесу и Пизарро, открывали Новый Свѣтъ и новыя страны; въ наше же время дѣйствуютъ открыватели другого рода — такіе египтологи, какъ Шампольонъ, Лепсіусъ, Мариеттъ, Масперо, Эберсъ, Бругшъ, такіе археологи и ассириологи, какъ Гротефендъ, Ботта, Лэардъ, Оппертъ, Раулинсонъ, Смитъ и т. под. Они разбираютъ загадочные знаки — письма неизвѣстныхъ дотола намъ языковъ; изъ гдѣръ земли, изъ-подъ слоя многовѣкового мусора, они извлекаютъ развалины древнихъ городовъ, храмовъ и дворцовъ, гробницы и муміи знаменитыхъ царей, свитки папируса, надписи и цѣлыя бібліотеки, оружіе, утварь и прочіе остатки далекаго прошлаго, и такимъ образомъ предъ нами открывается, можно сказать, новый міръ, съ своими народами, языками, съ своеобразною культурой, о существованіи и развитіи которой раньше и не подозрѣвали или лишь смутно догадывались.

Скончавшійся въ концѣ прошлаго года (26 дек. по нов. ст.) Генрихъ Шлиманъ принадлежалъ къ числу такихъ великихъ открывателей нашего вѣка. Имя этого купца-археолога пользуется особенною извѣстностью и популярностью. И это вполне понятно.

Имя Шлимана связано съ священными именами Трои, Микенъ, Тиринеа, городовъ, окруженныхъ ореоломъ легендарной славы. Его открытія и находки пролили новый, неожиданный свѣтъ на Гомерическій вопросъ и Гомерическую эпоху, на древнѣйшій періодъ греческой исторіи, на давнія культурныя связи и взаимодѣйствія странъ восточнаго побережья Средиземнаго моря; онъ открылъ такъ называемую „*Микенскую культуру*“. Самая судьба Шлимана замѣчательная, почти сказочная, и его біографія полна глубокаго интереса: тутъ предъ нами новое доказательство того, что значитъ энтузіазмъ, вѣра въ свое дѣло, беззавѣтная преданность ему и энергія!

Біографія эта хорошо извѣстна, и мы не будемъ здѣсь останавливаться на ней, а представимъ болѣе или менѣе подробный обзоръ того, что сдѣлано Шлиманомъ, укажемъ, каковы результаты его открытій.

Для знакомства съ дѣятельностью Шлимана и для оцѣнки его открытій имѣется богатый матеріалъ. Самъ Шлиманъ познакомилъ насъ съ своею сказочною судьбою, давъ намъ свою автобіографію въ началѣ книги „*Ilios*“, и каждое свое открытіе онъ сопровождалъ изданіемъ подробнаго отчета, выходившаго обыкновенно въ видѣ объемистаго тома, со множествомъ рисунковъ, съ предисловіемъ извѣстныхъ ученыхъ, болшею частью одновременно на трехъ европейскихъ языкахъ — нѣмецкомъ, англійскомъ и французскомъ*).

*) Вотъ важнѣйшіе труды Шлимана: „*Ithaka, der Peloponnes und Troja. Archäologische Forschungen*“. Leipz. 1869; „*Trojanische Alterthümer. Bericht über die Ausgrabungen in Troja*“. Leipz. 1874; „*Atlas Trojanischer Alterthümer. 218 photographische Abbildungen zu dem Berichte über die Ausgrabungen in Troja, 1874*“; „*Mykenae*“, Bericht über meine Forschungen und Entdeckungen in Mykenae und Tiryns. Mit einer Vorrede von *W. E. Gladstone*. Leipz. 1878; „*Ilios, Stadt und Land der Trojaner. Forschungen und Entdeckungen in der Troas und besonders auf der Baustelle von Troja. Mit einer Selbstbiographie des Verfassers, einer Vorrede von R. Virchow und Beiträgen von P. Ascherson, H. Brugsch-Bey, E. Burnouf, Frank Calvert, A. I. Duffield, I. P. Mahaffy, Max Müller, A. Postolaccas, A. H. Sayce und R. Virchow*. Mit circa 1800 Abbildungen, Karten und Plänen... Leipz. 1881; „*Orchomenos*“. Bericht über meine Ausgrabungen im Böotischen Orchomenos. Leipz. 1881; „*Reise in der Troas im Mai 1881*“. Leipz. 1881; „*Troja. Ergebnisse meiner neuesten Ausgrabungen auf der Baustelle von Troja, in den Heldengräbern, Bunarbaschi und andern*

Но сочинениями Шлимана нужно пользоваться съ нѣкоторою осторожностью. Несмотря на свои великія открытія, Шлиманъ былъ все-таки дилеттантъ, безъ надлежащей серьезной научной подготовки, и при всемъ томъ еще — великій энтузіастъ, благоговѣвшій и преклонявшійся предъ Гомеромъ. Для него гомерическія поэмы — подлинный историческій источникъ, даже болѣе того — священная книга, свидѣтельство которой непреложно. Онъ слѣпо, можно сказать наивно, вѣритъ въ дѣйствительность всего того, что повѣствуетъ и описываетъ поэтъ. По Шлиману, все, до мельчайшихъ подробностей, должно было быть и въ дѣйствительности именно такъ, какъ говорится у Гомера. Говоря, напр., объ Итакѣ и открытыхъ имъ циклопическихъ стѣнахъ города, нѣкогда находившагося на вершинѣ горы Аэть, онъ замѣчаетъ: „Въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ столицы, подобной этому циклопическому городу... Каждый почитатель Гомера долженъ былъ бы посѣтить Итаку. Ибо нигдѣ въ греческомъ мірѣ воспоминаніе о героической эпохѣ не сохранилось такъ живо и чисто, какъ здѣсь. Тутъ каждый заливъ, каждый источникъ, каждая скала, каждый холмъ, каждая оливковая роща напоминаетъ о божественномъ поэтѣ и его бессмертной Одиссеѣ“. И Шлиманъ говоритъ о сталактитовомъ гротѣ у гавани Дексія, отождествляя его съ пещерою, въ которой Одиссей при содѣйствіи Аяины спряталъ свои сокровища; о слѣдахъ сельскихъ построекъ, принимая ихъ за жилище Эвмея, и т. д. Въ особенности же увлеченіемъ и слѣпою вѣрою въ дѣйствительность того, что описываетъ Гомеръ, проникнута первая книга Шлимана, посвященная троянскимъ древностямъ, „Trojanische Alterthümer“ (1874). Тутъ Шлиманъ не только не сомнѣвается, что имъ открыта именно Гомерическая Троя, но напр. и открытыя имъ ворота смѣло называетъ „Скейскими“, остатка большого зданія — дворцомъ Пріама, большой кладъ — сокровищами Пріама. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что впоследствии Шлиманъ сталъ

Orten der Troas im Jahre 1882. Mit Vorrede von Professor A. H. Sayce“. Leipz. 1884; „Ilios, ville et pays der Troyens“. Paris 1885; „Tiryns. Der prähistorische Palaast der Könige von Tiryns. Ergebnisse der neuesten Ausgrabungen. Mit Vorrede von Prof. F. Adler und Beiträgen von Dr. W. Dörpfeld“. Leipz. 1886. Недавно, уже послѣ смерти Шлимана, издавъ съ предисловіемъ *Софіи Шлиманъ* и съ прибавленіями *Дертфельда* „Bericht über die Ausgrabungen in Troja im Jahre 1890“. Leipz. 1891.

осторожнѣе въ своихъ толкованіяхъ и выводахъ, и послѣдніе его труды въ научномъ отношеніи стоятъ несравненно выше первыхъ, представляютъ значительный шагъ впередъ. Это слѣдуетъ сказать не только объ „Ilios“, гдѣ Шлиманъ ужъ не говоритъ о дворцѣ и кладѣ Приама, а выражается болѣе обще и неопредѣленно: „домъ владѣтеля города“, „большой кладъ“ и т. п.

Такимъ образомъ, читателю-неспециалисту трудно разобраться въ массѣ матеріала, сообщаемого Шлиманомъ; многое изъ того, что мы находимъ у послѣдняго, требуетъ провѣрки; на основаніи однихъ трудовъ Шлимана трудно составить себѣ ясное представление о дѣйствительномъ значеніи его открытій, тѣмъ болѣе, что открытія эти вызвали горячую полемику и обширную литературу. Является, слѣдовательно, настоятельная потребность въ такой книгѣ, которая, соединяя доступность изложенія съ научными достоинствами, представила бы обзоръ открытій Шлимана во всей ихъ совокупности и съ точки зрѣнія современной науки, книга, въ которой бы выводы Шлимана были провѣрены, дѣйствительно важное и цѣнное въ его открытіяхъ было бы выдѣлено и, такъ сказать, резюмировано. Потребность въ такой книгѣ ощущалась тѣмъ болѣе, что сочиненія самого Шлимана, болѣею частью объемистые томы, роскошно изданные и съ множествомъ рисунковъ, по цѣнѣ далеко не всѣмъ доступны.

И вотъ означенной потребности какъ нельзя лучше во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворяетъ изданная въ началѣ прошлаго года книга*) *Schuchhardt's*: „Ausgrabungen Schliemann's in Troja, Tiryns, Mykenä, Orchoomenos, Ithaca im Lichte der heutigen Wissenschaft“. Это—сравнительно небольшой томъ (XII+371 стр.), съ портретами Шлимана и его второй жены, съ 6 картами и планами и съ 290 рисунк.; состоитъ онъ изъ 6 главъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ еще свои болѣе мелкія подраздѣленія; первую главу составляетъ біографія Шлимана (стр. 1—23), главы вторая, третья и четвертая посвящены Троѣ (стр. 24—113), Тиринеу (114—161) и Микенамъ (стр. 162—328), пятая—болѣе мелкимъ открытіямъ въ Орхоменѣ и на Итакѣ (329—337), а въ заключительной, шестой главѣ, представленъ общій очеркъ героической эпохи (338—364). Другимъ прекраснымъ популярнымъ сочине-

*) Готовится новое ея изданіе.

иємъ является книга *Diehl'a*: „Excursions archéologiques en Grèce“ (1890), въ которой стр. 13—66 посвящены раскопкамъ Шлимана въ Микенахъ и Тиринѣхъ.

Такимъ образомъ эти книги, особенно же Шухгардта, могутъ служить прекраснымъ руководящимъ пособіемъ при обзорѣни и оцѣнкѣ открытій Шлимана*).

Прежде чѣмъ производить раскопки на мѣстѣ древней Трои, Шлиману еще нужно было предварительно рѣшить, гдѣ искать эту Трою.

Дѣло въ томъ, что вопросъ о мѣстонахожденіи Гомерической Трои былъ спорнымъ. Относительно этого существовало нѣсколько мнѣній. Въ древности господствовало убѣжденіе, что Гомерическая Троя находилась тамъ, гдѣ впоследствии былъ Новый Иліонъ. Такъ, напр., по свидѣтельству Геродота, Ксерксъ, во время своего похода на Грецію, посѣтилъ это мѣсто и принесъ 1000 быковъ въ жертву Аѣннѣ, а маги совершили возліаніе нѣкогда павшимъ здѣсь героямъ. Еще извѣстнѣе другой фактъ: Александръ Македонскій, предпринимая завоеваніе Персіи, посѣтилъ, подобно Ксерксу, Иліонъ и тоже совершилъ тутъ жертвоприношеніе. Болѣе всего способствовалъ процвѣтанію Новаго Иліона одинъ изъ діадоховъ — Лисимахъ; онъ переселилъ туда жителей изъ сосѣднихъ мѣстностей и обнесъ городъ стѣною. Римляне, особенно Юлій Цезарь и Августъ, также покровительствовали Новому Иліону, какъ родинѣ Энея, отъ котораго выводили они свой родъ. Но противъ мнѣнія, что Новый Иліонъ стоитъ на мѣстѣ древней Трои, во II стол. до Р. Хр. выступилъ Дмитрій изъ Скепсиса; онъ доказывалъ, что Гомерическая Троя находилась на мѣстѣ такъ называемой „Деревни Илійцевъ“, *Ἰλίων κόμη* (теперь — Ганал-Тепе,

*) Изъ полезныхъ популярнхъ пособій можно указать еще на *Baummeister*, „Denkmäler des classischen Altertums“. München und Leipz. 1885—8. 3 Bde., подъ словами: „Mykenä“, „Tiryns“, „Troja“. Чрезвычайно важны труды: *Milch-Loefer*, „Die Anfänge der Kunst in Griechenland“. Leipz. 1888, и *Helbig*, „Das Homerische Epos aus den Denkmälern erläutert“. Leipz. 1884 (въ 1887 г. 2-е изданіе). На русск. яз. см. статьи: *К. К. Герца*, „Генрихъ Шлиманъ, его жизнь, раскопки и литературные труды“ (Рус. Вѣстн., 1882, февр.); *Θ. Г. Мищенко*, „Послѣднія раскопки Шлимана на мѣстѣ Трои“ („Кіевск. Унив. Изв.“, 1888, № 1); *г. Теплова*, „Пѣздка въ Трою. — На раскопкахъ Шлимана“ („Вѣстн. Евр.“, 1889, кн. 8—9); *Θ. И. Булакова*, „Шлиманъ и его археологическая дѣятельность“ („Истор. Вѣстникъ“, 1891, № 2).

противъ Бунарбаши). Наконецъ въ исходѣ прошлаго столѣтія, въ 1790 г., французскій путешественникъ Лешевалье, въ своемъ сочиненіи: „Voyage de la Troade“, выступилъ съ новой гипотезой, а именно, что Гомерическую Трои слѣдуетъ искать въ южной части Троянской равнины, тамъ, гдѣ теперь деревня Бунарбаши, у возвышенности Бали-Дагъ. Мнѣніе Лешевалье было принято большинствомъ ученыхъ и было, можно сказать, господствующимъ, когда Шлиманъ приступилъ къ своимъ предварительнымъ розысканіямъ въ Троадѣ.

Шлиманъ вскорѣ убѣдился, что Бунарбаши не можетъ считаться мѣстонахожденіемъ Гомерической Трои, такъ какъ, во-первыхъ, самая мѣстность очень мало соотвѣтствуетъ описанію Гомера, во-вторыхъ, тутъ нѣтъ сколько-нибудь значительнаго слоя мусора, такъ что Шлиманъ почти тотчасъ же дошелъ до материка, и въ-третьихъ, остатки существовавшего здѣсь укрѣпленія никакимъ образомъ не принадлежатъ глубокой древности и не могутъ считаться „циклопическими“. Шлиманъ пришелъ къ непоколебимому убѣжденію, что Гомерическую Трои слѣдуетъ искать на мѣстѣ Новаго Иліона, на холмѣ, называемомъ нынѣ Гиссарликъ, и онъ рѣшилъ именно тутъ предпринять свои грандіозныя раскопки.

Онъ началъ ихъ съ осени 1871 г. и съ нѣкоторыми перерывами велъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, можно сказать до конца жизни. Результатомъ этихъ многолѣтнихъ розысканій было открытіе на Гиссарликѣ семи городовъ, послѣдовательно возникавшихъ одинъ за другимъ; изъ этихъ городовъ — пять *доисторическихъ*, шестой, по предположенію Шлимана, — *лидійскій*, а седьмой — извѣстный греко-римскій *Новый Иліонъ*.

Мы не будемъ говорить ни о Новомъ Иліонѣ (въ которомъ Шлиманъ между прочимъ нашелъ прекрасную метопу, съ изображеніемъ Геліоса, управляющаго конями), ни о лидійскомъ городѣ, существованіе котораго, по мнѣнію многихъ, представляется сомнительнымъ, ни о трехъ незначительныхъ доисторическихъ поселеніяхъ; мы остановимся лишь на *первомъ* и *второмъ* городѣ (считая отъ материка), какъ наиболѣе замѣчательныхъ.

Отъ *перваго*, т.-е. древнѣйшаго города остался рядъ параллельныхъ стѣнъ. Внѣшнія стѣны толще (до 2½ метровъ), а внутреннія тоньше; разстояніе между первыми равняется 46 метрамъ. Въ срединѣ, между стѣнами, попадаются развалины домовъ. Парал-

ельныя стѣны, какъ это выяснилось при раскопкахъ 1890 г.*), связывались поперечною стѣною. Встрѣчающіяся въ этомъ городѣ орудія — топоры, ножи и проч. — преимущественно каменныя, изъ нефрита, діорита, а также изъ порфира. Металлическія вещи составляютъ здѣсь большую рѣдкость; о желѣзѣ нѣтъ и помину. Сосуды тутъ преимущественно черныя, изъ глины, сдѣланныя большею частью отъ руки; вмѣсто ручекъ у нихъ придѣланы съ боковъ вертикальныя отверстія, чрезъ которыя можно было бы продѣвать веревку или шнуръ. Украшенія на сосудахъ, если и встрѣчаются, то обыкновенно на внутреннемъ краѣ и чрезвычайно просты, примитивны; это — зигзагообразныя линіи и точки, надарапанныя на глинѣ и наполненныя бѣлымъ мѣломъ. Изрѣдка попадаются слабыя и неумѣлыя попытки изобразить человѣческое лицо.

Гораздо замѣчательнѣе во всѣхъ отношеніяхъ *второй городъ*, принимаемый Шлиманомъ именно за Гомеровскую Троя**). Вокругъ его акрополя шла крѣпкая стѣна, представлявшая многоугольникъ, съ башнями на извѣстномъ разстояніи и съ нѣсколькими воротами. Стѣна эта особенно хорошо сохранилась въ южной своей части. Состоитъ она, во-первыхъ, изъ каменнаго фундамента, внѣшняя сторона котораго сложена изъ большихъ камней и представляетъ наклонность въ 45°, а внутренняя, изъ болѣе мелкаго камня, поднимается совершенно отвѣсно; уровень этого фундамента вездѣ одинаковъ, а высота различна: она мѣняется сообразно поверхности, на которой возведенъ фундаментъ. Затѣмъ уже на такомъ фундаментѣ возвышается стѣна 3½—4 метра толщины. Глиняные кирпичи, изъ коихъ она сложена, высушены на солнцѣ и смѣшаны съ соломой, черепками, раковинами и т. д. Для скрѣпы въ стѣну вдѣланы были толстыя деревянныя балки. Стѣна эта носитъ на себѣ слѣды штукатурки. Изъ воротъ самыя большія среднія или южныя: они представляютъ выступающую впередъ колоссальную башню длиною въ 40 метровъ и шириною въ 18, съ проходомъ въ 3½ метра ширины. По предположенію Шухгардта, сверху воротъ, вѣроятно, находилась плоская крыша, и именно въ такомъ видѣ должно представлять себѣ Иліонскую башню, о которой

*) Schliemann, Bericht über die Ausgrabungen in Troja im Jahre 1890. Leipz. 1891, стр. 40.

***) Сначала Шлиманъ полагалъ, что Троя — третій городъ отъ материка.

упоминаетъ Гомеръ и которая, по мнѣнію того же Шухгардта, тождественна съ Скейскими воротами. Къ меньшимъ, юго-западнымъ воротамъ вела отлично вымощенная дорога. Позже устроены были еще ворота съ юго-восточной стороны, а главныя, южныя, загорожены стѣною. При раскопкахъ 1890 г. открыты еще ворота на западной сторонѣ.

Внутри стѣны, посреди акрополя, кромѣ остатковъ другихъ построекъ, находятся развалины зданія, открытаго въ 1882 г. и принятаго сначала за храмъ; но когда открытъ былъ дворецъ въ Тиринѣ, то убѣдился, что и это не храмъ, а подобный же дворецъ. Тутъ мы видимъ остатки воротъ, дворцовый дворъ и двѣ главныя половины зданія. Одна изъ нихъ, большая, состоитъ изъ портика и прилегающей къ нему залы, Гомерическаго мегарона, въ 20 метровъ длины. Посреди залы — остатки большого круглаго очага (въ 4 метра въ поперечникѣ), составлявшаго своего рода „святая святыхъ“, святиню, о которой такъ часто говоритъ и Гомеръ. Стѣны залы имѣютъ около 1½ метра въ толщину и кладка ихъ совершенно такая же, какъ и стѣны вокругъ акрополя, т.-е. на каменномъ фундаментѣ, въ 2½ метра вышины, возведена стѣна изъ глиняныхъ кирпичей. Для скрѣпы въ нее тоже вдѣланы деревянные балки. Крыша зданія, по всей вѣроятности, была плоская, горизонтальная. Рядомъ съ только что описанной находилась другая половина зданія, меньшей величины и съ болѣе тонкими стѣнами. Это, вѣроятно, гинекей, женская половина. Есть предположеніе, что у подножія холма, съ южной, западной и восточной стороны, простирался нижній городъ, окруженный въ свою очередь стѣною.

Изъ находокъ, сдѣланныхъ Шлиманомъ, во второмъ городѣ, больше всего обращаетъ на себя вниманіе такъ называемый „большой кладъ“. Тутъ было 6 серебряныхъ слитковъ приблизительно равнаго вѣса (отъ 171 до 174 граммовъ), такъ какъ тѣ изъ нихъ, которые были длиннѣе, были тоньше, и наоборотъ, изъ чего Шлиманъ заключилъ, что это были, вѣроятно, своего рода „таланты“; мѣдные, серебряные и золотые сосуды разнообразной формы и величины, при чемъ въ самой большой серебряной вазѣ оказались спрятанными 2 великолѣпныхъ діадемы, золотая головная повязка, до 60 золотыхъ серегъ и 8700 разныхъ мелкихъ золотыхъ вещей, какъ-то: колець, пуговиць, продыравленныхъ призмъ и т. п.,

6 золотыхъ браслетовъ и 2 кубка, одинъ изъ нихъ — золотой, другой — изъ электрона (т.-е. изъ смѣси золота и серебра). Кромѣ того, въ составъ клада входили винжалы, наконечники копій и сѣкеры, все бронзовые или, лучше сказать, почти изъ чистой мѣди. Замѣчательно, что ни здѣсь, ни въ другихъ доисторическихъ поселеніяхъ на Гиссарликѣ мечей не оказалось. Весь упомянутый кладъ представлялъ изъ себя четырехугольную кучу, и Шлиманъ, убѣжденный, что второй городъ есть Гомерическая Троя, взятая неприятелемъ и погибшая въ пламени, сначала объяснялъ это тѣмъ, что въ моментъ приступа драгоценности были брошены въ деревянный ящикъ, который пытались вытащить и спасти, но лица, его несшія, у городской стѣны погибли отъ руки врага или отъ огня; а потомъ Шлиманъ высказалъ предположеніе, что при пожарѣ кладъ могъ упасть изъ верхнихъ этажей дома. Дерпфельдъ полагаетъ, что и въ Троѣ, подобно тому, какъ въ Тиринѣ, въ стѣнахъ могли быть цѣлыя галлерей или казематы, своего рода кладовыя, служившія для храненія драгоценныхъ предметовъ; въ такомъ случаѣ „большой кладъ“ могъ храниться именно въ подобномъ помѣщеніи. Кромѣ этого клада, Шлиманомъ потомъ найдено было еще нѣсколько меньшихъ. Во время раскопокъ прошлаго года найдено 2 куса желѣза, слѣдовъ котораго въ доисторическихъ поселеніяхъ Гиссарлика до тѣхъ поръ совсѣмъ не находилось: очевидно оно было тогда большою рѣдкостью и цѣнилось дороже золота*).

Важны найденныя въ этомъ городѣ и *глиняные сосуды*. Шлиманъ особенное вниманіе обратилъ на тѣ изъ нихъ, которые представляютъ изображеніе головы. Въ связь съ этимъ онъ приводитъ извѣстный эпитетъ богини Аѳины у Гомера — *γλαυκῶπις*, затѣмъ культъ ея въ Троѣ, хранимый тамъ палладіумъ и проч. Но гораздо проще и правдоподобнѣе объясненіе Вирхова, полагающаго, что это — не что иное, какъ не совсѣмъ удачное, еще неумѣлое и примитивное изображеніе человѣческаго лица; по крайней мѣрѣ, верхняя часть головы, уши, ротъ — чисто человѣческіе. Подобныя, но еще болѣе грубыя изображенія попадаются и изъ камня, при чемъ на лбу изображены даже волосы, правда, крайне не искусно. Имѣются затѣмъ глиняные сосуды, изображающіе разныхъ

*) Schliemann, Bericht über die Ausgrab. in Troja im Jahre 1890, стр. 20.

животныхъ — свинью, бегемота и т. д. Въ большемъ числѣ встрѣчаются кубки съ двумя ручками, соответствующіе, по мнѣнію Шлимана, *δέπας ἀμφικύπελλον* у Гомера: такіе кубки, наполненные виномъ, служили круговою чашею, переходившею изъ рукъ въ руки во время пира.

Не останавливаясь на разнаго рода оружіи — мѣдныхъ и даже серебряныхъ вѣнжалахъ, ножахъ, остріяхъ копій, на предметахъ изъ слоновой кости и изъ камня, отмѣтимъ еще экземпляръ небольшого идола (изъ свинца), представляющаго нагую женскую фигуру, съ локономъ волосъ въ видѣ рога около уха, съ скрещенными на груди руками и съ рѣзко обозначенными половыми органами, и золотые предметы — бляхи, браслеты, головные булавки — съ украшеніями въ видѣ спиралей или розетокъ, похожіе на тѣ, которые въ такомъ обиліи встрѣчаются въ Микенахъ. Остается еще упомянуть, что на предметахъ второго города нерѣдко встрѣчаются крестообразныя изображенія, такъ наз. „свастика“. Сѣйсъ принимаетъ эти изображенія за хеттпцскія письмена; другіе полагають, что это не что иное, какъ извѣстный орнаментъ.

Только-что описанный второй городъ Шлиманъ, какъ уже было упомянуто, отождествляетъ съ Гомерическою Троею. И дѣйствительно, есть основаніе думать, что это былъ могущественный городъ, съ крѣпкимъ акрополемъ на возвышенности и дворцомъ, похожимъ на дворцы Гомерическіе, съ нижнимъ городомъ у подножія холма; что онъ существовалъ долго и, въ его существованіи можно отмѣтить не два періода, какъ принимали до послѣдняго времени, а даже три, какъ это показали прошлогоднія раскопки*); наконецъ есть указанія и на то, что городъ этотъ погибъ среди пожара, вслѣдствіе какой-то катастрофы. Но культура *второго города или такъ называемая троянская, открытая Шлиманомъ, несравненно древнѣе культуры Гомерической*. Стоитъ указать хотя бы на примитивный орнаментъ сосудовъ, на обиліе каменныхъ орудій и въ особенности на то, что тутъ почти нѣтъ желѣза**), которое такъ часто упоминается у Гомера. Троянская культура оказывается *древнѣе даже Микенской*, а эту послѣднюю относятъ ко времени до дорянскаго вторженія въ Пелопоннесъ, обыкновенно къ XIII—

*) *Schliemann*, «Bericht...». стр. наур. 21 и друг.

**) Какъ упомянуто выше, въ первый разъ слѣды желѣза найдены только при раскопкахъ 1890 г.

XII в. до Р. Х. Можно лишь предположить, что въ Гомерическихъ поэмахъ сохранился какъ бы отзвукъ далекаго прошлаго, воспоминаніе о томъ, что происходило нѣкогда на Троянской равнинѣ, о томъ, какъ погибъ когда-то существовавшій здѣсь могущественный городъ. Именно къ этому городу могли быть приурочены позднѣйшія греческія сказанія. Но назывался ли онъ дѣйствительно Троей, это, конечно, иной вопросъ, на который нельзя дать отвѣта. Во всякомъ случаѣ географическое положеніе такъ называемой Трои, лежавшей у Геллеспонта, этого своего рода моста изъ Азіи въ Европу, было таково, что тутъ должны были происходить важныя событія, частая и упорная борьба, столкновенія различныхъ племенъ и т. д.

Что касается характера и типа троянской культуры и ея отношенія къ другимъ культурамъ древняго міра, то въ настоящее время насчетъ этого нельзя еще сказать ничего опредѣленнаго. На ряду съ чертами, чрезвычайно своеобразными, въ Троянской культурѣ можно отмѣтить и нѣкоторыя точки соприкосновенія съ другими культурами. Такъ, нѣкоторыя вазы, какъ напр. съ крышкой, очень похожи на египетскія канопы; другія формы сосудовъ встрѣчаются и на Кипрѣ; между копьями тоже есть сходныя съ тѣми, какія попадаются на Кипрѣ; женскій идолъ изъ свинца напоминаетъ глиняныя изображенія, находимыя въ могилахъ Месопотаміи и Кипра, и каменныя изображенія, встрѣчаемыя на Цикладахъ; нефритъ и слоновая кость указываютъ какъ бы на сношенія — хотя бы и не прямыя — съ внутренней Азіей; орнаментъ въ видѣ спиралей и розетокъ напоминаетъ наконецъ микенскую культуру, тоже открытую Шлиманомъ.

Въ легендарной исторіи Греціи Микены играютъ видную роль. Преданіе гласитъ, что ихъ воздвигъ Персей, при чемъ строителями ихъ были Циклопы; здѣсь царствовалъ его родъ; затѣмъ Пелопиды и Атриды; въ числѣ микенскихъ царей былъ Еврисеѣй, на службѣ которому Геракулесъ совершилъ свои знаменитыя 12 подвиговъ, и Агамемнонъ, вождь грековъ подъ Троей; Микены были театромъ трагическихъ сценъ и событій: гибели Агамемнона, по возвращеніи изъ Трои убитаго вмѣстѣ съ своими спутниками вѣроломною Клитемнестрою и ея возлюбленнымъ Эгистомъ, горя Электры и кроваваго мщенія Ореста за смерть отца. Вообще поэтическія сказанія грековъ говорятъ намъ о былой славѣ, богатствѣ

и могуществой Микенъ, и Гомеръ прямо называетъ ихъ „богатыми золотомъ“. Въ преданіи Микены являются центромъ сильнаго и богатаго царства, резиденціей могучихъ владыкъ.

И это блистательно подтвердили открытія Шлимана.

Микены находились вдали отъ морского берега, по пути изъ Аргоса въ Коринѣ, и расположены были между двумя высокими горами на плато, выходящемъ на 278 метровъ надъ уровнемъ моря. Ихъ акрополь имѣетъ форму треугольника и окруженъ стѣнами. Развалины этихъ стѣнъ, поражающихъ своею колоссальностью и извѣстныхъ подъ именемъ „циклопическихъ“, сохранились до нашихъ дней. Въ своей кладкѣ онѣ представляютъ тройную технику: въ одномъ мѣстѣ сложены онѣ изъ почти неотдѣланныхъ каменныхъ глыбъ, въ другомъ — изъ четырехугольныхъ глыбъ, положенныхъ правильными горизонтальными слоями, и наконецъ въ третьемъ мѣстѣ онѣ состоятъ изъ отесанныхъ и тщательно приложенныхъ одинъ къ другому многоугольниковъ. Толщина стѣнъ — отъ 3 до 7 метровъ, а мѣстами первоначально доходила, кажется, даже до 14 метровъ: здѣсь были, вѣроятно, галереи и магазины, подобные тѣмъ, какіе въ настоящее время открыты въ тиринскихъ стѣнахъ. Но особенною достопримѣчательностью Микенъ считались знаменитыя „Львиныя ворота“, изъ колоссальныхъ камней, съ изображеніемъ вверху двухъ львовъ, а за предѣлами акрополя — куполообразный памятникъ, могила, слѣвшая подъ именемъ „Сокровищницы царя Атрея“.

Эти развалины и памятники, остатки былого величія Микенъ, извѣстны были уже съ давнихъ поръ и до нашего времени. Ихъ описывалъ еще Павсаній. Что касается Шлимана, то онъ во время своего пребыванія въ Микенахъ подробнѣе изслѣдовалъ эти памятники; открыто было самое основаніе Львиныхъ воротъ, входъ очищенъ отъ мусора и камней; затѣмъ за предѣлами акрополя открыто было еще 5 куполообразныхъ могилъ, подобныхъ „Сокровищницѣ царя Атрея“; изъ нихъ одна открыта собственно госпожею Шлиманъ и названа по ея имени.

Но главное свое вниманіе Шлиманъ сосредоточилъ на акрополѣ. Какъ было упомянуто, еще въ концѣ 60-хъ годовъ онъ пришелъ къ убѣжденію, что упоминаемыя Павсаніемъ могилы Агамемнона и его спутниковъ должны находиться не внѣ, а внутри акрополя. И вотъ онъ задается мыслью отыскать эти могилы.

7-го августа 1876 г., внутри акрополя, недалеко отъ Львиныхъ воротъ, раздались первые удары заступа, а чрезъ нѣсколько уже недѣль предъ глазами Шлимана открылся мѣръ новой, дотолѣ неизвѣстной намъ культуры.

Прежде всего Шлиманомъ открытъ былъ кругъ, 26½ метровъ въ диаметръ, состоящій изъ двойного ряда или кольца каменныхъ плитъ, поставленныхъ въ землю вертикально и прикрытыхъ сверху горизонтально положенными плитами. Разстоянiе между этими рядами или кольцами равняется 1 метру, высота плитъ — отъ 1 до 1½ м. Со стороны Львиныхъ воротъ имѣется входъ въ кругъ. Шлиманъ полагалъ, что это огороженное мѣсто есть городская площадь, агора, а плиты — каменные скамьи, на которыхъ „въ священномъ кругу“ восѣдали старцы, призванные для совѣта и суда. Но дѣло въ томъ, что, какъ замѣчаетъ Шухгардтъ, ограда изъ плитъ слишкомъ высока для скамьи и притомъ Микенскiй акрополь заключалъ въ себѣ лишь царскiй дворецъ съ его необходимыми принадлежностями; агора же, по всей вѣроятности, находилась за его предѣлами, подобно тому, какъ у Гомера Алкиной, чтобы собрать свой народъ, спускается къ рынку феаковъ, который устроенъ былъ у самаго берега. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что отрытый Шлиманомъ каменный кругъ имѣетъ отношенiе къ культу умершихъ. Это доказываютъ дальнѣйшия находки Шлимана же. Такъ, нѣсколько ниже круга имъ найденъ овальный алтарь, цѣлостной постройки, изъ большихъ камней, съ круглымъ посрединѣ отверстiемъ въ видѣ колодца, и 9 могильныхъ стелъ изъ поздраватаго известняка, величиною въ 1—1½ метра. Изъ этихъ стелъ 4 украшены барельефами, представляющими очевидно сцены изъ военной и охотничьей жизни. Напр. изображена колесница; на ней — воинъ, управляющiй лошадей, съ боку у него — мечъ, а впереди лошади — человекъ съ поднятымъ мечомъ. На другой стелѣ, кромѣ колесницы, возницы и коня, изображено еще животное — собака или, по другому объясненiю, левъ. Кромѣ того, на стелахъ этихъ имѣется орнаментъ въ видѣ спиралей, характеризующiй вообще памятники микенской культуры.

Наконецъ еще ниже, въ нѣдрахъ земли, Шлиманъ открылъ 5 высѣченныхъ въ скалѣ могилъ, а немного позже, уже по его слѣдамъ, Стаматакисомъ, комиссаромъ греческаго правительства, открыта еще шестая подобная же могила недалеко отъ входа

въ каменный кругъ. Всѣ эти могилы четырехугольны; внутри стѣнки ихъ обложены камнями. Самая меньшая изъ могилъ имѣетъ около 3 метровъ въ длину и столько же въ ширину, самая большая — 5 и $6\frac{1}{4}$ метровъ. Въ могилахъ этихъ найдено 17 тѣлъ, въ томъ числѣ нѣсколько женскихъ и даже дѣтскихъ. Въ меньшей изъ могилъ — одинъ покойникъ, въ другихъ — по три, а въ самой большой — пять, изъ которыхъ двое лежатъ головою къ сѣверу; всѣ же остальные тѣла — какъ въ этой, такъ и въ другихъ могилахъ — обращены головой къ востоку. Покойники лежатъ на слоѣ голышей. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стѣнки могилъ закончены дымою, замѣтны и слѣды пепла. Отсюда Шлиманъ предполагаетъ, что тѣла покойниковъ подвергались хотя легкому дѣйствию огня. Но гораздо правдоподобнѣе предположеніе, высказанное Гельбигомъ, что это — слѣды жертвоприношеній и остатки сожженныхъ жертвенныхъ животныхъ. Тѣла покойниковъ сохранились очень хорошо: уцѣлѣли не только скелеты, но и зубы, а на лицѣ одного изъ покойниковъ имѣется даже засохшее мясо и кожа: очевидно, трупы подвергались своего рода бальзамированію.

Тѣла покойниковъ, можно сказать, завалены разнаго рода драгоценностями, оружіемъ, утварью. Обиліе, богатство и разнообразіе предметовъ, найденныхъ Шлиманомъ въ могилахъ, изумительны. Въ одной изъ могилъ однихъ бронзовыхъ мечей оказалось 80, въ другой — однихъ небольшихъ золотыхъ бляхъ, служившихъ украшеніемъ одежды, найдено болѣе 700 штукъ. На лицахъ нѣкоторыхъ покойниковъ были золотыя маски, воспроизводившія черты умершаго: найдено нѣсколько золотыхъ діадемъ, изъ которыхъ одна, напр., болѣе 2 футовъ длиною, перевязи, нагрудники, на рукахъ — браслеты, одежды унизаны были разнаго рода золотыми украшениями крестообразной формы, бляхами, листочками съ изображеніемъ спиралей, медузъ, полиповъ и т. п. Найдена масса золотыхъ серегъ, колець, перстней, на которыхъ имѣются прекрасныя, необыкновенно живыя, изображенія охоты и сраженія, множество золотыхъ пуговокъ, головныхъ булавокъ, шариковъ изъ янтаря, предметовъ изъ алебаstra, горнаго хрустала и т. д.; найдены даже маленькіе золотые вѣсы!

Изъ оружія особенно замѣчательны бронзовые мечи, обоюдоострые, довольно узкіе, но длинныя: ими можно было колоть, но не рубить. На ихъ клинкахъ имѣются накладныя изображенія. На

одномъ, напр., чрезвычайно живо представлена борьба со львами. Львы и обнаженные части тѣла людей — золотые, одежда (въ родѣ узкихъ и короткихъ штановъ) и щиты — серебряные, а мелкія украшенія на одеждѣ и щитахъ изъ какой-то черной массы; фонъ картины покрытъ темною эмалью. На другой сторонѣ этого меча имѣется изображеніе льва и пяти животныхъ, похожихъ на газель. Или, напр., на другомъ клинкѣ изображено три бѣгущихъ другъ за другомъ льва. На третьемъ мечѣ изображены: берегъ рѣки съ растеніями въ родѣ папируса и хищные звѣри, бросающіеся на птицъ (повидимому утокъ). Рукоятки мечей обтаныты большею частью тонкими золотыми пластинками, съ различными украшеніями. Ножны — деревянные, тоже украшенные золотомъ. Найдено множество бронзовыхъ наконечниковъ копій и наконечниковъ стрѣлъ изъ обсидіана; напр. въ одной изъ могилъ послѣднихъ оказалось 35 штукъ.

Сосуды въ микенскихъ могилахъ — глиняные, мѣдные, серебряные и золотые, разной формы: кувшины, вазы, котлы, чаны, кубки. Металлическіе сосуды нерѣдко чрезвычайно массивны, напр. одна изъ золотыхъ чашъ вѣситъ до 4 фунтовъ. Обращаетъ на себя вниманіе золотой кубокъ съ двумя ручками, сверху которыхъ изображено по голубю; Шлиманъ сравниваетъ его съ кубкомъ Нестора, описываемымъ у Гомера. Замѣчательны также: изящная алебастровая ваза съ тремя ручками, кусокъ вазы изъ египетскаго фарфора съ изображеніемъ человѣческой головы и т. д. Что касается сосудовъ изъ глины, то они сдѣланы большею частью при помощи гончарнаго колеса, отличаются замѣчательною легкостью, темно-желтаго цвѣта и могутъ быть подраздѣлены на два рода: одни — лакированные, съ изображеніемъ морскихъ растений и низшихъ морскихъ животныхъ; другіе — матовые, съ линейнымъ орнаментомъ, особенно со спиралями и т. под.

Въ одной могилѣ найдена прекрасно сдѣланная большая серебряная голова быка съ золотыми рогами и съ розеткой на лбу. Небольшихъ бычачьихъ головъ изъ золота съ двойной сѣнрой между рогами въ той же могилѣ оказалось болѣе 50. Вообще же въ большомъ числѣ встрѣчаются изображенія грифозъ, сфинксовъ, львовъ, орловъ, рыбъ, бабочекъ и т. д. Въ одной могилѣ найдено даже натуральное *страусовое яйцо*.

Изъ *идоловъ*, кромѣ грубыхъ глиняныхъ, обращаютъ на себя вниманіе женскія фигурки изъ золота съ изображеніемъ голубя, пред-

ставляющія, вѣроятно, Астарту. Маленькая, тоже золотая, фигурка, въ сидячемъ положеніи и со скрещенными на груди руками напоминаетъ изображеніе Кибелы или Рея. Найдено и небольшое изображение храма, сдѣланное изъ золота, съ двумя голубями на углахъ.

Кромѣ описанныхъ могилъ, Шлиманомъ открыта еще одна въ каменнаго круга, непосредственно къ югу отъ него. Изъ сдѣланныхъ тутъ находокъ отмѣтимъ большой золотой перстень съ изображеніемъ дерева, подъ которымъ сидитъ женская фигура; около нея еще 4 фигуры, тоже женскія, изъ которыхъ двѣ маленькія; одна изъ нихъ сзади рветъ плоды съ дерева, остальные изображены съ цвѣтами въ рукахъ. Между ними — двойная сѣкира, вверху — волнообразная линия, серповидный мѣсяцъ и солнце; кромѣ того съ боку изображена какая-то загадочная фигура съ мечомъ. По распространенному мнѣнію, предъ нами на этомъ перстнѣ изображеніе божества: это — „великая матеръ“ Рея или вавилонская Истаръ съ своими спутницами. Шухгардтъ же видитъ тутъ просто сцену изъ обыденной жизни, нѣсколько идиллическаго характера.

Таковы были открытія Шлимана въ Микенахъ. Успѣхъ былъ поразительный и превзошелъ самыя смѣлыя его ожиданія. То, что раньше признавалось лишь поэтическимъ вымысломъ, оказалось дѣйствительностью: сказанія о богатствѣ и могуществѣ Микенъ нашли себѣ полное подтвержденіе; Микены оказались на самомъ дѣлѣ „богатыми золотомъ“, какъ называлъ ихъ Гомеръ. Можно сказать, что въ данномъ случаѣ поэтическая фантазія во многихъ отношеніяхъ оказалась даже ниже дѣйствительности. Шлиманъ предпринялъ свои раскопки въ Микенахъ въ твердой надеждѣ найти упоминаемыя Павсаніемъ могилы Агамемнона и его спутниковъ, и дѣйствительно имъ были найдены могилы, принадлежавшія, несомнѣнно, царямъ. Поэтому намъ вполне понятенъ восторгъ Шлимана, его увлеченіе, его увѣренность, что имъ открыты могилы и тѣла не какихъ-либо другихъ царей, а именно Агамемнона, Кассандры, Эвримедонта и ихъ товарищей, во время пира убитыхъ Клитемнестрою и Эгистомъ, хотя мы можемъ и не раздѣлять этой увѣренности*).

*) Увѣренность Шлимана въ томъ, что имъ открыты могилы и даже тѣла именно Агамемнона и его спутниковъ, основывалась: 1) на словахъ Павсанія; 2) на изображеніи, что тѣла приспаны близъ землей, что, слѣдовательно, покойники, на-

О своемъ открытіи Шлиманъ успѣшилъ извѣстить короля Георга телеграммой и въ концѣ ея говорилъ между прочимъ, что открытыя имъ сокровища „сами по себѣ достаточны для того, чтобы наполнить собой большой музей, который будетъ самымъ чудеснымъ въ мірѣ и который въ теченіе слѣдующихъ столѣтій будетъ привлекать въ Грецію тысячи иностранцевъ со всѣхъ концовъ свѣта“. Дѣло въ томъ, что Шлиманъ, согласно существующему въ Греціи закону, по которому все, найденное въ предѣлахъ королевства, должно оставаться собственностью послѣдняго, свои драгоценныя находки предоставилъ Греціи, и такимъ образомъ микенскія древности хранятся теперь въ Афинахъ въ Политехніонѣ.

Очень важнымъ дополненіемъ къ микенскимъ находкамъ служатъ открытія Шлимана въ Тиринѣ, который является такимъ

пошедша въ одной и той же могилѣ, были похоронены одновременно и что всѣ могилы вообще относятся къ одному и тому же періоду, и наконецъ 3) наположеніи тѣл въ могилахъ, которое какъ-будто указывало на то, что погребеніе не было совершено съ подобающимъ уваженіемъ и благоговѣніемъ къ умершимъ: тѣла вложены не вдоль, а поперекъ могилъ, и такъ какъ вслѣдствіе этого помѣщеніе оказывалось короткимъ, то трупы находились какъ бы въ согнутомъ положеніи, а голова придавлена къ груди. — На эти доводы Шлимана возражаютъ, что прежде всего ссылка на Павсанія не убѣдительна: слова Павсанія въ данномъ случаѣ допускаютъ различное толкованіе; притомъ описаніе у него Микенъ производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто онъ лично посѣщалъ и осматривалъ Микены и видѣлъ самъ могилы Атрея, Агамемнона и т. д.; тѣхъ же могилъ, которыя открыты Шлиманомъ, Павсаній нискоимъ образомъ видѣть не могъ, такъ какъ въ то время онъ, да и самый каменный кругъ, находившійся надъ ними, покрыты были уже слоемъ земли, и, значить, говоря о царскихъ могилахъ, Павсаній разумѣлъ не ихъ (*Schuchhardt*). Что же касается положенія покойниковъ, то его можно объяснить двояко: или просто тѣмъ, что это было обычное, освященное традиціей положеніе, которое старались принавать покойникамъ (*Diehl*), или же тѣмъ, что гробницы были прикрыты сверху каменными плитами, лежавшими на деревянныхъ балкахъ, опорой для которыхъ, вѣроятно, служили каменные стѣнки, выведенныя внутри могилъ; съ теченіемъ времени балки подгнили, плиты свалились внизъ, земля тоже оснѣжалась, и тѣла покойниковъ были придавлены, стиснуты. Въ пользу такого предположенія говоритъ присутствіе въ могилахъ дерева въ значительномъ количествѣ и каменныхъ плитъ, изъ коихъ одна даже стоитъ на трупѣ (*Schuchhardt*). Замѣтимъ встать, что Адлеръ въ своемъ предисловіи къ книгѣ Шлимана: „*Tiryns*“, высказываетъ мнѣніе, что могилы Агамемнона и его спутниковъ, равно какъ и Атрея, — это тѣ куполообразныя памятники, которыя находятся внѣ акрополя. Во всякомъ случаѣ *культура, открытая Шлиманомъ въ Микенахъ, значительно древнѣе культуры Гомерической.*

образомъ третьимъ главнымъ поприщемъ для необыкновенно плодотворныхъ раскопокъ Шлимана.

Тиринѣъ лежалъ близъ моря, на скалистой возвышенности, подымавшейся до 26 метровъ изъ окружающей болотистой низменности. Развалины его представляютъ груды каменныхъ глыбъ, еще болѣе колоссальныхъ, нежели тѣ, какія находятся въ Микенахъ. Это — остатки древнихъ тиринескихъ стѣнъ, о которыхъ Павсаній говоритъ, что онѣ, наравнѣ съ такъ называемою „Сокровищницею царя Минія“ въ Орхоменѣ, заслуживаютъ не меньшаго удивленія, чѣмъ египетскія пирамиды. Подобно Микенамъ, и Тиринѣъ считался у грековъ сооруженіемъ Циклоповъ, выходцевъ изъ Ликіи. По преданію — онъ родина Геркулеса; онъ древнѣе Микенъ, которыя возвысившись затмили его славу и даже подчинили его себѣ.

Тиринескій акрополь вѣнчалъ собой возвышенность въ 300 метровъ длины и 100 ширины. Возвышенность эта по направленію въ сѣверу нѣсколько понижалась и состояла какъ бы изъ трехъ террасъ¹⁾. На самой высокой террасѣ, т.-е. на югѣ, находился царскій дворецъ, на средней — помѣщеніе для слугъ и воиновъ, а еще ниже тянулись, вѣроятно, магазины, конюшни и прочія службы. Все это окружено было высокими толстыми стѣнами, сложенными изъ слегка лишь отесанныхъ (да и то не всегда) каменныхъ глыбъ громадныхъ размѣровъ и тяжести, каждая въ 2—3 метра въ длину, 1 метръ въ ширину, а вѣсомъ пудовъ въ 200, иногда даже до 800. Въ промежуткахъ между этими колоссальными глыбами насыпанъ болѣе мелкій камень. Прежде полагали, что тиринескія стѣны сложены были безъ всякаго цемента. Теперь открыты слѣды извести. Толщина стѣнъ въ нижней части акрополя 7—8 метровъ, а въ верхней — отъ 5 до 15 и даже до 17½ метровъ; сохранившаяся до нашего времени высота равняется 7½ м. Стѣны на своемъ протяженіи представляютъ многочисленныя вдающіеся и выступающіе углы и снабжены огромными башнями. Давно уже было извѣстно, что въ одномъ или въ двухъ мѣстахъ стѣна заключаетъ въ себѣ параллельныя галереи, лежащія не на одномъ уровнѣ и, повидимому, имѣющія сообщенія между собою. Теперь оказывается, что въ тиринескихъ стѣнахъ существовала цѣлая

¹⁾ См. краткое, популярное, но весьма отчетливое описаніе у *Diehl'a*, *Excursions archéologiques en Grèce*, стр. 54 сл.

сѣтъ подземныхъ ходовъ и корридоровъ, что напр. въ южной стѣнѣ верхняя галлерей сообщается съ нижнею, а эта послѣдняя ведетъ въ пять камеръ съ стрѣльчатымъ сводомъ, выстроенныхъ въ толщину стѣны, и что въ восточной стѣнѣ было шесть подобныхъ же камеръ. Эти своего рода казематы служили подземными магазинами или кладовыми. Въ корридоры свѣтъ проникалъ чрезъ амбразуру, сдѣланную въ стѣнѣ.

Въ тиринескихъ стѣнахъ имѣется два входа. Одинъ — на западной сторонѣ, узкій, предназначенный только для пѣшеходовъ; тутъ лѣстница, отъ которой сохранилось болѣе 60 ступеней, вела къ средней террасѣ, а оттуда еще нѣсколько ступеней вела къ самому дворцу. Другой, главный входъ, или, лучше сказать, въѣздъ находился на восточной сторонѣ. Тутъ дорога, постепенно подымалась, шла сначала по направленію съ сѣвера на югъ у подножія окружной стѣны акрополя, подъ прикрытіемъ ея выступовъ и башенъ. Дойдя до самой вершины возвышенности, она чрезъ проходъ, оставленный въ окружной стѣнѣ, вступала въ узкій промежутокъ, образуемый слѣва только-что названною стѣною, а справа дворцовыми стѣнами, и шла такимъ образомъ до воротъ, имѣвшихъ крѣпкіе запоры. Миновавши эти ворота, дорога приводила наконецъ къ обширной эспланадѣ, въ юго-восточномъ углу акрополя, гдѣ находились Большіе Пропилеи, служившіе ужъ входомъ въ дворцовыя помѣщенія.

Таковы были тиринескія укрѣпленія. Тутъ виденъ строго обдуманннй планъ, цѣлая сложная система, и чтобы выполнить подобный планъ, чтобы возвести стѣну изъ огромныхъ камней, въ сохъ въ 200 и даже въ 800 пудовъ, конечно, нужны были болѣе или менѣе опытные и искусные архитекторы, цѣлыя отряды рабочихъ и громадныя средства*).

Обратимся теперь къ дворцу. Большіе Пропилеи ведутъ въ обширный дворъ, окруженный портиками. Въ сѣверо-западномъ углу его находятся Малые Пропилеи; за ними идетъ четырехугольный дворъ, вымощенный мелкимъ камнемъ и также окруженный портиками. Въ южной его части возвышается алтарь Зевса Геркея въ видѣ массивнаго каменнаго четырехугольника; съ сѣвера же прилегааетъ мужская половина дворца. Въ этой половинѣ важнѣе всего — боль-

*) Diehl, 57—58.

шая зала для мужчинъ или такъ назыв. мегаронъ, въ 12 метровъ длины и 10 ширины; посреди нея возвышались 4 колонны и между ними — домашній очагъ. Слѣва главнаго строенія были многочисленныя корридоры и небольшія комнаты, въ числѣ которыхъ обращаетъ на себя вниманіе баня или ванная. Ея полъ состоитъ весь изъ одного колоссальнаго камня вѣсомъ по крайней мѣрѣ въ 20000 килограммовъ, т.-е. болѣе 1200 пудовъ; стѣны были обшиты деревянными досками, посрединѣ находилась ванна и устроенъ былъ особый каналъ для стока воды. Направо отъ мужской половины дворца находился гинекей, т.-е. женская половина, не имѣвшая прямого, непосредственнаго сообщенія съ мегарономъ, отдѣленная отъ послѣдняго цѣлымъ рядомъ дверей и узкихъ переходовъ. Здѣсь тоже есть дворъ, окруженный портиками, и четырехугольная зала, подобная мегарону, но только все это меньшихъ размѣровъ. Въ этой же части дворца, наиболѣе удаленной, были спальня, оружейная, казнохранилище и т. под.

Владѣтели Тиринеа заботились не только объ удобствахъ, но и объ украшеніи своего дворца. Найденъ напр. алебастровый фризъ, украшенный лазуревымъ стекломъ (*жъагос* у Гомера), съ изображеніемъ между прочимъ розетокъ и спиралей, столь часто встрѣчаемыхъ въ Микенахъ. Полъ въ мегаронѣ представляетъ своего рода мозаику или узорчатый коверъ изъ красныхъ и голубыхъ полосъ. Но особенно замѣчательна *стѣнная живопись* (al fresco). Въ древнемъ Тиринѣ, какъ оказывается, извѣстно было пять красокъ: бѣлая, черная, желтая, красная, голубая или синяя. Не только имѣются рисунки на стѣнахъ, изображающіе спирали и розетки, но сохранилась даже значительная часть картины, изображающей мчащагося быка, а на немъ человѣка; одной ногой онъ касается спины быка, а другая высоко приподната въ воздухъ; лѣвою рукою онъ держитъ быка за рога. Фонъ картины голубой; быкъ — желтый съ красными пятнами. Совершенно аналогичныя по своему содержанію рисунки имѣются на золотыхъ чашахъ, найденныхъ недавно, именно лѣтомъ 1889 г., близъ Амиевъ въ Вафіо; рисунки эти представляютъ сцены, и притомъ необыкновенно живыя, изъ обыденной жизни — ловлю и укрощеніе быковъ или охоту за ними.

Что касается предметовъ, найденныхъ Шлиманомъ въ Тиринѣ, то тутъ имъ найдены были глиняные идола, сосуды, изъ которыхъ

важнѣйшїе вазы съ примитивными изображеніями людей, животныхъ и т. д.

Вѣсть объ открытіи Шлиманомъ въ Тиринѣ огромнаго доисторическаго дворца была встрѣчена сначала недоувѣрїемъ, особенно въ Англіи. Нѣкоторые, напр. архитекторъ Ренгозе, утверждали, что дворець этотъ не что иное, какъ византійское зданіе X или XI в. по Р. Х. Противъ Шлимана выступила и газета Times. По поводу тиринскаго дворца въ Лондонѣ состоялся даже торжественный диспутъ между Шлиманомъ и Дерпфельдомъ съ одной стороны и ихъ противниками съ другой. Шлиманъ и Дерпфельдъ одержали полную побѣду, и, въ довершеніе ихъ торжества, въ томъ же 1886 г., греческимъ Археологическимъ обществомъ открыты были и въ Микенахъ развалины дворца, подобнаго тиринскому, только меньшихъ размѣровъ, и тоже со стѣнною живописью.

Таковы главнѣйшіе памятники той культуры, которую принято теперь называть *микенскою* и которая открыта Шлиманомъ. И эти памятники не представляютъ нѣчто отдѣльное, изолированное: культура, получившая свое названіе по имени Микенъ, была распространена не въ одной только Арголїдѣ. Напр. въ Беотїи, въ Орхоменѣ, подробнѣе изслѣдованномъ Шлиманомъ же, знаменитая „Сокровищница царицы Минїи“ представляетъ сходство съ могилами Микенъ, а скульптурный орнаментъ въ видѣ спиралей и розетокъ на ея потолкѣ совершенно напоминаетъ украшенїя тиринскаго дворца. Памятники микенской культуры встрѣчаются и въ Фессалїи (близъ Вело), и въ Атикѣ (въ Спатѣ, Мениди, въ самыхъ даже Аонїахъ), и въ Лаконїи (близъ Амиклѣ). Такимъ образомъ культура эта захватывала обширный районъ, отъ самой Фессалїи до южной оконечности Пелопоннеса, и именно восточную полосу Элады, обращенную къ морю, къ культурнымъ странамъ древняго Востока. Сходныя черты встрѣчаются и въ памятникахъ глубокой старины на островахъ Санторинѣ (древн. Тера), Родосѣ, Критѣ, Кипрѣ и даже во „второмъ городѣ“, или такъ называемой Троѣ на Гиссарликѣ.

На первыхъ порахъ эта роскошная и цвѣтущая культура, долготѣ намъ совершенно неизвѣстная, поразила изслѣдователей своею своеобразностью. Сравнивали ее съ культурой гомерическою и

находили между ними очень мало общаго: микенская культура оказывалась болѣе древнею и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе роскошною, пышною. При этомъ указывали на грандіозные могильные памятники въ Микенахъ, на иной способъ погребенія покойниковъ, тѣла которыхъ не сожигались, какъ у Гомера, а предавались землѣ, на отсутствіе желѣза и фибулъ. Несомнѣнно, микенская культура носила на себѣ слѣды восточнаго происхожденія и вліянія, имѣла точки соприкосновенія и связь съ культурой Малой Азіи, Финикіи, Египта и острововъ Эгейскаго моря. Такъ напр., львы на микенскихъ воротахъ напоминаютъ намъ Фригію и, пожалуй, Ассирію. Микенскія могилы имѣютъ сходство съ памятниками Фригии, Каріи, Ликіи. Двойная сѣвѣра между рогами быка находить себѣ аналогію въ позднѣйшемъ карійскомъ гербѣ на монетахъ. Изображенія на перстняхъ сходны съ изображеніями на такъ называемыхъ „островныхъ камняхъ“. Женскіе идолы съ голубами, по всей вѣроятности, изображаютъ Астарту и указываютъ на Финикію и Сирію. Серебряная бычачья голова и нѣкоторые виды серебряныхъ и золотыхъ вазъ, находимые въ Микенахъ, встрѣчаются и на египетскихъ рисункахъ, гдѣ изображаются данники фараона Тутмеса III, приносящіе свои дары: такія головы и вазы преподносятъ „люди земли Кефта“, т.-е. финикіянне. Изображенія на клинкахъ, съ ихъ львами и окружающимъ ландшафтомъ, рѣкой и папирусомъ, напоминаютъ намъ долину Нила. Наконецъ страусовое яйцо прямо указываетъ на Востокъ. Столь употребительный въ Микенахъ орнаментъ въ видѣ волнообразныхъ линий, морскихъ растений, полиповъ и вообще низшихъ морскихъ организмовъ, говоритъ намъ о морскихъ сношеніяхъ, такъ сказать, о приморскомъ характерѣ культуры. Очевидно, различныя культурныя вліянія скрещивались и переплетались именно на Эгейскомъ морѣ, оказывали взаимодѣйствіе другъ на друга, и тутъ видную роль культурныхъ центровъ и, такъ сказать, узловъ должны были играть такіе острова, какъ напр. Критъ.

Чѣмъ дальше шли изслѣдованія, тѣмъ, казалось, болѣе обнаруживалась связь микенской культуры съ Востокомъ. Такъ, напр., подземныя галереи и комнаты со сводами въ тиринескихъ стѣнахъ представляютъ большое сходство съ финикійскими постройками на сѣверномъ берегу Африки, въ такихъ городахъ, какъ Карфагенъ, Тапсъ, Адруметъ, Утика. Недавно въ Египтѣ найденъ

мечъ съ именемъ фараона Аменготепя, по техникѣ и изображенію львовъ совершенно сходный съ микенскими мечами. Въ 1887 г. въ микенскомъ дворцѣ найденъ скарабей или жукъ, чисто египетской работы, съ іероглифами, обозначающими имя Ти, а это имя носили многія египетскія царицы, между прочимъ и жена Аменготепя III. На островѣ Родосѣ между чисто микенскими предметами встрѣчается скарабей съ именемъ Аменготепя III, и наоборотъ, въ Фаломѣ найдены микенскія вазы.

Все это говоритъ намъ о вліяніи Востока на культуру микенскую. Объ этомъ же говорятъ намъ и преданія самихъ грековъ. Вспомнимъ, напр., рассказы о переселенцахъ съ Востока, являющихся въ Греціи, объ этихъ выходцахъ изъ Египта, Лидіи, Финикіи, приносящихъ съ собою и сѣмена новой культуры, что особенно ярко выражается въ мифѣ о Кадмѣ. Въ древнихъ сказаніяхъ такіе страны, какъ Фригія, такіе острова, какъ Критъ, играютъ видную роль, а финикійцы являются въ качествѣ купцовъ, продающихъ издѣлія, которыя славятся своею искусною выдѣлкой; о карійцахъ же сохранились преданія, какъ о морскихъ пиратахъ и вѣкогда властелинахъ на Эгейскомъ морѣ.

Но, съ другой стороны, при ближайшемъ изслѣдованіи открываются и все новыя точки соприкосновенія, все новыя посредствующія звенья между микенскою и послѣдующею чисто эллинскою культурою. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно важно открытіе тиринесскаго дворца, съ его пропилеями и колоннадами, съ его мегарономъ, очагомъ и гинекеемъ, являющагося, такъ сказать, образцомъ дворцовъ гомерическихъ. Тиринесскія вазы, съ ихъ примитивными изображеніями людей и животныхъ, имѣютъ нѣкоторое сходство съ такъ называемыми „вазами Дипилона“, этою древнѣйшею стадіею въ развитіи собственно эллинскаго искусства. А изслѣдованія и раскопки въ Микенахъ, уже по слѣдамъ Шлимана, греческаго Археологическаго общества въ 1887—88 гг. пролили новый свѣтъ на отношеніе микенской культуры къ греческой. Такъ, въ нижнемъ городѣ, т.-е. у подножія акрополя, открыто 52 небольшихъ могилы; изъ нихъ одна — куполообразная въ родѣ „Сокровищницы цзя Атрея“, остальные высѣчены въ скалѣ; расположены онѣ группами; при этомъ найдены бритвы, *круглыя металлическія зеркала* въ оправѣ изъ слоновой кости, *кусокъ стеклянной вазы*, пара *жельзныхъ колецъ* и 3 *бронзовыхъ фибулы*. Послѣднія

двѣ находки чрезвычайно важны: именно въ отсутствіи желѣза и фибулъ до сихъ поръ видѣли одну изъ характерныхъ особенностей микенской культуры—и одно изъ главныхъ ея отличій отъ культуры гомерической. Въ довершеніе этого, и на Гиссарликѣ, въ такъ наз. „второмъ городѣ“, найдена Шлиманомъ въ 1890 г. пара желѣзныхъ предметовъ.

Но является вопросъ: разъ существовала нѣкогда столь роскошная и довольно широко распространенная культура, то чѣмъ вызвано было ея послѣдующее паденіе? Конецъ могуществу Микенъ, а вмѣстѣ и ихъ культурѣ, положили, какъ думаютъ, тѣ племенные передвиженія въ Греціи, главнымъ моментомъ которыхъ является вторженіе дорянъ въ Пелопоннесъ: суровые, грубые, воинственные доряне сокрушили роскошную культуру Микенъ*). Поэтому процвѣтаніе послѣдней относятъ ко времени до дорянскаго вторженія, ко второй половинѣ II-го тысячелѣтія до Р. Х., обыкновенно въ XIII—XII вв. Въ самомъ развитіи микенской культуры замѣчается нѣсколько стадій: напр. тиринскія стѣны относятся къ древнѣйшему періоду; затѣмъ слѣдуютъ шахтообразныя могилы въ Микенахъ; куполообразныя могилы еще новѣе и т. д. Самыя стѣны Микенъ по своей кладкѣ, очевидно, принадлежатъ разнымъ періодамъ: сложенныя изъ каменныхъ глыбъ неотдѣланныхъ — древнѣе, сложенныя изъ многоугольныхъ камней — новѣе.

Какому же народу принадлежала эта культура? Кто были ея „носители“, какъ выражаются нѣмцы? Были ли это карійцы, нѣкогда столь могущественные на Эгейскомъ морѣ, о чемъ сохранилось воспоминаніе и у позднѣйшихъ Грековъ? были ли это „ахейцы“, которыхъ называетъ Гомеръ? или же это были пресловутые „пелазги“, на которыхъ теперь все чаще и чаще начинаютъ указывать?..

*) Недавно одинъ изъ довольно извѣстныхъ современныхъ нѣмецкихъ ученыхъ, Белохъ, въ статьѣ, помѣщенной въ *Rheinisches Museum* за 1890 г. подъ заглавіемъ: *Die Doriache Wanderung*, рядомъ остроумныхъ доводовъ старался доказать, что никакого вторженія дорянъ въ Пелопоннесъ на самомъ дѣлѣ не было, что микенская культура вовсе не была сокрушена насильственно, что между нею и послѣдующей чисто эллианской культурой нѣтъ той пропасти, какую между ними обыкновенно полагаютъ, а напротивъ существуетъ неразрывная связь: греческая культура является естественнымъ, органическимъ продолженіемъ и прямою преемницею микенской. Белохъ въ своихъ утверженіяхъ заходитъ часто слишкомъ далеко; но нѣкоторые его соображенія настолько остроумны и доводы настолько убѣдительны, что съ ними приходится считаться.

За годъ до своей смерти Шлиманъ опять посѣщаетъ Трою и принимается за новыя разысканія на Гиссарликѣ*): ему приходилось отстаивать свое дѣло отъ нападоуж враго противника, выступившаго съ теоріей, которая подрывала все значеніе сдѣланныхъ открытій.

Нужно замѣтить, что первыя заявленія Шлимана объ его открытіяхъ въ Троѣ, Микенахъ и Тиринѣ были встрѣчены съ нѣкоторымъ недоувѣріемъ, особенно въ кругу специалистовъ. Выше мы видѣли уже примѣръ этого**). Авторитетные ученые нарѣдко съ презрительной улыбкой отзывались объ открытіяхъ этого „дилетанта“, „самоучки“, „фантазера“. Были даже такіе скептики, которые готовы были отвергать не только гипотезы и объясненія Шлимана, но и самый фактъ открытій, которые полагали, что сдѣланнымъ находки — мнимыя, что это фальсификація самого Шлимана. Но такое недоувѣріе и презрительное отношеніе къ Шлиману мало-по-малу стало разсѣиваться въ виду очевидныхъ блестящихъ результатовъ, добытыхъ имъ, тѣмъ болѣе, что, напр., въ Микенахъ онъ производилъ свои раскопки въ присутствіи комиссаровъ греческаго правительства, а послѣдующія затѣмъ разысканія въ Троѣ и Тиринѣ онъ велъ при участіи такихъ ученыхъ, какъ Вирховъ, Бирнуфъ, Дерпфельдъ. Нашелся однако противникъ непримиримый. Это былъ капитанъ артиллеріи, Эрнстъ Беттихеръ.

Съ 1883 г. въ дѣломъ рядѣ статей и въ отдѣльномъ сочиненіи: „La Troie de Schliemann une nécropole à incinération à la manière assyro-babylonienne“, изданномъ въ 1889 г., Беттихеръ доказывалъ, что такъ называемый акрополь на Гиссарликѣ есть не что иное, какъ некрополь, а дворецъ и другія зданія, открытыя Шлиманомъ, — постройки, въ которыхъ сожигались трупы и сохранялись кости, вазы съ изображеніемъ лица — урны, въ которыхъ хранился прахъ; никакого дворца на Гиссарликѣ, утверждалъ Беттихеръ, нѣтъ: онъ существуетъ лишь въ фантазіи Шлимана и Дерпфельда; а когда ему указывали на дворецъ, открытый тѣмъ временемъ и въ Тиринѣ, то Беттихеръ возражалъ, что этотъ дворецъ — тоже погребальный домъ. Беттихеръ не останавливался даже вредъ обвиненіемъ Шлимана и Дерпфельда въ недобросовѣстности и обманѣ.

*) См. *Schliemann*, „Bericht über die Ausgrabungen in Troja im Jahre 1890“.

**) Кстати замѣтимъ, что академикъ Стефани, напр., относилъ микенскія древности къ III в. по Р. Х. и доказывалъ принадлежность ихъ геруламъ.

Тогда, оскорбленные такимъ обвиненіемъ, Шлиманъ и Дерпфельдъ предложили Беттихеру или взять назадъ свои утвержденія, или же вмѣстѣ съ ними отправиться на Гиссарликъ, чтобы лично убѣдиться, кто изъ нихъ правъ, причемъ всѣ расходы по такому путешествію Шлиманъ бралъ на себя. Беттихеръ избралъ послѣднее, и въ началу декабря 1889 г. противники съѣхались на Гиссарликъ*). Кроме того, въ качествѣ безпристрастныхъ свидѣтелей сюда прибыли Штефенъ и Ниманъ, первый — отъ имени Берлинской Академіи Наукъ, а второй — отъ имени Вѣиской. Былъ составленъ протоколъ осмотра Гиссарлика и переговоровъ Шлимана съ Беттихеромъ, подписанъ свидѣтелями и обнародованъ (подъ заглавіемъ: „Hissarlik-IIion“ 1890). А въ мартѣ 1890 г. собралась международная конференція изъ 8 членовъ, приглашенная для осмотра раскопокъ на Гиссарликѣ Шлиманомъ и Дерпфельдомъ, и эта конференція послѣ изслѣдованія на мѣстѣ вполне согласилась съ упомянутымъ протоколомъ. Шлиманъ и Дерпфельдъ оказались правыми: они съ торжествомъ вышли изъ этого спора. Беттихеръ принужденъ былъ взять назадъ свои обвиненія, но отъ основнаго своего взгляда все-таки не отказался.

Споръ этотъ послужилъ поводомъ къ новымъ тщательнымъ изслѣдованіямъ и раскопкамъ Шлимана и Дерпфельда на Гиссарликѣ. Раскопки эти продолжались до августа прошлаго года. Теперь стѣны „второго города“ открыты были на всемъ ихъ протяженіи, за исключеніемъ лишь сѣверной части. По словамъ Шлимана, онѣ были снабжены крытою галлереей въ 2½ метра вышины; высота всей стѣны, считая фундаментъ и только-что упомянутую галерею, по Шлиману, доходила, вѣроятно, до 16½ метровъ, такъ что троянскія укрѣпленія должны были представлять внушительный и грандіозный видъ. Кроме прежнихъ, открыты еще ворота на западной сторонѣ, найдены куски желѣза, обнаружено три періода въ существованіи второго города и т. д. Затѣмъ въ сѣверо-восточномъ углу акрополя открыты памятники греко-римской эпохи: небольшой театр, мраморныя статуи въ естественную величину, изображающія, по предположенію Шлимана, Тиберія, Калигулу и

*) Кроме упомянутой книжки: „Bericht über die Ausgrabungen in Troja im J. 1890“, см. также статью *Habel*, Heinrich Schliemann und Ernst Böttcher (въ *Neue Jahrbücher für Philologie und Pädagogik*, 1890, 8—9 Heft, стр. 568 сл.).

Агрипину младшую или же Поппею*), нѣсколько греческихъ надписей, водопроводныя сооруженія и т. под.

Въ письмѣ къ Бисмарку отъ 22 іюля прошлаго года Шлиманъ, сообщая о результатахъ своихъ послѣднихъ раскопокъ на Гиссарликѣ, говоритъ о своемъ утомленіи, о томъ, что онъ пока прекращаетъ работы, но надѣется, если будетъ живъ, съ 1-го марта 1891 г. съ прежнею энергіею опять приняться за нихъ. То же намѣреніе высказываетъ онъ и въ своемъ отчетѣ о раскопкахъ 1890 г. на Гиссарликѣ, въ отчетѣ, изданномъ уже послѣ его смерти**): Шлиману не было суждено возвратиться въ Трою.

Въ своемъ предисловіи къ книгѣ Шлимана: „Hios“, Вирховъ дѣлаетъ вѣрное замѣчаніе, что въ томъ увлеченіи и фантазій, которая составляютъ слабую сторону Шлимана, заключается вмѣстѣ съ тѣмъ и тайна его успѣха. И дѣйствительно, безъ воодушевленной вѣры въ дѣйствительность своихъ грезъ, въ дѣйствительность всего того, что описываетъ Гомеръ, Шлиманъ не могъ бы совершить того, что онъ совершилъ. Мы можемъ отвергать его выводы и толкованія, какъ не выдерживающіе критики, какъ фантастическіе; но отъ этого не умалится значеніе сдѣланныхъ имъ открытій и находокъ; онъ останутся неоцѣнимымъ сокровищемъ въ смыслѣ научнаго матеріала: Шлиманъ приподнял ту завѣсу, которая скрывала отъ насъ древнѣйшій періодъ греческой исторіи; онъ открылъ предъ нами новый горизонтъ и поставилъ рядъ проблемъ, надъ разрѣшеніемъ которыхъ придется потрудиться, быть можетъ, еще на одному поколѣнію ученыхъ.

В. Вузескулъ.

*) „Revue archéol.“, 1890.

**) „Bericht über die Ausgrabungen in Troja im Jahre 1890“, на который мы уже не разъ ссылались.

Замѣтки къ трактату Лукіана „о томъ, какъ слѣдуетъ писать исторію“.

Гл. 15. Лукіанъ осмѣиваетъ въ лицѣ Креперея Помпеіополита историковъ, неумѣло подражающихъ Фукидиду и заимствующихъ у него не только экономію всего сочиненія, но и цѣлыя эпизоды и даже отдѣльные обороты. *Kaì γάρ αὐ καὶ τοῦτο ἐπιεικῶς πολὺ τῶν ἐστὶ, τὸ οἶσθαι τοῦτ' εἶναι τοῖς Θουκυδίδου εἰκλότα λέγειν, εἰ ὀλίγον ἐντρέψας τὰ αὐτοῦ ἐκείνου λέγοι τις ἄν.* Stephanus передаетъ здѣсь глаг. *ἐντρέπειν* черезъ „mutare“, ссылаясь на другое мѣсто того же Лукіана, *Pseudol. 14 τῶν Ἀπτικῶν κατὰ χρόνον τινας πολλὰ ἐντρέψάντων τῆς αὐτῶν φωνῆς, τοῦτο ἐν τοῖς μάλιστα τοῦτομα* (т.-е. слово *ἀποφράς*) *διετέλεσεν οὕτως ἀπὸ καὶ πρὸς ἀλλήτων αὐτῶν λεγόμενον.* Замѣчательно, что это — оба единственные примѣра; отсюда мы въ правѣ заключить, что слово *ἐντρέπειν* было техническимъ обозначеніемъ риторическаго упражненія, состоявшаго въ пересказѣ своими словами отрывка изъ прочитаннаго автора, при чемъ естественно употребленныя писателемъ выраженія замѣнялись другими. Это заключеніе подтверждается слѣдующей фразой Тацита (*Ann. XV, 63*): *Et novissimo quoque momento suppeditante eloquentia (Сенека) advocatis scriptoribus pleraque tradidit, quae in vulgus edita eius verbis invertere supersedeo.* Глаголь *invertere* въ требуемомъ здѣсь значеніи (Ниппердей: „*umgestalten*“, *indem ich seine Gedanken mit meinen Worten wiedergebe*) — то же *unicum*; нѣтъ сомнѣнія, что оны не что иное, какъ буквальный переводъ греческаго *ἐντρέπειν*. Какъ извѣстно, большинство техническихъ терминовъ римской ретирики является буквальнымъ переводомъ съ греческаго (*circumlocutio*: *περίφρασις*, *complexio*: *συμπλοκή* и т. д.).

Гл. 22. *Τοὺς δὲ καὶ ποιητικοῖς ὀνόμασιν... ἐν ἱστορίᾳ χρωμένους ποῦ ἄν τις θεῖη, τοὺς λέγοντας „ἐλέλιξε μὲν ἢ μηχανῆ, τὸ τεῖχος*

δέ πρὸν μεγάλως ἐδοῦκησε“. Что слова *ἐλέλιξε* и *ἐδοῦκησε* взяты изъ Гомера, какъ это замѣчаетъ Зоммербродтъ, придетъ въ голову каждому; не трудно также догадаться, въ чемъ состояло описанное историкомъ событіе. Это *locus communis* въ описаніяхъ осадъ; возьмемъ ради примѣра *Liv.* 21, 8, 5: *jam feriebantur arietibus muri... tres deinceps turres quantumque inter eas muri erat cum fragore ingenti prociderant*. Но что значить *ἐλέλιξεν ἢ μηχανή*? Въ прозѣ *ἐλέλιξεν* — глаголь среднего залога и означаетъ „кричать *ἐλελεῦ*“; но если даже допустить, что цитуемый историкъ былъ способенъ сравнить скрипъ или стукъ тарана съ побѣднымъ крикомъ, то все-таки мы ничего не выигрываемъ: *ἐλέλιξεν* въ этомъ значеніи — вовсе не *ποιητικὸν ὄνομα*. А въ требуемомъ самой мыслью значеніи *quatiendi ἐλέλιξεν* не можетъ стоять безъ дополненія (ср. *μέγαν δ' ἐλέλιξεν Ὀλυμπόν*). Слѣдуетъ поэтому писать: *ἐλέλιξε μὲν ἢ μηχανὴ τὸ τεῖχος, τὸ δὲ πρὸν μεγάλως ἐδοῦκησε*.

Гл. 38. Начало этой главы можетъ по справедливости быть названо самымъ труднымъ мѣстомъ во всемъ трактатѣ. Я привожу его по вульгатному тексту (принятому въ наиболѣе распространенныхъ изданіяхъ Якобича и Зоммербродта), ставя въ скобки слова, которыя (по волюнціи Фриче) въ рукописяхъ отсутствуютъ: *ἀλλὰ μὴ μελέτω αὐτῶ (исторικῷ) μήτε Φίλιππος ἐκκεκομμένος τὸν ὀφθαλμὸν ἐπὶ Ἀστέρος τοῦ Ἀμφιπολίτου τοῦ τοξότου ἐν Ὀλύμπῳ [, ἀλλὰ] τοιοῦτος οἷος ἦν δειχθήσεται, μήτε Ἀλέξανδρος [ὅτι] ἀνιάσεται ἐπὶ τῇ Κλείτου σφαγῇ ὡμῶς ἐν τῷ συμποσίῳ γενομένη, εἰ σαφῶς ἀναγράφουτο*. Предшествуетъ увѣщаніе, чтобы историкъ былъ *ἐλεύθερος τὴν γνώμην* и не походилъ на подкупныхъ судей, которые за плату (*ἐπὶ μισθῶ*) оправдываютъ виновныхъ (*πρὸς χάριν*) и осуждаютъ невинныхъ (*πρὸς ἀλέχθειαν δικάζουσι*).

Относительно общаго смысла фразы не можетъ быть сомнѣнія; объясненіе Зоммербродта (*er scheue sich nicht die Wahrheit zu sagen, selbst auf die Gefahr, dass sie den Unwillen der Mächtigen hervorrufen könnte*) совершенно правильно, но онъ поступилъ бы лучше, если бы постарался объяснить спеціальнѣйшій смыслъ фразы о Филиппѣ съ его вышибленнымъ глазомъ. Къ сожалѣнію, какъ онъ, такъ и другіе толкователи обходятъ этотъ вопросъ молчаніемъ; только у одного изъ болѣе старинныхъ, именно Геснера, я нашелъ несомнѣнно остроумное, хотя и

не выдерживающее критики объясненіе. Геснеръ кстати вспомнилъ о портретѣ царя Антигона, писанномъ Апелломъ, о которомъ говоритъ Плиніи 35, 90: *pinxit et Antigoni regis imaginem altero lumine orbam primus excogitata ratione vitia condendi; obliquam enim facit* (т.-е. написалъ его въ профиль). Историкъ не долженъ *vitia condere*, подобно Апеллу; онъ долженъ показывать человѣка *ὁσος ἦν*; смыслъ получается прекрасный. А что этотъ анекдотъ былъ въ ходу у реторовъ, доказывается параллельнымъ мѣстомъ у Квинтиліана II, 12. — Нехорошо только, что при такомъ толкованіи Лукіанъ, и безъ того уже смѣшавшій Олинея съ Меоной и Амфиполь съ Олинеомъ, оказывается виновнымъ въ третьемъ, еще болѣе крупномъ недосмотрѣ; пришлось бы допустить, что онъ смѣшалъ еще Антигона съ Филиппомъ. Но и кромѣ того, болѣе внимательное обсужденіе нашего мѣста должно указать намъ возможность другого толкованія.

Прежде всего слѣдуетъ настаивать на томъ, что рѣчь идетъ объ историкѣ, а не о живописцѣ; какъ ни любитъ Лукіанъ приводить параллели изъ исторіи и теоріи изящныхъ искусствъ, онъ всегда дѣлаетъ это ясно. Далѣе онъ приводитъ еще пару примѣровъ *οὐδὲ Κλέων... οὐδὲ ἡ σύμπλασι πόλις τῶν Ἀθηναίων*: тутъ по содержанию видно, что онъ имѣетъ въ виду честнаго историка пелопоннесской войны, Фукидида. Наша пара состоитъ изъ примѣровъ, также связанныхъ между собою грамматически (*μήτε... μήτε*) и родственныхъ по содержанию; слѣдовательно, и тутъ Лукіанъ имѣетъ въ виду одного историка, поплатившагося за свою честность спутника Александра Великаго — Каллисена. Затѣмъ мы должны задать себѣ вопросъ, въ чемъ состояла бы вина историка, который изобразилъ бы Филиппа въ данномъ случаѣ не *ὁσος ἦν*; былъ ли бы онъ похожъ на судью, осуждающаго невиннаго, или на судью, оправдывающаго виновнаго. На этотъ вопросъ отвѣчаетъ намъ симметрия. Такъ какъ второй примѣръ — умолчаніе о звѣрскомъ поступкѣ съ Клитомъ — показываетъ намъ *δικαστὴν πρὸς χάριν δικάζοντα*, то первый примѣръ долженъ относиться къ судѣѣ, судящему *πρὸς ἀπέχθειαν*. Тотъ же результатъ получаемъ мы и инымъ путемъ. Благодаря счастливой случайности, слова Каллисена, на которыхъ намекаетъ Лукіанъ, сохранены намъ въ приписываемыхъ Плутарху т. н. *parallela minora* гл. 8: *Φίλιππος Μεθώνην καὶ Ὀλυνθον βουλόμενος πορθῆσαι καὶ βιαζόμενος ἐπὶ τῷ Σαρδάνῳ ποταμῷ διαβήνα*

κίρην, ὑπό τινος τῶν Ὀλυνθίων Ἀστέρου ὀνόματι ἐτοξεύθη τὸν ὀφθαλμὸν, εἰπόντος „Ἀστὴρ Φιλίππου θανάσιμον κέμπει βέλος“· ὁ δ' ὀπίσω ὀκνησάμενος πρὸς τοὺς οὐκείους σάζεται ἀπολέσας τὸν ὀφθαλμὸν· ὡς Καλλισθένης ἐν τρίτῳ Μακεδονικῶν. Положимъ, что это не настоящій Каллисѣнъ; живость цитатъ въ pag. min. хорошо известна, и мы не имѣемъ права допускать исключеніе именно для нашей. Тѣмъ не менѣе ясно, что Лукіанъ имѣетъ въ виду это гнѣсто, такъ какъ именно въ немъ описываемое происшествіе приурочено къ осадѣ не Меоны, а Олинеа, или вѣрнѣе Меоны и Олинеа, которые нашъ авторъ представлялъ себѣ лежащими рядомъ; нечего и говорить, что Каллисѣнъ, самъ уроженецъ Олинеа, такой грубой ошибки бы не допустилъ. Въ этой зависимости Лукіана отъ pagall. min. нѣтъ ничего страннаго съ тѣхъ поръ, какъ Гиллеръ (Heghes 21, 126) доказалъ, что ими пользовался Эліагъ. А въ томъ, что этотъ анекдотъ о Филиппѣ рассказываетъ Каллисѣномъ *homois causa* — сомнѣнія, кажется, быть не можетъ.

Продолжаемъ. Историкъ, говоритъ Лукіанъ, не долженъ умолчать о потерѣ Филиппомъ глаза, не смотря на то, что правдивымъ рассказомъ этого событія онъ можетъ навлечь на себя гнѣвъ... конечно не Филиппа, для котораго этотъ рассказъ былъ почетнымъ. Разгнѣваться на слишкомъ правдолюбиваго историка могъ только сынъ чествуемаго; извѣстно, что Клитъ поплатился жизнью за то, что превозносилъ подвиги Филиппа, умаляя этимъ подвиги самого Александра, *πρεσβεύων μὲν τὰ τοῦ Φιλίππου, καταβάλλων δὲ Ἀλέξανδρον τε καὶ τὰ τούτου ἔργα*, какъ говоритъ Арріанъ 4, 8, 6.

Смыслъ загадочной фразы такимъ образомъ восстановленъ; остается возстановить ея текстъ. Прежде всего ясно, что объ Александрѣ говорилось въ обонхъ предложеніяхъ и что слѣдовательно слово *Ἀλέξανδρος* во второмъ предложеніи есть интерполяція. На это указываетъ еще и слѣдующее явленіе. Въ рукописяхъ, какъ мы видимъ, начало второго предложенія читается слѣдующимъ образомъ: *μήτε Ἀλέξανδρος ἀνιάσεται*; тѣмъ не менѣе ясно, что передъ *ἀνιάσεται* пропалъ союзъ (скорѣе *ὅτι*, чѣмъ *ὅς* или *εἰ*); это объясняется именно интерполяціей слова *Ἀλέξανδρος*, которое, будучи написано надъ *ὅτι*, легко могло его вытѣснить. Что касается перваго предложенія, то требуется, какъ мы видѣли, прибл. слѣдующее: „да не смущаетъ его мысль, что Александръ сочтетъ

унизительнымъ для себя разсказъ о Филиппѣ и т. д., если этотъ разсказъ будетъ соотвѣтствовать истинѣ^а; этимъ самымъ доказано существованіе лакуны между *μήτε* и *Φίλλπος*. Восполненіе этой лакуны не можетъ не быть болѣе или менѣе гадательнымъ. Моя попытка основана на открытіи Ниссена (*Rhein Mus.* 43, 243 сл.), что Арріанъ писалъ свою *Ανάβασις* послѣ Лукіана, отчасти подъ впечатлѣніемъ тѣхъ мѣстъ въ сочиненіяхъ этого послѣдняго, гдѣ говорилось объ Александрѣ, послѣдствіемъ чего была нѣкоторая зависимость Арріана отъ Лукіана въ выраженіяхъ; такъ словамъ Лукіана *Ἀλέξανδρος ἀνιάσεται ἐπὶ τῇ Κλειτῶν σφαγῇ* соотвѣтствуютъ слова Арріана 4, 8, 5: *καὶ τοῦτον τὸν λόγον ἀνιάσαι Ἀλέξανδρον λεχθέντα*. На этомъ основаніи я, имѣя въ виду выписанное выше мѣсто изъ Арріана, предложилъ бы восполнить лакуну слѣдующимъ образомъ: *ἀλλὰ μὴ μελέτω αὐτῷ μὴ<θ> ὅτι καταβάλλειν δόξει Ἀλέξανδρον* *Φίλλπος ἐκκεκομμένος ὀφθαλμὸν ὑπὸ Ἀστέρος τοῦ Ἀμφιπολίτου τοῦ τοξότου ἐν Ὀλένθῳ, <εἰ> τοιοῦτος ὁλος ἦν δεχθήσεται, μὴ<θ> ὅτι* *ἀνιάσεται ἐπὶ τῇ Κλειτῶν σφαγῇ ὡμῶς ἐν τῷ συμπόσιῳ γενομένῃ, εἰ σαφῶς ἀναγράφοιτο*.

Гл. 50. Лукіанъ совѣтуетъ исторіку не слишкомъ долго останавливать вниманіе читателя на одномъ и томъ же событіи; лучше, прервавъ разсказъ о немъ, перейти къ другому съ тѣмъ, чтобы послѣ нѣкотораго времени вернуться къ первому. Эту мысль онъ выражаетъ такъ: *καὶ πᾶσι τούτοις μέτρον ἐπιθεῖς μὴ ἐς κόρον μηδ' ἀπειροκάλως μηδὲ νεαρῶς, ἀλλὰ ῥαδίως ἀπολύεσθω*. Нарѣчіе *νεαρῶς* тутъ довольно странно; Hemsterhuys переводитъ *juvenile*; но безконечная канитель, о которой говоритъ Лукіанъ, скорѣе можетъ быть охарактеризована опредѣленіемъ *senilis*, чѣмъ *juvenilis*. Еще менѣе годится переводъ Зоммербродта *in tändelnder Weise*; такого эпитета скорѣе, кажется, заслуживаетъ исторікъ, быстро переходящій отъ одного предмета къ другому, чѣмъ скучный педантъ. Изначный переводчикъ Виландъ прекрасно сознавалъ, что *νεαρῶς* по смыслу совсѣмъ не годится; въ своемъ переводѣ (...dem Leser durch unnötige Weitläufigkeit und unzeitiges Gewäsch Langeweile zu machen) онъ оставилъ это слово безъ вниманія. Я считаю его испорченнымъ и предлагаю... *μὴ ἐς κόρον μηδ' ἀπειροκάλως μηδ' ἀνιαρῶς*; иллюстраціей можетъ служить *Ag. Eq.* 340 *ἕδωρ τε πίνων κάλιδεικνὺς τοὺς φίλους τ' ἀνιῶν* (о плохомъ ораторѣ).

Гл. 51. Исторія, говоритъ Лукіанъ, должна отражать событія подобно чистому зеркалу; οὐ γὰρ ὡς περ τοῖς ῥήτορι γραφουσιν, ἀλλὰ τὰ μὲν λεχθῆσόμενα ἔστι καὶ εἰρήσεται· πέπρακται γὰρ ἤδη· δεῖ δὲ τάξαι καὶ εἰπεῖν αὐτὰ. ὥστε οὐ τί εἰπωσι ζητητέον αὐτοῖς, ἀλλ' ὄκως εἰπωσιν. Нетрудно убѣдиться, что слово *εἰρήσεται* здѣсь испорчено: переводчики обращаются за помощью къ наборщикамъ, чтобы добиться хоть какого-нибудь смысла (*Hemsterhuys: dicenda praesto sunt et dicentur omnino*; *Wieland: sie sind schon da und müssen gesagt werden*); или прибѣгаютъ къ невольнительной интерполяціи (*Sommerbrodt: der Stoff ist vorhanden und soll [wie er ist, d. i. der Wahrheit gemäss] dargestellt werden*); Фриче эту интерполяцію даже вноситъ въ текстъ (*τὰ μὲν λεχθῆσόμενα <οἷα> ἔστι, καὶ εἰρήσεται*). Но порча въ данномъ случаѣ носитъ иной характеръ.

Не разъ Лукіанъ въ нашемъ трактатѣ проводитъ параллель между исторіографіей и риторикою, пользуясь при этомъ технической терминологіей этой послѣдней; особенно поучительна гл. 53, гдѣ онъ говоритъ объ историческихъ вступленіяхъ: *ὁλόταν δὲ καὶ προομιάζηται, ἀπὸ δυοῖν μόνον ἀρξεται, οὐχ ὡς περ οἱ ῥήτορες ἀπὸ τριῶν, ἀλλὰ τὸ τῆς εὐνοίας παρὲς προσοχὴν καὶ εὐμάθειαν ἐπιρρήσει τοῖς ἀκούουσιν* (ср. *Απόκ. περὶ ῥητορικῆς*, I p. 321 *Spreng.: ἔργον προομιῶν εὐνοια, πρόρξεις, εὐμάθεια*). Такъ точно онъ въ нашей главѣ говоритъ о *μέρη* исторіографіи и сравниваетъ ихъ съ *μέρη* риторики. Терминологія этихъ послѣднихъ ко времени Лукіана окончательно установилась; восторжествовала перипатетическая троица *εὐρεσις, τάξις, λέξις* (*inventio, dispositio, elocutio*).

Возвращаясь къ выписаннымъ словамъ Лукіана, мы тотчасъ же убѣждаемся, что въ словахъ *δεῖ δὲ τάξαι καὶ εἰπεῖν αὐτὰ* заключенъ намекъ на термины *τάξις* и *λέξις*. Эти два *μέρη* Лукіанъ считаетъ общимъ достояніемъ исторіографіи и риторики. Напротивъ *εὐρεσις* свойственна одной только риторикѣ; историку нечего придумывать матеріалы, они уже найдены заранѣе; эти матеріалы — факты. При такомъ положеніи дѣлъ ясно, что начало вашей фразы должно читать слѣдующимъ образомъ: ... *τὰ μὲν λεχθῆσόμενα ἔστι καὶ εὐρηται· πέπρακται γὰρ ἤδη· δεῖ δὲ τάξαι καὶ εἰπεῖν αὐτὰ*.

Θ. Ζυλινскій.

Синтаксическое дѣленіе временъ греческаго глагола.

Обыкновенное дѣленіе временъ греческаго глагола на три части, при чемъ за основаніе дѣленія принимается этимологическій признакъ: основа чистая, основа настоящаго времени и основа perfecti (см. грамм. Коха въ переводѣ Левенштейна § 28), вѣрное въ этимологическомъ отношеніи, въ синтаксическомъ намъ кажется совершенно неправильнымъ. Не говоря уже о томъ, что при такомъ дѣленіи futurum (которое, впрочемъ, далеко не всегда происходитъ отъ чистой основы, напр. *ἐγγύον* — *φρέζομαι*) относится къ одной рубрикѣ (чистая основа), тогда какъ по значенію оно должно быть отнесено къ двумъ (чистая основа и основа настоящаго), это дѣленіе вмѣстѣ съ тѣмъ и нелогично. Дѣйствительно, praesens, imperfectum, futurum I и aoristus — всѣ обозначаютъ *дѣйствіе*, между тѣмъ какъ perfectum, plusquamperfectum и futurum III означаютъ, строго говоря, не дѣйствіе, но *состояніе*, представляющее результатъ дѣйствія, напр. *τέθνηκα* — я нахожусь въ состояніи мертваго. Такимъ образомъ, основа perfecti находится въ соподчиненіи не съ основой praesentis и aoristi отдѣльно, но съ той и другой вмѣстѣ; другими словами: понятіе значенія формъ основы perfecti находится въ соподчиненіи съ тѣмъ общимъ понятіемъ, части котораго суть значенія формъ praesentis и aoristi. Кромѣ того, какъ сказано выше, здѣсь за основаніе дѣленія въ синтаксическомъ отношеніи взять признакъ этимологическій. Дѣленіе будетъ правильно, если мы, принявъ за основаніе дѣленія значеніе формъ, раздѣлимъ ихъ на два рода*): родъ несовершенный, означающій дѣйствіе, и родъ совершенный, означающій состояніе какъ результатъ совершеннаго дѣйствія. Первый классъ въ свою

*) Это дѣленіе заимствовано мною въ главныхъ чертахъ изъ лекцій по спряженію индо-европейскаго глагола проф. Ф. Э. Фортунатова.

очередь подраздѣляется также на два вида: видъ длительный, указывающій на то, что дѣйствіе продолжается или развивается, и видъ недлительный, указывающій только на то, что извѣстное дѣйствіе произошло. Родъ совершенный не дѣлится на виды или, вѣрнѣе сказать, имѣетъ только длительный видъ. Это дѣленіе можно представить въ видѣ слѣдующей таблицы:

	Настоящее.	Прошедшее.	Будущее.
I. Родъ несовершенный:			
1) Видъ длительный .	Praesens.	Imperfectum	} Futurum I.
2) Видъ недлительный.	Нѣтъ.	Aoristus.	
II. Родъ совершенный:			
1) Видъ длительный .	Perfectum.	Plusquamperfectum.	Futurum III.
2) Видъ недлительный.	Н	Ѣ т	ъ.

С. Соболевскій.

Мысли Гербарта о значеніи и преподаваніи древнихъ языковъ.

„Die alte Geschichte ist der einzig
mögliche Stützpunkt für paedagogische
Behandlung der Sprachen“.

Herbart.

Если смотрѣть на древніе языки съ узко-формальной точки зрѣнія, то, конечно, нечего много задумываться надъ ихъ преподаваніемъ: въ этомъ случаѣ все сводится къ затверживанью грамматики, да переводу извѣстной дозы латинскихъ и греческихъ текстовъ въ придачу. Иначе представляется дѣло для того, кто видитъ въ древнихъ языкахъ не одно орудіе „гимнастики ума“, но живую, могучую общеобразовательную силу, способную не только развить интеллектъ питомца, расширить кругозоръ его, но и облагородить его нравственно, наполнивъ душу его высокими идеалами истины, добра и красоты. При такомъ взглядѣ древніе языки выходятъ изъ своего обособленнаго положенія, тѣсно сливаются съ общею семью учебныхъ предметовъ, перестаютъ изучаться только ради самихъ себя, получаютъ свою надлежащую истово-педагогическую оцѣнку. Учить древнимъ языкамъ уже не значитъ тогда только сообщать тѣ или иные свѣдѣнія, прививать тотъ или иной навыкъ: учить имъ значитъ стараться дѣлать дѣтей умнѣе, нравственнѣе, человѣчнѣе, словомъ значитъ „воспитывать“. Конечно, привести обученіе въ живую связь съ воспитаніемъ и притомъ такъ, чтобы не пострадало ни то, ни другое, — задача весьма не легкая; но только такое преподаваніе и можетъ благотворно подѣйствовать на душу питомца; а гдѣ дѣло идетъ о благѣ послѣдняго, тамъ нечего жалѣть трудовъ и напряженія.

Идея „воспитывающаго обученія“ принадлежит новѣйшей германской педагогикѣ; впервые она была высказана и обоснована Гербартомъ*). Онъ же въ многочисленныхъ педагогическихъ сочиненіяхъ неоднократно касался вопроса о преподаваніи древнихъ языковъ. Въ мысляхъ его по этому предмету, несмотря на ихъ своеобразіе и противорѣчіе съ обычной школьной рутинной, столько внутренней правды, а главное столько наводящаго на дальнѣйшія размышленія, что мы желали бы ознакомить съ ними въ общихъ чертахъ**) и русскихъ педагоговъ, тѣмъ болѣе что идеи Гербарта и его школы въ Германіи приобрѣтаютъ за послѣднее время болѣе и болѣе вліянія въ вопросахъ средняго образованія***).

*) Иоганнъ Фридрихъ Гербартъ (1776—1841), известный философъ-психологъ, считается основателемъ т.-н. „научной педагогикѣ“, опирающейся на этику и психологію. Основное положеніе его педагогикѣ — нераздѣльность обученія и воспитанія: „Нѣтъ воспитанія безъ обученія: нѣтъ обученія безъ воспитанія“. Хотя Гербартъ при жизни пользовался общимъ уваженіемъ и любовью, какъ даровитый философъ и прекрасный профессоръ (онъ читалъ философію въ Геттингенѣ и Кенигсбергѣ), однако его педагогическія идеи, не перестававшія занимать его до конца жизни, встрѣчали мало сочувствія у современниковъ. Потребовалось нѣсколько десятковъ лѣтъ, нужны были соединенныя усилія послѣдователей философа въ области теоріи и практики (изъ нихъ назовемъ особенно Циллера, Столя), прежде чѣмъ на эти идеи обратили надлежащее вниманіе. Зато теперь въ литературѣ по вопросамъ средняго образованія въ Германіи не поылается ни одного сколько нибудь значительнаго сочиненія, которое не стояло бы въ известномъ отношеніи къ школѣ Гербарта и такъ или иначе не преслѣдовало бы цѣлей „воспитывающаго обученія“. — Полное собраніе педагогическихъ сочиненій Гербарта выйдеть въ настоящее время въ двухъ изданіяхъ: а) Joh. Friedrich Herbart. Paedagogische Schriften, mit Herbarts Biographie, von Fr. Bartholomaei. Langensalza; 1875—1884. б) Joh. Friedr. Herbarts paedagogische Schriften in chronologischer Reihenfolge herausgegeben, mit Einleitung, Anmerkungen und comparativem Register versehen, von O. Willmann, Leipzig in 2 Bn. 1873—1875 (цитаты въ статьѣ приведены по этому изданію). Довольно ясное изложеніе сущности „воспитывающаго обученія“ даетъ брошюра I. G. Ietter: „Erziehender Unterricht“ Altenburg 1890. На русскомъ языкѣ выйдеть весьма хорошая статья о Гербартѣ И. Николаевскаго: „Иоганнъ Фридрихъ Гербартъ какъ педагогъ“, помещенная въ Ж. М. Н. П. за 1876 г. (т. 187, стр. 11. 47 отд. педагогикѣ).

**) При обработкѣ нашей статьи выйдеть въ виду обстоятельный трудъ Hans Merjian-Genast'a „Die alten Sprachen in der Paedagogik Herbarts“ (Neue Jahrbücher für Philologie und Paedagogik. 1890. Abt. II. Heft 4—8).

***) Главнымъ органомъ Гербартовой школы по вопросамъ средняго образованія выйдеть журналъ: „Lehrproben und Lehrgänge“ von Frick und Meier.

I.

Что такое «воспитывающее обученіе»? — Дѣленіе учебныхъ предметовъ. — Отношеніе языка къ исторіи. — Мѣсто древнихъ языковъ — Преподаваніе древней исторіи.

Цѣль воспитанія по Герbartу состоитъ въ *добродѣтели*. Добродѣтель заключаетъ въ себѣ два элемента, вполне гармонирующие между собою: а) познаніе того, что справедливо и хорошо, т.-е. познаніе, опредѣляемое совокупностью нравственныхъ идей; б) соотвѣтствующую этому познанію волю. И познаніе и воля проистекаютъ изъ извѣстнаго круга мыслей, который съ этою цѣлью долженъ быть заранѣе опредѣленъ воспитаніемъ. Опредѣленіе круга мыслей достигается пробужденіемъ многосторонняго и равномѣрнаго интереса*). Многосторонній и равномѣрный интересъ заждется: а) на знаніи, б) на сочувствіи. Въ области знанія интересъ направляется или къ изученію разнообразныхъ предметовъ и явленій, или къ уразумѣнію ихъ законовъ, или къ ихъ эстетическимъ отношеніямъ; предметомъ сочувствія можетъ быть или отдѣльный человѣкъ, или цѣлое общество, или наконецъ отношеніе къ высшему существу — къ Богу. Отсюда вытекаютъ шесть такъ называемыхъ „видовъ интереса“: а) изъ категоріи знанія: интересъ эмпирическій, спекулятивный, эстетическій; б) изъ категоріи сочувствія: симпатическій, социальный, религіозный.

Знанія достигаемъ мы при помощи опыта, сочувствіе развивается чрезъ обращеніе въ обществѣ подобныхъ намъ. И того и другого самихъ по себѣ было бы весьма недостаточно, еслибы на помощь не приходило обученіе. Ближайшая задача обученія и есть именно пробужденіе многосторонняго и равномѣрнаго интереса. Сообразно тому, какъ любой изъ видовъ интереса можетъ быть отнесенъ къ двумъ вышеуказаннымъ категоріямъ, и весь учебный матеріалъ дѣлится на двѣ части: а) на науки историческія (въ число которыхъ входитъ и языкованіе) и б) на науки естественныя (къ которымъ принадлежитъ и математика). Науки естественныя расширяютъ кругъ опытнаго знанія; историческія помимо обогащенія опыта развиваютъ также чувство общности; на этомъ осно-

*) Слово „интересъ“ понимается не въ обыкновенномъ значеніи скоропроходящаго настроенія, но въ смыслѣ силы, дѣйствующей и послѣ узнанія чего-либо и стремящейся къ сохраненію и расширенію умственнаго приобрѣтенія.

знается предпочтеніе, отдаваемое послѣднимъ въ общей системѣ воспитанія. „Уже ради одного противодѣйствія эгоизму, — говоритъ Гербертъ, — дѣла человѣческія должны составлять главный предметъ обученія во всякой школѣ, поставившей себѣ цѣлью образовывать всего человѣка“ ¹⁾).

Исторія, въ смыслѣ Герберта, обнимаетъ собою гораздо большій кругъ предметовъ и преслѣдуетъ болѣе широкія задачи, чѣмъ въ обыкновенномъ смыслѣ. Обученіе исторіи должно дать ученику живыя образы различныхъ людей и эпохъ, настолько живые и наглядные, чтобы онъ чувствовалъ себя какъ бы перенесеннымъ въ изучаемую эпоху и самъ какъ бы вращался въ обществѣ этихъ людей. Для достиженія этой цѣли нельзя ограничиться простымъ разсказомъ объ отдаленныхъ временахъ; наоборотъ питомцевъ необходимо непосредственно, лично ознакомить съ памятниками тѣхъ временъ, дошедшими до насъ. Самые краснорѣчивые памятники представляетъ несомнѣнно литература, которая возстановляетъ передъ нами цѣльный образъ прошедшаго и посредствомъ которой тѣ люди, съ коими юноши должны вступить въ близкое общеніе, сами говорятъ къ намъ. Здѣсь конечно подразумѣваются не только произведенія историковъ, но и творенія ораторовъ, философовъ и поэтовъ, поскольку таковыя служатъ отраженіемъ своего времени, поскольку они могутъ возбуждать интересъ въ душѣ юноши и своимъ нравственнымъ мировоззрѣніемъ не идутъ въ разрѣзъ съ цѣлію воспитывающаго обученія. Ни въ какомъ изложеніи, ни въ какомъ переводѣ не будутъ говорить эти памятники такъ краснорѣчиво, какъ въ оригиналѣ, на томъ самомъ языкѣ, на которомъ они написаны. Роль языка не ограничивается только тѣмъ, что онъ служитъ для выраженія нашихъ мыслей и чувствъ; въ извѣстной степени самыя наши мысли и чувства зависятъ отъ языка. Отношеніе между языкомъ и исторіей народа взаимное. Языкъ есть продуктъ народнаго духа и, такъ какъ этотъ духъ коренится въ исторіи народа, то и онъ не можетъ быть понятъ безъ послѣдней; но вмѣстѣ съ тѣмъ языкъ есть хранитель этого же народнаго духа, зачастую его переживающій, такъ что послѣдній можетъ быть понятъ лишь чрезъ посредство языка²⁾). Отсюда ясно, какое значеніе имѣетъ изученіе языковъ. Они

¹⁾ П. 522.

²⁾ Ср. Lazarus: «Leben der Seele» II. 2. Aufl. S. 214.

необходимы для исторіи, ибо настоящее пониманіе исторіи какаго-либо народа немислимо безъ знанія языка, на которомъ говорилъ этотъ народъ, безъ знакомства съ литературными памятниками, которые онъ по себѣ оставилъ.

Сказанное относительно языка вообще примѣняется Гербартомъ и къ древнимъ языкамъ въ частности. Сами по себѣ какъ предметъ учебно-воспитательный древніе языки не имѣютъ въ его глазахъ никакой цѣны. „Древніе языки изучаютъ единственно ради сочиненій“¹⁾. „Языки суть знаки; знаки интересуютъ лишь благодаря изображаемому имъ предметамъ. Если греческіе писатели какимъ-нибудь образомъ исчезнутъ съ лица земли, то языкъ греческій потеряетъ всякое значеніе, исключая развѣ нѣсколькихъ ученыхъ специалистовъ, для которыхъ это будетъ любопытный документъ изъ древняго періода“²⁾. „Языки сами по себѣ не даютъ дѣтямъ никакого понятія ни объ эпохѣ, ни о народѣ; для нихъ это трудныя задачи, которыми обременяютъ ихъ учителя“³⁾. „Древніе языки — бремя и бремя тяжелое; только одна неизбѣжная необходимость заставляетъ учить ихъ“, неоднократно повторяетъ Гербартъ въ своихъ сочиненіяхъ. Необходимость эта основывается на преемственности культуры. „Если обученіе не пройдетъ хотя части своего пути черезъ древніе языки, то мы никогда не въ состояніи будемъ живо представить себѣ древность, съ которой мы такъ неразрывно связаны“⁴⁾. „Наше знаніе станетъ скоро беспочвеннымъ, и мы потеряемъ вѣрнѣйшій критерій для оцѣнки словесныхъ произведеній, если когда-нибудь забудемъ древніе языки“⁵⁾. Древніе языки, особенно греческій, считаетъ Гербартъ существенно необходимымъ знаніемъ для каждаго человѣка, „имѣющаго досугъ и возможность получить законченное образованіе“⁶⁾.

Такимъ образомъ Гербартъ совершенно игнорируетъ формально-образовательную силу, заключающуюся въ изученіи древнихъ языковъ. „Древняя исторія — вотъ единственно возможное основаніе для настоящей педагогической постановки преподаванія древнихъ языковъ“⁷⁾, — говоритъ онъ. „Лишь она даетъ имъ надлежащую точку опоры вначалѣ и служитъ вѣрнѣйшею путеводною нитью при дальнѣйшемъ ихъ изученіи“.

1) I. 292. 2) II. 108. 3) II. 637. 4) II. 108. 5) 470. 6) I. 14. 7) II. 637.

Какъ же смотрѣлъ Гербарть на преподаваніе древней исторіи? Всякое разумное обученіе должно примыкать къ кругу представленій, уже успѣвшихъ сложиться въ душѣ ребенка: новый учебный предметъ можетъ только тогда оказать надлежащее дѣйствіе, когда онъ будетъ содержать элементы, уже находящіяся въ душѣ ребенка, когда онъ будетъ, такъ сказать, сродни ему. „Тщательное разсмотрѣніе вопроса, съ чего именно начинать изученіе исторіи, — говоритъ Гербарть, — скоро приводитъ къ тому заключенію, что такого пункта соприкосновенія нельзя найти въ современной намъ дѣйствительности. Сфера дѣтская слишкомъ тѣсна и ограничена; сфера взрослыхъ у современныхъ образованныхъ націй слишкомъ высока и обставлена такими условіями, уясненіе которыхъ для мальчика или совсѣмъ невозможно, или по крайней мѣрѣ нежелательно“¹⁾. Роднымъ для него, наиболѣе подходящимъ къ его дѣтскому мірку является простой и величавый древній міръ. „Нечего бояться того, что древній міръ отдѣленъ отъ насъ на далекое пространство и время: мысли движутся быстро; для нихъ далекое то, что раздѣлено массою побочныхъ представленій и затемнено разнаго рода умственными модификаціями“²⁾. „Мальчикъ, да даже еще и юноша, не можетъ смотрѣть въ будущее взрослыхъ, потому что самая ихъ настоящая-то жизнь, — поскольку послѣдняя проявляется въ обществѣ, наукѣ, искусствѣ — для него тайна; настоящее для насъ — для него еще будущее; прошедшее для насъ — какъ разъ подходящее для него настоящее; и спокойное пребываніе въ этомъ прошедшемъ скажетъ ему несравненно болѣе, чѣмъ ускоренное стремленіе въ будущее“³⁾.

Важно только, во-первыхъ, выбрать изъ богатой сокровищницы древней литературы матеріалъ, наиболѣе подходящий для учащихся и, во-вторыхъ, наблюсти въ планѣ извѣстную послѣдовательность движенія, такъ чтобы избранный предметъ не забѣгалъ слишкомъ впередъ, но и не отставалъ отъ постоянно зрѣющаго пониманія мальчика. Подобное соотвѣтствіе учебнаго матеріала степени развитія учащагося необходимо для поддержанія всесторонняго интереса и особенно легко достижимо потому, что древняя литература настолько богата источниками для каждаго возраста, для каждой ступени юношескаго развитія, что даетъ возможность въ выборѣ

1) I. 291. 2) I. 385. 3) II. 260.

матеріала сообразоваться даже съ различными особенностями и темпераментами дѣтей. Вотъ какъ характерно выражается по этому поводу Гербертъ¹⁾: „Рано должны освоиться будущіе представители своей націи съ древнимъ міромъ, который такъ неразрывно связанъ съ нашимъ временемъ... Но какъ человѣкъ никогда не долженъ весь уходить въ какую-нибудь эпоху, то и мальчикъ и юноша должны чувствовать, что они находятся въ постоянномъ движеніи впередъ; на каждомъ пунктѣ учащагося неотступно должна преслѣдовать мысль: „здѣсь не можетъ остановиться чедовѣчество“. Но въ такомъ случаѣ самый предметъ не долженъ быть ни слишкомъ высокъ, ни слишкомъ низокъ. Предметъ стоитъ слишкомъ низко, если юношу, стремящагося въ современную цивилизованную жизнь, держать на Итакѣ или подъ стѣнами Трон; слишкомъ высоко, если дѣти, которымъ въ бурныхъ сходкахъ жителей Итаки грезится тотъ же духъ, что и въ ихъ собственныхъ необыкновенно серьезныхъ совѣщаніяхъ и играхъ, должны съ Мильтіадомъ и Ѳемистокломъ защищать Аѳины, а затѣмъ вскорѣ, ничего не понимая въ политическихъ интересахъ, принимать либо сторону сената, либо сторону народа въ Римѣ“ и т. д.

Послѣ этого естественнымъ покажется выводъ Герберта, что исходнымъ пунктомъ въ изученіи древней исторіи слѣдуетъ считать исторію эллинскаго народа. „Нити исторіи кончаются въ современности, зачатки же нашей культуры коренятся въ мірѣ эллинскомъ: тамъ, въ идеальномъ изображеніи младенчества чело-вѣческаго, въ гомеровскихъ пѣсняхъ, возженъ свѣточъ для всѣхъ послѣдующихъ вѣковъ“²⁾. Только отираваясь отсюда, можно надѣяться достигъ правильнаго ознакомленія, истиннаго проникновенія духомъ древности. „Педагогическія цѣли требуютъ, чтобы древо европейской культуры, возросшее въ страпѣ эллиновъ, возвышалось прямо и естественно въ душѣ тѣхъ, которые имѣютъ притязаніе называться образованными людьми своей родины и такъ или иначе вліять на общественное мнѣніе. Ихъ-то именно и слѣдуетъ предостерегать отъ увлеченій какъ современностью, такъ и обманчивыми призраками искаженнаго прошедшаго, да даже и отъ увлеченія отдѣльными блестящими феноменами древности“³⁾.

1) I. 577. 2) I. 291. 3) I. 576.

II.

Предпочтеніе, отдаваемое Гербартомъ греческому языку. — Чтеніе Одиссеи. — Элементарное прохожденіе грамматики. — Чтеніе остальныхъ греческихъ авторовъ. — О преподаваніи латинскаго языка. — Переводы на древніе языки. — Заключеніе.

Въ 1802 году, выступая приватъ-доцентомъ по кафедрѣ философіи въ Геттингенѣ, Гербартъ ставитъ между прочимъ слѣдующій тезисъ: „*Institutio liberorum a Graecis litteris incipienda est et quidem ab Homeri Odyssea*“... Этотъ тезисъ является прямымъ слѣдствіемъ его воззрѣній на преподаваніе древней исторіи и на отношеніе къ ней древнихъ языковъ. Въ то время многіе ученые раздѣляли взгляды Гербарта и отдавали рѣшительное предпочтеніе греческому языку. Но ихъ увлекало восхищеніе эллинской литературой; Гербартъ же основывалъ свои требованія на „главной цѣли всякаго обученія“; неестественный энтузіазмъ эллистовъ былъ далеко ему не по сердцу. „Ратовать противъ преломленія вредъ греками я считаю такою же прямою своею обязанностью при обученіи, — говоритъ онъ, — какъ и доводить до внѣшескаго пониманія истинное достоинство греческой литературы, — разумѣю ея необыкновенную естественность. Гомеръ, Геродотъ, Платонъ по душѣ мои питомцамъ, насколько они ихъ знаютъ; но чтобы они восхищались ими, я никогда не слыхивалъ“¹⁾.

Въ числѣ причинъ, заставлявшихъ Гербарта отдавать при первоначальномъ обученіи предпочтеніе греческому, назовемъ: во-первыхъ, необыкновенную живость въ обрисовкѣ характеровъ (особенность Гомера), наглядность сужденія и сила чувства (особенности греческихъ историковъ и философовъ); во-вторыхъ, самостоятельность и первенство греческой культуры сравнительно съ римскою („Греція была шеолою для Рима даже въ его лучшія времена; для чего же намъ обращаться къ ученикамъ, обходя учителей?“²⁾); въ-третьихъ, законъ преемственности культуры: „Если все новое, — говоритъ Гербартъ, — не только слѣдуетъ за древнимъ, но именно истекаетъ изъ него; и если новое изучаютъ ранѣе, съ древнимъ же знакомятся сперва по слухамъ, а потомъ изучаютъ его, составивъ предвзятое мнѣніе, то въ результатѣ получается:

¹⁾ II. 156. ²⁾ I. 76.

во-первыхъ, то, что не понимаютъ какъ слѣдуетъ новаго; во-вторыхъ, что не древнее смотрятъ сквозь призму собственного воображенія“¹⁾. Римскіе писатели предполагаютъ знакомство чуть не съ цѣлой эллинской культурой, и потому ихъ мѣсто послѣ Гомера и другихъ грековъ. Превратную постановку дѣла Гербарть опровергаетъ еще слѣдующимъ соображеніемъ психологическаго характера: „Такъ какъ и Аѳины и Римъ равно чужды намъ, то все дѣло заключается въ соотношеніи двухъ чуждыхъ для насъ группъ представленій, которыя мы хотимъ усвоить путемъ историческаго изученія. Если эти группы сначала залагутъ въ превратномъ порядкѣ, то потомъ придется перемѣщать ихъ; но это никогда не удастся вполне, ибо активныя представленія (о насивныхъ иѣтъ и рѣчи: таковыя не имѣютъ значенія для цѣлей воспитанія) нельзя видоизмѣнять по своему желанію, такъ какъ они всегда стремятся удержать принятый разъ порядокъ соединенія“. Наконецъ, въ пользу начала съ греческаго яз. Гербарть приводитъ его сравнительную трудность: „Уже изъ-за того, что греческій языкъ труднѣе латинскаго, слѣдовало бы начинать его раньше“²⁾.

На этомъ же основаніи Гербарть совѣтуетъ начинать обученіе древнимъ языкамъ въ возможно ранніе годы (въ возрастѣ отъ 8—10 лѣтъ). „Уже одна долгая работа, которой требуютъ древніе языки, заставляетъ начинать учить имъ какъ можно ранѣе. Слѣдуетъ съ раннихъ лѣтъ привыкнуть къ звукамъ чужого языка, чтобы онъ пересталъ рѣзать ухо“³⁾. Въ этомъ отношеніи Гербарть намѣренно становится въ разрѣзъ съ господствующими воззрѣніями: „Извѣстно мнѣннѣе, что трудность уменьшится, если начинать учить древнимъ языкамъ поздиѣе: тогда, говорятъ, увеличивается способность къ воспріятію. Наоборотъ: чѣмъ поздиѣе, тѣмъ болѣе міросозерцаніе юноши склоняется къ своему окончательному завершенію. Предметамъ, требующимъ памяти, надо начинать учиться какъ можно ранѣе, особенно тамъ, гдѣ вся польза зависитъ отъ приобрѣтеннаго навыка. Слѣдуетъ начинать рано и подвигаться впередъ медленно, безъ скачковъ и принужденія!“⁴⁾.

Въ своемъ учебномъ планѣ Гербарть предписываетъ такой порядокъ: „для младшаго возраста — начало греческаго языка; для средняго — начало латинскаго; для старшаго — занятіе новыми языками“⁵⁾.

1) II. 156. 2) II. 465. 3) II. 557. 4) II. 636. 5) I. 446.

Изученіе греческаго языка начинается съ чтенія Одиссея, незамѣнимой въ воспитательномъ обученіи*). „Одиссея, — говоритъ Гербарть, — превосходитъ всѣ остальные произведенія древности, подходящія въ дѣтскому возрасту, опредѣленнымъ педагогическимъ воздѣйствіемъ“¹⁾. Она какъ нельзя болѣе пригодна для введенія въ древній міръ. „Гомеръ учитъ дѣтей тому, что для нихъ особенно трудно, — живо представлять себѣ нравы и образъ жизни людей, отдѣленныхъ отъ насъ длиннымъ рядомъ вѣковъ“²⁾. Знакомство съ Гомеромъ есть фундаментъ, на коемъ зиждется послѣдующее изученіе древняго міра: „Гомеръ постепенно возбуждаетъ дѣтское вниманіе и постоянно усиливаетъ его; въ концѣ концовъ онъ до такой степени овладѣваетъ дѣтскимъ сердцемъ, что ни одна книга не сравнится съ нимъ въ этомъ отношеніи; онъ оставляетъ во себѣ неизгладимое впечатлѣніе, съ которымъ позднѣе сливаются впечатлѣнія отъ всей древней исторіи и литературы“³⁾. Словомъ, это лучшая, идеальнѣйшая *дѣтская* книга, какую только можно себѣ представить. Въ однои мѣстѣ, нападая на *длинную* дѣтскую литературу, Гербарть такими прекрасными словами характеризуетъ всю незамѣнимость въ этомъ отношеніи Гомера: „Дайте дѣтямъ интересный разсказъ, богатый происшествіями, отношеніями, характерами; въ немъ должна быть строго проведена психологическая истина, не превышающая однако дѣтскаго

*) I. M. Gesner (1691—1761), одинъ изъ замѣчательныхъ педагоговъ-филологовъ своего времени, почти за столѣтіе раньше выражаетъ тѣже взгляды, что и Гербарть; ставя вопросъ въ однои изъ своихъ педагогическихъ сочиненій: an a Graecis potius, quam a Latinis initium faciendum sit discendi? онъ ставитъ за мѣромъ: haberemus enim contextam quasi historiam ingeniorum videremusque incrementa cognitionis et quomodo tamquam successione hereditatis propagata sit eruditio. Всего лучше по его мнѣнію также начинать съ Гомера: „pueri sex(1) annorum iucundius legerent Homerum, quam adulti, nam proprie aptus est pueris“... Практически мысль Гербарта старался до известной степени осуществить H. L. Ahrens, который съ этой цѣлью издалъ: „Griechisches Elementarbuch aus Homer“ (2-te Auflage 1870) и „Griechische Formenlehre des homerischen und attischen Dialektes, zum Gebrauche bei dem Elementarunterrichte“, bei Wandenhoeck und Ruprecht in Göttingen 1852. Результаты: ср. „Eine Neugestaltung des griechischen Unterrichts, besonders des Elementarunterrichtes“ von Dr. O. Hoffmann. Göttingen 1889. Аренсовъ способъ обученія привился было въ Ганноверѣ и заслужилъ общее одобреніе; уничтоженъ благодаря вліянію прусскихъ гинназій.

1) II. 638. 2) I. 54. 3) II. 82.

чувства и пониманія; въ немъ не должно быть и тѣни намѣренія изобразить что-нибудь особенно дурное или особенно хорошее; пусть незамѣтный, какъ бы самъ-то еще только пробуждающійся нравственный тактъ ведетъ къ тому, чтобы интересъ дѣйствія перешелъ отъ дурного къ хорошему, отъ неправнаго къ правому, — вы увидите, какъ рассказъ прикуетъ къ себѣ вниманіе дѣтей, какъ они станутъ еще глубже рыться въ этой правдѣ, добираться до самой сути вещей; вы увидите, какъ разное содержаніе будетъ вызывать и разное съ ихъ стороны сужденіе, какъ удовольствіе отъ смѣны сценъ будетъ имѣть въ результатѣ предпочтеніе лучшаго, — мало того, какъ мальчикъ, который въ нравственномъ отношеніи чувствуетъ себя, можетъ быть, нѣсколько выше, нежели герой или писатель, съ чувствомъ внутренняго удовлетворенія будетъ противопоставлять себя этому низшему міросозерпанію. Еще одно качество долженъ имѣть вашъ рассказъ, если вы рассчитываете на продолжительное и сильное дѣйствіе: онъ долженъ быть проникнуть мужественнымъ величіемъ. Мальчикъ не хуже взрослого отличаетъ пошлое и обыденное отъ величаго; это различіе для него даже чувствительнѣе, чѣмъ для насъ: ему не хочется быть маленькимъ, онъ стремится быть мужчиной. Взоръ ребенка, если онъ правильно развитъ, устремленъ вдаль, и восьми лѣтъ онъ уже неохотно слушаетъ разныя дѣтскія исторіи. Такъ изображайте же ему такихъ героевъ, какимъ ему самому хочется быть. Только вамъ не найти ихъ въ окружающей средѣ, потому что современные герои не подходятъ подъ дѣтскій идеалъ; не найти его вамъ и въ своемъ воображеніи, ибо оно заполнено педагогическими пожеланіями, вашими собственными знаніями, опытомъ, интересами... Я знаю одну только эпоху, — заключаетъ Гербарть, — изъ которой можно заимствовать такую повѣсть — это классическое младенчество грековъ; и здѣсь прежде всего представляется мнѣ Одиссея¹⁾. Въ воспитательномъ обученіи Одиссея особенно цѣнна потому, что какъ нельзя болѣе содѣйствуетъ развитію равномернаго и разносторонняго интереса. „Въ Одиссеѣ называется длинная, изобилующая приключеніями исторія: этимъ пробуждается интересъ эмпирическій; въ ней выводятся всевозможные люди въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ: этимъ возбуждается

1) I. 345.

размышленіе о взаимной связи причинъ и слѣдствій въ человѣческомъ обществѣ, слѣдовательно пробуждается интересъ *спекулятивный*; Одиссея есть поэма классическая; хотя какъ таковая она не можетъ быть понята дѣтьми (почему и придется ее пересчитывать въ позднѣйшіе годы съ иной точки зрѣнія), однако она представляетъ для дѣтской души самый подходящій матеріалъ въ смыслѣ *эстетическаго* развитія; въ ней изображаются человѣческія страданія и радости и въ большей части случаевъ такъ, что уже маленький мальчикъ, да онъ-то пожалуй скорѣе всѣхъ, можетъ имъ *симпатизировать*; въ ней рисуются картины общественнаго благосостоянія и бѣдствія, гражданскаго порядка и неурядицы, — этимъ пробуждается интересъ *соціальный*, изъ котораго послѣдствіемъ развивается общественный смыслъ; наконецъ, Одиссея учитъ людей подчиняться высшей божественной волѣ, — этимъ она руководитъ къ *религіозному* самоуничженію, не представляя опасности, при правильномъ веденіи дѣла (дѣтямъ постоянно слѣдуетъ внушать, что это только сказка), вовлечь юныхъ читателей въ поклоненіе языческимъ божествамъ¹⁾.

Для чтенія Одиссеи Гербарть полагаетъ необходимую нѣкоторую подготовку: а) грамматику въ небольшомъ объемѣ; б) и необходимы историко-миѳологическія свѣдѣнія. Отрицая возможность изученія древнихъ языковъ *ex usu*, подобно новымъ языкамъ, Гербарть выставляетъ какъ главное правило при прохожденіи грамматики „ограниченіе самымъ элементарнымъ и неторопливость“. „Постепенно слѣдуетъ изучать языкъ, постепенно! Нельзя всего вдругъ, особенно основательно!“ „Совершенно бесполезно изучать грамматику прямо съ самаго начала до мельчайшихъ подробностей; преподавайте, сколько нужно для ближайшей практической надобности; тогда само собою явится желаніе узнать полнѣе и подробнѣе; а разъ проявилось это стремленіе, дѣло пойдетъ впередъ“²⁾. „На первыхъ порахъ слѣдуетъ разставить какъ бы вѣхи: флексіи, мѣстоименія, частицы“³⁾. Метода преподаванія грамматики въ гербартовскомъ смыслѣ въ настоящее время обстоятельно разработана его послѣдователями (напр. *Formalstufen* Циллера). Подробное разъясненіе этого метода выходитъ за предѣлы настоящей статьи; мы приведемъ два мѣста изъ сочиненій самого Гербарта,

1) II. 82. 2) I. 412. 3) II. 571.

которыя даютъ намъ нѣкоторое понятіе о его взглядѣ. „Искусство сообщить знаніе знаковъ, говорить онъ въ одномъ мѣстѣ¹⁾), то же, что и въ предметномъ обученія. Знаки суть тѣ же вещи; дѣти воспринимаютъ ихъ, вглядываются въ нихъ, изображаютъ ихъ, точь въ точь какъ предметы. Чѣмъ сильнѣе и всестороннѣе воспринимаются они чувствами, тѣмъ лучше. Уясненіе, ассоціація, распредѣленіе, правильное прохожденіе должны пунктуально слѣдовать другъ за другомъ“^{*)}). Второе мѣсто касается спеціально преподаванія грамматики: „Здѣсь, — говоритъ Гербарть, — во-первыхъ, слѣдуетъ различать общія понятія, каковы: число, время, наклоненіе, залогъ, отъ языковыхъ примѣтъ, характеризующихъ тотъ или другой языкъ. Во-вторыхъ, слѣдуетъ отмѣтить обозначеніе отдѣльныхъ понятій и ихъ рядовъ отъ развитія типа спряженія, которое является результатомъ варіаціи этихъ рядовъ... Если нужно научить напримѣръ греческому языку, то, послѣ предварительныхъ свѣдѣній, сперва указываютъ на примѣты постоянныя: какъ-то будущаго, прошедшаго совершеннаго, сослагательнаго, желательнаго, и т. д. и заставляютъ отыскивать ихъ въ отдѣльныхъ словахъ; затѣмъ проходятся менѣе постоянныя примѣты, какъ аномаліи, которыя необходимо заучить на память. Такъ занимаютъ умы дѣтей спряженіемъ, всячески ассоціируя многоразличныя его видоизмѣненія, прежде чѣмъ перейдутъ къ изученію назуствъ, хотя и безъ послѣдняго обойтись никакъ нельзя“²⁾).

Весьма важное значеніе придаетъ Гербарть изученію вокабулъ; трудно заучивающихъ слова, по его мнѣнію, совсѣмъ не слѣдуетъ

¹⁾ I. 412. ²⁾ I. 440.

^{*)} Указаніе на четыре ступени обученія Гербарта, внослѣдствіи полюбъ разработанныя Циллеромъ. По Гербарту: а) уясненіе, — т.-е. видѣніе извѣстнаго представленія изъ массы однородныхъ съ нимъ представленій, отвлеченіе его отъ нихъ, такъ чтобы учащійся могъ составить себѣ о немъ ясное и отчетливое понятіе; б) ассоціація, — т.-е. сопоставленіе его съ другими родственными представленіями; в) система, — т.-е. приведеніе всѣхъ представленій въ извѣстный порядокъ; г) метода, — т.-е. примѣненіе составившагося понятія къ отдѣльнымъ явленіямъ и, наоборотъ, подведеніе отдѣльныхъ явленій подъ составившееся понятіе. По Циллеру такихъ ступеней пять: а) анализъ, б) синтезь, в) ассоціація, г) система, е) метода. Подробное разъясненіе см. у Letter — стр. 42 и сл., также у Дрбголава: „Опытъ методики первоначальнаго обученія латинскому языку“. Тифлисъ, 1884 (введеніе).

допускать до изученія древнихъ языковъ. Но вначалѣ слѣдуетъ поступать съ большою осторожностью, чтобы не отбить охоты къ ученію на самыхъ первыхъ порахъ. „Въ первые мѣсяцы, — говоритъ Гербертъ, — не слѣдуетъ строго выскивать за незнаніе словъ. Наоборотъ съ теченіемъ времени заучиванье вокабулъ становится необходимой работой для ученика: Благодаря ему приобретается значительный запасъ формъ языка; формы эти получаютъ извѣстную точку опоры, къ которой онѣ стоятъ въ томъ или иномъ отношеніи и благодаря которой онѣ получаютъ свое значеніе“¹⁾. Учитель долженъ запастись большимъ терпѣніемъ: „предварительное произнесеніе словъ вслухъ, чтеніе учениками, повтореніе, приѣмъ, поясненія всякаго рода“²⁾ — вотъ что помогаетъ въ этомъ трудномъ дѣлѣ. Особенно полезно прямо сначала выучить значеніе частицъ и мѣстоименій, такъ какъ они главнымъ образомъ облегчаютъ пониманіе конструкціи; хорошо также выучить сперва коренныя слова хотя бы одной книги Одиссеи: тогда легче замѣчаются производныя. Синтаксисъ Гомера не представляетъ особыхъ трудностей для дѣтей, и въ этомъ его большое преимущество, ибо ничто такъ не затрудняетъ начинающаго вообще, какъ сложныя и періодическія строенія чуждой рѣчи, тѣмъ болѣе дѣтей, которыя въ своихъ разговорахъ долго пробавляются исключительно сочиненіемъ, а не подчиненіемъ предложеній.

При сообщеніи свѣдѣній изъ міеологіи и исторіи должно вкратцѣ познакомить съ географіей страны, затѣмъ разсказать первоначальныя греческія мифы вплоть до похода аргонавтовъ и троянской войны. Эти подготовительныя работы займутъ приблизительно мѣсяць времени. Затѣмъ начинается чтеніе; первое время читается не болѣе трехъ, четырехъ стиховъ въ часъ, съ предварительнымъ переводомъ учителя, точнымъ реальнымъ объясненіемъ, аналитическими и синтетическими упражненіями въ грамматикѣ. Заниматься Одиссеей слѣдуетъ ежедневно не менѣе часа, но не растягивать ея чтенія болѣе чѣмъ на два года, въ продолженіе которыхъ, по мнѣнію Герберта, можно прочесть всю Одиссею. Главная задача при чтеніи — развить симпатическія чувства къ человѣку въ отдѣльности (наблюденіе надъ характеромъ, образованіе вкуса) и въ обществѣ. При этомъ слѣдуетъ остерегаться ослаблять „преlestь

1) II. 638. 2) I. 421.

чудеснаго“ въ Гомеровскомъ эпосѣ „чтеніемъ арабскихъ сказокъ и подобныхъ разсказовъ“*)¹⁾.

Иліада отступаетъ предъ Одиссеей на второй планъ. Она не годится для первоначальнаго обученія, такъ какъ въ ней много грубаго (особенно что касается боговъ), такого, что можетъ оскорбить дѣтское чувство. Читать Иліаду непосредственно за Одиссеей некогда; нельзя же засѣсть за одного Гомера. Ея мѣсто впереди: въ болѣе зрѣломъ возрастѣ необходимо возвратиться къ Гомеру, дабы читать его съ иныхъ точекъ зрѣнія; и тутъ-то Иліада какъ разъ у мѣста.

Писатель, непосредственно примыкающій къ Гомеру, есть Геродотъ: онъ знакомитъ дѣтей въ простой, привлекательной формѣ съ исторіей не отдѣльныхъ лицъ, а цѣлыхъ націй. Какъ историкъ, Геродотъ незамѣнимъ для дѣтей; его слогъ — образецъ для слога всякаго учителя исторіи. Послѣднимъ Гербарть даетъ такой совѣтъ: „Учитесь слогу у Геродота. Разказы его прямо надо выучить на память въ вѣрномъ, хорошемъ переводѣ. Дѣйствіе ихъ на дѣтей поразительное**)²⁾).

Касательно остальныхъ греческихъ писателей Гербарть не представляетъ какой-либо строгой системы; самъ онъ во время своихъ частныхъ занятій нѣсколько разъ видоизмѣнялъ и выборъ сочиненій и порядокъ ихъ. Обыкновенно за Гомеромъ и Геродотомъ слѣдовали: Фукидидъ, Ксенофонтъ, Плутархъ, Софокль, Эврипидъ и Платонъ.

Не останавливаясь на другихъ писателяхъ, приведемъ отзывы его о Платонѣ. Изъ сочиненій его Гербарть предлагаетъ читать въ предпоследнемъ классѣ „Критона“ и „Апологию“, въ послѣднемъ — 1, 2, 4, 8 книги *Πολιτεία*. Онъ неоднократно указываетъ на великое значеніе Платона для философскаго развитія. „При чтеніи Платона долгъ учителя руководить учениковъ въ исканіи этическихъ идей; добиться этого легко при томъ условіи, если головы учащихся уже начали работать и если учитель понимаетъ,

*) О чтеніи Одиссеи см. „Die Odyssee im erziehenden Unterricht“ и „Lesebuch aus Homer“ von Dr. O. Willmann; ср. также „Zur Behandlung der Odysseesage, in Sexta“. Lehrproben und Lehrgänge. H. 8. Juni 1886.

**) О чтеніи Геродота см. „Lesebuch aus Herodot“ и „Der elementare Geschichtsunterricht“ von Dr. O. Willmann. Verl. Gustav Gräbner in Leipzig 1885..

1) II. 639. 2) II. 614.

что здѣсь предстоитъ дѣлать нѣчто гораздо большее, нежели объяснять слова¹⁾). Помимо этого, сочиненія философа косвеннымъ образомъ вліяютъ и на развитіе религіознаго міровоззрѣнія. Платонъ относится къ религіи отрицательно: онъ показываетъ религію древнихъ въ ея истинномъ свѣтѣ, какъ темную сторону древности. Съ другой стороны, у него болѣе, чѣмъ у какого-либо другого писателя древности, выступаетъ идея „Провидѣнія“, замѣнившая собою со временъ Сократа понятіе „судьбы“, что въ свою очередь приближаетъ Платона къ христіанству. „Впечатлѣніе отъ христіанскаго ученія можно особенно усилить чтеніемъ тѣхъ Платоновыхъ діалоговъ, которые относятся къ смерти Сократа, именно чтеніемъ Критона и Апологіи. Они какъ разъ на мѣстѣ предъ изученіемъ богословія“²⁾).

Далеко не такъ подробно говоритъ Гербертъ о преподаваніи латинскаго языка. Необходимость его изученія въ его времена была конечно вѣдъ всякаго сомнѣнія: „это общепринятый языкъ ученыхъ“, „ему должно учиться“; кромѣ того, „латынь имѣетъ то преимущество, что даже и при небольшихъ успѣхахъ значительно облегчаетъ изученіе новѣйшихъ языковъ“³⁾; но во всякомъ случаѣ въ воспитательномъ обученіи латинскій языкъ занимаетъ лишь второе мѣсто. Гербертъ распредѣляетъ его преподаваніе приблизительно въ такомъ порядкѣ: изученіе начинается вскорѣ послѣ начала греческаго (когда именно, не опредѣлено); въ два первые года, пока идетъ чтеніе Одиссея, слѣдуетъ вкратцѣ пройти этимологию и переводить отрывки изъ хрестоматіи⁴⁾, затѣмъ одновременно съ Геродотомъ начать чтеніе Энеиды Вергилія. Хотя послѣдній стоитъ на гораздо высшей ступени культуры, но это уже неизбѣжное условіе всего римскаго. Зато Энеида — эпическое произведеніе; она продолжаетъ исторію троянцевъ и подготавливаетъ

1) II. 133. 2) II. 612. 3) II. 557.

4) Вообще же Гербертъ сильно ратовалъ противъ хрестоматій: „Institutio liberorum a Graecis litteris incipienda et quidem ab Homeri Odyssea, nullo omnino prohaico, minime autem chrestomatico libro praemisso“, — читается выше приведенный его тезисъ въ полномъ видѣ. „Хрестоматія — это рапсодія безъ всякой дѣли; на нихъ жалъ потратить недѣлю“. „Хрестоматія забыта, какъ только съ ней закончатъ“. Въ латинскомъ онъ прибѣгаетъ къ хрестоматіи за неизвѣстнымъ подходящаго автора, тѣмъ болѣе, что на низшихъ ступеняхъ вся воспитательная задача возложена на Одиссея.

къ чисто римскому“. — Настоящее мѣсто римскихъ писателей — въ высшихъ классахъ. „Тонкая воспримчивость, необходимая при чтеніи римскихъ авторовъ, такъ же индивидуальна, какъ тонкое музыкальное ухо; только небольшое число учениковъ имѣть ее, — и, что самое главное, только въ болѣе зрѣлыя годы можно надѣяться направить въ эту сторону пробудившійся интересъ юноши“. „Великіе, несравненные римскіе писатели — всѣ принадлежать позднѣйшему времени“¹⁾.

Во главѣ этихъ писателей стоятъ Цезарь и Цицеронъ; около нихъ группируются Ливій и Горацій.

Изъ сочиненій Цезаря принимается въ расчетъ *Bellum Gallicum*; „это сочиненіе, — говоритъ Гербарть, — должно пройти особенно тщательно; стиль его какъ разъ приближается къ той манерѣ писать, какую желательно было бы привить юношамъ“²⁾.

Изъ Цицерона слѣдуетъ читать сперва рѣчи, какъ наиболѣе блестящія произведенія его таланта, затѣмъ философскія сочиненія, требующія однако много поясненій. „Учитель долженъ вслухъ читать или прямо декламировать Цицерона. Ораторъ требуетъ живого голоса; для него недостаточно мопотоннаго чтенія учениковъ“³⁾. Изъ Ливія рекомендуются преимущественно 21 и 22 книги, чтеніе которыхъ можетъ примкнуть къ чтенію Геродота. — Горацій „особенно богатъ краткими изреченіями, смысломъ которыхъ не слѣдуетъ пренебрегать воспитателю“⁴⁾. — Тацитъ считаетъ Гербарть не особенно подходящимъ авторомъ для школьнаго возраста; Плавтъ и Теренцій, бывшіе въ прѣжнее время въ большомъ ходу, отвергаются вслѣдствіе ихъ содержанія.

Необходимымъ условіемъ для успѣшнаго изученія древнихъ языковъ Гербарть считаетъ письменные переводы съ родного языка. „Должно упражняться, — говоритъ онъ, — въ писаніи на томъ языкѣ, которому хотятъ научиться“. Но, какъ и естественно при его методѣ изученія грамматики по частямъ для ближайшей потребности, переводы эти должны имѣть мѣсто, спустя уже значительное время *послѣ* начала обученія языку. На первыхъ порахъ слѣдуетъ удѣлять какъ можно болѣе времени на чтеніе, ибо чужой языкъ надобно сперва слышать, понимать, замѣчать, словомъ, освоиться съ нимъ, прежде чѣмъ самъ начнешь говорить или писать на немъ.

¹⁾ II. 155. ²⁾ II. 639. ³⁾ II. 640. ⁴⁾ II. 639.

Сперва надобно заучить побольше образцовыхъ мѣстъ изъ древнихъ писателей. Особенно же рекомендуетъ Гербарть такъ-называемыя *извлеченія* изъ читаннаго, дѣлаемыя на урокъ подѣ наблюдениемъ преподавателя, по предварительномъ обсужденіи всѣмъ классомъ. Извлеченіе не есть подражаніе и не должно быть имъ; это такая же самостоятельная работа, какъ и переводы на родной языкъ по данному тексту. Въ послѣднихъ Гербарть совѣтуетъ быть какъ можно осторожнѣе, принимать всѣ мѣры, чтобы не допускать появленія массы ошибокъ; лучше хорошенько подготовить работу; ибо корректурныя исправленія весьма рѣдко усвоятся учениками и вообще не приносятъ существенной пользы.

Интересна критика Гербарта тогдашнихъ способовъ преподаванія древнихъ языковъ. Сильно возстаетъ онъ противъ рутинны и отсталости педагоговъ: „Если бы учителя гимназій занимались какъ слѣдуетъ; если бы приемы ихъ преподаванія не отставали отъ потребностей времени; если бы все еще не царствовалъ старый, унаслѣдованный отъ древнихъ вѣковъ способъ обученія: то общеніе съ величавымъ и жизнерадостнымъ древнимъ міромъ дало бы учителямъ вмѣстѣ съ хорошимъ настроеніемъ и хорошія методы, а ученикамъ радостное сознание своихъ успѣховъ“¹⁾.

Но что понимали въ педагогіи царившіе тогда въ гимназіи узкіе специалисты-филологи? „Положимъ, подобному специалисту поручать составить планъ занятій по его предмету. Откинувъ въ сторону всякія педагогическія соображенія, онъ начинаетъ разсуждать такимъ образомъ: наука уже даетъ мнѣ и планъ въ руки; ее должно преподавать сообразно съ ея содержаніемъ; въ ней одно предполагаетъ другое. И вотъ, если дѣло идетъ о преподаваніи какого-либо языка, то онъ потребуетъ, чтобы ученикъ сперва прошелъ всю грамматику и лишь за тѣмъ приступилъ къ чтенію; онъ долженъ понимать обыкновенные прозаическіе обороты, прежде чѣмъ учитель объяснитъ ему избранные поэтическіе и т. д.“ „И какое равнодушіе къ содержанію того, что читается! Что Непотъ, Цезарь, Ливій, Цицеронъ говорятъ о различномъ, учителю нѣтъ дѣла... вѣдь это все латынь, или еще лучше, это мертвый языкъ, т.-е. занятіе лексикономъ и грамматикой... Самое лучшее, — заключаетъ съ ироніей Гербарть, было бы найти авторовъ, которые ровно ничего не содержали бы!“²⁾

¹⁾ II. 154. ²⁾ II. 153.

Конечно, въ наше время такое мертвенно-формальное преподаваніе древнихъ языковъ уже, можно сказать, отходить въ область преданій. Учебные планы все болѣе стараются приспособить учебный матеріалъ къ степени развитія учащихся. Но все же, положа руку на сердце, мы не можемъ не сознаться, „что суббота для насъ дороже человѣка“, что запросы личности учащихся еще мало принимаются въ соображеніе при преподаваніи и что, какъ говорилъ Гербертъ, „интересъ до сихъ поръ не является руководящимъ принципомъ въ обученіи“¹⁾.

Добиться этого, положить „интересъ“ въ основу преподаванія древнихъ языковъ, указать имъ такую точку опоры, находя которую они могли бы вполне проявить таящуюся въ нихъ великую образовательную силу, — вотъ чего хотѣлъ Гербертъ и вотъ въ чемъ его великая заслуга. Пусть многія изъ его мыслей (какъ-то: полное отрицаніе формальнаго образованія, раннее начало преподаванія древнихъ языковъ, начало съ греческаго — наиболѣе труднаго и т. д.) не могутъ быть приняты*): важна и плодотворна общая, положенная имъ въ основу идея: „Только древняя исторія и можетъ служить опорной точкой для педагогически правильной постановки преподаванія древнихъ языковъ.“

Разработка же и правильное примѣненіе къ дѣлу этой основной мысли — задача нашего времени.**)

С. Любомудровъ.

¹⁾ II. 87.

*) Самъ Гербертъ былъ преимущественно домашнимъ воспитателемъ. Осуществить свои мысли въ общественномъ обученіи ему удалось временно въ „Koenigsberger Paedagogium“, основанномъ въ 1810 году и поставленномъ въ особые благопріятныя условія. Вотъ отзывъ о немъ одного компетентнаго современника: „Что касается математики и естественныхъ наукъ, то здѣсь особенно благотворно дѣйствовалъ огромный талантъ и любовь къ дѣлу Герберта; въ наукахъ филологическихъ замѣтны были успѣхи въ грамматикѣ, эстетикѣ, риторикѣ и малый навыкъ въ письменныхъ работахъ“. Подробнѣе см. статью Николаевского, стр. 52—53.

**) Читателямъ, интересующимся этимъ вопросомъ, мы могли бы указать на прекрасную статью R. Sternfeld'a (Zeitschrift für das Gymnasialwesen. 24 (1890) стр. 65 сл.) „Мы не ошибемся, говоритъ авторъ въ концѣ своей статьи, если скажемъ, что только исторія можетъ вложить въ филологію живую душу: иначе послѣдняя въ школахъ всегда обратится въ сухую грамматику, которая можетъ конечно развить формальное мышленіе ученика, но въ весьма малой мѣрѣ способна возбудить его интересъ“...

II. ХРОНИКА.

Археологическая хроника эллинскаго Востока.

Въ послѣднее двадцатилѣтіе особенное распространеніе получилъ способъ изученія древней топографіи и древнихъ памятниковъ посредствомъ раскопокъ. Онѣ дѣлають возможнымъ въ области древняго міра достиженіе такого полного и реальнаго знанія, о которомъ нельзя было и подумать полъ-вѣка тому назадъ. Самыя сокровища археологическія за эти послѣднія десятилѣтія удвоились, а способы ихъ изученія до такой степени усовершенствовались, что даже такія недавнія свѣтила археологической науки, какъ Панофка († 1858), Гергардъ († 1867) и О. Янъ († 1869) кажутся теперь уже дѣятелями другой, весьма отдаленной, эпохи, а ихъ взгляды и теоріи, въ значительной степени, имѣють лишь историческое значеніе. Рядъ самыхъ неожиданныхъ и самыхъ важныхъ открытій во всѣхъ отрасляхъ вѣдѣнія древняго міра, прорвавшихся передъ изумленнымъ взоромъ настоящаго научнаго поколѣнія, можно сравнить только съ великими открытіями эпохи Возрожденія. Слѣдствіемъ такого безпримѣрно быстрого накопленія знаній и усовершенствованія самыхъ методовъ является то быстрое антиквированіе, совершающееся иногда подъ руками составителя, которому подвергаются всякія попытки свода результатовъ или общаго изложенія. Не успѣеть выйти въ свѣтъ, напр. новое изданіе „Исторіи греческой пластики“ Овербека, какъ оно является уже устарѣвшимъ и притомъ въ существеннѣйшихъ частяхъ. Чтобы быть au courant состоянія науки въ каждый данный моментъ, современному археологу надо слѣдить постоянно за большимъ количествомъ повременныхъ изданій на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Въ Европѣ давно уже появились, однако, обзоры, имѣющіе цѣлью облегчить задачу подобнаго слѣженія, становящагося

даже для спеціалистовъ все болѣе и болѣе труднымъ. Не говоря уже о необходимости владѣнія многими языками, слѣдить за новой литературой можно, вообще, только въ большихъ центрахъ, обладающихъ богатыми библіотеками.

Подобные обзоры могутъ быть двоякаго рода. Во 1-хъ, библиографическіе, содержащіе или просто полный списокъ книгъ и статей соотвѣтствующаго содержанія, или сжатое и краткое изложеніе этого послѣдняго*). Во 2-хъ, реальные, т.-е. излагающіе въ краткихъ словахъ сущность новыхъ взглядовъ, высказанныхъ по тому или другому поводу, и отмѣчающіе новыя находки или въ порядкѣ географо-топографическомъ, или по родамъ памятниковъ**).

Мы рѣшаемся, по мѣрѣ нашихъ слабыхъ силъ, предложить подобный обзоръ читателямъ „Филологическаго Обзорѣнія“. Въ обзорѣ нашемъ мы ограничимся эллинскимъ Востокомъ. По многимъ соображеніямъ намъ кажется болѣе удобнымъ придать ему характеръ реальный. Во 1-хъ, такой обзоръ всегда болѣе удобочитаемъ, чѣмъ библиографическій, хотя бы и излагающій содержаніе сочиненій. Во 2-хъ, библиографическій обзоръ приноситъ, въ сущности, пользу, какъ указатель книгъ и статей интересныхъ и важныхъ, и подразумеваетъ, что лицо, пользующееся имъ, познакомится съ этими сочиненіями самостоятельно. Но послѣднее, опять-таки, возможно при условіяхъ, существующихъ у насъ въ Россіи развѣ только въ столицахъ. У большинства же читателей, живущихъ даже въ университетскихъ городахъ, онъ будетъ только напрасно раздражать ихъ любознательность. Въ 3-хъ, самый характеръ на-

*) Самые полные библиографическіе обзоры по археологін въ послѣднее время появляются въ *Jahrbuch des Kais. Deutsch. Archäol. Instituts* I—VI. 1886—91.

***) Реальные обзоры до послѣдняго времени были въ модѣ у французовъ. Полнотой, знаніемъ дѣла и живостью изложенія отличаются *Chroniques d'Orient* С. Рейнака въ *Revue archéologique* (недавно изданныя особой книгою за 1893—90гг. Paris. Didot). Удобные обзоры помѣщались до послѣдняго времени въ *Revue des études grecques*, издаваемомъ съ 1888. Въ *Bulletin de correspondance Hellénique* приступлено къ веденію очень подробной и точной хроники находокъ, цѣнной въ особенности потому, что составляется на мѣстѣ и при содѣйствіи лицъ, производившихъ самыя изслѣдованія. Первый обзоръ помѣщенъ въ послѣдней вышедшей книгѣ (III—IV. Mars — Juin 1891). Такимъ же точно способомъ реферруетъ Hülsen въ *Röm. Mittheilungen* о работахъ по топографіи Рима.

шей хроники, въ которой будетъ отводиться больше мѣста памятникамъ и находкамъ, чѣмъ изслѣдованіямъ, дѣлаетъ для нея болѣе удобною форму обзора реального, въ родѣ хроникъ Рейнака.

При составленіи хроники мы будемъ пользоваться, по возможности, свѣдѣніями, идущими изъ первыхъ рукъ, какъ официальные отчеты въ *Δελτίον ἀρχαιολογικόν*, *Ἐφημερίς ἀρχαιολογική*, *Bulletin de correspondance Hellénique*, *Athenische Mitteilungen* и т. п. Кромѣ того, имѣя и надѣясь имѣть и въ будущемъ знакомыхъ, занимающихся археологіею специально на мѣстѣ, въ Греціи *), мы надѣемся, что будемъ поставлены въ возможность наводить могущія понадобится справки.

Настоящая статья, долженствующая служить введеніемъ къ собственной „хроникѣ“, распадается на двѣ главныя части: а) характеристика современнаго состоянія археологіи въ Греціи и б) краткій перечень результатовъ замѣчательнѣйшихъ раскопокъ послѣднихъ 20-ти лѣтъ, отъ начала работъ Шлимана въ Гиссарлыкѣ (1870 г.).

Можно сказать, что археологія стоитъ въ настоящее время твердой ногой въ греческомъ королевствѣ. Правительство, сознавая важность изученія древнихъ судебъ отечества, дѣлаетъ всевозможное, чтобы, по мѣрѣ скромныхъ средствъ своихъ, способствовать этому изученію. Самымъ важнымъ нравственнымъ результатомъ этихъ стараній является фактъ, что, несмотря на соперничество богатыхъ и также правительственныхъ иностранныхъ учрежденій, каковы французская археологическая школа **), аѳинское отдѣленіе императорскаго германскаго археологическаго

*) Пока могу указать на С. А. Селиванова, любезно общавшаго мнѣ содѣйствіе въ этомъ духѣ.

**) *École française d'Athènes*, основанная при Луи Филиппѣ въ 1846 г., преобразована въ 1874. Съ тѣхъ поръ директорами были А. Dumont, P. Foucart (1878—90). Nomolle (съ 1890 г.). Съ 1877 года издаетъ *Bulletin de Correspondance Hellénique*, отличающійся въ особенности богатствомъ новаго энграфическаго матеріала. См. Ad. de Ceulener. *L'école française d'Athènes*. Gent 1880. С. О. Цыбульскій. Французскій археологическій институтъ въ Аѳинахъ. Въ журн. Гимназіа. 1891 г.

института*), недавно основанныя школы: англійская, американская**), оно является во главѣ археологическаго дѣла и всему задаетъ тонъ. И достигается это не какими-либо репрессалиями по отношенію къ иностранцамъ — напротивъ и раскопки и всякія другія изслѣдованія весьма легко разрѣшаются, разумѣется подъ руководствомъ и наблюденіемъ правительственнаго комиссара, одного изъ ниже упоминаемыхъ ефоровъ, — но тѣмъ, что оно держитъ себя на высотѣ своего призванія, производя отъ своего имени важныя изслѣдованія. Достаточно упомянуть образцовое систематическое изслѣдованіе акрополя, продолжавшееся четыре слишкомъ года и приведшее къ блестящимъ результатамъ. Завѣдываніе археологическимъ дѣломъ находится въ рукахъ особой комиссіи при министерствѣ „исповѣданій и просвѣщенія“, называемой „эфоріей древностей и музеевъ“ (*Ἐφορία τῶν ἀρχαιοτήτων καὶ μουσείων*). Предсѣдательствуетъ въ эфоріи главный эфоръ (*γενικός ἔφορος*), въ настоящее время г. Панагіотъ Каввадіасъ (*Καββαδίας*), ведущій съ замѣчательной энергіей и практическимъ знаніемъ дѣла археологическую часть къ усовершенствованію. Эфорія древностей издаетъ *Δελτίον ἀρχαιολογικόν*, въ который входятъ официальные отчеты о раскопкахъ, приращеніяхъ музеевъ и т. п. Отдѣльными книжками *Δελτίον* стали появляться съ 1888 г.

Наряду съ „Эфоріей“, какъ учрежденіемъ правительственнымъ, слѣдуетъ назвать частное учрежденіе, но также весьма много сдѣ-

*) Основано въ 1874 г. Первые секретари O. Lüders, U. Köhler (1874—86). Знаменитый эпиграфистъ, нинѣ берлинскій профессоръ и академикъ), Eug. Petersen, W. Dörpfeld (по спеціальности архитекторъ, производившій массу раскопокъ; наилучшій знатокъ памятниковъ Греціи въ настоящее время). Съ 1876 издаетъ Mitteilungen. См. Michaelis. Geschichte des Deutschen archäologischen Instituts 1829—79. Къ пятидесятилѣтію открытія Института въ Римѣ.

**) Англійская школа имѣетъ въ настоящее время директоромъ Гарднера, а американская, содержащая на средства, доставляемыя складчиной университетовъ Америки, часто мѣняетъ своихъ представителей. Въ настоящее время ею завѣдуетъ Вальдштейнъ. Въ послѣднее время ходили слухи объ основаніи итальянской школы. Намъ прискорбно, конечно, что нѣтъ до сихъ поръ русской школы. Пока дѣло ограничивалось командировками отдѣльныхъ лицъ. Съ 1880 г. были командированы слѣдующія лица: В. В. Латышевъ, В. К. Ернстедтъ, Д. Н. Корольковъ, А. В. Никитскій, Н. И. Новосадскій, авторъ этихъ строкъ, С. А. Селивановъ, Р. А. Делеръ, не считая ученыхъ, бывавшихъ въ Греціи проездомъ. Теперь скоро откроется русскій институтъ въ Константинополѣ, главной дѣльей котораго будетъ Византія.

жавшее для изученія древностей Греціи. Это „Археологическое греческое общество“ (*Ἡ ἐν Ἀθήναις ἀρχαιολογικὴ εἰταιρία*), имѣющее въ предѣлахъ королевства и за границей (по послѣднему отчету) 224 члена, взносящихъ ежегодно не менѣе 15 драхмъ, или 100 драхмъ единовременно. Кромѣ того общество дважды въ годъ производитъ розыгрышъ лоттерей, ставшей очень популярной и доставляющей ему значительныя суммы. Предсѣдателемъ его состоятъ въ настоящее время А. Контоставлосъ, а секретаремъ Несторъ греческихъ археологовъ, С. А. Куманудисъ, оказавшій большія услуги греческой эпиграфикѣ. Общество основано въ 1837 г. и продолжаетъ свою дѣятельность съ перерывами до настоящаго времени. Дѣятельность эта направлена главнымъ образомъ на изслѣдованіе посредствомъ раскопокъ различныхъ интересныхъ пунктовъ, на собраніе коллекцій древностей посредствомъ покупки и на изданіе памятниковъ. Органъ, издаваемый обществомъ, *Ἐφημερίς ἀρχαιολογική*, раздѣляется на три серіи: 1-я съ 1837—60 гг.; 2-я съ 1862—74; 3-я съ 1883 до настоящаго времени. Въ промежуткѣ между 1874 и 1883 годами издавался обществомъ профессоръ аѳинскаго университета *Ἀθήναιον*, общенаучнаго содержания, въ которомъ издавались и памятники древности, по преимуществу эпиграфическіе. Послѣдняя серія „Ефимериды“ по своему вѣдѣнному изысканію и по рисункамъ не уступаетъ европейскимъ археологическимъ изданіямъ. Кромѣ „Ефимериды“, общество публикуетъ еще ежегодные официальные отчеты: „*Πρακτικά*“. Такъ какъ раскопки общества ведутся обыкновенно правительственными ефорами, то отчеты *τῶν πρακτικῶν* въ послѣднее время стали тождественны съ отчетами, помѣщаемыми тѣми же лицами въ *Δελτίον*. Такимъ образомъ появленіе *πρακτικῶν* въ прежнемъ видѣ является въ настоящее время излишнимъ, и раздаются голоса, рекомендующіе Обществу сосредоточить все свое вниманіе на „Ефимеридѣ“, появляющейся въ послѣднее время довольно неаккуратно, вслѣдствіе нѣсколькихъ пошатнувшихся въ концѣ 80-хъ годовъ средствъ общества *).

*) Изъ греческихъ учреждений, находящихся въ предѣлахъ Турціи, особое вниманіе на древности обращаютъ: *Ἡ ἐν Κωνσταντινουπόλει Ἑλληνικὸς φιλολογικὸς σύλλογος*, издающій свои труды (1860—1887), и *Ἐβαγγελικὴ Σχολή* въ Смирнѣ, издающая *Μουσείον καὶ βιβλιοθήκη*, послѣдній выпускъ котораго вышелъ въ 1886 году.

Кромѣ раскопокъ (перечень главнѣйшихъ изъ нихъ мы дадимъ позже) большое вниманіе греческаго правительства обращено въ настоящее время на устройство какъ въ Аѳинахъ, такъ и въ провинціяхъ музеевъ, стоящихъ на высотѣ современныхъ научныхъ требованій. Благодаря энергіи Каввадинъ, музеи Аѳинъ въ нѣсколько лѣтъ стали на европейскую ногу, тогда какъ прежде они представляли собою просто склады мраморовъ, даже толкомъ не инвентаризованные, помѣщающіеся въ подвалообразныхъ камерахъ съ землянымъ поломъ *). Въ его же завѣдываніе положено начало устройству музеевъ по епархіямъ **). То, что прежде называлось музеями въ греческихъ городкахъ и деревняхъ, было обыкновенно не что иное, какъ комната, иногда въ подвальномъ помѣщеніи, въ зданіи школы или димархіи, заключающая складъ, или иногда просто сваль дребностей, разобрать въ которомъ было чрезвычайно трудно. Заключая въ себѣ вообще мало предметовъ и еще менѣе интересныхъ, такіе музеи, разумѣется, пропадали для большинства путешественниковъ, въ особенности до появленія путеводителя Бедекера, въ которомъ перечислены главнѣйшія изъ подобныхъ собраній. Конечно и теперь еще очень много остается сдѣлать въ этомъ направленіи, такъ какъ вниманіе правительства и средства его поглощены приведеніемъ въ порядокъ аѳинскихъ музеевъ. Но общій планъ преобразования провинціальныхъ музеевъ намѣченъ, и то, что уже сдѣлано теперь, заслуживаетъ полнаго вниманія и признательности. Кромѣ великолѣпнаго музея Олимпіи, построеннаго на

*) Изъ общихъ публикацій, касающихся аѳинскихъ музеевъ, слѣдуетъ упомянуть: *A. Milchhöfer, Die Museen Athens. Athen 1881.* Общій обзоръ главнѣйшихъ предметовъ для туристовъ. *L. v. Sylbel, Katalog der Sculpturen zu Athen. Magburg. 1881.* Плодъ громаднаго труда. Полное перечисленіе всѣхъ даже незначительныхъ фрагментовъ, но абсолютно бесполезный. Найти что-либо по этому каталогу, не говоря уже теперь, когда все перемѣщено, но и въ пору его составленія, по согласному отзыву всѣхъ занимающихся, невозможно. Фототипическое изданіе Романа Денса: *Les musées d'Athènes* оставовилось на 2-мъ выпускѣ. Въ общей сложности 16 таблицъ.

**) Королевство раздѣляется на 16 номовъ, номи же на епархіи. Лучшія свѣдѣнія по археологической топографіи Греціи можно найти въ путеводителѣ Бедекера, *Griechenland. 2-е изд. 1888 г.*, археологическій отдѣлъ котораго составлялся такими специалистами, какъ Дерпфельдтъ, Доллингъ, Пургольдъ, Кекуле и др. Также въ *Meyer's, Orient. I. Спеціальный путеводитель по Аѳинамъ Haussoulier, Athènes et ses environs. Paris 1888.*

средства известнаго богача Сингроса, можно назвать **музеи Спарты**, о-ва Микона, заключающій делосскія находки, о-ва Сиры, долженствующій соединить всѣ остальные древности Киклады. Наконецъ въ Триполицѣ (между древними Тегеей и Мантинеей) проектированъ музей, который сосредоточить въ себѣ всѣ древности сѣвернаго Пелопоннеса. Музеи другихъ мѣстъ, какъ Оивъ, Дельфъ, Аргоса, Тегей, Танагры, Еретрин, Херонея, Фесий, Микенъ и др. еще ждутъ своей реформы.

На основаніи общаго закона наиболѣе замѣчательные предметы, находимые въ предѣлахъ королевства, доставляются въ афинскій „**Національный археологическій музей**“ (*Ἐθνικὸν ἀρχαιολογικὸν Μουσεῖον*), еще не вполне оконченный постройкой и лишь на небольшую часть открытый для публики. Пока открыто для обозрѣнія шесть залъ, заключающихъ исключительно скульптуры. Когда музей будетъ окончательно готовъ, то кромѣ еще цѣлаго ряда залъ съ скульптурами меньшаго достоинства, онъ будетъ заключать въ себѣ и антикваріумъ (собраніе мелкихъ древностей: вазъ, терракотъ, металлическихъ вещей), часть котораго находится пока въ музеѣ Политехнической школы (о которомъ ниже).

Первая изъ доступныхъ публикѣ залъ *) представляетъ богатѣйшее собраніе архаическихъ произведеній, могущее поспорить развѣ лишь съ такимъ же собраніемъ на Акрополѣ. Изучать греческую архаику, вообще, можно теперь только въ Афинахъ. Слѣдующіе залы заняты произведеніями позднѣйшихъ эпохъ, между которыми много интересныхъ, но мало выдающихся. Во второй залѣ помещаются двѣ античныя копіи Фидіевской Афины-Дѣвы, „**Элевсинскій рельефъ**“, съ изображеніемъ элевсинской тріады, въ Элевсинѣ же найденная голова, признаваемая нѣкоторыми за голову Евбулея, работы Праксителя **). Интереснѣйшими предметами

*) См. *Κατάλογος τῶν κεντρικῶν ἀρχαιολογικῶν Μουσείων ἐν τῷ Π. Καρραδία. Τεύχη α' καὶ β'*. Аѳ. 1886—7. Есть и на французскомъ языкѣ. Въ настоящее время готовится болѣе полное изданіе. Краткое указаніе на главнѣйшія скульптуры въ упомянутыхъ въ предѣд. прим. путеводителяхъ.

**) Это предположеніе въ весьма утвердительной формѣ было высказано одновременно Вендорфомъ и Фуртвенглеромъ. Оспариваютъ его Вольтерсъ и Керъ (въ его статьѣ въ *Ath. Mitt.* 1891 стр. 1 и сл. сопоставлена вся литература вопроса). Бруниъ въ *Denkmäler Gr. und Röm. Sculptur* подписалъ подъ таблицей съ изображеніемъ этой головы: «Sog. Eubuleus».

третьей залы можно считать фронтонныя группы изъ Эпидавра, изображающія извѣстные сюжеты амазономахін и кентавромахін, а также метопы съ изображеніемъ Аскленія Эпидаврійскаго, являющіяся, такимъ образомъ, новымъ подспорьемъ для уразумѣнія стила произведеній школы Фидія. Въ этой же залѣ извѣстна статуя Гермеса съ о. Андроса. Въ большой четвертой залѣ мало интереснаго. Остановиться можно развѣ на колоссальномъ Песдонѣ съ о. Мелоса и Афродитѣ изъ Эпидавра, отличающейся роскошной драпировкой. Въ проходной пятой залѣ находится мастерской торсъ павшаго на колѣни воина съ о. Делоса, въ которомъ видать изображеніе побѣжденнаго галата, можетъ быть составлявшаго часть группы, посвященной кѣмъ-либо изъ пергамскихъ царей *).

Но навѣрное никто не выходилъ безъ глубокаго впечатлѣнія изъ шестой залы — залы надгробій. Работа большинства изъ этихъ памятниковъ не выше посредственности, есть даже несомнѣнные признаки, такъ сказать, рыночнаго приготовления ихъ, какъ на примѣръ, позднѣе вставленные головы въ готовый уже торсъ. Но здѣсь производить впечатлѣніе не работа, а та струя тихой, но глубокой грусти, которая разлита въ большинствѣ этихъ памятковъ. Когда обозрѣваешь катакомбы и христіанскіе памятники Рима, то выносишь изъ этихъ обителей смерти поднятое, почти радостное настроеніе. Такъ все дышитъ тамъ твердой вѣрой и надеждой на будущую жизнь, на лучшую участь усопшихъ. Здѣсь — наоборотъ самая теплая любовь и самая глубокая скорбь, сознание невозвратной, незамѣнимой потери. Усопшіи представленъ, по большей части, сидящимъ. Иногда служанка подвязываетъ сандалии госпожѣ, собирающейся въ дальній, неизвѣданный путь. Усопшіи окруженъ родственниками, прощающимися съ нимъ посредствомъ рукопожатія. Одинъ изъ рельефовъ представляетъ прощаніе матери съ малюткой, стоящей у ея колѣнъ и протягивающей къ ней ручки. Другой — человѣка, сидящаго въ безутѣшной грусти на носу корабля: это, вѣроятно, жертва кораблекрушенія. Наиболѣе древніе изъ такихъ памятниковъ, отличающіеся продолговатой формой и плоскостью рельефа, изображаютъ, обыкновенно, только одну фигуру умершаго, иногда въ сопровожденіи любимой

*) О немъ см. Sal. Reinach, Bull. de Corr. Hellen. 1884, стр. 178; 1889, стр. 113. P. Wolters, Ath. Mitt. 1890, p. 188.

собаки. Воины изображены въ полномъ вооруженіи, иногда въ моментъ своего подвига, стоявшаго имъ жизни и т. д. Повторяю, что этотъ отдѣлъ надгробій — если не самая замѣчательная, то оставляющая наиболѣе сильное впечатлѣніе часть музея. Обширная площадь, отдѣляющая зданіе музея отъ улицы, также вся превращена въ подобіе кладбища съ массой второстепенныхъ надгробій и разныхъ другихъ фрагментовъ.

Рядомъ съ центральнымъ музеемъ находится обширное и великолѣпное зданіе Политехнической школы, въ которомъ временно помѣщается, до окончанія центрального музея, собраніе древностей, принадлежащее отчасти правительству, отчасти упомянутой Археологической гетеріи *). Частью наиболѣе извѣстною привлекающею наибольшее количество публики, слѣдуетъ считать, конечно, знаменитое собраніе микенскихъ находокъ покойнаго Шлимана **). Мы не имѣемъ здѣсь возможности хоть сколько-нибудь подробно коснуться этого всемірно-извѣстнаго собранія. Къ нему въ послѣднее время присоединены коллекціи предметовъ „микенскаго“ стиля, находившихся въ другихъ мѣстахъ Греціи (Мениди, Спата — въ Атикѣ, Димини — близъ Воло, Вафіо — въ Лаконикѣ и др.). Но и три остальныхъ отдѣленія этого музея заслуживаютъ полнаго вниманія даже со стороны обыкновеннаго туриста. Одно изъ нихъ — небольшое, но избранное собраніе египетскихъ древностей, есть подарокъ богатаго грека Іоанна Димитріу, постоянно живущаго въ Александріи. Два другія: коллекція вазъ ***), и терракоттъ ****). Эти послѣднія чрезвычайно богаты и въ особенности въ качественномъ отношеніи оставляютъ далеко за собою многія гораздо болѣе многочисленныя коллекціи, состоящія изъ старыхъ находокъ въ итальянскихъ некрополяхъ (напр. Мюнхенскую, Эрмитажную и др.). Собраніе терракоттъ обладаетъ самыми лучшими экземплярами танагрскихъ и другихъ фабрикъ, безспорная подлинность которыхъ составляетъ не послѣднее ихъ достоинство въ виду массы

*) Краткое обзоріе у Бедекера, стр. 95—100.

***) Кромѣ сочиненій, приводимыхъ ниже, когда коснемся самихъ раскопокъ см. краткій Catalogue des Trésors de Muséens au Musée d'Athènes. Leipz. 1882, составленный самимъ Шлиманомъ.

****) *M. Collignon*, Catalogue des vases peints du musée de la société arch. d'Athènes. Paris, 1878. Устарѣлъ, но новѣйшихъ обработокъ пока не появилось.

*****) *J. Martha*, Cat. des figurines en terre cuite du mus. de la soc. etc. Par. 1880. Тоже устарѣлъ.

самыхъ ловкихъ поддѣлокъ, распространившихся въ послѣднее время по рукамъ любителей и нашедшихъ себѣ доступъ даже въ такіе музеи, какъ Луврскій и Берлинскій. Съ этими коллекціями соединено собраніе разныхъ мелкихъ золотыхъ, бронзовыхъ и т. п. вещей. Въ особенности для насъ интересно въ этихъ произведеніяхъ чисто греческой почвы подчасъ доходящее до тождественности совпаденіе ихъ формъ съ формами вещей, находимыхъ у насъ на югѣ Россіи (нѣкоторыя совершенно особыя формы роскошныхъ вазъ, золотыя серьги съ изображеніемъ амфоръ, Амуровъ и т. п.).

Третье замѣчательнѣйшее собраніе древностей въ Аѳинахъ — это музей Акрополя, помѣщающійся въ двухъ небольшихъ домикахъ, построенныхъ на обрывѣ скалы къ ю. в. отъ Пареона и совершенно незамѣтныхъ снизу, съ бульвара Филеллиновъ, оглабающаго Акрополь у его южной подошвы. Собственно для публики открыто только одно изъ этихъ зданій, сосредоточивающее въ себѣ все замѣчательнѣйшее изъ находокъ на Акрополѣ*). Здѣсь также царитъ архаика и притомъ въ лучшихъ своихъ произведеніяхъ, сохранившихъ еще мѣстами значительные слѣды красокъ. Обозрѣніе начинается обыкновенно съ залы, находящейся налѣво отъ вестибюля. Она заключаетъ единственные въ своемъ родѣ фронтонныя барельефы изъ мягкаго туфа, изображающіе борьбу Геракла съ Гидрою, Тритономъ (два фронтона) и борьбу Зевса и Геракла съ Тифономъ**), и принадлежащіе, судя по различнымъ размѣрамъ и технике, къ различнымъ зданіямъ до-персидской эпохи. Въ этой-же залѣ находится знаменитая „всходящая на колесницу богиня“, *πίναξ* съ изображеніемъ воина, бронзовая голова воина и много другихъ болѣе мелкихъ произведеній. Вторая зала заключаетъ небольшіе остатки фронтонной группы, изображавшей Аѳину въ борьбѣ съ гигантами, двѣ сидящія статуи Аѳины и весьма грубыхъ архаическихъ всадниковъ. Третья зала наполнена терракоттами и архаическими надписями. Четвертая зала — бронза и архитектурныя части. Пятая зала, между предметами второсте-

*) Перечисленіе главныхъ предметовъ у Бедекера, Мильхѳера, хотя то и другое устарѣло. Въ послѣднее время изданъ: *Πρόχειρος οδηγός διὰ τὸν ἐπισκέπτην τῆς Ἀκροπόλεως*, котораго я не видалъ.

**) Изъ довольно уже обширной литературы упомяну о статьяхъ Вгаскнег'а Ath. Mitt. 1889, стр. 67 и 1890, стр. 84.

пеннаго достоинства, заключаетъ знаменитаго Гермеса Мосхофора, стоящаго теперь на недавно найденномъ оригинальномъ постаментѣ, съ посвянительной надписью *). Шестая зала представляетъ главную гордость музея. Здѣсь подѣ стеклянными колпаками находятся 14 раскрашенныхъ женскихъ торсовъ, въ числѣ которыхъ находится одна статуя, приписываемая нѣкоторыми знаменитому Антенору **). Седьмая и осьмая комнаты заняты скульптурами Пареенона, изъ которыхъ здѣсь мало въ оригиналахъ, но и между этими немногими есть замѣчательные куски; такъ наприм. значительная часть фриза, нѣсколько метоппъ и незначительныя части фронтовыхъ группъ. Съ остальныхъ скульптуръ, находящихся, какъ извѣстно, въ Лондонѣ, здѣсь хранятся гипсовые слѣпки. Девятая комната посвящена скульптурамъ балюстрады храма безкрылой Ники и фризу Эрехтейона, и, наконецъ, въ десятой собраны обломки болѣе позднихъ временъ.

Чтобы покончить съ коллекціями древностей, упомяну еще о нѣкоторыхъ частныхъ собраніяхъ, находящихся въ Афинахъ. Любопытнѣйшимъ изъ нихъ было собраніе троянскихъ находокъ въ домѣ Шлимана. Собраніе это, помѣщавшееся въ двухъ комнатахъ нижняго этажа, незначительно ни по количеству, ни по качеству предметовъ (все лучшее, какъ извѣстно, отдано Шлиманомъ въ Берлинъ). Оно имѣло значеніе, главнымъ образомъ, для самого владѣльца, какъ собраніе предметовъ почему-либо лично интересовавшихся знаменитаго изслѣдователя и напоминавшихъ ему его многотрудныя и обильныя результатами работы въ Гиссарликѣ. Въ Афинахъ это собраніе, всегда открытое для желающихъ, было любопытнымъ панданомъ къ сокровищамъ доисторическихъ эпохъ, собранныхъ въ Политехникумѣ. Теперь, послѣ смерти Шлимана, его домашнее собраніе тоже, кажется, перейдетъ въ Берлинъ.

*) См. *Winter, Ath. Mitt.* 1888, стр. 113.

***) Изъ литературы о всѣхъ вообще этихъ статуяхъ слѣдуетъ указать изображенія ихъ въ *Musées d'Athènes* и въ *Antike Denkmäler I*. Статьи Lechat въ *Bull. de Corr. Hellen.* 1890 и Théoxénon (псевдонимъ) въ *Gazette Archéol.* 1888. I—VI. Что касается статуи Антенора, то ее впервые призналъ за таковую, подписавъ къ ней базу съ надписью этого художника, Studniczka въ *Jahrbuch des Instituts II*, стр. 135 сл. Большинство признало его доводи. Противъ принадлежности базис Антенора къ этой статуѣ высказались: E. Gardner, *Journ. of Hellen. Stud.* X, стр. 278, сл. и Heberdey. *Ath. Mitt.* 1890, стр. 126 сл.

Другое замѣчательное собраніе — это собраніе г. Константина Карапаноса, греческаго государственнаго человѣка, собственника территоріи знаменитой въ древности своимъ оракуломъ Додоны. Собраніе заключаетъ почти исключительно бронзы и состоитъ, главнымъ образомъ, изъ результатовъ раскопокъ Карапаноса на мѣстѣ древняго святилища *). Нѣкоторые изъ предметовъ единственные въ своемъ родѣ. Замѣчателенъ рядъ свинцовыхъ дощечекъ съ надписями, заключающими вопросы оракулу, гдѣ постоянно вопрошающій обращается къ Зевсу Храмовому и Діонѣ **). Собраніе имѣетъ значеніе въ особенности, какъ коллекція древностей, найденныхъ въ одномъ мѣстѣ, что въ нѣк. отношеніяхъ очень важно. Въ опредѣленные дни и часы оно открыто для публики ***).

Слѣдуетъ упомянуть еще о двухъ коллекціяхъ, составъ которыхъ, однако, подверженъ переменѣ, такъ какъ владѣльцы ихъ занимаются также и продажей древностей. Это коллекція Ламброса и бывшаго профессора Руссопулоса. Первый обладаетъ, между прочимъ, богатѣйшей коллекціей византійскихъ монетъ, а второй античныхъ. Разумѣется побочная цѣль, преслѣдуемая владѣльцами, заставляетъ ихъ подчасъ прибѣгать къ мѣрамъ, которыя могутъ показаться неудобными съ чисто научной точки зрѣнія. Такъ, напр., они не дозволяютъ копировать свои предметы въ виду того, что коллекціонеры охотнѣе и дороже покупаютъ вещи неизданныя. Кромѣ гг. Ламброса и Руссопулоса, въ Аѳинахъ существуетъ еще масса торговцевъ древностями. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ отличные магазины на лучшихъ улицахъ (Дракопулосъ, Полихронопулосъ, торгующій подѣ фирмой „Mіnegva“ и др.), нѣкоторые ютятся по переулкамъ и тутъ, наряду съ продажей древностей, практикуютъ свое темное ремесло поддѣлокъ и „сдабриванія“ негодныхъ обломковъ ****). Вообще контрафакція древностей

*) Замѣчательнѣйшіе предметы изданы Карапаносомъ въ изданіи: *Dodone et ses ruines* (63 табл.) 2 тома. Paris 1878.

**) Додонскія надписи, заключающія вопросы оракулу, недавно изданы въ известномъ сборникѣ Collitz'a Hoffmann'омъ. *Orakelinschriften von Dodona*, 1890. О нихъ же см. Н. R. Pomtow. *Die Orakelinschr. v. D.* въ *Jahrbücher f. kl. Philol.* 1888, стр. 306, слл.

***) Кромѣ собранія г. Карапаноса, мнѣ довелось видѣть небольшую, но интересную коллекцію додонскихъ бронзъ у нашего консула въ Палермо г. Троянскаго, бывшаго прежде консуломъ въ Яннинѣ, находящейся по сосѣдству съ Додоной.

****) Не могу не припомнить по этому поводу случая, бывшаго со мной у одного изъ такихъ алхимиковъ. Это былъ мой хорошій знакомый, у котораго, между

чрезвычайно сильно распространена въ Греціи. Не только изъ Аѳинъ и изъ греческихъ городовъ Малой Азіи (въ особенности Смирны), но даже изъ-за границы, изъ Италіи, Австріи, Франціи поддѣльныя древности присылаются на комиссію въ греческіе провинціальныя города и даже деревни, такъ какъ многіе туристы съ бѣльшимъ довѣріемъ относятся къ предметамъ, покупаемымъ ими въ деревняхъ *). Разъ коснувшись торговли древностями, нельзя не упомянуть закона, воспреещающаго вывозъ ихъ изъ предѣловъ королевства. Закону этому, въ особенности въ такой абсолютной формѣ, я, по крайней мѣрѣ, не сочувствую. Классическая древность есть достояніе общечеловѣческое и греки, казалось бы, должны были гордиться этимъ. Разумѣется, подобно тому какъ и въ Италіи, законъ могъ бы ограничивать экспортъ древностей предметами, не представляющими ничего изъ ряду вонъ выходящаго, или прямо интереснаго на мѣстѣ. Подобно тому какъ въ Италіи, можно было бы обязать предъявлять древности, назначенныя къ вывозу, въ дирекцію, т.-е. въ греческую ефорію для полученія пропускнаго листа, предъявляемаго на границѣ. Эта мѣра предупредила бы многія злоупотребленія, къ которымъ прибѣгаютъ теперь и которыя, однако, благодаря содѣйствію самихъ же грековъ, въ большинствѣ случаевъ удаются, и вмѣстѣ съ тѣмъ открыла бы еще одну доходную статью въ бюджетѣ ефоріи.

А. Щукаревъ.

впрочемъ, мнѣ удалось купить замѣчательный фрагментъ надписи С. I. А. п. 1, и потому я довольно свободно рылся въ его витринахъ. Однажды, разбираясь въ витринѣ съ мелкими вещами изъ глины, мнѣ удалось между глиняными оттисками съ монетъ (находящимися во множествѣ) увидѣть такой же оттискъ съ обыкновенной резинки, съ чрезвычайно ясной надписью Radir-Gummi. Жалѣю, что тотчасъ же указалъ моему почтенному пріятелю на его шарлатанство и не купилъ эту интересную «древность». Это была, конечно, проба глины. Торговецъ тотчасъ же стеръ ее въ мелкій порошокъ. Другой разъ уже у коллекционера, подъ рукою торгующаго, — это было въ Патрасѣ, — мнѣ удалось увидѣть «античный» камень съ изображеніемъ памятника Петра Великаго въ Петербургѣ.

*) Разъ въ Триполици мнѣ товарищамъ по путешествію предлагали чудную аттическую декадрахму за баснословно дешевую цѣну — 300 драхмъ. (Эта рѣдчайшая монета цѣнится отъ 2 до 3 тысячъ фр.). Мои знакомые чуть не купили, но нашъ гадъ, бывшій во враждѣ съ продавцемъ, вывелъ его на чистую воду, раскрывъ довольно грязную исторію, въ которую замѣшанъ былъ одинъ крупный аѳинскій торговецъ древностями. Исторія внослѣдствіи подтвердилась.

V A R I A.

— Французское правительство ассигновало въ нынѣшнемъ году 500.000 франковъ на производство раскопокъ въ Дельфахъ.

— Берлинская Академія Наукъ въ общемъ засѣданіи 4 іюня сего года ассигновала, между прочимъ, 5000 марокъ на продолженіе изданія комментаторовъ Аристотеля, 3000 марокъ на печатаніе дополнительныхъ томовъ къ СІІ, и столько же на продолженіе работъ по изд. сборника греческихъ надписей.

— Испанское правительство проектируетъ учрежденіе въ Аеннахъ археологическаго института на подобіе извѣстнаго нѣмецкаго института.

— Французской академіей въ нын. году даны слѣдующія преміи за сочиненія по класс. филологіи: 1) премія Монтиона (2000 фр.) — Жирару за соч. „Воспитаніе у аеннянъ въ V и IV в. до Р. X“. — 2) Изъ премій Жанена — 1200 фр. Октаву Коттро за переводъ „De consolatione philosophiae“ Боэція, 1200 фр. Ла-Виль де-Мирмонту за переводъ Мозеллы Авзонія и 600 фр. Констану за переводъ Саллюстія. — 3) Премія Десперуза въ 1000 фр. Жаву Бертеру за соч. „Античныя женщины“. — 4) Перро и Шипье за свою „Исторію искусства въ древности“ получили премію Фульда. — 5) Премія Бордена (въ 2500 фр.) досталась Гиро за „Исторію поземельной собственности у грековъ“. — На преміи 1891 года даны темы: 1) Etudier la tradition des guerres médiques, déterminer les éléments dont elle s'est formée, en examinant le récit d'Hérodote et les données fournies par d'autres écrivains. — 3) Etudier les sources qui ont servi à Tacite pour composer ses annales et ses histoires. — 3) На премію Брюне въ 3000 фр.: Dresser le catalogue des copistes de manuscrits grecs. — На 1892 годъ, на премію Бордена: Rechercher ce que Catulle doit aux poètes alexandrins et ce qu'il doit aux vieux lyriques grecs; на премію Кузена: La philosophie de la nature chez les anciens.

— Въ Керчи, древней Тавридѣ, раскопана большая древне-христіанская гробница; стѣны ея испещрены греческими надписями.

— Frinders Petrie нашелъ въ Файумѣ отрывки изъ Еврипида, которые и были прочитаны Сейсомъ и Магаффи. Рукопись относится ко времени около 230 г. до Р. X. и заключаетъ въ себѣ конецъ затерянной трагедіи „Антиона“. Оба сына Зевса и Антионы заявляютъ притязаніе на власть надъ Оивами, гдѣ царствуетъ Ликъ. По порученію Зевса Гермесъ водворяетъ миръ и Ликъ уступаетъ; затѣмъ, когда оба брата начинаютъ между собою борьбу, Гермесъ заявляетъ, что подъ звуки Амфіоновой лиры камни сами собой уложатся и образуютъ стѣну вокругъ Оивъ.

— Lanciani нашелъ въ Римѣ возлѣ дворца Сфорца-Чезарини знаменитое мѣсто Terentum или Tagentum, гдѣ въ древнія времена справлялся вѣковой юбилейный праздникъ.

— По сообщенію Messenger d'Athènes въ мартѣ текущаго года американцы нашли въ Эретріи саркофагъ съ буквами .ristoteles. Очень возможно, что это гробница знаменитаго Аристотеля, который, по преданію, умеръ въ гор. Халкидѣ у Эврипа.

— Американскій арх. институтъ въ Афинахъ подъ руководствомъ своего директора Вальдштейна производить въ настоящее время раскопки въ Эретріи (на Эвбеѣ). О найденныхъ тамъ недавно остаткахъ древняго театра Дерпфельдъ сообщаетъ слѣдующее (въ Phil. Wochenschrift 1891, стр. 514): „До сихъ поръ открыто все зданіе сцены и часть оркестры. Сохранилась стѣна фундамента сцены и часть верхней ея стѣны. Передъ собственною зданіемъ сцены нѣтъ логей, но, какъ въ Эпидаврѣ, Мегалополѣ, Афинахъ и другихъ городахъ, прямо проскеній, украшенный пилястрами и построенный на томъ же самомъ мѣстѣ и по такому же чертежу, какіе указываетъ Витрувій для греческихъ театровъ своего времени. Эта декоративная стѣна, іоническаго стила, имѣетъ по срединѣ одну только дверь, что наблюдается и въ другихъ театрахъ. Вышину ея можно опредѣлить приблизительно въ 3—3,50 метра. Передъ нею лежитъ образующая полный кругъ оркестра. Особенность этого театра заключается въ томъ, что полъ сценическаго зданія вслѣдствіе мѣстныхъ условий возвышается на 3/2 метра надъ стилобатою проскенія; слѣдовательно онъ, по всей вѣроятности, лежалъ на одинаковой высотѣ съ крышей послѣдняго. Такимъ образомъ пройти изъ оркестры черезъ дверь проскенія во внутреннее помѣщеніе сцены можно было только при помощи лѣстницы. При раскопкахъ эта лѣстница и была найдена. Оказывается, что къ двери проскенія примыкалъ крытый ходъ подъ поломъ сценич. зданія, который заканчивался лѣстницей, ведшей наверхъ. Актеру же, если ему приходилось удалиться со сцены, не было никакой надобности совершать весь этотъ длинный путь: до новаго выхода онъ могъ стоять за стѣной проскенія („за кулисами“). Но наиболѣе важнымъ результатомъ раскопокъ является открытіе подземнаго хода, ведшаго отъ пространства за проскеніемъ къ самой серединѣ оркестры. Благодаря этому ходу актеръ могъ незамѣтно пробраться изъ внутренняго помѣщенія сцены въ оркестру и неожиданно на ней показаться. Такъ какъ главнымъ возраженіемъ противъ допущенія игры въ оркестрѣ и на ея мѣстѣ служила невозможность исчезновенія актера, то это открытіе подземнаго хода является очень важнымъ даннымъ для сужденія о способѣ игры въ древнегреческомъ театрѣ“.

— Къ *Odys.* XIX, 572—575 и XXI, 120—123. Ameis и переработавшій его изданіе Hentze полагаютъ, что топоры при состязаніи жениховъ Пенелопы остриемъ своимъ были воткнуты въ землю на опредѣленномъ разстояніи одинъ отъ другого, притомъ такъ, что головки съ ушками (*στέλαι* XXI, 422) образовали прямую линію. Ясно, что ушки комментаторы видѣли на концѣ топорнища, что рѣшительно ничѣмъ не подтверждается. Ср. и про-

извольный переводъ Жуковскаго. — Допустить, что стрѣлы попадали въ особое кольцо или ушко, бывшее внѣ топора, мѣшаетъ выраженіе *διοσταύσειν διδῆρον* (XXI, 97 и др.) = пронизать стрѣлой самое желѣзо, изъ ко-его были сдѣланы топоры (*πολίον τε διδῆρον*, ib. 3), имѣвшіе, повидимому, рукоятки изъ мѣди (ср. XXI, 61: *ἐνθα αἰδῆρος κείτο πολύς καὶ χαλκός, ἀέθλια τοιοῦτον ἀνακτος*). Слѣд., на остріѣ топора должны были находиться отверстія, чрезъ кои пролетала стрѣла. Это и подтверждается найденнымъ въ гробницѣ въ Вафіѣ бронзовымъ топоромъ, относящимся ко времени до Гомера. Вышина и ширина его — 0,145 м., онъ имѣетъ форму полукруга, по серединѣ коего два отверстія, одно надъ другимъ. Если вставить такіе топоры рукояткою въ землю, то можно сида (какъ это сдѣлалъ Одиссей, XXI, 420—423) пронизать ихъ стрѣлой чрезъ верхнее, нѣсколько большее, отверстіе: стоитъ только поставить ихъ въ рядъ, чтобы эти отверстія (ушки) прилисли по одной прямой линіи. (См. Berl. Phil.-Woch., 1890, стр. 714 слѣд.).

— На 41 сѣздѣ нѣмецкихъ филологовъ и педагоговъ въ засѣданіи 23 мая текущаго года Оскаръ Іегеръ читалъ рефератъ: „О переходящемъ и вѣчномъ въ гуманистическихъ гимназіяхъ“. Положенія реферата заключались въ слѣдующемъ: 1) Гуман. гимназія только тогда можетъ разрѣшить свою задачу, — подготовка молодыхъ людей для университетскихъ занятій — когда въ ея учебномъ планѣ есть центральный предметъ преподаванія съ большимъ противъ другихъ предметовъ числомъ учебныхъ часовъ. 2) Многопредметность подвергаетъ гуманистическую гимназію опасности развлеченія умственныхъ силъ учащихся и чрезъ это ихъ ослабленія. Эта опасность значительно увеличилась благодаря, между прочимъ, нѣкоторымъ постановленіямъ собиравшейся въ декабрѣ Берлинской конференціи. 3) Увеличеніе числа уроковъ нѣм. языка столь же мало будетъ способствовать укрѣпленію національнаго духа, какъ и увеличеніе числа уроковъ по Зак. Божію укрѣпленію духа религіознаго или увеличеніе числа часовъ по исторіи — воспитанію историческаго смысла. 4) Изъ занятія латинскимъ и греческимъ языками воспитанники современныхъ нѣмецкихъ гимназій выносятъ гораздо больше, нежели выносили учившіеся въ школахъ прошлыхъ столѣтій: занятіе древними языками создаетъ связь между различными предметами школьнаго наученія, давая послѣднимъ историческую и психологическую основу. 5) Знакомство съ французскимъ и авглійскимъ языками и естественноисторическія познанія во всѣ времена имѣли важное значеніе, и въ настоящее время они столь же важны, сколько и во времена Гете или Лессинга. Но изъ этого нисколько не слѣдуетъ, чтобы они въ дѣлѣ подготовки мальчиковъ и юношей отъ 9 до 17 лѣтняго возраста къ университетскимъ занятіямъ могли замѣнить собою языкъ и литературу древнихъ грековъ и римлянъ. — Послѣ оживленныхъ дебатовъ общество почти единогласно высказалось въ пользу тезисовъ Іегера.

I. СТАТЬИ НАУЧНЫЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ.

Ютъ синтаксису сложныхъ предложений греческихъ и латинскихъ *).

I.

О вопросительныхъ придаточныхъ предложеніяхъ.

Пока въ языкѣ преобладало паратактическое построение связанной рѣчи, до тѣхъ поръ не было повода для какого-либо различія вопросительныхъ частицъ и мѣстоименій, смотря по тому, были ли то прямые вопросы или косвенные. По установлении же гипотактического способа соединенія предложений могла, конечно, обнаружиться потребность въ такомъ различіи вопросительныхъ словъ. Сравнивая въ этомъ отношеніи латинскій и греческій языки, мы замѣчаемъ, что, между тѣмъ какъ послѣдній выработалъ спеціальныя формы косвенно-вопросительныхъ словъ, въ латинскомъ языкѣ, напротивъ, тѣ же частицы и мѣстоименія могутъ имѣть мѣсто какъ въ прямыхъ, такъ и въ косвенныхъ вопросахъ.

Значеніе косвенно-вопросительной частицы въ вопросахъ цѣлыхъ предложений (или въ вопросахъ цѣльныхъ *) присвоено въ греческомъ языкѣ словечку *εἰ*. Такъ какъ объ этимологіи и семасіологическихъ измѣненіяхъ этой частицы будемъ говорить подробнѣе въ одной изъ послѣдующихъ статей, то въ этомъ мѣстѣ можемъ

*) Продолженіе.

**) Вопросы биваютъ двоякаго рода: для спрашивающаго можетъ находиться въ невѣстности или все содержаніе даннаго предложенія или же одно только какое-либо понятіе, входящее въ составъ этого предложенія; въ первомъ случаѣ будемъ имѣть дѣло съ вопросами цѣлыхъ предложений (цѣльные вопросы), во второмъ — съ вопросами отдѣльныхъ понятій (частные вопросы); первые отмѣчаются частицами (или просто только при помощи интонаціи, отчасти съ особою постановкою словъ), вторые — посредствомъ вопросительныхъ мѣстоименій и произведенныхъ отъ нихъ нарѣчій.

ограничиться констатировкою факта, что частица *εἰ* имѣеть въ греческомъ языкѣ тройное значеніе (или вѣрнѣе употребленіе): 1) желательное = лат. *utinam*, 2) условное = лат. *si* и 3) косвенно-вопросительное. Въ своемъ мѣстѣ будетъ изложено, какимъ путемъ второе (условное) значеніе могло возникнуть изъ перваго (желательнаго), и каково основное значеніе этого послѣдняго. Здѣсь же дѣло идетъ только о томъ, какимъ образомъ эта частица могла приобрѣсти значеніе косвенно-вопросительное. А такъ какъ значеніе это чисто греческое, т.-е. развившееся уже на почвѣ специально греческаго языка (параллельно подобному, но гораздо болѣе позднему явленію латинскаго языка при томъ же союзѣ *si*), то оно, по всей вѣроятности, не восходитъ къ основному (донсторическому) значенію этой частицы, а основывается на одномъ изъ остальныхъ двухъ значеній; другими словами: косвенно-вопросительное значеніе частицы *εἰ* составляетъ лишь особое примѣненіе одного изъ обоеихъ производныхъ значеній, желательнаго или условнаго. Но и тутъ еще кругъ возможностей суживается а priori въ виду строго гипотактического характера косвенно-вопросительнаго употребленія частицы *εἰ*, примыкающаго въ этомъ отношеніи къ условному употребленію той же частицы. Основное условное значеніе вопросительнаго *εἰ* легко возстановить въ косвенныхъ вопросахъ, зависящихъ отъ глаголовъ „говорить“, въ такихъ фразахъ, какъ напр. λ 391: *κατάλεξον, εἰ τινα ἀντιθέων ἐτάρων ἴδες* (= если ты видалъ, то расскажи намъ объ этомъ); α 206: *κατάλεξον, εἰ δὴ ἐξ αὐτοῦ τόσος πάϊς εἰς Ὀδυσῆος*; Α 83: *οὐ δὲ φράσαι, εἰ με σαώσεις* и т. п. Близость условной и косвенно-вопросительной категорій обнаруживается также при глаголахъ, обозначающихъ ожиданіе, заботу и т. п., такъ какъ напр. выраженіе „жду, не придетъ ли онъ“ можетъ быть сравнено съ такимъ воззрѣніемъ: „жду на тотъ случай, если онъ придетъ“. Въ особенности же ясенъ условный характеръ раздѣлительныхъ вопросовъ съ *εἴτε* — *εἴτε*, напр. Μ 239: *τῶν (οἰωνῶν) οὔτι μετατρέπομ' οὐδ' ἀλεγίζω, εἴτ' ἐπὶ δεξι' ἴωσι πρὸς Ἠῶ τ' Ἠέλιόν τε, εἴτ' ἐπ' ἀριστερὰ τοίγε ποτὶ ζῶφον ἠερόεντα* = „не обращаю вниманія, какъ (те) въ томъ случаѣ, если (εἴ) онѣ летятъ направо, такъ (τε) и въ томъ случаѣ, если летятъ налѣво“. Тѣмъ не менѣе нѣтъ нужды предполагать, чтобы косвенно-вопросительное *εἰ* выработалось сперва исключительно на почвѣ раздѣлительныхъ вопросовъ. Этому препят-

ствуешь прежде всего обыкновенная форма раздѣлительныхъ вопросовъ, указывающая своимъ „или“ (*ή*) на второмъ мѣстѣ на то, что первая половина вопроса (съ *εἰ*) составляетъ съ главнымъ глаголомъ одну цѣльную конструкцію, передающую вполнѣ законченное представленье, которому противопоставляется другое. Къ тому же нѣтъ никакой причины сводить все развитіе этой конструкціи къ одной только исходной точкѣ. Такихъ точекъ отправления для перехода условнаго значенія слова *εἰ* въ косвенно-вопросительное могло быть — и было, повидимому, — довольно много, а по ихъ образцу (аналогіи) этотъ же отгѣнокъ значенія могъ постепенно примѣняться и къ другимъ подобнымъ сочетаніямъ, пока выдѣленіе этого отгѣнка, какъ особой конструкціи, не завершилось, наконецъ, соединеніемъ такого же *εἰ* также и съ глаголомъ, обозначающимъ „спрашивать“. Въ послѣднемъ случаѣ имѣемъ дѣло съ чисто аналогической конструкціей, при которой напрасно было бы доискиваться исходнаго условнаго значенія. А что такое постепенное расширеніе сферы употребленія частицы *εἰ* возможно, на это указываетъ примѣръ латинскаго языка, приступившаго къ той же процедурѣ съ союзомъ *si* уже на глазахъ документальной исторіи. Случаи, аналогичные съ тѣми, которые могутъ быть признаны исходными точками для развитія косвенно-вопросительнаго значенія въ частицѣ *εἰ*, встрѣчаются также и въ латинскомъ языкѣ, напр. Тер. *Eun.* 545: *visam, si domi est.* Изъ классической латыни принадлежитъ сюда конструкція глаголовъ, обозначающихъ „ожидать“ (*expecto, si*) и „пытаться“ (*exprogor, si*). Но только Ливій началъ употреблять въ прозѣ это же *si* также и послѣ глаголовъ, обозначающихъ „спрашивать“ (40, 46 *quaesivit, si liceat*). Косвенно-вопросительное употребленіе союза *si* стало распространяться особенно въ христіанское время и перешло потомъ также и въ романскіе языки. Близость косвенно-вопросительной и условной категорій подтверждается фактами также и другихъ языковъ. Такъ напр. чешское *jestli* (= русск. „если“) употребляется въ томъ и другомъ значеніяхъ, совершенно какъ греч. *εἰ*. Подобнымъ образомъ нѣмецкое *ob* имѣло въ древнемъ языкѣ, кромѣ вопросительнаго, также и условное значеніе (= *wenn*); ср. *obschon* и *wennschon*.

Рядомъ съ *εἰ* встрѣчается въ косвенныхъ простыхъ вопросахъ у Гомера также и частица *ή*, ср. Kühner, *Ausführl. Gramm.* II

1034, прим. 26; Seiler-Capelle s. v. Несмотря на традиционное ударение этого η (съ острым ударениемъ), оно, очевидно, тождественно съ вопросительнымъ η въ прямыхъ вопросахъ, и косвенные вопросы, начинающіеся такимъ $\eta = \eta$, должны быть признаны остатками паратактическаго присоединенія зависящихъ вопросительныхъ предложений, напр. π 138: *ἀλλ' ἄγε μοι τόδε εἰπὲ καὶ ἀτρεκέως κατάλεξον, ἦ καὶ Λαέρτη ἄγγελος ἔλθω*. Чаше встрѣчается у Гомера такое η въ раздѣлительныхъ косвенныхъ вопросахъ, совершенно аналогично такому же употребленію этой частицы въ прямыхъ раздѣлительныхъ вопросахъ, напр. Δ 16: *φραζώμεθα, ἦ... ὄρωμεν ἦ... βάλωμεν*. Мало того: Эммануэль Беккеръ въ своемъ изданіи замѣняетъ вообще всякое косвенное *εἰ*, какъ въ раздѣлительныхъ, такъ и въ простыхъ вопросахъ, формою η , равно какъ и вопросительное *εἴτε* формою η τε, исходя изъ известнаго предположенія, что традиціонный текстъ Гомера есть только результатъ аттической транскрипціи древнѣйшаго письма, не различавшаго въ ороографіи звуковъ ϵ , η и $\epsilon\iota$. Однако это ороографическое безразличіе могло касаться лишь такъ наз. несобственного дифтонга $\epsilon\iota$, между тѣмъ какъ въ частицѣ *εἰ*, согласно ея морфологическому значенію, заключается настоящій (полный) двугласный звукъ. Нельзя поэтому допустить, чтобы различіе, дѣлаемое традиціоннымъ текстомъ Гомера между *εἰ* и η , заключалось только на произволѣ, хотя, конечно, въ томъ или другомъ частномъ случаѣ могло появиться *εἰ*, гдѣ было прежде η , а также и наоборотъ. Къ тому же существованіе обѣихъ частицъ въ косвенныхъ вопросахъ у Гомера допускаетъ вполнѣ рациональное объясненіе. Поэтому предположеніе Беккера, къ которому, повидимому, склоняется и Дельбрюкъ (Ort. стр. 77 и 186), не можетъ быть признано правильнымъ. За то, вѣроятно, правильно дѣлаемое имъ различіе въ удареніи, состоящее въ томъ, что въ прямыхъ вопросахъ пишеть онъ η и η — η , въ косвенныхъ же η и η — η . Правда, по теоріи древнихъ грамматиковъ (ср. Kühner l. c. 1030) у Гомера читалось η — η въ раздѣлительныхъ вопросахъ вообще, какъ прямыхъ, такъ и косвенныхъ. Можно, однако, думать, что здѣсь имѣемъ дѣло съ явленіемъ аналогическимъ, устранившимъ въ силу своей теоріи кажущуюся аномалію между прямымъ η — η и косвеннымъ η — η . Ослабленіе ударенія въ косвенно-вопросительномъ η объясняется ослабленіемъ самостоятельности самого предложе-

ніа, т.-е. переходомъ изъ паратакسيسа въ гипотаксисъ. Въ раздѣлительныхъ вопросахъ касается это только первой части, непосредственно примыкающей къ главному предложению; вторая же часть, какъ не зависящая непосредственно отъ главнаго предложенія, сохраняла свою вопросительную частицу въ неизмѣнномъ видѣ, какой она имѣетъ въ самостоятельныхъ предложеніяхъ. При этомъ, однако, слѣдовало бы писать η (безъ ударенія) вмѣсто η , какъ и $\epsilon\iota$ пишется безъ ударенія. Написаніе η происходитъ отъ смѣшенія съ раздѣлительнымъ союзомъ η и $\eta-\eta$, происшедшимъ черезъ сліаніе изъ $\eta\epsilon = \eta - \mathcal{F}\epsilon$, вторая часть котораго тождественна съ латинскимъ -ve*). Такъ какъ основное значеніе латинскаго -ve и, повидимому, греч. - $\mathcal{F}\epsilon$ было „и“ (таково значеніе этой частицы еще всегда у Плавта, за исключеніемъ соединенія ея съ *si*, см. Langen, Beiträge стр. 95), то $\eta-\mathcal{F}\epsilon$ составляетъ полную параллель къ русскому „или“ (изъ и + ли), какъ по своему составу ($\eta = \text{ли}$, $\mathcal{F}\epsilon = \text{и}$), такъ по своему семасиологическому переходу отъ значенія вопросительно-раздѣлительной частицы къ значенію просто раздѣлительному (= *aut***). Итакъ у Гомера во второй части раздѣлительныхъ вопросовъ, какъ прямыхъ, такъ и косвенныхъ, слѣдуетъ, кажется, читать или η , или $\eta\epsilon$. Въ позднѣйшее же время слитное η изъ $\eta\epsilon$ совѣмъ вытѣснило здѣсь первоначальное η . Что же касается происхожденія послѣдней частицы, то она не безъ основанія отождествляется съ утвердительнымъ η („право“, „въ самомъ дѣлѣ“), основнымъ значеніемъ котораго Вругманъ (Griech. Gramm. 2-е изд. стр. 222) считаетъ значеніе нѣмецкаго „so“, между тѣмъ какъ Deeske (Nebensätze стр. 36) предполагаетъ, какъ основное значеніе „wie“. Мы бы предпочли значеніе лат. *jam*, съ которымъ греч. η , можетъ быть, родственно также и по корню***). Для развитія утвердитель-

*) Это -ve тождественно, по крайней мѣрѣ по корню, съ ведическою энклитикой и (со значеніемъ „и“, „также“ и т. и., см. Delbrück, Altind. Syntax, стр. 504 сл.), являющейся въ этомъ же видѣ (какъ *v*) въ греч. *οὐτος* изъ *ὀ-υ-τος*, тоѣто изъ *τό-υ-το*. Для сопоставленія вед. и съ греч. $\mathcal{F}\epsilon$ и лат. -ve ср. К. Z. XXXI, стр. 365.

**) О дальнѣйшемъ переходѣ частицы η къ значенію „чѣмъ“ при сравнительной степени ср. Ziemer, Vergl. Synt. der Comp. стр. 149 сл.

***) Если η одного корня съ *jam*, то слѣдовало бы, правда, ожидать * η -съ густымъ придыханіемъ. Однако, по крайней мѣрѣ, $\eta\epsilon = \eta - \epsilon = \eta + \mathcal{F}\epsilon$ должно было лишиться густого придыханія вначалѣ по извѣстному правилу греч. фонетики

наго и вопросительнаго значеній изъ основнаго „уже“ (jam) сръсское: „ужб посмотрю“ (jam videro) и „ужели“, „не ужели“. Изъ этого основнаго значенія (= jam) объясняется просто также и значеніе слова η — $\delta\eta$ (вторая часть котораго одного корня съ лат. -dam), равно какъ и словъ η - $\mu\acute{\epsilon}\nu$ η - $\delta\acute{\epsilon}$: η — η обозначаетъ здѣсь jam — jam въ смыслѣ, подобномъ русскому „то—то“ *). Вопросительное значеніе частицы η является, слѣдовательно, случайнымъ результатомъ частаго употребленія этого слова именно въ вопросительныхъ предложеніяхъ; другими словами: вопросительное значеніе оказывается здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, не развившимся непосредственно на основаніи кореннаго значенія этого слова, а перенесеннымъ извнѣ изъ окружавшей его среды.

Самая важная вопросительная частица латинскаго языка съ точки зрѣнія исторической грамматики и вмѣстѣ съ тѣмъ самая трудная для объясненія какъ въ синтактичскомъ, такъ и этимологическомъ отношеніяхъ, — это частица an. Прежняя школа филологовъ, не знавшая или не признававшая сравнительнаго языковѣдѣнія, производила an изъ aisne = „не такъ ли?“, которое не подходитъ, однако, ни въ синтактичскомъ, ни въ этимологическомъ отношеніи; въ послѣднемъ пунктѣ мѣшаетъ краткость гласнаго въ ѡп. Впрочемъ Billroth въ своей латинской грамматикѣ (родоначальницѣ извѣстной грамматикѣ Эллендтъ-Зейфферта) производитъ an изъ autne по слѣдующей пропорціи: an: autne = ac: atque. Современное языковѣдѣніе, воспитанное уже на сравнительномъ методѣ, отождествляетъ лат. an съ греч. $\alpha\upsilon$ (напр. Worr, Pott, Corssen Beitr. 304, L. Meyer въ монографіи „AN im Griech., Lat. und Goth.“ и др.), хотя отчасти съ замѣтнымъ недоумѣніемъ; такъ напр. Delbrück, Opt. стр. 89, говоритъ: „вопросъ о томъ, тождественно ли греч. $\alpha\upsilon$ съ лат. an, оставляю безъ отвѣта“, а Brugmann Gr. Gr. стр. 189: „ $\alpha\upsilon$, какъ кажется,

(и вслѣдствіе этого и слитное η). Рядомъ съ η - $\acute{\epsilon}$ употреблялось также η - ϵ , долженствовавшее лишиться своего густаго придыханія по той же причинѣ. Оба эти случая могли подѣйствовать обратно и на простое η , получившее вслѣдствіе этого такое же придыханіе, какое было въ $\eta\acute{\epsilon}$, η и $\eta\epsilon$. Нѣчто подобное имѣемъ также при частицѣ $\epsilon\acute{\iota}$, какъ будетъ указано въ своемъ мѣстѣ.

*) Сомнительно, однако, чтобы это же η заключалось въ $\epsilon\upsilon\acute{\omega}\nu\eta$, $\tau\acute{\upsilon}\nu\eta$, т.-е. чтобы эти слова состояли изъ $\epsilon\upsilon\acute{\omega}\nu$ - η $\tau\acute{\upsilon}\nu$ - η , какъ раздѣляетъ ихъ Бругманъ; скорѣе слѣдуетъ дѣлать $\epsilon\upsilon\acute{\omega}$ - $\nu\eta$ $\tau\acute{\upsilon}$ - $\nu\eta$, несмотря на существованіе формы $\epsilon\upsilon\acute{\omega}\nu$.

тождественно съ лат. *āv*“. Дѣло въ томъ, что трудно подыскать подходящую этимологию, на которой можно было бы проверить родственность обоекъ словъ. Одни (Kühn) сопоставляли греч. *āv* съ выше упомянутымъ скр. и (см. возраженія Дельбрюка Opt. стр. 89), другіе производятъ его отъ скр. корня *apa* *) со значеніемъ *illud*, третьи отъ корня *apa* съ значеніемъ *aliud* (послѣдніа два толкованія повторяются чаще всего), четвертые (Lange, Der nom. Gebrauch der Partikel *el*) изъ греческаго же *a privativum*, имѣвшаго и болѣе полную форму *at-**); новѣйшая попытка (Hermes 1890, стр. 463) производитъ греч. *āv* отъ предполагаемаго мѣстоименія *āmós съ значеніемъ *tis****), извлеченаго изъ *āmó-θεν, οὐδ-αμοῦ* и т. п., при чемъ изъ первоначальнаго *āmó (= ср. родъ) вышло будто бы сперва *ām'* вслѣдствіе элизиі передъ гласными, а далѣе, по обобщеніи формы *ām'*, вслѣдствіе употребленія ея передъ согласными — обычное *āv*. Однако всѣ эти толкованія греческаго *āv* находятся по большей части въ зависимости отъ толкованія греческой же частицы *κέν* безъ всякаго отношенія къ латинскому *ap*. При томъ самое *κέν* толкуется разнообразно (ср. Delbrück, Opt. 84 сл.; Osthoff, Perf. 341; Weber, Absichtssätze I, 38; Hermes 1890 стр. 463): Квичала (Zeitschr. f. ö. Gymn. 1864 р. 394) отождествляетъ *κέν* съ лат. *quam*, но со значеніемъ, свойственнымъ корню неопредѣленныхъ мѣстоименій, т.-е. = „какъ-нибудь“, „можетъ быть“, „должно быть“; напротивъ, Остгоффъ сопоставляетъ его съ скр. *ṣam* со значеніемъ „хорошо“, „можетъ быть“, „должно быть“, въ то время какъ Дельбрюкъ привлекаетъ къ сравненію санскр. *kaṃ*, имѣющее самое неопредѣленное (и поэтому разнообразное) значеніе. Какъ скр. *kaṃ*, такъ и греч. *κέν* производитъ онъ (стр. 88) отъ мѣстоименнаго корня *ka*, дающаго вопросительныя и неопредѣленныя мѣстоименія. Примѣняясь къ значенію послѣднихъ, Дельбрюкъ принимаетъ для *kaṃ* и *κέν* основное значеніе „когда-нибудь“, „какъ-нибудь“. Въ этомъ отношеніи сходится его толкованіе съ мнѣніемъ Ланге, производившимъ

*) Скр. корень *apa* тождественъ съ корнемъ русскаго *онъ, оный*, отъ котораго происходятъ лат. *ollus olim*, изъ *op-lo-s; слѣд. отъ этого корня было бы *op, а не *ap*.

**) Kühner (Греч. Гр.) II стр. 204 сл. указываетъ еще производство отъ *ἀνά* въ значеніи *secundum*.

**) Ср. Kühner (Греч. Гр.) I стр. 471, прим. 4.

кѣν отъ корня неопредѣленнаго мѣстоименія *ко* въ *ὁκότερος, ὅκως* и т. п. и сопоставлявшимъ его съ лат. *-cunque* (такъ что *quicunque* = *ὅς κεν*). То же самое принимается новѣйшимъ толкователемъ въ *Hermes'ъ*, выступающимъ, какъ для *кѣν*, такъ и для *ἄν* основное значеніе „*aliqua ratione*“, т.-е. „какъ-нибудь“, „можетъ быть“ *). Производство частицы *кѣν* отъ неопредѣленнаго мѣстоименнаго корня по меньшей мѣрѣ возможно **). Найденное же такимъ путемъ основное значеніе (= лат. *forte*, нѣм. *etwa*, русск. „можетъ быть“, „должно быть“) вполне удовлетворительно для объясненія употребленія не только греч. *кѣν* и его синонима *ἄν*, но и лат. *an*. Принимая такое же основное значеніе и для лат. *an* (= *forte*), можно безъ труда объяснить сложныя выраженія *forsitan* и *fortassis*, изъ которыхъ первое составилось изъ *fors sit an*, а второе изъ *forte an sis* (= *si vis*). Въ обоихъ случаяхъ *an* можетъ быть принимаемо за синонимъ къ *forte* или *fors sit*, при чемъ *forte an* составляетъ такое же синонимическое сочетаніе, какое имѣетъ напр. при *кѣν ἄν* въ одномъ и томъ же предложеніи, далѣе въ *ἢ μὴν, αὐθις αὐ*, а также *ἢδη* (*ἢ* въ основномъ значеніи *jam* = *δη*); по-латыни *verum vero, sed vero, sed autem, ergo igitur, itaque ergo* и др. (ср. *Schmalz, Synt.* 2-е изд., стр. 468). Вудучи употреблено въ вопросѣ, такое *an* = *forte* „можетъ быть“ служило для выраженія взгляда говорящаго на предполагаемый отвѣтъ подобнымъ образомъ, какъ и *poppe* заключаетъ въ себѣ выраженіе такого же взгляда со стороны говорящаго; разница между *poppe* и *an* заключается только въ степени увѣренности, съ которою говорящій выражаетъ свой взглядъ о содержаніи вопроса и соотвѣтственно этому о характерѣ отвѣта. Сообразно съ этимъ частица *an* съ предполагаемымъ значеніемъ „можетъ быть“, „должно быть“ могла употребляться, конечно, не только въ раздѣлительныхъ, но и въ простыхъ вопросахъ. Къ этому основному значенію можно безъ труда возвести многіе простые вопросы съ *an* даже въ классической латыни; ср. напр. *Cic. sen.* 6, 15: *a rebus gerendis senectus abstrahit? quibus? an*

*) Еще другія толкованія см. въ словарѣ Зейлера s. v. *кѣν*.

**) Возможность эта уменьшилась бы, если бы дор. форма *ка* составляла слабую степень корня къ *кѣν*, какъ предполагаетъ *Kretschmer* въ *K. Z.* XXXI, стр. 365; но послѣдній, высказывая такое мнѣніе, не обратилъ должнаго вниманія на долготу гласнаго въ *ка*.

(можетъ быть, должно быть) *iis, quae in iuventute geruntur?* Cic. *Att.* 3, 15: *Sed quid Curio? an illam orationem non legit? Verg. ecl.* 2, 3, 1: *Dic mihi, Damoeta, cuium pecus? an Meliboei?* (можетъ быть Мелибея?*)). Напрасно предполагать, что передъ *an* подразумѣвается какой-либо другой вопросъ съ *utrum*. Тѣмъ не менѣе такое толкованіе имѣетъ нѣкоторое основаніе въ томъ смыслѣ, что слово *an*, благодаря именно своему значенію „можетъ быть“, само по себѣ уже указываетъ на то, что рядомъ съ выраженной въ вопросѣ возможностью можетъ существовать еще другая, третья (и т. д.) возможность. Благодаря этому же значенію, частица *an* оказалась наиболѣе пригодной какъ разъ въ раздѣлительныхъ вопросахъ, приводящихъ двѣ или болѣе такихъ возможностей, тѣмъ болѣе такое же *an* можетъ быть употреблено даже и помимо вопросовъ, какъ напр. Cic. *fin.* 2, 32, 104: *cum ei Simonides, an quis alius, artem memoriae polliceretur* (а можетъ быть, и кто-нибудь другой); Cic. *Brut.* § 89: *paucis ante quam mortuus est an diebus an mensibus* (за нѣсколько, можетъ быть, дней, а можетъ быть, и мѣсяцевъ). Особенность конструкціи раздѣлительныхъ вопросовъ заключается въ томъ, что *an* употребляется только на второмъ мѣстѣ (не считая случаевъ риторической анафоры). Здѣсь мы имѣемъ дѣло, повидному, съ такимъ же явленіемъ, какъ при гомерическомъ η во второй части раздѣлительныхъ вопросовъ. Но въ такомъ случаѣ приходится предположить, что конструкція эта развилась прежде всего въ косвенныхъ раздѣлительныхъ вопросахъ, отъ которыхъ этотъ же типъ перенесенъ и на самостоятельные раздѣлительные вопросы. Наоборотъ, предпосылаемое первому вопросу *utrum* могло имѣть мѣсто сперва только въ самостоятельныхъ вопросахъ, какъ и греческое *πότερον*, такъ какъ слѣдующій, напр., раздѣлительный вопросъ: *utrum hoc verum an falsum est* разлагается на три генетическія части: 1) *utrum?* что изъ двухъ (подраз. *est*)? 2) *hoc verum est?* правда это? 3) *an falsum est?* а, можетъ быть, ложь? Слово *utrum*, слѣдовательно, составляло сперва

*) Если *an* встрѣчается въ вопросахъ, посредствомъ которыхъ авторъ желаетъ опровергнуть чужое мнѣніе или подкрѣпить свое собственное, то особенность эта зависитъ лишь отъ общаго смысла рѣчи, дающаго понять, что приведенная возможность (*an* = „можетъ быть“) въ данномъ случаѣ немыслима.

самостоятельное*) какъ бы введеніе ко всему раздѣлительному вопросу, а не только къ первой его части. Самостоятельность этого *utrum* сказывается еще до извѣстной степени въ томъ, что рядомъ съ нимъ въ той же первой части раздѣлительнаго вопроса можетъ стоять еще и *ne*, напр. Cic. *fin.* 4, 24, 67: *utrum igitur tandem perspicuis ne dubia aperiantur, an dubiis perspicua tolluntur?* = 1) *utrum igitur tandem?* 2) *perspicuisne* и пр. 3) *an dubiis* и пр. Итакъ основное значеніе, найденное для *хѣν* и черезъ это и для его синонима *ἄν*, даетъ вполне удовлетворительный результатъ также и для объясненія латинскаго *an*, что и можетъ служить доказательствомъ родственности этихъ частицъ въ обоихъ языкахъ, несмотря на ихъ загадочную этимологію. Оба языка разошлись, однако, въ употребленіи *ἄν* = *an*, такъ какъ изъ общаго количества возможныхъ примѣненій въ греческомъ утвердилось одно, а въ латинскомъ другое. А такъ какъ латинское *an* сохранялось въ употребленіи преимущественно только въ вопросительныхъ предложеніяхъ (но не исключительно, какъ свидѣлствуютъ вышеприведенныя два мѣста изъ Цицерона), и притомъ главнымъ образомъ въ раздѣлительныхъ вопросахъ, то при дальнѣйшемъ развитіи языка, со времени Ливія, частица эта могла, съ одной стороны, приобрѣтать исподволь значеніе вопросительной частицы, а съ другой, — значеніе просто противительнаго союза (не вопросительной). Въ этомъ положеніи застаемъ ее уже у Тацита, употреблявшаго *an* отчасти какъ простую вопросительную частицу = *nun* или *ne*, отчасти же какъ противительный союзъ попережку съ *vel*, *ve*, *sive* и даже *aut***).

Вопросительное *пѣ* можетъ быть произведено какъ изъ отрицательнаго *пѣ*, такъ и изъ утвердительнаго *пѣ* (*nae*) = „право“.

*) Подобнаго происхожденія также частица *ἄλλα* изъ *ἄλλα*, такъ какъ напр. слѣдующее предложеніе: *οὐδὲ μὲν Ἔκτωρ μίμνεν, ἄλλ' ἐφορμῆται* (O, 688) разлагается такъ: 1) „и не выжидалъ на мѣстѣ Гекторъ“; 2) „другое“ = не то, нѣтъ; 3) „онъ кидается на него“. Таково также русское „но“ изъ *ино* = *иное* (*ἄλλα*) и др., ср. мои Цад. стр. 117.

**) Не лишнее, въ видѣ примѣчанія, упомянуть о синтаксическомъ толкованіи частицы *an*, предложенномъ Hinze (de an particulae apud priscos scriptores Latinos vi et usu 1887) на основаніи производства отъ санскр. корня *anja* со значеніемъ *aliud*. По этому толкованію предложеніе: *hoc constat; an tu putas...?* значило бы первоначально слѣдующее: „это достоверно; ты другое думаешь?, — именно что и пр.“ Но если принять для *an* искони противительное значеніе, то многие случаи употребленія этой частицы останутся довольно непонятными.

При употребленіи отрицательнаго *ne* въ вопросѣ, мы имѣли бы явленіе, тождественное съ позднѣйшимъ употребленіемъ *poppe*, т.-е. въ этомъ случаѣ пришлось бы предположить, что слово *ne* имѣло здѣсь первоначально такое же значеніе, какъ въ послѣдствіи *poppe*, и что обычное его безразличное употребленіе составляетъ результатъ постепеннаго ослабленія первоначальнаго значенія. Если же производить вопросительное *ne* отъ утвердительнаго *nē* = „право“, то мы имѣли бы опять полнѣйшую аналогію съ греческимъ *ῆ*. Первое мнѣніе принимаетъ наур. Kühner, II, стр. 1002 и Schmalz § 115 и § 215, для второго ср. Bursian's Jahresb. X, Heft 9, стр. 38. Въ пользу перваго толкованія можно было бы указать прежде всего на краткость гласнаго въ вопросительномъ *nē*, которая объяснялась бы въ этомъ случаѣ безъ всякаго затрудненія тѣмъ, что и отрицательное *nē* имѣло краткій гласный, какъ видно изъ *nē-que*, *nē-queo*, *nē-fas*, *nēg-otium*, *nī-hil*, и только отчасти долгій гласный, сохранившійся въ *nē* (въ значеніи союза), *nē-dum*, *nē-quam*, *nē-quivquam**). Далѣе также и вытѣсненіе самого *nē* позднѣйшимъ *pop* (сложнымъ изъ *pe* + *oepom* = *upum*) могло бы быть объяснено влияніемъ новой функціи, которую отрицательное *nē* приобрѣло въ вопросахъ. Напротивъ энклитическій характеръ вопросительнаго *nē*, трудно объяснимый при производствѣ этого слова изъ отрицательной частицы, говорить скорѣе въ пользу втораго толкованія; ослабленіе ударенія въ утвердительномъ *nē* болѣе понятно, чѣмъ при отрицаніи, долженствовавшемъ имѣть въ вопросѣ главное удареніе въ предложеніи, какъ это замѣчаемъ при *poppe*. При этомъ, правда, необходимо предположить сокращеніе гласнаго *ē*, которое, однако, какъ разъ при энклитикѣ не составляетъ ничего удивительнаго и замѣчается также въ энклитическомъ *-tē* въ *tutē* и *istē***). Впрочемъ энклитическое *nē*, безъ сомнѣнія, было въ употребленіи также и въ предложеніяхъ не вопросительныхъ съ сохраненіемъ основнаго значенія. Остатки этого употребленія встрѣчаемъ еще у Горация въ сатирахъ, а именно 1, 10, 21: *o veri*

*) Также для греч. языка предполагается краткое *νέ (см. Brugmann, Griech. Gr. стр. 228) соответственно лат. *nē*. Наоборотъ для лат. языка можно предположить, что долгое *nē* вытѣснило собою болѣе древнее *mē = греч. *μή*, скр. *mā*.

**) О значеніи и происхожденіи *-te* въ *is-te* и *-se* въ *i-p-se* будетъ у насъ рѣчь въ другомъ мѣстѣ.

studiorum, quise (ne = profecto) putetis difficile et mirum, Rhodio quod Pitholeonti contigit! и 2, 3, 97: quas (divitias) qui construxerit, ille clarus erit, fortis, justus, sapiensne etiam („право даже“), et rex et quidquid volet. Издатели, правда, пишут и здѣсь вопросительные знаки; однако, если съ этимъ можно согласиться въ первомъ мѣстѣ, то второе не обходится при этомъ безъ очевидной натяжки, все равно, будутъ ли знаки препинанія разставлены такъ: ...fortis, justus. Sapiensne etiam? et rex или же такъ: fortis, justus. „Sapiensne?“ Etiam! Et rex и пр. А если въ одной глоссѣ толкуется egone черезъ ego vero, то это соотвѣтствуетъ вполнѣ греч. ἐγώ-τη, τὸ-τη. Если же вопросительное пѣ происходитъ отъ утвердительнаго пѣ, которое тождественно съ греч. νή (vai), а по смыслу и съ ἦ, то оно могло быть искони употребительно какъ въ прямыхъ, такъ и въ косвенныхъ вопросахъ безъ всякаго различія*).

Какъ вопросительное пѣ производится обыкновенно отъ отрицательнаго ne, такъ и въ частицѣ нум искали нѣкоторые то же самое отрицаніе; такъ напр. Шмальцъ (Synt. § 158), который считаетъ основнымъ значеніемъ для нея „nicht zu irgend einer Zeit“, не опредѣляя, однако, второй составной части, слившейся съ ne въ нум. Поттъ, первый предложившій это объясненіе, раздѣляетъ нум на ne-um, при чемъ -um было бы здѣсь тождественно съ un-въ un-quam (отсюда и у Шмальца выраженіе „zu irgend einer Zeit“); нум изъ ne-um заключало бы въ себѣ такое же сляніе, какъ nunquam изъ ne-unquam. Объясненіе это, однако, предполагаетъ два условія, которыя сами требовали бы какого-либо убѣдительнаго доказательства: во-первыхъ, что вопросительное пѣ произошло изъ отрицательной частицы, и, во-вторыхъ, что корень u, къ которому относится un-quam us-quam us-riam us-que, могъ имѣть значеніе неопредѣленнаго мѣстоименія самъ по себѣ, какъ это требуется для предполагаемаго -um (объ этомъ корнѣ будетъ у насъ еще рѣчь въ отдѣлѣ объ относительныхъ

*). Впрочемъ въ Neue Jahrb. 1890, II стр. 447 сдѣлана попытка произвести отрицательное пѣ отъ утвердительнаго пѣ такимъ образомъ, что напр. ne tu, Erci, accusator esses ridiculus (Cic. Rosc. A. 18, 50) было бы = „ei, ei, du wärest vermutlich (conj. pot. der Vergangenheit) ein lächerlicher Ankläger gewesen“. Однако отриц. пѣ, повидимому, не что иное, какъ случайное видоизмѣненіе болѣе древняго *me, приспособленное къ отрицательному же пѣ; см. выше.

предложеніяхъ); заключеніе же, построенное на такихъ двухъ сомнительныхъ премиссахъ, не можетъ быть признано убѣдительнымъ. Другое объясненіе частицы *num* предложено Корссеномъ въ *Krit. Beitr.* стр. 291 (въ извлеченіи повторено у Kühner'a Лат. грамм. стр. 1008). Онъ отождествляетъ вопросительное *num* съ частицей времени, заключающейся въ *etiam-num* и давшей съ суффиксомъ -с обычное *nunc* (какъ *nunc* изъ *tum*); это основное значеніе проглядываетъ, по его мнѣнію, иногда также и въ собственно вопросительномъ *num*, напр. *Cic. fam.* 11, 27, 1: *num quidnam, inquam, novi?* что Корссенъ толкуетъ такъ: „*Nun (= num) was gibt's denn (= nam) Neues?* или *Plaut. Truc.* II, 6, 65*): *quid ais nunc tu? numne vis me ire ad cenam? = Was sagst du nun? willst du nun (= num) nicht (= ne), dass ich zum Schmause gehe?* Ср. также *Reisig's Vorlesungen, Synt.* стр. 301. Что же касается формы этой частицы, то Корссенъ считаетъ ее винительнымъ средняго рода отъ того же указательнаго мѣстоименія, отъ котораго происходитъ и винительный женскаго рода *nam*. Однако временная частица *-num* (въ *etiam-num*) и *nunc-c*, вмѣстѣ съ греч. *νῦν* и *νῦν, νῦ*, нѣм. *nun*, русск. нынѣ, вед. *nū*, если происходитъ отъ того же корня**), какъ и вопросительное *num*, могла сохранить одно изъ многочисленныхъ значеній формы винительнаго падежа (ср. Пад. 123) параллельно съ вопросительнымъ *num*, могущимъ основываться на другомъ значеніи того же винительнаго. А что нѣтъ нужды считать значеніе вопросительнаго *num* произведеннымъ изъ значенія временнаго *num*, въ этомъ убѣждаетъ насъ самостоятельное значеніе частицы *nam*, которая къ тому же употребляется и въ вопросительныхъ предложеніяхъ подобнымъ же образомъ, какъ и *num*. *Num* и *nam* въ вопросахъ различаются въ сущности только тѣмъ, что первое бываетъ въ „дѣльныхъ“ вопросахъ (вопросахъ предложеній), второе же обыкновенно въ „частныхъ“ вопросахъ (вопросахъ понятій); далѣе и тѣмъ, что *nam* употребляется обыкновенно какъ

*) Schoell въ своемъ изданіи *Truc.* стр. 546 читаетъ это мѣсто такъ: *quid ais? num tu non novis?* см. тамъ же критическій аппаратъ.

**) *Kretschmer* въ *K. Z.* XXXI стр. 887 производитъ эту отъ корня, заключающагося въ *novis*, новый *νέος* санскр. *návas*; этимологія эта предложена, впрочемъ, раньше и самимъ Корссеномъ (въ 1 изд. его *Aussprache*), производившимъ *nunc-c* изъ *novum-ce.

энклитика, подобно *ne*, напр. *quisnam, quidnam*, хотя у Плавта и Теренция это же *nam* встрѣчается также и въ началѣ предложенья, напр. *Most. 388: nam quid tu malum, me rogitas?* а также и при другомъ расположеніи словъ можетъ отдѣляться отъ мѣстоименія, напр. *Most. 258: quid cerussa nam orust?* см. Lorenz, *Most. 152*. Также отчасти еще у поэтовъ классическаго времени, напр. Verg. *Aen. 2, 373: festinate viri: nam quae tam sera moratur segnities? ecl. 9, 39: quis est nam ludus in undis?* Это же *nam* встрѣчается также и въ предложеніяхъ съ *num* отдѣльно или вмѣстѣ, напр. Pl. *Mil. 924: num ille te nam povit?* Ter. *Heaut. 517: numnam haec audivit?* Въ классической прозѣ только въ сочетаніи *num quisnam, num quidnam* (см. Anton, *Studien III*, стр. 244). Такое употребленіе слова *nam* объясняется тѣмъ, что это не исключительно причинная частица, а что она вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ нерѣдко и утвердительное (усилительное) значеніе, подобное тому, которое мы выше предположили для *ne* и какое имѣетъ греческое *ἤ*, т.-е. значеніе „право“, „дѣйствительно“, „въ самомъ дѣлѣ“, и въ этомъ случаѣ даже соединяется съ *hecle*; см. Kühner, *Lat. Gramm. II*, стр. 718 сл. (№ 8 и 9). Мало того, частица *enim*, повидимому родственная по корню съ *nam**), имѣетъ у Плавта еще исключительно только утвердительное значеніе, равное *hecle, pol, edepol* и т. п., какъ доказалъ Langen, *Beitr. 262* сл. Поэтому нельзя не считать возможнымъ, что подобное утвердительное значеніе было нѣкогда свойственно также и вопросительному *num*, которое въ такомъ случаѣ представляло бы полную аналогію съ развитіемъ значенія въ *ne* и *ἤ*. *Num* и *ne* были бы, слѣдовательно, искони синонимы, какими они оказываются фактически и въ смыслѣ вопросительныхъ частицъ, по крайней мѣрѣ, въ косвенныхъ вопросахъ. Особенность значенія частицы *num* въ прямыхъ вопросахъ зависитъ отъ того, что она, не будучи энклити-

*) *Enim* производится изъ *e + nam* см. Ziemer, *Streifzüge 2* изд. стр. 135 и 154. Однако изъ *nam* вышло бы *-nem* въ закрытомъ слогѣ, какъ *factus — perfectus*. Напротивъ *-nim* могло возникнуть изъ первоначальнаго *-nem*, какъ *undecim* изъ *desem*. Это подтверждается также и осскимъ *inim* и умбр. *enem*. Это *-nem*, можетъ-быть, тождественно съ *nem* въ *nem-re*. Такимъ образомъ получаемъ ту же тройственность *num: nam: nem*, которая повторяется въ *tum: tam: -tem: (i-tem, au-tem)* и *dum: -dam: -dem*; ѣ въ *ĕ-nim*, повидимому тождественно съ ѣ въ *ĕdepol*.

кой, выражаетъ вопросъ съ большою настойчивостью*), чѣмъ энклитическое *ne*; настойчивость же вопроса нерѣдко сама по себѣ заключаетъ въ себѣ указаніе на то, что спрашивающій собственно даже и не считаетъ подлежащимъ вопросу или спору содержаніе даннаго вопросительнаго предложенія, напр. *Num pegeris andes?* ну, смѣешь ли ты отрицать? Особенное значеніе частицы *num* зависитъ, слѣдовательно, не столько отъ нея, сколько отъ самаго содержанія вопроса. Къ тому же *num* имѣетъ при случаѣ даже и въ прямыхъ вопросахъ**) значеніе, подобное значенію частицы *ne*, напр. *Cic. Cat. 1, 5, 13: num dubitas id me imperante facere, quod iam tua sponte faciebas? = dubitasne*, такъ какъ Катилина дѣйствительно медлитъ уйти изъ Рима. Въ сочетаніяхъ *numne****) и *numnam* (Kühner, Лат. грамм. II, 1010) заключалось бы подобное соединеніе синонимовъ, какъ при *forsitan* (см. выше) или при *ĕ-nim* (*ĕ* какъ въ *ĕ-depol*, *-nim* изъ *-nem* въ значеніи *nam* = *ŋ*) и въ ессе изъ *en + se*. Впрочемъ частица *num* уже въ классическое время начинаетъ мало-по-малу выходить изъ употребленія, а именно прежде всего въ косвенныхъ вопросахъ, въ которыхъ она совсѣмъ не встрѣчается (напр. у Катиллы и Тибуллы); въ серебряной латини оно замѣняется все болѣе частицами *an* и *si*, пока, наконецъ, не исчезаетъ также и въ прямыхъ вопросахъ (Schmalz, Synt. § 158).

Въ косвенныхъ вопросахъ встрѣчается далѣе также *nonne* (изъ *non + ne*), но только у Цицерона, да и у него только послѣ глагола *quaero* (см. *Antibarbarus* изд. Шмальца s. v.). У другихъ писателей оно употребительно только въ прямыхъ вопросахъ, а у нѣкоторыхъ этой частицы совсѣмъ нѣтъ, какъ напр. у Катиллы и Тибуллы. У Плавта же частица эта только что начинаетъ зарождаться. Spengel (*Die Partikel nonne im Altlatein*. 1867) и по его примѣру Schmalz (§ 157) совсѣмъ исключаютъ частицу

*) Съ тою же цѣлью вмѣсто *num* употребляется также *en*, но главнымъ образомъ только въ древней латини; изъ класс. писателей вопросительное *en* встрѣчается только у Вирг. (напр. *Aen.* 6, 346) и Ливіа. Цицеронъ замѣняетъ простое *en* сложнымъ *esquid*, см. ниже.

**) Наоборотъ и въ косвенныхъ вопросахъ встрѣчается обычное для прямыхъ вопросовъ значеніе *num*; однако напрасно утверждать, что это всегда такъ (попытку этого рода см. въ *Neue Jahrb.* 1886, II, стр. 616; но ср. *ib.* 1890, II, стр. 24).

***) О *numne* ср. *Reisig's Vorles.* III, стр. 303.

попне изъ текста Плавта; однако по крайней мѣрѣ въ *Андр.* 539 она засвидѣтельствована всѣми рукописями.

Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть еще о частицѣ *es-* въ *es-quis*, употребляемой какъ въ прямыхъ, такъ и косвенныхъ вопросахъ. *Esquis*, по значенію и употребленію, равняется вполнѣ слову *num-quis**), изъ чего и можно заключить, что *es-* и *num* вполнѣ синонимическія выраженія, и что, слѣдовательно, *es-* могло произойти изъ *en*, употреблявшагося тоже въ смыслѣ *num*; ср. напр. *Verg. Aen.* 6, 346: *en* (= *num*) *haec promissa fides est? ecl.* 1, 67: *en unquam patrios longo post tempore fines videbo? ib.* 8, 7: *en erit unquam illa dies? Сь этимъ ср. напр. Cic. Sest.* 30, 64: *esquae vox unquam est audita consulum?**)*.

Изъ всего вышесказаннаго явствуетъ, что въ латинскомъ языкѣ въ употребленіи вопросительныхъ частицъ не замѣчается никакого существеннаго развитія между прямыми и косвенными вопросами. Особая специально косвенно-вопросительная частица *si* начала вырабатываться только тогда, когда употребленіе сослагательнаго наклоненія въ косвенныхъ вопросахъ перестало быть необходимымъ при всякомъ построеніи предложеній. Но и тогда, въ силу традиціи прочихъ вопросительныхъ частицъ, вопросительное *si* стало примѣняться также въ прямыхъ вопросахъ (см. *Schmalz* § 159). Разница между греческимъ и латинскимъ языкомъ въ этомъ отношеніи происходитъ отъ того, что послѣдній искони нашелъ другой путь для обозначенія косвенной зависимости примѣненіемъ сослагательнаго наклоненія сперва въ связи съ соответствующимъ построеніемъ предложеній, а потомъ и вообще.

Въ греческомъ же языкѣ избранъ для этой цѣли болѣе внѣшній способъ подчиненія при помощи своеобразныхъ частицъ, а именно въ „цѣльныхъ“ вопросахъ при помощи подчинительной частицы *εἰ*, въ „частныхъ“ же посредствомъ частицы *ὅ*, соединяемой съ вопросительнымъ мѣстоименіемъ и нарѣчіемъ на подобіе латинскаго

*) Какъ *numquis* *nam*, такъ встрѣчается и *esquis* *nam*, ср. *Anton Studien* III, стр. 247; далѣе какъ *numquid*, такъ и *esquid* употребляются одинаково въ нарѣчномъ значеніи въ смыслѣ простой вопросительной частицы, и притомъ обѣ не только въ значеніи, свойственномъ обыкновенно частицѣ *num*, но и въ смыслѣ безразличной частицы *ne*, см. *Anton ib.* 246.

**) *Döhning* въ *Neue Jahrb.* 1890, 489 прозводитъ *es-quis* изъ *et-quis*, причемъ *et* = *etiam*; *Joh. Schmidt* сравниваетъ *esquis* съ герм. *ethes-weg*, *ethes-wanne*, *ethes-lich*.

esquis. Однако между тѣмъ какъ послѣднее употребляется безразлично, какъ въ прямыхъ, такъ и косвенныхъ вопросахъ, греческое *ὅτις* = *ὅστις*, *ὅποιος*, *ὅπου* и т. д. ограничиваются только сферою косвенныхъ вопросовъ; нѣкоторые примѣры употребленія этихъ словъ какъ бы въ прямомъ вопросѣ объяснены въ греческой грамматикѣ Кюнера. Производство частицы *ὅ* допускаетъ двойное толкованіе. Бругманъ (Gr. Gr. 2 изд. § 207), основываясь на дигаммѣ въ локр. *ῥότι* (см. § 98), производитъ также частицу *ὅ* изъ *σῥόδ, т.-е. принимаетъ ее за средній родъ мѣстоименія *ὅς* = *ῥός*, имѣющаго обыкновенно притяжательное значеніе (ср. suus изъ *sevos, *έός* изъ *έῤός* = sevos, свой), но также и указательное, какъ въ нѣм. so (ср. лат. si, sei, осск. svaī, греч. *εἰ*) или какъ греч. *ὡς* изъ *ῥώς* въ такихъ оборотахъ, какъ *θὲός ῥώς*. Это предполагаемое *σῥόδ имѣло значеніе относительнаго союза, замѣняющаго собою относительное мѣстоименіе, подобно нѣм. so (въ ср.-в.-нѣм. и въ устарѣломъ н.-в.-нѣм., напр. wenn ich das, so ich zerbrochen habe, wieder baue); подобнымъ образомъ и гот. ei можетъ замѣнять всѣ формы относительнаго мѣстоименія; въ слав. языкахъ встрѣчается такимъ образомъ что, що (мало-русск.), со (чешск.), čo (словацк.), kiz (верхне-луж.), kir (словинск.), ср. напр. „почерпало — каждая рѣчь, що черпають нею, яко ведро, ковшъ“ (Коршъ, Способы стр. 29). Этотъ относительный союзъ *δ* = *σῥόδ соединялся, по Бругману, съ неопредѣленнымъ *τις*, *ποῦ*, *πὸς* и пр., составивъ такимъ образомъ прежде всего неопредѣленно-относительное мѣстоименіе, которое потомъ стало употребляться также и въ косвенно-вопросительныхъ предложеніяхъ. Совсѣмъ иначе толкуетъ это дѣло Deescke (Nebensätze стр. 32). Единичное локр. *ῥότι*, по его мнѣнію, не можетъ имѣть доказательной силы. А такъ какъ, за исключеніемъ этого случая, другихъ слѣдовъ дигаммы здѣсь не имѣется, то *δ*, происшедшее, конечно, прежде всего изъ *δδ, можетъ быть объяснено изъ обыкновеннаго относительнаго корня *jo* (имѣвшаго, впрочемъ, нѣкогда и указательное значеніе); въ такомъ случаѣ *δδ было бы *ῥόδ. Съ относительнымъ *ῥόδ соединилось-де вопросительное *τις*, *πότερος* и пр., при чемъ *δ* играетъ здѣсь ту же роль, какъ и *ὅτι*, когда оно вводитъ собою прямую рѣчь, такъ что напр. *ἡρώτων αὐτόν· ὀπλήλικος εἶη* = *ἡρώτων (τό), ὃ πλήλικος εἶη*. Такимъ образомъ слова

эти были бы сперва вопросительными, а потомъ только также и относительными. Оба эти мѣнья случайно находятъ себѣ одинаковую точку опоры въ области ударенія, такъ что Бругманъ можетъ указывать на *ὅτι, ὄλον, ὄλοι, ὄλωσ* какъ на явные слѣды того, что вторая часть въ этихъ словахъ была энклитическая, т.-е. принадлежала къ разряду неопредѣленныхъ мѣстоименій; Дееске, наоборотъ, имѣетъ право ссылаться на удареніе въ *ὄλοσος, ὄλοϊος, ὄλοϊτε, ὄπληϊκος*, свидѣтельствующее о томъ, что вторая часть трактуется здѣсь не какъ энклитика и что она, поэтому, не можетъ принадлежать къ неопредѣленнымъ мѣстоименіямъ; слѣдовательно, она искони вопросительная. По мѣнью Бругмана, удареніе было сперва вездѣ на первой части, и только когда эти слова начали употребляться также и въ вопросительномъ значеніи, то въ нѣкоторыхъ случаяхъ удареніе перенесено на вторую часть въ подражаніе соотвѣтствующимъ простымъ вопросительнымъ мѣстоименіямъ, т.-е. изъ **ὄπληϊκος* по образцу простого *πληϊκος* получилось *ὄπληϊκος, ὄλόθεν* изъ **ὄλοθεν* по образцу *λόθεν* и т. д.; при словахъ, вторая часть которыхъ начинается съ *τ*, сохранилось древнее удареніе благодаря вліянію, которое на *ὅτις* оказывалось со стороны *ὅστις*. Дееске, въ свою очередь, объясняетъ получающееся у него отступленіе въ удареніи вліяніемъ относительнаго мѣстоименія этихъ словъ, не указывая, однако, какимъ образомъ могло развиваться это относительное значеніе изъ первоначальнаго вопросительнаго, и не обращая вниманія на то, почему это вліяніе не сказалось во всѣхъ случаяхъ, а только въ нѣкоторыхъ. Тѣмъ не менѣе объясненіе Дееске заслуживаетъ въ общемъ рѣшительнаго предпочтенія передъ объясненіемъ Бругмана, но съ небольшою поправкой, касающейся значенія частицы *ὅ*. При объясненіи этого *ὅ* слѣдуетъ исходить не изъ относительнаго значенія лежащаго въ его основаніи корня, какъ это дѣлается одинаково и Бругманомъ и Дееске, а изъ основнаго указательнаго значенія, при чемъ даже безразлично, будемъ ли здѣсь искать корень *σφο* съ Бругманомъ или корень *λο* съ Дееске, такъ какъ для обоихъ основное указательное значеніе внѣ всякаго сомнѣнія. Съ этимъ видоизмѣненіемъ въ толкованіи значенія частицы *ὅ* вышеприведенное предложеніе: *ἡρώτων, ὄπληϊκος εἶη* значило бы первоначально: *ἡρώτων ὅ* (= это, слѣдующее), *πληϊκος εἶη*, такъ что указательное *ὅ* принадлежало бы первоначально не въ составу при-

даточнаго предложенія, а въ составу главнаго; съ подобными явленіями будемъ еще имѣть дѣло въ послѣдующихъ статьяхъ. Вторая часть словъ, сложныхъ съ δ , состояла бы такимъ образомъ изъ вопросительнаго $\tau\acute{\iota}\varsigma$, $\pi\eta\lambda\acute{\iota}\kappa\omicron\varsigma$ и т. п., при чемъ основное значеніе этихъ вопросительныхъ словъ сохранилось отчасти безъ ударенія. Не сохранилось оно прежде всего при формахъ съ τ вслѣдствіе постепеннаго смѣшенія двухъ рядовъ формъ, какъ принимаетъ и Бругманъ. Дѣло въ томъ, что рядомъ съ $\delta\zeta\tau\acute{\iota}\varsigma$ существовало еще $\delta\tau\acute{\iota}\varsigma$. Обѣ эти формы именительнаго падежа встрѣчаются еще у Гомера (напр. $\delta\tau\acute{\iota}\varsigma$ Г 279); внослѣдствіи же двойственность формъ обнаруживалась только въ род. и дат. падежахъ ед. ч., при чемъ $\delta\upsilon\tau\acute{\iota}\nu\omicron\varsigma$ и $\delta\tau\acute{\iota}\nu\iota$ относятся къ $\delta\zeta\tau\acute{\iota}\varsigma$, а $\delta\tau\omicron\upsilon$ (Гом. $\delta\tau\epsilon\upsilon$) и $\delta\tau\omega$ (ион. $\delta\tau\epsilon\omega$) принадлежать къ $\delta\tau\acute{\iota}\varsigma$. Первое, составившись изъ относительнаго $\delta\zeta$ и неопредѣленнаго $\tau\acute{\iota}\varsigma$, имѣло значеніе неопредѣленно-относительное = quisquis, quicumque; второе же, происходя изъ первоначально указательнаго δ и вопросительнаго $\tau\acute{\iota}\varsigma$, имѣло искони косвенно-вопросительное значеніе. Отъ смѣшенія обоихъ этихъ мѣстоименій получилось смѣшанное значеніе, перенесенное потомъ и на всѣ сложные мѣстоименія, начинающіяся съ δ . Такъ какъ формы род. и дат. $\tau\acute{\iota}\nu\omicron\varsigma$ ($\tau\acute{\iota}\nu\omicron\varsigma$) и $\tau\acute{\iota}\nu\iota$ ($\tau\acute{\iota}\nu\iota$) представляютъ сравнительно позднее нововведеніе, возникшее на основаніи формы вин. ед. $\tau\acute{\iota}\nu\alpha$ (см. Gust. Meyer, Gr. Gr. стр. 346; Brugmann, Gr. Gr. 2 изд. стр. 131), то первоначальное склоненіе обоихъ рядовъ было приблизительно слѣдующее:

$\delta\zeta\tau\acute{\iota}\varsigma$ *	$\delta\tau\acute{\iota}\varsigma$	изъ $\delta(\delta)\tau\acute{\iota}\varsigma$
* $\delta\upsilon\tau\omicron\upsilon$	$\delta\tau\omicron\upsilon$	изъ $\delta(\delta)\tau\omicron\upsilon$
* $\delta\tau\omega$	$\delta\tau\omega$	изъ $\delta(\delta)\tau\omega$
$\delta\upsilon\tau\acute{\iota}\nu\iota(\alpha)$	$\delta\tau\acute{\iota}\nu\iota(\alpha)$	изъ $\delta(\delta)\tau\acute{\iota}\nu\iota(\alpha)$.

Сліяніе обоихъ рядовъ обнаружилось особенно въ род. и дат., такъ какъ $\delta\tau\omicron\upsilon$ и $\delta\tau\omega$ составляютъ какъ бы средній выводъ изъ * $\delta\upsilon\tau\omicron\upsilon$ * $\delta\tau\omega$ съ одной стороны и $\delta\tau\omicron\upsilon$ $\delta\tau\omega$ — съ другой; эти среднія формы въ видѣ $\delta\tau\epsilon\upsilon$ $\delta\tau\tau\epsilon\omicron$ $\delta\tau\tau\epsilon\upsilon$ и $\delta\tau\epsilon\omega$ у Гомера един-

*) Впрочемъ, рядомъ съ $\delta\zeta\tau\acute{\iota}\varsigma$ могла имѣть мѣсто и въ этомъ ряду форма $\delta\tau\acute{\iota}\varsigma$, такъ какъ рядомъ съ δ ; также и δ (такъ наз. членъ) встрѣчается у Гомера въ относительномъ значеніи (и тогда пишется δ).

ственно употребительны (*οὐτινος* и *φτινι* составляютъ позднѣйшее дополненіе именительнаго *ὄστις* съ обычнымъ склоненіемъ обѣихъ частей въ самостоятельномъ видѣ). Смѣшеніемъ обѣихъ рядовъ объясняется и колебаніе между *τ* и *ττ*. Двойное *ττ* возникло такимъ образомъ, что частица **ὄδ*, примыкая сперва лишь внѣшнимъ образомъ къ мѣстоименію *τις**), должна была въ произношеніи звучать какъ *ὄτ*, напр. **ὄτ-τί* = *ὄτ-τι*, **ὄτ-τεῦ* = *ὄτ-τευ*. Напротивъ въ рядѣ *ὄστις* имѣлось, конечно, только одно *τ*, по крайней мѣрѣ въ род. и дат. ед., а, безъ сомнѣнія, и въ формѣ *ὄτι*, такъ какъ обѣ составныя части ясно сознавались какъ два слова и поэтому подвергались всѣмъ фонетическимъ перемѣнамъ на ряду съ самостоятельнымъ *ὄς*, средний родъ котораго, по извѣстному правилу, долженъ былъ лишиться въ концѣ своего *δ*: *ὄ* изъ **ὄδ*, между тѣмъ какъ въ *ὄττι*, вслѣдствіе затемненія значенія первой части, фонетическое правило, измѣнившее самостоятельное **ὄδ* въ *δ*, не находило болѣе примѣненія. При словахъ, вторая часть которыхъ начинается съ *π*, такихъ искони двойныхъ формъ не было, и поэтому вездѣ слѣдовало бы ожидать только двухъ *ππ*, напр. *ὄπλωσ*, *ὄπλόθεν* и пр. изъ **ὄδ + πλωσ*, **ὄδ + πλόθεν* вслѣдствіе той же ассимиляціи, какъ и въ *ὄττι* изъ *ὄδ + τι*. Однако сосуществованіе двойственныхъ формъ съ двумя *ττ* и съ однимъ *τ* вызвало такое же колебаніе и въ словахъ съ *ππ*, вслѣдствіе чего рядомъ съ первоначальнымъ *ὄπλωσ*, *ὄπλόθεν* и пр. начали появляться и формы съ однимъ *π*: *ὄπλωσ* *ὄπλόθεν*, пока, наконецъ, это упрощеніе не взяло верхъ надъ удвоеніемъ согласнаго какъ при *ττ*, такъ и при *ππ*. Такимъ образомъ въ этомъ отношеніи одержалъ побѣду первый рядъ. Подобную побѣду, хотя не полную, одержалъ тотъ же рядъ также и въ дѣлѣ ударенія. Прежде всего измѣнено удареніе въ склоненіи слова *ὄστις* *ὄττι*, *ὄττευ* и пр. примѣнительно къ мѣсту, которое оно занимало въ склоненіи *ὄστις*. Далѣе по образцу склоненія единственнаго числа, имѣвшаго во всѣхъ падежахъ по два слога (въ томъ числѣ и въ вин., такъ какъ вмѣсто *τίνα* древнѣе должно было быть **τίν*), удареніе его перенесено также и на всѣ прочія двусложныя слова этого рода, каковы *ὄπον*, *ὄπλωσ* и пр.,

*) Въ формѣ *ὄττι* первое *τ* не превращалось въ *σ*, такъ какъ здѣсь дѣло касается внѣшняго sandhi; кромѣ того начальное *τ* въ *τις* *τί* не чисто зубное, а собственно небное, какъ видно изъ его родства съ *quis*; ср. К. Z. XXVII, стр. 90.

между тѣмъ какъ въ многосложныхъ сохранилось прежнее ударение: *ἀλόθευ* и пр.*).

Вопросъ о вопросительномъ или неопредѣленномъ значеніи второй части въ *ὅστις* и *ὅτις* сталкивается съ вопросомъ о взаимномъ отношеніи обонхъ этихъ значеній, насколько для нихъ служатъ однѣ и тѣ же формы (*τίς* и *τις*). Такъ какъ, однако, это не касается непосредственно синтаксиса сложныхъ предложений, то достаточно будетъ пока упомянуть, что одни считаютъ неопредѣленное значеніе основнымъ и производятъ изъ него вопросительное (особенно Квичала въ его *Untersuchungen auf dem Gebiete der Protopina*), другіе же, наоборотъ, кладутъ въ основаніе вопросительное значеніе и изъ него производятъ значеніе неопредѣленное (ср. Коршъ, *Способы* стр. 25 и 101).

*) Иначе ставить вопросъ Wackernagel въ К. Z. XXVII стр. 89 сл. Онъ признаетъ древнимъ индо-евр. типомъ только соединеніе *склоняемаю* относительнаго мѣстоименія *ја* и *склоняемаю* же неопредѣленнаго мѣстоименія *ка*, *ки*, такъ что *ὅστις* было бы древнѣе, чѣмъ *ὅτι*; сообразно съ этимъ предполагаетъ онъ для *ἄλως ἄλου* и пр. болѣе древнія формы **ὄς πος* **ὄ που* и пр. Образованіе формъ съ *ὄ* исходило-де исключительно изъ средняго рода: *ὄτι* и **ὄπλο* (отъ предполагаемаго **ὄς πος*). Хотя морфологически не невозможно, чтобы одна форма повлекла за собою цѣлый рядъ другихъ, однако въ семасіологическомъ отношеніи остался бы тутъ совершенно открытымъ вопросъ, почему въ этомъ случаѣ греческое относительное мѣстоименіе приобрѣло значеніе вопросительнаго.

И. Нетушилъ.

Наука объ эпиграфикѣ и мѣсто, занимаемое ею среди другихъ филологическихъ наукъ.

Фридрихъ Августъ Вольфъ въ своей системѣ филологическихъ наукъ ставилъ эпиграфику рядомъ съ исторіей литературы, какъ двѣ близко родственныя дисциплины, имѣющія объ предметомъ своимъ памятники письменности. Но знаменитый Августъ Бёкъ, который, собственно говоря, создалъ эпиграфику какъ науку и первый положилъ твердое основаніе методическому изданію и толкованію надписей, на первыхъ страницахъ своего монументальнаго „Корпуса греческихъ надписей“ утверждалъ, что для эпиграфики была бы слишкомъ большая честь, если бы ее поставить на ряду съ исторіей литературы, коей она составляетъ лишь одинъ отдѣлъ, отличаясь отъ нея не по содержанію и характеру памятниковъ, а лишь по матеріалу, на коемъ они начертаны.

Точно такъ же судилъ и ученикъ, а затѣмъ сотрудникъ Бёка Іоганнъ Францъ въ предисловіи къ своей извѣстной книгѣ: *Elementa epigraphicae graecae*. Подлинныя его слова: *quodsi quaeris in epigraphice quid sit illud, quod possit in artis formam redigi, palaeographia stilique in titulis conformatio ostendit se atque occurrit; quarum utraque etsi proponi potest quodammodo circumscripta finibus suis, tamen non ejusmodi est, ut divulsa altera ab universa palaeographia, altera a reliqua stilorum demonstratione artem peculiarem constituat, т.-е.* если опредѣлять, что въ эпиграфикѣ можетъ быть приведено въ строго-научную форму, то сами собою выдвигаются на первый планъ характеръ письма и литературная форма надписей: для каждой изъ нихъ, правда, могутъ быть установлены извѣстныя границы по отношенію къ родственнымъ дисциплинамъ, но ни та, ни другая не мыслимы какъ самостоятельныя науки, различныя, съ одной стороны, отъ общей палеографіи, съ другой — отъ общей исторіи стиля. Посему, заключаетъ Францъ, и наука о надписяхъ, или эпиграфика, по методу своему не отличается отъ обыкновенной

филологической критики и герменевтики. Такъ какъ на книгѣ Франца, и теперь еще послѣ полу столѣтія не замѣненной, воспиталось все послѣдующее поколѣніе эпиграфиковъ, то не удивительно, что подобное воззрѣніе на нашу науку и до сихъ поръ можетъ быть названо общепринятымъ, тѣмъ болѣе, что оно весьма сподручно большой массѣ филологовъ, которые благодаря ему приобрутаютъ какъ бы право безъ предварительной подготовки вмѣшиваться и высказывать свое мнѣніе по самымъ сложнымъ вопросамъ эпиграфики.

Но правильно ли это мнѣніе или нѣтъ, можно рѣшить лишь послѣ тщательнаго разбора доказательствъ, приводимыхъ въ его пользу, при чемъ я считаю своею обязанностью по отношенію къ Бѣку, великому ученому, впервые ихъ высказавшему, доводы, имъ только помѣченные, развить и пополнить на основаніи необыкновенно расширившихся нашихъ свѣдѣній.

Основное положеніе Бѣка, какъ я уже сказалъ, было то, что памятники эпиграфическіе отличаются отъ литературныхъ лишь по материалу, на коемъ они начертаны. Именно послѣдніе писались (частные случаи я здѣсь, конечно, оставляю въ сторонѣ) на папирусѣ или пергаментѣ, надписи же гравировались на металлѣ и камнѣ, т. е. на веществахъ болѣе прочныхъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что писчій матеріалъ не можетъ самъ по себѣ служить основаніемъ дѣленія, хотя бы имъ и обусловливались соответственно различныя нормы письма: иначе пришлось бы различать и между литературными произведеніями, писанными на пергаментѣ, и тѣми, которыя дошли до насъ на папирусѣ, какъ напр. рѣчи Гиперида, одно изъ стихотвореній Алкмана, трактатъ Аристотеля объ аѣннской политикѣ, холиамбы Герода и друг., такъ какъ и тутъ разница въ письмѣ такова, что извѣстный ученый V. Gardthausen въ своемъ учебникѣ палеографіи тамъ, гдѣ ему приходится говорить о папирусахъ, впадаетъ въ многочисленныя и довольно грубыя ошибки. Не слѣдуетъ забывать и того, что громадное большинство ученыхъ, занимающихся памятниками словесности, не имѣютъ вовсе дѣла съ оригиналами, а читаютъ ихъ въ транскрипціяхъ, для коихъ употребляется принятый въ печати греческій алфавитъ, совершенно тождественный, будетъ ли оригиналъ написанъ на папирусѣ или пергаментѣ, или же гравированъ на болѣе прочномъ матеріалѣ, камнѣ или металлѣ.

Если вѣншность такимъ образомъ не можетъ служить основаніемъ для различенія двухъ классовъ памятниковъ, то необходимо обратиться къ ихъ внутреннему содержанію и изслѣдовать, не найдутся ли здѣсь такія характерныя для каждаго черты, что ими установится рѣзкая между ними грань.

Бѣкъ утверждалъ, что такихъ чертъ не существуетъ. И дѣйствительно если мы бросимъ бѣглый взглядъ на разные виды надписей, то всюду мы подыщемъ имъ аналогіи между литературными памятниками.

Начиная, по справедливости, съ самаго обширнаго класса надписей — народныхъ постановленій, законовъ и договоровъ, мы вспоминаемъ естественно, что цѣлый рядъ таковыхъ же памятниковъ дошелъ до насъ въ исторіи Фукидида, въ рѣчахъ Демосѳена и Андокида и у друг. авторовъ; мало того, что договоръ аѳинянъ съ элейцами, аргивянами и мантинейцами, который мы читаемъ въ пятой книгѣ Фукидида (сар. 47), найденъ теперь въ каменномъ оригиналѣ (С. I. A. IV, 1. 46 ср. Hermes XII, стр. 368 и 472, равно какъ и экскурсъ Classen'a въ его изданіи Фукидида передъ VIII-й книгой), что законъ Драконта о преслѣдованіи убійцы, дошедшій до насъ въ обломкахъ (С. I. A. I, 61), возстановленъ Ульрихомъ Келеромъ (въ Hermes II, стр. 27) по документу, помѣщенному въ рѣчи Демосѳена противъ Макартата (XLIII, с. 97), точно такъ, какъ народное постановленіе въ честь извѣстнаго аѳинскаго оратора и государственнаго человѣка IV-го в. Ликурга (С. I. A. II, 240) дополнено по не совсѣмъ точной копіи, внесенной Лже-Плутархомъ въ жизнеописаніе этого оратора (Ps. Plut. Vit. X Orat. p. 252 A).

Другой очень видный классъ надписей, если не по обширности памятниковъ, то по ихъ многочисленности—это votивныя и надгробныя надписи. Какъ извѣстно, онѣ бывають изложены то въ прозѣ, то въ стихотворной формѣ, и эти послѣднія по-гречески именно и носятъ по преимуществу названіе *ἐπιγραμματα*; отъ нихъ и наша наука получила имя эпиграфики, такъ какъ ими раньше всего стали интересоваться образованные люди древности, начиная съ отца исторіи, и изъ нихъ преимущественно ученые составляли свои сборники *ἐπιγραμμάτων*; такъ уже между сочиненіями извѣстнаго аттидографа Филохора упоминается *ἐπιγραμματα Ἀττικῆ*.

Такъ какъ древніе поэты сочиняли свои эпиграммы дѣйстви- тельно (большею частью на заказъ) съ цѣлью помѣстить ихъ на предметъ, приносимомъ въ даръ божеству или на надгробномъ памятникѣ, а поэты александрійскіе, у коихъ и этотъ видъ поэзіи обратился въ игру остроумія и въ упражненіе досузаго ума, тво- рили свои произведенія по старымъ испытаннымъ образцамъ, то не удивительно, что въ большинствѣ случаевъ эпиграммы на камняхъ и эпиграммы литературныя, если можно такъ выразиться, походятъ другъ на друга, какъ одна капля воды на другую, и даже не мало найдено на металлѣ и камнѣ такихъ, которыя буквально тожде- ственны съ эпиграммами анеологии (напр. С. I. A. I, 388 = An- tholog. Palat. VI, 138). Это замѣтилъ уже ученый издатель Па- латинской анеологии Якобъ, приведшій и нѣсколько примѣровъ; болѣе же полныя указанія мы находимъ въ книгѣ Kaibel'я: *Epi- grammata Graeca ex lapidibus collecta 1878*, но и они уже должны считаться устарѣвшими и отставшими въ виду невѣроятно возросшаго за послѣднее десятилѣтіе числа этихъ памятниковъ. Новое сопоставленіе всего относящагося сюда матеріала далъ, ка- жется, Allen въ книгѣ: *On greek versification in inscriptions* (въ *Papers of the American School at Athens IV*, p. 1), но это со- чиненіе мнѣ было недоступно.

Въ этимъ мелкимъ стихотворнымъ произведеніямъ сами собою примыкаютъ обширныя гимны поэта Исилла, сдѣлавшіеся намъ извѣстными при раскопкахъ въ Эпидаврѣ и лишь по литератур- ному достоинству, а не по характеру различающіеся отъ подоб- ныхъ же произведеній напр. его современника Каллимаха (объ этихъ гимнахъ ср. Wilamowitz-Möllendorf, *Isyllos von Epi- dauros* въ его *Philolog. Unters.* B. X. 1886).

Чтобы окончить это сопоставленіе укажу лишь мимоходомъ на руководство грамматики, открытое на аѣнскомъ акрополѣ и ис- толкованное Келеромъ (въ *Mith. d. deutsch. arch. Inst.* VIII, 359), на не дошедшее до насъ разсужденіе Метона объ исправле- нии календаря, выставленное имъ ко всеобщему свѣдѣнію на ка- менныхъ плитахъ на аѣнскомъ акрополѣ, и на извѣстную мра- корную хронику, найденную на островѣ Паросѣ (куплена граф. Томасомъ Говардомъ Арунделемъ въ 1624 г., хранится въ Bod- leiana въ Оксфордѣ, много разъ издавалась, между прочимъ у Барта Мюллера *Fragm. Hist. Graec.* I, p. 335); какъ та, такъ

и другая „надпись“ по всей справедливости могли бы быть включены въ число сочиненій древнихъ математиковъ и старинныхъ хронографовъ, разсматриваемыхъ исторіей литературы.

Такимъ образомъ казалось бы, что наше бѣглое обозрѣніе эпиграфическихкихъ памятниковъ подтвердило и доказало воззрѣніе Бѣка и Франца на нашу науку, а между тѣмъ оно ошибочно, и ошибочно по двумъ причинамъ: во-первыхъ, такъ какъ не всякій памятникъ письменности можетъ считаться предметомъ изученія для исторіи литературы, а во-вторыхъ, и это главное, не обращается должнаго вниманія на своеобразный характеръ эпиграфическихкихъ памятниковъ, существенно отличающихся отъ литературныхъ произведеній какъ по содержанію и цѣли, такъ и по формѣ.

Всѣ надписи, поскольку онѣ составляютъ предметъ эпиграфики, или по крайней мѣрѣ подавляющая ихъ масса, суть юридическіе документы, *instrumenta iuris publici et privati, sacri et profani*, и какъ таковые и должны быть нами изучаемы.

Такой ихъ характеръ сказывается уже во внѣшней формѣ, въ способѣ изложенія. Не говоря уже о неизмѣнныхъ почти вѣками формулахъ, коими онѣ большею частью начинаются и заключаются, самый текстъ памятниковъ рѣзко отличается отъ современныхъ произведеній литературы по своеобразному стилю, чуждому (по крайней мѣрѣ въ лучшія времена Греціи) всякой витіеватости, съ перваго взгляда почти грубому и неотесанному, въ сущности же замѣчательно точному и лаконически сжатому, — если можно такъ выразиться, монументальному. Своеобразность стиля не составляетъ исключительной особенности греческихъ надписей, она свойственна вообще всѣмъ юридическимъ документамъ, начиная съ древности и до нашего времени. Недостаточно быть хорошимъ латинистомъ, чтобы вникнуть во всѣ тонкости *Cognitio iuris civilis*, можно отлично знать французскій языкъ и становиться вступикъ предъ опредѣленіями *Code Napoléon*: точно такъ же пониманіе и толкованіе греческихъ надписей не обезпечивается хорошимъ знаніемъ правилъ греческой грамматики и законовъ ея стилистики; не достаточно для этого, какъ думалъ Францъ, владѣть всѣми средствами филологической критики и герменевтики: это лучше всего доказываютъ многіе весьма ученые филологи (назову одного только Белоба), которые, приступая неподготовленными къ толкованію надписей, вычитываютъ изъ нихъ невозможныя до смѣшнаго вещи.

Нѣтъ! безъ особой предварительной подготовки, безъ усвоенія специальныхъ методовъ эпиграфики нельзя читать, понимать, толковать надписей.

Наоборотъ, по той же причинѣ надписи не могутъ непосредственно и безъ ограниченій служить изученію стила той эпохи, къ которой онѣ относятся по времени начертанія на камнѣ; конечно, было время, когда ихъ выраженія, ихъ обороты рѣчи, ихъ формулы имѣли непосредственную связь съ живою рѣчью народа, но сколько протекло лѣтъ, вѣковъ съ тѣхъ поръ — вотъ вопросъ! и потому, съ этой точки зрѣнія, онѣ являются свидѣтелями не настоящаго для нихъ, а давнопрошедшаго. Можно ли то же самое сказать хоть объ одномъ памятникѣ литературы?

Но не одна форма изложенія составляетъ характерную особенность надписей, еще болѣе онѣ отличаются по содержанию и цѣли. Цѣль ихъ — служить юридическими актами, документировать извѣстныя права и обязанности. Я не стану распространяться о тѣхъ классахъ надписей, гдѣ цѣль эта вполне очевидна: объ интернаціональныхъ трактатахъ, законахъ и постановленіяхъ отдѣльныхъ общинъ и обществъ, объ актахъ финансоваго управленія и религіознаго культа, о частныхъ документахъ по вещному и обязательственному праву, — тутъ цѣль эта не нуждается въ доказательствахъ, и если подобные документы встрѣчаются и въ нашихъ литературныхъ памятникахъ, въ текстѣ Оукидида, Полибія, Демосоена, Андокида, Плутарха и друг., то и тамъ они служатъ, какъ легко можетъ убѣдиться всякій, той же цѣли, т.-е., по мысли автора, являются и самыми лучшими и самыми подлинными доказательствами извѣстныхъ правовыхъ отношеній.

Я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ лишь относительно двухъ уже упомянутыхъ мною видовъ надписей, гдѣ скорѣе можетъ возникнуть сомнѣніе: надписяхъ votивныхъ и надгробныхъ. Но не подлежить сомнѣнію, что главная и первоначальная цѣль послѣднихъ усвоить права собственности на извѣстное мѣсто данному лицу, хотя и умершему, коего имя вырѣзывалось на гробовой доскѣ. Что онѣ не предназначались для увѣковѣченія памяти, доказывается уже древнѣйшей ихъ формой: „такой-то, сынъ такого-то“ или еще проще: имя покойнаго въ родительномъ падежѣ — вотъ и все, что мы узнаемъ изъ нихъ. Кромѣ того, весьма яснымъ доказательствомъ указаннаго мною юридическаго харак-

тера этихъ надписей служить нерѣдко встрѣчаемое въ нихъ опредѣленіе штрафа противъ тѣхъ, которые незаконнымъ образомъ вздумали бы себѣ присвоить погребальное мѣсто (объ этомъ вопросъ ср. специальное изслѣдованіе G. Hirschfeld'a въ Königsberger Studien. Н. 1.); этотъ параграфъ, правда, встрѣчается до сихъ поръ найчаще лишь въ надписяхъ позднѣйшаго, римскаго времени, но это показываетъ, по-моему, лишь то, что раньше, въ лучшія времена, права покойныхъ болѣе свято хранились въ силу нравственныхъ убѣжденій и для обезпеченія ихъ достаточно было эти права констатировать въ надгробной надписи (С. I. G. 2824 и 2826). Еще характернѣе, быть можетъ, встрѣчающаяся иногда въ концѣ подобныхъ надписей формула: *τοῖς κληρονόμοις μου οὐκ ἐλαχολοῦσθῆσεται τοῦτο τὸ μνημεῖον*; фраза эта значить, что погребальное мѣсто не переходитъ съ остальнымъ достояніемъ по наслѣдству — все свое имущество, всѣ богатства покойный долженъ оставить своимъ наслѣдникамъ, за собой онъ сохраняетъ лишь право на тотъ небольшой клочокъ земли, гдѣ лежитъ его прахъ (С. I. G. 3270).

Наиболѣе сомнительнымъ можетъ быть юридическій характеръ вотивныхъ надписей, начертанныхъ на приношеніяхъ богамъ. Но, во-первыхъ, ими данная вещь усвоилась извѣстному богу, а это было важно особенно тогда, когда въ одномъ и томъ же храмѣ чтилось нѣсколько божествъ (напр. на Делосѣ Аполлонъ, Артемида, Латона), и могло быть сомнительно, кому изъ нихъ была принесена въ даръ та или другая вещь; во-вторыхъ, для самого жертвователя былъ прямой интересъ, чтобы его имя не осталось безызвѣстнымъ, и имъ руководило не одно тщеславіе, иногда ведущее къ тому, что имя настоящаго жертвователя стиралось и замѣнялось ложнымъ (такъ, по свидѣтельству Геродота, на кратерѣ Креза было начертано имя лакедемоняня). Интересъ жертвователя былъ гораздо болѣе непосредственный и существенный; всякое приношеніе являлось не столько результатомъ истиннаго благочестія (въ нашемъ смыслѣ слова), не знающаго корысти, сколько въ силу извѣстнаго обязательнаго отношенія между человѣкомъ и божествомъ (отсюда и латинское выраженіе *religio*) — оно было воздаяніемъ за извѣстныя блага, или уже дарованныя божествомъ или ожидаемыя отъ него, что вѣрующіе иногда заявляли въ весьма наивной формѣ: „сіе приношеніе дѣлаю за такіа-то благо-

дѣнія, а продлишь ихъ или умножишь, воздамъ и я соотвѣтственно больше“. Не удивительно, что при такихъ воззрѣнiяхъ votivныя надписи представляются намъ то въ видѣ квитанцiй за выплаченный божеству долгъ (выраженiе напр. Катулла с. 36, 16: *asserptum face redditumque votum*, т.-е. „прiими обѣтованное и возврати обѣтъ“, уже старинной формой *face* вм. *fac* и точностью выраженiя напоминаетъ юридическiй стиль), то въ качествѣ векселей, представляемыхъ ему вѣрующими, такъ сказать, ко взысканiю. „Если я когда-либо приносилъ тебѣ жирныя бедра быковъ, то услышь мою молитву“, восклицаютъ безграмотные гомеровскiе герои: ихъ болѣе образованные потомки предпочитали посвятить божеству напр. мѣднаго быка (какъ болѣе долговѣчнаго) и на немъ написать свое имя; какъ люди весьма осторожные и до крайности подозрительные, греки не совсѣмъ полагались на память своихъ боговъ, и легкое напоминанiе о своихъ заслугахъ не считали излишнимъ, тѣмъ болѣе, что за даръ, принесенный божеству, подчасъ могли расплатиться и его жрецы. Подобныя соображенiя руководили, по всей вѣроятности, и упомянутымъ уже поэтомъ Исхилломъ, когда свои гимны въ честь Асклепiя онъ позаботился выставить на мраморныхъ плитахъ въ святилищѣ этого бога въ Эпидаврѣ; за нѣкоторыя благодѣянiя, приписанныя имъ этому богу, онъ устроилъ въ честь его торжественную *комлi*, т.-е. процессiю, и дабы сей актъ благочестiя не изгладился изъ памяти, онъ увѣковѣчилъ на камнѣ всѣ документы — въ данномъ случаѣ стихи, пѣтые во время процессiи.

Стихотворная форма, въ которую часто бывають облечены какъ эти votivныя, такъ и надгробныя надписи нисколько не измѣняетъ ихъ первоначальнаго юридическаго характера: извѣстно, что въ древнѣйшiя времена всѣ правовыя положенiя часто излагались въ мѣрной рѣчи; въ данномъ же случаѣ она служила лишь къ выщему благолѣпiю драгоценнаго приношенiя или изящнаго погребальнаго памятника.

Разсмотрѣвъ такимъ образомъ главные и существенныя виды эпиграфическихъ памятниковъ, я не стану останавливаться на такихъ, кои дошли до насъ въ двухъ, трехъ образцахъ, да и никто этого не можетъ отъ меня требовать; страсть увѣковѣчивать свое имя, свои болѣе или менѣе остроумныя мысли — продуктъ не XIX в., а была извѣстна въ сильной мѣрѣ и древнимъ грекамъ, и празд-

ный господинъ, который на островѣ Оерѣ приписалъ на чьемъ-то надгробномъ камнѣ *κόρυς*, и тотъ, кто на народномъ постановленіи аѳинскомъ начерталъ: *ὁ δέῖνα κλέπτῃς*, не думали, конечно, дать намъ юридическій документъ дурной репутаціи этихъ людей, но еще менѣе подобныя выходы могутъ считаться произведеніями изящной литературы.

Наконецъ, общераспространенный въ греческихъ общинахъ обычай опубликовывать законы, постановленія и другіе акты верховной власти при помощи начертанія на деревянныхъ, каменныхъ, металлическихъ плитахъ повелъ въ тому, что и частныя лица стали прибѣгать къ тому же способу, чтобы дать произведеніямъ своего ума большее распространеніе въ публикѣ или большую долговѣчность. Первая цѣль руководила Метономъ, когда онъ начерталъ свой проектъ исправленія календаря на камнѣ и выставилъ его на аѳинскомъ акрополѣ, она же руководила и неизвѣстнымъ авторомъ найденнаго тамъ же руководства „тахиграфин“, т.-е. стенографин, какъ мы привыкли говорить (трактатъ этотъ истолкованъ Gomperz'омъ въ Sitz.-Ber. Вѣнской Академіи за 1884 г. стр. 339); вторую цѣль преслѣдовали, вѣроятно, авторы Паросской хроники и такъ наз. *Tabulae Iliacae* (изображеній изъ троянскаго цикла съ объяснительными подписями), по всей вѣроятности, предназначенныхъ для употребленія въ школахъ и потому требовавшихъ извѣстной прочности. Но всѣ эти только-что приведенные памятники (и я не знаю другихъ въ томъ же родѣ) лишь случайно попали, если можно такъ выразиться, на камень по фантазіи своихъ авторовъ и съ нашей наукой ничего общаго не имѣютъ, кромѣ начертанія на камнѣ, но тутъ именно приходится повторить положеніе Бѣка, что „писчій матеріалъ не можетъ быть признанъ достаточнымъ основаніемъ для дѣленія (а слѣдовательно, и для сопоставленія) памятниковъ“.

Въ виду всего сказаннаго я осмѣлюсь утверждать, что греческія надписи должны быть рассматриваемы не какъ памятники литературы (хотя послѣднія, конечно, иногда можетъ пользоваться ими для своихъ цѣлей), а какъ юридическіе документы, требуя посему для своего изученія особыхъ познаній и особаго метода — познаній и метода, составляющихъ именно предметъ нашей науки, эпиграфики.

Послѣдняя является такимъ образомъ наукой вполне самостоятельной по отношенію къ исторіи литературы, но не вполне ей равноправной; такъ какъ памятники изящной литературы всегда имѣютъ и будутъ имѣть значеніе помимо тѣхъ свѣдѣній, кои мы можемъ изъ нихъ черпать, а юридическіе документы важны для насъ лишь какъ источники государственнаго и частнаго права и какъ свидѣтельства правовыхъ понятій даннаго народа, то и исторія литературы по сравненію съ эпиграфикой обладаетъ большимъ достоинствомъ и занимаетъ болѣе почетное мѣсто въ ряду филологическихъ наукъ.

В. Шефферъ.

Horatiana.

~~~~~
Scripsit Theodorus Korsch.

I.

Carm. I, 9, 23 sq.:

*Pignusque dereptum lacertis
Aut digito male pertinaci.*

Hic cum priores interpretes *male* adverbium fere pro eo, quod est *parum*, accipere soliti essent, nunc, postquam Wölfflinus in libello, quem de comparatione latina scripsit, illud ipsum vocabulum, quandocumque adiectivis vitium significantibus additum esset, non minuendi, sed augendi vim habere demonstravit, exstiterunt non nulli, qui hanc legem in locum, de quo agimus, cadere existimarent exemplo quoque apposito Prudentii *Cathem.* 14: *male pertinax Vincendi studium subiacuit casibus asperis.* Sed quo maiorem fidem habemus Wölfflino, eo minus persuaderi nobis patimur Horatium, poetam etsi non, ut quibusdam videtur, perfectum, at certe elegantem, id dixisse, quod eum dicentem faciamus necesse est, si Prudentiani versus similitudine abutamur. Quis enim credat puellam, quae per iocum se occultaverit vel potius ut amantis studium irritaret, postquam se ipsa prodiderit, eis, quas modo provocabat, blanditiis nimis pertinaciter obsistere? Verum tamen et Wölfflinus illius adverbii usum felicissime, ut cetera, explicavit nec Horatius praeter consuetudinem quicquam absurdi peperit. Nam quoniam *perlinax* ambigue dicitur, ut, si quis in mala aliqua re talem se praestiterit, vitium sit, sin in bona, laudi tribuatur, hic, ubi de pudicitia defendenda agitur, id est de re laudabili, quamvis per simulationem fiat, *male pertinacem* non ita esse positum, ut apud Prudentium, sed ut *male sanum, male fidum, mal fortem* similia dictum esse satis apparet.

II.

Epod. 2, 37 sq.:

*Quis non malarum, quas amor curas habet,
Haec inter obliviscitur?*

De his versibus Lucianus Müllerus in Prolegomenis editionis II, quae anno MDCCCLXXIX apud Teubnerum Lipsiensem prodiit, scripsit haec: „*Amori* nullus locus in homine faeneratore solique pecuniae dedito; et ne coniugalis quidem foederis hoc modo potuisse fieri mentionem apparet ex sequentibus. Fortasse scribendum *quas ager curas habet*, ut *ager* collective sit dictus, ut saepe. Nam labores et curas vitae rusticae quis ignorat?“ Ita Müllerus in Teubneriana altera, in Rickeriana autem, quae Gissae in lucem emissa est, idem, quod illic dubitanter coniecerat, inter ipsa poetae verba exprimendum curavit. Sed mox eum huius inventi paenituit: nam in proxima recensione, quae anno MDCCCLXXXV ex officina eiusdem Teubneri exiit, codicum scripturam restituit, cruce tamen praeposita. Vides virum acutissimum et non gloriolae, sed veri appetentem rem pro dignitate sua gessisse: nam cum volgatam quae dicitur lectionem ferri non posse et perspexit et comprobavit, tum eam, quam ipse proposuerat, medellam, postquam sententiarum nexum acrius rimatus ab re alienam esse iudicavit, etsi tum temporis nullam meliorem praesto habebat, tamen repudiare non veritus est. Neutrum iniuria, quamquam Hirschfelderus in Bursiani relationibus annuis (XI p. 69) de *laboris* vocabulo agens, quo Henricus Müllerus hunc locum sanari posse sperabat, haec pronuntiavit: „aber das folgende *quodsi pudica mulier* spricht ja für die Ueberlieferung“, nempe, ut videtur, de uxoris amore cogitans, Gebhardius autem in Fleckeiseni annalibus (130 p. 182), ut illam ipsam Luciani Mülleri coniecturam refelleret, sic Alfium descripsit: „er kennt die curae amoris sehr wohl, um Ruhe vor ihnen zu finden, sehnt er sich nicht zum mindesten in die idyllische Einsamkeit“ additque vitam rusticam ab Ovidio inter remedia amoris commendari atque adeo ipsum Ovidii consilium ex Alfii verbis petitum esse.

Vix credibile, atqui

Sic est.

Eumne, qui, simulatque rusticationis laudes absolvit, *omnem redigit Idibus pecuniam, quaerit Kalendis ponere*, curis amoris eo red-

actum esse, ut urbani lucri oblitus Arcadicam illam solitudinem desideraret? Sed fac eum nescioquo amore in urbe cruciari: quid istud ad uxorem rusticam, de qua paullo infra loquitur? num Romae reperire non poterat, quae sibi nuberet? At enim Sabinam vel Appulam volebat. Credat Iudaeus Apella! Si interpretes dulcibus Alfii verbis tamquam consopiti ab eius natura animum averterunt, ut re vera eum iam iam futurum rusticum crederent, at Horatius probe meminerat, qualem eum cogitatione concepisset. Quae cum ita sint, tela Cupidinis, undecumque eis Alfium petitum esse coniecero, in illo eius amore nihil prorsus habent negotii. *Agri* autem vocabulum cur Lucianus Müllerus, cum proposuisset, mox retraxerit, causa videtur esse haec. Agri culturam suas curas habere etiam si in univ-ersum verum est, tamen hic earum mentionem fieri non sane probabile videtur, quia vitae rusticae non modo quies et tranquillitas, sed etiam labores quasi maxima commoda ab Alfio efferuntur. Sin autem eas agri curas intellegemus, quales sunt eae, quae *carm. III, 1, 29 sqq.* commemorantur, *verberatae grandine vineae Fundusque mendax, arbore nunc aquas Culpante, nunc torrentia agros Sidera, nunc hiemes iniquas*, huiusmodi calamitatum minime oblivisci potest is, qui summam impendit operam, ut, quoad eius fieri possit, eis, quae conserit produxeritque, talia prohibeat. Quae de *agro* disputavimus, ad illud, quod Müllerum Henricum coniecisse supra dictum est, *laborem* nihilo minus pertinent. Accedit, quod nuda *laboris* mentio non satis explicata est. Quibus a reprehensionibus undique tutum videtur Scrinerii Batavi inventum, quod anno MDCCCLXXXVII Mnemosynae vol. XV p. 325 volgatum est, *Roma quas curas habet*; sed huic machinam admovebo grammaticam, qua et ceteras coniecturas, quae ad hunc locum sanandum adhibitae sunt, et ipsam librorum scripturam collabefacere atque evertere posse videor. Nam quibus locis Horatius hoc genus attractione usus est — sunt autem non amplius duo, quos si non e numero, sed ex ipsa re aestimabis, ad unum reducentur, *sat. I, 4, 2: alii, quorum comoedia prisca virorum est et 10, 16: Illi, scripta quibus comoedia prisca viris est* — horum igitur exemplorum rationem longe aliam esse manifestum est: utrumque enim ita comparatum est, ut attractum vocabulum pronomini nihil prorsus addat novi. Tolle, si placet, *virorum* vel *viris*: numquid desiderabis? sin *curas* sustuleris, et vocabulum eximes cum maxime necessarium et adiectivum nomine privabis. Itaque illa duo attractionis

exempla ab hoc *malarum quas amor curas habet* dupliciter differunt: nam nomen habent et nudum et per se supervacaneum. Verum enimvero ut illa, quae tradita sunt, defendi nequeunt, ita remedia a viris doctis ad hunc diem excogitata ipsis, quibus nituntur fundamentis, peccare mihi videntur. Nam equidem corruptelam non in *amoris* mentione odoror — alius enim amor hic potest intellegi ac feminarum, — sed in illo genetivo *malarum*, quem usui Horatiano adversari modo vidimus, potius quaerendam esse existimo. Quod si tenebimus, illud ante omnia investigandum est, cuius rei amorem poeta hic designaverit. Quam enim late hoc vocabulo usus sit, his apparet exemplis: *carm. IV, 4, 12: amor dapis atque pugnae, sat. II, 1, 10 a. scribendi, 3, 78 argenti, 244 pravorum, epist. I, 1, 36 laudis, 7, 85 habendi, 16, 52 virtutis, artis poet. 469 famosae mortis.* Atque Alfius, quamvis in ruris voluptatibus animo informandis negotii sui oblitus esse videretur, tamen, cum se totum lucro dedisset, minus quam quisquam alius ignorare poterat eos, quos recenseret, labores non voluptatem solam creare, sed, si recte successissent, etiam divitias afferre eamque ob causam potissimum, non propter rei dulcedinem suscipi solere. Ergo domum suam rusticam non pauperem fingit, sed divitem (v. 65). Neque veri simile esset, si faenerator cogitationibus a persona sua prorsus abhorrentibus ita se abripi pateretur, ut id, in quo versari soleret, ne verbo quidem tangeret. Quod ubi aptius facere potuerat, quam eo loco, quo eum nunc de quodam amore loquentem legimus? Haec ego postquam mecum persecutus sum, in animum induxi in Feti nostri interpretatione requirere, siquid homo poeta in illas tenebras suae lucis intulisset. Inveni autem haec:

Какихъ корыстныхъ думъ такая тишина
Безпечной жизни не развѣтъ?

Scio equidem non defuturos, quibus tale testimonium leve ac paene indignum esse videatur, quia poetae sit, non grammatici sive, ut planius dicam, philologi; sed quicumque in litterarum monumentis explicandis operam collocaverunt, cum in singula potissimum cogitationem intendant, eius, quem forte interpretantur, consilium et sensum non numquam minus facile assecuntur. Atque in scriptores rarius ita peccamus, in poetas vero persaepe; nam verus poetae inter-

pres poeta est. Quid multa? illa, quae exposui, universa consideranti haec mihi coniectura sese obtulit:

*Quis non, bonorum quas amor curas habet,
Haec inter obliviscitur?*

Quod nequis forte insanientem me repperisse putet, in Bernensi codice 363, qui est unus ex antiquissimis, sat. I, 1, 79, ubi *bonorum* esse debebat, itidem *malorum* scriptum est, scilicet non intellecta ironia, qua usus Horatius molestias et pericula, quibus avari vita abundat, contrario nomine significare voluit. Nec dissimilis fuit hoc, de quo disputamus, loco eiusdem permutationis causa: nam aliquis, cum *bonorum* genetivum ex *obliviscendi* verbo pendere sibi persuasisset, sententiae inde ortae perversitatem non iniuria miratus obiectum quod videbatur ad suum ingenium refinxit, ut verbo aliquatenus accommodaret. Quamquam nescio an probabilius sit eum, cui faeneratorum debemus amore pereuntem, *bonorum* vocabulum de viris intellexisse; quod si ita est, facere non potuit homo sagacissimus, quin illum *amorem* in mulierculas detorqueret easque, ut par erat, malas. Ceterum eandem mutationem deprehendisse videor in Theognidis v. 423 sq.:

*Πολλάκι γὰρ τὸ κακὸν κατακείμενον ἔνθον ἄμεινον,
'Ἐσθλὸν δ' ἐξελθὸν λώιον ἢ τὸ κακόν,*

ubi elegiaci alterum dimidium sic fere restituendum esse puto:

χείρον ἔγεντο κακοῦ

sive aliter, dum haec evadat sententia, bonum, si exierit, malo deterius interdum fieri. Quod quidam cum concoquere non potuisset, deteriori melius substituit, verbis scilicet, non re. Sed, ut ad Horatium revertar, quod coniectura nostra accepta *obliviscendi* verbum genetivum non habet, id non magis offendit, quam quod illo Terentiano

Populo ut placerent quas fecisset fabulas
nominativus desideratur, quippe qui in accusativum abierit.

Докимасія властей въ Драконовой конституціи.

(*Ἀριστοτ. Ἀθ. πολ. 4*).

„Девять архонтовъ и казначеевъ избирали изъ числа имѣющихъ свободнаго имущества не менѣе 10 минъ; ... въ стратеги и гиппархи назначали изъ числа тѣхъ, которые показывали свободнаго имущества не менѣе ста минъ и кромѣ того имѣли дѣтей, рожденныхъ отъ законной жены и имѣвшихъ отъ роду болѣе 10 лѣтъ“. Слѣдующей фразы нашъ переводчикъ, г. Шубинъ, не перевелъ; не перевели ея также и нѣмецкіе переводчики, Кайбель и Кисслингъ. Изъ послѣдней статьи Рейнака (*Revue des études grecques* IV 143 сл.) о Драконовой конституціи можно заключить, что ея смыслъ остался непонятнымъ какъ ему, такъ и Кауеру и Гедлему (*Classical Review* V 166 сл.).

Въ изданіи Кайбеля и Вилямовица она имѣетъ слѣдующій видъ: *τούτους δὲ δι..... τοὺς πρυτάνεις καὶ τοὺς στρατηγούς καὶ τοὺς ἑπαρχοὺς τοὺς ἔτους μέχρι εὐθυρῶν, ἐγγ[υ]τὰς δ' (т.-е. τέτταρας) ἐκ τοῦ αὐτοῦ τέλους δεχομένους ὄντες οἱ στρατηγοὶ καὶ οἱ ἑπαρχοὶ*. Пропало, такимъ образомъ, всего одно слово. Конструкціей требуется глаголь, притомъ въ неопредѣленномъ наклоненіи; изъ двухъ винительныхъ *τούτους δὲ* (т.-е. *τοὺς στρατηγούς καὶ τοὺς ἑπαρχοὺς*, какъ видно изъ предыдущаго) и *τοὺς πρυτάνεις... τοὺς ἔτους* одинъ долженъ быть подлежащимъ, другой — дополненіемъ къ этому глаголу; а такъ какъ *οἱ στρατηγοὶ καὶ ἑπαρχοὶ* повторяется въ обстоятельственномъ предложеніи съ *δεχομένους*, то мы должны подлежащимъ считать *τοὺς πρυτάνεις... τοὺς ἔτους*, а *τούτους δὲ* — дополненіемъ. Въ справедливости нашего предположенія убѣждаетъ насъ и слово *δι*, приписанное корректоромъ надъ началомъ пропавшаго слова. Это вовсе не поправка, какъ полагаютъ Кеніонъ — напрасно стали бы мы искать слова, начинающагося съ *δι*-, которое подходило бы къ нашему мѣсту — а *verbum finitum δι*, которое корректоръ прибавилъ, замѣтивъ, что недостаетъ *verbum regens* къ пропавшему неопредѣленному, равно какъ и къ неопредѣленнымъ въ слѣдующихъ фразахъ — *βουλεύειν, κληροῦσθαι, ἀρχεῖν, κληροῦν*.

Вотъ что говорить намъ грамматика; попробуемъ теперь опредѣлить смыслъ фразы и съ его помощью возстановить пропавшее слово. Перевести фразу можно будетъ пока слѣдующимъ образомъ: „этихъ (т.-е. новыхъ стратеговъ и гиппарховъ) должны..... пританы вмѣстѣ съ прошлогодними стратегами и гиппархами, съ правомъ штрафовать ихъ, принимая отъ каждаго четырехъ поручителей изъ того же сословія, къ которому принадлежать и сами стратеги и гиппархи“. Итакъ, новоизбранные военачальники должны предстать передъ коллегіей, въ которой принимали участіе и ихъ предшественники, и привести поручителей... въ чемъ? Возможенъ только одинъ отвѣтъ: въ томъ, что они удовлетворяютъ вышеозначеннымъ условіямъ, т.-е. что у нихъ есть свободнаго имущества не менѣе ста минъ и законныя дѣти старше 10 лѣтъ. Слѣдовательно, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ провѣркой законности избранія новыхъ стратеговъ и гиппарховъ, т.-е. съ ихъ докимасіей.

По свидѣтельству Кеніона и Кайбеля съ Вилимовицемъ, отъ пропавшаго слова остались буквы *δι*; если бы это было такъ на самомъ дѣлѣ, то единственнымъ возможнымъ дополненіемъ было бы *δι[αδικάζειν]*. Это слово имѣетъ обыкновенно другое значеніе, но въ одномъ случаѣ (ср. В. В. Латышевъ, Очеркъ греч. древн. I, 204; C I A II 841 b.) *διαδικασία* является синонимомъ слова *δοκιμασία*, означая провѣрку фратріями законности гражданскихъ правъ заподозрѣнныхъ членовъ. Но я имѣю основаніе полагать, что Кеніонъ находился подъ вліяніемъ приписки корректора, принятой имъ за корректуру (*δει*), а Кайбель съ Вилимовицемъ, сличившіе только факсимиле, подъ вліяніемъ Кеніона. Факсимиле сличилъ и я, притомъ довольно тщательно, и могу засвидѣтельствовать, что буквы *ι* нѣтъ, а есть только пятно, очертанія котораго скорѣе дозволяютъ предполагать, что пропавшая буква закруглялась въ нижней своей части, т.-е. была *ε* или *ο*, но не *ι*. Ничто, поэтому, не мѣшаетъ намъ дополнить фразу такъ: *τούτους δὲ δ[οκιμάζειν] τοὺς πρυτάνεις κτῆ¹)*.

Θ. ΖυλινσκιΪ.

¹) Въ полученномъ мною только-что изданіи Herwerden'a и v. Leeuwen'a предлагается *δι[ατρειν]* и *ἐπιμελητάς* вм. *ἐγυνητάς*. Я тщетно доискивался смысла „возстановленной“ такимъ образомъ фразы.

О словѣ „lada“ въ ликійскомъ языкѣ.

Ликійскія надписи, какъ извѣстно, могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: къ первой относятся эпиграфическіе памятники эллинскаго алфавита и языка, вторая представляетъ собою образцы того алфавита и языка, которые были въ употребленіи у туземныхъ жителей Ликии трамилловъ¹⁾ до эллинизации ихъ въ эпоху діадочовъ, когда греческій языкъ въ этой области сталъ господствующимъ²⁾. Алфавитъ этого второго вида ликійскихъ надписей въ основѣ своей — греческій³⁾, но языкъ ихъ долженъ быть признанъ совершенно оригинальнымъ, имѣющимъ весьма мало общаго съ тѣмъ, на которомъ объяснялись эллины.

Уже въ 1831 г. F. A. Grotefend высказывалъ предположеніе о принадлежности ликійскаго языка къ группѣ индо-европейскихъ. Опредѣляя точнѣе мѣсто его въ послѣдней, Dan. Sharpe въ 1841 г. былъ склоненъ относить ликійскій языкъ къ числу иранскихъ⁴⁾. Эту гипотезу старался возможно прочнѣе обосновать M. Schmidt и Savelsberg⁵⁾. Подробно разсматривать различныя теоріи, высказанныя относительно ликійскаго языка, здѣсь я не буду и замѣчу лишь, что были попытки сблизать его даже съ албанскимъ нарѣчіемъ⁶⁾.

¹⁾ *Τραμίλαι* они называются у Геротела см. Стеф. Виз. п. сл., *Τραμίλαι* у Геротела I, 173, *Τραμίλι* въ ликійскихъ надписяхъ. Въ послѣднихъ третья буква этого слова изображается посредствомъ знака X, о которомъ M. Шмидтъ говоритъ: „ix we hence concluded, that... X an a, with nasalisation“... См. „The lycian inscriptions... by Moriz Schmidt“ Jena 1868, p. V.

²⁾ См. „Lehrbuch der alten Geographie v. H. Kiepert. Berlin 1878“, p. 124, „Handbuch der griechischen Staatsalterthümer v. G. Gilbert II. 1885“, p. 183.

³⁾ Кромѣ упомянутого выше труда M. Шмидта, см. „Savelsberg. Beiträge zur Entzifferung der lykischen Sprachdenkmäler I, Bonn 1874“ pp. 1—22, „Kirchhoff, Studien zur Geschichte d. griech. Alphabets. 1887“, p. 59 sq.

⁴⁾ См. „Ein Ausflug nach Kleinasien u. Entdeckungen in Lycien von Ch. Fellows, übersetzt von Jul. Th. Zenker. Leipzig 1853“ p. 409 sqq. Срв. „Vorstudien zur Entzifferung d. lykischen Sprachdenkm.“ въ Kuhns u. Schleichers Beiträge z. vergl. Sprachforsch.“ V, p. 253.

⁵⁾ Кромѣ указанныхъ выше изслѣдованій этихъ ученыхъ, можно назвать M. Schmidt, Neue lykische Studien. Jena 1866; его же „Commentatio de inscriptionibus nonnullis lyciis. Lipsiae 1876“.

⁶⁾ См. O. Blau „Versuch das Lycische aus dem Albanesischen zu erklären“. Срв. „M. Schmidt, The lycian inscriptions“ pg. III. Мнѣніе послѣдняго см. *ibid.* pg. VIII.

Цѣль настоящей замѣтки иная: остановить вниманіе читателя на одномъ фактѣ, не лишенномъ нѣкотораго интереса.

Во многихъ надписяхъ различныхъ ликійскихъ городовъ (Ксаноса, Пинаръ, Телмисса, Антифелла, др.) встрѣчается слово „lada“. Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда на памятникахъ рядомъ съ ликійскимъ текстомъ помѣщенъ и греческій переводъ (болѣе или менѣе точный), ликійскому „lada“ всегда соответствуетъ греч. *λαδη*¹⁾). Именит. пад. ед. ч. читаемъ, напр., въ слѣдующихъ надписяхъ²⁾: Tlos № 1, Limyr. №№ 5, 6 (lada), винит. п. ед. ч. Antiphell. № 1, Limyr. №№ 4, 8 (ladu), соответствующій греч. дательный п. ед. ч. Limyr. №№ 1, 12, 14, 15, 19 и мног. др., Myr. №№ 1, 2, 3, 4, 8, Pinar. № 4, Telm. № 3, др. По мнѣнію М. Шмидта этотъ пад. въ ликійскомъ яз. звучалъ „ladi“, по мнѣнію же большинства изслѣдователей „lade“ (знакъ лнк. алф. Е первый приравниваетъ „i“, другіе — „e“).

Относительно значенія этого слова между учеными нѣтъ никакого разногласія. Достаточно указать на слѣдующее замѣчаніе М. Шмидта³⁾: „...Filiium tideimi uxorem lada vocatos esse certo scimus“...

Совершенно такое же по своей формѣ и весьма близкое по значенію слово встрѣчается, какъ извѣстно, въ нашемъ родномъ памятникѣ „Словѣ о полку Игоревѣ“:

„Не помыслить мыслию,
Не подумать думою,
Не видать очами —
Намъ милыхъ ладъ своихъ,
А златомъ и серебромъ
И подавно намъ не побрякивать!“

Такъ говорятъ русскія жены, обливаясь горькими слезами. Здѣсь „лада“⁴⁾ значитъ „супругъ“. Предполагать въ данномъ случаѣ простое заимствование изъ чужого языка едва ли, кажется, воз-

¹⁾ Иногда въ этомъ смыслѣ употребляется слово „gina“, но весьма рѣдко. См. „Ein Ausflug nach Kleinas. u. Endeck. in Lycien v. Ch. Fellows übersetzt v. Zenker“, p. 450 sq.

²⁾ №№ по „The lycian inscriptions ... by M. Schmidt“.

³⁾ См. „Commentatio de inscriptionibus nonnullis lyciis“, p. 14.

⁴⁾ Интересно три вышеуказанныхъ падежа лнк. „lada“ сопоставить съ славянскими „ЛАДА“, „ЛАДА“, „ЛАДЪ“. Вѣроятно, того же корня сл. „ладъ“, „ладный“, „при-лад-ить“ и т. п.

можно. Въ виду принадлежности ликійскаго языка къ числу индо-европейскихъ нѣтъ ничего удивительнаго, если въ немъ найдемъ слова одного корня и почти одного значенія съ славянскими¹⁾. Равнымъ образомъ, нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что среди племени, которое населяло Ликию и называло себя трамилами, былъ славянскій элементъ, повліявшій и на ихъ языкъ. Быть можетъ, знатоки славянскихъ языковъ послѣ внимательнаго изученія ликійскаго нарѣчія откроютъ наибольшее сходство послѣдняго со славянскою отраслю индо-европейской семьи языковъ. Тогда о присутствіи славянскаго элемента среди трамиловъ можно будетъ говорить съ большею увѣренностью, теперь же какія-либо широкія обобщенія не совсѣмъ умѣстны²⁾. Такъ или иначе, но самый фактъ существованія въ ликійскихъ надписяхъ и памятникахъ русской письменности XII вѣка слова одного и того же корня и весьма сходнаго значенія не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Если англичане³⁾ съ ликійскимъ „lada“ сопоставляютъ свое „lady“, то тѣмъ болѣе мы имѣемъ право сопоставить упомянутое слово съ нашимъ „лада“.

Въ заключеніе своей замѣтки скажу слѣдующее:

1) неопредѣленное наклоненіе глаголовъ ликійскаго языка имѣетъ такое же окончаніе, какъ въ древне-славянскомъ, т.-е. „ти“: напр., *iterpituti*, чтò, по мнѣнію М. Шмидта, можно перевести *ταῖραι*⁴⁾;

2) изъ знаковъ ликійскаго алфавита $\uparrow$ = е весьма напоминаетъ а кириллицы, $\updownarrow$ = ù, υ и особенно $\updownarrow$ = h, х букву ж нашей кириллицы. Срв. * = Ψ въ надписяхъ Локриды Озольской и Аркадіи. См. Kirchhoff Studien (1887) Taf. II (VI, XI).

С. Селивановъ.

¹⁾ О нѣкоторыхъ словахъ славянскаго корня, сохранившихся до сихъ поръ въ современномъ каппадокійскомъ нарѣчій, см., напр., „*Μουσείον καὶ βιβλιοθήκη τῆς Ἐπαγγελικῆς σχολῆς. Περίοδος τετάρτη. 1880—1884. Ἐν Σμύρνῃ 1884*“. σελ. 85, ἐπέμ.

²⁾ Замѣчу мимоходомъ, что вопросъ о славянахъ въ Малой Азій затронутъ былъ недавно на страницахъ одного изъ нашихъ журналовъ; см. „Наблюдатель“ февраль 1891 г. „Славяне и Тевтоны“ (Историко-этнографическій этюдъ) А. А. Билова стр. 179 слѣд. Статья эта написана бойко и съ большимъ воодушевленіемъ, но съ нѣкоторыми выводами автора согласиться трудно.

³⁾ См. „Ein Ausflug nach Kleinasien etc.“, p. 443.

⁴⁾ См. „Commentatio de inscriptionibus nonnullis lyciis“, p. 22.

О методѣ веденія классныхъ переводовъ съ древнихъ языковъ на русскій.

Въ настоящей замѣтѣ, затрогивающей вопросъ, одинаково близкій какъ методикѣ древнихъ классическихъ языковъ, такъ и русскаго, въ виду его сложности, мы предполагаемъ ограничиться только тѣми частностями, которыя имѣютъ непосредственное отношеніе къ постановкѣ классныхъ переводовъ исключительно на урокахъ отечественнаго языка. Суживая такимъ образомъ свою задачу, мы вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ показываетъ заглавіе статьи, оставляемъ совершенно въ сторонѣ всѣ иные виды домашнихъ и классныхъ упражненій, въ которыхъ такъ или иначе приходятъ въ сопряженіе задачи, преслѣдуемыя преподаваніемъ названныхъ предметовъ. Предлагаемая статья имѣетъ цѣлью лишь отчасти намѣтить путь для дальнѣйшихъ разностороннихъ обсужденій, которыя, будемъ надѣяться, не замедлятъ появиться на страницахъ „Филологическаго Обозрѣнія“.

Съ прошлаго академическаго года въ учебныхъ планахъ нашихъ гимназій, вновь пересмотрѣнныхъ спеціальной комиссіей согласно съ настоятельными указаніями педагогическаго опыта, произошли, какъ извѣстно, нѣкоторыя довольно существенныя преобразованія. Въ частности замѣтнымъ перемѣнамъ подверглись требованія программы по предмету отечественной словесности, въ курсъ которой внесены между прочимъ новыя занятія, хотя и не составляющія особаго отдѣла преподаванія, но примыкающія къ кругу главнѣйшихъ практическихъ упражненій. Эти занятія состоятъ въ систематическихъ, правильно организованныхъ классныхъ переводахъ съ классическихъ языковъ на русскій небольшихъ, но цѣльныхъ и законченныхъ по содержанію отрывковъ избранныхъ произведеній греческой и римской литературы. Не представляя кореннаго нововведенія по существу, такъ какъ единичные опыты

въ томъ же родѣ бывали и прежде, данная постановка дѣла тѣмъ не менѣе является весьма замѣтнымъ отклоненіемъ отъ установившейся долговременной практики. Извѣстно, что подобныя стилистическія упражненія никогда еще не входили до сихъ поръ въ рамки систематическихъ официальныхъ требованій по предмету отечественнаго языка, и даже лишь очень недавно, никакъ не болѣе четырехъ или пяти лѣтъ, были внесены въ нѣкоторыхъ округахъ особыми циркулярами въ составъ переводныхъ испытаній по обимъ древнимъ языкамъ. Можно сказать, что такимъ образомъ въ очень недавнее время въ значительномъ большинствѣ гимназій они практиковались отрывочно и случайно, не подчиняясь строгому и правильному контролю, преимущественно по личной инициативѣ немногихъ преподавателей, при чемъ лишь изрѣдка, въ наиболѣе сомнительныхъ случаяхъ, при оцѣнкѣ учебннческихъ работъ на переводныхъ испытаніяхъ, къ обсужденію ихъ привлекались и преподаватели русскаго языка. Въ настоящее время напротивъ, въ виду ожидаемой пользы отъ правильныхъ методическихъ упражненій въ переводахъ съ древнихъ языковъ на отечественный, какъ по характеру ихъ, такъ и по назначенію, постановлено посвящать этимъ упражненіямъ опредѣленные часы не только на урокахъ обонхъ древнихъ языковъ, но также и русскаго. Этой постановкѣ дѣла, повидимому, будутъ соответствовать усиленные размѣры требованій въ данномъ направленіи на испытаніяхъ въ концѣ учебнаго года. Такимъ образомъ класснымъ переводамъ несомнѣнно предстоитъ въ близкомъ будущемъ занять видное мѣсто въ нашей учебной практикѣ. Цѣль ихъ — связать до извѣстной степени преподаваніе русскаго и классическихъ языковъ и приучить воспитанниковъ старшихъ классовъ къ вполне правильной и изящной въ смыслѣ литературныхъ требованій передачѣ предложеннаго на урокѣ отрывка древняго писателя, но, разумѣется, въ то же время передачѣ по возможности точной и близкой къ подлиннику.

По существующему теперь убѣжденію, подобные переводы съ древнихъ языковъ представляютъ незамѣнимое преимущество передъ всѣми остальными видами стилистическихъ упражненій на урокахъ русскаго языка, — на томъ основаніи, что они всего менѣе представляютъ удобствъ и возможности для нерадивыхъ учениковъ прибѣгать къ часто практикуемымъ въ подобныхъ случаяхъ школь-

нымъ злоупотребленіямъ съ цѣлью обхода стилистическихъ трудностей. Въ данномъ случаѣ напротивъ, ученикъ, поставленный въ необходимость передать мысль древняго писателя въ близкомъ къ подлиннику переводѣ, ограниченъ точными и неуклонными требованіями. Здѣсь мы имѣемъ еще пока дѣло съ соображеніями чисто стилистическаго характера; можно было бы прибавить къ этому также желаніе, чтобы подобныя упражненія преслѣдовали болѣе широкія цѣли, захватывая вопросъ глубже и стараясь способствовать болѣе сознательному усвоенію учениками самаго духа подлинника, который у менѣе одаренныхъ изъ нихъ иногда ускользаетъ отъ пониманія въ погонѣ за одностороннимъ изученіемъ грамматическаго матеріала. Можно надѣяться, что строго определенныя требованія перевода, не допуская учениковъ скользить по общему смыслу переводимаго мѣста и не позволяя имъ довольствоваться смутнымъ и приблизительнымъ пониманіемъ читаемаго, при благопріятныхъ условіяхъ могли бы способствовать развитію мыслительныхъ способностей учащихся и препятствовать укорененію въ молодыхъ людяхъ свойственной ихъ возрасту поверхностности, а иногда и пагубныхъ задатковъ умственной лѣни. При переводѣ ученикъ обязанъ вполне сознательно разобраться въ каждомъ отдѣльномъ предложеніи, постепенно овладѣть полнымъ смысломъ предложеннаго отрывка, уловить всѣ доступные его пониманію оттѣнки и, наконецъ, подыскать въ родной рѣчи соотвѣтствующую и удачную форму выраженія. Такая задача неизбѣжно предполагаетъ неспѣшное и сосредоточенное вниманіе не только въ общій смыслъ текста, но также и во всѣ встрѣчающіяся въ немъ стилистическія трудности и въ самые изгибы мысли, вызывая тѣмъ самымъ усиленную работу ума и напряженное вниманіе къ дѣлу. Вмѣстѣ съ тѣмъ все это уже само собой обуславливаетъ изощреніе навыка — плавно, отчетливо и красиво излагать мысли. Такъ при тщательномъ и искусномъ руководствѣ такіе переводы могутъ въ значительной мѣрѣ укрѣплять и дисциплинировать мысль, что впрочемъ, по нашему искреннему убѣжденію, можно было бы съ успѣхомъ и пользой распространить также и на переводы съ нѣмецкаго языка, въ которомъ тщательно обдуманное построеніе рѣчи часто представляетъ несомнѣнно весьма благодарную почву для соотвѣтствующихъ въ высшей степени образовательныхъ упражненій.

Такимъ образомъ со включеніемъ въ гимназическій курсъ новыхъ обязательныхъ занятій выступаютъ также новыя задачи и цѣли, которыя отнынѣ должны быть неуклонно преслѣдуемы при преподаваніи родного языка: съ одной стороны, названныя стилистическія упражненія предназначаются собственно помогать болѣе успѣшному осуществленію новѣйшей постановки древнихъ языковъ, и въ такомъ случаѣ ихъ роль является служебною*); но, съ другой стороны, имъ принадлежитъ также немаловажное самостоятельное значеніе для преподаванія собственно уже родного языка, въ курсѣ котораго они открываютъ цѣлую область полезныхъ и благодарныхъ упражненій, еще почти не затронутыхъ прежней педагогической практикой.

Несомнѣнно далѣе, что однимъ изъ главнѣйшихъ побужденій, вызвавшихъ указанное измѣненіе въ гимназической программѣ, было издавна настойчиво и строго-последовательно проводимое стремленіе къ концентраціи учебныхъ занятій, заботливо группируемыхъ около основныхъ предметовъ преподаванія, какими въ классическихъ гимназіяхъ являются древніе языки. Какое видное мѣсто отводится новымъ упражненіямъ послѣдней гимназической программой, ясно уже изъ того, что въ перечнѣ обязательныхъ практическихъ занятій по русскому языку они получаютъ первенствующее мѣсто, будучи поставлены даже выше самостоятельныхъ ученическихъ сочиненій. Широкія надежды, возлагаемыя высшимъ учебнымъ начальствомъ преимущественно на указанный родъ упражненій, обуславливаютъ чрезвычайно сложную и отвѣтственную обязанность для учителей русскаго языка, которые въ настоящую минуту призваны озаботиться тщательно-обдуманной постановкой новаго для нихъ дѣла и къ добросовѣстному проведенію его на практикѣ. Въ виду всего сказаннаго, нельзя не пожелать возможно болѣе широкаго обсужденія связанныхъ съ занимающими насъ упражненіями вопросовъ въ нашей педагогической литературѣ въ видѣ руководящихъ статей и замѣтокъ, которыя облегчили бы трудъ множества отдѣльныхъ преподавателей на этомъ нелегкомъ и для многихъ непривычномъ поприщѣ.

*) Какъ извѣстно, такія упражненія, особенно въ старшихъ классахъ, предназначаются до извѣстной степени служить замѣной прежнихъ усиленныхъ требованій при переводахъ съ отечественнаго языка на древніе.

I.

Въ данномъ случаѣ наиболѣе существенное затрудненіе для преподаванія заключается, безъ сомнѣнія, въ совершенномъ отсутствіи опредѣленныхъ, твердо установившихся педагогическихъ традицій и строго выработанной системы, всегда имѣющей такое огромное значеніе въ дѣлѣ преподаванія. Извѣстно, что при преподаваніи каждаго учебнаго предмета система вырабатывается съ одной стороны цѣлымъ рядомъ продолжительныхъ и дружныхъ трудовъ многихъ преподавателей-практиковъ, которые время отъ времени излагаютъ въ печатномъ видѣ результаты накопившихся за много лѣтъ педагогическихъ наблюденій въ особыхъ статьяхъ и руководствахъ; съ другой стороны, она находится также въ большой зависимости отъ успѣховъ и движенія впередъ соответствующей данному учебному предмету науки.

Въ настоящемъ вопросѣ мы встрѣчаемъ трудности совершенно особаго рода: кромѣ своей новизны, уже по самой сущности дѣла, подобныя стилистическія упражненія стоятъ совершенно въ сторонѣ отъ теоретической науки и, будучи по преимуществу дѣломъ навыка и техники, должны, такъ сказать, сами пролагать себѣ путь къ выработкѣ стройной системы, при чемъ на первое время можно было бы, какъ намъ кажется, намѣтить лишь нѣсколько обязательныхъ условій.

Во-первыхъ, слѣдуетъ обращать заботливое вниманіе на выборъ темы, иногда притомъ неизбежно стѣсняемый ограниченностью матеріала, подготавливаемого преподаваніемъ древнихъ языковъ; далѣе, необходимо тщательное разграниченіе задачъ, преслѣдуемыхъ преподаваніемъ нѣсколькихъ соприкасающихся предметовъ, для того, чтобы упражненія на урокахъ одного преподавателя не явились въ глазахъ учениковъ только близкой и безцѣльной вариацией однородныхъ упражненій въ классѣ другого, и столь же необходимо по возможности строго опредѣлить и сдѣлать осязательными границы между требованіями точности и изящества перевода (какъ извѣстно, оба эти условія постоянно находятся какъ бы въ нѣкоторой неизбежной борьбѣ). Необходимо наконецъ установить по возможности точное соглашеніе взглядовъ и требованій преподавателей отдѣльныхъ предметовъ; если для дѣла положительно вредны случаи ощутительнаго разногласія, то нежелательны

и непредвидѣнныя разпорѣчія на практикѣ, несмотря на кажущееся предварительное соглашеніе. Кромѣ того, есть много сравнительно мелкихъ затрудненій, касающихся менѣе существенныхъ подробностей класснаго обихода, которыми также не слѣдуетъ пренебрегать, въ родѣ напр. установленія нормальныхъ и строго соответствующихъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ требованій при постановкѣ балловъ и хотя бы приблизительнаго соглашенія ихъ въ отъѣздахъ разныхъ преподавателей древнихъ и русскаго языковъ.

Всѣ намѣченные нами вопросы нуждаются, безъ сомнѣнія, въ неторопливой и строго продуманной коллективной разработкѣ, плодомъ которой должно быть всестороннее разъясненіе вопроса на пользу учащихся, но никакъ не стѣснительная, узкая регламентация. Дѣло это общее для множества такъ или иначе прикосновенныхъ къ нему преподавателей, и было бы крайне легкомысленно и наивно надѣяться дать ему правильный ходъ единоличной попыткой. Мы позволимъ себѣ высказать лишь нѣсколько предварительныхъ соображеній.

Прежде всего, по нашему мнѣнію, избираемый для перевода отрывокъ долженъ быть взятъ уже изъ читаннаго и достаточно знакомаго матеріала, такъ какъ экспромтъ, устремляя вниманіе учениковъ на усвоеніе въ общихъ чертахъ смысла предлагаемаго текста, неизбежно отвлекъ бы ихъ отъ технической стороны перевода, которая въ подобныхъ стилистическихъ упражненіяхъ имѣетъ весьма важное значеніе и притомъ особенно на урокахъ русскаго языка. Такія работы могутъ и должны способствовать лучшему пониманію даннаго мѣста, но содержаніе его должно быть уже извѣстно, и при классномъ переводѣ ученикамъ представляется лишь случай усвоить его съ бѣльшей отчетливостью. Иначе самыя упражненія превратились бы, какъ мы говорили, въ ничѣмъ не оправдываемое повтореніе подъ руководствомъ другого учителя, но не подготовленнаго специально, тѣхъ же самыхъ занятій, которыя лучше сумѣлъ бы поставить преподаватель-специалистъ. Напротивъ, намъ представляется наиболѣе полезнымъ предпочитать при выборѣ отрывки, отдѣленные извѣстнымъ промежуткомъ времени отъ текущихъ занятій. Это поможетъ одновременно достиженію двухъ чрезвычайно полезныхъ цѣлей: во-первыхъ, является лишнее и весьма дѣйствительное побужденіе для учениковъ относиться какъ можно добросовѣстнѣе къ класснымъ заня-

тіямъ и опасаться пробѣловъ при манкировкехъ; во-вторыхъ, этимъ уже сами собой устранятся затрудненія, неизбежныя при первоначальномъ ознакомленіи съ текстомъ. Конечно, могутъ встрѣтиться помѣхи, если ученики позабудутъ значеніе нѣкихъ менѣ употребительныхъ словъ*); но въ извѣстныхъ границахъ преподаватель можетъ оказать имъ помощь и въ этомъ отношеніи, опредѣляя заранѣе, значеніе какихъ именно словъ вполне законно и цѣлесообразно напомнить классу передъ началомъ перевода. Вообще же надо имѣть въ виду, что при переводахъ съ греческаго языка чаще будутъ встрѣчаться у учениковъ затрудненія въ значеніи отдѣльныхъ словъ; при переводахъ съ латинскаго — вопросы о передачѣ цѣлыхъ предложений, ихъ взаимной связи и проч. Въ виду этого на урокахъ русскаго языка важно назначать чаще переводы именно съ латинскаго языка, а для переводовъ съ греческаго языка — выбирать преимущественно отрывки цѣнные по содержанию и художественности, отодвигая вопросы собственно стилистическіе на второй планъ и по возможности предоставляя ученикамъ, насколько это осуществимо по условіямъ времени, глубже проникнуть въ богатства греческой литературы.

Въ качествѣ единичныхъ случаевъ всегда могутъ еще встрѣтиться затрудненія въ томъ, что ученики, отставшіе вслѣдствіе продолжительной манкировки или поступившіе не въ началѣ учебнаго года, неизбежно явятся недостаточно подготовленными къ назначаемой работѣ, чѣмъ поставятъ въ ложное положеніе и учителя, вынужденнаго или совсѣмъ замѣнить предложенный отрывокъ запаснымъ, или по меньшей мѣрѣ оказывать усиленную помощь во время самаго упражненія непосредственными разъясненіями. Всякому понятно, что такая отсталость нѣкоторыхъ учениковъ можетъ происходить даже отъ вполне законныхъ и уважительныхъ причинъ, и тогда оставить ихъ безъ извѣстной помощи преподаватель не имѣетъ ни нравственнаго, ни формальнаго права. Для устраненія подобныхъ случайностей и нарушенія ими правильнаго хода классныхъ занятій, полезно разсчитывать время такъ, чтобы, не затрудняя массы учениковъ, составляющихъ основной контингентъ

*) Избѣгнуть этого не всегда удастся преподавателю посторонняго предмета, обыкновенно не имѣющаго возможности опредѣлить въ точности, какія именно слова должны быть извѣстны классу изъ курса, проходимаго другимъ преподавателемъ.

класса, вмѣстѣ съ тѣмъ не допускать, чтобы наиболѣе способные и знающіе изъ нихъ, исполнивъ работу, непроизводительно тратили время тутъ же на урокъ и въ присутствіи преподавателя. Самымъ дѣйствительнымъ средствомъ, чтобы избѣгнуть всѣхъ этихъ трудностей, можно считать назначеніе такой работы, которая съ одной стороны, даже являясь для нѣкоторыхъ совершеннымъ экспромтомъ, была бы все-таки по силамъ всѣмъ и не подавала бы повода къ замѣнѣ ея другой работой. Въ такомъ случаѣ оставшіе ученики лучше могутъ быть освобождены отъ извѣстной части заданнаго упражненія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо выбирать работы такъ, чтобы онѣ требовали въ извѣстной мѣрѣ серьезнаго напряженія рѣшительно отъ всѣхъ. Чтобы согласить два указанныхъ нами требованія, по нашему мнѣнію, лучший способъ слѣдующій.

Въ переводахъ съ латинскаго языка слѣдуетъ отдавать предпочтеніе такимъ отрывкамъ, которые представляли бы не столько трудностей для пониманія, сколько были бы запутаны и сложны въ отношеніи конструкціи. Другими словами, удобнѣе выбирать отрывки, которые нетрудно перевести мысленно, но которые требуютъ значительнаго напряженія для совершенно правильной и гладкой передачи на письмѣ. Это и произойдетъ само собой, если выбирать сложные по конструкціи отрывки изъ писателей, читанныхъ классомъ, а иногда и двумя ниже, при чемъ урокъ состоялъ бы приблизительно строчекъ изъ десяти. Въ этомъ случаѣ лучшіе ученики, имѣя замѣтное преимущество передъ прочими въ основательности познаній, испытывали бы гораздо больше трудностей, состоящихъ въ усиліяхъ побѣдить всѣ шероховатости и придать своей работѣ качества образцовой плавности и изящества, чтобы сдѣлать ее выдающейся.

Но могутъ встрѣтиться для нѣкоторыхъ учениковъ иныя препятствія, въ видѣ напр. недостаточнаго знакомства съ какими-нибудь географическими терминами, или съ какимъ-либо мало извѣстнымъ незначительнымъ племенемъ (при переводѣ изъ Цезаря), или наконецъ даже въ недостаточномъ знакомствѣ съ содержаніемъ предшествующаго отрывка. Такъ какъ въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло вовсе не съ проверкой познаній учениковъ, которая всецѣло касается преподаванія древнихъ языковъ, то очевидно, что всѣхъ подобныхъ случаевъ слѣдуетъ старательно из-

бѣгать. Иначе преподаватель отечественнаго языка можетъ легко поставить себя въ ложное положеніе при оцѣнѣ работъ, изъ которыхъ нѣкоторыя могутъ оказаться неудовлетворительными по причинамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ предметомъ его преподаванія. По нашему же мнѣнію, неудобно оставлять совершенно безъ вниманія и даже безъ извѣстной кары такое обнаруженіе учениками пробѣловъ хотя бы въ области знаній, выходящей изъ предѣловъ спеціальнаго предмета. Подобное отношеніе къ дѣлу укоренило бы въ ученикахъ то ошибочное, но, къ сожалѣнію, слишкомъ распространенное убѣжденіе, — что добросовѣстное исполненіе какой-нибудь работы обязательно лишь настолько, насколько она подлежитъ непосредственному вѣдѣнію извѣстнаго преподавателя.

Въ этомъ-то, кажется намъ, и должно особенно существовать различіе между переводами съ древнихъ языковъ на русскій на урокахъ отечественнаго и классическихъ языковъ: между тѣмъ какъ преподаватели послѣднихъ обязаны стараться при выборѣ работы привлекать къ провѣркѣ усвоеннаго классомъ весь обширный матеріалъ, входящій въ кругъ ихъ преподаванія, обращая вниманіе не на одно только изученіе формъ и умѣніе правильно переводить, но, главнымъ образомъ, на другія, болѣе живыя и разумныя стороны при изученіи древнихъ писателей, — преподаватели роднаго языка должны стоять на стражѣ интересовъ представляемаго ими предмета въ гимназіяхъ.

Указанныя требованія мы считаемъ совершенно обязательными для успѣха дѣла; но кромѣ того возможны второстепенные вопросы: какъ слѣдуетъ готовить учениковъ къ каждой отдѣльной работѣ, какими пользоваться приемами при исправленіи и разъясненіи обыкновенно встрѣчающихся въ работахъ ошибокъ, въ какое отношеніе должны быть поставлены классныя упражненія къ экзаменнымъ и проч. Разсмотрѣть сколько-нибудь обстоятельно всѣ эти вопросы рѣшительно невозможно въ небольшой статьѣ, и потому мы остановимся еще лишь на нѣкоторыхъ болѣе общихъ вопросахъ методики.

II.

Безъ сомнѣнія, многія изъ необходимыхъ требованій при переводахъ сами собой очевидны для учениковъ, безъ всякихъ предварительныхъ объясненій со стороны преподавателя. Такъ, каждому

ученику старшихъ классовъ достаточно извѣстно заранѣе, что въ переводахъ не можетъ быть допускаема тяжелая и запутанная конструкция, или частое повтореніе случаевъ однородной конструкции, а тѣмъ болѣе повтореніе однихъ и тѣхъ же словъ въ предѣлахъ того же предложенія и вообще все то, что принято обыкновенно называть шероховатостью и невыработанностью слога. Всякій изъ нихъ, конечно, станетъ самъ, по мѣрѣ приобрѣтеннаго навыка и умѣнія, избѣгать беспорядочной разстановки словъ и длиныхъ предложеній. Для всего этого вполне достаточно уже той доли опыта и теоретическихъ указаній, которыя выносить большинство учениковъ изъ упражненій по русскому языку въ младшихъ классахъ гимназій.

Но при переводахъ съ древнихъ языковъ практика дѣла съ первыхъ же шаговъ поставить передъ учениками много несравненно болѣе серьезныхъ и существенныхъ трудностей; имъ тотчасъ же придется рѣшать довольно сложные вопросы, требующіе въ сущности нѣкотораго вниманія даже со стороны каждаго опытнаго и вполне знакомаго съ языкомъ переводчика. Таковы вопросы о томъ, какъ именно поступить каждый разъ въ случаѣ необходимости разбить слишкомъ распространенное предложеніе съ сложной конструкціей, какая столь обычна у римскихъ писателей, не исключая и тѣхъ изъ нихъ, которые основательно признаются наиболѣе легкими для изученія, какъ напр. Цезарь или въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже Корнелій Непотъ (особенно въ длинныхъ предложеніяхъ съ косвенной рѣчью).

Кромѣ того тотчасъ же возникаютъ вопросы: въ какой мѣрѣ допускать свободу при обращеніи съ подлинникомъ при передачѣ на русскій языкъ: можно ли и притомъ когда и какъ именно можно замѣнять придаточныя предложенія самостоятельными, уничтожая между ними свойственную латинской конструкціи синтаксическую связь; какъ разрѣшать сокращенныя предложенія въ полныя; когда и какъ именно изъ одного латинскаго періода слѣдуетъ слѣлать два или даже три въ русскомъ переводѣ; когда придаточныя, относящіяся къ другимъ и уже довольно распространеннымъ придаточнымъ предложеніямъ, можно и должно, по условіямъ русской рѣчи, поставить въ скобки (а въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ даже отнести инныя незначительныя подробности въ выноски) и проч. и проч.

Все это, будучи вообще дѣломъ до крайности условнымъ и неопредѣленнымъ по существу, допускаетъ, однако, нѣкоторую систематизацію и при опытномъ и искусномъ руководствѣ можетъ быть безспорно доведено, хотя, конечно, не безъ усиленнаго напряжения со стороны учителя, до той степени отчетливости, о которой мы скажемъ ниже.

Всѣ раньше указанныя частныя затрудненія совершенно блѣднѣютъ въ сравненіи съ другими, болѣе общаго характера, считаться съ которыми предстоитъ одинаково всѣмъ лицамъ, привлекаемымъ къ руководительству интересующими насъ занятіями.

Прежде всего каждому понятно, что преслѣдуемые преподаваніемъ результаты должны быть всегда вполне осозательны и очевидны, а этого всего труднѣе добиться въ данномъ случаѣ. Совсѣмъ иное дѣло переводы съ русскаго языка на древніе, гдѣ требованія могутъ быть установлены гораздо опредѣленнѣе и точнѣе, гдѣ несравненно яснѣе и конкретнѣе по самому существу объясненія допущенныхъ учениками ошибокъ и промаховъ, — тогда какъ напротивъ при переводахъ съ древнихъ языковъ на русскій руководителю придется непрерывно встрѣчаться съ вопросами спорными и съ трудомъ поддающимися отчетливой авторитетной критикѣ.

Вообще въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касается переводовъ съ иностранныхъ языковъ, субъективное, а подчасъ и произвольное отношеніе къ возникающимъ вопросамъ почти неустранимо, такъ какъ самыя требованія стиля, разсматриваемыя не въ общихъ своихъ основаніяхъ, а въ тонкостяхъ и частностяхъ, естественно выдвигаютъ въ качествѣ главнаго руководящаго принципа не столько способность соображенія, всегда и всюду представляющую самый надежный критерій, почему она и является первымъ и необходимымъ условіемъ во всѣхъ наукахъ, а вкусъ къ изящному. Послѣдній справедливо считается также въ высокой степени образовательнымъ началомъ и чрезвычайно полезнымъ въ качествѣ дополняющаго и уравнивающаго дѣятельность холодной разсудочной способности, но, по общему признанію, имѣетъ уже наибольшее примѣненіе въ области не наукъ, а искусствъ.

Отсюда слѣдуетъ, что при руководствѣ изящными переводами кромѣ безукоризненнаго знанія преподавателемъ даннаго иностраннаго языка важнѣйшимъ и совершенно обязательнымъ для успѣха дѣла условіемъ долженъ быть еще опытъ и тонкій внутренній тактъ,

указывающей переводчику надлежащую мѣру хотя бы въ отступленіяхъ отъ буквальной точности въ интересахъ болѣе совершенной передачи текста на родной языкъ и въ интересахъ сохраненія духа подлинника. Едва ли нужно прибавлять, что послѣднее условіе представляло иногда серьезныя трудности для людей, посвятившихъ всю жизнь призванію переводчика. (Мы говоримъ здѣсь, конечно, не о переводчикахъ-ремесленникахъ.)

Такимъ образомъ всѣ такія упражненія, гдѣ первенствующимъ условіемъ является тонкій и правильно воспитываемый вкусъ, хотъ и не должны уступать первое мѣсто научнымъ занятіямъ въ точномъ смыслѣ слова, но въ то же время не подлежатъ никакому сомнѣнію, что вообще требованія вкуса менѣе устойчивы и не поддаются точному опредѣленію, значительно уступая въ этомъ случаѣ для каждаго очевиднымъ и обязательнымъ требованіямъ соображенія. И это опять слѣдуетъ отнести къ серьезнымъ трудностямъ открывающейся передъ нами задачи.

Мы говорили раньше, что предлагаемыя ученикамъ задачи при переводахъ съ древнихъ языковъ должны быть выбираемы чрезвычайно осмотрительно, и конечно — согласно съ строжайшимъ соблюденіемъ основного педагогическаго принципа — располагать работы по степени ихъ правильно возрастающей трудности. Несомнѣнно также, что каждое новое упражненіе должно имѣть прочную опору въ прибрѣтенныхъ знаніяхъ и навыкѣ, вынесенныхъ учениками изъ соответствующихъ предыдущихъ упражненій. Но насколько легко признать эту безспорную азбуку педагогическаго искусства, настолько же въ сущности трудно достигнуть безусловно послѣдовательно осуществленія этихъ правилъ на дѣлѣ.

Систему необходимо найти, выработать. Для этого, какъ намъ кажется, полезнѣе всего въ данномъ случаѣ при исправленіи ученическихъ работъ устремить самымъ напряженнымъ образомъ вниманіе на отыскиваніе такихъ яркихъ типическихъ случаевъ, которые должны потомъ не только служить надежной путеводной звѣздой самому преподавателю, но должны также прочно засѣсть въ памяти учениковъ и, такъ сказать, находиться постоянно во время работъ передъ ихъ глазами, служа вполне законной помощью и руководствомъ для нихъ во время классныхъ упражненій. Поэтому мы рекомендовали бы обратить настойчивое вниманіе при исправленіи ученическихъ работъ на такіе примѣры, подобные ко-

торымъ могутъ повторяться при каждомъ слѣдующемъ переводѣ. Скажемъ больше: насколько возможно, слѣдуетъ, особенно въ первое время, заботиться умножать количество такихъ случаевъ, предлагаемыхъ ученикамъ въ классѣ, хотя бы помощью искусственного подбора. Необходимо заботиться, чтобы въ преподаваніе не вкралась nepoзвoлитeльнaя съ педагогической точки зрѣнія безпринципность; необходимо предупреждать возможность неопредѣленной расплывчивости и обилія хотя бы и дѣльныхъ, но не объединенныхъ никакой связующей нитью стилистическихъ объясненій...

Преподаватель въ разсматриваемомъ случаѣ обязанъ больше, чѣмъ когда-либо, заботиться о соблюденіи должной мѣры и не позволять себѣ, въ увлеченіи частностями и мелочами, забывать о главной цѣли упражненій, имѣющихъ исключительно педагогическое значеніе и внѣ его совершенно непримѣнимыхъ.

Приведемъ въ поясненіе нашей мысли нѣсколько конкретныхъ иллюстрацій.

Въ предложенномъ отрывкѣ легко могутъ встрѣтиться выраженія, допускающія на русскомъ языкѣ передачу ихъ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ соотвѣтственно требованіямъ синтаксическаго строя русской рѣчи, также замѣну точнаго буквального перевода какимъ-нибудь вполне соотвѣтствующимъ идиотизмомъ, сообщающимъ слогу характеръ свободнаго, свойственнаго именно русской рѣчи изложенія. Такими случаями особенно надо дорожить и усиленно обращать на нихъ всякій разъ вниманіе учениковъ, показывая послѣднимъ наглядно и, такъ сказать, осязательно разницу въ любимыхъ оборотахъ и приѣмахъ рѣчи каждаго языка. Но такими примѣрами нельзя злоупотреблять на первыхъ порахъ; напротивъ, ихъ слѣдуетъ приберегать уже на то время, когда такъ называемые мною типическіе случаи найдены и разъяснены.

Такъ, гораздо важнѣе тотчасъ же разъяснить ученикамъ взаимное отношеніе этимологическихъ формъ изучаемыхъ языковъ и наиболѣе употребительные въ нихъ синтаксическіе (но общіе, не исключительные) приемы рѣчи. Напримѣръ, отсутствіе въ латинскомъ языкѣ всѣхъ формъ, соотвѣтствующихъ нашимъ дѣепричастіямъ и причастіямъ настоящаго времени страдательнаго залога или прошедшаго времени дѣйствительнаго залога, — отсутствіе этихъ формъ въ латинскомъ языкѣ естественно должно повести къ указанію разныхъ способовъ ихъ перевода. Такъ, *participium*

futuri activi можетъ быть переводимо помощьюъ словъ: „намѣренъ“, „готовъ“, иногда дѣепричастіемъ „желая“ или причастіемъ „имѣющій“ и проч. Напротивъ такіе примѣры, которые требуютъ полнаго измѣненія конструкціи на русскомъ языкѣ, должны быть отложены (напр. при переводѣ словъ Югурты о Римѣ: „*O urbem venalem et mature perituram, si emptorem invenerit*“). При переводѣ причастія страдательнаго залога прошедшаго времени должно быть отмѣчено, что, будучи отнесено къ другому подлежащему, оно можетъ замѣняться на русскомъ языкѣ причастіемъ прошедшаго же времени, но уже дѣйствительнаго залога.

Далѣе, нѣкоторыя слишкомъ отвлеченныя по смыслу слова и выраженія латинскаго подлинника могутъ быть передаваемы въ русскомъ переводѣ болѣе свойственными нашему языку конкретными словами или образными выраженіями, что особенно часто можетъ имѣть мѣсто при передачѣ какого-нибудь глагола съ отвлеченнымъ значеніемъ. Такъ глаголъ *pesage*, согласно требованію смысла, можетъ быть переведенъ не глаголомъ убить, но казнить.

Вотъ что называю я здѣсь типическими случаями, отъ которыхъ, по моему мнѣнію, надо отличать замѣчанія, имѣющія частный характеръ. Напримѣръ, объясненіе того, что слово *invitus* можно часто переводить нарѣчіями неохотно, поневолѣ, что выраженіе *absentem aliquem assidue* слѣдуетъ перевести по-русски не обвинять кого-нибудь въ отсутствіи, но обвинить заочно, т.-е. такимъ нарѣчіемъ, соответствующаго которому не существуетъ въ латинскомъ языкѣ, но которымъ здѣсь вполне умѣстно воспользоваться, — такое объясненіе носить уже частный характеръ. Такихъ частныхъ объясненій при случайномъ веденіи дѣла, да и вообще всегда, будетъ не мало по сущности занятій, но именно они не должны преобладать, и особенно въ самомъ началѣ.

И разрозненныя стилистическія указанія должны приносить пользу; но есть опасность, чтобы они не обратились въ неудобоваримое нагроможденіе нетвердо запоминаемыхъ и неотчетливо представляющихся впослѣдствіи сознанію сырыхъ фактовъ. Масса такихъ отдѣльныхъ объясненій угрожаетъ превратиться въ балластъ, сбивающій съ толку и запутывающій лучшихъ учениковъ и пропускаемый мимо ушей зауряднымъ большинствомъ класса.

Надо заботиться также, чтобы и типическіе случаи, если они недостаточно ярко отмѣнены, не тонули и не терялись безъ пользы

въ хаосѣ частныхъ. Но если необходимо вообще усиленно стремиться къ возможной группировкѣ замѣчаній, то съ другой стороны, намѣтивъ извѣстные типическіе приемы, слѣдуетъ всачески стараться подводить подъ такія обобщенія и отдѣльные случаи. Такъ, согласно вышеуказанному правилу, по которому отвлеченныя по значенію латинскія выраженія замѣняются болѣе частными и конкретными, — въ выраженіи: „falso queritur de natura sua genus humanum, quod forte potius, quam natura regatur“ слово falso можно передать не словомъ „ложно“, но словомъ „неосновательно“. Ложнымъ сужденіе можетъ быть или вслѣдствіе сознательнаго намѣренія говорящаго, или же вслѣдствіе невольной ошибки; здѣсь мы имѣемъ дѣло со вторымъ случаемъ. Также gratum memoremque videri значить: казаться благодарнымъ и признательнымъ; помнящій — слово болѣе общаго значенія, признательный означаетъ только того, кто помнить оказанное ему добро. Указавъ на нѣкоторыхъ примѣрахъ, что иногда у поэта какое-либо слово можетъ быть употреблено sensu praegnantі или sensu activo, sensu passivo и проч., можно объяснить, что saeci ignes (у Виргилія) можно перевести: невидимые огни, и т. п.

Второе главное требованіе состоитъ въ томъ, что, при примѣненіи указанныхъ общихъ правилъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ слѣдуетъ держаться разумной мѣры, чтобы переводы не писались по шаблонамъ и чтобы тѣмъ не стирался отъ избитыхъ приемовъ характеръ подлинника. Такъ, при передачѣ простой, безыскусственной рѣчи нельзя требовать безусловно вылощенного слога, который явился бы въ такомъ случаѣ неумѣстнымъ. Переводчикъ Библіи поступилъ бы нелѣпо, педантически навязывая вѣчной книгѣ вмѣсто простаго и величаваго изложенія требованія современнаго условнаго склада литературной рѣчи; и наоборотъ, высоко цѣня вообще передачу Карамзиннымъ старинной рѣчи, нельзя одобрить витіеватаго, въ духѣ современнаго краснорѣчія, переложенія рѣчи древлянскихъ пословъ въ первой части его безсмертнаго труда.

Въ отношеніи переводовъ именно съ древнихъ языковъ мы могли бы указать, болѣе или менѣе какъ образецъ въ только-что указанномъ отношеніи, новѣйшіе переводы г. Мищенка, который при передачѣ Геродота нерѣдко сознательно и вполне умѣстно допускаетъ употребленіе оборотовъ и конструкцій, не совсѣмъ безукоризненныхъ съ точки зрѣнія принятаго у насъ литературнаго из-

ложения. Въ самомъ дѣлѣ, при переводѣ Геродота вполне можетъ быть иной разъ допущено повтореніе слова въ томъ же предложениі, тамъ, гдѣ это было бы явной стилистической погрѣшностью при передачѣ Тацита или Ливія. Точно такъ же и въ нашей лѣтописи, съ той же цѣлью сохраненія наивнаго склада рѣчи, должны быть употребляемы при переводѣ соответствующія выраженія и приемы. Напр. послѣ неоднократныхъ упоминаній о князя Малѣ въ рѣчи древлянскихъ князей очень характерно и въ своемъ родѣ не лишено эффекта наивное поясненіе лѣтописца: „а было ему имя Малѣ, древлянскому-то князю“. Удачно также, по нашему мнѣнію, удержано покойнымъ Водовозовымъ въ его переводѣ троекратное почти сряду повтореніе слова лодка для передачи безыскусственной простоты лѣтописнаго разсказа: „завтра я пошлю за вами, вы же молвите: не ѣдемъ ни на коняхъ, и пѣшкомъ не идемъ, а несите-ка насъ въ лодкѣ, и понесуть васъ въ лодкѣ, — и отпустила ихъ въ лодку“...

Такимъ образомъ должно всегда соображаться съ духомъ подлинника и всячески остерегаться исказить его, и при этомъ, необходимо, сохраняя всѣ оттѣнки передаваемого на другомъ языкѣ, все же разнообразить приемы перевода. Понятно, что для опредѣленія надлежащей мѣры, въ какой именно степени слѣдуетъ жертвовать буквальной точностью изяществу перевода, отъ переводчика требуется не столько даже основательное знаніе, сколько извѣстный талантъ и даже талантъ. Идеальное пониманіе и выполненіе переводчикомъ лежащихъ на немъ обязанностей вообще гораздо меньше зависятъ отъ трудолюбія и знаній, нежели отъ природнаго дара, что доказывается извѣстными всѣмъ примѣрами: кому неизвѣстно, что Жуковский, не зная совсѣмъ греческаго языка, но, будучи въ высшей степени одаренъ талантомъ переводчика, несравненно изящнѣе Гнѣдича переводилъ Гомера.

На высшихъ ступеняхъ упражненій въ переводахъ съ древнихъ языковъ желательно было бы передать ученикамъ также нѣкоторую долю уже не умѣнія, а искусства переводить, при чемъ преподаватель долженъ заблаговременно выяснить передъ классомъ обязательныя для учениковъ соображенія и собственное пониманіе дѣла. Но мы говоримъ объ идеалахъ, которые не только лично для себя считаемъ недостижимыми, но полагаемъ, что немногіе вообще учителя, да даже и университетскіе преподаватели (древ-

нихъ языковъ) могли бы удовлетворить этимъ требованіямъ, ибо, какъ мы говорили, компетентность знатока здѣсь еще очень недостаточна. Но это не невозможно, и въ исключительныхъ случаяхъ осуществилось бы въ рукахъ избранныхъ преподавателей и профессоровъ.

III.

Слѣдующимъ безусловно необходимымъ и важнымъ условіемъ для успѣха разсматриваемыхъ занятій мы считаемъ совершенно спокойное и сосредоточенное во время работы настроеніе духа учениковъ, отнюдь не мучимыхъ тревожными опасеніями не кончить въ срокъ данную работу, встрѣтить безпощадныя требованія и т. п. Но всего хуже, если ихъ будетъ смущать страхъ не попасть въ тонъ требованій придирчиваго учителя, такъ какъ вообще въ дѣлѣ воспитанія не можетъ быть ничего пагубнѣе удручающей паники. Даже въ интересахъ образованія характера и бодрого и сознательнаго отношенія къ жизни слѣдуетъ предупреждать всѣми возможными мѣрами безпокойную торопливость и безплодныя волненія. При нормальныхъ условіяхъ подобное напряженное психическое состояніе, вредное для здоровья, можетъ являться лишь естественнымъ и неизбѣжнымъ наказаніемъ, которое навлекаютъ на себя иногда сами нерадивые ученики своей безпечностью и неумѣніемъ распорядиться временемъ. Здѣсь школа, разумѣется, неотвѣтственна; но зато во всемъ, что касается условій, въ которыя она ставитъ сама своихъ питомцевъ, общество въ правѣ надѣяться и требовать, что она приложитъ всѣ зависящія отъ нея усилія, чтобы обставить воспитанниковъ наиболѣе благоприятными условіями для полученія основательнаго образованія, для воспитанія и выработки характера и наконецъ для сохраненія здоровья.

Намъ кажется, что именно въ вопросѣ о правильномъ веденіи переводовъ съ иностранныхъ языковъ на русскій можно признавать разумнымъ и плодотворнымъ только бодрый и увѣренный въ себѣ трудъ, больше, чѣмъ гдѣ-либо: дѣло касается здѣсь изящнаго вкуса, слѣдовательно всякое низведеніе такого труда на степень ремесленной механической выучки, заключающейся въ усвоеніи сноровокъ и приспособленій къ экзаменнымъ формальностямъ, грозитъ погубить все дѣло, лишивъ его всякаго обра-

звательнаго значенія и превративъ и его также въ жалкую, никому ненужную формальность. Если бы дѣло почему-нибудь было поставлено такимъ образомъ, то пришлось бы только пожалѣть о дорогихъ часахъ воспримчиваго возраста учащихся.

Поэтому и со стороны учителя желательно установленіе точныхъ и вполне опредѣленныхъ требованій. Если бы на первое время они по необходимости явились нѣсколько неустойчивыми, какъ неизбежный результатъ всякой пробы, то было бы желательно, чтобы поскорѣ выработались какія-нибудь методическія руководства, посвященныя данному вопросу, которыхъ особенно слѣдуетъ ожидать отъ преподавателей латинскаго языка, какъ болѣе труднаго и болѣе полезнаго для такихъ упражненій.

Если такія систематическія требованія болѣе или менѣе опредѣлятся, то они могутъ быть прямо и отчетливо заявляемы передъ классомъ (разумѣется послѣ необходимыхъ объясненій), и тогда можно будетъ сказать, что важнѣйшая часть дѣла исполнена.

Остальное будетъ относиться уже въ сущности къ послѣдовательному проведенію разъ навсегда ясно намѣченнаго принципа. Въ такомъ случаѣ на обязанности учениковъ будетъ припоминаніе сдѣланныхъ имъ при разборѣ предыдущихъ упражненій замѣтокъ, безъ всякихъ съ ихъ стороны (кромѣ раньше указанныхъ исключительныхъ случаевъ) разспросовъ во время работъ о разныхъ мелочахъ, которыя могутъ неожиданно представиться во всякой работѣ. Когда ученику болѣе или менѣе отчетливо рисуется идеалъ образцовой работы и извѣстны малѣйшія требованія преподавателя, то въ случаѣ новой невольной ошибки (т.-е. происшедшей не отъ небрежности), онъ уже самъ, безъ объясненій учителя, обязанъ найти для себя достаточныя указанія въ общемъ характерѣ классныхъ требованій. Такая отчасти уже самостоятельная работа мысли учениковъ была бы несомнѣннымъ свидѣтельствомъ успѣха самаго дѣла.

Для совершенно неопытныхъ преподавателей прибавимъ еще указаніе на серьезную опасность для дѣла, если оцѣнка работъ будетъ представляться ученикамъ недостаточно мотивированной и въ то же время сильно расходящейся съ ихъ предварительными ожиданіями. Такое положеніе дѣла можетъ съ самаго начала невыгодно отразиться на настроеніи цѣлаго класса и становится рѣшительно деморализующимъ въ случаѣ повтореній.

Подводя итогъ всему сказанному, мы еще разъ настойчиво повторяемъ, что новыя занятія не должны сдѣлаться новымъ бременемъ для учениковъ, и трудъ класса при переводахъ долженъ имѣть характеръ бодрого стремленія къ ясно поставленной цѣли. Въ противномъ случаѣ все можетъ свестись на безплодное обремененіе учителя механическимъ исправленіемъ груды случайныхъ и не поддающихся ясной группировкѣ ошибокъ, а для учениковъ — на равнодушное отбываніе наугадъ исполняемыхъ работъ, въ успешномъ ходѣ которыхъ они не будутъ увѣрены.

В. Шенрокъ.

Археологическая хроника эллинскаго Востока.

Переходя теперь къ обзору важнѣйшихъ изъ существующихъ на почвѣ Эллады остатковъ древности, по преимуществу вызванныхъ на свѣтъ Божій раскопками послѣдняго двадцатилѣтiя, мы на первыхъ же порахъ считаемъ необходимымъ нѣсколько измѣнить первоначальный планъ. Мы предполагали положить исходнымъ пунктомъ начало работъ Шлимана на Гиссарлыкѣ, т.-е. 1871 годъ, но статья В. П. Бузескула, въ предшествующей книжкѣ „Филологическаго Обзорнiя“, представляющая отчетливый и подробный обзоръ не только троянскихъ, но и прочихъ раскопокъ Шлимана, избавляетъ насъ отъ необходимости еще разъ останавливаться на этихъ раскопкахъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ по упомянутой, такъ и по другимъ причинамъ, для насъ теперь представляется болѣе удобнымъ расположить настоящій разборъ новѣйшихъ раскопокъ не въ хронологическомъ порядкѣ ихъ производства, а въ порядкѣ топографическомъ, потому что при этой системѣ легко будетъ коснуться вкратцѣ многихъ археологически интересныхъ пунктовъ, о которыхъ иначе не пришлось бы упоминать. Сознаемся, что попытка изложить на нѣсколькихъ страницахъ археологическую топографiю эллинскаго Востока нѣсколько рискована и что при этомъ легко впасть или въ сухость, или въ поверхностность. Мы не коснемся здѣсь пока археологическихъ находокъ истекающаго (1891-го) года, болѣе подробному обзору которыхъ будетъ посвящена слѣдующая хроника.

Замѣчательнѣйшiй въ археологическомъ отношенiи пунктъ сѣверной Греции есть безспорно Додона, знаменитая своимъ оракуломъ Зевса. Додона лежитъ внѣ территорiи современнаго греческаго королевства, въ Эпирѣ, къ западу отъ Иоаннины и ея озера,

въ низменной мѣстности съ суровымъ, бурнымъ климатомъ, заслужившимъ Додонѣ еще въ Гомеровскихъ пѣсняхъ эпитетъ *δορυμέρος*. Раскопки въ Додонѣ были произведены въ 1876 г. Константиномъ Карапаносомъ, какъ мы упоминали уже въ предыдущей хроникѣ¹⁾. Святилище додонское находится у подножья холма, укрѣпленнаго стѣною съ башнями и бывшего акрополя. Въ склонѣ этого холма прекрасно сохранился древній театръ. У подножія холма открыты раскопками Карапаноса *τέμενος* Зевса (Додонскаго²⁾), также окруженный стѣною, съ рядомъ построекъ, назначеніе которыхъ, кромѣ самаго храма, въ точности неизвѣстно. Храмъ этотъ, какъ и многіе древніе храмы, былъ превращенъ въ христіанскую церковь, чѣмъ, вѣроятно, и объясняются особенности его плана по сравненію съ обычнымъ расположеніемъ греческихъ храмовъ. Въ священный округъ ведутъ Пропилеи, находящіеся въ одномъ изъ его угловъ. Внутри округа вдоль стѣнъ идутъ портики, предназначавшіеся, какъ и во всѣхъ святилищахъ, отчасти для того, чтобы служить убѣжищемъ отъ дурной погоды, отчасти для помѣщенія въ нихъ различныхъ приношеній (*ἀναθήματα*). Передъ портиками рядъ постаментовъ, также предназначавшихся для приношеній. Карапаносу не удалось найти ни крупныхъ произведеній искусства, ни предметовъ, имѣющихъ особенно большую матеріальную цѣну. Додоново святилище было не особенно богато и кромѣ того нѣсколько разъ подвергалось разграбленію. Зато найдено большое количество въ высшей степени интересныхъ бронзъ, о которыхъ мы упоминали въ предшествующей хроникѣ.

Кромѣ Додоны сѣверная Элада не представляетъ никакихъ пунктовъ особенно интересныхъ въ археологическомъ отношеніи. Стоитъ только развѣ упомянуть о томъ, что близъ деревушки Димини, въ одномъ часѣ разстоянія отъ Воло и недалеко отъ развалинъ древнихъ Пагасъ (*Παγααί*), въ 1887 г. изслѣдована куполообразная гробница, въ которой найдены предметы такъ на-

¹⁾ См. тамъ же и въ прим. на стр. 84 главную литературу.

²⁾ Въ первой хроникѣ я перевелъ *Ζεὺς Νάϊος* — „Зевсъ храмовнѣ“, имѣя при этомъ въ виду такіе эпитеты какъ *Ἄθρηά Προναία* и т. п. Я упустилъ тогда изъ виду, что обыкновенно эпитетъ *νάϊος* сближаютъ съ глаголомъ *νάω* — течь и видятъ въ додонскомъ Зевсѣ бога влаги. Но, мнѣ кажется, и данное мною объясненіе имѣетъ право на существованіе.

зываемой „микенской“ культуры, помѣщенные въ Аѳинахъ, въ музеѣ археологическаго общества, вмѣстѣ съ находками Шлимана.

Въ западной части средней Эллады тоже нѣтъ замѣчательныхъ остатковъ и не производилось большихъ изслѣдованій. Первымъ интереснымъ пунктомъ здѣсь являются Дельфы. Изслѣдованія, до сихъ поръ здѣсь произведенныя, несмотря на всю важность открытыхъ памятниковъ преимущественно эпиграфическихъ, не могутъ назваться соответствующими славы и значенію этого святилища, одного изъ центровъ греческаго міра. Раскопки производились пока членами французской археологической школы въ Аѳинахъ¹⁾. Въ настоящее время заключенъ договоръ между греческимъ и французскимъ правительствами о предоставленіи послѣднему правъ на полную раскопку Дельфъ, при чемъ жалкая деревушка Кастри, ютящаяся въ периболѣ древняго святилища, будетъ снесена. Въ слѣдующихъ хроникахъ мы надѣемся съ должной подробностью слѣдить за этими раскопками, которыя должны начаться весной. Послѣ моего пребыванія въ Дельфахъ зимою 1887 года, никакихъ новыхъ раскопокъ произведено не было, такъ что мои личныя воспоминанія въ данномъ случаѣ вполне совпадаютъ съ состояніемъ Дельфъ въ настоящее время, какъ оно описано напр. у Помптова и у Бедекера. Дельфійское святилище расположено у подножья двухъ отвѣсныхъ скалъ, отроговъ Парнасса, называвшихся въ древности Федриадами. Онѣ сходятся подъ тупымъ угломъ, оставляя между собою весьма узкое ущелье, изъ котораго вытекаетъ знаменитый своей, сообщавшей вдохновеніе, водою касталійскій ключъ²⁾. Подъ западной изъ Федриадъ находилась главная часть священнаго округа Дельфъ. Въ настоящее время раскопками очищена только часть стѣны, которая облицовывала колоссальные фундаменты храма (все святилище находится на сильно наклоненной поверхности, а потому для полученія горизонтальной площади для постройки храма требовались искусственныя сооруженія) и еще

¹⁾ Главная литература: C. Wescher et E. Foucart: *Inscriptions recueillies à Delphes et publiées pour la première fois*. Par. 1863. P. Foucart, *Mémoire sur les ruines et l'histoire de Delphes*. Archives des missions scientif. et littéraires. Ser. II Vol. II. Par 1865. Его же, *Décrets des amphictions de D.* Bull. de Corr. Hell. VII. 1882 p. 409 sqq. B. Haussoullier, *Fouilles à Dodone*, Bull. de Corr. Hell. V, 1881. H. Pomtow, *Beiträge zur Topographie von Delphi*. Berl. 1889.

²⁾ Теперь Касталия служитъ портомойней. Sic transit gloria mundi!

нѣкоторыя отдѣльныя части. Огромные полигональные, но прекрасно отесанные и пригнанные другъ къ другу камни этой стѣны всѣ исписаны эпиграфическими текстами, въ большинствѣ случаевъ относящимися къ освобожденію рабовъ при посредствѣ продажи божеству, а также заключающими различныя постановленія амфиктіоновъ, дельфійцевъ и т. д. (всѣхъ надписей болѣе 600). Пока стѣна открыта на протяженіе около 80 метровъ, но она тянется еще приблизительно на столько-же. Впрочемъ Помтовъ въ 1887 г. сдѣлалъ небольшую раскопку въ западной, до сихъ поръ еще не открытой части стѣны и очистилъ небольшой кусокъ близъ западнаго ея угла, но на этомъ кускѣ надписей не оказалось, такъ что остается неизвѣстнымъ, много ли еще текстовъ скрываетъ нераскопанная часть стѣны. Отъ собственнаго храма видна только небольшая часть фриза, въ нижней его части. Судя по сохранившимся жерновамъ колоннъ, онъ былъ снаружи украшенъ туфовой дорійской колоннадой и внутри мраморными колоннами іонійскаго стиля. Южнѣе фундамента храма сохранилась часть древняго перибола. Кромѣ того между Касталіей и храмомъ обнаружена раскопками часть портика аеннянъ, постройка котораго по Павсанію (X. 11. 5) относится къ началу Пелопоннесской войны. Впрочемъ большинство ученыхъ относили его къ болѣе ранней эпохѣ, какъ напр. къ эпохѣ Писистратидовъ (*Inscriptiones Gr. antiquissimae* n. 3a), къ морской битвѣ при Эгинѣ 460 года (*Haussoullier. Bull. de Corr. Hellen. 1881 p. 12. Ditt. Syll. n. 4*). Недавно Келеръ (*Rh. Mus. 1891 стр. 1*) предложилъ новую датировку, отождествляя сраженіе съ пелопоннесцами, упоминающееся въ посвянительной надписи, съ одной изъ морскихъ битвъ аеннянъ съ эгинетами въ ихъ войнѣ, которую онъ вслѣдъ за Гротомъ и Дункеромъ, помѣщаетъ послѣ сраженія при Марафонѣ, (съ чѣмъ, однако, трудно согласиться).

Кромѣ того при раскопкахъ найдено не мало отдѣльныхъ памятниковъ, преимущественно эпиграфическихъ. Скульптуръ мало и, притомъ, почти безъ исключенія всѣ въ фрагментарномъ видѣ. Самая деревушка Кастри заключается въ своихъ дрянныхъ, грязныхъ проулкахъ и стѣнахъ домовъ цѣлую массу драгоценностей, которыя до сихъ поръ были погребены въ этой, въ полномъ смыслѣ слова, навозной кучѣ. Достаточно сказать, что часть крестьянскихъ домовъ втиснута на остаткахъ театра, о степени сохранности кото-

раго пока совершенно нельзя судить. Помтовъ въ своей книгѣ о топографіи Дельфъ неоднократно и въ высшей степени рѣзко нападаетъ на небрежность французскихъ археологовъ, какъ при раскопкахъ, такъ и при изданіи напр. эпиграфическихъ памятниковъ. Рѣзкость его переходитъ подчасъ въ инсинуацію прямо на добросовѣстность французскихъ археологовъ, причѣмъ онъ утверждаетъ, что такъ же они поступали на Делосѣ и въ другихъ мѣстахъ; нечего и говорить, что тонъ Помтова совершенно неизвинителенъ, но фактическая сторона его упрековъ, къ сожалѣнію, совершенно вѣрна въ большинствѣ случаевъ, по крайней мѣрѣ относительно Дельфъ. Онъ несомнѣнно показалъ, что французы пропускали цѣлыя строки въ надписяхъ, списывавшихся ими, даже цѣлые документы, что добрая половина открытыхъ документовъ до сихъ поръ не издана и т. д.¹⁾

Въ остальной Фокидѣ нѣтъ ничего особенно интереснаго. Въ Беотіи есть нѣсколько пунктовъ, могущихъ быть названными интересными въ археологическомъ отношеніи. Первымъ по дорогѣ изъ Дельфъ будетъ Херонея, въ которой сохранился театръ, вырубленный въ скалѣ, и фрагменты льва, поставленнаго надъ могилой евангелъ, павшихъ въ битвѣ 338-го года. Маленькій музей заключаетъ въ себѣ почти только надписи. Въ Ливадіи также есть крошечный музей. Въ 1887 г. здѣсь, на мѣстѣ знаменитаго святилища Трофонія, предпринималъ раскопки Шлиманъ, но онъ не привели ни къ какому результату. Въ Орхоменѣ, древнѣйшей столицѣ царства Миніевъ, лежащемъ на 2 $\frac{1}{2}$ часа разстоянія къ сѣв. отъ Ливадіи, тотъ же Шлиманъ изслѣдовалъ одну изъ замѣ-

¹⁾ Еще раньше Помтова пропускъ цѣлой строки въ знаменитомъ спискѣ про ксеновъ дельфійскихъ указалъ А. В. Никитскій въ Ath. Mitt. X, p. 101, гдѣ приводятся и другія исправленія текста. Въ Берлинѣ я, представляясь въ первый разъ Кирхгофу, засталъ его, повидимому, подъ живымъ впечатлѣніемъ рассказовъ Помтова о работѣ французскихъ археологовъ надъ дельфійскими надписями. Надо было видѣть священное негодованіе этого патріарха греческой эпиграфики, когда онъ передавалъ рассказъ Помтова о небрежныхъ копіяхъ и въ особенности о томъ, что такую массу надписей дельфійскихъ Haussoullier до сихъ поръ держитъ въ портфель. Такъ же, но въ еще бѣльшей пропорціи поступаетъ Homolle относительно делосскихъ надписей, изъ которыхъ еще масса неиздана. Но въ томъ же грѣшны отчасти и нѣмцы по отношенію къ надписямъ Олимпіи. А. В. Никитскій въ Ж. М. Н. Пр. 1884 г., кн. 9 недалъ одну изъ нихъ, остававшуюся до него невѣстной.

чательнѣйшихъ купольныхъ усыпальницъ, такъ называемую (со времени Павсанія) сокровищницу Минія. Въ боковой покоѣ этой усыпальницы стѣны и потолокъ были украшены орнаментомъ изъ спиралей, представляющимъ наиболѣе совершенный образецъ этого рода орнаментаціи, которая встрѣчается и въ Тиринѣ и вообще весьма распространена въ металлической технику „бронзоваго вѣка“. Кромѣ этой усыпальницы, отъ древняго Орхомена сохранился акрополь, помѣщающійся на скалѣ, на которую ведутъ 88 вырубленныхъ въ ней ступеней. Въ близлежащемъ монастырѣ Скринаѣ, занимающемъ мѣсто знаменитаго святилища Харить, находится также не малое количество надписей.

Изъ Ливадіи въ Эввы ведутъ двѣ дороги: одна прямая, съ дилжанскимъ сообщеніемъ, не представляющая ничего особеннаго, другая болѣе длинная, но зато и болѣе интересная для археолога. Это горная тропинка, которая проходитъ черезъ долину Музъ въ Геликонѣ, и ведетъ въ Эеспіи, Левктры и Платен. Святилище геликонскихъ Музъ было изслѣдовано французской школой въ 1889—90 гг. Найдены остатки храма, театр, хорошо сохранившійся и неизмѣнчивъ логея, что подтверждаетъ новую теорію относительно греческихъ театровъ, выставленную Дерпфельдтомъ¹⁾, кромѣ того еще портикъ, который въ моментъ раскопокъ былъ полонъ разными мелкими предметами, много надписей и т. д.²⁾ Французская же школа производила раскопку и въ развалинахъ древнихъ Эеспій³⁾. Въ близлежащей деревушкѣ Еримбасто имѣется музей также преимущественно съ эпиграфическими памятниками, между которыми есть и хорошія надгробныя стелы. Левктры не оставили по себѣ никакихъ памятниковъ, кромѣ нѣкоторыхъ архитектурныхъ фрагментовъ и надписей, вдѣланныхъ въ стѣны сосѣднихъ деревень и церквей. Напротивъ, въ Платеяхъ

1) Дерпфельдтъ давно уже общааетъ специальное сочиненіе о греческихъ театрахъ, котораго всѣ археологи ожидаютъ съ нетерпѣніемъ. Пока его теорія кратко изложена въ статьѣ Theatergebäude сборника Баумейстера, принадлежащей сотруднику Дерпфельдта, архитектору Каверо, и въ нѣкоторыхъ полемическихъ замѣткахъ самого Дерпфельдта въ разныхъ журналахъ. На русск. яз. В. В. Латышевъ. Очерки греческихъ древностей II Сиб. 1889, стр. 246 сл. Павлуцкій. Скевографія у грековъ. Кіевск. Унив. Изв. 1888. С. О. Цыбульскій. Греческій театр. Съ двумя таблицами. Царское Село 1891.

2) Bull. de Corr. Hellen. 1891, p. 448 и приведенная въ прим. 1 литература.

3) ibid.

весьма недавно производились изслѣдованія американской школой. Результаты получались преимущественно эпиграфическіе. Современныя *Θивы*, — незначительный городокъ, занимающій плоскую возвышенность древняго акрополя *Θивъ*, *Καδμει*. Остатковъ древнихъ сооружений въ *Θивахъ* не сохранилось (за исключеніемъ, древнихъ фундаментовъ церкви св. Евангелиста Луки за городомъ, можетъ быть обозначающихъ мѣсто храма Аполлона Исменія. Въ алтарѣ этой церкви сохранился поздній саркофагъ, считаемый народомъ за саркофагъ Евангелиста). Въ *Θивахъ* есть также музей, заключающій преимущественно надписи. Въ разстояніи 1¼ часа пути отъ *Θивъ* къ западу, по прямой дорогѣ въ *Ливадію*, въ 1887—88 гг. германскимъ археологическимъ институтомъ было раскопано известное въ древности святилище кабировъ. Найдены остатки храма, подвергавшагося передѣлкамъ въ разныя эпохи. Въ храмѣ жертвенная яма. Изъ произведеній искусства найдены многочисленные фрагменты вазъ, ны замѣчательнѣйшемъ изъ которыхъ изображенъ Кабиръ въ типѣ Діониса, сынъ его (*ὁ παῖς*) и затѣмъ еще аллегорическія существа изъ культа Кабировъ (*Μίτρος*, *Κράταια* и *Προτόλαος*). Имена ихъ приписаны. Еще въ большемъ количествѣ найдены бронзовыя и терракотовыя фигуры быковъ и другихъ животныхъ съ надписями: *Καβίρω* или *Καβίρω καὶ τῷ λαβί*¹⁾.

Въ восточной и сѣверной Беотіи интереснѣйшій пунктъ, безспорно, изслѣдованный французской археологической школой развалины святилища Птойскаго Аполлона у западнаго берега *Бопандскаго* озера, теперь осушаемаго. Раскопки эти богаты результатами. Открыто святилище и цѣлый рядъ архаическихъ наглыхъ мужскихъ фигуръ, типа, представители котораго были находимы и раньше, и который извѣстенъ подъ именемъ „Аполлона“ (Аполлоны: *Θерскій*, *Тенейскій*, *Актійскіе* и др.). Открытіе ряда подобныхъ изображеній, различныхъ по эпохѣ и техникѣ исполненія отъ первыхъ попытокъ до зрѣлаго архаизма, готоваго перейти въ зрѣлое искусство, весьма важно для исторіи древней пластики. Кромѣ того найдена масса бронзъ и надписей, проли-

¹⁾ Результаты раскопокъ пока въ *Athenische Mitteilungen* 1888 и 1890. Приготовляется Институтомъ специальная публикація. На русск. яз. см. мою записку съ мѣста раскопокъ въ *Зав. Имп. Р. Арх. Общ.* III, стр. 466 и *Н. И. Новосадскаго*. Культъ кабировъ въ древней Греціи стр. 19 и 126 сл.

вающихъ свѣтъ на культъ Аполлона, храмовое хозяйство, агоны, дававшіеся при святилищѣ и т. д.¹⁾). Недалеко отъ святилища близъ деревни Кардица находятся развалины древней Акрефии. Далѣе на сѣверъ, по дорогѣ, ведущей вокругъ Конаидскаго оз. въ Орхомень, замѣчательны весьма хорошо сохранившіеся остатки катабоерь, т.-е. подземныхъ каналовъ, посредствомъ которыхъ излишекъ воды озера спускался въ море. Наибольшая изъ этихъ катабоерь, лежащая близъ деревни Коккіну, можетъ быть даже посѣщаема. Увѣряютъ, что въ сухое время по ея жерлу можно идти нѣсколько сотъ шаговъ²⁾). Кромѣ того, на этой же дорогѣ, — развалины Ларимны, раздѣлявшейся, по примѣру многихъ древнихъ и современныхъ греческихъ мѣстечекъ, на нижній и верхній города, лежащія на нѣкоторомъ разстояніи. Зимой жили въ долинѣ, а лѣтомъ перебирались на гору, покидая зимнія жилища до слѣдующей зимы.

Въ юго-восточной Беотіи главный интересъ представляютъ Танагра и Оропское святилище Амфіарая. Первая находится въ часѣ разстоянія отъ деревни Скимитаря, гдѣ имѣется музей, въ которомъ сосредоточена главная масса находокъ въ некрополяхъ Танагры (лучшія вещи отчасти отправлены въ Аены, отчасти попали въ частныя руки и украшаютъ теперь музеи Европы, какъ Берлинскій, Императорскій Эрмитажъ, Музей Лувра и т. д.). Танагра, незначительный беотійскій городокъ, получила громкое имя въ послѣднее время даже среди дилетантовъ и профановъ въ археологіи, благодаря прелестнымъ фигуркамъ изъ терракоты, изображающимъ мотивы интимной частной жизни и находимымъ въ ея неисчерпаемыхъ некрополяхъ. Фигуры эти переносятъ зрителя, какъ и вообще всѣ предметы домашняго обихода, въ древній міръ гораздо живѣе, чѣмъ произведенія большого искусства. Въ атмосферѣ антикваріумовъ Эрмитажа, Берлина, Леинскаго музея, равно какъ въ Помпей и Неаполитанскомъ музеѣ, чувствуешь себя въ несравненно болѣе интимныхъ отношеніяхъ къ древнимъ, чѣмъ проходя въ тѣхъ же музеяхъ галлерей холодныхъ и величествен-

¹⁾ См. общ. обзоръ у Diehl's, Excursion etc. p. 189 сл., гдѣ главнѣйшая литература. Holleaux, производившій раскопки, приготовляетъ специальное сочиненіе.

²⁾ Лучшія свѣдѣнія о современномъ состояніи катабоерь даетъ Доллингъ у Бедкера: Griechenland², стр. 190 сл.

ныхъ мраморовъ. Этими-то и цѣнны небольшія танагрскія фигурки, представляющія изъ себя, въ сущности, конечно продуктъ скорѣе ремесла, чѣмъ искусства. Кому изъ любителей древности не известны онѣ, если не въ оригиналахъ, то, по крайней мѣрѣ, по изображеніямъ или по копіямъ. Раскопки некрополей Танагры, могилы которыхъ надо считать тысячами, предпринимались нѣсколько разъ, начиная съ 1870 по 1889 годы. Но, къ сожалѣнію, научнымъ образомъ раскопки стали производиться лишь сравнительно весьма поздно, когда уже сливки были сняты секретными раскопками крестьянъ¹⁾. Но, кромѣ некрополей, Танагра сохранила и кое-что отъ самой себя, какъ города. Хорошо сохранившійся периболь стѣнъ съ 40—50 башнями, трое воротъ, театръ, фундаменты храмовъ — живые свидѣтели прошлаго Танагры. Другой интересъ представляютъ развалины святилища Амфіарая близъ Оропа. Здѣсь, подобно Додонѣ и Акрефіи, найдено святилище съ оравуломъ. Раскопки начаты въ 1884 г. и продолжались съ перерывами, но не особенно энергично. По находкамъ Оропское святилище Амфіарая далеко уступаетъ святилищу Аполлона Птойскаго, но, повидимому, раскопки могутъ еще продолжаться, такъ какъ далеко не весь священный округъ раскопанъ. Открыты: храмъ эллинистическихъ временъ, театръ, интересный по хорошей сохранности древне-греческой сцены, опять-таки безъ логея и съ круглой орхестрой, весьма длинный портикъ, много пьедесталовъ статуй, изъ которыхъ нѣкоторые снабжены надписями художниковъ, отчасти неизвѣстныхъ, кое-какія скульптуры второстепеннаго достоинства и масса надписей²⁾.

Обычная дорога изъ Беотіи въ Аттіку идетъ изъ Ѡивъ черезъ Элевсинъ и отсюда, черезъ проходъ Дафни, въ Аѣины. При перевалѣ черезъ Кисееронъ дорога идетъ мимо хорошо сохранившихся стѣнъ Элеверъ, одной изъ пограничныхъ крѣпостей. Не менѣе

¹⁾ О раскопкахъ Танагры и ея фигуринахъ см. граціозное описаніе у Diehl, Excursions, p. 337 сл. и литература въ прим. 1, гдѣ не упомянутъ капитальный трудъ Фуртвенглера, Sammlung Saburoff (или на фр. яз. Collection Saburoff), въ которомъ изданы экземпляры этого собранія, принадлежатіе теперь Эрмитажу.

²⁾ О раскопкахъ Оропскаго святилища нѣтъ удобнаго общедоступнаго изложенія. См. Бедекеръ³⁾, стр. 183. Reinach Chroniques, указатель подъ Amphiaraios и Огоров. Плавъ святилища въ *Практика* 1884, театра — 1886, надписи — въ различныхъ годахъ Ефимериды новой серіи.

хорошо сохранившіяся развалины другой, — Филы, находятся въ дикой лѣсистой мѣстности къ востоку отъ Элевсера: Мы послѣдуемъ въ нашемъ мысленномъ странствованіи по этой дорогѣ и, прежде чѣмъ прибыть въ Аены, остановимся въ Элевсинѣ: На мѣстѣ этого священнаго пункта, чудно расположеннаго на берегу залива въ виду холмистаго Саламина¹⁾, находится только албанская деревушка Левсина, жители которой (въ особенности женщины и дѣти), несмотря на то, что живутъ въ часѣ съ небольшимъ разстояніи по желѣзной дорогѣ до Аенъ, плохо понимаютъ по-гречески. Но оставимъ Левсину и ея албанцевъ и обратимся къ тому, что и теперь, какъ въ древности, наиболѣе всего привлекаетъ въ Элевсинѣ вниманіе образованныхъ людей. Знаменитое святилище также раскопано недавно на средства археологическаго общества. Входъ въ священный округъ открывается такъ-назыв. „Большими Пропилеями“, близъ которыхъ видны фундаменты храмины Артемиды Пропилен. Пропилен эти — копія аенскихъ, но построены, кажется, въ римское время. За „Большими Пропилеями“ слѣдуютъ „Малыя“. Какъ видно изъ надписи на архитравѣ, они реставрированы въ I в. до Р. Хр. Апсіемъ Клавдіемъ Пульхромъ. Близъ Малыхъ Пропилей, въ скалѣ акрополя элевсинскаго находится гротъ, передъ которымъ фундаменты храма. Судя по открытымъ здѣсь предметамъ, это — храмъ Плутона. Наконецъ, пройдя еще нѣсколько сооружений, назначеніе которыхъ неясно, мы вступаемъ боковымъ входомъ въ главное святилище Элевсина, *μυστήριος οὐκός*, залу, гдѣ посвященные присутствовали при таинственныхъ священнодѣйствіяхъ. Предназначенная, въ противоположность прочимъ греческимъ святилищамъ, для помѣщенія большого числа людей, она представляетъ единственный въ своемъ родѣ примѣръ внутренняго расположенія. Это громадный квадратъ, около 50 метр. въ длину и ширину, внутри котораго стоялъ цѣлый лѣсъ изъ 42 колоннъ, расположенныхъ въ шесть рядовъ. Зала имѣла шесть входовъ, по два въ боковыхъ и въ передней стѣнѣ, тогда какъ задняя стѣна святилища была не что иное, какъ выравненная скала акрополя, къ которому оно пристроено. Назначеніе колоннъ очевидно: онѣ поддерживали потолокъ этой залы, въ которой, при

1) Не знаю, былъ ли, или нѣтъ г. Семирадскій въ Элевсинѣ, но у него удивительно вѣрно схвачены на его „Фринѣ“ и очертанія Саламина и это прелестное синее море, всегда спокойное въ этомъ мѣстѣ.

закрытыхъ дверяхъ, долженъ былъ господствовать полнѣйшій мракъ. Вокругъ всей залы тянутся ступени, числомъ восемь, широки и высоки, предназначенныя, очевидно, для сидѣнья. Ступени эти частію вырубаны въ скалѣ (въ задней части святилища), частію представляютъ искусственное сооруженіе. Надъ этой залой помещается второй этажъ святилища, доступъ въ который былъ возможенъ посредствомъ двухъ вѣшнихъ лѣстницъ, вырубленныхъ въ скалѣ, вдоль боковыхъ стѣнъ храма. Лѣстницы приводятъ на вырубленную же въ скалѣ продолговатую террасу, съ которой, вѣроятно, былъ входъ въ этотъ второй этажъ. Кромѣ лѣстницъ и террасы, о существованіи второго этажа свидѣлствуютъ найденныя въ святилищѣ капители колоннъ меньшаго размѣра, чѣмъ капители колоннъ нижняго этажа. Въ описанномъ видѣ *μυσικὸς οἶκος* былъ произведеніемъ знаменитаго Иктина, строителя Парфенона. Но раскопки помогли узнать и планъ до-иктиновскаго святилища, которое, судя по матеріалу и техникѣ, происходитъ изъ эпохи Писистратидовъ. Удивительно, что по идеѣ планъ древняго святилища тождественъ съ планомъ иктиновскаго, такъ что нельзя приписывать, какъ это дѣлали прежде, гениальной изобрѣтательности Иктина созданіе этой необычной, специально для особенностей культа принаровленной, формы священнаго зданія. Онъ, напротивъ, держался древняго расположенія, только чисто вѣшнимъ образомъ увеличивъ его. Основанія древняго храма лежатъ подъ помостомъ новаго въ ю.-в. его углу, при чемъ линіи наружной стѣны совпадаютъ. Онъ гораздо меньше, но также былъ снабженъ двадцатью пятью колоннами, разставленными въ пять рядовъ. Въ IV вѣкѣ, въ эпоху управленія Аѳинами Димитрія Фалерейскаго (317—307), была пристроена къ храму знаменитымъ въ то время архитекторомъ Филономъ къ наружной, каменной стѣнѣ храма крытая галлерей, также обнаруженная раскопками археологическаго общества. Галлерей служила, повидимому, не только украшеніемъ, но въ то же время и контрфорсомъ храма, прочность котораго начала въ то время дѣлаться сомнительною. Съ упомянутой террасы можно легко взобраться на вершину невысокаго акрополя Элевсинскаго, гдѣ сохранились фундаменты храма. Акрополь этотъ имѣлъ и стратегическое значеніе. Здѣсь постоянно имѣлся гарнизонъ, такъ какъ Элевсинъ находится какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ раздѣляются дороги, ведущія изъ Аѳинъ

въ Беотію и въ Пелопоннесъ. Кромѣ остатковъ построекъ, раскопки Элевсина вызвали на свѣтъ не мало памятниковъ скульптурныхъ, большинство которыхъ, какъ впрочемъ и при всѣхъ раскопкахъ, поздняго времени. Но между ними есть и такія цѣнные вещи, какъ голова Эвбулея, упомянутаая нами въ предыдущей хроникѣ (стр. 79) и признаваемая нѣкоторыми за произведеніе Праксителя. Нечего и говорить, что масса надписей, отчасти очень важныхъ для изученія вѣшняго культа элевсинскаго, найдена также и при этихъ раскопкахъ. Близъ самыхъ раскопокъ помѣщается домикъ, гдѣ проживаетъ Эфоръ, и (прежде) сараеобразное помѣщеніе — „музей“. Теперь вещи, оставленныя въ Элевсигѣ, помѣщены въ новый, болѣе просторный и болѣе приличный музей, кажется специально вновь построенный. Въ самой деревушкѣ Левсина, на выѣздѣ по направленію къ Афинамъ, стоятъ старинная церковь св. Захарія, построенная на древнихъ фундаментахъ и почти цѣликомъ состоящая изъ античныхъ фрагментовъ. Она находится, какъ предполагаютъ, на мѣстѣ святилища Триптолема. Близъ нея былъ найденъ знаменитый „Элевсинскій рельефъ“, также мною упомянутый въ прошлой хроникѣ¹⁾.

А. Щукаревъ.

¹⁾ Литературу см. у Diehl'я, стр. 277. Лучшіе планы Blavett'a въ Bull. de Corr. Hell. 1885 и послѣдній Дерифельдта, приложенный къ *Практика* 1887 г. и изданному на фр. яз. эфоромъ Филиемъ путеводителю по Элевсину: Fouilles d'Éleusis 1889, кишачему хронологическими ошибками и неточностями. На русск. яз. см. описаніе раскопокъ Д. Н. Королькова, Ж. М. Н. Пр. 1884. Н. И. Новосадскій, Элевсинскія мистерія Сиб. 1887. В. В. Латншевъ, Очеркъ греч. древностей II, 204 сл.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ
КРИТИКА И БИБЛЮГРАФІЯ.

I. ОБЩІЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ.

О нѣкоторыхъ опредѣленіяхъ въ исторіи античнаго искусства.

По поводу сочиненія «Учебникъ исторіи профессора А. Трачевскаго. Древняя исторія. Второе, исправленное изданіе. Съ 52 рисунками, 4 картами и 3 планами». С.-Петербургъ 1889.

I.

Профессору Трачевскому, если не ошибаемся, первому изъ нашихъ составителей учебныхъ руководствъ по исторіи пришла счастливая мысль придать большее значеніе исторіи искусства у народовъ древности, чѣмъ это дѣлалось другими русскими авторами однородныхъ сочиненій. Этой мысли нельзя не сочувствовать, потому что освѣщеніе античнаго міра съ этой стороны несравненно цѣлесообразнѣе въ педагогическомъ отношеніи, чѣмъ не въ мѣру подробное изложеніе политической и внѣшней жизни народовъ съ неизбѣжною массою хронологическихъ цыфръ, собственныхъ именъ, разныхъ числовыхъ опредѣленій, всего, что такъ скоро и столь безслѣдно исчезаетъ изъ памяти молодого поколѣнія и что дѣлаетъ изъ исторіи предметъ сухой и скучный.

Оттого-то по справедливости привѣтствовались въ прежнее время попытки нашихъ писателей-педагоговъ оживить изложеніе исторіи внесеніемъ бытового элемента и основныхъ чертъ религіознаго міросозерцанія. Выясненіе главнѣйшихъ явленій общественной и частной жизни и изложеніе существенно-важныхъ чертъ изъ области мнѣологіи и древняго богослуженія стали изображать предъ учащимся юношествомъ древній міръ съ его болѣе понятной и привлекательной стороны. Профессоръ Трачевскій въ обрисовкѣ культурно-исторической роли народовъ пошелъ далѣе, обративъ должное вниманіе на искусство, какъ

на одинъ изъ существенныхъ фактовъ въ міровой жизни. Поэтому пишетъ ли онъ о странахъ Востока, Египта, Ассиріи, Финикіи и пр. — вездѣ особое мѣсто онъ отводитъ изложенію состоянія искусствъ у тѣхъ народовъ. Но еще подробнѣе — говоря относительно — останавливается онъ на этомъ предметѣ при изложеніи греческой и римской исторіи. Здѣсь почтенный авторъ представляетъ обзоръ искусствъ по ихъ эпохамъ, что должно давать конечно болѣе полное и правильное понятіе объ античной архитектурѣ, ваяніи, живописи.

Въ цѣляхъ наибольшей ясности и убѣдительности онъ снабдилъ книгу значительнымъ количествомъ удовлетворительно исполненныхъ рисунковъ съ памятниковъ древняго зодчества, скульптуры и частію живописи, а также художественными реставраціями храмовъ, общественныхъ зданій, частныхъ домовъ и т. д.

Назначеніе книги служить руководствомъ „дорогимъ интересамъ русской школы и русскаго образованія“, выходъ ея вторымъ изданіемъ въ иллюстрированномъ и потому привлекательномъ и не для одного учащагося юношества видѣ, общественное положеніе автора — все это вызываетъ особенное вниманіе къ его сочиненію, которое, вѣроятно, также побудитъ нашихъ специалистовъ по исторіи высказать свое должное сужденіе, не отказываясь отъ указаній матеріала, подлежащаго измѣненію въ дальнѣйшихъ изданіяхъ „Учебника исторіи“, какъ то было сдѣлано въ свое время по отношенію къ первому изданію профессоромъ В. Г. Васильевскимъ на страницахъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія ¹⁾).

Мы позволяемъ себѣ остановиться здѣсь только на вышенамѣченной сторонѣ книги, на ея ученіи объ искусствѣ и при этомъ ограничиваемся лишь искусствомъ классическихъ народовъ, грековъ и римлянъ. Нѣкоторыя частности этого ученія представляются намъ или не вполне точными, или, по своей краткости, не достаточно ясными.

Начинаемъ съ греческаго зодчества.

Стр. 173. „[Въ V в.] явилось много изящныхъ храмовъ, особенно въ Атикѣ; они стали красивѣе.... Колонны съузились

¹⁾ Ж. М. Н. Пр. 1884, кн. № 10.

къверху, вытянулись и покрылись красивыми ложбинками. Въ этомъ сообщеніи возбуждаетъ недоумѣніе рѣчь о сѣуженіи колоннъ къверху и каннелюрѣ ихъ, какъ характеристической принадлежности храмовой архитектуры V-го вѣка до Р. Хр. И сѣуженіе греческой колонны и покрытіе ея ложбинками существовали въ сооруженіяхъ гораздо болѣе ранняго времени. Колонны каннелированы даже въ самомъ древнемъ изъ сохранившихся дорическихкихъ зданій, именно храмъ Геры въ Олимпіи. Построенный въ доисторическое время изъ дерева, этотъ храмъ послѣ былъ перестроенъ, при чемъ деревянныя колонны [еще Павзаній видѣлъ одну колонну дубовую въ опистодомѣ его, V, 16, 1: *ἐν δὲ τῷ ὀπισθοδόμῳ δρυὸς ὁ ἕτερος τῶν κίωνων ἐστίν.*] замѣнились каменными только по мѣрѣ обветшанія и полной ихъ негодности. Процессъ этой замѣны, тянулся долго, какъ можно судить по различію въ толщинѣ, въ капителяхъ и числу ложбинокъ на колоннахъ (на одной колоннѣ 16, на другихъ 20). Остатки послѣднихъ или стоятъ на своихъ прежнихъ мѣстахъ, или лежатъ подлѣ самаго храма, и ни одинъ барабанъ не уполномочиваетъ насъ заключать, что эти каменные колонны были когда-либо безъ каннелюры. Также чрезвычайно древней порѣ принадлежитъ постройка святилища надъ колодцемъ въ Кадаккіо на о. Корфу, гдѣ стояло по 6 колоннъ на узкихъ сторонахъ и по 12 на продолжныхъ. Колонны также всѣ каннелированы. Обратимся ли мы къ памятникамъ конца VII и начала VI ст., какъ двумъ древнѣйшимъ храмамъ въ Селинунтѣ (D и C по обозначенію Serradifalco, Antichità della Sicilia), къ храму Димитры въ Пестумѣ, или такъ назыв. „Базиликѣ“ того же города — во всѣхъ этихъ памятникахъ періода созиданія дорического стилия мы встрѣчаемъ неизбѣжную каннелюру. Колебанія только въ числѣ желобковъ, которое въ колоннахъ пестумскаго храма Димитры достигаетъ даже до 24, но нѣтъ ни одной колонны гладкой. Изъ другихъ памятниковъ VI ст. извѣстны два храма въ Селинунтѣ (F и G), такъ назыв. храмъ Артемиды въ Сиракузахъ, храмъ въ Коринѣ, храмъ въ Ассосѣ въ Мизіи — и лишь относительно одного селинунтскаго храма (G), оставшагося не оконченнымъ, можемъ сказать, что каннелюра не была проведена съ обычной послѣдовательностью. То же явленіе продолжается обязательно въ по-

стройкахъ вполне сложившагося и достигшаго известнаго совершенства дорического стиля изъ времени приблизительно съ половины VI ст., какъ храмъ Посидона въ Пестумъ съ его каннелюрой колоннъ въ 24 борозды, такъ наз. храмъ Геракла въ Аграгасъ (Agrigentum, нынѣ Girgenti) съ такимъ же числомъ бороздъ, и другіе храмы этого города, храмъ Зевса, храмъ такъ наз. Juno Lacinia и Concordia, и т. д. и т. д.

Никоимъ образомъ не можетъ быть отнесено къ V ст. и сѣуженіе колонъ къ верху, какъ отличительная черта архитектуры этого времени. Различіе діаметра нижняго и верхняго барабановъ колонны встрѣчается также въ храмъ Геры въ Олимпіи, не говоря о другихъ примѣрахъ, представляющихъ къ тому же этотъ архитектурный приѣмъ въ болѣе рѣзкой формѣ. Характеристика архитектуры V в., данная въ этомъ мѣстѣ, расходится, по отношенію къ дорическому стилю, съ собственными словами нашего автора на стр. 141, гдѣ говорится, что дорическая колонна уже „вполнѣ развилась“ въ періодъ времени отъ 850—500 г. до Р. Хр.

Не согласуются подчеркнутыя нами слова проф. Трачевскаго съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла и относительно іоническаго стиля. Храмъ Геры въ Самосѣ, построенный во второй четверти VI ст., храмъ Артемиды Эфесской, начатый тѣмъ же архитекторомъ Θεодоромъ Самосскимъ, что и предъ симъ названный, представляютъ въ своихъ остаткахъ колонны, покрытыя бороздами.

Стр. 175. „Тогда же [т.-е. въ V в.] Каллимахъ изобрѣлъ новый, коринтскій стиль, который отличался отъ іоническаго только капителю, изображающею чашечку распустившагося цвѣтка“. Это догматическое отнесеніе изобрѣтенія коринтскаго стиля къ Каллимаху, жившему во второй половинѣ V-го вѣка не можетъ быть принято послѣ того, что сдѣлано специальными изслѣдованіями по исторіи даннаго стиля. И начало коринтскаго чина греческаго зодчества теряется въ такой же отдаленной древности, какъ дорическаго и іоническаго. О Каллимахѣ, какъ изобрѣтателѣ его, давно не упоминаютъ болѣе и руководства по классической археологіи. Конечно, можно привести въ этомъ случаѣ рассказъ Витрувія (IV, 1, 9 слѣд.) о томъ, какъ кормилица одной коринтской дѣвушки, умершей

въ полномъ расцвѣтѣ силъ, собравши въ корзину всѣ ея любимыя вещи, снесла ее на могилу и, закрывши черепицей, поставила ее на памятникъ, какъ случайно лежавшій здѣсь корешокъ аканеа вслѣдствіе очутившейся надъ нимъ тяжести весною далъ ростки, вѣтки и листья, которыя, вытягиваясь по бокамъ корзины, обвили ее всю, а вѣтви сверхъ сего завились еще и въ волюты. Каллимахъ, извѣстный аеинскій скульпторъ, проходя мимо памятника, будто бы пораженъ былъ этой игрой природы и перенесъ форму корзины, обвитой листьями аканеа, на капитель колонны. Но этотъ анекдотъ издавна оцѣненъ по достоинству — и никто болѣе не придаетъ ему серьезнаго значенія. Если Каллимахъ и игралъ какую-нибудь роль въ исторіи коринесскаго стиля, то конечно тѣмъ, что придалъ ему болѣе прочныя, теоретически установленныя формы. Но неоспоримъ конечно фактъ, что примѣненіе этого стиля относится въ наибольшей степени къ позднѣйшему времени, начиная съ V ст., какъ указываютъ примѣры коринескихъ колоннъ въ храмѣ Аполлона въ Фигаліи (Аркадія), въ храмѣ Аполлона Дидимейскаго въ Мидетѣ, на памятникѣ Лизикрата въ Аеинахъ (послѣ 335 г. до Р. Хр.), въ Филиппейонѣ въ Олимпіи и т. д., не говоря о болѣе позднихъ памятникахъ.

Стр. 212. „Во второмъ періодѣ (вѣкъ Перикла), который называется первою эпохою искусствъ... въ зодчествѣ господствовалъ іоническій стиль“. Это сообщеніе о господствѣ іоническаго стиля надъ дорическимъ въ вѣкъ Перикла не можетъ быть принято безъ ущерба истинѣ. Чтобъ не упоминать о такъ наз. храмѣ Фезея, выстроенномъ, можетъ быть, при Кимонѣ, Парееонѣ, Пропилеи въ Аеинахъ (о 6-ти іоническихъ колоннахъ ихъ говорится ниже), храмѣ Великихъ Мистерій въ Элевзинѣ, храмѣ Зевса въ Олимпіи, храмѣ Аполлона въ Фигаліи (іоническія и одна дорическая колонны были здѣсь только внутри храма) — все это грандіозныя сооруженія не іоническаго стиля. И что могъ бы нашъ авторъ противопоставить этимъ памятникамъ изъ исторіи іоническаго ордена греческой архитектуры? Маленькій храмикъ на р. Илиссѣ (V в.) въ Аеинахъ, храмъ такъ назыв. „Безкрылой Побѣды“ на аеинскомъ Акрополѣ, и чуднымъ изяществомъ блиставшій Эрехеонъ, окончаніе котораго къ тому же принадлежитъ послѣ-Перикловскому времени,

несколько не говорят о господствѣ іоническаго стиля надъ дорическимъ собственно въ вѣкъ Перикла, а два послѣдніе храма лишь свидѣтельствуютъ о томъ изяществѣ, котораго достигли постройки этого ордена въ V-мъ вѣкѣ въ Афинахъ, благодаря развитію художественныхъ вкусовъ и успѣхамъ строительной и скульптурной техники въ это время¹⁾. Изъ современныхъ Парѣнону построекъ іоническаго стиля въ другихъ частяхъ Греціи слѣдуетъ конечно указать на величественный храмъ Аполлона Дидимейскаго близъ Милета; но вѣдь этого слишкомъ мало для положенія, выставленнаго г. Трачевскимъ.

Отъ ошибокъ въ исторіи архитектурныхъ стилей Греціи переходимъ къ описанію памятниковъ.

Тамъ же. „Чудомъ искусства были Пропилеи или „преддверіе“, чрезъ которое всходили на Акрополь. Это три галлерей изъ іоническихъ колоннъ, кончавшіяся съ обѣихъ сторонъ дорическими портиками, каждый съ пятью пролетами; сохранился только портикъ, служившій пинакотекой (картинной галлереей)“. Это опредѣленіе проф. Трачевскаго рѣшительнымъ образомъ опровергается дѣйствительною формою памятника. Всякій внимательно изучавшій планъ афинскихъ Пропилей по рисункамъ и тѣмъ болѣе люди, видѣвшіе это сооруженіе на мѣстѣ, хорошо

1) Трудно опредѣлить, на чемъ основалъ нашъ авторъ это ученіе о господствѣ іоническаго стиля надъ дорическимъ въ эту пору, когда *какъ разъ обратный фактъ* констатируется *даже наиболее доступными сочиненіями* по исторіи архитектуры. Ср. напр. Lübke, Geschichte d. Architectur I⁴, 188: Auch jetzt bleibt der *dorische Styl noch vorwiegend in Anwendung*. Aber seine Formen sind zu edelster Anmuth gemildert, und hier erst zeigt sich in jener glücklichen Verschmelzung von dorischer Kraft und ionischer Grazie, welche den Bauwerken dieser Zeit den Stempel vollendeter Schönheit aufprägt. Die Verhältnisse werden schlanker, leichter, ohne darum an Würde zu verlieren. Der ängstlich befangene, schwerfällige Ausdruck mühsamen Stützens weicht einem elastischen, kühnen Aufstreben. In der Beziehung der tragenden Glieder zu den getragenen herrscht eine vollkommene Harmonie, und dieser Grundton klingt durch alle einzelnen Detailformen mit zauberhafter Schönheit hindurch. Aber auch der *ionische Styl* erfährt jetzt erst auf dem Boden Attika's einen Adel, eine Würde der Durchbildung, welche ihm nirgend anderswo in solchem Maasse zu Theil geworden ist. Er gewann aus dem Einwirkungen dorischer Elemente jene männlichere Kraft, welche seinen lieblicheren Formen den Charakter geisterfüllten Lebens verlieh. И эта характеристика имъ дѣлается для всего періода отъ Кимона до Македонскаго владычества (470—338 до Р. X.).

знають, что эти священные врата Акрополя представляют собою три соединенныя вмѣстѣ зданія — центральное, главное и большее по размѣрамъ, черезъ которое и проложенъ былъ входъ на Акрополь, и два боковыя крыла, лежащія на сѣверо-западъ и юго-западъ отъ главнаго, изъ которыхъ первое заключаетъ и помещеніе пинакотеки. Восходя по западному склону Акрополя и приближаясь къ Пропилеямъ, мы имѣемъ по правую руку дорическій портикъ, по лѣвую, параллельно правому, зданіе пинакотеки. Но эти боковыя сооруженія не представляютъ изъ себя „портиковъ съ пятью пролетами“ и напрасно нашъ авторъ утверждаетъ, что сохранился только „портикъ, служившій пинакотекой“. Пяти пролетовъ здѣсь нѣтъ, никогда не было и быть не могло, потому что эти второстепенныя зданія въ пять нефовъ подавили бы центральную, главную часть Пропилей. Доселѣ сохранились оба крыла, только лѣвое гораздо лучше праваго. Объемъ ихъ не одинаковъ. Правое или южное зданіе много меньше (6,243 метр. въ глубину и 8,968 метр. въ ширину) лѣваго или сѣвернаго (8,96 метр. + 5,055 метр. въ глубину и 10,765 метр. въ ширину). Отличаются они и по своему внутреннему расположенію. Южное крыло имѣетъ форму портика, открывавшагося на двѣ стороны, сѣверную и западную, въ послѣднемъ случаѣ по направленію къ храму такъ наз. „Безкрылой Побѣды“. Совершенно иную внутреннюю конструкцію имѣетъ сѣверное крыло, раздѣленное на два различныя помещенія, на дорическій портикъ съ тремя колоннами во фронтѣ (какъ и южное крыло) и на закрытый четвероугольный покой съ дверью и двумя окнами. Этотъ-то задній покой и назывался пинакотекой отъ храненія здѣсь картинъ, между которыми находились и произведенія знаменитаго Полигнота. При такомъ характерѣ и назначеніи этихъ боковыхъ зданій ни о какихъ пяти пролетахъ здѣсь не могло быть и рѣчи.

Откуда же проф. Трачевскій взялъ это число пролетовъ? Не должно же быть оно случайнымъ, ни на чемъ не основаннымъ. Число пять по отношенію къ аеинскимъ Пропилеямъ не случайно и встрѣчается три раза, а не два, какъ слѣдуетъ изъ вышеприведеннаго описанія нашего автора. Въ центральномъ зданіи Пропилей находятся пять воротъ, и соответственно имъ по пяти междутолпій въ обоихъ дорическихъ портикахъ, при-

легающихъ къ этому зданію съ запада и востока. Стѣна съ прѣзанными въ ней пятью воротами составляетъ зерно всего сооруженія и потому неизвѣстно, какимъ образомъ упоминаніе о немъ не вошло въ опредѣленіе нашего автора. Эта стѣна съ пятью воротами, изъ которыхъ большія занимаютъ среднюю и самыя малыя стоятъ по концамъ, дѣлитъ центральную часть Пропилей на двѣ неравныя части, большую западную и меньшую, расположенную на востокъ. Западная состоитъ изъ галереи, раздѣленной поперекъ двумя рядами іоническихъ колоннъ (по 3 колонны на той и другой сторонѣ), поставленныхъ по бокамъ главнаго пути, и снаружи украшенной дорической колоннадой, подпирающей фронтонъ. Восточная часть, которая лежитъ за воротами и отырывается на Акрополь, гораздо меньше первой и имѣетъ видъ дорическаго портика съ фронтономъ, соответствующимъ западному. Во всемъ зданіи Пропилей іоническихъ колоннъ 6, дорическихъ 12.

Оба портика сохранились въ достаточной степени, и имѣя путешественникъ съ западной колоннады съ восторгомъ наслаждается зрѣлищемъ на лежащіе предъ нимъ ареопагъ, пниксъ, холмъ Нимфъ, „храмъ Фезея“ и далѣе, на долину, тянущуюся къ Пирею и морю, тогда какъ съ восточнаго портика открываются для него сразу величественныя руины Эрехеона, Пареона и всей внутренности Акрополя. Если же нашъ авторъ—что весьма вѣроятно — разумѣетъ въ предыдущемъ описаніи эти портики „съ пятью пролетами каждый“, то трудно рѣшить, что заставило его сказать о сохраненіи только одного изъ нихъ, неизвѣстно котораго, и назвать его помѣщеніемъ пинакотеки, которой здѣсь никогда не было. Съ другой стороны, куда въ такомъ случаѣ дѣвались въ его опредѣленіи стѣна съ пятью воротами и тѣ боковыя сооруженія, о которыхъ говорили мы въ самомъ началѣ и которые стоятъ на своихъ мѣстахъ и понынѣ?

Странная судьба этого всемірно-извѣстнаго памятника въ нашей учебной литературѣ. По имени онъ близокъ всякому учившему хотя немного древнюю исторію, всякій связываетъ это сооруженіе съ эпохой Перикла и съ афинскимъ Акрополемъ, а между тѣмъ едва ли многіе изъ нашей молодежи ясно представляютъ его дѣйствительный планъ и форму главнаго зданія и второстепенныхъ частей. На эту мысль наводитъ насъ и опи-

саніе Пропилей, данное другимъ нашимъ педагогомъ, руководство котораго по древней исторіи пользуется въ нашей средней школѣ большимъ и вполне заслуженнымъ распространеніемъ. Разумѣемъ „Исторію Греціи и Рима“ Я. Г. Гуревича, гдѣ на стр. 97 (4 изд. СПб. 1886) читается такое опредѣленіе занимающаго насъ памятника: „Входъ въ Акрополь составляли Пропилеи. Это была крытая мраморная колоннада съ четырьмя боковыми входами и съ четырьмя расположенными по обѣимъ сторонамъ главнаго входа мраморными залами, украшенными произведеніями знаменитѣйшихъ живописцевъ, особенно Полигнота. Къ Пропилеямъ вела широкая мраморная лѣстница“. Не говоря о чрезвычайной краткости этого описанія, изъ котораго пользующійся книгою г. Гуревича не узнаеть, какого стиля была эта колоннада, дорического или іоническаго или соединеніемъ того и другого, и о неточности названія 4-хъ боковыхъ входовъ, это опредѣленіе сообщаетъ намъ свѣдѣніе о цѣлыхъ „четыреохъ мраморныхъ залахъ, украшенныхъ произведеніями знаменитыхъ живописцевъ“. О какихъ же четырехъ залахъ идетъ здѣсь рѣчь? Если подъ этимъ авторъ разумѣеть два боковые нефа центральной галлерей и два крыла, о которыхъ мы говорили выше, то на чемъ основано это извѣстіе о живописи знаменитыхъ мастеровъ, украшавшей будто бы всѣ четыре помѣщенія? Если бы это было такъ въ дѣйствительности, то почему принято называть пинакотекой только задній покой лѣваго крыла или, принимая *pars pro toto*, только это сѣверное крыло? Основаніемъ же этого, прочно стоящаго въ классической археологіи, названія служатъ слова Павзанія (I, 22, 6): *Ἔστι δὲ ἐν ἀριστερᾷ τῶν Προπυλαίων οἰκῆμα ἕξ ὡν γραφαίς*. Вслѣдъ за этимъ періодетъ представляетъ перечень тѣхъ картинъ, которыя, устоявъ противъ разрушительнаго дѣйствія времени, сохранились до его дней и которыя онъ видѣлъ здѣсь самъ. Сюжеты этихъ картинъ большею частію мифологическіе, напр. Діомедъ, похищающій лукъ Филоктета на о. Лимносъ, Одиссей, уносящій Палладіумъ изъ Иліона, убіеніе Орестомъ Эгисеа и Пиладомъ дѣтей Навплия, пришедшихъ на защиту Эгисеа, воспитаніе Ахилла на о. Скиросѣ между дѣвушками — картина Полигнота, приближеніе Одиссея къ дѣвушкамъ, купавшимся вмѣстѣ съ Навсикаей — картина того же

мастера, возвращеніе Персея съ головою Медузы на о. Серпю къ Полидекту и др. Въ числѣ историческихъ Павзаній отмѣтилъ Алкивіада съ знаками побѣды, одержанной его конями на ристалищѣ въ Немѣѣ; къ жанровымъ принадлежали Мальчикъ съ кувшиномъ и Борецъ — послѣдній работы Тименета. И ни слова не говорится о размѣщеніи этихъ или другихъ картинъ „въ четырехъ мраморныхъ залахъ“, какъ утверждаетъ г. Гуревичъ. Другихъ свидѣтельствъ древности объ этомъ также нѣтъ никакихъ.

Стр. 214. Говоря объ искусствѣ IV в. до Р. Хр. и въ частности о надгробныхъ памятникахъ, проф. Трачевскій пишетъ: „Большіе монументы принадлежатъ Малой Азіи, особенно Ликии, гдѣ (въ Ксанѣ) славилась „Гробница Гарпага“ — храмикъ, похожій на Партеонъ, работы Скопаса“. Такъ кратко и рѣшительно нашъ авторъ учитъ о памятникѣ, доставившемъ столько заботъ и недоумѣній лучшимъ специалистамъ въ области греческаго искусства и занимающемъ ихъ и доселѣ, несмотря на 50 лѣтъ, протекшихъ въ разъясненіи памятника со времени его открытія. Въ этой работѣ принимали дѣятельное участіе такіе ученые, какъ Велькеръ, Урлихъ, Михаэлисъ, Овербекъ, Фуртвенглеръ, чтобы не упоминать о другихъ. Названіе этого монумента Гробницею Гарпага, проскользнувшее было въ слѣдъ за открытіемъ его, было забраковано съ самаго начала, какъ совершенно ошибочное и нисколько не оправдываемое скульптурными изображеніями, изобильно его украшающими. Съ тѣхъ поръ оно болѣе не повторяется въ наукѣ, такъ что напрасно потерялъ бы время тотъ, кто сталъ бы разыскивать это имя по оглавленіямъ въ общихъ трудахъ по исторіи скульптуры: Овербека, Меррея (A. S. Murray), Митчелъ (L. Mitchell), Перри (Perry), Любке; такого памятника въ оглавленіяхъ онъ не найдетъ. Предлагались въ наукѣ для этого памятника различныя названія¹⁾, но настоящаго имени и доселѣ не найдено, а потому принято называть его условнымъ именемъ „Памятника съ Нереидами“ по статуямъ Нереидъ, входящимъ въ скульптурныя украшенія этого памятника. Проф. Трачевскій

¹⁾ Болѣе вѣроятнымъ считается объясненіе Урлиха, по мнѣнію котораго это — надгробный памятникъ ликійскаго царя или вѣрнѣе персидскаго сатрапа Перикла, взявшаго осадой портовый городъ Телмесъ прибл. въ 50 олимп.

опредѣляетъ этотъ монументъ какъ „храмикъ похожій на Пареенонъ“, но такое сближеніе неправильно уже потому, что Пареенонъ — храмъ дорической архитектуры, а этотъ „Памятникъ съ Нерейдами“ — постройка іоническаго ордена. Стоитъ только сравнить этотъ высокій, совершенно отвѣсный и украшенный двумя скульптурными фризами постаментъ, на которомъ покоится *naós*, *cella*, или обратить вниманіе на количественное отношеніе колоннъ, идущихъ по узкимъ и продольнымъ сторонамъ этого *peripteros* (4:6 въ этомъ памятникѣ и 8:17 въ Пареенонѣ); стоитъ не упустить изъ виду, что колонны спереди и сзади целлы идутъ только въ одинъ рядъ въ нашемъ памятникѣ; стоитъ всмотрѣться въ іоническій характеръ целлы — характеръ, заставившій нѣкоторыхъ ученыхъ видѣть здѣсь копированіе аѳинскаго Эрехеона; стоитъ взять это въ расчетъ, чтобы убѣдиться въ рѣшительной невозможности уподобленія „Памятника съ Нерейдами“ Пареенону.

Не менѣе ново и столько же неточно отнесеніе этого памятника къ Скопасу. Хотя въ молодости Скопасъ и занимался архитектурными работами (имъ построенъ былъ храмъ Аѳины въ Тегеѣ), но нигдѣ не говорится въ древнихъ литературахъ ни о построеніи имъ этого памятника въ Ксанѣ, ни о принадлежности его рѣзцу скульптурныхъ украшеній (лишь въ Нерейдахъ видятъ подражаніе Ніобидамъ).

О разнохарактерности стилей многочисленныхъ изваяній, украсившихъ это сооруженіе въ различныхъ частяхъ его, существуетъ цѣлая полемиическая литература. Англійскій путешественникъ Феллоусъ, отырившій этотъ памятникъ, отнесъ его къ 500 г. до Р. Хр. А такой знатокъ античной пластики, какъ Овербекъ, считалъ фризы целлы и архитрава „римскою работою самаго поздняго времени“ — взглядъ, возбудившій опыты опроверженія въ другихъ ученыхъ. Можно ли было, въ виду такого положенія вопроса, категорически назвать этотъ памятникъ „Гробницею Гарпага“ и притомъ работы Скопаса? Какимъ же образомъ Скопасъ въ IV ст. могъ строить и украшать скульптурами гробницу Гарпага, жившаго въ VI в.? И по чьему заказу могла бы производиться такая, дорого стоющая работа?

Тамъ же. Перечисляя памятники зодчества и ваннія, нашъ авторъ продолжаетъ: „Другой памятникъ, найденный у древ-

няго Галикарнасса, считался „чудомъ свѣта“: это — Мавзолей, имя котораго стало означать памятникъ вообще. Онъ былъ поставленъ вдовой Мавзола и состоялъ изъ храма, съ пирамидою на крышѣ, украшенною статуей покойника“. Въ подчеркнутомъ нами опредѣленіи формы памятника, получившаго названіе „чуда свѣта древнихъ“, сооруженія, имя котораго перешло какъ нарицательное на колоссальные и роскошные надгробные монументы, мы усматриваемъ только неловкость выраженія. „Храмикъ съ пирамидою на крышѣ, украшенною статуей покойника“, — особенно столь колоссальною, какъ находящаяся теперь въ Британскомъ Музеѣ статуя Мавзола, уже одна сама по себѣ способная [если бы только она могла стоять тамъ] продать крышу „храмика“ — хотя и былъ бы, пожалуй, нѣкоторымъ чудомъ, но не въ этомъ, выставленномъ нашимъ авторомъ, архитектурномъ отличіи заключалась слава Мавзолея. И не эта „пирамида на крышѣ“ храма возбуждала удивленіе современниковъ и потомства... Страннымъ при этомъ опредѣленіи кажется читателю совершенное умолчаніе о массѣ скульптурныхъ украшеній, которыми въ такомъ изумительномъ изобиліи блистала Мавзолей и которыя даже въ сохранившемся до нашего времени количествѣ занимаютъ неизгладимую страницу въ исторіи греческой пластики. Неяснымъ остается и умолчаніе о Скопасѣ, участіе котораго въ скульптурныхъ работахъ этого памятника въ всякаго сомнѣнія. Читатель недоумѣваетъ, почему имя этого художника приурочено, какъ фактъ общеизвѣстный, къ памятнику, отношеніе къ которому ничѣмъ не доказано, и опущено при Мавзолеѣ, славу котораго Скопасъ несомнѣнно послужилъ?

Ошибки проф. Трачевскаго въ исторіи античной архитектуры этимъ не исчерпываются; всѣхъ случаевъ ихъ мы здѣсь, по недостатку мѣста, не пересчитываемъ; желаемъ только обратить вниманіе почтеннаго автора на этотъ матеріалъ его книги, несомнѣнно нуждающійся въ исправленіяхъ.

И. Цытлевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

II. ОБЗОРЪ КНИГЪ.

В. Ернштедтъ. Порфирьевскіе отрывки изъ аттической комедіи. Палеографическіе и филологическіе этюды. С.-Петербургъ 1891.

Отрывки, восстановленію и объясненію которыхъ посвящена разбираемая книга, были раньше извѣстны только отчасти; въ 1876 г. Кобетъ издалъ въ IV томѣ „Мнемосины“ два отрывка, найденные тридцатью годами ранѣе Тишендорфомъ въ одномъ изъ монастырей Востока. Публикація Кобета при всѣхъ ея недостаткахъ — зависѣвшихъ впрочемъ исключительно отъ неполноты доставленныхъ издателю матеріаловъ — была признана очень крупнымъ явленіемъ: изданные имъ отрывки были переиздаваемы другими, мало-помалу о нихъ составила маленькая литература. Необыкновенный интересъ, съ которымъ ученый міръ отнесся къ нимъ, легко объясняется, если принять во вниманіе, что они впервые знакомили насъ со сценической техникой Менандра, о которой сохраненные древними авторами выдержки, преимущественно комическаго содержанія, не давали никакого понятія. Конечно, надежнымъ основаніемъ для критической работы надъ отрывками могла бы быть только оригинальная ихъ рукопись, а не сообщенная Тишендорфомъ Кобету копія, но эта рукопись, найденная Тишендорфомъ въ сороковыхъ годахъ и съ тѣхъ поръ не показывавшаяся на свѣтъ, считалась затерянной и пришлось довольствоваться копіей.

Теперь мы знаемъ, что эта рукопись не затеряна. Ее нашелъ вторично, въ 1850 г., епископъ Порфирій Успенскій въ монастырѣ св. Екатерины на Синаѣ; отъ него она въ 1883 г. перешла въ С.-Петербургскую Публичную Библиотеку, гдѣ и обрѣла достойнаго изслѣдователя въ лицѣ автора разбираемой книги. Своль серьезно г. Ернштедтъ отнесся къ своей задачѣ, видно, между прочимъ, изъ того, что онъ лишь къ осени минувшаго года, послѣ семилѣтней работы, рѣшился познакомить ученый міръ съ результатами своихъ изслѣдованій. Ученый міръ успѣшитъ отблагодарить г. Ернштедта за его труды, если не на словахъ, то на дѣлѣ, извлекая изъ нихъ ту пользу, которую они могутъ принести наукѣ; но въ настоящемъ случаѣ дѣло имѣетъ еще другую сторону. Книга г. Ернштедта написана по-русски; это обстоятельство не помѣшаетъ распространенію ея содержанія на Западѣ; въ ближайшемъ будущемъ мы можемъ ожидать появленія въ заграничныхъ журналахъ болѣе или менѣе подробныхъ и умѣлыхъ извлеченій изъ нея. Но все же русскіе филологи обладаютъ въ данномъ случаѣ немаловажнымъ преимуществомъ передъ иностранцами. Было бы очень грустно, если бы они не пожелали воспользоваться имъ; такіе случаи бывають далеко не часто.

Счастливая находка въ области классической филологіи, будучи даромъ случайности, тѣмъ не менѣе сама по себѣ можетъ сдѣлать имя находчика извѣстнымъ; это *ἄπλων χάρις*, но вмѣстѣ съ тѣмъ *ἔργων πρὸ πάντων βίωσι φαός*. Но г. Ершtedтъ, разумѣется, не могъ удовольствоваться этимъ *ἄπλων χάρις*, которое, однако, въ настоящемъ случаѣ было бы само по себѣ не маловажной заслугой передъ наукой. Намедни рукопись, онъ счелъ долгомъ вторично ее прочитать, прочитавъ — возстановить по мѣрѣ возможности первоначальный текстъ, окончивъ и эту задачу, указать на новые результаты въ области литературы, языка и палеографіи, которымъ мы обязаны его находкѣ.

Начнемъ съ первой части, чтенія рукописи. О его трудности прекрасные и удобочитаемые снимки г. Ершtedта не даютъ никакого представленія; что же касается его результатовъ, то достаточно будетъ замѣтить, что прочитанный г. Ершtedтомъ текстъ объемомъ болѣе, чѣмъ вдвое превосходить текстъ Тишендорфа. Тишендорфъ прочиталъ всего два отрывка, одинъ въ 25 стиховъ, начинающійся словами *πῶς εἶσιν* (I а у г. Ершtedта), другой въ 20 стиховъ, начинающійся словами *ἄνθρωπος οἶνον* (II а); эти два отрывка написаны на двухъ отдѣльныхъ лоскуткахъ. Г. Ершtedтъ прочиталъ, во-первыхъ, эти два отрывка лучше, чѣмъ Тишендорфъ; конечно, при опытности Тишендорфа, какъ палеографа, результатъ вторичнаго чтенія не могъ быть значительнымъ, онъ ограничивается одной или нѣсколькими буквами въ каждомъ стихѣ, но для возстановленія менаандрова текста часто и этотъ выигрышъ имѣлъ рѣшающее значеніе. Во-вторыхъ, г. Ершtedтъ прочиталъ и *находящийся на оборотѣ* обоихъ лоскутковъ текстъ, незамѣченный Тишендорфомъ (для объясненія этого послѣдняго обстоятельства г. Ершtedтъ, относящійся вообще съ большимъ уваженіемъ къ своему предшественнику, предполагаетъ, что оба лоскутка въ то время, когда ихъ нашелъ Тишендорфъ, были приклеены къ доскамъ переплета старинной книги, и что только преосв. Порфирій осторожно отклеилъ ихъ и этимъ далъ возможность прочесть другую ихъ сторону). Такимъ образомъ получилось два новыхъ отрывка, равныхъ по объему отрывкамъ Тишендорфа: одинъ, начинающійся словомъ *Διονυσίῳν* (I б), другой — словами *ἀγαθόν τι σοι γένοιτο* (II б). Наконецъ, въ третьихъ, г. Ершtedтъ нашелъ еще третій лоскутокъ (III), интересный, какъ пособие — очень оригинальное, какъ мы увидимъ — для возстановленія текста отрывка *ἀγαθόν τι*.

Но какъ ни блестящи результаты чтенія рукописи, ихъ важность для науки сильно ограничивалась жалкимъ положеніемъ разобраннаго текста. Ни одинъ стихъ не сохраненъ сполна; въ большинствѣ случаевъ сохранены только четыре строки изъ шести. Вотъ почему возстановленіе первоначальнаго текста представляло значительныя затрудненія: требовалось тонкое и глубокое знаніе аттической рѣчи и комическаго тона для того, чтобы рѣшаться на такую попытку съ надеждой на успѣхъ. — Въ двухъ отрывкахъ: *πῶς εἶσιν* и *ἄνθρωπος* г. Ершtedтъ имѣлъ нѣсколько предшественниковъ, именно Кобета, Виллямовица, Гомперца, Фриче, Кока и Вейля. Изъ нихъ самымъ серьезнымъ былъ Кобетъ; онъ, прежде всего, доказалъ,

что безымянные отрывки, присланные ему Тишендорфомъ, принадлежать Менандру; онъ, затѣмъ, благополучно возстановилъ немало отдѣльныхъ стиховъ, причѣмъ особенно остроумнымъ было возстановленіе ст. 16 сл. отрывка *πῶς εἶσιν*. Собственно только Кобетъ и можетъ быть названъ въ тѣсномъ смыслѣ предшественникомъ г. Ершштедта; о Гомперцѣ, Фриче, Бокъ и Вейлѣ можно только сказать, что чтеніе г. Ершштедта подтвердило ту или другую изъ ихъ догадокъ; что касается Виллямовица, то онъ и въ этомъ отношеніи оказался такимъ же неудачникомъ, какъ и по вопросу о геліѣ, Діонисіи Періегетѣ, Павсаніи и др.; правда, г. Ершштедтъ считаетъ возможнымъ принять одну изъ его конъектуръ, предварительно исправивъ ее (отр. *πῶς εἶσιν* ст. 12 *αὐτοσόβος: αὐτοσόβητος*), но это одно изъ немногихъ мѣстъ, гдѣ его возстановленіе представляется спорнымъ. — Изъ отрывковъ, найденныхъ впервые г. Ершштедтомъ, прочитанный на оборотѣ отрывка *πῶς εἶσιν* отрывокъ *Διονυσίων* не допускаетъ пока, по его мнѣнію, возстановленія текста; г. Ершштедтъ ограничивается возстановленіемъ его содержанія, но при этомъ получается замѣчательный и очень важный результатъ, о которомъ рѣчь будетъ ниже. Блестательнымъ можетъ быть названо возстановленіе отрывка *ἀγαθόν τι*, которое мы приведемъ въ видѣ образца:

- Г. — *ἀγαθόν τι σοι γένοιτο. — Β. μὴ λέγε ταῦτ', ὦ φίλ'.]* — Г. *ὄχι εἰς κόρακας; οἰμῶξαι μακρά. — Α. ἀλλ' εἴμι νῦν εἶσω σαφῶς τε πυθόμενος τὰ πράγματα' εἴβ' τὰ τῆς θνητατρὸς βουλευσομαι. —*
 5 Г. *φέρε ποῦ τ' ὅπον πρὸς τοῦτον ἤδη προσβάλω, ἴν' ἐκεῖθ' ἴεν αὐτῷ τοῦτον ἤκοντ' ἐνθάδε φράσω]μεν; — Β. οἷον κίναδος· οἰκίαν ποεὶ Διὸς ἄβρα]τον. — Г. πολλὰς ἐβουλόμην ἄμα. — Β. πολλὰς;]* — Г. *μίαν μὲν τὴν ἐφεξῆς. — Β. τὴν ἐμὴν; —*
 10 Г. *τὴν σή]ν γ'. ἴωμεν δεῦρο πρὸς Χαρίσιον. — Β. ἴωμ]εν, ὡς καὶ μερακυλλίων ὄχλος εἰς τ' ὄν τόπον τις ἔρχεθ' ὑποβεβρεγμ[ένων. — Г. ἡ μὴν] ἐνοχλεῖν εὐχαιρον εἶναι μ[οι δοκεῖ.*

Изъ дѣйствующихъ лицъ, по предположенію г. Ершштедта, А — отецъ молодой замужней женщины, жалующейся на распутную жизнь мужа, Г — честный рабъ послѣдняго, Β — *lepo*, естественно огорченный прибытіемъ теста своего кліента. Замѣтимъ, что чередованіе лицъ обозначается въ рукописи только точкой надъ строкой.

Послѣ 13 стиха всѣ, очевидно, уходятъ (А ушелъ еще раньше, послѣ ст. 4); конецъ сцены, или, вѣрнѣе, акта обозначается въ рукописи длинной чертой подъ послѣднимъ стихомъ. Далѣе идетъ, въ видѣ заглавія слѣдующаго акта, знакъ Р; отъ начала самаго акта сохранилось только слѣдующее:

ἐπι.....παντα τανθ.....
οι.....
καιτ.....

Тѣмъ не менѣе г. Ершtedту удалось возстановить цѣлыхъ четыре начальныхъ стиха новаго акта. Тутъ ему пришелъ на помощь, прежде всего, третій доскутокъ, о которомъ рѣчь была выше. На этомъ доскуткѣ сохранился, кромѣ оригинальнаго текста, отпечатокъ начала шести строкъ, причемъ буквы идутъ, разумеется, справа на лѣво. Въ первоначальномъ направленіи выходить:

<i>επισ</i>	причемъ нетрудно убѣдиться, что начала первыхъ трехъ
<i>οιομ</i>	стиховъ — тождественны съ началами первыхъ строкъ
<i>καίτο</i>	новаго акта въ отрывкѣ <i>ἀγαθόν τι</i> . Но и комбинація
<i>οδερπ</i>	первоначальнаго отрывка съ его отпечаткомъ — комбинація,
<i>ουερω</i>	къ слову сказать, чисто романтическая, составляющая,
<i>ουδελο</i>	кажется, шпичиш въ исторіи филологическихъ

находокъ — не даетъ удовлетворительнаго результата; смыслъ отрывка все таки остается неразгаданнымъ, а о возстановленіи текста и недавно не можетъ быть рѣчи. Тутъ г. Ершtedту подала помощь — и этотъ разъ рѣшительную — его замѣчательная начитанность; онъ открылъ отрывокъ изъ Менандра (fgm. 581), гласящій такъ:

*ἐμοὶ πόλις ἐστὶ καὶ καταφυγὴ καὶ νόμος
καὶ τοῦ δικαίου τοῦ τ' ἀδίκου παντὸς κριτὴς
ὁ δεσπότης· πρὸς τοῦτον ἕνα δεῖ ζῆν ἐμέ.*

Комбинируя этотъ отрывокъ съ остатками начала новаго акта, г. Ершtedтъ получаетъ слѣдующее окончательное его возстановленіе:

*'Επισ[φαλή μὲν] πάντα τὰνθ[ρώπων· ἐμοί,]
οἴμ[αι, πόλις ἐστὶ καὶ καταφυγὴ καὶ νόμος]
καὶ τοῦ δικαίου τοῦ τ' ἀδίκου παντὸς κριτὴς]
ὁ δεσπ[ότης· πρὸς τοῦτον ἕνα δεῖ ζῆν ἐμέ.]*

Получается начало монолога вѣрнаго раба.

Таковы результаты трудовъ г. Ершtedта по части возстановленія текста Менандра. Относительно остальныхъ его изслѣдованій мы въ подробности входить не будемъ. Что касается прежде всего палеографіи, то специалисты найдутъ множество драгоценныхъ матеріаловъ въ особенности въ первой главѣ (стр. 1—53); мы ограничимся указаніемъ на экскурсы о вышеупомянутомъ Р (стр. 220—231), въ которомъ г. Ершtedтъ справедливо усматриваетъ условный знакъ, означающій появленіе дѣйствующаго лица, специально раба. По части языка отмѣтимъ изслѣдованія о *κατ' ἀγοράν* (стр. 62 сл.), о *χοίνιξ* въ значеніи насущный хлѣбъ (стр. 68 сл.), о *-ει* и *-η* какъ окончаній 2 лица страд. зал. (стр. 76—80); тутъ кстати г. Ершtedтъ доказываетъ негѣдность перешедшихъ и въ наши грамматики мнимыхъ исключеній *βοῦλει οἷαι ὄψει*, (чему въ видахъ упрощенія преподаванія можно только порадоваться), объ *ἀνασπᾶν τὰς ὀφρῶς* (стр. 95—106), о *μὴ ἔρασαν ἴκοιο* (стр. 113—136), объ *εἶεν* (стр. 140 сл.), объ *ὀβολοῦ* и *τοῦ ὀβολοῦ* (стр. 185—189), объ *ἄβατον* (стр. 213 сл.), о *μέτρα* и *μέλη* (стр. 221 пр.). Какъ эти этюды ни интересны, ихъ далеко превосходятъ и интересомъ, и важностью выводы въ области исторіи греческой словесности. Еще Кобетъ остроумно доказалъ, что отрывокъ *πᾶς εἶσιν* принадлежитъ Менандру; по отношенію

къ отрывку *ἀνθρώπος*, записанному на другомъ лоскутѣ, вопросъ оставался открытымъ; точно также оставался открытымъ для обоихъ отрывковъ вопросъ о комедіи, изъ которой они заимствованы. Г. Ериштедтъ доказалъ, что всѣ вообще „порфирьевскіе“ отрывки принадлежать Менандру; отрывокъ *ἀνθρώπος* записанъ на оборотѣ отрывка *ἀγαθόν τι*, а принадлежность послѣдняго Менандру доказывается сближеніемъ съ *lgm. 581*, о которомъ рѣчь была выше. Но это далеко не все. Отрывокъ *Διονυσίων*, какъ мы видали выше, не можетъ быть восстановленъ текстуально, но его содержаніе можетъ быть восстановлено точно и несомнѣнно; а такъ какъ онъ взятъ изъ пролога, то его содержаніе есть вмѣстѣ съ тѣмъ и *ἐπίθεσις* всей комедіи. Благодаря констинѣ чудесной случайности, Донатъ сохранилъ намъ пересказъ менадровой комедіи „*φάρμακον*“, съ которымъ эта *ἐπίθεσις* совпадаетъ точь въ точь.

Нора, однако, кончить. Нечего и говорить, что въ этомъ рефератѣ я коснулся только главныхъ пунктовъ, да и то не всѣхъ; читатель не долженъ, поэтому, думать, что содержаніе книги г. Ериштедта въ немъ исчерпано. Это вовсе не было моею цѣлью; я хотѣлъ только довести до свѣдѣнія филологовъ, которымъ это, при младенческомъ состояніи книжнаго дѣла у насъ, могло остаться неизвѣстнымъ, о полвѣннѣ книги, которой можетъ гордиться наша филологическая литература.

Θ. Зѣлинскій.

De praepositionum usu Aristophaneo. Scripsit Sergius Sobolewski. Mosquae. MDCCCXC (VI + 229 + IV. 8°).

Въ сочиненіи подѣ приведеннымъ выше заглавіемъ г. Соболевскій, какъ ясно обозначено имъ въ началѣ введенія, поставилъ себя цѣлью возможно полное обслѣдованіе употребленія предлоговъ въ языкѣ Аристофана, основанное на критической провѣркѣ всѣхъ, относящихся сюда мѣстъ въ комедіяхъ и фрагментахъ этого автора.

Критика, которой подверглось это сочиненіе какъ со стороны русскихъ, такъ и иностранныхъ ученыхъ¹⁾, въ достаточной мѣрѣ выяснила уже достоинство его изслѣдованій и справедливо отмѣтила точность и надежность его наблюдений. Обра-

¹⁾ См. журналъ Мин. Нар. Просв. за апрѣль 1891 г., стр. 437—447 въ статьѣ г. П. Н.; The American Journal of Philology 1890 г., vol. XI, 3 (whole № 43), p. 371 f. въ весьма обстоятельномъ обзорѣ проф. Gildersleeve'a; Neue philologische Rundschau 1891, № 17, S. 269 въ краткой рецензій извѣстнаго знатока Аристофана, Отто Келера. Рецензія въ чешскихъ „Филологическихъ Листахъ“ г. Чада осталась мнѣ неизвѣстной.

тила она вниманіе и на добросовѣстныя усилія автора дать всякій разъ полное разъясненіе причинъ, склонивших его къ выбору того или другого чтенія.

И по нашему мнѣнію трудъ г. Соболевскаго является въ высшей степени цѣннымъ приобрѣтеніемъ научной литературы по аттическому синтаксису главнымъ образомъ на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Потому, что изслѣдованію подвергнутъ языкъ писателя, отъ котораго дошло до насъ сравнительно большое количество произведеній, по самой метрической формѣ своей исключаящихъ возможность слишкомъ произвольнаго обращенія съ текстомъ, а по близости ихъ словоупотребленія къ языку прозы позволяющихъ провѣрять добытыми здѣсь результатами и рукописное преданіе обширной прозаической литературы раннихъ аттиковъ¹⁾.

2) Не только вслѣдствіе полноты собраній г. Соболевскаго и надежности представляемыхъ имъ статистическихъ данныхъ²⁾, но и потому, что г. Соболевскій взялъ на себя тяжелый трудъ выписать вполнѣ всѣ мѣста, на которыхъ онъ строитъ свои выводы, представляя по поводу каждого спорнаго мѣста свое толкованіе и всякій разъ разъясненія и критическую достовѣрность принимаемаго имъ чтенія.

Читателю такимъ образомъ предлагается не только полный сводъ мѣстъ, разъясняющихъ одинъ изъ труднѣйшихъ отдѣловъ аттическаго синтаксиса, но ему даются вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ средства для составленія себѣ самостоятельнаго сужденія о правильности дѣлаемыхъ заключеній.

Что среди отдѣльныхъ и подчасъ крайне разнородныхъ изслѣдованій, которыхъ потребовала масса спорныхъ мѣстъ, разбираемыхъ г. Соболевскимъ, попадаютъ многія, окончательный выводъ которыхъ не можетъ одинаково удовлетворить всѣхъ толкователей Аристофана, понятно само собою. Да и самъ

1) Разумѣется, конечно, комическій діалогъ. Проф. Gildersleeve совершенно справедливо цитуетъ въ этомъ отношеніи выводъ Rutherford'a въ его *New Phrynichus*, p. 38: Modes of expression inadmissible in prose were equally inadmissible in comedy except when they were employed for malice propense and to give colour to the work. Это послѣднее обстоятельство, само собою разумѣется, принято во вниманіе и г. Соболевскимъ (ср. напр. стр. 5, 27, 74, 100, 139, 140 и т. д.).

2) Это одинаково подтверждаетъ и г. П. Н., провѣрившій показанія г. Соболевскаго касательно предлога *ἐν*, въ которыхъ указанъ имъ лишь одинъ пропускъ (*Theat.* 15: καὶ ζῷ' ἐν αὐτῷ ξυντεκνονοῦμενα), и Калеръ, произведшій такую же провѣрку на предлогахъ *ἀπό*, *ἀντί*, *σύν*, *ἀνά*. Справедливо сожалѣть однако Калеръ объ исключеніи г. Соболевскимъ изъ своего изслѣдованія употребленія глаголовъ, сложенныхъ съ предлогами, значенія предлоговъ въ сопряга и въ которыхъ другихъ соединеній съ предлогами. Я напр. замѣтилъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ исключеніи некоторую непоследовательность: на ряду съ *εἰς αὐτίκα* (P. 367) и *εἰσάβδις* (*Essl.* 933), на стр. 57 я не нашелъ *πρὸ πάλα* (*Equ.* 1145).

авторъ не скрываетъ отъ себя возможности различнаго толкованія отдѣльныхъ выраженій, ясно вездѣ сознавая (см. напр. стр. 84) ненадежность рукописнаго преданія и недостаточность нашего историческаго знанія, особенно необходимаго для толкованія такого автора, какъ Аристофанъ. Во многихъ мѣстахъ къ тому же и выборъ исправленія можетъ быть весьма разнообразенъ. Какъ рѣшить напр. въ настоящее время, слѣдуетъ ли предпочесть въ *Ach.* 1222 чтеніе *ὡς τοὺς Πιττάλου* или *εἰς τὰ Πιττάλου* (г. Соболевскій на стр. 45 предлагаетъ не безъ основанія и *εἰς τοὺς Πιττάλου*)? Вѣрно одно, что ркп. чтеніе не можетъ удовлетворять насъ по той причинѣ, что, какъ утверждаетъ г. Соболевскій, пользуясь своими наблюденіями, „in ejusmodi locutionibus nomina articulo carere solent“ (г. Соболевскій, конечно, имѣетъ въ виду словоупотребленіе аттиковъ). Но выборъ правильнаго чтенія, конечно, уже зависитъ отъ того, придадимъ ли мы большее значеніе ст. *Vesp.* 1440 (1432) *καράτρεχ' εἰς τὰ Πιττάλου*, или ст. *Ach.* 1224, гдѣ Дикэополидъ, пародируя восклицаніе Ламаха, заявляетъ: *ὡς τοὺς χριτὰς μ' ἐκφέρετε*, ибо возможно и то и другое. А затѣмъ, надо и то сказать, нѣкоторыя замѣчанія Аристофана требуютъ подчасъ знанія и такихъ подробностей, отчетливое знакомство съ которыми доведется, пожалуй, приобрести не всякому филологу, какъ напр. въ весьма интересномъ для греческаго словоупотребленія примѣрѣ касательно разныхъ *συνουσίας γένη*, обсуждаемомъ авторомъ на стр. 52.

Очень рѣдки, во всякомъ случаѣ, мѣста, гдѣ соображенія г. Соболевскаго возбуждаютъ сомнѣніе въ ихъ правильности на томъ основаніи, что авторомъ кое что не договорено, или же потому, что имъ не приняты въ соображеніе всѣ обстоятельства дѣла.

Рецензентъ Ж. Мин. Н. Пр. указалъ напр. весьма вѣрно на возможность безъ всякой натяжки понимать ст. въ *Av.* 525 даже при обычномъ чтеніи, если обратить вниманіе на значеніе слова *ἱερόν* не только въ смыслѣ храмовой постройки, но и ограды храма (у Соб. стр. 9). Я съ своей стороны тоже желалъ бы болѣе обстоятельнаго разъясненія нѣкоторыхъ мѣстъ.

Въ *Equ.* 742 напр. (Соб. стр. 70), Фельзенъ, повидимому, совершенно справедливо напоминаетъ въ своемъ изданіи, что приняты въ соображеніе при толкованіи этого мѣста должны быть не только дѣйствія Клеона по отношенію къ стратегамъ подъ Пилосомъ, но и тѣ дебаты, которые въ Афинахъ вызваны были ходомъ дѣла при Сѣактеріи и результатомъ которыхъ, послѣ отказа Никія, который тоже вѣдъ *ὀλέφευε τὸν πλοῦν* по показанію Фука въ IV, 28, явилась отправка Клеона (ср. *Plut. Nic.* 8). Тогда, быть можетъ, не показалось бы г. Соболевскому сто

неудачной остроумная поправка Кока, измѣняющаго *ὀλοδραμόντων* въ *ὀλοτρεμόντων*, ибо читая здѣсь:

*δι; στρατηγῶν ὀλοτρεμόντων, ἐκ Πύλου,
πλεύσας ἐκέισε, τοὺς Λάκωνας ἤγαγεν,*

мы во-первыхъ получили бы полное соотвѣтствіе отвѣту колбасника на это замѣчаніе въ ст. 744 — 745:

*ἐγὼ δὲ περιπλατῶν γ' ἀπ' ἐργαστηρίου
ἔφροντος ἐτέρου τὴν χύτραν ὑφειλόμην,*

а во-вторыхъ, сравнивая *ὀλοτρέχειν* съ еврикидовскимъ *ὀλοφεύγειν*, могли бы подойти и еще ближе къ исправленію этого мѣста.

Точно такъ же и въ *Lys.* 488—9 (Соб. стр. 116) нѣтъ, повидимому, никакой надобности думать о томъ, чтобы *διὰ* с. асс. принято было въ значеніи *ἐνεκα* (и у г. Соб. на стр. 116 это мѣсто является единичнымъ случаемъ предполагаемаго имъ значенія). Обрати онъ болѣе вниманія на ходъ сцены, онъ, мнѣ кажется, усмотрѣлъ бы, что удивленіе пробудла:

διὰ τὰρ γύριον πολεμοῦμεν γάρ;

именно и возбуждается парадоксальнымъ на первый взглядъ утвержденіемъ Лисистраты, будто бы деньги служатъ главной причиной (не цѣлью) войны и всякаго рода волненій въ Греціи. Придать такое необычное значеніе предлогу *διὰ* с. асс. заставили г. Соболевскаго слѣдующіе затѣмъ стихи 490 — 491:

*ἵνα γὰρ Πείσανδρος ἔχοι κλέπτειν χοί ταῖς ἀρχαῖς ἐπέχοντες,
ἀδὲ τίνα κορχορυγῆν ἐκύκων. Οἱ τῶν τοῦδ' ἐνεκα δρώντων κτλ.,*

но они, несомнѣнно, служатъ только дальнѣйшимъ развитіемъ мысли Лисистраты, но никакъ не тождественны съ первымъ, показавшимся столь неяснымъ пробуду, утвержденіемъ ея.

Впрочемъ, разъ уже зашла рѣчь о значеніи предлоговъ¹⁾, не могу скрыть, что весьма сомнительнымъ показалось мнѣ и отождествленіе г. Соболевскимъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ предлога *ἐν* съ *ἐπί* с. gen. (Соб. стр. 19). Уже самъ авторъ не могъ не замѣтить по поводу первыхъ же приводимыхъ имъ примѣровъ, что „*ἐν* fortasse „inter“ valet, ut nos dicimus „въ горахъ“, quod non plane idem est atque „на горахъ“. Разсматривая всѣ остальные примѣры для этого *ἐν*, мы легко убѣдимся, что и въ нихъ всякій разъ принимается во вниманіе понятіе не о поверхности, на которой происходитъ что-либо, но о проникновеніи внутрь какого-либо предмета, вполне подходящее къ обычному значенію этого предлога и вполне ясно высту-

¹⁾ Ср. сюда и замѣчанія проф. Gildersleeve'a о *διὰ* с. gen. и *διὰ* с. асс. на стр. 872 его рецензіи.

пьющее, идетъ ли рѣчь о морщинахъ, бороздящихъ лицо, или о буквахъ, врывающихся въ камень, о башнѣ, въ которой помещается стража (*φυλακαὶ καθεστῆκασι ἐν τοῖσι πύργοις* не = Ном. *εἰστήχει θεῖου ἐπὶ πύργου*, съ которыми сравниваетъ его г. Соболевскій) и т. п. Какъ здѣсь, такъ и при разборѣ предлога *εἰς* на стр. 51 слѣд. и *ἐκ*, будто бы въ значеніи *ἀπό*, на стр. 74, г. Соболевскій напрасно, по нашему мнѣнію, оставилъ безъ вниманія основное значеніе группъ

ἐν, *εἰς* и *ἐξ*
ἐπὶ с. gen., *ἐπὶ* с. асс. и *ἀπό*.

При всей близости подчасъ отдѣльныхъ случаевъ ихъ употребленія, вполне, какъ кажется, онѣ никогда не сливаются; отдѣльные предлоги, повидимому, съ особенной любовью употребляются именно въ извѣстныхъ сочетаніяхъ, и мы скорѣе ожидали бы отъ автора разграниченія ихъ сѣеры, разъясненія причинъ, почему извѣстныя существительныя особенно охотно сочиняются съ извѣстнымъ предлогомъ, нежели простое перечисленіе примѣровъ, гдѣ средство ихъ употребленія является чисто внѣшнимъ или же прямо кажущимся.

Вполнѣ удачна за то, какъ мнѣ думается, полевика г. Соболевскаго съ Крюгеромъ по поводу чрезчуръ уже тонкаго различія, проводимаго этимъ послѣднимъ между употребленіемъ предлога *ἐπὶ* с. gen. и *ἐπὶ* с. dat. въ мѣстномъ значеніи. Да и вообще всѣ замѣчанія чисто синтаксическаго свойства у г. Соболевскаго свидѣтельствуютъ объ очень тонкой наблюдательности, вдумчивости и полномъ знаніи и самаго дѣла, и научной литературы предмета¹⁾.

Спорить съ почтеннымъ авторомъ я бы взялся только насчетъ одного мѣста въ *Ach.* 273 (Соб. стр. 68), гдѣ, какъ кажется, его возраженіе противъ А. Миллера и Блейдза по поводу соединенія ими словъ *ἐκ τοῦ φελλέως съ τὴν Στρομόδωρον Θράσταν* не вполне вѣрно. На самомъ дѣлѣ, существительное съ предлогомъ, служащее опредѣленіемъ къ другому существительному съ членомъ, въ большинствѣ случаевъ, конечно, должно быть помѣщаемо или между членомъ и существительнымъ, или послѣ существительнаго, но съ повтореннымъ членомъ, такъ что руко-

¹⁾ При отсутствіи въ Москвѣ какихъ-либо большихъ филологическихъ библиотекъ русскому ученому нѣтъ почти никакой возможности удостѣнить ва всей мелкой литературой по предмету. Не мудрено, слѣдовательно, если г. Соболевскому осталась неизвѣстной утрехтская диссертациа I. F. L. Montijn'a, посвященная тому же предмету. Судя однако по отзывамъ объ этой послѣдней у Келера, большой пользы оказать нашему ученому она бы не могла. Скорѣе можно было бы пожалѣть о незнакомствѣ его съ диссертацией Кребса о предлогахъ у Полибіа (*Schanz, Beiträge zur hist. Synt. d. Griech. Sprache, Bd. I. S. 1—147*). Въ методическомъ отношеніи она очень поучительна.

писное чтение въ Thuc. VI, 55: *ἡ στήλη περὶ τῆς τῶν τυράννων ἀδικίας ἢ ἐν τῇ ἀκροπόλει σταθεῖσα* должно быть, повидимому, несомнѣнно исправляемо въ *ἡ στήλη ἢ περὶ κтλ.* (по предложению И. Беккера и Крюгера).

Есть однако два случая, гдѣ это правило допускаетъ исключеніе:

1) Когда при сущ. съ членомъ стоятъ два опредѣленія. Ср. Krüg. 50, 10, 8 съ приведенными тамъ примѣрами, изъ коихъ напр. *τὸν αὐτοῦ ἔδωκεν ἄγρον Ἐλευσίην* (Is. XI, 41) или *μετὰ δὲ τῆν τῶν τυράννων κατάλυσιν ἐκ τῆς Ἑλλάδος* (Thuc. I, 18) служатъ прямой аналогіей къ нашему мѣсту.

2) Когда существительное, при коемъ находится такое опредѣленіе, состоящее изъ сущ. съ предлогомъ, заключаетъ въ себѣ понятіе глагола. Ср. напр. такіе примѣры, какъ *ἡ συχομίδῃ ἐκ τῶν ἀγρῶν εἰς τὸ ἄστυ* (Thuc. II, 52) и примѣры, въ большемъ количествѣ собранные у Krüger'a (Histor.-philol. Studien, Bd. II. S. 77 fg.), на основаніи которыхъ можно, пожалуй, подойти къ пониманію и *Ach. 636* (у Соб. исправленъ на стр. 96): *ἀλὸ τῶν πόλεων οἱ πρέσβεις ἐξακατῶντες*, несмотря на болѣе обычное словопотребленіе: *οἱ ἐξ Ἀθηρῶν πρέσβεις* или *πρέσβεις* (безъ члена) *ἀλὸ τῶν πόλεων* (Соб. стр. 42).

Конечно, большинство собственно Аристофановскихъ примѣровъ крайне спорны, и г. Соболевскій совершенно правъ, такъ или иначе исправляя почти всѣ случаи такого употребленія въ нихъ, но въ данномъ мѣстѣ вопросъ слѣдовало бы разъяснить болѣе обстоятельно, тѣмъ болѣе, что утвержденіе г. Соболевскаго, будто „in talibus locis neminem habitasse probabile est“ врядъ ли можетъ убѣдить читателя. Пастухи, гонявшіе сюда стада, по необходимости должны были подолгу жить въ такихъ мѣстахъ, могли и воровать дрова — хоть для костровъ — изъ сосѣднихъ рощъ, а въ одной изъ этихъ послѣднихъ могла разыграться и смакуемая Дикзополидомъ сценка съ дѣвушкой *ἐκ τοῦ φελλέως*.

Впрочемъ, всѣ эти немногочисленные замѣчанія имѣютъ въ виду только убѣдить г. Соболевскаго, съ какимъ интересомъ старался я усвоить себѣ результаты его изслѣдованій. На основаніи собственнаго опыта я могу смѣло рекомендовать его трудъ не только всѣмъ, интересующимся исторической грамматикой греч. языка, но и тѣмъ, которые дорожатъ научнымъ толкованіемъ Аристофана. И тѣ и другіе найдутъ въ немъ для себя весьма цѣнное пособие.

А. Шварцъ.

Questiones Sapphicæ. Scripsit phil. mag. Ioannes Luniak. Kazanъ 1888.

Исторія пятнадцатаго посланія Овидія въ мнѣнiяхъ новѣйшихъ ученыхъ не дѣлаетъ чести нашей наукѣ. Въ началѣ имъ пользовались наравнѣ съ прочими посланiями какъ подлиннымъ произведенiемъ Овидiя; затѣмъ появились сомнѣнiя, облеченныя въ болѣе или менѣе нелицезнудную для дѣйствительнаго автора заподозрѣннаго посланiя форму, было время, когда ни одинъ уважающiй себя филологъ не позволялъ себѣ цитаты *Ov. ep. XV*; въ послѣднiе годы, однако, нашлось нѣсколько защитниковъ подлинности злополучной поэмы; наконецъ проф. Луньякъ старается доказать, что она написана на основанiи оригинальныхъ стихотворенiй лезбосской пѣвицы и должна поэтому служить первокласснымъ источникомъ не только для ея биографiи, но въ извѣстной мѣрѣ также и для оцѣнки ея поэтическаго таланта. Что касается авторства Овидiя, то г. Луньякъ не только самъ въ немъ не сомнѣвается, но считаетъ излишнимъ даже обсудить этотъ вопросъ, называя *toti plumbei tibi*, кто послѣ Компаретти, Беренса, де-Вриса и Зельмайера позволяетъ себѣ сомнѣваться въ подлинности саффиной эпистолы.

Сравненiе съ презрѣннымъ металломъ Сатурна ни для кого не лестно; правда, Лахманъ еще менѣе стѣснялся въ своихъ сужденiяхъ, но вѣдь то былъ Лахманъ, авторитеты же, передъ которыми мы, по мнѣнiю г. Луньяка, должны преклониться, врядъ ли заслуживаютъ такого культа; одинъ изъ нихъ эллинистъ, другой въ теченiе всей своей жизни чувствовалъ инстинктивное влеченiе ко всему превратному, остальные совсѣмъ незначительны. Авторитеты, такимъ образомъ, не въ пользу авторства Овидiя, а это обстоятельство не изъ маловажныхъ; въ такого рода вопросахъ т. н. чутье имѣетъ большое значенiе. Разумныхъ же доводовъ г. Луньякъ не приводитъ вовсе; онъ довольствуется ссылкой на своихъ соратниковъ, поименованныхъ выше. Не думаю однако, чтобы онъ бралъ всю ихъ аргументацію на свою отвѣтственность; а въ такомъ случаѣ ему слѣдовало указать на тѣ ихъ доказательства, которыми онъ считаетъ убѣдительными; тогда мы могли бы и поспорить съ нимъ. Отъ себя онъ только (стр. 98 сл.) пытается устранить нѣсколько пунктовъ, смущающихъ защитниковъ подлинности посланiя; при томъ *furialis Erichtho* (ст. 139), ясно доказывающая, по мнѣнiю противниковъ, что авторъ посланiя жилъ послѣ Лукана, измѣняется въ *furialis Alecto*; подъ этимъ именемъ было написано для объясненiя сл. *erinyis*, а изъ *erinyis* и *Alecto* получилось *ericto*, что и читается въ большинствѣ рукописей (это, впрочемъ, вовсе не *lectio monstrosa*, какъ выражается авторъ; въ тѣ времена с и ch писались *promiscue*, ср. *carus — charus*, *Varcas — Varchas* и т. п.). Но, во первыхъ, вѣроятно ли, чтобы слово *Erichtho*, такъ хорошо укладывающееся въ стопъ и прекрасное по смыслу, получилось случайно, чисто механическимъ путемъ? А во вторыхъ — какъ

уже было заявлено г. Луньяку съ совершенно ненужной рѣзкостью — сокращеніе перваго слога въ словѣ *Alecto*, противорѣчащее *usus* у римскихъ постоѣвъ, съ конъектуръ терпимо быть не можетъ.

По моему убѣжденію, саффиной эпистулѣ и впредь придется оставаться подъ сомнѣніемъ; но вопросъ объ ея отношеніи къ стихотвореніямъ Саффо отъ этого вопроса не зависить. Пѣсни Саффо читались, какъ доказываютъ перифразы Лонга, до сравнительно позднихъ временъ; ничто не мѣшаетъ допустить, что ихъ зналъ и авторъ нашего посланія. Остается только убѣдиться въ этомъ индуктивнымъ путемъ. Это и дѣлаетъ авторъ на стр. 17—48 своего труда; такъ какъ эти страницы — самая важная часть книги, то мы должны заняться ими подробнѣе.

Никто не сомнѣвается въ томъ, что ер. VII (Дидона) написана на основаніи четвертой книги Энеиды. Тутъ мы находимъ параллели въ родѣ слѣдующихъ: *Ov. ep. VII, 177 сл. Pro meritis et siqua tibi devovimus* ¹⁾ *ultra, Pro spe conjugii tempora parva peto, Dum freta mitescunt et amor, dum tempore et usu Fortiter edisco tristia posse pati = Verg. Aen. IV, 431 сл. Non jam conjugium antiquum, quod prodidit oro, Tempus inane peto, requiem spatiumque furori, Dum mea me victam doceat fortuna dolere; ep. 99 Est mihi marmorea sacratus in aede Sychaeus; Oppositae frondes velleraque alba tegunt. Hinc ego me sensi noto quater ore citari, Ipse sono tenui dixit: Elissa, veni. = Aen. IV 457 сл. Praeterea fuit in tectis de marmore templum Conjugis antiqui, miro quod honore colebat, velleribus niveis et festa fronde revinctum: Hinc exaudiri voces et verba vocantis Visa viri. Такихъ примѣровъ много; если г. Луньякъ утверждаетъ, что ер. XV имѣетъ основаніемъ стихотворенія Саффо, то онъ долженъ указать такія же параллели между эпистулою и пѣснями древней стихотворицы; отрывочное состояніе послѣднихъ сдѣлаетъ насъ менѣе требовательными относительно числа параллельныхъ мѣстъ, но никакъ не относительно степени ихъ сходства. — Къ сожалѣнію наша надежда не сбывается; въ этомъ читатели могутъ убѣдиться сами на основаніи слѣдующихъ пробъ ²⁾:*

III. *Ov. ep. 21 Est in te facies... O facies oculis insidiosa meis = Sapph. fgm. 29 σταθι κἀντα φίλος... καὶ τὰν ἐπ' ὄσσοις ἀμπέτασον χάριν.* У Саффо, говорить г. Луньякъ, *oculi* синекдоха вм. лицо; выходитъ, такимъ образомъ, что и у Фаона, и у юноши, о которомъ говоритъ Саффо, было красивое лицо. Сходство замѣчательное... Но при болѣе внимательномъ отношеніи къ отрывку и это сходство пропадаетъ; Аенней приводитъ его со словами... *καὶ ἡ Σαφῶ δὲ πρὸς τὸν ὑπερβαλλόντως θαυμαζόμενον τὴν μορφήν καὶ καλὸν*

¹⁾ Такъ, по моему мнѣнію, слѣдуетъ писать; G (лучш. рук.) m. 1 *debobimus*, m. 2 *debebitus*; въ изданіи пошло послѣднее чтеніе, не дающее смысла. Отн. мысли *ep. 89 сл. Fluctibus ejectum tuta statione recepi Vixque bene auditо nomine regna dedi. His tamen officiis utinam contenta fuisset! Ei mihi, concubitas fama sepulta viget (cod: et mihi — foret).*

²⁾ Въ виду невозможности обсудить всѣ номера и желательности чисто механическаго выбора я намѣренъ привести только номера, дѣлимые на 8.

είνα νομιζόμενον; слѣдовательно, слова Саффо произнесены съ ироніей, или по крайней мѣрѣ съ укоризной.

VI. „Sententia feminam aetate jam provectiore juveni ad matrimonium minus aptam esse et v. 85 sq. et fgm. 75 extat: Quid mirum, si me primae lanuginis aetas Abstulit atque anni quos vir amare potest? — οὐ γὰρ τλάσσει ἔγω ζυνοίκτην νέφ γ' ἔσσα υφραϊτέρα. Какъ эта ни неприятно, но придется допустить, что г. Луньякъ просто не понялъ мысли римскаго поэта, при всей ея простотѣ („Удивительно ли, что меня плѣвиль [твоей] возрастъ перваго пуха и [твои] годы, которые [еще] можетъ любить мушнина“ [cp. 91 Nunc Venus in caelum curru vexisset eburno, Sed videt et Marti posse placere suo.]—мысль скверная, къ слову сказать, которой мы не желали бы встрѣтить въ пѣсняхъ Саффо); г. Луньякъ понималъ цитуемое двустипіе очевидно прибл. такъ: „возрастъ перваго пуха и годы, когда женщина нравится мушницѣ, уже покинули меня“, причемъ выходитъ, что теперь у Саффо выросла борода. Что дѣйствительно г. Луньякъ понялъ наше двустипіе именно такъ, подтверждается и стр. 67 „et sane comicis poetis argumentum haud contemnendum offerebatur: poëtria enim, quam jam „primae lanuginis aetas abstulit“ etc... juvenis... amore capitur etc“. При правильномъ пониманіи всякое сходство исчезаетъ.

IX. ep. 51 Nunc tibi Sicelides veniunt nova praeda puellae fgm. 22 *τὴν ἄλλων ἀνθρώπων ἔμεθεν φίλησθα*. Въ формѣ никакого сходства нѣтъ; сходство въ содержаніи ограничивается общимъ всей эротической поэзіи всѣхъ народовъ мотивомъ ревности. Къ тому же это отрывокъ безымянный; Бергкъ считаетъ его haud dubie принадлежащимъ Саффо, г. Луньякъ ex poëtriae in Phaonem carmine depromptum opinatur, но вѣдь opinari можно что угодно.

XII. Pudenter fere eisdem verbis apud utrumque coitus mentionem fieri videbimus collato ep. v. 133 cum fgm. 28: ulteriora pudet narrare = *αι... μή τι φείλην γλαῦσ' ἐκύχα κάκων, αἰδώς κέ σ' οὐ κίχανεν ὀππατ', ἀλλ' ἔλευεσ περι τῷ δικαίως*. Сходство опять ограничивается общимъ всякой эротической поэзіи мотивомъ; самъ Овидій вѣрѣдко имъ пользуется, ничуть не думая при этомъ о Саффо.

XV. ep. 157 Est nitidus vitroque magis perlucidus omni Fons sacer... Quem supra gamos extendit aquatica lotos Una nemus = fgm. 4 *ἀμφὶ δὲ ψύχρον κελάθει δι' ὕδατων μαλίνων, αἰθροσομένων δὲ φύλλων κῶμα καταρρεῖ*. Выходитъ, что вдоль вѣтвей яблони стекаетъ вода источника; но нѣсколько далѣе г. Луньякъ отказывается отъ этого нѣсколько страннаго представленія, полагая, что подлежащее къ *κελάθει* — ауга. Но въ чемъ же тогда сходство?

Далѣе слѣдуютъ второстепенныя параллели, еще менѣе убѣдительныя. При такомъ положеніи вещей я не могу согласиться съ авторомъ, утверждающимъ (стр. 43) etiamsi dimidiam partem eorum quae protuli, eis missam facias... nihilominus ea quoque dimidia pars, quae reliqua erit, sufficiet ad demonstrandum Ovidium non solum sententias, fabulas, imagines, singulas notiones ex ipsis poëtriae carminibus mutuatum suae epistulae accommodasse,

sed etiam totum carmen ad poetriae archetypum composuisse. Остается не dimidia pars, а ровно нуль; если къ параллелямъ ставить такія скромныя требованія, то можно доказать все что угодно. Мнѣ приходитъ въ голову мысль, что авторъ саффиной эпистолы писалъ на основаніи... хотя бы „Экклезиазусъ“ Аристофана. Перечитываю „Экклезиазусъ“ и поражаюсь множествомъ схожихъ мѣстъ: 1) ep. 121 omne videbat Vulgus; eram lasero pectus aperta sinu = Eccl. 89 *εἰ πλήρης τύχοι Ὁ δῆμος ὦν κάπειθ' ὑπερβαίνουσά τις Ἀναβαλλομένη δεῖξειε τὸν Φορμίσιον.* — 2) ep. 155 Sappho desertos cantat amores = Eccl. 880 *ἔστηκα... μινυρομένη τι πρὸς ἑμαυτὴν μέλος* — 3) ep. 9 Uror, ut indomitis ignem exercentibus euris etc. = Eccl. 954 *πάνν γὰρ τις ἔρωσ με δονεῖ.* — 4) ep. 201 Lesbides infamem quae me fecistis amatae = Eccl. 920 *δοκεῖς δέ μοι καὶ λάμβδα κατὰ τοὺς Λεσβίους.* — 5) ep. 19 aliae... quas non sine crimine amavi = Eccl. *γυνή μέ τις νύκτωρ ἑταῖρα καὶ φίλη* (Праксагоры). — 6) ep. 21. 86 (о Фаонѣ) est in te facies... atque anni quos vir amare potest = Eccl. 427 *εὐπρεπῆς νεανίας Λευκός τις ἀνεπήδησεν*, cf. ep. 37 Et variis (= Саффо) albae (= Фаонѣ) junguntur saepe columbae. — 7) ep. 27 At mihi Pegasides blandissima carmina dicunt = Eccl. 882 *Μοῦσαι, δεῦρ' ἔτ' ἐπεὶ τοῦμόν στόμα Μελύδριον εὐροῦσαι τι.* — 8) ep. 42 Unam jurgabas usque decere loqui = Eccl. 516 *Ὀδύμηδ γὰρ δευνοτέρα (sc. λέγειν) σοῦ ξυμμιξασ' οἶδα γυναικί.* — 9) ep. 57 Ergina... Nam tua sum = Eccl. 999 *Μὰ τὴν Ἀφροδίτην, ἦ μ' ἔλαχε κληρομένη* (гов. старуха). — 10) Харакъ Quasque male amisit, nunc male quaerit opes = Eccl. 603 *πλοῦτον... μὴ καταθεῖς ψευδορκήσαι κάκῆσατο γὰρ διὰ τοῦτο.* — 11) ep. 76 Non Arabum noctes rore capillus olet = Eccl. 524 *βασανίσαι ἔξεσι... εἰ τῆς κεφαλῆς ὄζω μύρον* (Праксагора) — И т. д.

Въ остальныхъ частяхъ своего труда г. Луньякъ дѣлаетъ дальѣйшіе выводы изъ своего главнаго положенія; признавая положеніе недоказаннымъ, мы этимъ самымъ произносимъ приговоръ и этимъ выводамъ. Но и въ частностяхъ мы находимъ много неудовлетворительнаго. Прекрасную гипотезу К. О. Миллера о Фаонѣ нельзя голословно устранять, какъ это дѣлаетъ г. Луньякъ; слѣдовало, по крайней мѣрѣ, коснуться ея мнѣологическаго основанія. — Къ предложенной имъ этимологіи (*φάων* = *πάων* = *τάων* = *ταῶς* „павлинъ“) трудно отнестись серьезно: для всѣхъ ясно, что *Φάων*: *φάος* = *Κλέων*: *κλέος*; вообще г. Луньяку по части этимологій не везетъ. Относительно же главнаго вопроса — источника саффиной эпистолы — изслѣдованіе г. Луньяка, помимо его воли, даетъ слѣдующій отвѣтъ: этимъ источникомъ была исключительно біографія пѣвицы, та самая біографія, въ которой г. Луньякъ усматриваетъ второстепенный источникъ; среди фактическихъ данныхъ, встрѣчающихся въ эпистолѣ, нѣтъ ни одного, которое не могло бы быть почерпнуто изъ такой біографіи.

Напомню, въ заключеніе, что трудъ г. Луньяка свидѣтельствуетъ о значительной начитанности какъ въ древней, такъ и въ новой литературѣ; отмѣтить это слѣдуетъ, такъ какъ самъ авторъ жалуется на невыгодныя условія, при которыхъ ему приходилось работать, и опасается, что они вредно отзовутся на его книгѣ.

Θ. Зѣлинскій.

Handbuch der klassischen Altertumswissenschaft, herausg. von Iwan Müller. II. Band: Griech. und Lat. Sprachwissenschaft. Zweite neubearbeitete Auflage. Nördlingen 1890 (A. Griechische Grammatik von K. Brugmann, B. Lateinische Grammatik von Stolz und Schmalz, C. Lexicographie, D. Rhetorik, E. Metrik, Anhang: Musik).

Въ настоящемъ рефератѣ ограничиваемся только первыми двумя отдѣлами (о греч. и лат. грамматикахъ), составляющими двѣ трети всего тома въ 900 слишкомъ страницъ.

Языковѣдѣніе есть наука историческая, насколько ей подлежатъ изученіе происхожденія и развитія человѣческой рѣчи какъ вообще, такъ и въ отдѣльныхъ ея типахъ. Подобно историку, языковѣдъ имѣетъ въ виду установить съ одной стороны возможно ближе къ истинѣ частные факты изслѣдуемаго языка въ данный моментъ жизни народа и, сопоставляя эти моменты, найти хронологическую послѣдовательность измѣненій, происходившихъ въ языкѣ, а съ другой — доискаться причинъ, вызвавшихъ ту или другую перемѣну. А такъ какъ языкъ, какъ явленіе, есть результатъ не только физическихъ, но и психическихъ условій человѣческой природы, то и причины языковыхъ преобразованій и нововведеній могутъ быть то фізіологическія, то психологическія. Надлежащая оцѣнка психологической стороны языковыхъ явленій составляетъ одну изъ главныхъ заслугъ современной школы индо-европейскаго языковѣдѣнія, прозванной въ началѣ своей дѣятельности младограмматической, въ противоположность къ прежней школѣ, напирравшей на естественно-историческую подкладку языка, который она сравнивала даже прямо съ живымъ организмомъ. Однимъ изъ самыхъ рѣзкихъ признаковъ новаго направленія въ этомъ отношеніи является обильное примѣненіе аналогіи, какъ принципа, обуславливавшего возникновеніе разныхъ нововведеній въ языкѣ въ подраженіе чему-нибудь подобному, существовавшему уже раньше въ томъ же языкѣ. Однако школа эта не исключительно, и даже не преимущественно психологическая, такъ какъ она обращаетъ усиленное вниманіе также и на фізіологическую сторону рѣчи, какъ функціи языковыхъ органовъ чловѣка. Въ этомъ отношеніи однимъ изъ наиболѣе характеристическихъ признаковъ этой школы оказывается открытіе

существованія въ предполагаемомъ индо-европ. праязыкѣ такъ называемыхъ *nasalis sonans* и *liquida sonans*, т.-е. слоговыхъ *m n r l*, какія существуютъ также и во многихъ современныхъ языкахъ, напр. чешскомъ и нѣмецкомъ (ср. нѣм. *oben* и *ober*, выговаривающіяся какъ *öbn öbr*). Открытіе это, въ совокупности съ установленіемъ праязычной тройственности гласныхъ *a e o*, перевернуло вверхъ дномъ всю фонетику индо-европейскихъ языковъ, въ томъ числѣ и греческаго и латинскаго, насколько дѣло идетъ о матеріалѣ, унаслѣдованномъ ими отъ праязыка. Рядомъ съ причинами явленій, изслѣдуется и послѣдовательность явленій или исторія языковъ въ элементарномъ смыслѣ этого слова. Въ этомъ отношеніи весьма интересно для насъ, классиковъ, что въ противоположность къ прежнему преувеличиванію значенія санскрита для сравнительнаго языковѣднія, теперь въ цѣломъ рядѣ случаевъ установлено первенство греческаго языка въ смыслѣ большей древности и сохранности его формъ, каково напр. открытіе праязычной тройственности звуковъ *a e o*, считавшихся прежде результатомъ распада первонаачального *a* въ томъ видѣ, какъ оно имѣется въ санскритскомъ языкѣ.

Современная постановка индо-европейской сравнительной грамматики важна также и въ томъ, что основные принципы ея приѣмны не къ одной только фонетикѣ и морфологій, которыми прежде исчерпывалось сравнительное языковѣдніе, но также и къ синтаксису. Правда, въ этой области сдѣлано пока еще слишкомъ мало; но изъ этого немногаго наиболѣе пользы извлечено какъ разъ для греч. синтаксиса, въ то время какъ для синтаксиса лат. языка не имѣемъ пока ничего подобнаго Дельбрюковымъ *Grundlagen der griech. Syntax* и Синтаксису Бругмана, вошедшему въ его греческую грамматику. Слѣдствіемъ этой области объясняется преимущественно двумя причинами. Съ одной стороны, приемы синтаксическаго изслѣдованія все же нѣсколько другіе, чѣмъ въ другихъ частяхъ. Ибо между тѣмъ какъ по отношенію къ фонетикѣ и морфологій имѣть нужды выходить изъ сферы индо-европейской группы языковъ, при изслѣдованіи синтаксическихъ явленій могутъ оказать важную услугу аналогичныя явленія языковъ другихъ группъ. Въ синтаксисѣ такимъ образомъ индоевропейская сравнительная грамматика въ значительной степени соприкасается съ всеобщимъ языковѣдніемъ. Съ другой стороны, и синтаксисъ отдѣльныхъ языковъ индо-европ. группы разработанъ далеко не равномерно какъ по объему, такъ и по методу. Даже важнѣйшій изъ нихъ, санскритскій, не составляетъ въ этомъ исключенія, несмотря на всю важность трудовъ Дельбрюка по этой части.

Такимъ образомъ вниманіе современнаго сравнительнаго языковѣднія попрежнему сосредоточено главнымъ образомъ на фонетику и морфологию, подразумѣвая подъ послѣдней какъ ученіе о склоненіяхъ и спряженіяхъ, такъ и вообще словообразованіе. Но и здѣсь едва еще даже затронуть вопросъ о томъ, что морфологія есть не что иное, какъ остатки отдаленной до исторической эпохи синтаксиса индо-европ. праязыка.

Дожидается своей очереди также и систематическая обработка этимологіи (корнесловіе). Въ этомъ отношеніи любопытна попытка внести въ современную грамматическую науку, сверхъ установленія основного значенія словъ сеобразно со значеніемъ найденнаго корня, еще другую часть лексикографіи, а именно семасіологию, или ученіе о развитіи и видоизмѣненіяхъ значенія отдѣльныхъ словъ (ср. напр. различіе значеній въ *os*, *ogator*, *ogare*). Но здѣсь замѣчается нѣкоторое недоразумѣніе. Семасіологія не можетъ быть признана самостоятельною грамматическою дисциплиною, а лишь дополненіемъ и развитіемъ этимологіи, такъ какъ послѣдняя, вмѣстѣ съ корнемъ, указываетъ основное значеніе слова, первая же дальнѣйшую исторію развитія этого значенія. Тѣмъ не менѣе выдѣленіе и систематизація семасіологіи возможна столько же, сколько это допускается напр. при стилистикѣ. Нужно сожалѣть, что въ *Handbuch*-ѣ Ивана Мюллера семасіологія не нашла себѣ подобающаго мѣста, несмотря на присутствіе особаго отдѣла, посвященнаго лексикографіи и притомъ порученаго въ латинской своей части тому же лицу, которому принадлежитъ и переработка 2-й части Рейзитовыхъ *Vorlesungen* (см. ниже). Не совѣтъ правильно и то, что въ томъ, озаглавленномъ „Греческое и латинское языковѣдніе“, реторика обработана не съ грамматической точки зрѣнія, а съ технической, примѣнительно къ практическимъ требованіямъ древняго ораторскаго искусства.

Языковѣдніе, даже и въ теперешнемъ своемъ фазисѣ, является не только не достаточно полнымъ: его нельзя также назвать вполне законченнымъ даже и въ тѣхъ частяхъ, которыя болѣе всего разрабатываются имъ. Незаконченность въ значительной степени зависить отъ понятнаго увлеченія со стороны „молодого“ направленія въ примѣненіи установленныхъ имъ принциповъ, влекущее за собою большое колебаніе въ частныхъ выводахъ. Тѣмъ не менѣе многіе результаты, достигнутые въ области фонетики и морфологіи, столь существенны и важны, что до извѣстной степени приходится съ ними считаться даже и школьной грамматикѣ (ср. напр. новѣйшее изданіе I части грамматики Нидерле-Мейера).

Удобнымъ пособіемъ для ознакомленія съ греко-латинской фонетикой и морфологіей въ „младо-грамматическомъ“ освѣ-

нении служить, кроме труда Густава Мейера для греч. грамматики и 2-го изданія Швейцеръ-Зидлера для латинской, главнымъ образомъ очерки этихъ дисциплинъ въ Handbuch-ѣ Ив. Мюллера, появившіеся уже 2-мъ изданіемъ. Особенно важенъ трудъ Бругмана. Цѣль Handbuch-а состоитъ въ томъ, чтобы дать возможность съ наименьшею тратою времени ориентироваться въ той или другой дисциплинѣ классической филологии примѣнительно къ новѣйшимъ результатамъ данной науки. Бругманъ, стоя во главѣ новой школы языковѣдовъ, оказался въ состояніи выполнить взятую на себя задачу съ наибольшимъ успѣхомъ, тѣмъ болѣе что, сравнительно съ многими другими представителями этого направленія, онъ обладаетъ отчетливымъ и удобопонятнымъ слогомъ и умѣемъ отдѣлять существенное отъ второстепеннаго. При этомъ нельзя видѣть особенной бѣды въ томъ, что, вопреки цѣли Handbuch-а, онъ нерѣдко оставляетъ въ сторонѣ толкованія другихъ, отдавая предпочтеніе (по большей части заслуженное) своимъ собственнымъ.

Вся грамматика Бругмана, увеличенная въ настоящемъ изданіи на сто страницъ слишкомъ (въ 1 изд. было 125 стр., теперь 236), раздѣляется на 4 части: а) введеніе въ греч. грамматику, б) греч. фонетика, с) греч. морфология, d) греч. синтаксисъ.

Въ § 1 „Введенія“ идетъ рѣчь объ исторіи греческаго языковѣдѣнія, при чемъ надлежащее вниманіе обращено на отношеніе класс. филологіи къ сравнительной грамматикѣ, въ § 2 характеризуются вкратцѣ основные принципы Бругмановой школы, и наконецъ въ § 3 слѣдуетъ обзоръ греч. діалектовъ. Последній параграфъ подвергся во 2 изданіи значительному расширенію и введена отчасти другая группировка діалектовъ. Нѣсколько, однако, странно, что Бругманъ уклоняется тутъ отъ отвѣта на вопросъ о происхожденіи гомерическаго діалекта, довольствуясь фактическимъ замѣчаніемъ, что „это языкъ искусственный, въ которомъ смѣшаны формы разныхъ временъ и разныхъ діалектовъ и который въ этомъ видѣ никогда не могъ быть разговорнымъ языкомъ народа“. Однако чѣмъ же вызвано возникновеніе такого „искусственнаго“ языка, и какимъ путемъ произошло это смѣшеніе діалектовъ? Безъ сомнѣнія, въ основаніи этой „искусственности“ лежатъ естественныя условія развитія. Если не что иное, то по крайней мѣрѣ сюжеты гомерическаго эпоса занесены на іоническую почву изъ эолическаго сѣвера, гдѣ находилась сама Троя. Присутствіе же въ іоническомъ текстѣ элементовъ какого другого діалекта, болѣе всего похожего на „эолическій“, могло произойти или отъ того, что эти чужіе элементы съ теченіемъ времени внесены въ первоначально чисто іоническій текстъ, или же это, наоборотъ, остатки болѣе древняго состоянія этого текста, подвергшагося современнѣ

ионизации. Само по себѣ возможно и то и другое; но въ связи съ содержаніемъ гомерическихъ поэмъ болѣе вѣроятна вторая возможность. Поэтому попытка Фикка возстановить гомерическій текстъ въ первоначальной эолической формѣ заслуживаетъ болѣе вниманія, чѣмъ ей удѣлено у Бругмана (ограничившагося одними библиографическими данными), такъ какъ это доказано, съ какою легкостью множество гомерическихъ стиховъ можетъ быть переложено на эолическій диалектъ. Кстати можно замѣтить, что посредникомъ въ дѣлѣ ионизации гомерическаго текста могъ явиться до извѣстной степени городъ Скеписъ съ его тиранической династіей „Энеадовъ“. Кромѣ вопроса о „происхожденіи“ языка Гомера, Бругману не слѣдовало обходить молчаніемъ и послѣдующую исторію гомеровскаго текста, имѣющую столь важное значеніе напр. въ вопросѣ о такъ наз. растяженіи, который онъ, впрочемъ, тоже обходитъ (на стр. 38) простымъ указаніемъ на литературу этого вопроса.

Отдѣлъ о фонетикѣ раздѣленъ на слѣдующія группы: 1) произношеніе буквъ, 2) гласные, носовые и плавные (имѣвшіе въ 1 изданіи всѣ втроемъ общее обозначеніе Sonorlaute), 3) смычные (нѣмые), 4) спиранты, 5) особыя измѣненія звуковыхъ группъ, 6) удареніе.

Въ § 5, неправильно подведенномъ подъ заглавіе „гласные, носовые и плавные“, прибавлены во 2 изданіи весьма полезныя, хотя къ сожалѣнію слишкомъ краткія, звукофизиологическія замѣчанія подъ заглавіемъ: „Фонетическія объясненія“. Въ § 10 прибавлено интересное примѣчаніе о томъ, что даже такія важныя формы у Гомера какъ *θεά*, *Ἐριέλας*, *Ἀργείδαο* врядъ ли чисто іоническія, но основанія такого сужденія не даны. Расширенъ § 11, трактующій объ индо-европ. правычнымъ полугласномъ (изображенномъ у него перевернутымъ вверхъ курсивнымъ *e* т.-е. *ə*), имѣвшемъ подобіе съ *ц-сл.* *ъ* и *ь* или, точнѣе м. б., съ семитическимъ шва, хотя самъ Бругманъ страннымъ образомъ рекомендуетъ (стр. 23, прим. подъ чертой) произносить его какъ нѣмецкое *ä*. Въ § 12 слѣдовало бы яснѣе указать физиологическую разницу (т.-е. способъ произношенія) звуковъ *i* и *u* съ одной стороны и спирантовъ *j* и *v* съ другой, тѣмъ болѣе, что греч. *Ϝ* равнялось въ произношеніи скорѣе *ц*, чѣмъ *v*, какъ замѣчаетъ самъ Бругманъ (стр. 30 подъ чертой); звукъ *ц* можно бы сравнить съ диалектическимъ произношеніемъ русскаго *в* въ концѣ словъ почти какъ *у*, напр. „совѣ“ почти = „соу“. Предположеніе о долгихъ носовыхъ сонантахъ (*n̄*, *m̄*), помѣщенное въ 1 изд. въ примѣчаніи и съ недоувѣріемъ, внесено теперь съ одобреніемъ

въ текстъ; то же самое касается долгихъ плавныхъ сонантовъ въ § 23. Пополненъ и притомъ существенно измѣненъ во 2 изданіи важный § 24, трактующій о томъ, что въ прежнее время называли подъемомъ (*Steigerung*), а теперь отзвукомъ (*Ablaut*) или смѣногласіемъ (*Vocalabstufung*). Между тѣмъ какъ въ 1 изданіи устанавливались три степени смѣногласія: низкая (слабая), средняя и высокая (сильная), напр. *γυ: γεν: γον, λιθ: λιθ: ποιθ*, теперь допускаются только двѣ главные степени: низкая (слабая) и высокая (сильная), но съ нѣсколькими подстепенями въ каждой, а именно: въ слабой степени два вида (*tonlos* и *nebentonig* по терминологіи Остгофа), въ сильной же даже цѣлые четыре, названные первой, второй и пр. сильной степенью. При этомъ терминологія перваго изданія соответствуетъ новой въ слѣдующемъ порядкѣ: прежняя слабая степень осталась при томъ же наименованіи (*Tiefstufe*), но съ прибавленіемъ *tonlose* (или *nebentonige*); прежняя средняя степень переименована теперь въ первую сильную; затѣмъ 3 и 4 степенями считаются тѣ случаи, въ которыхъ появляется долгое *η* (= 3 степень) и *ω* (= 4 степень), соответственно краткимъ *ε* (= 1 степень) и *ο* (= 2 степень), напр. *δυσ-μενής* при *μένος* и *μενες* —. Позволительно, однако, сомнѣваться въ томъ, насколько необходимо такое нововведеніе, по крайней мѣрѣ въ этомъ видѣ, такъ какъ оно объясняетъ въ сущности только низкую степень (стр. 24, послѣднія двѣ строчки), между тѣмъ какъ высокія степени просто лишь „перенумерованы“. Изложеніе § 34 о придыхательныхъ нельзя назвать достаточно яснымъ, вслѣдствіе чего и соответствующая диссимилация въ § 60 вышла не достаточно ясной; а между тѣмъ уже на основаніи латинской транскрипціи (напр. *Philippus*) можно прямо сказать, что греч. *φ* звучало приблизительно какъ *пс*; то же самое видно изъ удвоенія (*π* въ *πέ-φευα* могло получиться только въ томъ случаѣ, если и въ началѣ корня *φευ* слышался звукъ *π*, т. е. если *πέφευα* произносилось приблизительно такъ: *пепхеуα*). „Перестановка“ звука *ι* въ *φαίνω* изъ *φαίω* названа въ § 54 эпентезисомъ, между тѣмъ какъ тутъ же въ примѣчаніи другія слова этого рода, напр. *κτείνω φθειρώ* (произведенныя въ § 30 изъ *κτείνω φθερίω*) отнесены къ „замѣнительному растяженію“, о которомъ рѣчь идетъ въ § 56; однако изъ изложенія Бругмана не легко понять, почему нужно дѣлать такое различіе въ объясненіи повидимому однородныхъ явленій.

Подобныя замѣчанія можно было бы сдѣлать также и по отношенію къ морфологіи, распадающейся на слѣдующіе отдѣлы: 1) предварительныя замѣчанія, 2) именная и мѣстоименная флексія [съ тремя подраздѣленіями: а) образованіе именныхъ основъ, б) именныя падежи, с) мѣстоименное склоненіе], 3) „приложе-

вѣ" (ко 2-му номеру), заключающее въ себѣ: а) степени сравненія, б) числительныя, с) именное сложеніе; наконецъ 4) глагольная флексія съ надлежащими подраздѣленіями. Уже одно это дѣленіе нельзя назвать удачнымъ въ виду внесенія смѣшаннаго номера 3, прозваннаго къ тому же Anhang-омъ. Вошедшій въ этотъ Anhang отдѣлъ объ именномъ словосложеніи (§§ 102 сл.), подвергся во 2 изданіи полной передѣлкѣ и въ настоящемъ видѣ составляетъ безъ сомнѣнія лучшую по цѣльности и систематичности часть всей греческой грамматики Бругмана.

Нельзя назвать удачною также и систему обозрѣнія глагольныхъ основъ. Въ особенности обнаруживается это неудобство по отношенію къ аористамъ, не получившимъ цѣльнаго изложенія. Изъ общей массы аористовъ выдѣлены въ особую рубрику только сигматическія основы (§ 136 сл.), остальные же разбросаны по разнымъ параграфамъ, касающимся преимущественно основъ настоящаго времени, и этой участи подверглись не только такъ наз. вторые аористы дѣйств. (и возвр.) залога, но также и страд. аористы на *-ην* и *-θην*. Не получается цѣльнаго представленія также и объ отдѣльныхъ типахъ греческаго спряженія; особенно же недостаточно то, что въ разныхъ мѣстахъ книги можно найти о слитномъ спряженіи.

Не имѣя здѣсь возможности входить въ подробный разборъ отдѣльныхъ толкованій, принимаемыхъ Бругманомъ въ морфологіи, мы приведемъ, для характеристики какъ самой книги, такъ и самаго направленія той школы, въ духъ которой она написана, краткія свѣдѣнія изъ содержанія нѣсколькихъ параграфовъ.

Въ § 77 разныя формы суффикса *вин. ед.* сведены къ одному *-m*, вмѣвшему то значеніе согласнаго (послѣ гласныхъ), и тогда оно = греч. *ν*, то значеніе сонанта (послѣ согласныхъ) и тогда оно = греч. *α*, напр. *χώρα-ν*, но *τῆ(ν)-α* изъ *πᾶν-m* = лат. *nav-um*. Во 2 изданіи благоразумно опущена теперь ужасная на видъ форма **ροῦνι(ῖ)-m*, выставленная въ 1 изд. какъ первообразъ греческаго *λοῦναι*.

Въ § 97 при *род. ед.* внесено теперь въ текстъ указаніе на смѣногласіе суффикса *-os* (давшаго въ лат. языкѣ *-us*) и *-es* (= лат. *-is*) и даже просто *-s* въ *χώρα-ς* (хотя допускается здѣсь и возможность сліянія основнаго *α* съ *-os* или *-es*); смѣногласіе ряда *-os, -es, -s* такое же, какъ напр. въ *γος, γες, γν*. Основательно замѣчаніе въ примѣчаніи къ этому параграфу о формѣ *Πλάσι-ς*, игравшей нѣкогда такую же роль, какъ латинское *Proserpās*.

Въ § 81 суффиксомъ *дат. ед.* выставлено *-αι*, которое, сливаясь съ конечными звуками основъ на *-αι* и *-ο* (1 и 2 склон.), даю еще въ праязыкѣ *-αι* и *-οι* = греч. *α* и *ω*.

По § 82 суффиксъ *локатива* ед. ч. былъ *ι*, который при основахъ на *-ο* даетъ окончаніе *οι* = греч. *-οι* (*οἶκοι*) или, съ смѣногласіемъ, *-εῖ* = греч. *εἰ* (*παρθένεῖ*). Окончаніе *-αι* не объясняется; но можно думать, что подобное смѣногласіе, какъ и при основахъ на *-ο*, существовало также и при основахъ на *-ᾱ*, т. е. рядомъ съ *-ᾱι* (параллельно къ *-οι*) существовало и *ᾱῖ* (параллельно къ *-εῖ*), сохранившееся въ греч. *χαῖαι* и т. п. Даже гом. форма *πόληι* рядомъ съ *πόλει* можетъ представлять собою ту же смѣногласную двойственность; но Бругманъ предпочитаетъ видѣть здѣсь особый типъ.

По § 83 суффиксомъ инструменталія признается *-ᾱ*, сохранившееся будто въ греч. *ᾱμ-α*. Съ основами на *-ᾱ* это в слилось еще въ праязыкѣ въ *-ᾱ*, съ основами на *-ο* то въ *ῶ*, то въ *-ῆ*; въ послѣднемъ случаѣ оказывается то же смѣногласіе, какъ и въ *локативѣ*.

Въ § 84 Бругманъ колеблется насчетъ объясненія формъ двойств. ч. основъ на *-ο*, напр. *ἔλω*, такъ какъ *-ω* могло произойти изъ *-ο + ε* или же оно можетъ быть = праяз. *-βι* (скр. *-βι*). Но во всякомъ случаѣ, по его мнѣнію, по аналогіи муж. рода *ἔλω* преобразованъ не только средній родъ, напр. *ζυῶ* (вмѣсто ожидаемаго **ζυοῖ*), но даже и форма основъ на *-ᾱ*, напр. *χώρα* вмѣсто ожидаемаго *χῶραι*. Послѣднее, хотя и сохранилось въ греч. языкѣ, но уже въ значеніи множ. числа, въ которомъ оно (по § 86) вытѣснило древнюю форму множ. числа на *-ᾱs* (изъ *-ᾱ + es*), сохранившуюся напр. въ италійскихъ діалектахъ; подобнымъ образомъ при основахъ на *-ο* первоначальное *-ῶs* (изъ *-ῶ + es*) вытѣснено окончаніемъ *οι*, принадлежавшимъ первоначально только мѣстоименному склоненію.

Греческій суффиксъ вин. мн. *-ας* произошелъ (§ 87), какъ и *-α* въ ед. ч., изъ слогового *-ns* съ *nasalis sonans*.

Суффиксъ средняго рода мн. ч. (по § 88) = индо-европ. шва (см. выше), давшему греч. *ᾱ*; основы на *-ο* имѣли первоначально долгое *ᾱ* (очевидно вслѣдствіе сліянія).

Въ род. мн. (§ 89) имѣлся суффиксъ *-ῶm*; отъ сліянія съ основами на *-ο* получилось долгое *-ωm*, которое перенесено потомъ и на другія основы. Слѣдовало, м. б., прибавить, что это перенесеніе долгаго *-ωm* произошло не безъ вліянія долготы въ мѣстоименномъ окончаніи этого суффикса *-(σ)ωm*, тѣмъ болѣе, что послѣдній цѣликомъ усвоенъ основами на *-ᾱ*, такъ какъ напр. *θεῶων* объясняется изъ **θεᾶ-ων*.

Суффиксъ *локатива* множ. числа *-σι*, преобразовался изъ *-σι* примѣнительно къ суффиксу *локатива* ед. ч. (§ 90). Такими *локативами* признаются не только обычные формы 3 склоненія (ср. *πατρά-σι*), но и др. *-αττ. ταῖα-σι* (позднѣе только въ нарѣчныхъ

формахъ, напр. *θύρα-σι*), а также и гом. *λύχοι-σι*, при чемъ гласный *i*, въ послѣднемъ случаѣ, обозначалъ, по мнѣнiю Бругмана (§ 93), множ. число; по образцу 2 склоненiя появилось также и въ 1 склон. *χώραι-σι* вм. *χώρᾱ-σι. Напротивъ форма *λύχοις* = инструменталю (§ 91) изъ первоначальнаго *λύχοι-ς; по образцу *λύχοις* образовано вновь *χώραις*, такъ что совпаденiе греческаго *-αις* съ итал. *-ais* (лат. *-eis, -is*), по изложенiю Бругмана, является дѣломъ случая. Однако ср. наши замѣчания объ этихъ формахъ въ „Падежахъ“ стр. 326. Подобнымъ образомъ § 92 о суффиксѣ *-φι* ср. съ нашимъ изложенiемъ въ „Пад.“ стр. 341 сл.

Приводимъ еще нѣсколько выдержекъ изъ отдѣла о глагольной флексiи, а именно изъ статьи о личныхъ окончанiяхъ (см. нашу статью въ Ж. М. Н. Пр. 1883, ноябрь „Нѣсколько вопросовъ морфологiи лат. глагола“, стр. 189 сл.).

Долготу суффикса *-ō* въ 1 ед. (§ 107) Бругманъ объясняетъ предположительно изъ слиянiя краткаго основнаго *-o* съ особымъ личнымъ окончанiемъ *-a*; ср. *-a* въ перфектѣ, въ объясненiи котораго Бругманъ, однако, колеблется, допуская также толкованiе изъ *-m* (*pasalis sonans*).

Окончанiе во 2 ед. *φέρεις* произошло изъ **φερεῖ = φερε-(σ)ι*, къ которому вновь присоединилось личное окончанiе *-ς*; такимъ образомъ въ *φέρεις* заключаются оба суффикса *-σι* и *-ς*. Что же касается послѣдняго суффикса вообще, то Бругманъ допускаетъ теперь, что такое *-ς* могло быть искони присущимъ не только историческимъ временамъ, но и главнымъ, на ряду съ суффиксомъ *-σι*, т. е. въ наст. времени могли быть сперва двѣ параллельныя формы *φερε-σι и *φερε-ς, такъ что *φέρεις* является какъ бы среднимъ выводомъ изъ обѣихъ. Въ формахъ *τίθη-ς δίδω-ς* сохранилась форма съ суффиксомъ *-ς*, такъ какъ изъ первоначальнаго **τιθη-(σ)ι* должно было получиться слитное *τιθη, а съ присоединенiемъ суффикса *-σ* *τιθη-ς. Древняя двойственность допускается Бругманомъ также при формахъ *ἔσ-αι* и *ἔλ* изъ *ἔ(σ)ι*, чѣмъ устраняется искусственное толкованiе первой изъ нихъ.

При 3 ед. происхожденiе формы *φέρει* представляется Бругману въ слѣдующемъ видѣ: какъ было *φερες въ наст. времени, такъ могло быть и *φερετ, долженствовавшее перейти, по спеціально греч. фонетикѣ, въ *φερε, которое потомъ преобразовано въ *φέρει* по аналогической пропорцiи съ *φέρους φέροι, ἔφερες ἔφερε*, въ которыхъ 3 лицо отличается отъ втораго только отсутствiемъ звука *-ς*.

Въ 3 мн. окончанiе *-ντι* дало разные результаты, какъ и суффиксы вин. падежа, смотря по тому, было ли согласнымъ звукомъ (послѣ гласныхъ, напр. *φέρωντι* и дагѣе *φέρουσι*) или,

напротивъ, сонантомъ (*nasalis sonans*), при чемъ ударенное *-n̄ti* переходило въ *-anti* и далѣе въ долгое *-āti* (какъ *-ouai* изъ *outi*), между тѣмъ какъ изъ *-nti* безъ ударенія получалось краткое *-ati* безъ *n*, какъ и *-ātai*, *-āto* изъ *-ntai*, *-nto*.

Филологъ, не занимающійся спеціально сравнительнымъ языковѣдѣніемъ, но желающій познакомиться съ современными результатами этой науки въ приложеніи къ греч. грамматикѣ, почерпнетъ изъ книги Бругмана массу поучительныхъ свѣдѣній и притомъ, такъ сказать, прямо изъ первыхъ рукъ. Признательно къ назначенію книги, 2 изданіе обнаруживаетъ замѣтное стремленіе облечь изложеніе въ возможно общедоступною (элементарную) форму. Послѣдующія изданія, нужно полагать, изгладятъ еще болѣе впечатлѣніе конспекта университетскихъ лекцій, получавшееся при чтеніи 1-го изданія.

Въ слѣдующей книгѣ „Филологическаго Обзорнія“ перейдемъ къ лат. фонетикѣ и морфологіи Шмальца; о синтаксисѣ же Бругмана будемъ говорить одновременно съ разсужденіемъ по поводу синтаксиса Шмальца.

И. Петушилъ.

K. Reisig's Vorlesungen über lat. Sprachwissenschaft mit den Anmerkungen von Friedrich Haase. I. Band („этимология“) neu bearbeitet von H. Hagen 1881; III. Band (синтаксисъ) neu bearbeitet von I. H. Schmalz und Dr. G. Landgraf 1888; II. Band (семасиология) neu bearbeitet von F. Heerdegen 1890.

Нѣкогда славившіяся лекціи по лат. грамматикѣ Рейзига, переизданныя Фридрихомъ Газе, въ теченіе послѣдняго десятилѣтія изданы снова нѣсколькими учеными, оставившими, по примѣру Газе, текстъ Рейзига въ I и III томахъ безъ существенныхъ перемѣнъ, равно какъ и примѣчанія Рейзига, присоединивъ къ нимъ свои собственные. Принадлежность первоначальному автору, равно какъ и прежнему и новымъ издателямъ, отмѣчена при помощи типографскихъ знаковъ. Такимъ образомъ легко прослѣдить исторію отдѣльныхъ вопросовъ лат. грамматики, такъ сказать, въ подлинникѣ.

Текстъ Рейзига, какъ по изложенію предмета, такъ и нерѣдко даже по содержанію, устарѣлъ настолько, что значеніе новаго изданія заключается главнымъ образомъ въ примѣчаніяхъ теперешнихъ издателей. Въ особенности въ синтаксисѣ заключается такая огромная масса матеріала къ исторіи лат. языка и лат. грамматики, какую не встрѣтимъ ни въ какой

другой книгъ по этому предмету. Матеріалъ этотъ, вслѣдствіе своеобразной системы Рейзига, правда, сильно разбросанъ, особенно въ нѣкоторыхъ статьяхъ; но онъ теперь легко доступенъ, благодаря подробнымъ реестрамъ, составленнымъ Ландграфомъ и приложеннымъ ко 2 тому (вышедшему послѣднимъ).

Но какъ ни цѣненъ собранный новыми издателями матеріалъ, значеніе этой книги и теперь уже умалется въ значительной степени существующими уже сочиненіями Нейе, Дрегерра, Кюнера, Шмальца, а въ скоромъ времени оно, вѣроятно, будетъ утрачено окончательно послѣ появленія въ свѣтъ объявленнаго уже Тейбнеромъ (Mitth. 1891, № 3) изданія 4-томной научной грамматики лат. языка, подготовляемой Ландграфомъ, Шмальцемъ, Штольцемъ и Вагенеромъ при содѣйствіи Вѣльфолина.

Впрочемъ второй томъ „Лекцій“ въ обработкѣ Гердегена находится на особомъ положеніи. Кромѣ текста Рейзига, съ примѣчаніями Газе и новаго издателя, послѣднимъ прибавленъ вновь составленный имъ очеркъ семасіологии подъ заглавіемъ „Grundzüge der lat. Bedeutungslehre“. Очеркъ этотъ, занимающій большую половину тома, сохранить свое значеніе и послѣ появленія упомянутой выше пространной грамматики, какъ единственный пока опытъ систематизаціи этой части науки примѣнительно къ современнымъ требованіямъ. Содержаніе очерка Гердегена слѣдующее. Собственному систематическому изложенію предпослана вступительная часть, заключающая въ себѣ слѣдующія заглавія: а) Введеніе, б) Задача латинской семасіологии, с) Отношеніе ея къ прочимъ грамматическимъ дисциплинамъ. Затѣмъ слѣдуетъ первая или общая часть: а) Введеніе, б) Объ историческомъ развитіи значеній латинскихъ словъ, с) Измѣненіе значеній и ихъ объемъ; значеніе и употребленіе. Наконецъ идетъ вторая или специальная часть: а) Введеніе, б) Перенесеніе значеній, с) Суженіе значеній (детерминація); д) Мѣстоименное перенесеніе и суженіе значеній; е) Субституція и уклоненіе значеній.

Какъ изъ этого оглавленія видно, Гердегенъ принимаетъ три основныя принципа, которыми исчерпываются всѣ случаи измѣненія въ значеніи словъ. Принципы эти слѣдующіе: перенесеніе (translatio), суженіе (determinatio) и субституція. Изъ этихъ трехъ принциповъ самые главные — первые два, между тѣмъ какъ третій составляетъ лишь своего рода прибавленіе къ нимъ. При этомъ „перенесеніе значенія“ и „суженіе значенія“ являются прямой противоположностью другъ другу, такъ какъ въ первомъ случаѣ происходитъ расширеніе объема значенія съ сокращеніемъ его содержанія, во второмъ, наоборотъ, суженіе объема съ обогащеніемъ содержанія. Переносное значеніе словъ столь обычное явленіе, что не нуждается въ по-

ясненіи или примѣрѣ. Для суженія или ограниченія значенія интереснымъ и притомъ нагляднымъ примѣромъ можетъ служить слово *templum*. Происходя отъ корня *tem* („рѣжу“ въ греч. *τέμνω*), оно означаетъ сперва „отрѣзанное“, „отрывокъ“, „кусокъ“ вообще, затѣмъ специально „кусокъ (участокъ) земли“, еще частіе „участокъ земли, приписанный къ какому-либо святилищу“ (о причинѣ этого ограниченія значенія см. въ комментаріи И. Нетушила къ Ливію I гл. VI § 4) и, наконецъ, еще съ большимъ ограниченіемъ „зданіе священное, находящееся на такомъ участкѣ земли“ = „храмъ“; рядомъ съ этимъ постепеннымъ суженіемъ значенія происходило и нѣкоторое расширеніе, основанное на перенесеніи: 1) объ участкѣ видимаго горизонта, освященномъ авгуромъ во время авспіцій и 2) о всякомъ освященномъ мѣстѣ, хотя бѣ и было оно освящено только *ad hoc*, напр. для комицій. Сюда же принадлежатъ употребленіе въ ту или другую сторону такъ называемыхъ *voces mediae*, о которыхъ слѣдовало Гердегену упомянуть специально въ этомъ отдѣлѣ; такъ напр. *fortuna* означаетъ „судьбу“ вообще, но обыкновенно употребляется только въ хорошую сторону — о „счастіи“. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ основное общее значеніе утрачено и сохранилось только одно изъ обоихъ направленій, въ хорошую или въ дурную сторону. Изъ примѣровъ, приведенныхъ Гердегеномъ, укажемъ на слово *latro*, обозначавшее вообще „вооруженнаго человѣка“, также въ хорошемъ смыслѣ = „наемникъ“ (*ξένος*) или вообще = *miles*; такимъ же образомъ *hostis* (по этимологіи = „гость“) обозначало сперва всякаго иноземца или чужого; русское „гость“ сохранило хорошій смыслъ, лат. же *hostis* приобрѣло съ теченіемъ времени исключительно только значеніе „врагъ“. Наконецъ, подѣ субституціей разумѣетъ Гердегенъ тѣ случаи, въ которыхъ одно слово начинаетъ замѣнять собою другое, синонимическое, напр. *audire* (въ особенности въ соединеніи съ *bene* или *male*) въ томъ значеніи, которое прежде было свойственно слову *cluere*; или *dicere* = *δείκνυμι*, замѣнявшее слово *agere* въ значеніи „говорить“, вслѣдствіе чего, въ свою очередь *agere* получило болѣе ограниченное значеніе „просить“.

И. Н.

Сборникъ статей по классической древности. Изданіе Кіев. Отд. Общ. классич. филол. и педагог. Вып. III. К. 1887 (268 стр. 8°).

Кіевское отдѣленіе Общества классической филологіи и педагогики подарило русскую филологическую литературу уже многими полезными трудами, въ числѣ которыхъ періодическій „Сборникъ статей по классической древности“ занимаетъ не послѣднее мѣсто. Въ настоящее время имѣются три выпуска этого сборника и объявленъ четвертый. Если принять во вниманіе тѣ матеріальныя затрудненія, съ которыми, какъ это явствуетъ изъ недавно опубликованнаго отчета, приходится бороться Обществу, то нельзя не подивиться энергіи и настойчивости его членовъ. Тѣмъ съ болѣшимъ удовольствіемъ пользуемся случаемъ, чтобы напомнить читателямъ о его трудахъ, весьма достойныхъ вниманія.

Третій выпускъ помянутаго „Сборника“ вышелъ въ свѣтъ уже около четырехъ лѣтъ тому назадъ, и настоящая замѣтка о немъ является нѣсколько запоздалою. Выпускъ этотъ заключаетъ въ себѣ четыре отдѣльныя, довольно объемистыя статьи. Всѣ онѣ, очевидно, предназначаются для образованной публики вообще и, какъ по содержанию своему, такъ и по изложенію, простому и ясному, могутъ составить и для неспеціалистовъ доступное и интересное чтеніе, хотя двѣ изъ нихъ („Этнографическій очеркъ древней Италіи“ В. Петра и „Культъ Весты въ древнемъ Римѣ“ И. Турцевича) обставлены весьма полнымъ ученымъ аппаратомъ и имѣютъ характеръ самостоятельныхъ изслѣдованій.

Сочиненіе г. Петра распадается на двѣ половины: въ первой авторъ послѣдовательно излагаетъ исторію заселенія Италіи, дѣлая краткую характеристику каждаго племени и стараясь опредѣлить его отношеніе къ другимъ племенамъ, во второй же — слѣдить за постепеннымъ распространеніемъ латинскаго элемента по всей странѣ. Несмотря на запутанность вопроса и обиліе выписокъ изъ источниковъ, авторъ искусно справился съ матеріаломъ и представилъ движеніе италійскихъ племенъ въ отчетливой картинѣ. Можно лишь пожалѣть, что не всѣ народности, составлявшія населеніе древней Италіи, разсмотрѣны имъ съ одинаковою обстоятельностью. Такъ, напр.,

своего отношенія къ спорному вопросу объ этрускахъ или расинахъ и о ихъ происхожденіи г. Петръ нигдѣ не высказалъ ясно и вообще слишкомъ мало мѣста удѣлилъ въ своемъ трудѣ этому важному ингредиенту италійскаго населенія, о которомъ теперь, послѣ работъ Дееке, Бугге, Тайлора, Шеффера и др., все же можно было бы сказать многое не совсѣмъ безынтересное для русскаго читателя. Г. Петръ примыкаетъ къ тѣмъ изслѣдователямъ, которые считаютъ этрусковъ племенемъ анарійскимъ (стр. 22); но, какъ извѣстно, и противоположное мнѣніе до сихъ поръ не оставлено и въ свою защиту можетъ сослаться на солидные ученые авторитеты. Вообще, по нашему мнѣнію, тонъ догматическаго изложенія опасенъ и неудобенъ тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о вопросахъ древнѣйшей исторіи Италіи, — гдѣ, что ни шагъ, то загадка. По этой причинѣ мы считаемъ упущеніемъ со стороны автора и то, что, говоря о сабинянахъ и ихъ столкновеніи съ латинянами, онъ не упомянулъ, хотя бы *honoris causa*, о гипотезѣ сабинскаго владычества надъ Римомъ. Слѣды такого владычества, обнаруженные Швеглеромъ, Ине (*Röm. Gesch. I, стр. 17 сл.*) и Фольвардсенемъ (*Rhein. Mus. 33, стр. 538 слл.*), не настолько малочисленны, чтобы ихъ можно было игнорировать.

Г. Турцевичъ далъ для „Сборника“ большую статью о культѣ Весты и институтѣ весталокъ. Нельзя было выбрать темы благодарнаго и удачнаго, послѣ того какъ плодотворныя раскопки въ Римѣ доставили по вопросу о культѣ Весты столько новаго матеріала, а изслѣдованія Гордана и Прейнера въ такой мѣрѣ обновили къ нему интересъ. Къ сожалѣнію, имѣющаяся въ „Сборникѣ“ часть труда г. Турцевича не заключаетъ въ себѣ ни исторіи раскопокъ, ни подробнаго изложенія ихъ результатовъ. Она имѣетъ дѣло лишь съ антикварными подробностями Вестина культа. Послѣ общихъ замѣчаній о культѣ огня вообще и культѣ очага въ частности, авторъ разсматриваетъ способъ назначенія весталокъ, ихъ отношеніе къ коллегіи понтификовъ, ихъ обязанности и положеніе, ихъ образъ жизни и т. п. Въ изложеніи своемъ авторъ, очевидно, не претендуетъ на полноту (иначе онъ, быть можетъ, на стр. 183 сл. не обошелъ бы молчаніемъ попытку нѣкоторыхъ новѣйшихъ ученыхъ установить отношеніе между числомъ весталокъ и числомъ древнихъ трибъ), но выдающіеся моменты римскаго служенія Вестѣ старается изобразить съ возможною обстоятельностью и для этого приводитъ культурно-историческія параллели изъ религіи и быта различныхъ племенъ земнаго шара, сохраняющихъ обычаи постояннаго поддерживанія огня. Непонятно только, почему при этомъ оставленъ въ сторонѣ

безспорно родственный греческій культъ Гестіи, который имѣеть столько общаго съ римскимъ поклоненіемъ Вестѣ¹⁾).

Кромѣ названныхъ двухъ статей въ „Сборникѣ“ имѣется еще небольшая работа Э. Ярыша „Книжное дѣло у древнихъ грековъ и римлянъ“, составленная главнымъ образомъ по Бирту, Марквардту, Беккеру и Шмитцу, и переводъ отрывка изъ известнаго сочиненія Г. Буассье „Excursions archéologiques“ подъ назв. „Вилла Гадріана“. Къ книгѣ приложены двѣ таблицы: сравнительное изображеніе древнихъ алфавитовъ и планъ виллы Гадріана.

Случайно или нѣтъ, — неизмѣримо большая часть разсматриваемаго выпуска посвящена Риму. На долю Греціи пригласъ лишь первая глава статьи г. Ярыша.

А. Деревницкій.

W. H. Roscher, Ausführliches Lexicon der griechischen und römischen Mythologie. Erster Band (Aba — Nysiris). Mit zahlreichen Abbildungen. Leipz. 1884—1890 (VIII + 3024 столб. 8).

Наше время ознаменовано въ области филологической литературы появленіемъ цѣлаго ряда изданій болѣе или менѣе общаго, энциклопедическаго характера, затѣваемыхъ по большей части въ грандіозномъ масштабѣ, а потому и требующихъ коллективной работы многихъ ученыхъ: „Словарь греческихъ и римскихъ древностей“ Дарамберга и Сальо, два параллельныхъ изданія „Памятниковъ древности“ Баумейстера, известное руководство Ив. Мюллера, систематическія собранія античныхъ памятниковъ въ родѣ тѣхъ, которыя издаются Германскимъ Археологическимъ институтомъ, Брунномъ и Арндтомъ, Курціусомъ и Адлеромъ и др., наконецъ монументальный „Словарь греческой и римской мифологіи“, предпринятый около семи лѣтъ тому назадъ известнымъ мифоло-

1) Существенное отличіе римской Весты г. Турцевичъ видятъ, между прочимъ, въ томъ, что ея культъ находился въ вѣдѣніи жриць-женщинъ, между тѣмъ какъ „культъ государственнаго очага у грековъ поручался всѣмъ и всегда мужчинамъ“ (стр. 181). Однако тѣ вдовы, которыя въ Дельфахъ (*Πυθοί*), по словамъ Плуларха (*Нит.* 9), поддерживали неугасаемый огонь, были вѣдь также служительницами Гестіи, почитавшейся во многихъ мѣстахъ Греціи въ качествѣ *σύνεδρος* Аполлона. Срв. h. Номег. 24: *Ἰστίη, ἥτε ἀναχτος Ἀπόλλωνος ἐκάτοιο Πυθοί ἐν ἡγαθέῃ ἱερῶν δόμον ἀμφιπολεύεις κτλ.* (см. примѣч. Гемолла въ этомъ мѣстѣ). Въ святилищѣ ботійскаго союза неугасаемый огонь также поддерживали женщины (Раув. IX, 84). Срв. теперь Reuher Hestia въ Рошеровскомъ „Мифол. Словарѣ“.

гомъ Рошеромъ, — все это лишь самая выдающіяся литературная явленія указаннаго порядка. При подавляющей массѣ частныхъ изысканій, при невѣроятномъ ростѣ и крайней специализации ученой литературы, зачастую даже обработка менѣ крупнаго отдѣла какой-нибудь филологической дисциплины заставляетъ изслѣдователя искать товарищей и пособниковъ, и трудъ, задуманный и начатый однимъ лицомъ, превращается такимъ образомъ мало-по-малу въ коллективную работу. Самовѣйшій образчикъ такого явленія представляетъ недавно вышедшая въ свѣтъ книга Суземиля „Gesch. der griech. Litteratur in der Alexandrinerzeit“ (срв. Vorwort, стр. VI).

Мы не станемъ говорить о тѣхъ удобствахъ и выгодахъ, которыя представляетъ принципъ раздѣленія труда въ примѣненіи къ большимъ справочнымъ книгамъ, при составленіи коихъ имѣется въ виду главнымъ образомъ исчерпывающая полнота содержанія. Эти удобства и выгоды очевидны, и врядъ ли кто нынѣ безъ оговорки согласится съ Ла-Брюйеромъ, утверждавшимъ когда-то въ началѣ своихъ „Характеровъ“, что „еще не было видано образцоваго произведенія ума, которое было бы трудомъ нѣсколькихъ лицъ“. Если недостатки при такомъ участіи многихъ работниковъ въ произведеніи одной ученой работы и неизбежны, то изъ нихъ обыкновенно существеннымъ является лишь отсутствіе строгой выдержанности и единства въ обработкѣ отдѣльныхъ частей, — въ особенности когда этотъ недостатокъ ощущается не только во внѣшнемъ характерѣ различныхъ статей или отдѣловъ, въ стилѣ, въ манерѣ изложенія, въ большей или меньшей глубинѣ и обстоятельности, но и въ самой точкѣ зрѣнія на предметъ.

Последнее, между прочимъ, весьма возможно въ изданіи, подобномъ тому, которое мы теперь имѣемъ въ виду. Ни одна научная область не представляетъ столько простора для произвола субъективныхъ предположеній, догадокъ, гипотезъ, какъ миеологія. Матеріалъ, подлежащій изслѣдованію миеолога, отличается большою эластичностью и допускаетъ самую разнообразную группировку, поддается самымъ разнообразнымъ толкованіямъ, служитъ для самыхъ разнообразныхъ выводовъ. Потребно напряженное вниманіе редактора и нуженъ строгій подборъ сотрудниковъ для того, чтобы отдѣльные статьи „Миеологическаго словаря“, вышедшія изъ разныхъ лабораторій, могли быть сплочены въ живое, органическое цѣлое. Нельзя поэтому не отнестись съ полнымъ одобреніемъ къ заявленію г. Рошера, что для него и его пособниковъ „при составленіи отдѣльныхъ статей на первомъ планѣ стояло по возможности объективное, сжатое и вмѣстѣ съ тѣмъ полное, постоянно утверждающееся на источникахъ изложеніе

сохраненныхъ литературнымъ преданіемъ миеовъ, равно какъ и относящихся къ нимъ культовъ, при надлежномъ пользованіи памятниками образовательныхъ искусствъ; толкованіе же миеовъ стояло уже на второмъ планѣ: оно давалось съ подробностью или даже полагалось въ основаніе изложенія лишь тамъ, гдѣ оно несомнѣнно или по крайней мѣрѣ вѣроятно. И слѣдуетъ признаться, что тенденція эта до сихъ поръ въ книгѣ выдержана довольно послѣдовательно, при чемъ въ большинствѣ случаевъ читатель находитъ помимо толкованія, принимаемаго авторомъ, и сжатый сводъ иныхъ имѣющихся въ литературѣ толкованій.

Наиболѣе крупными отдѣлами представляются слѣдующіе: Ахиллъ, Эантъ, Эней, Афродита, Аполлонъ, Арей, Аргонавты, Артемида, Асклепій, Афина, Діонисъ, Діоскуры, Фортуна, Гиганты, Горгоны, Гера, Гераклъ (покамѣсть готова лишь вторая часть, посвященная вопросамъ такъ назыв. „художественной миеологіи“), Геркулесъ (въ двухъ редакціяхъ), Гермесъ, Герой, Гестія. Не можемъ не обратить особеннаго вниманія читателя на превосходную статью Ф. Денекена о герояхъ (Heros), занимающую въ словарѣ болѣе 150 столбцовъ убористой печати. Главный интересъ этой статьи заключается въ весьма полномъ и мастерскомъ очеркѣ апофеоза умершихъ людей (ст. 2516 сл.). Многія стороны древняго культа мертвыхъ стали выясняться лишь въ самое послѣднее время, отчасти благодаря открытію новыхъ эпиграфическихъ данныхъ, пролившихъ яркій свѣтъ и на относящіеся сюда литературныя свидѣтельства. Г. Денекенъ разсматриваетъ отдѣльные случаи обожествленія умершихъ или, точнѣе, сопричисленія ихъ къ лику героевъ (Herosisirung, греч. ἀφηροίσιον) въ хронологическомъ порядкѣ и пытается топографическими указаніями опредѣлить степень распространенія этого религіознаго обычая. При этомъ онъ затрогиваетъ, какъ и слѣдовало ожидать, вопросъ объ отношеніи культа героевъ къ внутренней организаціи различныхъ обществъ и корпорацій въ древней Греціи, — вопросъ, выдвинутый нынѣ вновь на очередь замѣчательными трудами Фукара (*Les associations religieuses en Grèce*) и Виллямо-вида (*Phil. Unters.* IV, стр. 263 сл.).

Въ статьѣ объ Аполлонѣ, принадлежащей самому Рошеру, желательно было бы болѣе подробное изложеніе того, что относится къ мантической функціи божества: глава IV, посвященная этому предмету (ст. 434), отличается конспективнымъ характеромъ и представляетъ пробѣлы (напр. *Ἄλ. Σμνθεύς* и мантическое значеніе мыши въ Аполлоновомъ культѣ обойдены молчаніемъ; вмѣсто перечисленія Аполлоновыхъ оракуловъ, во всякомъ случаѣ нелишняго въ миеологическомъ словарѣ, слѣ-

лана ссылка на Шемана, Германа и Ринка, а дельфійскому оракулу посвящено лишь 15 строкъ). Въ этомъ отношеніи соотвѣтствующія части статей „Amphiaraos“, „Asklepios“, „Gaia“ обставлены лучше и богаче матеріаломъ. Наоборотъ непропорціонально длиннымъ кажется намъ отступление о диеирамбѣ и драмѣ въ отдѣлѣ о Діонисѣ, — особенно если сравнить это отступление съ тѣмъ немногимъ, что сказано въ словарь объ Аполлонѣ, какъ божествѣ музыки и поэзіи. Въ общемъ, впрочемъ, статья о Діонисѣ, составленная Фойгтомъ, принадлежитъ къ числу лучшихъ и даетъ обстоятельное объясненіе вакхическаго оргіазма въ духѣ Маннгардта. Съ интересомъ читается и обилуетъ литературными указаніями статья Шерера „Nades“; къ сожалѣнію, при перечисленіи культовъ этого божества въ ней пропущены синопскій и проистекшій отъ послѣдняго александрійскій (срв. Plut. De Is. et Osyr. с. 28), пользовавшійся такимъ выдающимся значеніемъ во времена Птолемеевъ. Заслуживаютъ также вниманія отдѣлы, веденные Раппомъ (Attis, Bellerophon, Eos, Helios, Hephaios и др.).

Важнѣйшіе вопросы художественной міеологіи разработаны Фуртвенглеромъ, Тремеромъ (Thraemer) и Шереромъ, и нѣкоторыя статьи, сюда относящіяся (напр. Діонисъ, Гераклъ и др.), достигли весьма почтенныхъ размѣровъ. Выборъ иллюстрацій сдѣланъ толково, при чемъ издатели, естественно, оставяли свое вниманіе преимущественно на наиболѣе характерныхъ памятникахъ искусства, а отчасти и на наименѣе извѣстныхъ и неизданныхъ. Не мѣшало бы нумеровать отдѣльныя фигуры, что сдѣлано не вездѣ. Въ иныхъ, болѣе важныхъ случаяхъ можно было бы пожелать большаго обилія изображеній. Напр. Фидіеву Аѣнну *Παρθέρος* слѣдовало бы представить тремя (Athena Varvakion, Ath. Lenormant, гемма Аспазія), а не одною только копіею; въ статьѣ о гигантахъ недостаетъ снимка съ метопъ Пареенона; нѣтъ также снимковъ съ селинунтскихъ метопъ въ статьяхъ „Gorgonen“ и „Herakles“. Иногда (въ особенности при рисункахъ памятниковъ, впервые изданныхъ) желательно было бы указаніе масштаба и точное обозначеніе мѣста нахождения памятника.

Въ дополненіе къ греко-римской міеологіи редакторомъ словаря включены въ его составъ многія статьи, относящіяся къ міеологіи народовъ востока, этрусковъ и кельтовъ и принадлежащія Эд. Мейеру, Штейдингу, Дрекслеру и Дееке. Хотя нѣкоторыя божества, вошедшія такимъ образомъ въ словарь, и не имѣютъ никакихъ точекъ соприкосновения съ кругомъ божествъ классическаго пантеона (напр. Alanteboda, Eaeus, Hinthial и т. п.), а нѣкоторыя изъ нихъ даже и семитическія (напр. Arciaco), тѣмъ не менѣе нельзя не порадоваться этому

существенному обогащенію книги, помогающему между прочимъ намъ, классикамъ, подчасъ ориентироваться въ литературѣ, правда, смежной, но чужой научной области и всегда представляющему интересное и поучительное чтеніе. Дрекслеръ кромѣ того сдѣлалъ кое-гдѣ и нумизматическія указанія, опять таки существенно дополняющія ту часть словаря, которая посвящена художественной миеологіи.

Редакціоннымъ недосмотромъ слѣдуетъ признать отсутствие однообразной программы въ изложеніи крупныхъ отдѣловъ. Для лицъ, поставленныхъ въ необходимость часто обращаться за справками къ словарю, существованіе опредѣленнаго порядка рубрикъ не безразлично. Между тѣмъ въ одномъ мѣстѣ мы находимъ перечисленіе символовъ и атрибутовъ божества въ первой (миеологической) части отдѣла, въ другомъ — это перечисленіе отнесено къ послѣдней (художественной) части (срв. Apollon и Artemis); этимологическое объясненіе имени то стоитъ, какъ и должно, во главѣ статьи, то присоединено въ концѣ, въ видѣ аппендикса; въ однихъ отдѣлахъ есть на лицо топографическія указанія, въ другихъ они отсутствуютъ; одни авторы выдѣляютъ миеологическія параллели въ особую рубрику, другіе вовсе не приводятъ такихъ параллелей. Словомъ, во внѣшнемъ распредѣленіи и отчасти даже въ выборѣ матеріала редакторомъ, очевидно, предоставлена сотрудникамъ полная свобода, что для читателей имѣетъ свои неудобства.

Въ видѣ прибавленія ко второму тому обѣщана, кромѣ обзора миеографіи у древнихъ, исторія новѣйшихъ миеологическихъ теорій. То и другое вполне цѣлесообразно и достойно завершить колоссальный трудъ, начатый и съ такою настойчивостью и энергіею продолжаемый г. Рошеромъ вмѣстѣ съ все возрастающимъ обществомъ даровитыхъ товарищей. Первый томъ этого труда уже успѣлъ сдѣлаться настольною книгою у всѣхъ друзей классической филологіи и античнаго искусства. Остается пожелать, чтобы по возможности скорѣе къ нему присоединился второй, содержаніе котораго обѣщаетъ быть еще богаче и интереснѣе.

А. Деревицкій.

O. Ribbeck. Geschichte der Römischen Dichtung. Stuttgart. I, 1887. II, 1888.

Первый томъ книги О. Риббека обнимаетъ собой исторію римской поэзіи отъ зачатковъ ея до вѣка Августа, второй — вѣкъ Августа. Почтенный ученый, отдавшій всю свою жизнь спеціальному изученію римскихъ повтовъ и почти ни одного сколько-нибудь замѣтнаго или темнаго вопроса въ этой области не оставившій безъ всесторонней разработки, — такой ученый задумалъ освѣтить намъ общіе результаты своихъ детальныхъ работъ, захотѣлъ дать своей научной дѣятельности нѣкотораго рода обобщеніе, если можно такъ выразиться. Побужденія, руководившія авторомъ при составленіи книги, сразу становятся для насъ ясны при взглядѣ на вступительныя страницы 1-го тома — послѣдній посвященъ видному представителю нѣмецкой литературы П. Гейзе¹⁾. Ясно такимъ образомъ, что Риббекъ хотѣлъ написать не сухое, ученое излѣдованіе, которое было бы по плечу только спеціалистамъ, но книгу, способную возбудить живой интересъ въ широкой массѣ читающей и мыслящей публики безъ различія профессій; онъ, по его собственнымъ словамъ, хотѣлъ пополнить давно чувствовавшійся въ литературѣ пробѣлъ — „грубый скелетъ облечь плотью и по силѣ возможности вызвать къ жизни“²⁾. И рѣдко кому было бы легче выполнить эту задачу, чѣмъ О. Риббеку. Такую книгу нельзя написать прямо по тѣмъ или другимъ источникамъ и пособіямъ — это есть, повторяемъ, фокусъ цѣлой жизни глубокаго ученаго таланта. Подавляющая эрудиція и полное господство надъ источниками дали Риббеку возможность дѣлать совершенно неожиданныя сопоставленія и распоряжаться своимъ матеріаломъ съ истинно виртуозной легкостью. Мы воздержимся отъ изложенія содержанія книги и отъ приведенія подробныхъ иллюстрацій къ нашему разбору, потому что рѣдко можно встрѣтить сочиненіе болѣе послѣдовательное, въ рѣдкомъ трудѣ опредѣленные, сознательно выработанные методы изслѣдованія находятъ на каждой страницѣ болѣе тщательное примѣненіе — мы просто теряемся въ выборѣ наиболѣе выпук-

¹⁾ An Paul Heyse, V—VI.

²⁾ Ibid.

лыхъ примѣровъ. Книгу можно прямо рекомендовать какъ высоко-научное приложеніе тѣхъ приѣмовъ, которыхъ долженъ держаться изслѣдователь при разработкѣ исторіи римской (да и не одной римской) литературы, и съ этой точки зрѣнія она должна имѣть огромное воспитательное значеніе: мы не знаемъ, напр., другой книги, которая бы принесла больше пользы и удовольствія начинающему студенту при первыхъ шагахъ его филологическаго образованія.

По существу книга представляетъ очень мало новаго: все почти ея содержаніе мы можемъ отыскать на страницахъ специальныхъ журналовъ и монографій за подписью или самого автора, или другихъ изслѣдователей¹⁾. Но постоянно имѣя въ виду составъ своихъ читателей, Риббекъ совершенно основательно опустилъ всякія цитаты²⁾, полемику, вообще весь ученый аппаратъ; это однако не отразилось на степени научнаго достоинства книги: мы всегда ясно видимъ мотивы, которые привели автора къ тому или другому выводу или заставили его принять чью-либо чужую мысль; онъ никогда не выдаетъ возможное за достовѣрное, предположеніе за прочный выводъ, умѣетъ сохранить чувство мѣры и не выйти за предѣлы своего часто очень скуднаго матеріала. Последнее особенно бросается въ глаза въ I томѣ, гдѣ автору почти все время приходится имѣть дѣло съ „развалинами, осколками и обломками“³⁾. Достаточно прочесть, напр., его страницы о Цециліи или Пакувіи, чтобы изумиться мастерству, съ которымъ онъ даетъ цѣльную и вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ правдивую фигуру поэта на основаніи пустычныхъ отрывковъ его произведеній и нѣсколькихъ строкъ о немъ у позднѣйшихъ писателей; Риббекъ не упускаетъ изъ виду ничего, что можетъ пролить свѣтъ на характеръ писателя или его твореній: языкъ, метръ и сухіе, повидимому, вопросы дипломатическаго преданія — все у него дѣлаетъ свое дѣло.

Основная мысль книги — прямая зависимость римской литературы отъ греческой, и потому всѣ усилія автора направлены на проведеніе границы между заимствованнымъ римлянами у грековъ и проявленіемъ оригинальнаго римскаго творчества. Но и въ предѣлахъ самой римской литературы онъ старается показать преемственность явленій и прослѣдить въ содержаніи, языкѣ и даже въ приѣмахъ возрожденіе у даннаго писателя его литературныхъ предковъ. Руководясь такимъ историческимъ

1) Положимъ, въ главѣ объ Энніи можно усмотрѣть знакомство автора съ сочиненіями L. Müller'a, E. Zarncke, Vahlen'a, Bergk'a и др.

2) Изъ новыхъ ученыхъ упоминается, если мы не ошибаемся, одинъ только Нибуръ (I. 8).

3) Посвященіе, V.

методомъ, изучая писателей во времени, Риббекъ не забываетъ изучать ихъ и въ пространствѣ; для этого онъ даетъ характеристики литературныхъ кружковъ, взвѣшиваетъ политическія и общественныя условія, среди которыхъ складывалась литературная фізіономія писателя; отмѣчаетъ его происхожденіе, климатъ родины, матеріальныя условія жизни, наконецъ случайныя знакомства. У него нѣтъ отдѣльныхъ рубрикъ: „біографія писателя“, „оцѣнка его произведеній“ и т. п., онъ переплетаетъ одно другимъ, при чемъ содержаніе литературныхъ произведеній излагается имъ не въ порядкѣ изданія, а въ порядкѣ, истекающемъ изъ внутренняго смысла произведеній, сообразно съ извѣстными приѣмами автора, по типамъ его сочиненій и т. п. Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ мы получаемъ связный рядъ живыхъ образовъ, и у насъ по мѣрѣ знакомства съ книгой крѣпнетъ убѣжденіе, что римская литература есть извѣстный органическій процессъ, въ которомъ не было такъ называемыхъ „одинокостоящихъ“ явленій. Книга написана вполне современнымъ намъ тономъ и очень образнымъ, даже иногда вычурнымъ языкомъ; находя съ Риббекомъ романсы у Горація*), читая характеристики современной Овидію золотой молодежи и львицъ тогдашняго общества, мы положительно забываемся и иной разъ можемъ подумать, что рѣчь идетъ не о Римѣ I-го в., а о Вѣнѣ или Парижѣ XIX-го в.

Не можемъ въ концѣ не выразить сожалѣнія, что эта изящная и по внѣшности и по внутреннему содержанію книга до сихъ поръ не переведена на русскій языкъ. Правда, переводъ ея представляетъ огромныя трудности благодаря необыкновенной картинности и блеску языка, но трудности эти искупаются для переводчика сознаніемъ важности заслуги его не только передъ спеціальной наукой, но и передъ всѣми тѣми слоями русскаго общества, которые не о хлѣбѣ единомъ живы бываютъ.

Ал. С—овъ.

*) II, 250.

Учебный атласъ античнаго ваянiя, составилъ проф. И. Цвѣтаевъ, т. I. Арханческiй періодъ (издано въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ). Изданіе Кабинета Искусствъ Импер. Моск. Университета.

Къ первому тому собранныхъ проф. И. Цвѣтаевымъ фотографій, исполненныхъ въ заведеніи г. Гольдберга, приложено пока только краткое оглавленіе, но, какъ мы слышали, предполагается болѣе обстоятельное и подробное описаніе въ родѣ вѣмецкихъ изданій подобнаго рода (напр. Seemann'a); несомнѣнно, что тогда изданіе много выиграетъ. Но и въ настоящемъ своемъ видѣ оно представляетъ лучшее пособие по древнему искусству, какъ по полнотѣ и разнообразію собраннаго въ немъ матеріала, такъ и по вѣдшему исполненію. Правда, что для студентовъ университета атласъ этотъ едва ли доступенъ по цѣнѣ; хотя она и назначена безъ всякаго дохода для издавнаго атласъ учрежденія, но все-таки оказывается довольно высокой, такъ что одинъ первый томъ, въ 43 большихъ таблицы, стоитъ свыше 15 рублей, а такихъ томовъ еще предвидится, по крайней мѣрѣ, два, при чемъ второй, судя по вышедшей уже его части, представляющей для публики болѣе интересъ, обойдется еще дороже. Но университетъ, вѣроятно, не замедлитъ сдѣлать этотъ атласъ болѣе доступнымъ, такъ какъ для занятій археологіей это изданіе весьма полезно и цѣнно. Намъ кажется, что, стремясь къ полнотѣ, составитель отчасти упустилъ изъ виду матеріальную сторону дѣла; иначе онъ, вѣроятно, исключилъ бы изъ таблицъ нѣкоторые монументы, не имѣющіе особенной важности, особенно въ таблицахъ 8—20 и др. Напр. цѣлыхъ двѣ таблицы (27 и 28) наполнены довольно однообразными женскими статуями, найденными на аѳинскомъ акрополѣ; изъ данныхъ въ атласѣ 12 фигуръ за-глаза довольно было бы привести половину. Впрочемъ, слышнымъ оговориться, полнота лучше недостатка, а указываемое изданіе, если чѣмъ и грѣшитъ, то только полнотой. Мы замѣтили лишь одинъ пропускъ, именно Аполлона Наксосскаго среди опять-таки длиннаго ряда арханческихъ Аполлоновъ. Что касается до архантической скульптуры, то, хотя этотъ отдѣлъ въ атласѣ и весьма не великъ, всего двѣ таблицы (9 фигуръ), но понятіе объ этомъ родѣ памятниковъ изъ нихъ получается довольно полное. Остается пожелать проф. Цвѣтаеву довести свое дѣло до конца и позаботиться такъ или иначе сдѣлать это изданіе доступнымъ для учащихся.

Что же касается текста, то желательно на первыхъ же порахъ имѣть указанія относительно мѣстоахожденія каждаго памятника, а также откуда почерпнуто составителемъ данное имъ изображеніе, причемъ важна точность при составленіи такого указателя. Напечатанное „предварительное оглавленіе“ ничего этого не даетъ и составлено до того спѣшно, что цифры таблицъ перепутаны: находимъ двѣ одиннадцатыхъ таблицы и совсѣмъ нѣтъ 18-й.

В. А.

4*

А. Шварцъ. [*Ξενοφώντας*] *Ἀθηναίων πολιτεία*. О государствѣ афинскомъ, сѣченіе неизвѣстнаго автора V-го вѣка до Р. Х. Критическое изслѣдованіе. Москва 1891 (II + 178. 8°).

Значеніе, которое имѣеть трактатъ подъ приведеннымъ выше заглавіемъ для исторіи Аѳинъ V-го вѣка, и почти безнадежное состояніе, въ которомъ находится его текстъ, уже издавна привлекали на него вниманіе историковъ и эллинистовъ. Начиная съ извѣстнаго политико-эконома Рошера, впервые обратившаго серьезное вниманіе на цѣнность заключающихся въ трактатѣ мыслей, и А. Бѣка, выставившаго гипотезу о принадлежности его Критію, весьма многіе филологи (назовемъ Кирхгофа, Кобета, К. Ваксмута, Ланге, Миллеръ-Штрюбинга и т. д.) пытались собрать нужные матеріалы для его объясненія и разобраться въ тѣхъ противорѣчіяхъ, которыя подмѣчены были въ текстѣ трактата уже прежними издателями. Трудъ нашего ученаго преслѣдуетъ тѣ же задачи. Въ пяти параграфахъ введенія дается обзоръ предложенныхъ уже мнѣній для разъясненія смысла трактата, обосновывается новая гипотеза касательно происхожденія его (болѣе всего примыкающая къ воззрѣнію Кобета и К. Ваксмута), и дѣлается попытка точнѣе опредѣлить положеніе этого оригинальнаго произведенія среди политической литературы древнихъ аѳтиковъ. За введеніемъ слѣдуетъ греческій текстъ съ указаніемъ важнѣйшихъ отступленій отъ широко распространеннаго (3-го) изданія Кирхгофа, при чемъ въ примѣчаніяхъ дается сводъ и наиболѣе замѣчательныхъ догадокъ новыхъ ученыхъ касательно того или другаго мѣста; наконецъ идутъ обширныя примѣчанія, въ которыхъ, по словамъ автора, преслѣдовалась двоякая цѣль, а именно: представить, по возможности, полное подтвержденіе тому изложенію мыслей, которое дано было во введеніи, и дать подробное толкованіе нѣкоторыхъ, наиболѣе спорныхъ мѣстъ. Само собою разумѣется, автору приходится при этомъ коснуться цѣлага ряда историческихъ и грамматическихъ вопросовъ, новое разрѣшеніе которыхъ, безъ сомнѣнія, заинтересуетъ специалистовъ*).

— α —

*) Въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ журнала ред. надѣется помѣстить подробный отчетъ объ этой интересной книгѣ.

Classical Texts from Papyri in the British Museum, including the newly discovered poems of Herodas, edited by F. G. Kenyon, M. A. Fellow of Magdalen College, Oxford, Assistant in the Department of Manuscripts Br. M., with autotype Facsimiles of Mss. Printed by order of the Trustees (7 July, 1891).

Издавая, въ концѣ прошлаго года, вновь отысканное сочиненіе Аристотеля о государственномъ устройствѣ Аѳинъ, управление Британскаго Музея тогда же извѣщало о приобрѣтеніи имъ еще нѣкоторыхъ египетскихъ папирусовъ съ фрагментами греческихъ писателей. Лѣтомъ текущаго года, благодаря неутомимой дѣятельности служащихъ въ Британскомъ Музее лицъ, тексты этихъ папирусовъ уже сдѣланы достояніемъ ученаго міра въ изящномъ изданіи, вышедшемъ въ Лондонѣ подъ выше приведеннымъ заглавіемъ.

Наиболѣе интересными новинками этого тома являются, бесспорно, семь стихотвореній амбографа Герода¹⁾, фрагментъ рѣчи²⁾, приписываемой издателями оратору Гипериду, и отрывки краткаго грамматическаго трактата, принадлежащаго, какъ значитса на папирусѣ, грамматнику Трифону³⁾ (*Τρύφωνος τέχνη γραμματικῆ*). Кромѣ того, здѣсь же помѣщены колыяціи съ папирусовъ, содержащихъ уже ранѣе извѣстныя намъ произведеніи Демосѳена и Исократы (*Dem. epist. III* и *Isocr. de pace*) и нѣсколько фрагментовъ со стихами Гомера (*B 101—A 40*⁴⁾) и небольшіе отрывки изъ *A, Γ, Δ, E, Z, Σ, Ψ* и Ω).

1) Стихотворенія эти, цитуются подъ названіемъ *Μικράμβοι* у Стобея, написаны іоническимъ діалектомъ, общимъ для либической поэзіи, хотя съ примѣсью дорическихъ, повидимому, формъ, такъ называемыми холіамбами, и состоятъ изъ краткихъ діалоговъ, изображающихъ занимательныя сцены изъ повседневной жизни, въ родѣ XV-й идилліи Теоокрита и *ἑταιρικοὶ διάλογοι* Лукіана. Содержать каждое изъ этихъ стихотвореній отъ 85 до 129 стиховъ. Сюжетъ достаточно характеризуется приписанными заглавіями: *Μαστροπός, Πορνοβοσκόс, Διδάσκαλος, Ἀσκληπίῳ ἀντιθεΐσαι ἢ θναΐζουσαι* (съ любопытными для исторіи искусства подробностями), *Ζηλότυπος, Φιλιάζουσαι ἢ ἰδιάζουσαι* (ипитный разговоръ пріятельницъ), *Ἐκχεύς*. Среди меньшихъ фрагментовъ той же рукописи находятся заглавія и двухъ не сохранившихся стихотвореній: *ἐνύπνιον* и *ἀπονησιζόμενα*.

2) κατὰ Φ[ίλι]ππίδου.

3) Въ сохранившихся фрагментахъ рѣчь идетъ о личныхъ и притязательныхъ истонмевіяхъ (*ἀντωνυμίαι*) и несключаемыхъ частяхъ рѣчи: предлогахъ (*προθέσεις*), нарѣчіяхъ (*ἐπιρρήματα*) и союзахъ (*σύνδεσμοι*).

4) Этотъ фрагментъ открытъ былъ А. С. Нанкис'омъ еще въ 1854 г., но въ Британскій Музей поступилъ только въ 1888 г. Это по объему наибольшій фрагментъ Илиады изъ всѣхъ, до сихъ поръ отысканныхъ на папирусахъ, и предста-

Трудъ чтенія папируса, какъ и при изданіи Аристотелевой *Ἀθηναίων πολιτεία*, взялъ на себя Kenyon. Сиски его однако провѣрены были еще г. Wagner'омъ и содѣйствіе при изданіи ему оказано было и со стороны профессоровъ Jebb'a, Sandys'a, Hicks'a и Rutherford'a.

Изданы тексты различно. Фрагменты прозаическихъ сочиненій Гиперида и Трифона изданы обычнымъ способомъ съ знаками препинанія и употребительными надстрочными знаками. Стихотворенія Герода представлены въ точномъ снимкѣ съ рукописи, съ соблюденіемъ всѣхъ ошибокъ писцовъ, безъ всякой попытки эмендаціи или даже раздѣленія предложеній. Критическое установленіе текста, въ виду особенностей діалекта и многихъ малоупотребительныхъ и неясныхъ словъ, потребовало бы, по мнѣнію издателя, продолжительныхъ изысканій и надолго затянуло бы появленіе текста въ печати. Управление музея однако считало желательнымъ привлеченіе возможно большаго количества ученыхъ къ критикѣ и вездесѣзъ этихъ произведеній и предпочло тотчасъ же издать то, что могло быть разобрано въ рукописи. Впрочемъ, краткое содержаніе отысканныхъ стихотвореній, насколько они теперь уже могли быть поняты, литературныя справки по поводу этого малонизвѣстнаго поэта и сохранныхъ намъ другими писателями фрагментовъ его (они состоятъ изъ нѣсколькихъ строкъ, цитованныхъ Стобеємъ и Аеенеємъ) предлагаются читателю во введеніи и приложеніяхъ.

Цѣнными введеніями и замѣтками вышеназванныхъ ученыхъ снабжены и остальные фрагменты этого тома, могущіе, какъ кажется, въ свою очередь надолго занять вниманіе эллинистовъ.

Наконецъ, къ книгѣ приложено 9 фотографическихъ снимковъ съ письма папирусовъ, представляющихъ громадный интересъ и для палеографіи.

Заметьте еще ту особенность, что отдѣланъ въ формѣ не свитка, но книги. На 9-ти составляющихъ его листахъ, сложенныхъ пополамъ, вслѣдъ разъ исписана стихами только верхняя страница (всего 18 стр.); обратная сторона оставлена свободной, хотя позднѣе три изъ этихъ чистыхъ страницъ употреблены были на переписку вышеупомянутаго грамматическаго трактата Трифона. Текстъ, помимо любопытныхъ разночтеній, интересенъ тѣмъ, что въ *B* каталогъ кораблей (ст. 494—877) пропущенъ, но начальные его стихи 484—493 помѣщены въ рукописи. Для исторіи книжнаго дѣла въ древности этотъ фрагментъ имѣетъ весьма большой интересъ.

А. III.

Ein ästhetischer Kommentar zu Homers Ilias von Prof. Dr. Ed. Kammer.
Paderborn 1889 (344 стр.).

Заглавіе разбираемой книги не вполне соответствует ея содержанию; автору слѣдовало прибавить „und ein unästhetischer Kommentar zur unhomerschen Ilias“, такъ какъ этотъ послѣдній занимаетъ около половины книги. Съ него мы и начнемъ.

Судя по всему, авторъ писалъ и для ученыхъ, и вообще для образованныхъ людей, интересующихся поэмами Гомера; оттого то онъ, очевидно, и выдержки изъ Илиады приводитъ не въ подлинникъ, а въ нѣмецкомъ переводѣ. Задача эта сама по себѣ заслуживаетъ всякаго поощренія; непонятно только, почему авторъ счелъ нужнымъ предлагать этимъ своимъ читателямъ полемическій разборъ тѣхъ частей нашей Илиады, которыя онъ называетъ „Ein- und Zudichtungen der ursprünglichen Ilias“, считая только эту послѣднюю принадлежащей Гомеру. Если категоричная добросовѣстность не дозволяла ему ограничиться категорическимъ выдѣленіемъ изъ теперешней Илиады того, что онъ считаетъ собственностью Гомера, то онъ могъ развить свои воззрѣнія на этотъ вопросъ въ особомъ приложеніи: тогда читатель-неспециалистъ зналъ бы, что ему слѣдуетъ прочесть, и чего можно не читать; теперь же только первые 99 страницъ доступны неспециалисту, будучи посвящены исключительно „первоначальной“ Илиадѣ; остальное онъ долженъ оставить въ сторонѣ. Дѣйствительно, допустимъ, что „образованный“ читатель пожелалъ возобновить знакомство съ красотами гомеровскаго міра и избралъ руководителемъ г. Каммера; допустимъ, что онъ, по счастливой случайности, раскрылъ рапсодію, которую этотъ послѣдній признаетъ частью первоначальной Илиады, напр. XVI. Сначала все идетъ хорошо; онъ съ интересомъ слѣдитъ за умѣлымъ и изящнымъ изложеніемъ автора. Но вотъ онъ наталкивается на „Eindichtung“ — напр. смерть Сарпедона. Тотчасъ тонъ г. Каммера мѣняется, изъ спокойнаго дѣлается раздраженнымъ, изъ возвышеннаго — низменнымъ и вульгарнымъ; по адресу несчастнаго баяна, позволившаго себѣ встать въ гомеровскую поэму эпизодъ собственнаго изобрѣтенія, летятъ бранныя выраженія въ родѣ roh, trivial, läppisch, erbärmlich, Maulhelden — неужели такой разборъ можетъ доставить образованному читателю „эстетическое“ наслажденіе? А между тѣмъ имъ наполнена почти половина книги.

Но перейдемъ къ разбору гомеровской *Иліады*. Здѣсь авторъ дѣйствительно очутился на высотѣ своей задачи: этотъ разборъ читается съ истиннымъ наслажденіемъ. На стр. 3—39 г. Каммеръ даетъ мастерской пересказъ этой первоначальной *Иліады*; величественная драма, искаженная и затемненная позднѣйшими вставками, воскресаетъ передъ нами таковой, какой она была задумана поэтомъ. Прекрасна также вторая глава: „die Menschen der ursprünglichen Ilias“; это — изслѣдованіе о міросозерцаніи челоуѣка гомеровскихъ временъ, его отношеніи къ окружающей природѣ, одушевленной и неодушевленной, его взглядамъ на свою собственную жизнь и ея формы. Если бы вся книга г. Каммера была въ этомъ духѣ, то она могла бы служить прекраснымъ введеніемъ къ *Иліадѣ* и во всякомъ случаѣ заслуживала бы перевода, напр., на русскій языкъ. Но третья глава (объ Ein- und Zudichtungen) и вся вторая часть (разборъ отдѣльныхъ книгъ) рѣшительно портятъ впечатлѣніе первыхъ двухъ главъ, и если бы тѣмъ не менѣе книга г. Каммера нашла себѣ переводчика, то мы попросили бы этого послѣдняго избавить насъ отъ всего относящагося къ Nachdichter'amъ, которыхъ г. Каммеръ бранитъ *ὄλερ αἰῶν οὐδὲ κατ' αἰῶν*.

Въ предисловіи г. Каммеръ высказываетъ очень трезвое и здравое сужденіе о чтеніи Гомера въ гимназіяхъ, которое заслуживаетъ вниманія и съ нашей стороны. Да будетъ мнѣ дозволено сказать по этому поводу нѣсколько словъ. „Гомеровскому вопросу“ въ школѣ не мѣсто, — это совершенно правильно; но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы результаты „высшей критики“ Гомера вовсе не интересовали школы. Посольство *Θетиδης* въ XXIV рапсодіи, напримѣръ, — позднѣйшая вставка; объ этомъ школа можетъ и не заботиться. Но вѣдь это еще не все; эта вставка значительно ниже, по своему поэтическому достоинству, чѣмъ остальные сцены этой книги: она портитъ впечатлѣніе безсмертнаго свиданія *Πριάμου* съ *Αχιλλῶος*; отсюда прямо слѣдуетъ, что ее читать въ гимназіяхъ нельзя. То же относится и къ другимъ вставкамъ. А если такъ, то требованіе здраваго смысла заключается въ слѣдующемъ. *Иліада* венеціанскихъ рукописей должна быть предоставлена филологамъ; для чтенія въ гимназіяхъ слѣдуетъ возсоздать гомеровскую пѣснь о гнѣвѣ *Αχιλλῶος*. Эта „пѣснь“ будетъ состоять изъ слѣдующихъ рапсодій: I. Ссора царей (*A*—искл. 430—496). II. Собраніе ахейскаго войска (*B* искл. 53—86 и 477—785). III. Подвиги *Διομήδη* (*A* 272—456 и части *E*). IV. Свиданіе *Γεκτήρα* съ *Ανδρομάχῃ* (*Z*). V. Подвиги *Ἡκτορά* (*H* 1—12 и бѣльшая часть *Θ*). VI. Посольство къ *Αχιλλῶος* (*I* почти вся). VII. *Δολοניה* (*K* почти вся). VIII. Подвиги *Αγα-*

мемнона (А до 596 ст.) IX. Посольство Патрокла (А 597—848, части М и О). X. Подвиги и смерть Патрокла (II почти вся). XI. Горе Ахилла (части Р и почти вся Σ). XII. Примиреніе царей (части Т и Υ). XIII. Смерть Гектора (части Ф и Х). XIV. Тризна Патрокла (Ψ почти вся). XV. Приамъ у Ахилла (Ω искл. 24—142). Эту „пѣснь“ мы должны имѣть, прежде всего, въ особомъ некомментиrowанномъ изданіи, которое будетъ на половину меньше нашей нынѣшней Илиады; затѣмъ нужно будетъ послѣдовательно издавать отдѣльные ея рапсодіи съ объяснительными примѣчаніями; наконецъ нужно будетъ приноровить къ этой „пѣсни“ и переводъ Гнѣдича. Этого требуетъ, повторяю, здравый смыслъ; г. Каммеръ полагаетъ, что только врожденный его соотечественникамъ педантизмъ могъ заставить ихъ уклониться отъ исполненія такого яснаго требованія. А если такъ, то *quid oportet nos facere?*

Θ. Зѣлинскій.

Тита Манція Плавта „Горшокъ“ (*Aulularia*), переводъ А. Фета. Москва, 1891 г.

Мы полагаемъ, что читатель, не знакомый съ Плавтомъ, вынесетъ изъ чтенія перевода г. Фета весьма хорошее впечатлѣніе о самомъ переводѣ, какъ литературномъ произведеніи, и о талантѣ Плавта составитъ себѣ, если не вполнѣ вѣрное, то не превратное и не невыгодное для римскаго комика представленіе. Это, безъ сомнѣнія, большое достоинство перевода, являющагося такимъ образомъ не простымъ „переложеніемъ“ словъ переводимаго автора, а воспроизведеніемъ его творенія, быть можетъ, и нѣсколько вольнымъ, но въ общемъ вѣрно отражающимъ характеръ подлинника. Такой переводъ могъ дать лишь переводчикъ, не только способный болѣе или менѣе точно и отчетливо понять подлинникъ, но въ то же время свободно и широко распоряжающійся богатствами языка, на который онъ переводитъ, и обладающій значительной долей творчества въ области слова и крупнымъ поэтическимъ дарованіемъ. Филологъ, тѣмъ болѣе специалистъ по Плавту, отдавая полную справедливость талантливости перевода г. Фета въ общей сложности, замѣтитъ въ немъ, безъ сомнѣнія, не мало недочетовъ и погрѣшностей въ частности, но и онъ, навѣрно, найдетъ въ немъ много такого, что съ удовольствіемъ занесетъ на поля своего экземпляра *Aululariæ*.

Если переводъ г. Фета въ цѣломъ рядѣ случаевъ страдаетъ неточностью, вызванной какъ неудовлетворительнымъ пониманіемъ дѣйствительно трудныхъ мѣстъ, такъ и нѣкоторой поверхностностью отношенія переводчика къ тексту, то, съ другой стороны, многія трудныя для передачи на другой языкъ мѣста переведены г. Фетомъ весьма удачно и мѣтко, нерѣдко даже мастерски; этимъ въ значительной степени искупаются допущенныя неточности и промахи въ переводѣ. Относительно послѣднихъ замѣтимъ кстати, что они рѣдко влекутъ за собой такія явныя несообразности, какъ напр. стр. 56, ст. 116—120:

Гдѣ старецъ золото запряталъ, подмѣчаю;
И только онъ ушелъ, я съ дерева слѣзаю
И достаю горшковъ, что златомъ начиненъ.
Уходитъ тутъ старикъ; меня не видитъ онъ,
Затѣмъ что по пути пустился я другому.

По переводу оказывается, что „уходитъ“ уже „ушедшій“. Въ подлинникѣ сказано: „video recipere se senem“, что можно перевести хоть такъ:

Гляжу, старикъ назадъ; меня жъ не видитъ онъ.

или стр. 60, ст. 171 и слѣд.

Евкл. Накажи

Тебя Зевесъ, какъ ты не знаешь.

Въ подлинникѣ Евкліонъ говоритъ Ливониду, заявляющему о своемъ незнаніи, на какую покружу намекаетъ старикъ, слѣдующее:

Ita te amabit Iuppiter

ut tu nescis.

т.-е. „Юпитеръ будетъ (или: пусть будетъ) къ тебѣ такъ милостивъ, какъ ты не знаешь“, другими словами „согласно правдивости твоихъ словъ“.

Переводъ выражаетъ какъ разъ обратное; требуется или „Награди | тебя Зевесъ¹⁾, какъ ты не знаешь!“ или „Накажи тебя Юпитеръ! ты вѣдь знаешь“.

Стр. 51, ст. 58 и слѣд.:

Строб. Хоть пропасть, коль снесъ я что съ собой.

Евкл. Или хотѣлъ унести. Встряхни-ка плащъ-то свой.

¹⁾ Впрочемъ, въ переводахъ латинскихъ авторовъ слѣдуетъ избѣгать греческихъ мнѣологическихъ именъ, если имѣются соответствующія латинскія.

Тутъ не вѣренъ переводъ и не вѣрно распредѣленіе словъ между говорящими лицами.

У Плавта сказано:

Di me perdant, si ego tui quicquam abstuli

Nive adeo abstulisse vellem.

т.-е. „да погубятъ меня боги, если я похитилъ что-нибудь изъ твоей собственности или не хотѣлъ бы похитить“

Само собой разумѣется, что послѣднія слова „или не хотѣлъ бы похитить“ принадлежать тоже Стробилу, который произноситъ ихъ въ сторону: онъ, въ самомъ дѣлѣ, ничего не похитилъ, но не прочь похитить при удобномъ случаѣ. Въ нашихъ рукописяхъ эти слова, правда, отведены Евклиону, но уже въ ed. princ., равно какъ и въ другихъ старинныхъ изданіяхъ (напр. въ рѣдкой Iuntina I, 1514 г.), мы находимъ вѣрное распредѣленіе; къ нему же вернулись и новѣйшіе издатели, такъ какъ въ устахъ Евклиона такая прибавка къ клятвѣ Стробила не имѣетъ смысла. Вполнѣ вѣрный переводъ разсматриваемаго мѣста безъ труда укладывается въ рамкахъ стиховъ г. Фета:

Строб. Хотъ пропасть, коль снесъ я что съ собой —

Иль не хотѣлъ бы снести¹⁾. — Евкл. Встряхни-ка плащъ-то свой.

Невѣрное распредѣленіе перешло въ переводъ г. Фета изъ изданія Ноэля-де-Вержѣ, которому онъ слѣдовалъ, считая его почему то классическимъ²⁾ (Предисл., стр. VI). Вообще нельзя не пожалѣть о томъ, что почтенный переводчикъ не пользовался текстомъ Гётца (G. Goetz, Ричлевское изд., 1881) или англійскимъ комментированнымъ изданіемъ Вагнера (W. Wagner, Cambridge, 1881 (1876³⁾). Имѣя подъ руками болѣе исправный текстъ и дѣльный комментарий, г. Фетъ избѣгъ бы доброй половины допущенныхъ имъ промаховъ. Въ изданіи Ноэля предельстило г. Фета главнымъ образомъ то, что въ немъ „стихи съ наиболѣе крупною площадною солью выпущены“ (Предисл. VI). Вполнѣ соглашаясь съ похвальнымъ и уважительнымъ желаніемъ почтеннаго переводчика избавить читателя отъ нѣкоторыхъ Плавтовскихъ нескромностей, мы тѣмъ не менѣе полагаемъ, что съ „крупною площадною солью“ въ нашей комедіи онъ справился бы лучше, слѣдуя собственному эстетическому

1) Невѣрно переведены эти слова и у г. М. П. П—скаго, Ж. М. Н. Пр., дек. 1888, стр. 133: „Да пусть меня накажутъ боги, если | хоть что-нибудь унесъ или желалъ стянуть“; — но распредѣленіе репликъ тутъ вѣрно.

2) Вѣроятно, вслѣдствіе смѣшенія двухъ разныхъ значеній французскаго прилаг. „classique“.

чутью и вкусу, чѣмъ руководствуясь указаніями Новля-де-Вержѣ. Г. Фетъ по собственному почину выпустилъ бы, безъ сомнѣнія, в. 251. 285. 286. 304. 305. 637, можетъ быть, и в. 691. 692 и 797¹⁾), и комедія Плавта отъ этого, въ самомъ дѣлѣ, не пострадала бы; но мы полагаемъ, что почтенный переводчикъ иначе поступилъ бы съ в. 28. 29. 30. 33 и 36 пролога, не содержащими никакой „крупной площадной соли“, а просто заурядное обозначеніе факта, котораго въ нашей комедіи, какъ шила въ мѣши, не утайшь. Если г. Фетъ не усумнился оставить въ своемъ переводѣ 43-й стихъ II-го акта (в. 163), нисколько не смягчая выраженія подлинника, то онъ могъ смѣло перевести подходящими русскими словами выше указанные стихи и не заставлять читателей и тѣмъ болѣе читательницъ (Предисл., стр. V) уже во 2-й сценѣ I-го акта рѣшать довольно пикантный вопросъ, съ чего это „благочестивой“ дѣвущкѣ, о замужествѣ которой только еще хлопочетъ Ларъ, вдругъ „пора родитъ?“ Разрѣшеніе этой загадки, сначала нѣсколько игривое вслѣдствіе недоразумѣнія между Евклиономъ и Ликонидомъ, наступаетъ лишь въ послѣдней сценѣ IV-го акта, а до тѣхъ поръ репутація ни въ чемъ неповинной дѣвущки остается подъ сомнѣніемъ, и читатели да читательницы предоставлены собственнымъ догадкамъ. Такая предохранительная мѣра достигается, по нашему мнѣнію, лишь нежелательной цѣли. — Вдобавокъ, вслѣдствіе упомянутыхъ пропусковъ въ прологѣ „ст. 31 пролога непонятенъ: кто такой этотъ юный Ликонидъ?“ —

Не совсѣмъ мы согласны также съ формой, въ которую г. Фетъ облекъ свой переводъ Плавтовой комедіи; то, что по этому поводу говоритъ уважаемый переводчикъ въ предисловіи (стр. III), по нашему мнѣнію, не вполне справедливо. Если сочиненіе, написанное стихами, теряетъ, по замѣчанію г. Фета, „свою физиономію и запахъ“ въ прозаическомъ переводѣ, то палліата теряетъ ихъ, во всякомъ случаѣ, на половину отъ однообразія формы, отождествляющей ее съ сплошной декламацией, каковой палліата, походившая болѣе на нашу комическую оперу или оперетку, чѣмъ на обыкновенную нашу комедію, вовсе не была. Далѣе риема, внося въ античную драму чуждый ей элементъ, налагаетъ, кромѣ того, на переводчика такое стѣсненіе, съ которымъ не всегда благополучно справлялся даже такой опытный и искусный версификаторъ, какъ г. Фетъ. Мы могли бы привести изъ „Горшка“, кромѣ ряда не совсѣмъ безукоризненныхъ риёмъ, и не мало примѣровъ неточности перевода (пропусковъ, вставокъ, измѣненій)²⁾, вызванной ни чѣмъ инымъ, какъ тре-

¹⁾ Цитуемъ по изд. Гётца. — Послѣдніе три стиха можно бы и оставить, развѣ смягчивъ нѣкоторыя выраженія въ 691 и 797.

²⁾ Нѣсколько такихъ случаевъ см. ниже.

бываніями рѣмы и почти въ половинѣ всей пьесы сравнительно короткимъ объемомъ стиха (12 и 13 слоговъ вм. 15 и 16), въ который г. Фетъ облекъ не только простой діалогъ (*diverbiūm*) — противъ чего мы не возражаемъ, — но и всѣ кантики (*cantica*), т.-е. партіи драмы, предназначенныя на сценѣ для пѣнія подъ аккомпаниментъ музыки. Кантики, писанные сплошными ямбами или трохеями, слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, переводить стихами подлинника, не представляющими ни неразрѣшенныхъ загадокъ, ни непреодолимыхъ затрудненій для подражанія, разъ ихъ размѣръ не идетъ въ разрѣзъ съ просодическими и ритмическими качествами русскаго языка и, вдобавокъ, усвоенъ нашей поэзіей. Что касается кантиковъ (или частей кантиковъ) лирическихъ, отличающихся полиметрией или размѣрами, неудобными для подражанія, то переводчикъ воленъ облекать ихъ въ любую метрическую форму, подходящую по ритму къ содержанию¹⁾ (за исключеніемъ, конечно, стиха простого діалога). Къ послѣднему приему „*Aulularia*“ даетъ, правда, меньше поводовъ, чѣмъ нѣкоторые другія пьесы Плавта, но къ нему все-таки можно было прибѣгнуть напр. въ началѣ II-го акта (ст. 1—15) и въ сценѣ отчаянія Евклиона (9-я сц. IV-го акта).

Прежде чѣмъ перейти къ указанію отдѣльныхъ погрѣшностей перевода, мы позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній по поводу сообщаемыхъ г. Фетомъ въ предисловіи свѣдѣній о Плавтѣ, оказывающихся, къ сожалѣнію, большею частью невѣрными. Напрасно г. Фетъ относитъ рожденіе Плавта ко времени около 224 г. до Р. Х.: для этого нѣтъ никакихъ основаній. Напротивъ, всѣ дошедшія до насъ извѣстія о жизни и литературной дѣятельности Плавта заставляютъ насъ относить рожденіе римскаго комика къ концу 50-хъ годовъ 3-го вѣка до Р. Х. Далѣе намъ ничего неизвѣстно о томъ, что Плавту было суждено „увеселять триумфальныя празднества Марцелловъ и Сципионовъ“. Невѣрно также, что мы знаемъ, что большая часть комедій Плавта была играна въ Римѣ около конца 2-й пунической войны: во время 2-й пунич. войны (но когда, не извѣстно) играна была, безъ сомнѣнія, *Cistellaria* (I, 3, 54), вѣроятно, также *Menaechmi* (ок. 215 г.?), можетъ быть, и *Miles* (204—186 г.). Объ *Amphitruo*, *Captivi* и *Mostellaria* нельзя сказать ничего; *Stichus* былъ игранъ въ 200 г., а остальные изъ дошедшихъ до насъ комедій Плавта — между 196 и 186 г.; *Pseudolus*, повидимому, въ 191 г. Стало-быть, большая часть дошедшихъ комедій Плавта играна уже во 2-мъ в. до Р. Х., въ теченіе послѣднихъ 12 лѣтъ жизни поэта. Ни на чемъ не основано

¹⁾ Такъ поступилъ г. И. Х.—къ въ своемъ переводѣ Менехмовъ, Ж. М. Н. Пр. 1887 г.

и болѣе чѣмъ неправдоподобно утвержденіе, будто Плавтъ самъ былъ актеромъ въ собственныхъ произведеніяхъ. Въ Стихѣ и Эпидикѣ (вѣроятно, и въ нѣкоторыхъ другихъ комедіяхъ) игралъ Гай Публилій Полліонъ съ своей труппой; больше мы ничего не знаемъ. Свою литературную дѣятельность Плавтъ началъ, по свидѣтельству Геллія (III, 3, 14), черпавшаго изъ Варрона и другихъ источниковъ, только въ пору своего пребыванія въ услуженіи у мельника¹⁾, а не раньше; его коммерческимъ предпріятіямъ внѣ Рима предшествовала ближе намъ неизвѣстная служба при актерахъ (*artifices scenici*). Годъ смерти Плавта намъ точно извѣстенъ изъ Цидерона (*Brut.* § 60). Если Плавтъ, сочиняя своего Псевдола (не позже 191 г.), былъ уже старикомъ (*Cic. de sen.* XIV, § 50), то въ годъ его смерти (184 г.) ему могло быть не 40, а слишкомъ 60 лѣтъ. Плавту приписывалось не 120, а до 130 комедій (*Gell.* III, 3, 11)²⁾, между которыми несомнѣнно подлинными признавалось не 23, а 21; но Элій Стилонъ, учитель Варрона, признавалъ такими 25³⁾, а Варронъ, повидимому, 40⁴⁾. Въ числѣ греческихъ комиковъ, пьесы которыхъ передѣлывалъ Плавтъ, съ болѣе широкимъ правомъ можно было упомянуть о Менандрѣ, чѣмъ объ Эпихармѣ, такъ какъ

„Плавтъ съ успѣхомъ идетъ Сякудіюцу восплѣдъ Эпихарму“ не у Горация, у котораго (*Epist.* II, 1, 58) онъ „сплшитъ по примѣру Эпихарма“, а лишь въ не совсѣмъ точномъ переводѣ г. Фета. Плавтъ не могъ стѣсняться выраженіями, не прошедшими „черезъ школу грамматиковъ и риторовъ“, такъ какъ въ его время ни тѣхъ, ни другихъ въ Римѣ не было. Горация въ негодованіе приводила мнимая небрежность Плавтовскаго стихосложенія; нынѣ о ней рѣчи быть не можетъ. Сомнѣваться въ подлинности сообщаемыхъ Ноніемъ Марцелломъ (4 вѣкъ) отрывковъ изъ *Aul.* нѣтъ никакого основанія. Въ приводимомъ г. Фетомъ отрывкѣ слѣдуетъ, однако, читать „*esfodiebam*“, не „*affodiebam*“, и переводить „вырывалъ“ вм. „зарывалъ“. Выведенное Урцеємъ и другими изъ упомянутыхъ отрывковъ заключеніе объ окончательной судьбѣ „Горшка“, безъ сомнѣнія, вѣрно. Жаль, что г. Феть, составляя біографію Плавта, не воспользовался хоть столь доступной книгой, какъ лекціи по римской литературѣ В. И. Модестова.

1) Тоже у Иеронима.

2) По Сервію (*Praef. in Aen.*, p. 4, 15 Th.) 100.

3) *Gell.* III, 3, 12.

4) *Gell.* III, 3, 1 и слѣд.; *Ritschl, Parerga*, p. 128.

Переходимъ къ указанію нѣкоторыхъ погрѣшностей въ переводѣ и примѣчаніяхъ, которыя легко можно исправить въ новомъ его изданіи.

Стр. 3, ст. 5: „былъ преданъ“, врядь ли можно сказать объ отношеніяхъ божества къ человѣку.

Стр. 3, ст. 7: „подъ алтарь“; лучше и ближе къ подл.: „подъ очагъ“.

Стр. 3, ст. 9 и слѣд.: необходимо или распространить парентезу до „кладъ“ включительно и поставить тутъ запятую (ибо предложеніе „что... не рѣшился“ зависитъ отъ „такъ онъ въ душѣ скупился“) или читать въ началѣ ст. 10 „то“ вм. „что“.

Стр. 3, примѣч. 1: „Ихъ почти смѣшивали съ душами“ не ясно и сбивчиво; лучше: „Поклоненіе ларамъ... и беретъ свое начало въ культѣ умершихъ предковъ (Manes)“.

Стр. 4, ст. 14: „чтобъ могъ онъ“ не вяжется съ слѣдующими затѣмъ словами; требуется или: „чтобъ жилъ съ б. трудомъ...“ или: „что жить съ большимъ трудомъ могъ онъ да въ скудной долѣ“.

Стр. 4, ст. 16: „Я началъ ожидать, чтобъ сынъ меня почитилъ“ не соотвѣтствуетъ тексту и — да проститъ насъ уважаемый переводчикъ — какъ будто не совсѣмъ правильно и складно.

Стр. 6, ст. 11: „Ужъ боги пусть меня повѣсятъ“, врядь ли можно сказать; у Плавта сказано: „довели бы меня ужъ лучше боги до петли, т.-е. внушили бы мнѣ лучше мысль повѣситься“.

Стр. 6, ст. 16: „оhe“ не значить „ого“, а „довольно!“ „стой!“

Стр. 6, ст. 23: „глупца“ слишкомъ сильно: въ подл. *imprudenti*.

Стр. 7, ст. 29 и 32: „чѣмъ онъ заболѣваетъ“ и „чѣмъ боленъ господинъ“ — однообразно и слабо: у Плавта рѣчь идетъ о „помѣшательствахъ“ и о „причудахъ“.

Стр. 7, примѣч. къ ст. 38: у Плавта не можетъ быть рѣчи о буквѣ (такъ наз. *I longa*), вошедшей въ употребленіе лишь въ 1-мъ в. до Р. Х.; вдобавокъ, ею обозначалось долгое *i* и *j*, а не два *i*. — „Una littera longa“ = одна длинная буква, т.-е. просто *I* (*i*), представляющее собой одну длинную черту, на которую похожъ повѣшенный.

Стр. 8, ст. 54: слѣдовало выразить противоположеніе, какъ въ текстѣ: „Коль будетъ живъ огонь, погаснешъ ты въ мгновеніе“.

Стр. 8, ст. 55: о водѣ врядь ли можно сказать: „ушла со двора“.

Стр. 8, ст. 63: Стафила говоритъ, что *Bona Fortuna* вовсе и не приближается къ дому Евклиона.

Стр. 10, ст. 7: не „за цѣлыя сто лѣтъ“, а „ни въ какое время“, т.-е. никогда.

Стр. 10, ст. 7 и 8: единой и единый — однообразно.

Стр. 13, ст. 34: какъ у другихъ переводчиковъ, не исключая и вѣмецкаго (Binder-a), такъ и у г. Фета этотъ стихъ переведенъ невѣрно: на замѣчаніе Евноміи „in rem hoc tuamst“ Мегадоръ отвѣчаетъ съ ироніей: „ut quidem prius quam ducam emoriar“ = hoc scilicet in meam rem est ut prius quam ducam emoriar, т.-е. „да, въ томъ (моя польза), чтобъ раньше умереть, чѣмъ въ бракъ вступить“. Срв. *Pseud.* 336. 337; *Rud.* 220. Только такой отвѣтъ вѣдется съ предыдущимъ и послѣдующимъ, но никакъ не „влятва“ скорѣе умереть, чѣмъ жениться, др. сл. „зарокъ“ ни въ какомъ случаѣ не жениться.

Стр. 13, ст. 38 и 39: между этими стихами нѣтъ логической связи. Если бъ г. Фетъ пользовался лучшимъ изданіемъ, то онъ, безъ сомнѣнія, перевелъ бы лучше. Дѣло въ томъ, что во 2-мъ стихѣ слѣдуетъ съ рукописями читать „sed est“, а не „sed es“ (Bothe), и „nam“ вм. явной глоссы „natu“. Стало-быть:

Sed est grandior: nam mulieris est aetas media.

Сохраняя рѣчю г. Фета, мы переводимъ оба стиха такъ:

Невѣста съ деньгами, братъ, мной припасена,
Но не изъ молодыхъ, а среднихъ лѣтъ она.

Такъ какъ ст. 40 остался у г. Фета одинокимъ (безъ рѣчи), то не лучше ли будетъ неумѣстное „пока“ замѣнить хоть словомъ „тебя“?

Стр. 13, ст. 48: „clamores, impregia“ не значить „привѣтствій, почестей“; рѣчь идетъ о крикахъ и приказаніяхъ (крикливыхъ приказаніяхъ или повелительныхъ крикахъ), раздающихся въ домъ, гдѣ водворяется жена съ большимъ приданымъ.

Стр. 14, ст. 55: лучше: „въ часъ добрый“, какъ II, 134.

Стр. 14, ст. 57: „nescio unde“ = alicunde, т.-е. откуда-то.

Стр. 15, ст. 59: „curiales“ не значить „чиновные“, а члены одной куріи; перевести можно „наши“.

Стр. 15, ст. 66: вм. „Ты вѣжется здоровъ?“ лучше „Надѣюсь, ты здоровъ?“

Стр. 17, ст. 84 — 86: Мегадоръ не заикнулся еще Евклиону о дочери; повтому въ ст. 85 не можетъ стоять „считать“, что означало бы повторительное дѣйствіе; необходимо — будущее „сочтеть“. — „Parsiog“ не значить „опасливый“; послѣ ст. 85 въ подлинникъ, вѣроятно, пропущенъ стихъ. Впрочемъ, ходъ мыслей можетъ быть и такой: мое сватовство пойдетъ туго, такъ какъ Евклионъ приметъ его за насмѣшку, да къ тому онъ скупъ, такъ что, пожалуй, откажетъ, чтобъ не входить въ издержки.

Стр. 17, ст. 88: „быль задохнуться радъ“ совсѣмъ не соотвѣтствуетъ тексту (*exanimatus fui*). Виновата рѣима.

Стр. 17, ст. 90: „безъ раздраженья“ — слишкомъ сильно.

Стр. 18, ст. 98: „и ей“ не ясно, такъ какъ о дочери Евклиона въ переводѣ идетъ рѣчь только въ слѣдующемъ стихѣ; не лучше ли будетъ: „ко благу мнѣ, тебѣ и дочери твоей“.

Стр. 18, ст. 100: „въ твоёмъ быту“ (*tuis factis*) — ужь слишкомъ вольно.

Стр. 19, ст. 108: „бѣдняжку“ неумѣстная вставка ради рѣимы; Евклионъ говоритъ только о томъ, какія послѣдствія бракъ его дочери съ Мегадоромъ имѣлъ бы для него — Евклиона.

Стр. 19, ст. 119: „Честь ея приданого цѣннѣй“; въ „*moratus*“ заключается указаніе на „нравъ, характеръ“.

Стр. 19, ст. 120: „что владъ сыскалъ я малый“; „малый“ лишняя и сбивчивая прибавка ради довольно сомнительной рѣимы (пожалуй).

Стр. 21, ст. 27, 2-й снизу: „иду, готовлю все“, врядъ ли можно сказать; „не иначе“, взятое ради рѣимы, не передаетъ ни одной изъ извѣстныхъ намъ версій конца этого стиха и не вяжется съ предыдущими словами.

Стр. 22, ст. 143—145. Переводъ этихъ стиховъ, не соотвѣтствуя подлиннику, находится въ противорѣчій съ концомъ I-го акта (ст. 65), гдѣ Евклионъ, уходя, приказываетъ Стафилѣ идти въ домъ и запереть послѣдній накрѣпко (*ambobus pessulis*). Согласно такому приказанію, Стафила находится въ домѣ и является во II-мъ актѣ на сцену лишь на зовъ Евклиона „*heus, Staphyla, te voco*“. — Въ переводѣ г. Фета Евклионъ посылаетъ въ домъ Стафилу, которой на сценѣ вовсе нѣтъ.

Стр. 23, ст. 157: „все же“ — лишняя и неумѣстная вставка.

Стр. 24, ст. 170: о „дымовой трубѣ“ у Плавта нѣтъ и не можетъ быть рѣчи.

Стр. 25, ст. 172: о „вздохахъ“ въ подлинникѣ не говорится.

Стр. 25, ст. 176: вмѣсто неподходящаго „пожалуй“ лучше было бы „не худо“; впрочемъ, все мѣсто можно перевести и такъ:

Тысченку какъ-нибудь нельзя ль намъ выпросить
У старика того, чтобъ ею откупиться.

Стр. 25, ст. 181: вмѣсто „что смертный твой“ лучше „старикъ-то твой“, несмотря на „*mortalem*“ подлинника.

Стр. 25, ст. 183: „*pulmentum*“ не „кашица“ (такой коршунъ не ѣсть и снесь не можетъ), а съѣстное, кровъ хлѣба, вообще; въ данномъ случаѣ, безъ сомнѣнія, мясо, ломоть мяса; срв. *Hor. Sat. II, 2, 34: mullum, in singula quem minuas pulmenta necessest.* — Въ виду этого мы переводимъ:

Ломоть мясца на дняхъ снесъ ястребъ у него.

Стр. 26, ст. 122: „Онъ поваръ рыночный“ не годится, такъ какъ всѣ нанимавшіеся для экстренныхъ случаевъ повара были рыночные; на рынкѣ они предлагали свои услуги нуждавшимся въ нихъ (см. в. 280 sq.; *Pseud.* 800. 807 и др.). Переводъ этого стиха вообще весьма не легокъ въ виду трудности его толкованія и не безусловной твердости чтенія „*nundinalis*“. Къ предлагаемому г. Фетомъ въ примѣчаніи толкованію скорѣе подошло бы:

Базарный поваръ онъ: разъ въ девять дней зовутъ
Его къ стряпнѣ.

Другіе, читая „*nundialis*“ вм. „*nundinalis*“, разумѣютъ повара для поминокъ: „поминальнаго, поминачнаго“.— Мы полагаемъ, что словомъ „*nundinalis*“ Плавтъ просто намекаетъ на то, что данный поваръ, не внушая довѣрія нанимателямъ, рѣдко (разъ въ недѣлю) находитъ себѣ занятіе, что поэтъ и поясняетъ словами: „*in novum diem solet ire coetum*“. На основаніи такого толкованія мы перевели бы это спорное мѣсто такъ:

Онъ поваръ рѣдкостный: разъ въ девять дней берутъ
Его постряпать.

Не мѣшаетъ сравнить *Pseud.* 791 — 809.

Стр. 27, ст. 206: „старомъ“ лишняя и неумѣстная вставка ради рѣимы.

Стр. 28, ст. 209. Противоположеніе требуетъ: „у насъ же кутерьма“ или „у насъ вотъ кутерьма“.

Стр. 29, ст. 224: Какъ видно изъ ст. 228, „*asveges*“ тутъ не значить „шесты“, а „балки“ или „бревна“; стало-быть лучше:

Ст. Дровъ тоже нѣтъ у насъ.— Конгр. Но бревна
(балки) есть вѣдь тутъ?

Стр. 29, ст. 229. „идите сами“ не соотвѣтствуетъ ни тексту, ни ситуаціи.

Стр. 30, ст. 234 слѣд. Эти два стиха кажутся намъ въ переводѣ не совсѣмъ понятными (не хотѣлъ ли г. Фетъ поставить знакъ вопроса послѣ „будуть“?); мы предложили бы примѣрно такое измѣненіе въ переводѣ г. Фета:

А сами коль все пойдятъ, что стряпать будутъ,
У горнихъ будетъ постъ, у нижнихъ масобдъ.

„*Superi*“ и „*inferi*“ сказано съ легко понятнымъ намекомъ.

Стр. 30, примѣч. къ 7-й сценѣ.— Евклионъ возвращается домой не „взбѣшенный“ (см. ст. 252—254), а, напротивъ, весьма довольный тѣмъ, что ему удалось избѣжать издержекъ. Гнѣвъ его на продавцовъ успѣлъ уже давно улечься; см. ст. 245—251.

Стр. 31, ст. 244: вм. „что нечего купить“ слѣдовало сказать „что не на что купить“ (quoniam nihil est qui emat).

Стр. 31, ст. 260: лучше „убьютъ“ вм. „умру“; этотъ стихъ врядъ ли подлинный: Ричль поставилъ его послѣ в. 242.

Стр. 31, ст. 264. Какъ въ ст. 260, такъ и тутъ рѣчь идетъ о матеріальномъ разореніи, отождествляемомъ Евкліономъ съ гибелью; въ виду этого, сохраняя риему, мы предложили бы такой переводъ:

Что жъ не бѣгу я, воръ пока не разорилъ?

Стр. 32, примѣч. къ сценѣ: Антракъ даетъ приказаніе поварамъ; лучше „своимъ помощникамъ“. И на слѣдующей страницѣ, ст. 7, мы предпочли бы:

Дубьемъ прогналъ меня онъ и помощниковъ.

Стр. 32, ст. 273: ради ясности мы перевели бы весь стихъ хотъ такъ:

„Бѣгу: того жъ не вышло бъ у моей прислуги“.

Не будь готовой риемы, можно было бы перевести гораздо лучше.

Стр. 36, ст. 47: о „сволочи“ не говорится у Плавта.

Стр. 39, ст. 84: чтеніе „tutor“ (въ cod. Lips. и ed. princ.) нынѣ всѣми оставлено, какъ и еще болѣе безсмысленное „vutor“ другихъ рукописей; Гётцъ читаетъ „gutor“.

Стр. 40, ст. 102: переводъ этого стиха, какъ и нѣкоторыхъ другихъ, особенно болѣе трудныхъ мѣстъ, сдѣланъ, очевидно, не съ подлинника, а съ иностраннаго перевода; самостоятельныѣ и лучше перевелъ г. П—скій:

Но это все еще пустякъ, бездѣлка
Въ сравненіи съ расходами иными.

Стр. 41, ст. 129: этотъ стихъ лучше начинать съ „а“, чѣмъ съ „вѣдь“, не смотря на „nam“ подлинника; послѣднее замѣняетъ тутъ, какъ часто у Плавта, цѣлую мысль: „ничего подобнаго не бываетъ, когда женишься на безприданницѣ; она вѣдь и т. д.“.

Стр. 41, ст. 130: вмѣсто „тотчасъ“ лучше „вѣрно“.

Стр. 41, ст. 130: вмѣсто неяснаго „да вотъ онъ (кто?) у дверей“ мы предложили бы: „но вотъ и тесть нашъ тутъ“; это и ближе къ подлиннику.

Стр. 42, ст. 144: въ подлинникѣ сказано, въ сущности, то же самое, что на стр. 16, ст. 70 (в. 190 подл.), т.-е.: что же ты не говоришь со мной, а бормочешь что-то про себя?

Стр. 42, ст. 148: во избѣжаніе лишней и неумѣстной вставки „сверхъ закона“ мы предложили бы такой переводъ всего стиха:

Однихъ вѣдь поваровъ наслаждъ полъ-легіона.

Стр. 43, ст. 151: вмѣсто „пастыремъ“ лучше даже „сторожемъ“.

Стр. 43, ст. 155: „кушанья“ готовятъ повара изъ присланныхъ Мегадоромъ припасовъ; поэтому лучше: „затѣмъ припасы то жь...“

Стр. 46, ст. 1, примѣч.: съ этимъ примѣчаніемъ не согласуется сказанное о Стробилѣ въ перечнѣ дѣйствующихъ лицъ.

Стр. 48, ст. 33: „кого избралъ подругой“ нельзя сказать объ отношеніяхъ Ликонида къ дочери Евклиона. Не разрушая рѣшмы, мы переводимъ данное мѣсто такъ:

Отецъ, кажись, онъ той, что баринъ мой супругой
Имѣть не прочь.

Стр. 48, ст. 38: въ примѣчаніи къ этому стиху слѣдуетъ выпустить слова „или вордны“, такъ какъ карканье вороны слѣва считалось, напротивъ, хорошимъ предзнаменованіемъ; см. *Asin.* 259 и слѣд.

Стр. 48, ст. 41: вмѣсто „чего жъ не побѣгу я?“ правильнѣе: „чего же не бѣгу я?“

Стр. 49, ст. 43: переводъ этого стиха, не соответствуя подлиннику, противорѣчитъ и дѣйствительности: Стробилъ вѣдь не пропаждъ. У Плавта сказано: „появившись, ты долженъ погибнуть“; *regis* — *regibus*, какъ нерѣдко.

Стр. 50, ст. 50: вмѣсто „что дѣлать-то?“ лучше: „отдать-то что?“

Стр. 51, ст. 56: „вѣдь ты не правъ?“ слишкомъ слабо; мы предложили бы:

Строб. Въ обидѣ повинись! Евкл. Что не видишь ужъ,
каюсь.

Стр. 54, ст. 81: такой „крупной площадной соли“ въ подлинникѣ нѣтъ; срв. *Capt.* 656.

Стр. 54, ст. 90: ближе къ подлиннику и вѣрнѣе будетъ:

Чудесно! Небо, видимо, мнѣ счастье шлетъ!

Стр. 56, ст. 110: мы предпочли бы хоть такой, болѣе точный переводъ:

Грифоновъ, горы золота что стерегутъ.

Впрочемъ, „*gripis*“ лишь ненужная конъектура Франкена: рукописи даютъ „*ricis*“ и „*rici*“, последнее и Ноній, безъ сомнѣнія, вѣрно. Сообразно съ этимъ въ началѣ стиха лучше читать:

И дятловъ, горы золота и т. д.

Стр. 57, ст. 130: вмѣсто „удрученъ“ лучше „сокрушенъ“.

Стр. 57, ст. 132: „О, я пропалъ ужасно!“ врядъ ли хорошо сказано. Чтобъ не разстроить рѣмы, мы вынуждены остановиться на переводѣ: „Погибъ я! все напрасно!“, хотя онъ лишь отдаленно передаетъ подлинникъ: *perditissimus ego sum omnium in terra.*

Стр. 58, ст. 140: „вотъ я разстроенъ“ — слишкомъ слабо и вяло въ положеніи Евкліона и не соответствуетъ тексту.

Стр. 58, ст. 146: въ переводѣ упоминаніе о богѣ въ данномъ случаѣ врядъ ли умѣстно; лучше ужъ „бѣсъ, нечистый, демонъ“, напр. „знать, демонъ побудилъ (подстрекнулъ) къ тому“.

Стр. 59, ст. 153: „ахъ нѣтъ!“ — слишкомъ наивное возраженіе на угрозу: „хотѣли боги тожь, чтобъ я тебя повѣсилъ“. — Въ подлинникѣ сказано „*ne istuc dixis*“ = „не говори такихъ рѣчей“, т. е. „не сердись, не гнѣвайся“; въ рамкахъ готоваго стиха укладывается лишь близкое по смыслу „смягчись!“ или „прости!“ — „Молчи“ не подходитъ къ положенію Ликонида.

Стр. 59, ст. 159 — 160: Вину и хмелю быть

Въ презрѣннѣ, коль твори, что вздумаетъ, влюбленный.

Мы не понимаемъ, почему быть въ презрѣннѣ вину и хмелю, если творить, что вздумаетъ, не пьяный, а влюбленный, или не пьяный влюбленный. У Плавта логично сказано:

nimis vilest vinum atque amor,

Si ebrio atque amanti impune facere quod lubeat licet.

Все буквально, правда, не легко помѣстить въ болѣе короткихъ русскихъ стихахъ, но необходимое сокращеніе высказанной мысли не можетъ коснуться самыхъ существенныхъ ея частей. — Не желая разрушить готовую рѣму, мы переводимъ рассматриваемое мѣсто такъ:

Любви и хмелю быть

Въ презрѣннѣ, правъ коль всюду пьяный и влюбленный.

Стр. 59, ст. 161: „Вѣдь я же здѣсь винюсь, безумствомъ увлеченный“. Яснѣе было бы:

Вѣдь я же здѣсь винюсь въ безумномъ увлеченнѣи.

Такъ какъ такимъ переводомъ разрушается рѣма, то мы предложили бы слѣдующій, не менѣе близкій къ подлиннику переводъ: „Прости, что сдѣлалъ я, безумствомъ увлеченный“.

Стр. 61, ст. 173: вмѣсто повторявшагося уже много разъ „снесъ“ лучше просто „взялъ“, тѣмъ болѣе что Ликонидъ отвѣчаетъ: „не бралъ, не говорилъ“.

Стр. 63, ст. 195: переводъ не вѣренъ: Евкліонъ жалуется не на издержки ради Мегадора — ихъ онъ вовсе и не дѣлалъ, — а на то, что онъ, опасаясь мнимыхъ козней Мегадора

(стр. 44, ст. 170 слѣд.), стало-быть, и зъ - за Мегадора (quæ propter) лишился влады. Смыслъ подлинника можно передать съ достаточной точностью и съ сравненіемъ рѣимы хоть такъ:

Лишился влады я — увы! — изъ-за него.

Стр. 63, ст. 196. 197: эти два стиха представляютъ неполный и вообще неудовлетворительный переводъ трехъ прекрасныхъ и характерныхъ стиховъ подлинника. Лучше, но все же не вполне удовлетворительно и вѣрно, они переданы въ шести стихахъ г. М. П. П—скимъ (см. выше). У Плавта сказано:

Lyc. *Bóno animo's, benedíce: nunc quæ rés tibi et gnataé tuæ
Béne felicitérque vortat: ita di faxint, inquito.*

Eucl. *Ita di fáciant. Lyc. Et mihi ita di fáciant. audi núnciam.*

Евкліонъ, узнавъ объ отказѣ Мегадора жениться на его дочери, раздражается противъ Мегадора страшнымъ проклятіемъ (ст. 194). Приступая къ своему предложенію вступить въ бракъ съ дочерью Евкліона, Ликонидъ прежде всего призываетъ послѣдняго къ спокойствію и прекращенію проклятіи и брани (*benedice = fave lingua = poli maledicere*), однимъ словомъ, рѣчей, не подходящихъ къ начинаемому имъ важному дѣлу. Дале, по римскому обычаю, онъ благочестиво высказываетъ желаніе, чтобы начинаемое послужило во благо тѣмъ лицамъ, коихъ оно главнымъ образомъ касается. Во избѣжаніе какого-нибудь неподходящаго возраженія со стороны недоумѣвающего старика, молодой человѣкъ подсказываетъ ему обычный и требуемый въ такихъ случаяхъ благочестивый отвѣтъ. Высказавъ затѣмъ благожеланіе и себѣ, Ликонидъ приступаетъ къ дѣлу: онъ проситъ прощенія у Евкліона, сознается въ своей винѣ и проситъ руки оскорбленной имъ дѣвушки.

Не претендуя на образцовый переводъ, мы передаемъ разсмотрѣнные стихи такъ:

Лик. Ты успокойся! не злословь! — Тебѣ во благо

И дочери твоей! — скажи же: дай-то богъ!

Евкл. Да, дай-то богъ! — Лик. Дай богъ и мнѣ! — Теперь послушай.

Такъ какъ въ данномъ случаѣ мы не исправляемъ переводъ г. Фета, а даемъ свой, то мы не сочли нужнымъ стѣснять себя рѣимой, тѣмъ болѣе, что у г. Фета вышло однимъ стихомъ меньше.

Вотъ всѣ болѣе или менѣе важныя погрѣшности и неточности перевода г. Фета, на которыя мы сочли нужнымъ обратить вниманіе уважаемаго переводчика на случай новаго изданія его труда. Мы далеки отъ претензій ставить предложенные

нами переводы отдѣльныхъ мѣстъ въ примѣръ талантливому переводчику-поэту: мы лишь предпочли стихотворный переводъ прозаическому, такъ какъ онъ являлся самъ собой.— Какъ нами было уже заявлено, всѣ перечисленные погрѣшности перевода г. Фета въ избыткѣ искупаются какъ общою его талантливостію, такъ и массою прекрасныхъ частныхъ. Мы убѣждены въ томъ, что всѣ любители и цѣнители римской поэзіи, читая переводъ Авлюярія, вмѣстѣ съ нами возымѣютъ желаніе прочесть и другія творенія великаго римскаго поэта въ талантливомъ переводѣ его русскаго собрата.

О. Шеборъ.

Таблицы для нагляднаго изученія и преподаванія греческихъ и римскихъ древностей. Сост. Ст. Цыбульскій. Табл. I и II съ объяснительнымъ текстомъ. Военное дѣло у древнихъ грековъ. Часть I: вооруженіе и составъ греческаго войска. Спб. и Москва, 1889 г.*).

Цѣль, которую преслѣдовалъ г. Цыбульскій при составленіи своихъ таблицъ, выражается въ слѣдующихъ словахъ „предисловія ко всему изданію“, приложеннаго къ объяснительному тексту: „Въ нашей педагогической литературѣ ощущается потребность въ такомъ изданіи, которое облегчало бы воспитанникамъ гимназій пониманіе древняго классическаго міра [?] и способствовало осмысленному чтенію авторовъ“ [разумѣется древнихъ]. Авторъ находитъ, что существующія учебныя пособія, въ родѣ реального словаря Любкера или книги Велискаго, слишкомъ обширны и дороги для того, чтобы сдѣлаться настольными книгами гимназистовъ, а учебникъ древностей безъ иллюстрацій заставляеть преподавателя всякій разъ, когда онъ пожелаетъ дать ученикамъ болѣе ясное и полное представленіе о томъ или другомъ древнемъ предметѣ, или рисовать его на классной доскѣ, что отнимаетъ много времени и не для всякаго преподавателя возможно, или показывать его изображенія въ альбомахъ, атласахъ и т. п. пособіяхъ, при чемъ весь классъ сразу не можетъ видѣть даннаго изображенія, и учащіеся знакомятся съ предметомъ мимолетно, не успѣ-

*) Настоящая рецензія написана еще въ началѣ 1890 г., до выхода въ свѣтъ двухъ новыхъ таблицъ изданія г. Цыбульскаго. Появленіе ея въ свѣтъ въ настоящее время оказывается, быть можетъ, нѣсколько запоздалымъ, но все-таки, полагаемъ, не лишнимъ для правильной оцѣнки предпринятаго г. Цыбульскимъ труда. Къ сожалѣнію, обстоятельства не позволили автору присоединить къ этой рецензій замѣчанія о вновь вышедшихъ двухъ таблицахъ.

вая запечатлѣть въ памяти представленія о немъ. Эти совершенно справедливыя соображенія побудили автора приступить къ изданію стѣнныхъ таблицъ, которыя могли бы служить нагляднымъ пособіемъ при ознакомленіи учащихся съ вещественными памятниками быта древнихъ грековъ и римлянъ, давая ученикамъ „ясное и точное понятіе о томъ или другомъ предметѣ, какимъ онъ представляется въ описаніяхъ читаемыхъ ими классическихкихъ авторовъ и по реальнымъ памяткамъ“, и въ то же время „запечатлѣвая въ памяти учащихся точное названіе (на одномъ изъ древнихъ языковъ) даннаго предмета съ поименованіемъ всѣхъ составныхъ частей его“. Къ таблицамъ авторъ счелъ необходимымъ прилагать „соотвѣтственный текстъ, составленный на основаніи произведеній древнихъ писателей, читаемыхъ въ гимназіяхъ, и имѣющей цѣлью привести въ одно цѣлое все, что ученику извѣстно о данномъ предметѣ по тому или другому классіку“. Задача, которую поставилъ себѣ г. Цыбульскій, не можетъ не вызвать къ себѣ живѣйшаго сочувствія со стороны всякаго педагога, разумно смотрящаго на цѣль преподаванія древнихъ языковъ въ гимназіяхъ и не увлекающагося сухимъ и узкимъ грамматически-экстемпоральнымъ направленіемъ; таблицы, задуманныя г. Цыбульскимъ, должны заслуживать самой горячей рекомендаціи и самаго широкаго распространенія въ средне-учебныхъ заведеніяхъ, если ихъ исполненіе и прилагаемый къ нимъ текстъ будутъ удовлетворять научнымъ и педагогическимъ требованіямъ, хотя бы не особенно строгимъ. Но къ сожалѣнію, при разсмотрѣніи уже выпущенныхъ въ свѣтъ двухъ таблицъ и относящагося къ нимъ текста, въ нихъ не трудно открыть различнаго рода промахи и недостатки, которые въ значительной степени обязаны своимъ происхожденіемъ, конечно, новизнѣ предпринятаго издателямъ дѣла, отсутствію компетентныхъ совѣтовъ и указаній, недостатку пособій и другимъ неблагопріятнымъ условіямъ работы въ провинціальномъ городѣ, но тѣмъ не менѣе не могутъ не ослаблять благопріятнаго впечатлѣнія, получаемаго при первомъ взглядѣ на таблицы. Приступая къ указанію важнѣйшихъ изъ этихъ недостатковъ, мы сначала сдѣлаемъ краткую оговорку относительно плана таблицъ, намѣченнаго въ предисловіи, затѣмъ разсмотримъ вкратцѣ объяснительный текстъ и наконецъ самыя таблицы.

Г. Цыбульскій говоритъ, что изданіе его таблицъ будетъ состоять изъ 3-хъ серій; содержаніе 15-ти таблицъ первой серіи уже опредѣлено и подробно перечислено въ предисловіи, а относительно остальныхъ сказано только, что „вторая серія будетъ обнимать домашнія древности и религіозный бытъ, а третья будетъ заключать планы главнѣйшихъ битвъ въ гре-

ческой исторіи и топографію замѣчательныхъ мѣстностей древности". Что касается до таблицъ первой серіи, то большинство ихъ будетъ относиться къ военному и морскому дѣлу грековъ и римлянъ, но между ними вставлено нѣсколько такихъ, которыя не имѣютъ къ нему ни малѣйшаго отношенія и такимъ образомъ отнимаютъ у первой серіи ея специально-военный характеръ. Поэтому нѣкоторыя изъ нихъ лучше было бы отнести во вторую серію (именно таблицы IX—XIII: греческія и римскія монеты, греческій и римскій домъ, греческій театръ), другія въ третью (XIV—XV: планы Афинъ и Рима). Конечно, это не важно, но стройность и опредѣленность плана изданія значительно выиграла бы отъ такого перемѣщенія. Объяснительный текстъ начинается введеніемъ, въ которомъ авторъ даетъ перечень источниковъ и пособій*), изложенный очень кратко и не всегда ясно. Изъ числа древнихъ авторовъ онъ называетъ здѣсь главнымъ образомъ тѣхъ, которые читаются въ гимназіяхъ, при чемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ указываетъ исключительно ихъ значеніе для изученія военныхъ древностей, иногда въ такихъ выраженіяхъ, изъ которыхъ неопытный читатель можетъ вывести, что, кромѣ этого значенія, указываемый авторъ ничѣмъ не замѣчательнъ**); въ другихъ случаяхъ г. Цибульскій даетъ болѣе обширную характеристику автора или отдѣльнаго литературнаго произведенія, безъ всякаго указанія на его значеніе для военныхъ древностей***); нѣкоторыя изъ такихъ характеристикъ вышли изъ подъ пера г. Цибульскаго въ странномъ и неудобопонятномъ видѣ, какъ напр. замѣчаніе относительно Ксенофонтава сочиненія *Ἑλληνικά*, гдѣ нашъ авторъ говоритъ, что оно, несмотря на недостатки (въ числѣ которыхъ отмѣчены: историческія погрѣшности, хронологическія несообразности, пристрастіе къ Спартѣ), „не лишено важности, какъ матеріалъ [?!] для разсматриваемаго нами отдѣла греческихъ древностей“. На основаніи этой тирады можно подуматъ, будто все значеніе названнаго произведенія въ томъ только и заключается, что изъ него можно черпать

*) Нужно отмѣтить, что г. Цибульскій не дѣлаетъ различія между понятіями „источникъ“ и „пособіе“ и неоднократно ставитъ первое слово вмѣсто второго. Напр. на стр. 8-й: „изъ новыхъ сочиненій, которыя могутъ служить источниками для разсматриваемаго нами вопроса, особенно важны слѣдующія“. Или (тамъ же, примѣч.): „Изданія, которыя служили мнѣ источниками при составленіи настоящаго пособія“ и т. д.

**) Напр. о Гомерѣ: „Среди писателей на первомъ планѣ долженъ быть упомянуть бессмертный Гомеръ — *Ὅμηρος*, поэмы котораго, особенно *Ἰλιάδα*, служатъ источникомъ для ознакомленія съ военнымъ дѣломъ въ героическую эпоху“.

***) Напр. о Демосенѣ: „Лучшимъ выразителемъ эпохи Филиппа Македонскаго служитъ ораторъ Демосенъ — *Δημοσθένης* (род. около 386 г. до Р. X.), геройски боровшійся съ нимъ словомъ и обличавшій всѣ поступки и нечестивые замыслы македонскаго царя“.

кое-что для изученія военныхъ древностей. Далѣ авторъ называетъ 31 заглавіе произведеній новой литературы, между которыми на ряду съ серьезными и важными научными трудами безъ всякаго разбора и оговорокъ ставить и мелкія монографіи по спеціальнымъ вопросамъ, и краткіе учебники (въ родѣ Бойезена въ переводѣ Земберга), и реальные словари (Рича, Любкера), и популярныя сочиненія въ родѣ Велишскаго. Само собой разумѣется, что новая литература по военнымъ древностямъ не исчерпывается этими тремя десятками книгъ и брошюръ; но и изъ этого числа 10 сочиненій не отмѣчены звѣздочкою, т.-е. не служили автору „источниками“ и, по всей вѣроятности, извѣстны ему по наслышкѣ. Въ заключеніе авторъ упоминаетъ о четырехъ важныхъ археологическихъ изданіяхъ, періодически выходящихъ въ Аѣнахъ, но характеризуетъ ихъ такъ, что незнакомый съ ними читатель получаетъ совершенно превратное понятіе объ ихъ содержаніи и значеніи: „Съ новѣйшими изслѣдованіями, касающимися рассматриваемаго нами отдѣла греческихъ древностей, знакомятъ насъ между прочимъ статьи, помѣщаемыя въ издаваемыхъ въ Аѣнахъ спеціальныхъ журналахъ“. Прочитавъ эту фразу всякій подумаетъ, что эти „спеціальныя журналы“ содержатъ въ себѣ главнымъ образомъ или исключительно критическія статьи о новыхъ сочиненіяхъ по военнымъ древностямъ, чего на самомъ дѣлѣ вовсе нѣтъ. Странность этой тирады объясняется впрочемъ не незнакомствомъ автора съ аѣнскими періодическими изданіями, такъ какъ намъ достоверно извѣстно, что онъ лично посѣтилъ Аѣны въ 1886 году, а скорѣе тѣмъ, что онъ не вполнѣ свободно владѣетъ русскимъ языкомъ*).

Объяснительный текстъ къ таблицамъ состоитъ изъ двухъ главъ: 1) вооруженіе (стр. 13—40); 2) устройство греческаго войска (стр. 41—53). Первая глава въ свою очередь дѣлится на 3 параграфа: 1) оружіе догомеровскаго періода; 2) оружіе героическаго періода; 3) оружіе исторической эпохи. Что разумѣетъ авторъ подъ „догомеровскимъ періодомъ“, читателямъ остается неизвѣстнымъ, такъ какъ онъ ограничивается заявленіемъ, что съ оружіемъ этого періода „мы ознакомляемся главнымъ образомъ по микенскимъ раскопкамъ Шлимана“. Авторъ, очевидно, упустилъ изъ виду, что его трудъ предназначается главнымъ образомъ для такихъ читателей, которые не имѣютъ понятія ни о микенскихъ, ни о другихъ раскопкахъ Шлимана, или знаютъ о нихъ очень мало. Необходимо было хотя вкратцѣ

*) Изъ нѣкоторыхъ примѣровъ, которые мы могли бы привести въ подтвержденіе этого предположенія, ограничимся однимъ (стр. 20-я): „Вмѣсто слова *ἄσπετος* Гомеръ употребляетъ еще *χιτών*, который дѣлался также изъ мѣди (*Iliad.* XIII, 439)“.

объяснить, что это за раскопки, почему ученые относят къ „догомеровскому періоду“ найденные при нихъ предметы и какое приблизительно время обнимаетъ этотъ періодъ. Параграфы о вооруженіи героическаго періода и исторической эпохи изложены, вообще говоря, довольно подробно и обстоятельно, хотя и въ нихъ неоднократно встрѣчаются неточности, противорѣчія и неловкія фразы. Напр. на стр. 50-й авторъ говоритъ, что *κρυέη* былъ шлемъ безъ налобника и султана, но въ числѣ относящихся къ такому шлему эпитетовъ приводитъ *τετράφαλος* (*Iliad.* XII, 385), противорѣчащій такому представлению; на стр. 16-й вверху называетъ *φάλος* „налобникомъ“, а внизу признаетъ самымъ вѣрнымъ то мнѣніе, что *φάλος* у Гомера „не обозначаетъ частей шлема, прикрывающихъ лобъ или щеки“; на той же страницѣ называетъ *φάλαρα* „нависочниками“, а на слѣдующей говорить, что „на основаніи новыхъ изслѣдованій можно предположить, что это былъ родъ выпуклости — шишекъ на шлемѣ“. На стр. 21-й невѣрно объясненіе выраженія *πρώτη ἄντηξ* (у щита). Въ заключеніи описанія каждаго вида доспѣховъ и наступательнаго оружія героической эпохи авторъ указываетъ его вѣсъ въ фунтахъ (напр. „шлемъ вѣсилъ 6 фунтовъ, панцырь вѣсилъ 22—23 фунта“ и т. д.). Противъ этихъ показаній можно возразить: 1) что никакъ нельзя думать, чтобы всѣ панцыри, шлемы и др. доспѣхи того времени были одинаковаго вѣса; 2) что для опредѣленія ихъ вѣса у насъ нѣтъ никакихъ точныхъ данныхъ; данныя, относящіяся къ исторической эпохѣ, лучше было бы помѣстить въ слѣдующемъ § и притомъ не голословно, а съ указаніемъ свидѣтельствъ авторовъ или сохранившихся памятниковъ. На стр. 32-й не выяснена разница между коринескимъ и аттическимъ шлемомъ. На стр. 35-й внизу совершенно не къ мѣсту приведено свидѣтельство Геродота о заимствованіи щита и шлема у египтянъ.

Глава 2-я, трактующая объ устройствѣ греческаго войска, раздѣляется на два параграфа: 1) героическій періодъ; 2) историческій періодъ. Въ послѣднемъ § изложеніе подраздѣлено на 4 рубрики: а) „Спартанское государство“; б) „Аѣнское государство“; в) „Греческіе наемники. Ификратъ“; г) „Македонскій періодъ“. Вся эта глава по своимъ достоинствамъ значительно уступаетъ предыдущей. Авторъ какъ будто утомился или потерялъ интересъ къ своему труду и потому, несмотря на важность вопросовъ, трактующихся въ этой главѣ, и на то, что большинство ихъ хорошо разработано трудами новыхъ ученыхъ, излагаетъ ихъ коротко и запутанно и нерѣдко допускаетъ болѣе или менѣе крупныя промахи. Мы отмѣтимъ только то, что наиболѣе бросается въ глаза. На стр. 41-й устройству

войска въ героическій періодъ посвящено всего 12 строкъ, изъ коихъ двѣ заняты цитатами. На страницѣ 43-й совершенно невѣрно сказано, что спартанскіе полемархи были командирами отдѣльных частей лоха; авторъ ссылается при этомъ на Геродота (VII, 173), но тамъ сказано вовсе не о командирѣ отдѣльной части лоха, а о главнокомандующемъ спартанской арміей. Точно также не вѣрно на стр. 46-й основанное на свидѣтельствѣ Фукидида (II, 13) утверждение, что въ Аѳинахъ „каждый пѣхотный полкъ состоялъ изъ 1300 гоплитовъ“: у Фукидида сказано только, что передъ началомъ пелопоннесской войны въ Аѳинахъ было 13000 гоплитовъ, не считая 16000 гарнизонныхъ и охранявшихъ стѣны, но нѣтъ ни слова о томъ, чтобы эти 13000 были раздѣлены поровну на 10 полковъ; впрочемъ г. Цыбульскій внизу той же страницы говоритъ уже, что „число воиновъ какъ въ лохѣ, такъ и въ цѣломъ полку не всегда было одинаково“, и такимъ образомъ опровергаетъ свои прежнія слова, самъ того не замѣчая. Далѣе; на той же страницѣ не вѣрно замѣчаніе, что „члены одной фалы не всегда служили въ одномъ полку“ и на стр. 47-й, что „стратеги начальствовали надъ войскомъ поочередно“. Здѣсь опять (какъ въ вышеприведенномъ свидѣтельствѣ Фукидида) изъ показанія Геродота, относящагося къ одному случаю, именно къ Мараѳонской битвѣ, выведено общее правило. Съ большимъ удивленіемъ прочитали мы на стр. 49-й, что греческіе наемники Кира Младшаго совершили свое знаменитое отступление подъ предводительствомъ Ксенофонта. Какъ извѣстно, послѣ убіенія Клеарха и др. главнымъ начальникомъ войска былъ избранъ Хирисофъ. Не меньшее удивленіе возбуждаютъ и слѣдующія двѣ тирады. Стр. 50: „Весьма интересныя подробности первой большой экспедиціи греческихъ наемниковъ извѣстны ученикамъ изъ читаемаго ими сочиненія Ксенофонта „*Ἀνάβασις*“. Поэтому мы на нихъ останавливаться не будемъ“. Стр. 53-я: „Отличнымъ источникомъ для ознакомленія съ македонской военной тактикой Александра служатъ Арріанъ, авторъ, читаемый въ гимназіяхъ, къ сочиненію котораго мы отсылаемъ любопытныхъ, довольствуясь здѣсь самыми общими указаніями по данному вопросу“. Не говоря уже о томъ, что отъ учениковъ V-го и VI-го классовъ нельзя требовать, чтобы они сами могли привести въ стройную систему свѣдѣнія, прибрѣтенныя ими при чтеніи Ксенофонта и Арріана, тѣмъ болѣе, что *Ἀνάβασις* врядъ ли гдѣ читается цѣликомъ, а Арріанъ въ VI-мъ классѣ и прежде читался очень рѣдко, съ нынѣшняго же года и совсѣмъ не будетъ читаться, и потому въ тѣхъ свѣдѣніяхъ, которые авторъ предполагаетъ имѣющимися у учениковъ, неминуемо должны оставаться болѣе или менѣ существенныя пробѣлы, —

эти двѣ тирады прямо противорѣчатъ тому заманчивому обѣщанію, которое авторъ далъ въ „предисловіи ко всему изданію“: тамъ вѣдь онъ задавался именно цѣлью „привести въ одно цѣлое все, что ученику извѣстно о данномъ предметѣ по тому или другому классику“. Неужели же двѣ выписанныя нами фразы „приводятъ въ одно цѣлое“ то, что извѣстно (или можетъ быть извѣстно) гимназистамъ изъ сочиненій Ксенофонта и Арріана? Онѣ только приводятъ читателя къ предположенію, что автору должно быть надобно писать его „объяснительный текстъ“, и онъ всячески старался поскорѣе отъ него отдѣлаться. Въ заключеніе отмѣтимъ, что хотя текстъ вообще исправенъ въ корректурномъ отношеніи, но кое-гдѣ остались неудобныя опечатки, напр. стр. 22-я *ἀμφιβρότης* вм. *ἀμφιβρότη* (*ἀβρίς*), стр. 25-я *ἐνδεκάληχον* — 15 локтевое, стр. 26-я *πῶμα* вм. *πῶμα*.

Обращаясь теперь къ самымъ таблицамъ, мы должны сказать, что первое впечатлѣніе отъ нихъ получается весьма благоприятное: онѣ неволью подкупаютъ зрителя изяществомъ исполненія, блескомъ, разнообразіемъ и нѣжностью красокъ. Намъ кажется, что онѣ даже черезчуръ щегольски раскрашены и раззолочены (см. особенно табл. 1). Уменьшеніе количества красокъ, золота и серебра, быть можетъ, ослабило бы до нѣкоторой степени впечатлѣніе, но зато способствовало бы уменьшенію цѣны таблицъ, которая теперь не можетъ не быть признана слишкомъ высокою. Правда, въ настоящее время, при приобрѣтеніи вновь выходящихъ таблицъ по одной или по двѣ, ихъ дороговизна не особенно ощутительна, но современемъ общее собраніе таблицъ всѣхъ 3-хъ серій будетъ представлять собою пособие, весьма почтенное по цѣнѣ и не всякому учебному заведенію доступное. Взгляды, которыми руководствовался авторъ относительно изображаемыхъ на таблицахъ предметовъ, формулированы въ „предисловіи къ объяснительному тексту“ такъ: „Таблицы... представляютъ изображенные на нихъ предметы въ такомъ видѣ, въ какомъ они должны были или могли существовать въ эпоху, современную тому или другому упоминанію о нихъ у авторовъ... Измѣненія на таблицахъ противъ настоящаго вида представленныхъ на нихъ предметовъ состоятъ въ слѣдующемъ. Если рисунокъ представленъ по древней живописи на вазѣ (какъ именно и представлено большинство предметовъ, изображенныхъ на вышедшихъ 2-хъ таблицахъ), гдѣ, какъ извѣстно, число красокъ было весьма ограничено, въ такомъ случаѣ приходилось въ изображеніи того или другаго предмета по возможности приближаться къ должной дѣйствительности... Конечно, для этой цѣли я долженъ былъ сообразоваться съ указаніями древнихъ авторовъ, напримѣръ, относительно цвѣта мѣди, которая у Гомера называется красной, и т. п. Иногда, впрочемъ весьма

рѣдко, приходилось измѣнять позу той или другой фигуры, сравнительно съ оригиналомъ, напр., положеніе правой руки у гимнета на 2-й таблицѣ (см. *φιλός*)⁴. Изъ всего этого слѣдуетъ, что изображенія на таблицахъ представляютъ собой не точныя копія предметовъ, сохранившихся до нашихъ временъ или изображенныхъ на древнихъ памятникахъ, а реставраціи, въ композиціи которыхъ играла болѣе или менѣе значительную роль фантазія автора. Хотя онъ и подчеркиваетъ свою осторожность въ выборѣ красокъ или измѣненіи фигуръ сравнительно съ оригиналами, но тѣмъ не менѣе участіе фантазіи высказывается иногда очень ярко, напримѣръ въ раскраскѣ одеждъ воиновъ на таблицѣ 2-й, въ измѣненіи противъ оригинала фигуры древняго воина (*ἀρχαῖος στρατιώτης*) на той же таблицѣ и нѣкоторыхъ предметовъ вооруженія на табл. 1-й, какъ напримѣръ керченскихъ поножъ. *Ἀρχαῖος στρατιώτης* представленъ такъ, что, сравнивая его съ оригиналомъ (живопись на микенской вазѣ), не видишь рѣшительно никакого сходства и удивляешься, какимъ образомъ могла явиться на таблицѣ эта грубая фигура съ лицомъ явня и свирѣпыми глазами. Вслѣдствіе этихъ произвольныхъ измѣненій, многія изображенія на таблицахъ г. Цыбульскаго не могутъ имѣть никакого научнаго значенія. Мы не будемъ здѣсь касаться вопроса о томъ, дѣйствительно ли всѣ помѣщенные на таблицахъ изображенія скопированы съ наилучшихъ оригиналовъ и представляютъ собою наиболѣе типическіе образцы того или другого предмета, не будемъ потому, что для многихъ предметовъ существуетъ большое количество хорошихъ оригиналовъ и выборъ между ними можетъ вполне зависѣть отъ личнаго вкуса; но не можемъ умолчать о томъ, что во многихъ случаяхъ подписи подъ изображеніями и предложенныя въ „объяснительномъ текстѣ“ поясненія могутъ дать учащимся неточное или даже превратное понятіе о предметѣ, или по крайней мѣрѣ не соответствующее вышеприведенному обѣщанію автора представлять предметы „въ такомъ видѣ, въ какомъ они должны были или могли существовать въ эпоху, современную тому или другому упоминанію о нихъ у авторовъ“. Такъ, всѣ изображенія предметовъ вооруженія героическаго періода сняты съ оригиналовъ исторической эпохи, и одни и тѣ же изображенія являются иллюстраціями къ описаніямъ вооруженія того и другого періода. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Относительно шлема на стр. 16 мы читаемъ, что „образцомъ закрытаго гомеровскаго шлема можетъ служить шлемъ на 1-й таблицѣ, *κόρυς κορινθία*—на лѣвую сторону, къ бѣсту Аены Паллады, найденному въ предѣлахъ Тускулума“^{*}), а на страницѣ 32-й

^{*}) Замѣтимъ, что авторъ всегда указываетъ, съ какого памятника снято то или другое изображеніе, но умалчиваетъ, какими изданіями памятниковъ онъ пользо-

тотъ же шлемъ рекомендуется, какъ образецъ „перваго вида коринескихъ шлемовъ“. Отсюда всякій учащійся съ полнымъ правомъ сдѣлаетъ выводъ, что гомеровскіе герои носили коринескіе шлемы. На стр. 21-й поножи, найденныя вблизи Керчи и изображенныя на таблицѣ 1-й, представляются въ качествѣ образчика поножъ эпохи Гомера. На стр. 24-й сказано, что „помѣщенное на табл. 1-й изображеніе меча — *ἐγχεῖριδιον* (найденное въ провинціи Пармѣ) можетъ служить въ извѣстной степени иллюстраціей гомеровскаго меча“, а на стр. 37-й то же изображеніе рекомендуется, какъ иллюстрація кинжала исторической эпохи. Последнее, конечно, гораздо правильнѣе; но неопытный читатель можетъ заключить, что мечи гомеровской эпохи и кинжалы эпохи исторической суть одно и то же. Изображеніе овальнаго щита на стр. 22-й указывается какъ иллюстрація щита гомеровскаго, а на стр. 34-й — какъ віотійскаго исторической эпохи. На стр. 36-й обувь воиновъ на микенской вазѣ очень древней эпохи представляется, какъ служащая „въ нѣкоторой степени“ образцомъ такъ-называемыхъ *иоикратидъ* (т.-е. обуви, введенной извѣстнымъ *Иоикратомъ*). Лаконская *ξυήλη*, какъ видно изъ замѣчанія на стр. 38-й, представлена по барельефу изъ города Ксанеа, съ изображеніемъ *дикійцевъ*, а не *лакедемонянъ*, и т. д. Впрочемъ, несмотря на неудачный выборъ нѣкоторыхъ изображеній и указанныя объясненія, могущія вызывать недоумѣніе учащихся, рисунки 1-й таблицы могутъ, вообще говоря, служить недурными иллюстраціями греческаго вооруженія, конечно, если не гнаться за полной точностью представленія. Не то на таблицѣ 2-й: здѣсь изъ 6-ти изображенныхъ фигуръ (4 раскрашенныхъ и 2 небольшихъ нераскрашенныхъ) ровно половина представляются намъ совершенно неумѣстными, — именно: 1) фигура съ подписью *ἀρχαῖος στρατιώτης (κελταστής)*, 2) *Ἀμαζών* и 3) *τοξότης*. Что касается до первой фигуры, представленной по живописи на очень древней вазѣ, найденной Шлиманомъ въ Микенахъ (см. стр. 30), то 1) изображенія на ней, несмотря на ихъ огромную археологическую важность, не могутъ быть названы типическими образцами древнѣйшаго одѣянія и вооруженія, и нельзя сказать, насколько они вѣрны дѣйствительности; 2) на таблицѣ изображеніе, какъ мы уже замѣтили, представлено очень неточно и фантастично; 3) надпись можетъ подать поводъ къ большому недоумѣнію; дѣло въ томъ, что учащіяся, привыкнувъ разумѣть подъ *κελταστής* только извѣстный родъ войска, усовершенствованный *Иоикратомъ*, не сообразятъ, что изображенную

вазю. Большинство рисунковъ предметовъ вооруженія, изображенныхъ на табл. 1-й, имѣется въ извѣстномъ изданіи Баумейстера „*Denkmäler d. klass. Alterthums*“, статья „*Waffen*“ и др.

на таблицѣ странную рогатую фигуру авторъ совершенно произвольно назвалъ пелтастомъ только по ея щиту, имѣющему сходство со щитомъ пелтастовъ, примуть ее за типическаго представителя этого рода войска и поймутъ свою ошибку только тогда, когда прочтуть въ текстѣ подробности объ изображеніи; но текстъ не у всякаго гимназиста будетъ подѣ руками и не всякій догадается заглянуть въ него, чтобы разрѣшить свое недоумѣніе относительно этой фигуры. Изображеніе амазонки также не можетъ быть названо типическимъ, и мы положительно недоумѣваемъ, зачѣмъ оно дано. Авторъ на стр. 39 говоритъ, что „изображеніе это для насъ важно въ томъ отношеніи, что древніе памятники искусства представляютъ совершенно въ такомъ же самомъ костюмѣ азіатскихъ стрѣлковъ“. Но на это можно возразить, что, судя по заглавію, на таблицахъ должны быть изображенія греческихъ воиновъ, а не азіатскихъ. Или авторъ вѣрить, что амазонки въ самомъ дѣлѣ составляли особый видъ греческаго войска? Въ сидящей влѣво отъ амазонки фигурѣ съ подписью „τοξότης“ опытный взглядъ сразу узнаетъ скиѳа съ Куль-обской вазы, но гимназистъ, можно ручаться почти навѣрное, приметъ ее за изображеніе греческаго стрѣлка, если не отыщетъ внизу стр. 39-й объясн. текста надлежащаго указанія. Мы рѣшительно не понимаемъ, какъ самъ авторъ не догадался, въ какое заблужденіе вводитъ онъ юношей, и зачѣмъ ему понадобились амазонки и скиѳы. По нашему мнѣнію, на этой таблицѣ слѣдовало помѣстить: 1) гомеровскаго воина по одному изъ хорошихъ изображеній, относящихся къ мѣу о Троянской войнѣ (ихъ не мало), 2) гонгита исторической эпохи, 3) настоящаго, а не рогатаго пелтаста, 4) легко-вооруженнаго и, пожалуй, 5) одного изъ представителей македонскаго войска.

Обращаясь теперь къ частностямъ, мы должны замѣтить, что на 1-й таблицѣ многіе предметы изображены въ слишкомъ маломъ масштабѣ, такъ что детали изображенія исчезаютъ уже на разстояніи 2—3 аршинъ (см. напримѣръ, мечи, части копыя и проч.), показывать ихъ одновременно цѣлому классу оказывается невозможнымъ, и, стало-быть, цѣль, къ которой стремился авторъ, не достигается. Надписи при предметахъ расположены иногда очень неудачно, то по бокамъ, то наискось, то сверху внизъ, такъ-что зрителю приходится нагибать голову то влѣво, то вправо; невольно думается, не было ли у автора затаенной цѣли помочь учителямъ гимнастики въ упражненіяхъ мускуловъ шеи? Впрочемъ, нѣкоторыя надписи даже совсѣмъ невозможно прочесть, если таблица виситъ на стѣнѣ, такъ какъ для прочтенія необходимо повернуть ее низомъ вверхъ. См. напр. надписи *χίμβαχος* и *λόφος* при *κόρυς κορυφή*, *κορώμη* при *τόξον* (внизу). Нѣкоторыя надписи, обозначающія части воору-

женія, сдѣланы такимъ мелкимъ шрифтомъ, что не обладающему особенно острымъ зрѣніемъ трудно прочесть ихъ уже на разстояніи аршина. Слѣдовало бы всѣ надписи расположить горизонтальными строками и напечатать достаточно крупнымъ шрифтомъ; если этого нельзя было сдѣлать при мелкихъ частяхъ оружія и доспѣховъ, то лучше было бы обозначить ихъ буквами и гдѣ-нибудь въ сторонѣ помѣстить объясненіе буквъ (какъ дѣлается, напр., на географическихъ картахъ), или, помѣщая надпись при предметѣ, стрѣлками указывать, къ какой части предмета она относится.

Вотъ главнѣйшіе недостатки, промахи и недосмотры, которые замѣчаются въ таблицахъ г. Цыбульскаго и въ объяснительномъ къ нимъ текстѣ. Нельзя не признать ихъ довольно важными; но такъ какъ въ текстѣ они относятся преимущественно ко 2-й главѣ, тогда какъ первая представляется въ общемъ изложенною вѣрно, а въ таблицахъ касаются лишь нѣкоторыхъ отдѣльныхъ изображеній и въ значительной степени возмѣщаются привлекательностью и изяществомъ исполненія, не могущими не заинтересовать учащихся, то разсмотрѣнныя таблицы г. Цыбульскаго могутъ быть признаны полезнымъ нагляднымъ пособіемъ при чтеніи греческихъ писателей.

В. Латышевъ.

Графъ Павелъ Капнистъ. Классицизмъ, какъ необходимая основа гимназическаго образованія. М. 1891.

Нисколько не отрицая значенія реального образованія, которое должно пользоваться такимъ же уваженіемъ, какъ и классическое, авторъ выступаетъ на защиту послѣдняго — единственно въ виду тѣхъ обвиненій, которыми осыпаютъ классическую школу. Гр. Капнистъ начинаетъ свой трудъ (распадающійся на 5 главъ) съ обзора и критики статей по вопросамъ средняго образованія у насъ и на Западѣ, — преимущественно восьми статей „Вѣстника Европы“ (мартъ — октябрь 1890). Опроверженіе невѣрныхъ выводовъ, а также исправленіе фактическихъ неточностей, на которыхъ основаны эти выводы противниковъ классицизма, составляетъ главную задачу автора, который свои мнѣнія постоянно подтверждаетъ ссылками на сочиненія извѣстнѣйшихъ педагоговъ и ученыхъ. При подробномъ разборѣ указанныхъ выше статей „Вѣстника Европы“ авторъ обращаетъ особое вниманіе на брошюру г. Еленева, съ которымъ солидаренъ этотъ журналъ въ своихъ мнѣніяхъ о гимназическомъ образованіи. — Говоря объ образованіи вообще, необходимо отдѣлять вопросъ о системѣ образованія (цѣль, которую преслѣдуетъ школа извѣстнаго типа) отъ вопроса объ организаціи школы (объемъ и методы преподаванія, необходимыя для достиженія намѣчен-

ной дѣли). Не уяснивъ себѣ этихъ принципиальныхъ вопросовъ, г. Еленевъ выступаетъ съ обвиненіями противъ нашихъ гимназій. Онъ обвиняетъ ихъ, во-первыхъ, въ переутомленіи учащихся, которые будто бы обременены чрезмѣрнымъ числомъ уроковъ, неправильнымъ распредѣленіемъ учебнаго дня и обширными домашними работами. Затѣмъ наши гимназій, по мнѣнію г. Еленева, страдаютъ многопредметностью, которой онѣ превосходятъ германскія и французскія школы. Подробно возражая (гл. II) на каждое изъ этихъ обвиненій, гр. Капнистъ прежде всего указываетъ, что степень утомленія учащихся не зависитъ вовсе отъ системы образованія, положенной въ основу школы, и что, если требовать отъ школы заботы о физическомъ воспитаніи дѣтей, то надо предоставить въ ея распоряженіе необходимое время и свободу дѣйствія, а затѣмъ и средства. Что же касается вопроса о многопредметности, то наши гимназій вовсе не страдаютъ ею, какъ это видно изъ сравнительной таблицы предметовъ, входящихъ въ курсъ гимназій русскихъ, прусскихъ, австрійскихъ и французскихъ лицеевъ. Преподаваніе въ гимназій естественныхъ наукъ, которое предлагаетъ г. Еленевъ, не приведетъ къ сокращенію числа учебныхъ предметовъ, а напротивъ нарушитъ такъ наз. концентрацію преподаванія. Сосредоточеніе приблизительно половины учебнаго времени на немногочисленной группѣ главныхъ предметовъ есть первое существенное условіе общеобразовательной школы, готовящей къ университетскому образованію. Строго научный (а не утилитарный) характеръ послѣдняго опредѣляетъ собою и характеръ средней школы, готовящей къ университету. Отсюда, при рѣшеніи вопроса объ учебной организаціи гимназій, возникаетъ второе необходимое условіе средней школы: общій характеръ образованія и научная постановка методовъ преподаванія, чѣмъ гимназія рѣзко отличается отъ профессиональной школы. Смѣшивать оба эти типа школы (какъ дѣлаетъ, напр., г. Еленевъ) весьма ошибочно, и едва ли не въ этомъ смѣшеніи заключается главный источникъ того болѣзненнаго состоянія, въ которомъ теперь находится школьный вопросъ въ Германіи. — Какіе же предметы, по самому существу, наиболѣе соответствуютъ указанному выше характеру гимназическаго образованія? Этотъ вопросъ авторъ рѣшаетъ такимъ образомъ (гл. III). Законъ Божій, какъ основа религіозно-нравственнаго воспитанія, которое должно проникать во всю жизнь школы, и русскій языкъ какъ предметъ, объединяющій все остальное преподаваніе, — оба эти предмета стоятъ внѣ общей группировки предметовъ гимназическаго курса. Что касается математики, то ея преподаваніе должно носить строго научный характеръ, потому что только въ такомъ видѣ она развивается въ учащихся способность мышленія и твердое усвоеніе основныхъ понятій. Но одна математика, при всемъ своемъ значеніи, даетъ этому развитію одностороннее направленіе. „Истиннымъ предметомъ изученія (какъ сказалъ Гёте) все-таки остается человѣкъ“. (гл. IV) Какъ исторія развитія образованія, такъ и практика учебнаго дѣла всѣхъ образованныхъ странъ показываетъ, что въ основѣ общаго образованія всегда и повсюду лежатъ гуманистическія науки. Изъ этихъ наукъ одно только языковѣдѣніе можетъ занять центральное положеніе къ кругу учебныхъ предметовъ гимназическаго курса (гл. V). Языковѣдѣніе

во всё времена играло громадную роль въ образованіи человѣчества и въ наше время, пополняясь математикой, составляетъ главную основу общаго образованія: это — единственный матеріалъ, который, при совершенной элементарности преподаванія и при соответствіи возрасту и пониманію учащихся, обладаетъ строгой послѣдовательностью и заставляетъ постоянно работать логическія, мыслительныя способности учащихся. Изъ всѣхъ языковъ наиболее пригодными для такихъ цѣлей образованія являются древніе классическіе языки латинскій и греческій, на которыхъ удобнѣе всего изучать логику и законы языка. При этомъ необходимо преподаваніе обоихъ древнихъ языковъ, безъ чего гимназія утратила бы значеніе классической школы, готовящей къ высшему, научному образованію. — Послѣ обзора предметовъ гимназическаго курса авторъ такъ резюмируетъ свои выводы. 1) Необходимымъ условіемъ благоустроенной школы является ясное и твердое опредѣленіе сущности той системы, которая лежитъ въ основѣ образованія. 2) Школа должна учить не многимъ предметамъ, но основательно (*non multa, sed multum*). 3) Концентрація преподаванія на двухъ-трехъ предметахъ необходима для всякой школы, а въ особенности — классической, которая имѣетъ преимущественно научный характеръ. 4) Утилитарное направленіе несомнѣнно съ общимъ образованіемъ. 5) Методическое объединеніе преподаванія всѣхъ предметовъ, согласованіе съ основными принципами школы, составляетъ ея главную силу и достоинство. 6) Необходимымъ условіемъ классической школы является тщательное, систематическое изученіе древнихъ языковъ, а затѣмъ не менѣе внимательное изученіе литературы. 7) Школа не будетъ классической при изученіи только одного древняго языка. 8) Изученіе древнихъ языковъ должно начинаться возможно раньше (съ 10—11 лѣтъ). Наконецъ, 9) серьезное изученіе древнихъ языковъ, при своей трудности, требуетъ значительнаго времени. Поэтому говорить объ „умѣренномъ классицизмѣ“ (съ сокращеннымъ числомъ часовъ по древнимъ языкамъ) — значитъ лишать его всей его сущности.

Таковы основныя мысли вышедшей въ свѣтъ первой части труда гр. П. А. Капниста. Авторъ надѣется въ будущемъ представить отчетъ о положеніи школьнаго дѣла въ Германіи и Франціи и сопоставить это положеніе съ тѣмъ, что мы въ настоящее время видимъ у насъ.

А. Л.

III. ОБЗОРЪ ЖУРНАЛОВЪ.

а) Русскіе журналы.

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. LX (1891). 1, 2, 3 (январь, февраль, мартъ).

1. Отд. класс. фил. **Wulfius, De quintae Heroidis Ovidianae fontibus**, стр. 1—15. Овидій въ пятой героидѣ (Энона къ Парису) несомнѣнно слѣдовалъ одному изъ поэтовъ Александрійской эпохи, такъ какъ болѣе древніе писатели не знаютъ подробностей, сообщаемыхъ Овидіемъ. Изъ алекс. поэтовъ источникомъ ему могли всего меньше служить Никандръ и Ликофронъ; всего вѣроятнѣе Овидій свой рассказъ о любви Эноны и Париса заимствовалъ изъ „Александра“ Евфоріона. — **Метафизика Аристотеля**, перев. П. Перлова и В. Розанова, стр. 16—43 (продолженіе нач. въ 1890 г.). — **Э. Радловъ**, „Объ истолкованіи“ Аристотеля, стр. 45—64. Переводъ, снабженный введеніемъ, въ которомъ сначала приводится литература трактата и его толкованія вплоть до нашего времени, а потомъ излагается его содержаніе.

2. Отд. класс. фил. **Э. Радловъ**, „Объ истолкованіи“ Аристотеля (Окончаніе) стр. 65—92. — **Надгробная пѣснь Алонису**, Біона Смирнскаго, перев. разм. подл. В. Л., стр. 93—96.

3. Критика и библиографія. **Krumbacher, Geschichte der Byzantinischen Literatur von Justinian bis zum Ende des Oströmischen Reiches. München 1891.** „Книга Кр—а блещетъ прекрасными свѣтовыми отдѣлами... и представляетъ собою капитальное произведеніе въ области византиновѣдѣнія“. **Θ. Успенскій**. — **Р. Пельманъ**, Краткій очеркъ греческой истории, перев. Н. Шамонова М. 1890. „Переводъ вообще исполненъ съ знаніемъ языка и пониманіемъ дѣла, но во многихъ мѣстахъ темень и неудобопонятенъ“. — Отд. класс. фил. **В. Модестовъ**, Вопросъ о греческомъ чтеніи (произношеніи), стр. 92—121. Выказавъ ту мысль, что правописаніе грековъ, какъ и всякаго народа, нигдѣ не выражало собою всѣхъ оттѣнковъ произношенія, авторъ останавливается на исторіи произношенія спорныхъ буквъ. „За произношеніе дифтонга *αι* не позже V стол. до Р. X. (чтобъ не ходить дальше), какъ долгаго (открытаго) *ε*, говорятъ не только беотійскія надписи, гдѣ онъ въ концѣ V стол., т.-е. со введеніемъ въ Беотію Эвклидова алфавита, замѣняется *η*, а раньше нерѣдко замѣнялся *αι*, но и надписи изъ Аттики, съ двухъ острововъ — іонійскаго и эолійскаго, свидѣтельство грамматика Геродіана объ эолійскомъ употребленіи въ нѣкоторыхъ словахъ *αι* вм. *η*, эпиграмма Каллимаха и, наконецъ, постоянная замѣна этого дифтонга въ латинскомъ языкѣ посредствомъ *ae* (Aeschylus,

Αετνα и др.), какъ и наоборотъ (*Αμύλιος, Καίσαρ* и др.)". — Замѣна дифтонга *ει* посредствомъ *ι* раньше всего началась въ Беотіи; въ другихъ странахъ смѣшеніе это нерѣдко уже въ V стол. до Р. X. (надписи гортинская, аттическая V в., изъ Пирея IV ст., въ коринескихъ надп. собств. имена), а съ конца III в. до Р. X. упрощеніе дифтонга *ει* стало всеобщимъ въ Элладѣ. Въ лат. транскрипціи *ει* = *i*, иногда *ē* (*Dagius, Dagēus, Antiochia*). — Дифтонгъ *οι* въ древнихъ беот. надп. писался *οε* (значить близко къ лат. *oe*), а съ III в. начинается замѣна его буквой *υ* (напр. въ надписяхъ критскихъ III в. до Р. X., пантикапейской поздняго времени); въ Атикѣ *οι* иногда замѣняло *ει*. — Буква *η*, какъ знакъ долгаго *ē*, держалась въ произношеніи образованныхъ людей нѣсколько столѣтій и послѣ Р. X.; у римлянъ она всегда передавалась посредствомъ *e*. Но въ народной массѣ превращеніе *η* въ *ι* существовало въ очень раннее время" (приводятся слѣды въ надписяхъ: гортинской, съ о-ва Карпаа и другихъ поздней эпохи; греч. транскрипція: *Scipio* = *Σκηπίων* и др.). — Наконецъ, *β* и *υ* въ дифтонгахъ *αυ* и *ευ* въ древнихъ надписяхъ часто замѣнялись посредствомъ *ϕ*. — На основаніи этихъ данныхъ авторъ отвергаетъ научность теоріи *εραμιστοβ*. — Наконецъ излагается исторія борьбы двухъ произношеній, начинающая съ Эразма, при чемъ авторъ съ особенной подробностью останавливается на положеніи вопроса въ настоящее время какъ въ Россіи, такъ и за границей, гдѣ т.-наз. рейхлиновское произношеніе, по словамъ автора, приобретаетъ все болѣе и болѣе сторонниковъ. — *N. Novossadaky, Reprosum Jo. Toepffero, стр. 122—128. Отвѣтъ на рецензію книги „Елевсинскія мистеріи“ въ Deutsche Litteraturzt. (1888 p. 1406 sqq.)... „Ex eis quae dixi Toepfferum exiguum et ut ita dicam e longinquo tantum libri mei notionem perciperisse, de eis autem paucis, quae accurate legit, iustitia non servata tractasse apparet“.*

Гимназія IV (1891) 1—3 (въ одной книгѣ).

Г. Яичевецкій, Гомеръ въ классѣ, стр. 1—8. Поурочное распредѣленіе Одиссеи и Илиады, такъ что каждая поэма, лишь за ничтожными пропусками, прочитывается въ одинъ годъ сполна; прибавлены двѣ ученическихкія работы по Гомеру на темы: Евриклея, *Κύων*. — **Schrader**, Гимназія и реальныя училища. Воспитаніе и обученіе. Перев. съ 4 изд., стр. 1—80. — **Шиллеръ**, Методика преподаванія предметовъ въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ, перев. со 2-го изд. Н. Кораблева, стр. 1—66. — **Учебные планы австрійскихъ гимназій** (продолженіе), стр. 37—70: Чтеніе латинскихъ авторовъ; греч. грамматика и авторы. — **С. Цыбульскій**, Французскій археологическій институтъ въ Аѳинахъ, стр. 70—82. Краткая исторія института со времени его основанія и перечисленіе главныхъ членовъ его съ указаніемъ ихъ сочиненій и заслугъ. Заключение: необходимо основать русскій институтъ въ Аѳинахъ. — **А. Солоникъ**, Анализъ діалога Платона „Хармидъ“, стр. 8—15. Объектъ цѣломудрія, какъ самопознанія; цѣломудріе есть самопознаніе, имѣющее двѣ цѣли: 1) познаніе мыслящей субстанціи чловѣка, 2) этической его

природы. — С. Николаевъ, Письма изъ Германіи: IV. Борьба за и противъ классической школы, стр. 17—42. — А. Тиховъ, Образованность и наука у древнихъ грековъ и римлянъ, стр. 1—19: популярная статья о культурѣ античныхъ народовъ. — Вартеми, Путешествіе молодого Анахарсиса, пер. подъ ред. Янчевецкаго, стр. 79—100 (въ приложеніи).

Ученыя записки Императорскаго Казанскаго Университета. LVIII (1891). Кн. первая (январь — февраль).

В. Л. Переводы изъ греческихъ поэтовъ, стр. 129—138. Изъ Феокрита, идилліи: IV (Пастухи Баттъ и Коридонъ), V (Соперники), XIX (Эротъ-воршишка), XX (Отвергнутый пастушокъ). — Къ веснѣ (стихотв. Мелеагра Гадарскаго). Всѣ переводы сдѣланы размѣромъ подлинниковъ и сопровождаются примѣчаніями.

Вѣра и Разумъ. VIII (1891), 1—6 (январь, февраль, мартъ).

№ 3. Отд. философіи. **Ө. Зеленогорскій**, Циники, психологическій, социальный и моральный этюдъ (стр. 97—121). Послѣ изложенія исторіи цинической школы въ лицѣ ея представителей: Антиссена, Діогена и Кратеса и ея ученія о жизни по природѣ и разуму, авторъ останавливается на сочиненіяхъ Грота и Гладича и, признавая циниковъ явленіемъ чисто-греческимъ, опровергаетъ мнѣніе этихъ ученыхъ, будто циники являются подражателями индійскихъ гимнософистовъ.

№ 6. Ученіе Аристотеля и его школы (перипатетической) о Богѣ (продолженіе). Рефератъ объ этой статьѣ будетъ въ слѣд. книжкѣ „Фил. Обзоръ“.

Историческое Обзоріе. 2-я книжка (1891).

Историческія новости. В. П. Вуескулъ. Новооткрытый трактатъ Аристотеля объ афинской демократіи, стр. 221—239. Трактатъ Аристотеля *Ἀθηναίων πολιτεία* (безъ начала и съ сильно попорченнымъ концомъ) найденъ въ Египтѣ написаннымъ на оборотной сторонѣ папирусовъ, которые хранятся теперь въ Британскомъ Музее. Впервые трактатъ этотъ появился въ изданіи Кеніона (2 изд. 1891). Судя по нѣкоторымъ даннымъ, списокъ слѣдуетъ отнести къ концу I или началу II вѣка по Р. Х. Трактатъ имѣетъ двѣ части. Въ первой изъ нихъ, излагающей событія до 403 г., онъ освѣщаетъ съ новыхъ сторонъ тотъ процессъ, путемъ котораго совершился переходъ отъ монархіи къ демократіи, проливаетъ свѣтъ на дѣятельность Драконта, какъ политическаго реформатора, и Солона, сообщая при этомъ неизвѣстныя доселѣ выдержки изъ стихотвореній послѣдняго, даетъ новое представленіе о развитіи демократіи и характерѣ ея вождей, о реформѣ ареопага, о сиссакхіи, о дикастеріи, о Клисееновомъ законодательствѣ, дѣятельности Перикла, о выступившихъ послѣ него демагогахъ, наконецъ, объ олигархіи четырехсотъ. Вторая часть трактата содержитъ опи-

саніе строя Аенія въ томъ его видѣ, въ какомъ онъ существовалъ при Аристотелѣ въ IV в. Эта часть содержитъ мало новаго, потому что съ нею познакомили насъ черпавшіе отсюда свои свѣдѣнія лексикографы. Значеніе новооткрытаго трактата и его важность для греческой исторіи огромны. На основаніи новыхъ данныхъ придется передѣлать теперь историческій матеріалъ даже учебниковъ греческой исторіи.

Историческій Вѣстникъ, XII (1891). 1, 2, 3 (январь, февраль, мартъ).

Кн. 2. Ө. Булгаковъ, Шлиманъ и его археологическая дѣятельность, стр. 521—548. Послѣ краткой оцѣнки археологической дѣятельности Шлимана, дается популярное описаніе раскопокъ въ Троѣ, Микенахъ, Итакѣ, Тиринѣ, на Кноерѣ и Сфактеріи, при чемъ въкоторыя изъ находокъ воспроизведены въ рисункахъ. Въ концѣ статьи сообщаются краткія свѣдѣнія изъ жизни покойнаго археолога.

Русское Обзорніе, II (1891). 1, 2, 3 (январь, февраль, мартъ).

Кн. 1 и 2. Е. Ө., Къ вопросу объ египетской миеологіи и религіи, стр. 151—187 и 559—586. Констатируя рѣзкое разногласіе среди ученыхъ египтологовъ во мнѣніяхъ о самой сущности религіи египтянъ, считаеваемой одними монотеистическою (Бругшъ), другими политеистическою (Масперо), авторъ статьи, соглашаясь съ третьими (де-Броссъ, Пичманъ, Видеманъ), признаетъ религію египтянъ фетишизмомъ, что особенно краснорѣчиво доказывается ихъ вѣрованіями въ загробную жизнь и связанными съ этимъ погребальными обрядами, описаніе которыхъ и занимаетъ вторую часть статьи.

Кн. 2. Отдѣлъ критики и библиографіи. Т. Макціа Плавта „Горшокъ“ (Aulularia), переводъ А. Фета. М. 1891, стр. 917—928. Сравненіе этого перевода съ переводомъ М. П—скаго въ Ж. М. Н. Пр. за 1888, 12 заставляетъ отдать рѣшительное предпочтеніе переводу поэта передъ переводомъ ученаго. *Ю. Кулаковскій.*

Русская Мысль, 1891. 1, 2, 3 (январь, февраль, мартъ).

Кн. 2 и 3. М. Н. Р., Картины античнаго міра, стр. 176—193 и 150—188. Исторія отношеній Клеопатры къ Цезарю и Антонию.

Вѣстникъ Европы, 1891. 1, 2, 3 (январь, февраль, мартъ).

Кн. 1. Скованный Прометей, трагедія Эсхила, перев. (въ стихахъ) Мережковскаго. — **Кн. 1, 2 и 3. А. Окольскій,** Реформа классическихъ гимназій во Франціи.

Вѣстникъ Воспитанія, II (1891). 1, 2, 3 (январь, февраль, мартъ).

Кн. 2. NN, Открытіе педагогической Америки. Статья знакомитъ съ внутреннею жизнью и устройствомъ средняго учебнаго заведенія City College въ Нью-Йоркѣ, основаннаго въ 1848 г. City College имѣетъ три отдѣленія: классическое, научное и промышленное; время ученія —

5 лѣтъ. Въ первый годъ назначено 5 латинскихъ часовъ въ недѣлю (при 20 часахъ недѣльныхъ по всѣмъ предметамъ); греческаго нѣтъ. Во второй годъ на лат. и греческій отводится по 3 часа въ недѣлю (при всѣхъ 20). Въ третій годъ на латинскій 2 часа и на греческій 3 часа (при 21 всего). Въ четвертый годъ — на латинскій 4 (во 2-е полугодіе — 2 часа), на греческій — 3 часа (при всѣхъ 20). Въ пятый годъ — на латинскій 3 часа и столько же на греческій (при 20 ч. всего). Поступаютъ въ City College юноши въ возрастѣ 14—15 лѣтъ, уже прошедшіе низшую школу. По отзыву французскаго писателя, Charles Bigot, результаты, достигаемыя Колледжемъ въ древнихъ языкахъ, „поразительны“.

в) Иностранные журналы.

Neue Jahrbücher für Philologie und Pädagogik. CXLIII и CXLIV (1891), 1—3.

1. *Heft.* I. F. *Blass.* Ein neues Epigramm aus Kreta, стр. 1—6. Разбирается съ диалектической стороны одна надпись на храмѣ Матери боговъ. — E. *Kurtz,* Zu Michael Apostolios, стр. 6—8, исправляетъ и толкуеть нѣкоторыя поговорочныя выраженія. — H. *Blumner,* Die Metapher bei Herodotos, стр. 9—52. Авторъ, принимая постоянно въ соображеніе поэтическую литературу, предшествующую Геродоту и современную ему, разсматриваетъ безыскусственные и искусственные переносы понятій, означающихъ воспринимаемыя внѣшними чувствами качества предметовъ, равно какъ дѣйствія и состоянія, имѣющія общій смыслъ, отъ одной конкретной области къ другой конкретной и далѣе къ абстрактной; затѣмъ приводитъ тропы, заимствованныя отъ частей и функций человѣческаго тѣла, отъ одежды и жилья, изъ ежедневнаго обихода, изъ жизни животныхъ и растений и изъ другихъ областей природы. Выводъ: на ряду съ метафорами, ставшими во времена Геродота общимъ достояніемъ языка, у него встрѣчаются метафоры поэтическія, особ. гомеровскія, главнымъ образомъ въ рѣчахъ. — Fr. *Rühl,* Die Ueberlieferung von Xenophons Hierarchikos, стр. 53—65. Различаются двѣ вѣтви рукописнаго преданія, къ которымъ при установленіи текста слѣдуетъ относиться эклектически. — A. *Faust,* Der neue Stern vom Jahre 134 v. Chr., стр. 65—66. На основаніи словъ Эннія у Cic. *de div.* I, 107 и одного китайскаго источника доказывается, что слово avis у Юлія Обсеквента с. 27 значить „звѣзда“. — L. *Mendelssohn,* Analecta Tulliana. Критическія замѣтки къ письмамъ Цицерона.

II. Th. *Vogel,* Die Nachahmung Ciceros auf unseren Gymnasien, стр. 1—8. Авторъ вооружается противъ господствующей въ нѣмецкихъ гимназіяхъ погоней за стилемъ Цицерона, замѣчая, что подобный пуризмъ, родоначальникомъ котораго является въ пятидесятыхъ годахъ текущаго столѣтія Зейфертъ съ его „*palaestra, scholae, progymnasmata*“, служить болѣе во вредъ, чѣмъ на пользу въ гимназіи, ставя учениковъ и учителей въ весьма затруднительное положеніе. Авторъ требуетъ болѣе свободы для

письменныхъ работъ; грозное „это не встрѣчается у Цицерона и Цезаря“ не должно висѣть надъ ученикомъ въ видѣ Дамоклова меча; пусть слогъ его напоминаетъ Ливія и Тацита, — что за бѣда? это плодъ его чтенія, его знакомства съ этими писателями, языкъ которыхъ въ свое время считался тоже образцовымъ. — P. Börgwald, Einige Fragen zur Reform des Gymnasialunterrichts, стр. 8—20. Желательно устраненіе нѣкоторыхъ недостатковъ въ преподаваніи древнихъ языковъ: а) при изученіи грамматики не слѣдуетъ разсчитывать исключительно на память, но слѣдуетъ призывать на помощь и разумъ, прибѣгая къ генетическому объясненію, къ сравненію явленій языковъ древнихъ и родного, къ раскрытію психологическаго смысла синтаксическихъ оборотовъ, б) не должно къ чтенію примѣшивать грамматики — для нея есть свои часы и роль ея чисто служебная, в) при оцѣнкѣ ученическихъ познаній слѣдуетъ руководствоваться не столько письменными работами, сколько устными отвѣтами, г) при выборѣ чтенія слѣдуетъ имѣть въ виду исключительно соображенія дидактическаго характера: слѣдуетъ выбирать такія произведенія, которыя, будучи взяты въ отдѣльности, соприкасались бы съ остальными предметами учебнаго курса, въ общемъ же представляли бы сплошное цѣлое, по которому ученикъ могъ бы составить ясное понятіе о религіи и нравахъ, наукѣ и искусствѣ, исторіи и политикѣ древняго міра. Впрочемъ авторъ лишь отчасти указываетъ, какъ бы онъ думалъ осуществить на практикѣ это дидактическое требованіе. — G. Völcker, Zum späteren Beginn des lateinischen Unterrichts, стр. 20—50. Исходя изъ того положенія, что всякое разумное обученіе должно примыкать къ кругу мыслей, уже составившемуся въ головѣ ученика, авторъ требуетъ до тѣхъ поръ не пачивать обученія чужому языку, пока дѣти не освоятся основательно съ роднымъ; но и тутъ прежде древняго языка они должны ознакомиться съ какимъ-либо новымъ, какъ болѣе близкимъ къ нимъ, напримѣръ французскимъ. Такимъ образомъ изученіе латинскаго языка должно начинаться на двѣнадцатомъ, а греческаго на четырнадцатомъ году. Тогда, по мнѣнію автора, механическій способъ заучиванья, не возбуждающій никакого интереса, можно будетъ замѣнить болѣе разумнымъ; успѣхи учениковъ улучшатся; самый вопросъ о переутомленіи перестанетъ существовать. Опровергая противныя мнѣнія, въ подтвержденіе своего взгляда авторъ приводитъ и разбираетъ статью Штейншталля (Philol. Wochenschr. 1888. № 48) и брошюру Латмана (Welche Veränderungen des Lehrplans in den alten Sprachen würden erforderlich sein, wenn der fremdsprachliche Unterricht mit dem französischen begonnen wird — Progr. zu Clausthal 1888). — Stöwer, Ueber gymnastische, musikalische und declamatorische Schulfeierlichkeiten.

2. Heft. I. O. Rossbach. Epica, стр. 81—102. Критическія и литературно-историческія замѣтки къ послѣгомеровскимъ эпикамъ, между прочимъ, къ гомеровскимъ гимнамъ, батрахоміомахіи и др. — O. Crusius, *Ἡ εὐνοῦσσι κείται*, стр. 102—106. Доказывается несообразность чтенія Weck'a: *Ἡ εὐνοῦσσι κείται*. „Отношеніе Века къ гом. тексту — неуваженіе къ хорошему преданію и слѣдая увѣренность въ истинности соб-

ственных измышлений — является типическим для известного направления новейшей гомер. критики". — Н. v. Kleist, *Der eingeschobene Genitiv des Ganzen bei Theuc.*, стр. 107—114. Во всех приведенных мѣстах gen. part. можетъ быть понята какъ attributivus, кромѣ VIII, 76, 6. — E. Weissenborn, *Zu Xenophons Anamnemonemata*; стр. 114—119. Доказывается, что разговоръ съ Θεοδοτῷ (III, 11) имѣть чисто-нравственную тенденцію, вопреки мнѣнью Целлера (*Phil. d. Griech.* II², 74), выдающаго въ этомъ диалогѣ примѣръ того, что Сократъ искалъ даже такого знанія, которое на практикѣ можетъ служить безнравственнымъ цѣлямъ. § 13 и 14 — несомнѣнная вставка. — E. Dittich, *Zu Lycophrons Alexandra*, стр. 119; *zu Antimachos*, стр. 120. — O. E. Schmidt, *M. Tullius Cicero beim Ausbruch des Bürgerkrieges*, стр. 121—130. Авторъ рѣшительно становится на защиту Цицерона противъ обвиненій, взводимыхъ на него Друманомъ и Момзеномъ, и представляетъ знаменитаго оратора сторонникомъ мирныхъ реформъ въ области госуд. управления и противникомъ перевѣса одной изъ враждовавшихъ партій (какъ Цезаревой, такъ и Помпеевой) надъ другою. — E. Köpfer, *M. Tullius Tiro's Freilassung*, стр. 130—132; относить самый фактъ къ 53 г. до Р. X. — M. Kändlerlin, *Zum 7. Buche des Quintil.*, стр. 132—136. — F. Schröder, *Zu Catullus*, стр. 137; *zu Tacitus Annalen*, стр. 138. — H. Probst, *Zu Tacitus Hist.*, стр. 139—144. — J. Schmalz, *Multi = complures*. Встрѣчается и у Цицерона.

II. C. Hermann, *Das daktylo-epitritische Versmass bei Pindar und die neuere rhythmologische Theorie**. — Stöwer, *Ueber gymnastische, musikalische und declamatorische Schulfeierlichkeiten* (окончаніе).

3. Heft. I. H. Welzhofer, Zur Geschichte der Perserkriege, стр. 145—159. Въ первой главѣ говорится о походѣ Мардонія въ 492 году; во второй — о мнимыхъ вооруженіяхъ Дарія и Ксеркса, направленныхъ противъ Греціи. — Походъ не былъ направленъ ни противъ Эретріи и Аенія, ни противъ всей Греціи. Мардоній имѣлъ въ виду прежде всего докончить усмиреніе іонійскаго возстанія. Покончивъ съ Іоніей, онъ обратился противъ Фракіи и Македоніи и, достигнувъ своей цѣли, возвратился назадъ. — Въ разсказѣ объ обширныхъ вооруженіяхъ Дарія и Ксеркса противъ Греціи Геродотъ передаетъ то, о чемъ въ его время ходили толки, сообщая иногда противорѣчащіе одинъ другому факты, особенно гдѣ дѣло касается участія аенянъ. Прорытіе Аеона было вызвано потребностями торговыхъ сношеній. До самаго конца 481 года Персія была спокойна и не думала о вооруженіяхъ. Дарій не имѣлъ въ виду вторженія въ Грецію, и Ксерксъ цѣлые годы не рѣшался удовлетворить просьбамъ Алевадовъ и Пизистратидовъ. — H. Mauel, *Handschriftliches zu Thukydides*, стр. 159—164. — R. Feppmüller, *Ein Emendationsvorschlag zur Ilias*, стр. 164; предлагается въ *Hom. Ψ* 48 читать *στυγερῆ περὶ ὄμιθα γαστρὶ* (вм. *δακτῆ*). — K. Tümpel, *Arcadische Telchinen*, стр. 165—167;

*) По поводу этой статьи въ ближайшей книжкѣ „Фил. Обоз.“ будетъ помѣщена критическая замѣтка.

доказывается, что телхины обитали въ Аркадіи. — R. Meister, Ein Heros Nautilochos? стр. 167—168. Въ эпиграммѣ на базѣ статуи изъ Приены *Nautilochos* есть названіе гавани. — Ch. Cron, Zu Platons Enthyphron (15^e), стр. 169—176. Слова *ὅτι βιωσσίμην* слѣдуетъ считать зависящими отъ *ἐνδειξάμενος*. — K. Liebhod, Zu Herodotos, стр. 176. Въ 3,19 читать *συνεστρατήσαντο*. — I. Sommerbrodt, Zu Lukianos, стр. 185—192. — M. Gertz, Zu Aristoteles *Ἀθηναίων πολιτεία*, стр. 192. — M. C. P. Schmidt, Kleine Beobachtungen zum lateinischen Sprachgebrauch, стр. 193—197. Разбираются обороты: *vitare ne; defendere* съ acc. с. inf., *ut* или *ne; adde-re, adicere, adiungere* какъ *verba dicendi; servare* или *observare* съ *ut* и *ne; usque eo ut; inquam* съ дат. п. — P. Loeewe, Zu Ovidius Metamorphosen, стр. 198. Въ V, 546 *ab alis* переводить слѣдуетъ: „начиная отъ плечъ“. — I. Lange, Zu Caesars Bellum Gallicum, стр. 199—209. Исправляется цѣлый рядъ мѣстъ посредствомъ вставокъ или устраниенія нѣкоторыхъ словъ. — K. Nachmann, Zu Tacitus Germania, стр. 209—214; разбираются слова Тацита (гл. 2) о происхожденіи слова Germani.

H. W. Seltau, Eine Stunde Chronologie im Gymnasium, стр. 124—133. При чтеніи въ классѣ Лувія, Цицерона, Виргилія, Горація слѣдуетъ обращать вниманіе на хронологію. Также и при чтеніи Цезаря не мѣшаетъ познакомить учениковъ съ главнѣйшими вопросами римскаго календаря.

Hermes XXVI (1891), 1.

B. Niese, Die ältere Geschichte Messeniens, стр. 1—32. Вся древнѣйшая исторія Мессеніи, какою она является у Павсанія, Эфора, Исократы, Платона и въ „Кресфонтѣ“ Еврипида, сочинена уже послѣ 370 года. Все въ ней налажено на спартанскій образецъ, какъ въ области культа, такъ и въ древнихъ сказаніяхъ. Исторія Мессеніи послѣ нашествія дорянъ также представляеть собою отголосокъ спартанскихъ мѣоувъ; въ спартанскомъ же смыслѣ толковались и географическія названія (*Μεσσήνη* въ Одиссеѣ XXI, 13 слѣд. — названіе области, объяснялась какъ обозначеніе части Лакедемона). Относительно войнъ Мессеніи со Спартой не существуетъ собственно мессенскихъ источниковъ; преданіе о первыхъ двухъ войнахъ — чисто спартанскаго происхожденія. Сопоставляя хронологическія данныя, авторъ относитъ начало спартанскаго господства въ Мессеніи ко времени около 600 г. до Р. X. — Joh. Geffken, Zwei Dramen des Lykophron, стр. 33—42. Попытка восстановленія по скуднымъ отрывкамъ содержанія драмъ „Навилій“ и „Элефеворъ“. — U. Köhler, Zur Geschichte des amphiloichischen Krieges, стр. 43—50. Толкуя надпись на обломкѣ найденной на аѣннскомъ аетрополѣ стелы, содержащую текстъ постановленія народнаго собранія (отъ времени 360—320 гг.), авторъ приходитъ къ заключенію, что постановленіе это касается реставраціи побѣднаго памятника, поставленнаго Демосееномъ въ 425 г. по рѣшенію нар. собранія въ память счастливаго окончанія Амфилоховой войны. — K. Wernicke, Die Polizeiwache auf der Burg v. Athen., стр. 51—75. Одна надпись, относя-

шавшая прибл. къ 440 г. до Р. Х., гласить, что народъ изъ религиозныхъ побужденій постановилъ уничтожить убѣжище для бѣглыхъ рабовъ и воровъ и поставить у входа на Акрополь сторожевую постъ въ нарочито для него выстроенномъ помѣщеніи. Калликрату поручено было руководить постройкой. Авторъ тутъ распространяется о различіи между *ἀρχιτέκτων* и *ἐργολάβος* и о дѣятельности строительной комиссіи; затѣмъ говоритъ о *ἰπποπόδοις*, которые представляли собою отрядъ рабовъ, и о пѣшихъ *τοξόταις* (это были критяне, а не скиѣи). Корпусъ полицейскихъ дѣлился на 10 компаній, изъ которыхъ каждая, подобно филатѣ, дѣлилась на тритіи. Предсѣдательствовавшая фила должна была всегда ставить стражей на Акрополь. — **A. Hübner**, *Das Odrusenreich in Thracien im V. u. IV. Jahrh.*, стр. 76—117. Авторъ, насколько возможно, по источникамъ рассказываетъ объ основаніи царства одрисовъ Тересомъ I, о царствованіи Ситалка и Севеа I, о внутреннихъ безурядицахъ при Медокѣ и Севеѣ II, о возвышеніи царства при Котисѣ I, о раздѣленіи его по смерти послѣдняго, о постепенномъ подчиненіи отдѣльныхъ его частей власти македонскихъ царей (Филиппа II, Керсоблепта) и о судьбѣ отдѣльныхъ потомковъ царскаго рода въ эпоху Александра. При этомъ исправляются взгляды Курциуса, Дройзена и др. Въ концѣ приложена хронологическая таблица. — **P. Kretschmer**, *Epigraphische Bemerkungen*, стр. 118—127. 1) къ С. I. A. IV, р. 118; 2) къ надписи, помѣщенной въ *Amer. Journ. of Arch.* I, 1885, табл. X; 3) къ надписи въ *Arch. Jahrb.* IV, 1889, стр. 93. — **V. Kell**, *De avium Aristophaneae folio rescripto*, стр. 128—136. О палимпсестахъ въ *Cod. Laur. plut.* LX, 9, содержащихъ *Aristoph. Av.* 1393—1453 со scolіями. — **G. Wissowa**, *Der Tempel des Quirinus in Rom*, стр. 137—144. *Aedes Quirini* находился въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стояло кривое *sacellum Quirini*, близъ *collis Quirinalis*, за паркомъ императорскаго дворца. Наконецъ Виссова устанавливаетъ мѣстоположеніе воротъ: *Quirinalis*, *Sanqualis* и *Fontinalis*. — *Miscellen. Th. Mommsen*, *Zu dem Senatsbeschluss von Tabae*, стр. 145—148. — **U. Köhler**, *Fünf neue Inschriften aus Ambrakia und Larissa*, стр. 148—150. — **O. Hirschfeld**, *Die flamines perpetui in Africa*, стр. 150—152. Это не пожизненная должность; титулъ, какъ право на почетъ, оставался послѣ сложенія должности жреца. — **M. Rubensohn**, *Gegen das Wassertrinken*, стр. 153—156. По поводу одной эпиграммы въ *Anth. pal.* IX. 406, приписываемой авторомъ Антипатру Тессалийскому. — **P. Stengel**, стр. 157—159, объясняетъ гомеровскія слова: *θυήεις* (*βωμός θυήεις* = жертвенный алтарь). *θύελλα* = вихрь, гонящій передъ собою тучи пыли или пѣну морскую и *θυόεις* (*θυόεν νέφος* = стремительно несущееся облако). — **G. K. Müller**, *Zur Etymologie d. Part. ἀν*, стр. 159.

Rheinisches Museum für Philologie. XLVI (1891), 1.

U. Köhler, *Die Halle der Athener in Delphi*, стр. 1—8: въ 1880 г. Haussoullier открылъ въ Дельфахъ остатки издѣлцаго портика, который онъ отождествилъ съ описаннымъ у Павсанія (X, 11, 6) портикомъ аеи-

нявъ. Авторъ, на основаніи посвяtitельной надписи относитъ его ко времени персидскихъ войнъ; онъ долженъ былъ служить „монументальной защитой для посвященныхъ аевнями даровъ“ и отличался соответствующими цѣли размѣрами. — М. Kiderlin, Zu Quintilianus стр. 9—24: замѣтки по критикѣ текста отдѣльныхъ мѣстъ кн. X. — А. Dieterich, Schlagszenen auf der attischen Bühne, стр. 25—46: Прослѣдивъ исторію сценъ со спящими героями, авторъ приходитъ къ выводу, что „Трахиніянки“ Софокла написаны послѣ „Геракла“ Еврипида, между 422 и 415 г. до Р. Хр. — К. Dziatzko, Zur Geschichte der Bembo-Handschrift des Terenz, стр. 47—53. — J. G. Sprengel, Die Quellen des älteren Plinius im 12. und 13. Buch der Naturgeschichte, стр. 54—70: Авторъ признаетъ источниками для этихъ книгъ Пливія, слѣд.: по ботаникѣ — Юба и Гигинъ, мелочи изъ Трога, Корн. Непота, Виргилія, Муциана; по медицинѣ — Секстій Нигеръ; по приготовленію мазей — Аполлодоръ, Фабіанъ; по исторіи и анекдотамъ: Варронъ, Флавій Продилій, Клавдій Цезарь; по географіи — Себозъ; изъ поэтовъ — Гомеръ и Виргилій; главный же источникъ — географическія сочиненія Юбн. — E. Graf, Диавлловъ, стр. 71—76: это слово означаетъ тоже, что *αβλμα*. Въ известнѣхъ намъ драмахъ нѣтъ основанія принимать еще находящагося за сценой флейтиста: музыкантъ былъ только одинъ, среди хора (за сценой — только въ „Лагушвахъ“ Аристофана). — J. Schmidt, Ein Beitrag zur Chronologie der Schriften Tertullians und der Proconsuln von Afrika, стр. 77—98: „De corona“ написано въ августѣ или сентябрѣ 211 г., „ad Scapulam“ — въ 212 г., послѣ 14 августа. Въ 209 г. проконсуломъ Африки былъ Т. Флавій Децимъ, въ 210—211 г. (или въ 209—211) — Валерій Пудентъ, въ 211—213 г. Скапула; Веспроній Кандидъ былъ, можетъ быть, въ 189/8—193 г. — G. Oehmichen, Die Hilfskreislinien in Vitruvs Theatergrundriss, стр. 99—105: толкованіе мѣста о театрѣ, стр. 120, 10 слд. по изд. Мюллера-Штрюбинга. — C. Frick, Die Weltchronik vom Jahre 452, стр. 106, 111. — A. Elter, Vaticanum, стр. 112—138: Mons Vaticanus первоначально не было названіемъ, приуроченнымъ къ какому-либо пункту Ватикана (Vaticanum — названіе цѣлой мѣстности). О томъ, какой изъ холмовъ разумѣется подъ этимъ именемъ у древнихъ писателей, всякій разъ надобно заключать по общей связи всего мѣста, напр. у Горациа с. I, 20 разум. ннн. Gianicolo. Во времена Горация и Ювенала Vaticanus mons не б. собств. именемъ. Первоначально Ватиканомъ называлось этрусское поселеніе, а затѣмъ вся земля между Тибромъ и холмами. Со времени постройки Неронова цирка это названіе было приурочено къ нему. Въ позднѣйшія времена Vaticanum стали называться гробница и соборъ св. Петра, а вся та мѣстность — mons Vaticanus κατ' ἐξοχήν — Miscellen. — A. Ludwig, Zu Aeschylus Eumeniden, стр. 139 слд.: въ стиху 105, гдѣ онъ читаетъ: ἀνήμερος δὲ μοῖρα προσκόποις βροτῶν. — A. Frederking, Zu Sophokles Antigone, стр. 144 сл. къ стих. 839—848; въ ст. 847 вм. οἷα читаетъ οἷα (одна). — Fr. Rühl, Wann schrieb Zosimos, стр. 146 сл.: при Анастасіи, послѣ 501 г. — F. Schlee, Zum Lau-

gentianus XXXVIII, 24, стр. 147 слд.: о рукописях Теренция.—**M. Manitius**, Zu Commodian, стр. 150 слд.: Коммодианъ въ Instructiones пользовался „Дистихами“ Катона; слѣд., „Дистихи“ возникли въ первую половину III в. по Р. X. (отмѣчается ихъ не христіанскій характеръ).—**Th. Birt**, Nachträgliches zur Apocolocyntosis und Apotheosis des Seneca, стр. 152 сл. — **A. Schöne**, Zu Tacitus, стр. 153 сл.: читаетъ въ *Histor.* II, 100: an quod evenit inter malos, ut atsimiles sibi, eadem illos pravitas inpulerit; въ *Agric.* с. 6: idem praeturae inertі erat silentium и с. 25: infesta (существ.) Hostilis exercitus in itinere.—**O. Seeck**, Neue Finsternissdaten zur römischen Chronologie, стр. 154 слд. (по теоріи Matzat'a).—**F. B.**, Das älteste lateinische Räthsel, стр. 159 сл. — **A. Papadopules-Keramens**, Zum Bündnissvertrag zwischen Rom und Methymna, стр. 160.

Zeitschrift für die oesterreichischen Gymnasien. XLII (1891), 1—3.

1. A. Bauer, Der Todestag Alexanders des Grossen, стр. 1—13. Разсказы Плутарха (с. 75 слѣд.) и Арріана (VII, 24 слѣд.) не примиримы. Оказывается, что Плутархъ пропустилъ одинъ день. Принявъ это въ соображеніе, слѣдуетъ считать днемъ смерти Александра 29 Дайсія, а не 28. — **I. Lengstelner**, Horaz III 30, стр. 13—16. Слова *Sume superbiām* etc. слѣдуетъ понимать не въ смыслѣ: „О муза, возгордись“... что придаетъ мѣсту слишкомъ надменный тонъ, а скорѣе въ такомъ: „Прими, муза, мое чувство, можетъ быть, и чрезмѣрной гордости, на которую я имѣю право по своимъ заслугамъ“. — Критика и библиографія.

2. H. Müller, Zwei Oden des Horaz, стр. 97—103. Стихотвореніе къ Постуму (II, 14) по тону примыкаетъ къ предыдущему и представляетъ собою не серьезную оду, а насмѣшку надъ глупымъ человѣкомъ. Въ одѣ II 20 третья строфа, гдѣ говорится о превращеніи въ существо, покрытое перьями, получаетъ ясный смыслъ, если видѣть въ ней описаніе превращенія въ сирену; поэтъ сравниваетъ себя съ сиреной. Смыслъ всей оды: я буду бессмертенъ, если не въ завистливомъ Римѣ, то у варваровъ. — Критика и библиографія.

3. I. Stowasser, Der Schiffbruch des Horaz. Стр. 193—197. Въ стих. I 28 пловецъ, потерпѣвшій крушеніе, есть живой человѣкъ, это самъ поэтъ (срв. III 4, 28). Какъ стих. I 34 есть отказъ отъ эпикуреизма, такъ вышеуказанная ода (I 28) представляетъ собою палинодію пиагорейскаго мировоззрѣнія. *Me Illyricis notus obruit undis* значитъ: южный вѣтеръ залилъ меня волнами, какія онъ всегда поднимаетъ на Адриатическомъ морѣ. — **I. Hilberg**, Zu Horatius und Velleius, стр. 197—200. Hor. I 2, 21 объясняется такимъ представленіемъ, что тѣла враговъ служатъ наилучшими оселками для мечей: „въ междоусобной войнѣ граждане точили свои мечи на гражданахъ же“. Гораций имѣетъ въ виду и проскрипціи. — **K. Wetke**, Handschriftliche Beiträge zu Statius, стр. 200—202. — Въ редакціонной статьѣ о результатахъ засѣданій берлинской конференціи по школьному вопросу послѣ сравненія постановленій конференціи съ тѣмъ, что уже

вошло въ жизнь австрійскихъ гимназій, выводится заключение, что лучшія изъ этихъ постановленій давно уже осуществлены въ Австріи. — Критика и библиографія.

Zeitschrift für das Gymnasialwesen. XLV (1891) 1—3.

1. N. Skwornow (директоръ Нѣж. лицея), Zur Frage über die Vorbildung von Gymnasiallehrern, стр. 1—18. Авторъ предлагаетъ основаніе педагогическихъ семинарій, которыя, будучи самостоятельными учрежденіями, опирались бы на университетъ, какъ на фундаментъ, а результаты своей дѣятельности отдавали бы непосредственно гимназию. — R. Menge, Homer und das Ithaka der Wirklichkeit, стр. 52—62. Менге, самъ посѣтившій Итаку, доказываетъ, что описаніе этого острова у Гомера основано на личныхъ впечатлѣніяхъ, и что выгншія Итака въ общемъ соотвѣтствуетъ изображенію древняго поэта. Самый городъ лежалъ у „Полискоой бухты“, соотвѣств. гом. гавани, тамъ же плодородныя нивы указываютъ на помѣстье Лаэрта. Плато у „Кораксовыхъ скалъ“ — пастбища Эвмея; тутъ же по близости скала, упоминаемая въ Одисс. 14, 399 и у подошвы ея ключъ Арегуза; южнѣе у самаго спуска плато находится гавань, гдѣ высаживался Телемахъ, въ то время какъ женихи подстерегали его на о-вѣ Астерисъ-Даскаліонъ въ проливѣ между Итакой и Кефалленіей. Также гомеровское описаніе грота нимфъ соотвѣтствуетъ дѣйствительности. — Рецензія. — Jahresberichte: P. Schwenke, Ciceros Reden. R. Engelmann, Archäologie.

2, 3. O. Welssenfels, Die verloren gegangene Harmonie des Körperlichen und Geistigen, стр. 65—83. — Рецензія. — Jahresberichte: R. Engelmann, Archäologie.

Archiv für Geschichte der Philosophie. Band IV (1891), 1.

P. Tannery, Une opinion fausement attribuée à Pythagore, стр. 1—11. Ошибочно приписывается Пифагору опредѣленіе разстоянія между землею, луной и солнцемъ. Первый Эвдоксъ, ученикъ Архита, принимался за вычисленіе отношенія разстояній солнца и луны отъ земли, а ученіе о гармоніи сферъ не было извѣстно еще Филолаю. Приписываемая Пифагору теорія о сходствѣ между всѣми планетами и струнами лиры — позднѣйшаго происхожденія. Эти писатели въ своемъ сообщеніи опирались на Варрона и греческіе источники сомнительнаго достоинства. — M. Offner, Zur Beurteilung des Melissos, стр. 12—33. Доказывается, что 1) нелѣпная аргументація (fr. 7), основанная на смѣшеніи безконечности времени и пространства, не можетъ быть приписана Мелиссу; 2) въ дошедшихъ отрывкахъ вовсе нѣтъ слѣдовъ такого смѣшенія; 3) Аристотель не направляетъ своей критики на это смѣшеніе понятій; онъ порицаетъ самый принципъ безконечности *тоб ѳитос*, а не его логическое обоснованіе. Наконецъ, все недоразумѣніе авторъ приписываетъ комментаторамъ Аристотеля. — A. Dürring, Die Disposition von Xenophons Memorabilien als Hilfs-

mittel positiver Kritik, стр. 34—60. Ксенофоновы Меморабилии (это заглавие не исходит от самого автора) представляют собою въ сущности апологию Сократа и въ значительной своей части являются строго расчлененнымъ органическимъ цѣлымъ. Рядомъ съ распаденіемъ Меморабилій на двѣ части, обусловленнымъ двумя направленными противъ Сократа обвиненіями (въ безбожін и развращеніи юношества), замѣчается и другое дѣленіе ихъ на двѣ части: отрицательную — опроверженіе обвиненій и положительную — оправданіе Сократа. Эти двѣ части далеко не равны по объему. Отрицательная часть обнимаетъ только двѣ первыя главы. Положительная же распадается также на два неравные отдѣла. 1) Полезное вліяніе, какое Сократъ имѣлъ на окружающихъ своимъ поведеніемъ (*ερωφ*, но сюда же относится и *λέγειν*, насколько оно не равнозначаще съ *διαλέγεσθαι*): а) характеристическія черты религіознаго настроенія Сократа и б) его воздержаніе отъ чувственныхъ удовольствій (I 3). — 2) Спасительное дѣйствіе Сократоваго умѣнія подчиняться, подавлять свою личность (I 4 до конца): а) религіозное обоснованіе этого подчиненія; б) ученіе о воздержаніи во вѣшнихъ потребностяхъ (I 5—II 1, исключая I 7, что скорѣе можно разсматривать какъ введеніе къ III 1 слѣд.); в) благодарность въ отношеніи къ матери (II 2); г) Сократъ миритъ двухъ братьевъ (II, 3); е) ученіе о дружбѣ (II 4—6); ф) истинный смыслъ изреченія *ερωφ οὐδὲν ὀνειδος* (II 7—10); г) политическіе совѣты (III 1—7); h) III 8—14 — единственная часть, не имѣющая тѣсной связи съ цѣлымъ. Заключение: истинно-воспитательное воздѣйствіе Сократа на его учениковъ (IV 1—7). Подъ Евондемомъ (въ IV 2 и далѣе), по всей вѣроятности, скрывается самъ Ксенофонтъ. Изложенный планъ нарушается вставками: I 7, IV 4 и б. м. I 2, 12—48. — Н. Diels, Bericht über die deutsche Litteratur der Vorsokratiker 1889, стр. 111—120. — E. Zeller, Die deutsche Litteratur über die sokratische, platonische und aristotelische Philosophie 1889. — Остальныя статьи не имѣютъ отношенія къ древней философіи.

Jahresbericht über die Fortschritte der classischen Alterthumswissenschaft, begr. v. C. Bursian, herausg. v. Iwan v. Müller. XIX (1891), Heft 1—5. Помѣщены отчеты:

О литературѣ по Цезарю за 1883—1890, Heller'a; 2. Abth. стр. 1—118.

О литературѣ по латинскимъ грамматическимъ писателямъ за 1877—1890; Götz'a; 2. Abth., стр. 119—170.

О литературѣ по Теренцію и прочимъ сценич. писателямъ, кромѣ Плавта, за 1884—1888, Sprengel'a, — 2. Abth., стр. 171—176. (Продолженіе будетъ).

О литературѣ по исторіи школъ съ древними яз. за 1887—1888, Hartfelder'a; 3. Abth. стр. 1—96. (Продолженіе будетъ).

IV. НОВЫЯ КНИГИ.

а) Вышедшія въ Россіи (въ 1891 г. по 1 сентября).

Адольфъ, А. Истинное образованіе и классицизмъ. Рѣчь. М. — 40 к.

Алексѣевъ, В. Лукіанъ, перев. съ греч. Вып. 3. СПб. — 75 к.

Аниельротъ, В. Краткій синтаксисъ греческаго языка. М. — 45 к.

Ардашевъ, Н. Переписка Цицерона, какъ матеріалъ для біографіи Цезаря М. — 2 р.

Влаговѣщенскій, Н. М. Винкельманъ и позднія эпохи греческой скульптуры (съ рисунками) СПб. — 1 р. 50 к.

Вѣляевъ. Сочиненіе Аристотеля о государственномъ устройствѣ Аеннъ. Казань.

В. Л. Переводы изъ греческихъ поэтовъ. Казань.

Виноградовъ, П. Начальный курсъ латинскаго языка. Учебная книжка для перваго класса. 2 изд. М. — 50 к.

Горбатовъ, А. Горація оды. Введеніе и примѣчанія. Казань. — 1 р. 50 к.

Григоревскій, И. Курсъ греческаго языка по Курціусу и Коху. Часть I. Этимологія. СПб. — 1 р.

Деревницкій, А. О новомъ трактатѣ Аристотеля и его значеніи для исторіи аеннской демократіи. Харьковъ. — 25 к.

Джеббъ. Исторія греческой литературы, перев. съ англ. М. — 1 р.

Кохъ, Э. Упраженія по греческой этимологіи. Часть 2-я, курсъ IV класса. М. — 75 к.

Кумской, П. Древняя исторія въ отрывкахъ изъ источниковъ. Пособіе при нач. изученіи исторіи. Часть I. Тифлисъ. — 1 р. 50 к.

Ланговой, А. Избранныя рѣчи Цицерона. Текстъ съ объясненіями. Вып. I. Рѣчи: De imp. Сп. Помп., pro Archia, pro Milone. Часть I. Лат. текстъ со введеніемъ и указ. предметовъ и собств. именъ. М. — 50 к.

Левенштейнъ, Я. *Ἀνάβασις Ἐυροφῶντος*. Съ примѣчаніями. 2 изд., вновь обработанное. Съ картой Малой Азіи. М. — 1 р. 20 к.

Левенштейнъ, Я. Memorabilia Херопорты, съ объясненіями. М. — 75 к.

Лихотинскій, С. Очеркъ употребленія причастій у Тацита. Гл. I. Общія замѣчанія объ употребленіи причастныхъ оборотовъ для обозначенія времени. (Оттискъ изъ Унив. Изв.). Кіевъ.

Менге, Г. Матеріалы для повторенія греч. синтаксиса, въ русской работѣ А. Адольфа и Е. Сыровѣчкова. Часть I. Русскій текстъ. Часть II. Греч. текстъ. М. — 1 р.

Миллеръ, В. и Бнауеръ. Руководство къ изученію санскрита (грамм., текстъ и словарь) СПб. 1 р. 50 к.

Нагуевскій, Д. Энеида Виргилія. Полное изданіе въ одномъ томѣ, съ введеніемъ и комментариемъ. Казань. — 3 р. 60 к.

Никифоровъ, В. Латинская грамматика, сост. по Штегману. Изд. 2-ое, исправленное. М. — 1 р.

Олеуфьевъ, А. графъ. Марціалъ. Біографическій очеркъ. М. — 1 р.

Орловскій, С. и Фаминскій, В. Греческая хрестоматія, т. I. Вып. 5-ый. Пять рѣчей Демосеена, съ біографіей Д. и примѣч. Изд. 2-ое. СПб. — 35 к.

Орѣшниковъ, А. Описание древнегреческихъ монетъ, принадлежащихъ Имп. М. Ун. (съ 3-мя таблицами снимковъ). Москва.

Петръ, В. И. Къ вопросу о латинской орфоэпеп, съ добавленіемъ статьи: „Могутъ ли латинскіе губные звуки p, b, f служить замѣстителями арийскихъ нѣбныхъ k, g, gh“. Кіевъ.

Плутархъ. Сравнительныя жизнеописанія. Съ греч. пер. В. Алексѣевъ. Съ введеніемъ и примѣчаніями. Т. I. Тезей и Ромулъ. (Дешевая библ. Суворина). СПб. — 15 к.

Покровский, М. Лингвистическія замѣтки въ области латинской грамматики. (Оттискъ изъ Р. Ф. Вѣстн.). Варшава.

Полозовъ, А. Рѣчь Цицерона за П. Суллу, перев. съ лат. М. — 40 к.

Приселковъ, А. Пособіе для первоначальнаго обученія греческому языку. Для 3-го и 1-го полуг. 4-го кл. Изд. 2. Тифльсь. — 45 к.

Радецій, С. и Соколовъ, В. Латинская хрестоматія для низшихъ классовъ. Примѣнительно къ треб. учеб. плановъ. М. — 1 р.

Санчурскій, Н. Краткая грамматика латинскаго языка. Примѣнительно къ уч. программамъ. Часть I. Этимология. Начальныя правила синтаксиса. СПб. — 60 к.

Сборникъ статей по классической филологіи. Вып. I. и II. СПб.

Семеновичъ, И. Латинская хрестоматія для низшихъ классовъ гимназій. Примѣнит. къ новымъ уч. планамъ. Москва. Часть I и II (курсы 1 и 2 кл.) — 1 р. Часть III и IV (курсы 3 и 4 кл.) — 1 р.

Сербовъ, И. Латинскій синтаксисъ въ изложеніи Дютрэ, по методу, употребляемому въ средне-учебныхъ заведеніяхъ Франціи, съ измѣненіями примѣнительно къ русскому яз. Херсонъ. — 1 р. 20 к.

Сидоровъ и Беслеръ. Краткая грамматика латинскаго языка. Изд. 5-ое, исправленное и дополненное. СПб. — 1 р. 20 к.

Скворцовъ, Н. Объ университетскомъ ученіи вообще и историко-филологическомъ въ частности. Москва.

Сперанскій, Н. и Ашельротъ, В. Этимологія греческаго языка М. — 1 р.

Сыроѣчковскій, Е. Начальная латинская хрестоматія. Вып. 2-й. Курсъ 2-го кл. М. — 50 к. Вокабулярій къ курсу 2-го кл. М. — 15 к.

Фетъ, А. Эпиграммы Марціала, — стихотворный перев. и объясненія. Двѣ части. М. — 4 р.

Ходобай, Ю. Латинская грамматика. Курсъ гимназическій. Изд. 9-ое, вновь обработанное примѣнительно къ новымъ уч. пл. А. Адольфомъ. М. — 90 к.

Цыбульскій, С. Греческій театр. XII и XIII табл. для нагляднаго преп. и изученія греч. и римскихъ древностей. СПб. — 4 р. Объяснительный текстъ къ таблицамъ XII и XIII. Царское Село. — 40 к.

Черный, Э. Начальная греческая хрестоматія. Связныя статьи. Часть I. Изд. 2-ое. М. — 75 к.

Шестаковъ, Д. Гомеровскіе гимны I, IV, XXVIII. Переводъ съ греч. Казань.

Эвоповы басни (Дешевая семейная бібліотека). М. — 10 к.

b) Вышедшія за границей (въ 1891 г. по 1 июля*).

- Geist, H.** Was bieten die antiken Historiker der modern. Jugend? Posen. Ziele der classischen Philologie. 2 Aufl. Prag. — 75 Pf.
- Gemoll, A.** Das Gymnasium und der Kampf gegen die Socialdemokratie. Striegau. Verhandlungen der Direktorenversammlungen, Bd. 31 u. 32. Berlin. — 8 M. u. 7 M.
- Gubrauer, H.** Bemerkungen zum Kunstunterricht auf dem Gymnasium. Wittenberg. Welzsäcker, P. Ueber die Bedeutung der Archäologie für das Gymnasium. Tübingen. — 30 Pf.
- Hartel, W. v.** Ueber Aufgaben und
-
- Anthologia lyrica graeca**, ed. Bergk-Hiller. 4 Aufl. Leipzig. — 3 M.
- Aristoteles** Schrift vom Staatswesen der Athener, deutsch v. G. Kaibel u. A. Kiessling. Strassburg. — 2 M.
- Bénard, Ch.** L'esthétique d'Aristote et de ses successeurs. Paris.
- Demosthenes.** Ausgewählte Reden, erklärt v. A. Westermann. 3 Aufl. von E. Rosenberg. Berlin. — 1 M. 80 Pf.
- Euripides.** Sept Tragédies. Texte grec: Hippolyte, Médée, Hécube, Iphigénie en Tauride, Electre, Oreste. Recension nouvelle, avec commentaire, introduction et des notices par H. Weil. Paris. — 12 fr.
- Herodotus.** Zweites Buch mit sachlichen Erläuterungen von A. Wiedemann. Leipzig. — 12 M.
- Schubert, R.** Herodots Darstellung der Cyrussage. Breslau. — 2 M. 40 Pf.
- Homeri Ilias.** Scholarum in usum ed. P. Cauer. Pars I et II. Prag. — 6 M. 50 Pf.
- Kluge, H.** Plan der Iliaslektüre, in 2 Jahreskursen entworfen. Leipzig. — 75 Pf.
- Pfudel.** Die Wiederholungen bei Homer. Liegnitz.
- Plutarchs.** Lebensbeschreibungen grosser Helden als eine Geschichte der Griechen und Römer. 2 Bde. Leipzig. — 12 M.
- Sophocles.** Antigone, herausg. von I. Rappold. 2 Th. Wien. — 1 M. 40 Pf.
- Becker, I.** Die Uebearbeitung des ursprünglichen Oedipus von Sophokles. Cleve.
- Thucydides.** Für den Schulgebrauch erklärt von I. Sitzler. I Buch. Gotha. — 2 M. 10 Pf.
- Tragiel.** Ueber das Wesen der Schicksalstragödie von A. Rosicat. Königsberg.
- Xenophon.** Historia graeca, rec. O. Keller. Leipzig. — 10 M.
- Vollbrecht, F.** Wörterbuch zu Xenophons Anabasis. 7 Aufl. Leipzig. — 1 M. 80 Pf.

*) Этот указатель ограничивается изданиями, наиболее важными, и главным образом такими, которые могут иметь отношение (въ широкомъ значеніи слова) къ чтенію и толкованію древнихъ авторовъ, равно какъ къ древностямъ, исторіи и литературѣ грековъ и римлянъ. — Полный указатель всѣхъ появляющихся въ свѣтъ книгъ и брошюръ по классической филологіи и рецензій на нихъ выходитъ уже 18-й годъ въ Берлинѣ, у издателя Кальвары, подъ заглавіемъ:

Peters, K. Anthologie aus den römischen Elegikern. Mit besonderer Berücksichtigung Ovids. Mit Kommentar. 1 Heft. Gotha. — 1 M. 50 Pf.

Schulze, K. P. Römische Elegiker in Auswahl. Berlin. — 2 M. 40 Pf.

Caesaris de bello Gallico commentarii. Edition nouvelle, avec des notes par Constaens et Denis. Ouvrage enrichi de cartes et illustré. 3 ed. Paris.

Schmidt, I. Commentar zu Caesars Denkwürdigkeiten über den Gallischen Krieg. Für den Schulg. herausg. Prag. — 1 M. 20 Pf.

Ciceronis scripta quae manserunt omnia. Recognovit C. F. Müller. Pars. I. Opera rhetorica. Vol. II. Leipzig. — 2 M. 10 Pf.

— Ausgewählte Reden. Erklärt v. K. Halm. 3 Bd. Die Reden gegen Catilina und für Archias. 13 Aufl. v. A. Laubmann. Berlin. — 1 M. 20 Pf.

— Rede gegen Q. Caecilius. Für den Schulgebrauch erklärt von K. Hachtmann. Gotha. — 45 Pf.

— 1, 4 u. 14 philippische Rede für d. Schulg. herausg. v. Gast. Leipzig. — 60 Pf.

— Oratio pro T. Annio Milone. Texte latin publié avec une introduction historique, une analyse du discours et des notes par Lechatelli er. Paris. — 1 fr.

Aly, F. Cicero. Sein Leben und seine Schriften. Berlin. — 3 M. 40 Pf.; въ перепл. 4 M. 60 Pf.

Boissier, G. Ciceron et ses amis. Étude sur la société romaine du temps de César. Ausgewählte Abschnitte, zum Schulg. herausg. v. K. Mayer. Halle. — 1 M. 20 Pf.

Cornelius Nepos. Post Halmium recognovit A. Fleckeisen. Mit Wörterbuch für den Schulg. herausg. von H. Haacke. 11 Aufl. Leipzig. — 1 M. 20 Pf.

Horatius. Oden und Epoden. Im Versmass der Urschrift übersetzt u. mit Anm. versehen von I. C. Köhler. Halle. — 50 Pf.

— Briefe. Im Versmass d. Urschrift verdeutscht v. A. Bacmeister und O. Keller. Leipzig. — 2 M. 40 Pf.; въ перепл. 3 M. 20 Pf.

Born, B. Bemerkungen zu einigen Oden des Horaz mit besonderer Berücksichtigung der Wortstellung. Magdeburg.

Hartmann, I. De Horatio poeta. Leiden. — 5 M.

Schneidewin, M. Die Horazische Lebensweisheit. Hannover. — 1 M.

Livii ab urbe condita liber XXI. Für den Schulg. erklärt von Ed. Wölflin. 4 Aufl. Leipzig. — 1 M. 20 Pf.

Vergilii opera recensuit ac notis illustravit I. Lejard. 3 ed. Paris (768 стр.).

— Opera. Edition classique, avec une biographie et des notes, par Ch. Aubertin. Paris. (568 стр.).

„Bibliotheca philologica classica. Verzeichniss der auf dem Gebiete der class. Alterthumswissenschaft erschienenen Bücher, Zeitschriften, Dissertationen, Programm-Abl., Aufsätze in Zeitschriften und Recensionen“, въ видѣ приложенія къ „Jahresbericht über die Fortschr. d. class. Alt.“ и отдѣльно, четыре раза въ годъ (стоитъ 6 марокъ). Слѣдуетъ отмѣтить также изданіе: „Bibliotheca philologica. Vierteljährige systematische Bibliographie der auf dem Gebiete der class. Philologie und Altertumswissenschaft sowie der Neuphilologie neu erschienenen Schriften und Zeitschriften-Aufsätze“, herausg. v. Aug. Blau; выходитъ 48-й годъ въ Геттингенѣ у Ванденгека и Рупрехта (стоитъ 4 м. 40 ф.). Также въ видѣ приложенія къ журналу „Neue Jahrbücher f. Phil. u. Pädag.“.

Fick, A. Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen. 4 Aufl., bearb. v. A. Bezenberger, A. Fick, u. Wh. Stokes. 1 Th. Wortschatz der Grundsprache, der arischen und der westeuropäischen Spracheinheit von A. Fick. Göttingen. — 14 M.

Gabelenz. G. v. der. Die Sprachwissenschaft, ihre Aufgaben, Methoden und bisherige Ergebnisse. Leipzig. — 14 M.
Grasserie, R. de la, Etudes de grammaire comparée. Essais de phonétique dynamique ou historique comparée. Paris. — 8 fr.

Grosse, H. Beiträge zur Syntax der griechischen Mediums und Passivums. Framburg.

Südachäische Dialekt. Göttingen. — 8 M.

Hoffmann Otto. Die griechischen Dialekte in ihrem historischen Zusammenhange, mit den wichtigsten ihrer Quellen dargestellt. I Bd. Der

Kühner, R. Ausführliche Grammatik der griechischen Sprache. I Th. Elementar- und Formenlehre. 3 Aufl. in 2 Bdn. In neuer Bearbeitung besorgt von Fr. Blass. 1 Bd. — 12 M.

Ellendt-Seyffert's Lateinische Grammatik. 35 unveränd. Aufl. Bearb. von M. A. Seyffert u. W. Fries. Berlin. — 2 M. 50 Pf.

Koch, A. Deutsch-lateinisches Taschenwörterbuch. Nebst Anh. der geogr. Eigennamen. 6 Aufl. — 1 M. 50 Pf.

Harre, P. Lateinische Schulgrammatik. 3 Aufl. I Formenlehre. Berlin. — 1 M. 20 Pf.

Studien auf dem Gebiete des archaischen Latein, herausg. v. W. Studemund. 2 Bd. Berlin. — 9 M.

Schwegler, A. Geschichte der Philosophie im Umriss. Ein Leitfadens zur Uebersicht. 15 Aufl. von R. Köber. Stuttgart. — 4 M.

Susemihl, F. Geschichte der griechischen Litteratur in der Alexandrinerzeit, I. Leipzig. 16 M.

Rex, E. Abriss der Geschichte der antiken Litteratur. Berlin. — 40 Pf.

Jeanroy et A. Puech. Histoire de la littérature latine. Paris. — 2 fr. 75.

Marshall, I. A short history of Greek philosophy. London. — 7 M. 20 Pf.

Zöllner, M. Grundriss der Geschichte der römischen Litteratur. Münster. — 3 M. 60 Pf.

Rheinhard, H. Album des klass. Altertums zur Anschauung für Jung und Alt, besonders zum Gebrauch in Gelehrtenschulen. 76 Taf. mit Text. 3 Aufl. (in 12 Lief.) Gera. — 1 Lief. à 1 M.

Boissier, G. La fin du paganisme. Étude sur les dernières luttes religieuses en accident au IV Siècle. 2 vols. Paris. — 15 fr.

Allègre, F. Etude sur la déesse grecque Tyché, sa signification religieuse et morale, son culte et ses représentations figurées. Paris 5 fr.

Forehammer, P. W. Prolegomena zur Mythologie als Wissenschaft und Lexicon der Mythensprache. Kiel. — 5 M.

- Charmes, G.** L'Égypte. Archéologie, histoire, littérature. Paris. — 3 fr. 50.
- Delitch, Fr.** Geschichte Babyloniens und Assyriens. 2 Aufl. Stuttgart. — 3 M.
- Maspero, G.** Histoire de l'Orient. Paris. — 2 fr. 50.
- Zeche, A.** Lehrbuch der Geschichte des Altertums. Laibach. — 3 M.
- Abbot, E.** Pericles and the Golden Age of Athens. London. — 6 M.
- Goyau, G.** Chronologie de l'empire romain. A l'usage des classes. Paris. — 6 fr.
- Stadelmann, F.** Erziehung und Unterricht bei Griechen und Römern. Triest. — 3 M. 50 Pf.
- Stein, P.** Ueber Piraterie im Alterthum. I. Cöthen.
- Fröhlich, F.** Das Kriegswesen Caesars. 3 Th. Zürich. — 4 M. 60 Pf.
- Fustel de Coulanges.** Histoire des institutions politiques de l'ancienne France. La Gaule romaine. Paris. — 7 fr. 50.
- Hubert, F. G.** Römische Staatsaltertümer. 3 Aufl. v. Kopps Röm. Literaturgesch. u. Alterth. Berlin.
- Olympia.** Die Ergebnisse der von dem Deutschen Reich veranstalteten Ausgrabungen; herausg. von E. Curtius und Fr. Adler. 4 Bd. (Furtwängler: Die Bronzen). Mit 71 Taf. u. Abbild. Berlin. — 300 M.
- Restaurations des monuments anti-** ques par les architectes etc. Thermes de Dioclétien, par. E. Paulin. Paris. — 220 fr.
- Schulz, W.** Die Harmonie in der Baukunst. Nachweis der Proportionalität in den Bauwerken des griech. Alterthums. Hannover. — 10 M.

Редакторы-Издатели: А. Адольфъ, В. Анпельротъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Объ изданіи журнала ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Программа журнала: 1. Официальныя извѣстія. 2. Оригинальныя статьи и замѣтки научнаго характера по классической и русской филологіи и дадактическаго — по преподаванію классическихъ и русскаго языковъ. 3. Рецензіи и замѣтки о книгахъ и статьяхъ по классической и русской филологіи и по педагогикѣ. 4. Краткія свѣдѣнія о статьяхъ по филологіи и педагогикѣ въ текущей журнальной заграничной и русской литературѣ. 5. Отчеты о засѣданіяхъ ученыхъ и педагогическихъ обществъ. 6. Библиографія. 7. Объясненія.

Сроки выхода: четыре раза въ годъ (въ февралѣ, апрѣлѣ, октябрѣ и декабрѣ) книжками. Двѣ книжки будутъ составлять отдѣльный томъ въ объемѣ двадцати вѣт. листовъ.

Подписная цѣна съ пересылкой: на годъ (съ 1 янв.) шесть рублей, на полгода три рубля. Въ настоящее время открыта полугодовая подписка на двѣ книжки нынѣшняго 1891 года, равно какъ на полтора года до 1 янв. 1893 г. (съ послѣднемъ случаѣ девять рублей съ перес.). — За переѣзну адреса подписчики доплачиваютъ двадцать коп. марками. — Частныя объявленія отъ книгопродавцевъ и издателей — по расчету, счята за страницу 25 рублей; абонементъ на объявленія — съ уступкой.

Подписка принимается въ редакціи „Филологическаго Обозрѣнія“ (адресъ Почтамту извѣстенъ) и въ книжныхъ магазинахъ: А. Ланга (Москва, Кузнецкій мостъ, д. кв. Гагарина) и А. С. Суворина (въ Москвѣ и С.-Петербургѣ).

Редакторы-издатели: *А. Адольфъ, В. Анлемертъ.*

Продолжается подписка на 1891 годъ на ежемѣсячный обще-педагогическій журналъ

„РУССКАЯ ШКОЛА“.

Въ вышедшихъ книжкахъ „Русской Школы“ за 1891 годъ напечатаны между прочимъ слѣдующія статьи: 1) Страничка изъ исторіи воспитанія въ Россіи конца прошлаго вѣка. Изъ воспоминаній А. П. Степанова; 2) Изъ моихъ школьныхъ воспоминаній А. А. Фета; 3) Забытый міръ (изъ пансіонскихъ воспоминаній) П. В. Засѣдникаго; 4) Начальное образованіе и народныя училища въ Западной Европѣ и въ Россіи въ XIX вѣкѣ Н. Х. Весселя; 5) Императрица Марія Феодоровна въ ея заботахъ о Смольномъ институтѣ М. И. Радомской; 6) О мѣрахъ къ ограниченію распространенію заразныхъ болѣзней въ школахъ. Проф. Н. Н. Выстрова; 7) Механизмъ вниманія. Проф. Н. Н. Ланге; 8) Педагогическая и философская подготовка учителей среднихъ учебныхъ заведеній. М. И. Демкова; 9) Современныя французскія идеи о воспитаніи. П. Ф. Кантерева; 10) Картинки семейнаго воспитанія. А. Б. Молотова; 11) Что такое дѣтская книга и дѣтскій журналъ и чѣмъ они должны быть. Е. Н. Модзалевскаго;

12) Дѣти и птицы. Проф. Д. Н. Кайгородова; 13) Отношеніе семьи и школы къ вопросу о репетиторствѣ. М. И. Крыгина; 14) Къ вопросу о переутомленіи учащихся. С. А. Вудаевского; 15) Профессиональная школа и подъемъ отечественной промышленности. М. Л. Песковскаго; 16) Цѣль и средства преподаванія низшей математики. С. И. Шохоръ-Троцкаго; 17) Къ вопросу о преподаваніи естественныхъ наукъ въ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ. П. Ф. Лесгафта; 18) Преподаваніе географіи въ послѣднее пятидесятилѣтіе и желательная постановка этого предмета въ нашихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ. А. И. Пулковскаго; 19) Очерки частной инициативы въ дѣлѣ народнаго образованія въ Россіи (народныя чтенія, частныя воскресныя школы и народныя библиотеки). Я. В. Абрамова; 20) Народное образованіе въ Московской губерніи (къ двадцатипятилѣтію земскихъ учрежденій). И. П. Вѣлюковскаго; 21) Народное образованіе въ Восточной Сибіри. Его же; 22) Къ вопросу о значеніи и задачахъ русской народной школы. А. М. Тютрюмова; 23) Спеціальныя практическія задачи русской народной школы. Н. А. Феликсова; 24) Какія училища нужны для Петербурга. К. К. Сентъ-Илера; 25) Къ вопросу о журналѣ для народа и народной школы (по поводу „Читальни народной школы“ за 1890 годъ). А. М. Калмыковой; 26) Къ вопросу о книгѣ въ жизни нашихъ дѣтей и юношества (Разборъ девяти новыхъ книгъ для дѣтскаго чтенія). Ея же.

Въ вышедшихъ книжкахъ помѣщены также рецензій на нѣкоторыя педагогическія сочиненія, брошюры и руководства, дано обзорнѣе нѣсколькихъ педагогическихъ журналовъ, иностранныхъ и русскихъ, за 1890 г., рядъ статей по хроникѣ школьной жизни въ Германіи и въ Россіи и наконецъ библиографическій указатель педагогическихъ сочиненій, учебниковъ и книгъ для дѣтскаго и народнаго чтенія, вышедшихъ съ 1-го ноября 1890 г. по 1-е апрѣля 1891 года.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи (уголь Лиговки и Басейной, гимназія Гуревича) и въ главныхъ отдѣленіяхъ конторы: въ книжныхъ магазинѣхъ Карбасникова, „Новаго Времени“, а также и въ книжномъ складѣ А. М. Калмыковой. Подписная цѣна въ Петербургѣ безъ доставки — *шесть рублей* въ годъ; съ доставкою *шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ*; для иногороднихъ съ пересылкой — *семь рублей*. Гг. учителямъ и учительницамъ сельскихъ и начальныхъ городскихъ школъ дѣлается съ подписной платы одинъ рубль уступки.

Въ „Русской Школѣ“ принимаютъ участіе слѣд. лица: Я. В. Абрамовъ, М. Ф. Анненскій, М. А. Антоновичъ, В. Л. Бернштаммъ, Н. И. Библибинъ, С. Н. Буличъ, М. П. Бѣлюковскій, проф. Н. И. Быстровъ, проф. В. Г. Васильевскій, П. И. Вейнбергъ, Н. Х. Вессель, Е. Н. Водовозова, В. А. Восприсенскій, З. Б. Вулихъ, Е. М. Гаршинъ, В. П. Геннингъ, М. Ю. Гольдштейнъ, Н. Г. Дебольскій, М. И. Демковъ, П. В. Засодимскій, проф. Д. Н. Кайгородовъ, А. М. Калмыкова, П. Ф. Каптеревъ, проф. Н. И. Карѣвъ, проф. А. И. Кирпичниковъ, Я. И. Ковалскій, проф. Ю. А. Кулаковскій, проф. А. Н. Лаге, проф. П. Ф. Лесгафтъ, І. Э. Мандельштаммъ, В. В. Шихайловъ, Н. Н. Модзалевскій, проф. В. И. Модестовъ, П. О. Морозовъ, Л. Е. Оболенскій, проф. Н. А. Осоминъ, А. Н. Острогорскій, В. П. Острогорскій, І. И. Паульсонъ, М. Л. Песковскій, Н. И. Позняковъ, В. Л. Розенбергъ, Д. Д. Семеновъ, В. Д. Сиповскій, К. К. Сентъ-Иллеръ, В. И. Срезневскій, А. Н. Страннолюбскій, проф. А. С. Трачевскій, К. Ю. Цируль, Вл. А. Шидловскій, проф. В. А. Шидловскій, С. И. Шохоръ-Троцкий, проф. Эрисманъ и нѣкоторые другіе.

Редакторъ-издатель Я. Г. Гуревичъ.

Отъ Редакціи Иллюстрированнаго собранія греческихъ и римскихъ классиковъ.
До настоящаго времени вышли слѣд. выпуски:

А. Римскіе классики.

- Вергилій.** Энеида. I п. съ введеніемъ, примѣчаніями, 27 рис. и географ. картою. Объясн. проф. *Д. И. Нагуевскій.* Изд. 4-ое.—50 коп. 3-ье изд. реком. Учен. Комит. Мюн. Нар. Пров.
- Вергилій.** Энеида. II п. съ введеніемъ, примѣчаніями, 13 рис. и географ. картою. Объясн. проф. *Д. И. Нагуевскій.* Изд. 3-ье.—50 коп.
- Корнелій Непотъ.** Избранныя біографіи съ введеніемъ, примѣчаніями, 43 рис. и географ. картою. Объясн. *Л. А. Георгиевскій.*—70 коп. Реком. Учен. Комит.
- Ливій.** I кн. съ введеніемъ, примѣчаніями, 40 рис., 2 географ. картами и планомъ Рима. Объясн. проф. *И. В. Петушиль.*—80 коп. Реком. Учен. Комит.
- Ливій.** XXI кн. съ введеніемъ, примѣчаніями, 27 рис. и 2 географ. картами.
- Объясн. проф. *Ө. Ф. Зьлинскій.*—1 р. Реком. Учен. Комит.
- Овидій.** Избранныя стихотворенія съ введеніемъ, примѣчаніями, 56 рис. и картою звѣзднаго неба. Объясн. проф. *И. В. Петушиль.*—1 руб. Реком. Учен. Комит.
- Саллюстій.** Югуртинская война съ введеніемъ, примѣчаніями, 24 рис. и географ. картою. Объясн. *К. А. Зембергъ.* изд. 2-е.—70 коп. 1-ое изд. одобр. Учен. Комит.
- Цезарь.** Записки о галльской войнѣ. I кн. съ введеніемъ, примѣчаніями, 32 рис., 2 планами сраженій и географ. картою. Объясн. *С. А. Манштейнъ.*—60 коп. Реком. Учен. Комит.
- Цицеронъ.** Рѣчи противъ Катилины съ введеніемъ, примѣчаніями, 7 рисунками, геогр. картами и планами Рима и римскаго форума. Объясн. проф. *И. В. Петушиль.*—70 коп.

Б. Греческіе классики.

- Гомеръ.** Илиада. I п. съ введеніемъ, примѣчаніями, 15 рис. и географ. картою. Объясн. *С. А. Манштейнъ.*—50 к. Реком. Учен. Комит. Мюн. Нар. Пров.
- Гомеръ.** Илиада. III п. съ введеніемъ, примѣчаніями, 22 рис. и географ. картою. Объясн. *Ст. Ос. Цыбульскій.*—50 коп.
- Гомеръ.** Одиссея. I п. съ введеніемъ, примѣчаніями и 17 рис. Объясн. *С. А. Радскій.* Изд. 2-ое.—50 коп. 1-ое изд. реком. Учен. Комит.
- Ксенофонтъ.** Анабасисъ. I кн. съ введеніемъ, примѣчаніями. 47 рис. и картою М. Азіи. Объясн. *Л. А. Георгиевскій.* Изд. 2-ое.—50 коп. 1-ое изд. реком. Учен. Комит.
- Ксенофонтъ.** Анабасисъ. II кн. съ введеніемъ, примѣчаніями, 32 рис. и картою М. Азіи. Объясн. *Л. А. Георгиевскій.* Изд. 2-ое. 40 коп. 1-ое изд. реком. Учен. Комит.
- Платонъ.** Апологія Сократа съ введеніемъ, примѣч. и 5 рис. Объясн. *А. О. Постшиль.* Изд. 3-ье.—70 коп. 2-ое изд. реком. Учен. Комит.

Иллюстрированное собраніе греческихъ и римскихъ классиковъ будетъ постоянно пополняться новыми выпусками.

Главный складъ изданія находится у Сергѣя Ангреевича Манштейна (Царское Село, Императорская Николаевская гимназія), куда и просить обращаться съ требованіями.

Учбыма введенія, выписывающія смыслованніи книги прямо изъ Главнаго склада, получаютъ, если пожелають, на каждыи 5 сподна оплаченныи экземпляротъ 1 бесплатныи экземпляръ для недостаточныи учителей.

Пересылка производится на счетъ покупателей; книги высылаются гг. книгопродавцамъ и частнымъ лицамъ съ наложеннымъ платежомъ.

Тамъ же иродается:

Манштейнъ, С. А. Матеріалы для усвоенія греческой этимологіи и ключъ къ ней. Пособіе для гимназистовъ, для всѣхъ готовящихся къ испитаніямъ зрѣлости и для репетиторовъ.—1 руб. Одобр. Учен. Комно.

Вышеоименованныя книги имѣются также въ значительномъ количествѣ на складѣ у гг. книгопродавцевъ: Н. П. Карбасникова (въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и Варшавѣ), А. Я. Панафидина (въ С.-Петербургѣ), В. В. Думнова (въ С.-Петербургѣ и Москвѣ) и Е. П. Распопова (въ Одессѣ).

Кромѣ того печатаются:

Геродотъ. Греко-персидскія войны. Объясн. А. Н. Шукаревъ.
Геродотъ. Скиѣиѣ и походъ Дарія на скиѣовъ. Объясн. Г. О. фонъ-Гаазе.
Гомеръ. Одиссея. II п. Объясн. С. А. Радецкій.
Гомеръ. Одиссея. VI п. Объясн. Н. А. Счастливецъ.
Горацій. Избранныя стихотворенія. Объясн. проф. О. А. Шеборъ.
Ксенофонтъ. Воспоминанія о Сократѣ. Объясн. К. В. Гибель.
Цицеронъ. Рѣчь за поэта Архіа. Объясн. проф. И. В. Нестушиль.
Цицеронъ. Рѣчь за Лигарія. Объясн. В. А. Алексеевъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1892 ГОДЪ

и продолжается подписка на 1891 годъ
на общепонятно-научный иллюстрированный журналъ

„НАУКА И ЖИЗНЬ“.

Единственный въ Россіи журналъ, дающій возможность неспециалистамъ слѣдить за успѣхами знанія. — Текстъ иллюстрируется множествомъ роскошныхъ гравюръ, изъ коихъ многія исполнены въ Парижѣ. Въ годъ дается до 500 гравюръ. — Въ годъ выходитъ 52 №№, каждый № въ два печатные листа на превосходной веленовой бумагѣ.

ПОДРОБНАЯ ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) Общепонятныя статьи по всѣмъ отраслямъ естественныхъ и физико-математическихъ наукъ; приложенія наукъ къ практической жизни и промышленности; открытія, изобрѣтенія, усовершенствованія. 2) Медицина (особенно гигиена), сельское и домашнее хозяйство, дѣсоводство. 3) Статьи по исторіи наукъ и промышленности; научная хроника и смѣсь; библіографія. 4) Научныя игры и развлечения; задачи; почтовый ящикъ. 5) Всякіе рисунки, относящіеся къ тексту. 6) Объявленія.

Согласно уведомленію Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія, отъ 1 мая 1891 г., за № 7869, журналъ „НАУКА и ЖИЗНЬ“ Ученыхъ Комитетъ, томъ сего Министерства ОДОВРЕНІЕ для ученическихъ (старшаго возраста) бібліотекъ ореднихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Новые подписчики на 1891 г. получаютъ съ № 1.

№ для ознакомленія высылается за двѣ 7 коп. марки.

Полные экземпляры за 1890 годъ высылаются по уменьшенной цѣнѣ, — за три руб.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ перес. и доставк. на годъ ПЯТЬ и на полгода ТРИ руб.

АДРЕСЪ: Москва. Мал. Дмитровка, д. Шильдбахъ.

Ред.-изд. Др. М. Глубоковскій.

I. ОБЩІЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ.

О нѣкоторыхъ опредѣленіяхъ въ исторіи античнаго искусства*).

По поводу сочиненія «Учебникъ исторіи профессора А. Трачевскаго. Древняя исторія. Второе, исправленное изданіе. Съ 52 рисунками, 4 картами и 3 планами» С.-Петербургъ 1889.

II.

Отъ зодчества переходимъ къ ваянію.

Стр. 141. Здѣсь прежде всего обращаетъ наше вниманіе различіе авторомъ барельефа отъ горельефа, отъ формы *ronde-bosse* и совсѣмъ круглыхъ статуй. Описывая дорическій храмъ, проф. Трачевскій говоритъ, что „фронтоны его щеголяли барельефами“. Въ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ (стр. 173), что „отъ Фидія сохранились только прелестные барельефы Пареевона“. Отнесеніе барельефныхъ украшеній къ фронтонамъ греческихъ храмовъ не можетъ быть оправдано и доказано ни однимъ извѣстнымъ намъ примѣромъ, ни однимъ сохранившимся памятникомъ. Неужели фронтонныя группы храма Аѳины въ Эгинѣ, эти знаменитые Эгинскіе мраморы, или колоссальныя статуи фронтоновъ храма Зевса Олимпійскаго или всемірно прославленные и въ изуродованномъ видѣ неподобные мраморы фронтоновъ Пареевона, изъ которыхъ каждый поражаетъ насъ и своими размѣрами, неужели можно называть все это барельефами? Не барельефы украшали и фронтоны греческихъ храмовъ древнѣйшей эпохи, какъ доказываютъ теперь открытія на аѳинскомъ акрополѣ, знакомящія насъ съ большими и далеко выступающими изъ фона группами, которыя находились во фронтонахъ старинныхъ храмовъ, разрушенныхъ персами. — Если проф. Трачевскій называетъ барельефами фронтонныя группы, то для него барельефы, конечно, и изваянія, украшавшія метопы дориче-

*) Окончаніе.

скихъ храмовъ, какъ можно судить по тому, что всей скульптуръ Пареенона, уцѣлѣвшей отъ разрушенія, онъ далъ названіе барельефовъ.

Это злоупотребленіе терминомъ впрочемъ у него черта общая съ другими нашими педагогами и писателями. Не оставившаяся на прочихъ, укажемъ на недавно вышедшій большой трудъ подъ названіемъ: „Павсанія. Описаніе Эллады или Путешествіе по Греціи во II-мъ вѣкѣ по Р. Хр. Переводъ съ греческаго съ толкованіями и съ приложеніемъ статей: Историко-литературное значеніе Павсанія, Краткій очеркъ исторіи греческаго искусства, Родословныя таблицы эллинскихъ династій и пр. Г. Янчевецкаго, директора Ревельской гимназіи“. СПБ. 1887—1889. Эта книга, заключающая въ себѣ болѣе 1000 страницъ большого формата и убористаго шрифта, говоритъ намъ прежде всего о массѣ времени и труда, положенныхъ на избранное дѣло и о несомнѣнной любви автора-педагога къ филологическимъ и художественно-историческимъ занятіямъ. Такой писатель, какъ Павсаній, давшій наукѣ классической археологіи столь много драгоценныхъ свѣдѣній о Греціи во II ст. христіанской эры, перевода и комментарія заслуживалъ. Для большей ясности и полноты, г. Янчевецкій въ интересахъ читателей снабдилъ свой трудъ, между прочимъ, и переводомъ „Очерка исторіи греческаго искусства“, написаннаго извѣстнымъ специалистомъ проф. Рейнгардомъ Кекулé. За все это русскій читатель долженъ быть ему благодаренъ, особенно памятуя, что труды подобнаго рода предпринимаются и исполняются лишь изъ чистой любви къ наукѣ. Но тѣмъ болѣе приходится сожалѣть, что уже начало его книги, именно очеркъ исторіи греческаго искусства, страдаетъ такими недостатками, которые человѣка новаго въ предметъ снабдятъ свѣдѣніями совершенно ложными, а читателя, знающаго дѣло, поразятъ непріятно и уронятъ несомнѣнно въ глазахъ его и цѣну всей книги. Г-нъ Янчевецкій пишетъ о фронтонныхъ эгинскихъ барельефахъ (стр. LVII), о фронтонныхъ барельефахъ мегарской сокровищницы въ Олимпіи, о метопахъ барельефахъ храма F въ Селинунтѣ (стр. LVIII), о фронтонныхъ барельефахъ Пареенона (стр. LXXI) и пр. — Далѣе изъ этого очерка исторіи греческаго искусства мы узнаемъ совершенно

неожиданно о сохраненіи фресокъ, какъ юношескаго произведенія Фидія въ храмѣ Оясея въ Аѳинахъ, и эти фрески тѣмъ замѣчательнѣе, тѣмъ новѣе въ исторіи искусства, что онѣ были скульптурныя (стр. LXVI). Такія же, по словамъ г. Янчевецкаго, „фрески окружали cella въ видѣ узкой ленты“ въ Парѳенонѣ (стр. LXVIII); существуютъ фрески храма Аѳины-Ники (т.-наз. Безкрылой Побѣды), которыя стоятъ далеко ниже скульптуръ Парѳенона (стр. LXXI). Въ другомъ мѣстѣ (стр. LXXIII) нашимъ переводчикомъ рекомендуются „монументальныя скульптуры-фрески храма Аполлона въ Вассахъ, въ Аркадіи“, или рельефныя фрески на знаменитомъ Пергамскомъ алтарѣ (стр. XCI) и т. д. Новостью является, конечно, и извѣстіе г. Янчевецкаго, что „между оригинальными твореніями Праксителя извѣстна — статуя юнаго Аполлона, прислонившагося къ стволу дерева, вверхъ по которому карабкается бѣлка“ (стр. LXXIX). Доселѣ исторія греческаго ваянія знала нѣскольکو копій съ такеъ наз. Аполлона, убивающаго ящерицу (*Ἀπόλλων Σαυροκτόνος*), но объ Аполлонѣ, имѣющемъ дѣло съ бѣлкой, въ наукѣ до сихъ поръ не было слышно. Новостью отличается и сообщеніе, что знаменитая статуя Капитолійскаго музея „Умирающій галлъ“ прежде называлась „Умирающимъ воиномъ“ и что подъ этимъ именемъ она воспѣта Байрономъ (стр. XC).

Откуда же, можетъ быть, спросить читатель, взялъ нашъ переводчикъ эти фрески Фидія и вообще какія-то скульптурныя фрески, найденныя въ Аѳинахъ, въ Аркадіи, въ Пергамѣ и пр.? Секретъ объясняется тѣмъ, что г. Янчевецкій передалъ словомъ фреска нѣмецкое Fries = фризъ, карнизъ... Оттого у него и явились „монументальныя скульптуры — фрески“ или „скульптурныя фрески“ вмѣсто скульптурныя фризы. Далѣе, изъ „Умирающаго гладиатора“, какъ неправильно называли раньше капитолійскую статую, онъ сдѣлалъ „Умирающаго воина“, забывая, что у Байрона читается такъ:

I see before me the Gladiator lie:
He leans upon his hand-his manly brow
Consents to death etc.

Childe Harold, canto IV, CXL.

Смѣшеніемъ нѣмецкихъ словъ *Eichhörnchen* и *Eidechse* объясняется и появленіе изъ подъ пера нашего переводчика бѣлки вм. ящерицы...

Но возвращаемся къ труду проф. Трачевскаго.

Стр. 212. „Во второмъ періодѣ (вѣкъ Перикла) преобладало ваяніе, посвященное преимущественно изображенію боговъ и украшенію храмовъ... Это искусство, которое сосредоточилось въ Афинахъ, самостоятельно, но идеально до сухости; для оживленія своихъ строгихъ типовъ художникъ прибѣгалъ къ полихроміи (раскраска) и къ соединенію разныхъ матеріаловъ (чаще всего статуи дѣлались изъ слоновой кости съ золотомъ). Третій періодъ (IV в.) отличается реализмомъ... Тогда полихромія исчезла; статуи дѣлались уже изъ одного мрамора“. Это ученіе о раскраскѣ статуй или точнѣе скульптурныхъ произведеній изъ мрамора, о такъ назыв. полихроміи, какъ характеристической принадлежности греческаго искусства въ вѣкъ Перикла, и объ исчезновеніи ея въ IV ст., вѣкъ Скопаса, Праксителя и Лисиппа не можетъ быть принято никоимъ образомъ: такъ расходится оно съ свидѣтельствомъ самихъ памятниковъ, со свидѣтельствомъ древнихъ писателей и состояніемъ вопроса о полихроміи античной скульптуры въ современной наукѣ. Раскрашиваніе скульптуръ въ различные цвѣта не представляетъ ничего характернаго для вѣка Перикла, нисколько не исчезла она изъ практики и въ IV в. Полихромія существовала въ греческой скульптурѣ съ самыхъ древнихъ ея временъ, будучи перенесена съ Востока (въ Ассиріи и въ Египтѣ и въ другихъ странахъ), такъ любившаго пеструю и яркую окраску своихъ изваяній. Сначала полихромія употреблялась въ Греціи въ деревянныхъ идолахъ, которые облевались въ цвѣтныя, яркія твани и окрашивались въ цвѣта, сильно бьющіе въ глаза. Съ дерева она была перенесена и на терракотту, на камень, на мраморъ. Каменные идолы, отрываемые въ новое время на Цикладскихъ островахъ и въ другихъ частяхъ Греціи и принадлежащіе къ доисторической порѣ греческой скульптуры, въ многочисленныхъ примѣрахъ носятъ несомнѣнные слѣды окраски: на нихъ выписывались глаза, ротъ и пр. Минуя другіе примѣры окрашиванія скульптурныхъ произведеній въ разныхъ

мѣстахъ Греціи, укажемъ на цѣлый рядъ женскихъ мраморныхъ статуй, найденныхъ на аѳинскомъ акрополѣ въ послѣдніе годы. Всѣ онѣ принадлежать по художественному стилю ко времени до-персидскихъ войнъ; при нашествіи персовъ на Аѳины, онѣ были разбиты и изуродованы; позднѣе ихъ, какъ потерявшихъ значеніе, аѳиняне, при восстановленіи святины акрополя, собрали виѣсть и зарыли въ землю. Аѳинскія раскопки новаго времени представляютъ не только отдѣльныя статуи, но и цѣлыя группы, нѣкогда служившія украшеніемъ храмовыхъ фронтоновъ. Тогда какъ въ этихъ статуяхъ различныя цвѣта, зеленый, красный, голубой и ярко-синій, употреблялись для раскраски волосъ, глазъ, діадемы и различныхъ частей одежды, фронтоныя группы являются обильно выкрашенными во всемъ ихъ объемѣ. Тѣламъ былъ приданъ ярко-розовый цвѣтъ, бороды окрашены въ голубой, волосы въ блѣдно-желтый или палевый и т. д. Не говоря о множествѣ или даже о всѣхъ другихъ памятникахъ архаическаго періода греческой пластики, носящихъ на себѣ несомнѣнные слѣды красокъ, укажемъ на существованіе полихроміи въ эгинскихъ фронтонныхъ группахъ или въ скульптурныхъ украшеніяхъ храма Зевса въ Олимпіи. При такомъ положеніи дѣла, становится непонятной характеристика, данная нашимъ ученымъ скульпторамъ времени Перикла.

Столь же загадочно и его утвержденіе объ исчезновеніи полихроміи изъ области ваянія въ IV в. до Р. Хр., когда мы знаемъ, что Пракситель считалъ лучшими тѣ изъ своихъ мраморныхъ изваяній, которыя были украшены кистью знаменитаго живописца Никіи¹⁾; когда его Гермесъ съ маленькимъ Діонисомъ, найденный въ Олимпіи, носитъ на себѣ слѣды красокъ; когда обильная раскраска усиливала эффектъ рельефовъ Мавзолея; когда краски видны на многихъ надгробныхъ рельефахъ IV в., отрываемыхъ въ Аѳинахъ; когда Платонъ говоритъ о раскрашиваніи статуй, о *γράφειν ἀνδριάντας*;²⁾ когда у

¹⁾ Plin. N. H. XXXV, 138: hic est Nicias, de quo dicebat Praxiteles interrogatus quae maxime opera sua probaret in marmoribus: quibus Nicias manum admovisset; tantum circumlitioni eius tribuebat.

²⁾ Plato Respub. IV, 420 C: ὡπερ οὖν ἐν εἰ ἡμᾶς ἀνδριάντας γράφοντες προσελθόν τις ἐρεγγε λέγων, ὅτι οὐ τοῖς καλλίστοις τοῦ ζῆσον τὰ κάλ-

Плутарха рядомъ съ мастерами, намащавшими изваянія воскомъ (*ἀγαλμάτων ἐχαισται*), поволотчиками ихъ (*χρυσωταί*) называются и окрашиватели ихъ (*βαφείς*)¹⁾; когда, наконецъ, памятники и живописи и скульптуры, найденные въ Помпеяхъ, говорятъ намъ о существованіи обычая скульпторовъ пользоваться услугами живописи въ вѣкъ римской имперіи. Прохождение полихроміи чрезъ всѣ періоды античнаго ваянія — фактъ, не подлежащій никакому сомнѣнію. Вопросъ здѣсь можетъ быть только о размѣрахъ примѣненія ея въ пластикъ въ разное время и въ памятникахъ различнаго назначенія, и при рѣшеніи его никакъ нельзя будетъ сказать вмѣстѣ съ проф. Трачевскимъ, что „въ IV в. до Р. Хр. полихромія исчезла“ изъ скульптуры. И ничего подобнаго почтенный авторъ не сказалъ бы, если бы онъ хотя до нѣкоторой степени ознакомился съ новѣйшими сочиненіями по этому вопросу проф. Трея (Georg Treu, *Sollen wir unsre Statuen bemalen?* Berlin 1884) и Альта (Theodor Alt, *Die Grenzen der Kunst und die Buntfarbigkeit der Antike.* Berlin 1886) или прочелъ соответственные мѣста у Блюмнера (Blümner, *Technologie und Terminologie der Gewerbe und Künste* III, стр. 200 и слѣд.) или у Баумейстера (Baumeister, *Denkmäler des klassischen Altertums.* III, стр. 1343 и слѣд.).

Заключая наши замѣчанія на этотъ отдѣлъ его книги, не можемъ не выразить недоумѣнія относительно подбора памятниковъ искусства, указываемыхъ авторомъ: почему напримѣръ онъ говоритъ о бронзовой статуѣ „Молящагося мальчика“, неизвѣстно кому принадлежащей и первостепеннаго значенія въ исторіи эллинскаго ваянія не имѣющей, и не упоминаетъ ни словомъ о Гермесѣ Праксителя; почему обходитъ молчаніемъ памятники скульптуры храма Зевса въ Олимпіи, равно какъ ни единого намека не проронилъ онъ ни о раскопкахъ Олимпіи, ни объ открытіи знаменитыхъ горельефовъ Пергамскаго алтаря Зевса, столь сильно освѣтившихъ вопросъ о характерѣ скульптуры Пергамской школы. Повидимому, интересы классической археологіи послѣднихъ десятилѣтій, столь богатыхъ великими открытіями, не близки нашему историку. Даже Шли-

πιστα φάρμακα προστίθεμεν οἱ γὰρ ὀφθαλμοὶ, κάλλιστον δὲ, οὐκ ὀστρεῖφ ἐναληθιμένοι εἶεν, ἀλλὰ μέλανι etc.

¹⁾ Plut. *Glor.* Athen. VI, 348 F..... μάλλον δὲ ὡς ἀγαλμάτων.

манъ съ его раскопками въ Троядѣ, въ Арголидѣ, въ Беотіи и на Итакѣ не привлекъ его вниманіе въ должной степени. Правда на стр. 92 онъ говоритъ: „Шлиманъ открылъ недавно на мѣстѣ Трои развалины трехъ (!) древнѣйшихъ поселеній частью каменнаго, частью бронзоваго вѣка“ и на стр. 108: „недавно Шлиманъ нашелъ остатки Трои въ курганахъ у мѣстечка (II) Гиссарликъ“. Но эти-то цитаты и показываютъ, какъ мало точности въ свѣдѣніяхъ проф. Трачевскаго о трудахъ знаменитаго своею энергіей и своимъ счастьемъ археолога. Въ разъясненіе этихъ частныхъ вѣдомостей входитъ здѣсь мы не станемъ, въ виду существованія нѣсколькихъ статей о Шлиманѣ въ нашей періодической печати и особенно въ виду прекраснаго очерка, посвященнаго открытіямъ этого ученаго В. П. Бузескуломъ въ первой книгѣ нашего журнала.

Какъ въ первой, такъ и въ этой статьѣ мы не имѣли намѣренія корректировать всѣ ошибки „Учебника Исторіи“ по отдѣлу античнаго искусства. И здѣсь мы желали только указаніемъ нѣсколькихъ фактовъ обратить вниманіе автора на необходимость подвергнуть этотъ отдѣлъ коренному пересмотру въ слѣдующемъ изданіи его книги.

Примѣчаніе. Пользуемся случаемъ сдѣлать слѣдующее необходимое дополненіе къ первой статьѣ (выше, отд. II, стр. 8), гдѣ къ словамъ: „Изъ современныхъ Паренону построекъ іоническаго стиля въ другихъ частяхъ Греціи слѣдуетъ, конечно, указать на величественный храмъ Аполлона Дидимейскаго близъ Милета“ слѣдуетъ прибавить: „если бы только принять догадку К. О. Мюллера (Handb. d. Arch. d. Kunst. 3-е Aufl. стр. 97) о времени возстановленія его Пвоніемъ и Дафнидомъ Милетскимъ“. Это вопросъ очень сложный и рѣшаемый весьма различно: нѣкоторыми изъ новѣйшихъ изслѣдователей, какъ Рабе, послѣдней датой ставится даже время 350—334 г. до Р. Х. (Rayet, Etudes d'archéologie et d'art, стр. 115 и слѣд.), и обыкновенно новая постройка этого колоссальнаго храма относится къ IV в., какъ это стоитъ и у нашего автора (стр. 213).

И. Цетьмаевъ.

Вопросъ о пеласгахъ.

Otto Crusius, Beiträge zur griechischen Mythologie. Leipzig 1886 (pp. 28, in 4°).

Hesselmeyer, Die Pelasgerfrage und ihre Lösbarkeit. (Studien zur alten Geschichte, erstes Heft.) Tübingen 1890 (pp. XIII + 162).

Сопоставляя здѣсь заголовки двухъ, раздѣленныхъ четырехлѣтнимъ промежуткомъ, ученыхъ работъ по вопросу о пеласгахъ, позволимъ себѣ начать нашу замѣтку съ повторенія старой истины, что послѣднее и новѣйшее далеко не всегда бываетъ въ то же время и лучшимъ. Тогда какъ работа Крузіуса представляетъ собою научное изслѣдованіе, въ которомъ все ясно, послѣдовательно и, какъ намъ думается, неизвимо, — въ новой работѣ Гессельмейера все сомнительно, проблематично, гадательно и совершенно не убѣдительно. Такой характеръ работы Гессельмейера тѣмъ неожиданнѣе, что онъ выступаетъ какъ ученикъ извѣстнаго тюбингенскаго профессора Альфреда фонъ-Гутшмида († 1887). Подъ его вгиду поставилъ онъ свою работу какъ самымъ посвященіемъ ея „памяти дорогаго учителя“, такъ и частыми ссылками въ своемъ изложеніи на его имя, его мысли, его ученые принципы. Ознакомившись съ трудомъ Гессельмейера, мы вполне сомнѣваемся въ томъ, чтобы покойный общій нашъ учитель могъ одобрить произведеніе своего ученика, и притомъ не только за самые выводы, но также и за постановку вопроса, а равно за методъ и характеръ изслѣдованія. Представитель и ревнитель точнаго знанія, обладавшій удивительной широтой и поражавшій всѣхъ его знавшихъ разнообразіемъ познаній, покойный Гутшмидъ былъ въ своихъ ученыхъ трудахъ и работахъ прежде и больше всего строгимъ и остроумнымъ критикомъ подлежащаго изслѣдованію матеріала. Онъ не проявлялъ вообще склонности строить широкія теоріи, давать обстоятельныя и полныя картины, быть историкомъ-художникомъ. Не былъ онъ критикомъ исключительно, но критическое отношеніе къ источникамъ историческаго знанія было преобладающей чертой его умственнаго склада и научной дѣятельности. Правда, онъ часто вооружался

и противъ „гиперкритики“, но въ еще большей степени были ему нелюбезны широкія и смѣлыя гипотезы, основанныя на шаткихъ данныхъ и домыслахъ. Часто въ своихъ лекціяхъ обзывалъ онъ ихъ рѣзкимъ словомъ „Unsiinn“, не считая нужнымъ останавливаться на нихъ и провергать доводы, на которыхъ онѣ основаны. Тамъ, гдѣ онъ самъ строилъ теорію послѣ своей критики подлежащаго матеріала и давалъ ясныя и точныя отвѣты на темныя и запутанныя вопросы, тамъ уже не могло быть сомнѣнія въ томъ, что найдена истина, ни для многочисленныхъ почитателей его ученаго авторитета, ни даже для его ученыхъ недоброжелателей. А въ этихъ послѣднихъ не было недостатка у покойнаго, такъ какъ онъ, мягкій и ласковый въ личномъ обращеніи, былъ часто строгъ и настойчивъ въ своей сильной, подчасъ даже беспощадной критикѣ.

Что же сдѣлалъ ученикъ Гутшмида въ работѣ, посвященной памяти учителя? Онъ избралъ своимъ девизомъ слѣдующія слова Ренана (они приведены у него по-нѣмецки, даемъ ихъ русскій переводъ): „Искусство историка состоитъ въ томъ, чтобы изъ наполовину истинныхъ чертъ создать истинное цѣлое“. И дѣйствительно, онъ далъ ясный, полный, широкій отвѣтъ на одинъ изъ наиболѣе темныхъ вопросовъ начальной греческой исторіи. Авторъ не указалъ, гдѣ и по какому поводу высказалъ Ренанъ приведенную выше мысль. Ему, историку-художнику, имѣвшему дѣло по преимуществу съ вопросами совсѣмъ другого рода и характера, было вполне естественно такъ формулировать идеалъ историка. Но иное дѣло судьба христіанства первыхъ вѣковъ и совсѣмъ другое — темныя дебри началъ исторіи. Здѣсь историкъ долженъ быть прежде всего и больше всего критикомъ, и въ результатѣ этой критики зачастую приходится ему удовлетвориться положеніями большей или меньшей вѣроятности, и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ онъ дать вполне точныя, ясныя и не подлежащія спору положенія. Становясь подъ эгиду Гутшмида и стремясь найти „истинное цѣлое“, авторъ допустилъ противорѣчія, и духъ учителя не живетъ въ посвященной его памяти работѣ.

Болѣе опытный и методичный изслѣдователь, Крузіусъ, въ своей работѣ сталъ также подъ эгиду Гутшмида. Въ са-

момъ началъ своей работы привелъ онъ одно замѣчаніе покойнаго, высказанное имъ въ одной рецензiи, а именно, что во всѣхъ изслѣдованiяхъ о доисторическомъ необходимо исходить отъ исторически-достовернаго, что это есть естественная и необходимая основа во всѣхъ ученыхъ исканiяхъ этого рода. Крузіусъ выдержалъ этотъ завѣтъ Гутшмида и далъ по вопросу о пеласгахъ нѣчто вполне научное и убѣдительное. Крузіусъ не задавался цѣлью обновить этотъ старый вопросъ, расширить его, дать ему свое оригинальное рѣшеніе, какъ сдѣлалъ Гессельмейеръ. Но и тотъ не обновилъ его, а лишь, самъ того не замѣчая и даже отрицаясь, завелъ его въ старыя дебри, куда не разъ съ нимъ заходили изслѣдователи стараго времени.

Еще въ пору Нибура имѣлъ вопросъ о пеласгахъ обширную литературу, и этотъ великій изслѣдователь сознавался, что она наводила на него „отвращеніе“ (Eckel), поддаваясь которому онъ „избѣгалъ вообще говорить о пеласгахъ“¹⁾. Но преодолевъ это отвращеніе, Нибуръ ввелъ позднѣе вопросъ о Пеласгахъ въ кругъ своихъ изслѣдованiй по древнѣйшей этнографіи Италіи и утвердился по отношенію къ нему въ мысли, которую формулировалъ въ слѣдующихъ словахъ: „не какъ гипотезу, но съ полнымъ историческимъ убѣжденіемъ говорю я, что было время, когда пеласги, въ ту пору, быть можетъ, самый распространенный изъ всѣхъ народовъ Европы, жили отъ По и Арно до Босфора; только во Фракіи ихъ обиталища были настолько разорваны (другими народностями), что сѣверные острова Эгейскаго моря поддерживали цѣпь между тирренами Азіи и пеласгическимъ Аргосомъ“²⁾.

Но еще раньше, чѣмъ Нибуръ пришелъ къ этому заключенію³⁾, знаменитый Карлъ Отеридъ Мюллеръ въ своемъ капитальномъ изслѣдованіи о началахъ греческой исторіи убѣдительно доказывалъ необходимость совершенно раздѣлить въ вопросѣ о пеласгахъ Грецію отъ Италіи. Въ пеласгахъ Греціи видѣлъ онъ племя, исторія котораго вращается въ предѣлахъ: Беотія—

¹⁾ Römische Geschichte. I, p. 23 (изд. 1873 года).

²⁾ Ibid. p. 44.

³⁾ Второе изданіе Исторіи Нибура вышло въ 1826 году, а трудъ Мюллера въ 1820.

Аттика — сѣверные предѣлы Эгейскаго моря, и которое позднѣе исчезло; а въ той италійской народности, которую эллины называли тирренами, считалъ онъ необходимымъ признать „сѣверный народъ“¹⁾.

Отъ „блестящей фантазіи“ Нибура, какъ выразился Моммзенъ, отказалась и отстала наука послѣдующаго времени. Вопросъ о пеласгахъ введенъ былъ опять въ узкія рамки разсмотрѣнія о началѣ греческой исторіи. Во многихъ авторитетныхъ для настоящаго времени трудахъ по греческой исторіи возобладало рѣшеніе вопроса о пеласгахъ, сформулированное, напримѣръ, у Дункера въ такихъ словахъ: „Итакъ, мы можемъ сказать съ полною увѣренностью, что пеласги, ахейцы и эллины не были тремя различными народами, а что это суть скорѣе имена, обозначающія три различные періода греческой исторіи, три слѣдующія другъ за другомъ стадіи развитія греческаго народа“²⁾. Но съ этой теоріей, по которой пеласги вовсе исчезаютъ какъ этнографическій типъ, согласны далеко не все ученые. Не раздѣлялъ ея и покойный Гутшмидъ. Въ курсѣ греческой исторіи, который читалъ онъ въ зимнемъ семестрѣ 1879—1880 года, когда пишущій эти строки состоялъ въ числѣ его слушателей, Гутшмидъ, воснудившись въ общемъ введеніи вопроса о пеласгахъ, высказался за необходимость признать въ нихъ особое племя, чуждое грекамъ, и притомъ народъ мореходовъ. Основывался онъ на прямомъ смыслѣ показаній Геродота и Фукидида. Что до ближайшаго опредѣленія расы, къ которой слѣдуетъ причислить пеласговъ, то Гутшмидъ въ этомъ отношеніи не высказывалъ опредѣленнаго мнѣнія въ своемъ курсѣ. Прибавимъ, что многіе видѣли въ пеласгахъ семитовъ, объясняя ихъ имя изъ слова Pelischtim, т.-е. филистимляне. Знаменитый географъ Кипертъ, принимая это объясненіе имени пеласговъ, считалъ нужнымъ оговорить, что оно никакъ не должно вести къ отождествленію пеласговъ съ сирійскими филистимлянами³⁾.

1) Geschichte der Hellenischen Stämme und Städte. Erster Band. 1820, p. 448.— Мюллеръ ссылается при этомъ и на авторитетъ Нибура.

2) Max Duncker, Geschichte des Alterthums. V. Band, p. 20 (изд. 1881 года). Это мнѣніе раздѣляютъ Курциусъ и Шёманъ.

3) Lehrbuch der alten Geographie. Berlin 1878, p. 242. — Ср. Hermann, Lehrbuch der griechischen Staatsalterthümer, § 6 прим. 11 (изд. 1884 года).

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній переходимъ къ отчету о двухъ, названныхъ выше, новыхъ работахъ по старому вопросу. — Крузіусъ въ своемъ изслѣдованіи исходитъ отъ сопоставленія свѣдѣній Геродота о мѣстожителствѣ и переселеніяхъ пеласговъ. Эти данныя позволяютъ утверждать, что въ эпоху персидскихъ войнъ они жили исключительно на берегахъ моря и островахъ (Крестонъ на Термейскомъ заливѣ, Плагія и Силага на берегахъ Пропонтиды на востокъ отъ Бизига, острова Лемносъ и Имбросъ). Въ древнія времена жили они на Гиметтѣ въ Аттикѣ и занимали равнины Беотіи и Фессалии (стр. 4—8). Свидѣтельства Геродота (I, 57) и Фукидида (IV, 109) о томъ, что пеласги были варвары по языку, понимаетъ Крузіусъ въ томъ смыслѣ, что пеласги были племенемъ различной отъ эллиновъ національности и расы. Сказаніе, изложенное у Геродота (VI, 137) по Гекатею, объ изгнаніи пеласговъ изъ Аттики позволяетъ, по мнѣнію автора, заключить, что въ болѣе раннюю пору пеласги не были исключительно мореходами, а были народомъ земледѣльческимъ. Преданіе о *πελασγῶν τεῖχος* въ Афинахъ обобщаетъ авторъ въ томъ смыслѣ, что пеласги были градостроителями. Отсюда уже въ древности объяснялось наименованіе ихъ *Τυφθηνοί*, какъ соорудители башенъ (Dion. Halik. I, 26). Что до религіи пеласговъ, то среди усвоенныхъ греками культовъ былъ одинъ, который единогласно признавался пеласгическимъ. Это — культъ кабировъ. Авторъ подробно останавливается на сведеніи и критикѣ данныхъ объ этомъ культѣ, что и составляетъ главную и наибольшую часть его работы (стр. 10—26). Имя *Καβειροί* изъясняетъ онъ изъ семитическаго *kabirim*, что значитъ: великіе, могучіе. Эта давно уже указанная этимологія находитъ себѣ полное подтвержденіе въ названіи кабировъ *μεγάλοι θεοί*, которое засвидѣтельствовано на надписяхъ и въ текстахъ, какъ переводъ имени кабировъ.

Мы не войдемъ здѣсь въ подробное изложеніе замѣчаній автора о богахъ, которые почитались подъ именемъ Кабировъ, и о легендахъ, привлеченныхъ имъ къ изслѣдованію; укажемъ лишь выводы. — Религія пеласговъ обнимала боговъ: 1) аграрныхъ и 2) покровителей мореходства и торговли. Свой выводъ формулируетъ авторъ въ такихъ словахъ: пеласги — „строи-

тели башенъ и земледѣльцы, которые противопоставляются эллинамъ постоянно какъ враги, должны быть признаны восточнымъ народомъ, если и не семитическаго происхожденія, то однако владѣвшимъ семитической культурой“ (стр. 26). Въ заключеніе авторъ высказываетъ намекъ на возможность связи между Деметрой и Реей-Кибелой и національности пеласговъ съ фригійцами.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе изслѣдованія Крузіуса. Въ отчетливомъ сознаніи значенія и силы отдѣльныхъ данныхъ, авторъ методически свелъ ихъ въ цѣльную и стройную аргументацію. Иначе обстоитъ дѣло въ работѣ Гессельмейера. Выше было указано на его желаніе возсоздать „истинное цѣлое“, столь мало примѣнимое въ подобнаго рода вопросахъ. Такая цѣль по необходимости требуетъ приниженія критическаго отношенія къ даннымъ и большаго простора фантазіи. Онъ и выставляетъ, какъ щитъ для своего пути, наименованіе своего метода критическо-консервативнымъ. Относясь съ довѣріемъ къ даннымъ, удобнымъ для его общей мысли и свободно ихъ обобщая, привлекаетъ онъ широко историческую аналогію, какъ способъ доказательства. Знакомство автора какъ съ источниками, такъ и ученой литературой заслуживаетъ полнаго признанія. Онъ задѣваетъ по пути такое множество историческихъ гипотезъ, контroversовъ, теорій и мнѣній, трактуетъ онъ ихъ съ такой свободой точнаго знанія о современномъ положеніи вопроса, что глубокая ученость автора и ученое его остроуміе стоятъ внѣ всякаго сомнѣнія. Но за всѣмъ тѣмъ книга его неубѣдительна.

Свое изслѣдованіе авторъ раздѣлилъ на четыре главы. Треть первымъ далъ онъ названіе „доказательствъ“ (Beweis), а именно: географическое, лингвистическое, миеологическое; глава четвертая озаглавлена: „выводы для исторіи“. Авторъ много потрудился надъ самой формой изложенія и для удобства читателя часто резюмируетъ свою аргументацію. Вотъ что ставитъ онъ, какъ результатъ своего географическаго разсмотрѣнія вопроса.

Древнѣйшее населеніе материка Эллады составляли пеласги, они же и делеги. По языку и расѣ народность эта чужда эллинамъ, вторгнувшимся съ сѣвера и черезъ Этолію проник-

шимъ въ Пелопоннесъ. Пеласги удержали за собой приморскіе пункты по обоимъ берегамъ, удержались въ Аркадіи, перешли на острова Эгейскаго моря. Одна часть племени уцѣлѣла на мѣстѣ во время эллинскаго вторженія и, эллинизовавшись въ послѣдствіи, стала іонянами. Часть племени выселилась въ Италію, другая по островамъ Эгейскаго моря проникла въ Малую Азію. Въ этомъ послѣднемъ движеніи пеласги удержались кое-гдѣ на берегахъ Фракіи. Долго сохраняли они свою національность на островахъ Лемнось, Имбросъ и Самоэракіи. Выгодное географическое положеніе этихъ острововъ, дававшее населенію возможность и выгоды морского разбоя, создало здѣсь для нихъ условія относительнаго процвѣтанія. На островахъ Эгейскаго моря пеласги пострадали отъ карійцевъ и грековъ, исчезли въ борьбѣ или смѣшались съ побѣдителями (стр. 23).

Во второй главѣ авторъ старается подтвердить эти свои широкія предположенія — ибо они не только не доказаны, но и въ значительномъ большинствѣ не могутъ быть доказаны, — данными о языкѣ. Онъ подробно развиваетъ мысль о томъ, что наименованіе пеласговъ словомъ *βάρβαροι* непреложно свидѣтельствуетъ о коренномъ отличіи ихъ языка отъ эллинскаго, и тѣмъ самымъ вынуждаетъ признать въ нихъ народность неарійской расы. За неимѣніемъ какихъ-либо остатковъ языка пеласговъ, онъ останавливается на словѣ *λάρισα*, которое засвидѣтельствовано древними какъ пеласгическое въ значеніи: укрѣпленное мѣсто. Слѣдуя Pauli, признаетъ онъ суффиксъ *аса*, *абса*, *иса* — негреческимъ. А такъ какъ этотъ суффиксъ встрѣчается и въ нѣкоторыхъ другихъ именахъ городовъ, то, по мнѣнію автора, города эти придется признать принадлежавшими пеласгамъ. Къ этому тощему соображенію присоединяется одна сравнительно новая данная, а именно: камень съ двумя загадочными надписями, найденный въ 1886 году на островѣ Лемнось. Надписи эти были изданы въ томъ же году норвежскимъ ученымъ Софусомъ Бугге (*Der Ursprung der Etrusker. Christiania 1886*) и объяснены имъ изъ никому невѣдомаго и доселѣ спорнаго языка этрусковъ. Гессельмейеръ входитъ по этому поводу въ обсужденіе вопроса объ этрускахъ (стр. 33—43) и приходитъ къ выводу, что этруски и пеласги суть двѣ обособившіяся части одной семьи народовъ, которую

греко-италики застали какъ туземцевъ при своемъ вторженіи въ предѣлы, получившіе впоследствии ихъ имена (стр. 43). Въ третьей главѣ авторъ, по слѣдамъ Крузіуса, часто впрочемъ ему возражая въ деталяхъ, широко распространяется о религіи пеласговъ и признаетъ ея содержаніемъ обожаніе хтоническихъ божествъ. Въ послѣдней главѣ авторъ путемъ аналогіи старается подтвердить свое положеніе о пеласагахъ, какъ о первоначальномъ населеніи (Urvolk) Эллады. Проявляя обширную эрудицію, сопоставляетъ онъ свѣдѣнія о существованіи первобытнаго населенія въ разныхъ странахъ, какъ-то: Китай, Иранъ, область Тигра и Евфрата, Египетъ, Палестина, Финикія, Сирія, Малая Азія, сѣверо-востокъ Европы, Германія, Франція, Испанія. Послѣ этого обзора авторъ останавливается подробнѣе на Италіи, первобытное населеніе которой видитъ онъ въ этрускахъ. Это мнѣніе оказывается въ противорѣчіи съ выводами современныхъ изслѣдованій по этрусскому вопросу путемъ изученія археологическаго матеріала, въ которыхъ съ большою вѣроятностью доказано положеніе, что этруски явились на почву Италіи позднѣе италіковъ. Возраженіе автора Гельбигу, главному представителю этого рода изученій италійской древности, не лишены критическаго остроты, но они мало убѣдительны.

Возвращаясь послѣ этихъ аналогій къ Элладѣ и пеласгамъ, Гессельмейеръ настаиваетъ на непринадлежности послѣднихъ къ арійской семьѣ народовъ и характеризуетъ степень культуры „первобытнаго населенія“ этой страны. Пришельцы эллины были ниже туземцевъ въ культурномъ отношеніи. Тогда какъ первые были еще въ полукочевомъ быту, вторые пахали землю (*ἀγρος*) и знали укрѣпленные города (*λίσιβα*). Раздѣленные на многія племена (перрэбы, гэмоны, гіанты, кранаи, воны, темники, ледеги и др.), знали они царскую власть. Ихъ цари были въ то же время и первосвященниками своихъ племенъ. Отъ пеласговъ усвоили эллины сооруженіе домовъ и хлѣбопашество, а вмѣстѣ съ послѣднимъ и связанные съ нимъ зачатки календаря. Храненіе мѣстныхъ культовъ осталось въ рукахъ пеласгическихъ фамилій прежнихъ царей, которые утратили теперь всякое политическое значеніе. Отъ пеласговъ усвоили эллины культъ кабировъ; наслѣдіемъ отъ нихъ остались и элевзинскія мистеріи.

Таково содержаніе „изслѣдованія“ Гессельмейера. То, что въ немъ вѣрно — не ново, а то, что ново, или проблематично, или недостоверно. Обширная ученость, которую онъ обнаруживаетъ въ своихъ историческихъ аналогіяхъ, а равно и въ возраженіяхъ на разныя неудобныя для него теоріи и рѣшенія разныхъ частныхъ вопросовъ, составляя сама по себѣ безспорное достоинство его работы, оказывается не въ силахъ служить ей въ главной и существенной ея цѣли, а именно: за ново рѣшить вопросъ о пеласагахъ. Въ гораздо меньшемъ ореолѣ учености, но въ простомъ и непосредственномъ отношеніи къ источникамъ вопросъ этотъ могъ бы быть трактованъ имъ съ большей надеждой на успѣхъ его рѣшенія, чѣмъ какъ это случилось теперь, ибо авторъ не прибавилъ своей работой ничего къ тому немногому, что можетъ считаться утвержденнымъ, какъ весьма вѣроятное, въ предшествующихъ работахъ по тому же вопросу.

Намъ остается отмѣтить, что Гессельмейеръ приложилъ къ своей работѣ въ видѣ экскурса разборъ гипотезы Курціуса объ іонянахъ (стр. 129—135). Гипотеза эта, по которой греческое населеніе малоазійскаго берега признается кореннымъ и туземнымъ въ тѣхъ мѣстахъ, считалась давно погребенной; но въ послѣднее время ее освѣтилъ Гольмъ въ своей Исторіи Греціи. Возобновляя аргументы, которыми въ свое время изгонялъ ее покойный Гутшмидъ, авторъ убѣдительно возстаетъ противъ этого оживленія ненужнаго призрака.

Юліанъ Кулаковскій.

II. ОБЗОРЪ КНИГЪ.

Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. Iussu et impensis Societatis Archaeolog. Imp. Russ. ed. B. Latyschev. Vol. I. 1885, Vol. II. 1890.

Въ наше время было бы не только бесполезно, но и смѣшно указывать на то громадное значеніе, какое имѣютъ эпиграфическіе памятники для изученія всѣхъ сторонъ античной жизни, исторіи какъ политической, такъ и литературной, правовыхъ учрежденій, какъ и частнаго быта, наконецъ — last not least — языка народнаго съ его различными діалектами. Уже съ самаго Возрожденія наукъ ученые стали интересоваться надписями, какъ живыми свидѣтелями древности, но сначала на нихъ смотрѣли больше, какъ на извѣстнаго рода курьезы и рѣдкости, и только постепенно между филологами получилъ преобладаніе взглядъ, высказанный уже Киріакомъ Анконитанскимъ въ началѣ XV в.: *maiores longe quam ipsi libri fidem et notitiam praestare videntur*. Съ этихъ же поръ начались повторенныя попытки собрать всѣ извѣстныя тогда надписи in absolutissimum corpus, какъ гласитъ громкое названіе перваго подобнаго сборника, составленнаго гейдельбергскимъ профессоромъ Яномъ Грутеромъ по указаніямъ знаменитаго Скалигера въ 1616 г., но всѣ подобныя попытки, предпринятыя на собственные средства лицами, недостаточно подготовленными, не могли имѣть надлежащаго успѣха. Лишь въ началѣ нынѣшняго столѣтія Берлинская Академія Наукъ, по предложенію Нибура, Шлейермахера, Бутмана и Имм. Беккера, взяла на себя трудъ и издержки по составленію полнаго корпуса греческихъ надписей и поручила это дѣло Августу Бѣку, показавшему въ своей „Политической экономіи аеинянъ“, какихъ результатовъ можно достигнуть при рациональномъ ихъ изученіи: тогда только изданіе и обработка надписей были поставлены на научную почву, — съ выхода въ свѣтъ перваго выпуска въ 1825 г. должно датировать начало новой науки объ эпиграфикѣ. Помимо всѣхъ другихъ заслугъ Бѣка, особенно важно въ его изданіи установленіе строгаго и притомъ разумнаго плана: между тѣмъ какъ прежніе издатели группировали надписи безъ различія происхожденія по ихъ содержанію (способъ, пригодный для небольшого лишь числа памятниковъ), Бѣкъ распредѣлялъ ихъ

сначала по мѣстностямъ, а затѣмъ только внутри каждой группы по содержанію, что удивительно облегчало возможность ими пользоваться для научной работы. 11-й отдѣлъ (во 2-мъ томѣ) заключаетъ *Inscriptiones Sarmatiae cum Chersoneso Taurica*. Тѣмъ не менѣ этотъ корпусъ даже раньше своего окончанія оказался не соответствующимъ всѣмъ потребностямъ: не только, въ виду начавшихся со второй трети нынѣшняго столѣтія во всѣхъ областяхъ античнаго міра разысканій и раскопокъ въ болѣе основательной и систематической формѣ, количество извѣстныхъ надписей возросло по крайней мѣрѣ вчетверо, но еще вреднѣе оказалось то обстоятельство, что Бѣкъ, едва ли самъ видѣвшій десятокъ надписей, издавалъ ихъ на основаніи противорѣчивыхъ и болѣею частью недостоверныхъ снимковъ, которые онъ исправлялъ подобно всякимъ рукописямъ какого-нибудь автора съ замѣчательнымъ критическимъ тактомъ, но и съ меньшей смѣлостью, что ему и было выставлено на видъ въ строгой критикѣ Г. Германна (въ *Leipzig. Literat.-Zeit.* 1825 № 238—41). Впервые, однако, противъ такого способа изданія древнихъ надписей возвысилъ свой голосъ знаменитый проф. Т. Моммсенъ (*Ueber Plan und Ausführung eines Corp. Inscr. Lat. Rom.* 1847), когда та же Академія задумала по образцу и нормамъ греческаго корпуса издать латинскій (за это стояли оба Zumpt'a): — онъ требовалъ, чтобы были взяты новые точные снимки со всѣхъ существующихъ надписей и только для исчезнувшихъ или испорченныхъ временемъ были приняты въ расчетъ, и то съ разборомъ, старыя копіи. Чтобы доказать на дѣлѣ справедливость своихъ требованій, онъ на частныя свои средства объѣздилъ въ два года всю южную Италію, всюду отыскивая надписи и снимая съ нихъ точныя копіи — въ результатъ получилось образцовое изданіе *Inscriptiones Regni Neapolitani Latinae* 1852 г. Послѣ этого о старомъ способѣ изданія надписей не могло быть и рѣчи, и принципы Моммсена восторжествовали и были положены въ основу порученнаго ему Академіей корпуса латинскихъ надписей. Вскорѣ послѣ этого Берлинская Академія Наукъ рѣшилась предпринять на новыхъ, оправдавшихся на дѣлѣ, началахъ новое изданіе греческаго корпуса, коего первая часть—собраніе аттическихъ надписей — нынѣ закончена подъ редакціей Кирхгофа, Келера, Диттенбергера, вторая часть (*Inscriptiones Italiae et Siciliae, Britanniae, Galliae, Hispaniae, Germaniae graecae*) издана недавно Кайбелемъ, а часть, обнимающая надписи Мегары, Беотіи, Фокиды, готовится къ изданію подъ редакціей Лоллинга. При такихъ обстоятельствахъ наше Петербургское Археологическое Общество предприняло патриотическое дѣло, задумавъ въ 1879 г. переиздать и пополнить отдѣлъ Бѣков-

скаго корпуса, заключающій въ себѣ греческія надписи, найденныя на почвѣ Россіи, главнымъ образомъ у сѣвернаго прибрежья Чернаго моря; рѣшено было, однако, прибавить къ нимъ и малочисленныя латинскія надписи, не заслуживавшія отдѣльной публикаціи, но зато исключить изъ сборника греческія и латинскія надписи, открытыя на Кавказѣ, такъ какъ онѣ уже раньше вышли въ образцовомъ изданіи такого знатока, какъ проф. И. В. Помяловскій: почетное, но трудное дѣло это было возложено на В. В. Латышева, который уже многими цѣнными статьями по эпиграфикѣ (въ Mittheil. d. deutsch. Arch. Inst. zu Athen, Bull. et Congrès. Hellen. и Журн. Мин. Нар. Пров.) доказалъ свою подготовленность къ такому порученію.

До сихъ поръ вышло этого изданія два тома, заключающіе въ себѣ настоящія монументальныя надписи, между тѣмъ какъ третій, еще не изданный, будетъ содержать въ себѣ такъ-наз. *supellex varia*, т.-е. надписи, начертанныя на разной утвари, преимущественно на ушкахъ амфоръ. Въ распредѣленіи матеріала издатель слѣдовалъ принципамъ Бѣва, т.-е. держался географическаго порядка: первый томъ, изданный 6 лѣтъ тому назадъ, содержитъ надписи Тиры, Ольбіи, Таврическаго Херсонеса, Неаполя и нѣкоторыхъ мелкихъ мѣстечекъ; второй, вышедшій въ прошломъ году, заключаетъ надписи Веспоранскаго царства, раздѣленныя по четыремъ его городамъ, Пантикапѣю, Фавагорію, Горгиппію и Танаидѣ. Для тѣхъ мѣстъ, отъ коихъ дошло до насъ болѣе значительное число надписей (такъ отъ Ольбіи, Херсонеса и четырехъ городовъ Веспора), послѣднія разбиты по классамъ и рубрикамъ, измѣняющимся соотвѣтственно имѣющемуся матеріалу, но всегда цѣлесообразнымъ и дающимъ возможность съ легкостью подыскать требующіеся читателю документы. Издатель, какъ и слѣдовало отъ него ожидать, не удовольствовался перепечаткою надписей со старыхъ и часто не достаточно точныхъ копій, а объѣздивъ большую часть мѣстъ, гдѣ онѣ теперь хранятся, большую часть списалъ самъ и взялъ съ нихъ снимки, немногія лишь издалъ по снимкамъ самыхъ надежныхъ лицъ и только тѣ надписи, которыхъ мѣстонахожденія ему не удалось открыть, опубликовалъ по старымъ изданіямъ. Всѣхъ надписей въ двухъ томахъ мы находимъ 761 (въ томъ числѣ 8 латинскихъ и 2 на обоихъ языкахъ): первая часть содержитъ 250, вторая — остальные 511 надписей, считая двѣ двойныя (235 и 431) и всѣ добавленія, коихъ въ этомъ томѣ 39. Изъ этого числа 289 (117 + 172) надписей еще нигдѣ не были опубликованы и изданы здѣсь въ первый разъ, т.-е. почти $\frac{1}{3}$ всего сборника: хотя эти новыя надписи были большею частью фрагментированы, и только немного крупныхъ и особенно цѣнныхъ уда-

лось издателью открыть, тѣмъ не менѣе должно отдать ему справедливость, что рѣдкій томъ берлинскаго корпуса можетъ хвастаться подобнымъ обогащеніемъ. Если мы притомъ сравнимъ наше изданіе съ соответствующимъ отдѣломъ (XI-мъ) въ Бековскомъ корпусѣ греческихъ надписей, то найдемъ въ последнемъ лишь 78 нумеровъ (отъ 2057—2134) и вмѣстѣ со всѣми *Addenda* 138 надписей: слѣдовательно на 615 (не считая латинскихъ) надписей Сборникъ содержитъ сравнительно больше, или другими словами число ихъ съ тѣхъ поръ возросло въ $4\frac{1}{2}$ раза. Правда, какъ мы уже видѣли, больше половины этихъ прибавившихся надписей было уже раньше составленія Сборника опубликовано въ разныхъ журналахъ и другихъ изданіяхъ, но не говоря уже о томъ, что всѣ онѣ были снова проверены издателемъ и такимъ образомъ являются въ исправленномъ (и часто дополненномъ) видѣ, мы теперь имѣемъ ихъ всѣ предъ собою соединенными вмѣстѣ и сопоставленными въ удобномъ порядкѣ, а не принуждены искать ихъ по различнымъ закоулкамъ. Насколько подобное собраніе облегчаетъ всякую научную работу, можетъ вполне оцѣнить лишь тотъ, кому самому приходилось часто имѣть дѣло съ эпиграфическимъ матеріаломъ, разсѣяннымъ по различнымъ изданіямъ: по личному опыту могу засвидѣтельствовать, что единственное средство для достиженія солидныхъ результатовъ въ такомъ случаѣ — выписать всѣ разрозненные надписи, т.-е. самому себѣ составить родъ корпуса. Но подобный способъ работы возможенъ лишь въ томъ случаѣ, если кто нуждается въ надписяхъ извѣстной мѣстности для цѣльнаго научнаго труда, а если кому-нибудь интересна лишь справка по спеціальному вопросу, напр. существовали ли извѣстные магистраты въ данной мѣстности, какія имена мѣсяцевъ были въ употребленіи, встрѣчается ли та или другая форма языка въ извѣстныхъ надписяхъ и т. д., какое требуется самоотверженіе отъ изслѣдователя, чтобы перелистать всѣ изданія, гдѣ онъ, можетъ быть, ничего не найдетъ по интересующему его вопросу! какое онъ имѣетъ ручательство, что, потративъ много времени на поиски, онъ не пропуститъ именно важнаго для него документа, опубликованнаго въ какомъ-нибудь недоступномъ или неизвѣстномъ ему изданіи! По отношенію напр. къ занимающимъ насъ южно-русскимъ надписямъ до сихъ поръ приходилось не только просматривать *Comptes-rendus de la commiss. arch.* 1859—81 г. и 15 томовъ Записокъ Одесскаго Общества исторіи и древностей, не только имѣть дѣло съ довольно рѣдкими книгами и изданіями (которыя могли быть доступны даже не во всякомъ университетскомъ городѣ нашего отечества), но искать эпиграфическіе памятники въ такихъ изданіяхъ, гдѣ ихъ никто, кажется, не

ожидалъ бы: только изъ Сборника напр. я узналъ, что нѣсколько греческихъ надписей было издано въ Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ (только за 1875 г.) — имѣвши студентомъ все изданіе подъ руками, я не подозрѣвалъ этого факта. Въ виду всего этого не слишкомъ смѣло будетъ сказать, что В. В. Латышевъ, сдѣлавъ впервые громадное число надписей общедоступными и издавъ остальные (Бѣковскія) въ болѣе достовѣрномъ видѣ, такъ сказать, открылъ намъ наново наши богатства и далъ обильный матеріалъ для изученія какъ ученыхъ, занимающимся эпиграфикой специально, такъ и историкамъ. Лучшее доказательство того значенія, какое имѣетъ для науки его Сборникъ, далъ почтенный издатель самъ въ трехъ специальныхъ изслѣдованіяхъ, въ коихъ резюмировалъ выводы, получаемые главнымъ образомъ изъ эпиграфическаго матеріала относительно исторіи и учреждений трехъ важнѣйшихъ центровъ греческой жизни на нашемъ южномъ побережьи: Объ исторіи и государственномъ строѣ города Ольбій 1887 г. Эпиграфическія данныя о государственномъ устройствѣ Херсонса Таврическаго въ Журн. Мин. Просв. 1884 г. іюнь (переведено самимъ авторомъ на французскій языкъ и издано въ Bull. d. Cong. Hell. IX, p. 265) и наконецъ краткое, но блестящее изслѣдованіе объ исторіи и учрежденіяхъ Боспоранскаго царства, предположенное въ видѣ введенія ко второму тому Сборника (стр. VIII—LVI: здѣсь авторъ воспользовался съ большимъ умѣньемъ и данными нумизматическими).

Указавъ такимъ образомъ общій характеръ и важное значеніе разсматриваемаго изданія, мы затѣмъ остановимся еще на нѣкоторыхъ частностяхъ. Самый текстъ надписей, конечно, изданъ согласно всѣмъ требованіямъ современной эпиграфической критики: сначала напечатанъ въ типахъ, по возможности передающихъ форму подлинника (съ указаніемъ въ особенно интересныхъ случаяхъ и вида самаго камня, напр. II, n° 219, 232, или по крайней мѣрѣ факсимиле надписи, напр. II, n° 97, 140, 159, 469, 470), при чемъ должно замѣтить, что въ разнообразіи и вѣрности типографскихъ знаковъ нашъ Сборникъ даже превосходитъ, кажется, корпусы Берлинской Академіи; далѣе слѣдуетъ транскрипція въ обыкновенный греческій алфавитъ съ дополненіями автора, ясно обозначенными какъ таковыя. Относительно послѣднихъ должно замѣтить, что авторъ, обладая большою опытностью и тонкимъ критическимъ талантомъ (тѣмъ, что нѣмцы называютъ *divinatorische Kritik*), даетъ много остроумныхъ дополненій, съ коими невольно всякій согласится, но иногда эта его способность и желаніе представить связанный отрывокъ увлекаетъ его слишкомъ далеко и ведетъ къ неправдоподобнымъ конъектурамъ, которыя ученаго эпигра-

онка, конечно, не обмануть, но могут ввести въ заблужденіе новичка, привыкшаго вѣрять печатному слову; изъ нѣсколькихъ намѣченныхъ мною увлеченій подобнаго рода, которыя было бы неудобно здѣсь перечислять, я укажу лишь одно. Въ II, n° 2 читается ..... *αιδες* ..... *ηδονοις* ..... *υλλιωσι* ..... *αυ και* и издатель изъ этого возстановляетъ (по аналогіи съ n° 1): *Παιρισάδης και παιδες εδοσαν* ..... *Χαλκηδονίοις τῷ δεῖνι και* .... *υλλιωσι και εκγόνοις προξενίαν και etc.*; но помимо того, что остатки черевчуръ незначительны для подобнаго дополненія (см. *προξενίαν* напр. могло быть *πολιτείαν, ἀτέλειαν και ἀσυλίαν* и т. д.), встрѣчаются нѣкоторыя противорѣчія противъ обычной формулировки такихъ документовъ: во-первыхъ, имя народа (*ἔθνηκόν*) стоитъ послѣ, а не передъ именемъ лица; во-вторыхъ, послѣднее обыкновенно сопровождается отчествомъ, наконецъ трудно придумать, чѣмъ бы восполнить пробѣлъ между *εδοσαν* и *Χαλκηδονίοις* — во всякомъ случаѣ чуть ли не послѣ каждаго слова приходится ставить вопросительный знакъ.

Передъ этими двойнымъ текстомъ стоятъ замѣчанія насчетъ времени и мѣста нахожденія камня, мѣста его храненія, прежнихъ изданій и пособій, коими пользовался издатель (собственные, чужіе снимки и т. д.); послѣ текста слѣдуютъ, кромѣ критическихъ примѣчаній и иногда довольно обильныхъ разночтеній, еще и комментаріи автора, если надпись въ таковыхъ нуждается, и представляется для нихъ возможность. И въ томъ и другомъ случаѣ авторъ удаляется отъ образца корпуса аттическихъ надписей и слѣдуетъ больше примѣру Бѣка. Если относительно комментарія, который въ Corp. Inscr. Att. для сбереженія мѣста доведенъ до минимума, весьма цѣлесообразно, что издатель при меньшемъ числѣ надписей не такъ поспушился на объясненія (хотя и не входилъ въ такія подробности какъ Бѣкъ), то я не могу того же сказать относительно разночтеній, гдѣ примѣръ У. Кёлера мнѣ кажется болѣе заслуживающимъ похвалы. Варианты эти могутъ не только сбить неопытнаго читателя, но и знатока ввести въ сомнѣніе, насколько онъ можетъ довѣрять издателю и въ какихъ мѣстахъ долженъ отдать предпочтеніе его предшественникамъ, особенно когда издатель не отмѣчаетъ, гдѣ онъ ручается за свое чтеніе и гдѣ возможна была съ его стороны ошибка: если бы напр. его самого не сбило въ II, n° 3 чтеніе Dubois *ΟΠΑΝ*, то онъ бы не дополнилъ имя отца Левкона въ *Σατύρο(υ)*, а въ *Σατύρω* — дорическая форма, соответствующая *Πατρηκαλαίταυ*. Разночтенія допустимы лишь въ двухъ случаяхъ: во-первыхъ, когда оригиналъ надписи пропалъ; во-вторыхъ, когда известное мѣсто на камнѣ сильно стерто, и можно предположить, что предшественники видѣли его въ лучшемъ состояніи, но въ послѣднемъ

случаѣ издатель и обязанъ это оговорить и указать именно тѣ буквы, которыя пострадали отъ времени. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда надпись и на камнѣ и особенно на оттискѣ читается вполне несомнѣнно, указаніе вариантовъ по вышесказанному должно считаться не только бесполезнымъ, но положительно вреднымъ.

Между тѣмъ какъ остальная часть изданія написана на латинскомъ языкѣ, что дѣлаетъ его доступнымъ для ученыхъ всехъ національностей, къ каждой надписи приложенъ еще переводъ на русскій языкъ. Насчетъ достоинства этого перевода распространяться я не стану: онъ всегда, разумѣется, точенъ и безошибоченъ, но на мой личный вкусъ могъ бы быть иногда свободнѣе и менѣе дословенъ, отъ чего иногда получаются неясныя и неудобныя выраженія: I, n° 3: „повелѣли признавать ихъ достойными чести гражданами“ — понятно вполне только при чтеніи латинскаго текста; я перевожу: „повелѣли удостоить всехъ гражданъ этой привилегіи“. I, n° 16: „вся гаванная часть и прилегающая къ рынку“ — можно думать, что рѣчь идетъ объ одной части; я перевожу: „именно расположенная близъ гавани — вся (на этомъ словѣ лежитъ сильное удареніе) и та, которая прилегаетъ къ рынку, — до того мѣста“ и т. д. Но подобныя погрѣшности всегда легче указать въ чужомъ переводѣ, нежели избѣжать въ своемъ собственномъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ, кажется, проистекаютъ изъ желанія автора сдѣлать пользование надписями доступнымъ и тѣмъ, кто не обладаетъ достаточными познаніями въ греческомъ языкѣ, чтобы изучать оригиналы. Если такова была руководящая мысль при этихъ переводахъ („visum est eis postulatibus esse subveniendum, qui titulorum sermonis minus essent periti“), то, конечно, точность перевода была *suprema lex* для издателя; но именно эту основную идею я не могу не назвать ошибочной: для большой публики эти документы представляютъ слишкомъ мало интереса (и за границей она на нихъ не обращаетъ вниманія), а для людей, занимающихся ими *ex officio*, знаніе греческаго языка должно считаться обязательнымъ — къ сожалѣнію, у насъ въ Россіи еще не вывелись ученые, которые воображаютъ, что могутъ даже писать по исторіи древности, не владѣя классическими языками, но потакать ихъ недобросовѣстному отношенію къ дѣлу я не вижу ни малѣйшаго повода. Вмѣстѣ съ тѣмъ еще съ другой точки зрѣнія эти переводы являются неудобными: прекрасное изданіе южно-русскихъ надписей, исполненное рукой мастера, обильное разнообразными документами, уже по близкому соприкосновенію къ отечественной исторіи, какъ нельзя лучше было бы приспособлено для практическихъ занятій по эпиграфикѣ, но этому

препятствуютъ переводы, которыми воспользовались бы, конечно, слушатели — результатъ подобныхъ занятій былъ бы иллюзорный.

Къ каждому тому приложены богатые Indices, которые раздѣлены на шесть рубрикъ (1. Geographica et topographica. 2. Res publicae. 3. Res sacrae. 4. Nomina. 5. Grammatica et orthographica. 7. Notabilia varia), которыя въ свою очередь распадаются на различныя подраздѣленія. О пользѣ, необходимости даже указателей въ подобнаго рода трудѣ нечего и говорить — она слишкомъ очевидна, такъ какъ безъ нихъ всякая работа по Сборнику была бы сопряжена съ громадной тратой времени. Вообще можно сказать о данныхъ указателяхъ, что они составлены и распределены въ высшей степени цѣлесообразно. Въ частностяхъ же относительно ихъ полноты высказаться крайне затруднительно, такъ какъ только постоянное пользование ими можетъ открыть пропуски, ошибки и недосмотры: въ отдѣлѣ Res publicae, специально меня интересовавшемъ, не удалось усмотрѣть ни одного существеннаго пробѣла — должно думать, что и остальные дали бы подобный же результатъ, свидѣтельствующій о неутомимой аккуратности издателя въ этой чрезвычайно скучной работѣ.

Седьмую рубрику въ обоихъ томахъ составляетъ index locorum, ubi lapides servantur, въ коемъ грустное впечатлѣніе производятъ многочисленныя нумера подъ заголовкомъ: regunt! Какъ мало умѣютъ у насъ цѣнить эти драгоценныя остатки старины, доказываетъ печальное повѣствованіе издателя о томъ, какъ цѣлый рядъ надписей, отправленныхъ въ Москву на Политехническую выставку 1872 г. и оставленныхъ тамъ для помѣщенія въ строившійся Историческій музей, пропалъ безъ вѣсти!

Ко второму тому приложены еще два общіе обѣимъ частямъ указателя: 8. Index librorum, in quibus tituli in hanc syllogen recepti editi aut explicati sunt; 9. Numeri titulorum huius syllogae cum prioribus editionibus comparantur. Последний указатель весьма важенъ въ тѣхъ случаяхъ, когда надпись, цитируемую гдѣ-либо по старому изданію, желательно отыскать въ новомъ Сборникѣ: въ этомъ отношеніи послѣдній опередилъ изданіе аттическихъ надписей, хотя въ послѣднемъ по гораздо большому числу цитать, съ коими приходится имѣть дѣло въ ученой литературѣ, подобный указатель составляетъ настоятельную потребность, и его отсутствіе даетъ себя чувствовать въ часовыхъ проволочкахъ.

Ко второму же тому приложены и двѣ тщательно исполненныя карты: Боспоранскаго царства и Сѣвернаго побережья Понта Эвксинскаго. Ихъ авторомъ, такъ какъ онъ не обозна-

чень, долженъ считаться самъ издатель. Замѣчу еще мимоходомъ, что Сборникъ по формату своему несравненно удобнѣе фоліантовъ берлинскихъ корпусовъ, по элегантной внѣшности мало въ чемъ имъ уступаетъ (бумага нѣсколько тонка и затрудняетъ быстрое перелистованіе, при коемъ она легко рвется), а по дешевизнѣ значительно ихъ превосходитъ.

Такимъ образомъ изданіе южно-русскихъ надписей, несмотря на нѣкоторыя частныя уклоненія отъ своихъ берлинскихъ прототиповъ, по научному достоинству и значенію имъ нѣсколько не уступаетъ и составляетъ блестящій памятникъ классической филологіи въ Россіи, что признала и Берлинская Академія Наукъ, избравъ В. В. Латышева своимъ членомъ-корреспондентомъ — честь, рѣдко достающаяся въ удѣлъ иностраннымъ ученымъ: изъ нашихъ филологовъ ею пользовался до сихъ поръ (уже 30 лѣтъ) лишь академикъ А. Наукъ.

В. Шефферъ.

Erwin Rohde. Psyche. Seelencult und Unsterblichkeitsglaube der Griechen. Erste Hälfte. Freiburg i. B. 1890 (294 стр.).

Эрвинъ Роде извѣстенъ и у насъ какъ авторъ классическаго изслѣдованія о греческомъ романѣ, которое можно смѣло назвать лучшимъ сочиненіемъ въ области классической филологіи въ тѣсномъ смыслѣ за послѣднюю четверть вѣка. Со времени появленія этой книги, т.-е. съ 1876 г., ея авторъ, въ противоположность къ неистощимой плодовитости своего антагониста Виламовица, ограничивался крайне немногочисленными, хотя и очень интересными статьями и статейками въ *Rheinisches Museum*; видно было, что онъ бережетъ свои силы для новаго капитальнаго сочиненія въ стилѣ перваго. Наконецъ его первая половина появилась въ прошломъ году. Она была для филологовъ вдвойнѣ пріятной новинкой; громкое имя ея автора заставило бы насъ отнестись съ интересомъ ко всякому произведенію его пера, каково бы ни было его содержаніе; въ настоящемъ же случаѣ предметъ изслѣдованія можетъ быть названъ интереснѣйшимъ изъ интересныхъ — мнѣнія о душѣ и ея безсмертіи не греческихъ философовъ: они намъ достаточно извѣстны — а самого греческаго народа въ различные періоды его существованія. Разумѣется, и объ этомъ предметѣ писали раньше — назову гениально-одностороннее сочиненіе Фюстель-де-Жуланша (*La cité antique*) и просто одностороннее сочиненіе Липперта (*Die Religionen der europ. Culturvölker*), пропуская антрополо-

говъ; но для успѣшнаго рѣшенія столь темнаго и труднаго вопроса требовалось соединеніе обширныхъ и глубокихъ познаній въ области греческой филологіи съ таковыми же познаніями въ области антропологіи. Требовалось, откровенно говоря, и еще одно качество, но о немъ рѣчь будетъ впереди.

При чтеніи новаго сочиненія Эрвина Роде невольно напрашивается сравненіе его съ вышеупомянутой книгой о греческомъ романѣ. Съ одной стороны поразительное сходство; и тутъ и тамъ мы находимъ ту же могучую силу синтеза, въ которой Роде не имѣетъ равнаго себѣ внутри предѣловъ классической филологіи, и тутъ и тамъ насъ плѣняетъ зрѣлище трудной и упорной, но притомъ спокойной и величавой борьбы съ матеріей труженника духа, вносящаго свѣтъ въ хаосъ и воздвигающаго стройное зданіе изъ разрозненныхъ и загадочныхъ обломковъ. Съ другой стороны столь же поразительный контрастъ. Тамъ — тщательная и любовная отдѣлка деталей; онѣ составляютъ большею частью самую ткань, такъ сказать, изложенія, онѣ же сопровождаютъ его въ видѣ безчисленнаго множества болѣе или менѣе мелкихъ, но всегда интересныхъ и поучительныхъ экскурсовъ. Здѣсь — широкое и размахистое письмо; нашъ интересъ сосредоточивается на немногихъ, сравнительно, ярко освѣщенныхъ пунктахъ, детали только изрѣдка находятъ себѣ убѣжище въ экскурсахъ, далеко не столь многочисленныхъ и разнообразныхъ, какъ въ „Греческомъ романѣ“. Тамъ сравнительно малоинтересная тема — многіе ли занимаются въ настоящее время Лономъ и Ксенофантомъ Эеескимъ? — приобретаетъ важность и блескъ благодаря изложенію автора, охватывая чуть ли не всѣ произведенія греческой литературы; читатель выноситъ изъ чтенія книги парадоксальное на первый взглядъ убѣжденіе, что можно быть филологомъ, не прочитавъ ни одного представителя греческаго романа, но нельзя быть филологомъ, не прочитавъ книги Роде о немъ. Здѣсь, наоборотъ, громкая тема „о душѣ и ея безсмертіи“ суживается до неузнаваемости подъ перомъ автора, всячески старающагося устранить мнѣніе, будто эти великія въ жизни новѣйшихъ народовъ слова были таковыми же и въ древности; въ спорѣ объ этомъ предметѣ между филологами и антропологами Роде рѣшительно становится на сторону послѣднихъ. Весьма вѣроятно, поэтому, что многіе разстанутся съ его книгой не безъ нѣкотораго разочарованія.

Это, вѣроятно, еще и потому, что блистательное начало изслѣдованія возбуждаетъ чрезмерныя ожиданія относительно его дальнѣйшаго хода. Гомеровская религія, доказываетъ авторъ, не допускаетъ общенія души умершаго съ живыми послѣ того, какъ трупъ покойнаго преданъ пламени; съ этого мгновенія

онъ влачить бессознательное и безцѣльное существованіе въ царствѣ Аида, будучи навѣки изгнанъ изъ міра живыхъ. Если же въ гомеровской поэзіи встрѣчается упоминовеніе обрядовъ, указывающихъ на возможность такого общенія, то въ нихъ слѣдуетъ признать „рудименты“ болѣе стариннаго вѣрованія, еогласно которому душа погребеннаго (а не сожженнаго) покойника обитаетъ въ его могилѣ и поддерживаетъ различно обусловленныя сношенія съ живыми. Это вѣрованіе продолжаетъ существовать въ европейской Греціи и послѣ Гомера. Такимъ образомъ гомеровская культура стоитъ въ этомъ отношеніи особнякомъ; представленія аеиннаго классическаго періода о душахъ, какъ это ни странно, стариннѣе, чѣмъ представленія іонійцевъ гомеровской эпохи, образовавшіяся подъ влияніемъ, съ одной стороны, перехода отъ погребенія труповъ къ сожженію ихъ, съ другой стороны выселенія іонійцевъ изъ старинной родины, въ которой остались, пользуясь прежнимъ почетомъ, гробницы ихъ предковъ. Этотъ взглядъ на гомеровскую культуру въ высшей степени интересенъ и плодотворенъ; такой же регрессъ позднѣйшаго мировоззрѣнія въ сравненіи съ гомеровскимъ можно усмотрѣть и въ другихъ областяхъ общественной жизни грековъ (достаточно будетъ указать на понятія объ *ἀλάστορ'ῶν*, подъ гнетомъ котораго находились еще современники Эсхила); мнѣ думается, что открытіе Роде можетъ послужить точкой отправления для новой и болѣе правильной теоріи развитія древне-эллинской морали.

Во второмъ отдѣлѣ Роде обсуждаетъ вторую возможность прекращенія земной жизни человѣка, о которой Гомеръ упоминаетъ изрѣдка, именно исчезновеніе человѣка, по волѣ боговъ, изъ среды живыхъ и его переселеніе въ другой, лучший міръ (*Entrückung*); сюда относится поэтическое представленіе объ елисейскихъ поляхъ. Здѣсь впервые сказывается непріязненное отношеніе автора къ его темѣ. Онъ беспощадно разрушаетъ наши предразсудки относительно этихъ елисейскихъ полей. Прежде всего эти „поля пришествія“ — созданіе не религиознаго, а чисто поэтическаго инстинкта. Во-вторыхъ, блаженная жизнь въ этомъ уголкѣ міра не представлялась пѣвцу (или интерполятору) IV пѣсни Одиссеи наградою за благочестивую жизнь; *pauci, dis geniti, potuere*. Это, однако, не упрекъ; *es ist zweifelhaft, говорятъ авторъ, ob dem Dichter der Ilias solche Zukunft seiner Helden würdig... erschienen wäre* (стр. 78).— Вторую главу этого отдѣла составляетъ прекрасное объясненіе гесіодовской притчи о пяти поколѣніяхъ: такъ какъ эта притча, въ редакціи Овидія, читается въ гимназіяхъ, то особый интересъ этой главы (стр. 84—103) очевиденъ. Ея результаты отличаются какъ новизной, такъ и убѣдительностью; всѣ сенти-

ментально безодержательныя объясненія знаменитой притчи отнынѣ неумѣстны. вмѣстѣ съ тѣмъ эта глава является и очень удачнымъ дополненіемъ къ первому отдѣлу; тамъ авторъ указывалъ на „рудименты“ старинныхъ вѣрованій въ гомеровской поэзіи, здѣсь онъ на одномъ примѣрѣ доказываетъ вліяніе гомеровской поэзіи на эти старинныя вѣрованія въ европейской Греціи.

До сихъ поръ гомеровскій эпосъ служилъ намъ путеводителемъ; въ слѣдующихъ отдѣлахъ мы расстаемся съ нимъ и переходимъ къ вѣрованіямъ исторической Греціи. Изъ нихъ первые три посвящены культу выбывшихъ изъ живого міра; мы должны употребить это неопредѣленное выраженіе, такъ какъ между ними есть интересный классъ духовъ пещеръ, которые нѣкогда были людьми, но затѣмъ, по волѣ боговъ, были поглощены землею, не испытавъ смерти. Къ этимъ „Nöhlengötter“ Роде причисляетъ, кромѣ второстепенныхъ божествъ, Амеіара, Трофонія и Асклепія; по его мнѣнію, это были первоначально мѣстныя божества, низведенныя на степень смертныхъ людей вліяніемъ гомеровскаго эпоса, который не допускалъ существованія чисто мѣстныхъ боговъ. Переходя затѣмъ къ культу умершихъ, Роде дѣлитъ ихъ на двѣ категоріи — „героевъ“ (въ сакральномъ смыслѣ) и обыкновенныхъ смертныхъ. Въ культѣ и тѣхъ и другихъ Роде усматриваетъ продолженіе культа догомеровскаго періода. Вліяніе гомеровскаго эпоса нанесло ему, какъ доказываетъ Гесіодъ, серьезный ущербъ; чѣмъ же объяснить его расширеніе въ классическомъ періодѣ греческой исторіи? Обаяніе гомеровской поэзіи было подорвано воздѣйствіемъ оракула въ Дельфахъ; эта прекрасная мысль, развитая авторомъ въ особенности на стр. 250, находитъ себѣ подтвержденіе и въ другихъ областяхъ религіозной жизни грековъ; назовемъ, ради примѣра, того же *ἀλαστόρα*. Вообще было бы очень желательно, чтобы такой знатокъ древнегреческой жизни, какъ Роде, изложилъ въ возможно широкой рамкѣ вліяніе дельфійскаго оракула на греческую культуру; можно съ увѣренностью предположить, что такое изслѣдованіе сильно измѣнило бы наши взгляды на греческую исторію, въ особенности въ древнѣйшемъ ея періодѣ, и сдѣлало бы окончательно невозможными такія нелѣпыя статьи, какъ недавняя белоховская о переселеніи дорійцевъ. Вообще изъ обихъ отдѣловъ о культѣ умершихъ („die Heroen“ и „der Seelencult“) я отдаю предпочтеніе первому; здѣсь задача автора была труднѣе, предшественниковъ, можно сказать, не было вовсе (Денекенъ, авторъ дѣльной статьи „Heros“ въ словарѣ Рошера, предшественникомъ Роде не былъ). Конечно, и второй отдѣлъ имѣетъ свои достоинства; но изъ трехъ главъ, на которыя

онъ распадается, средняя („Pfleger und Verehrung der Todten“) радикально новыхъ мыслей не содержитъ, а для первой („Cultus der chthonischen Götter“) и третьей („Elemente des Seelencultes in Blutrache und Mordsühne“) Роде имѣлъ очень почтенныхъ предшественниковъ — Н. D. Müller'a (Mythologie der griechischen Stämme) и К. O. Müller'a (изданіе „Евменидъ“ Эсхила). Правда, что Роде отвергаетъ объясненіе хтоническихъ божествъ, которое даетъ Н. D. Müller, считая очевидно лишнимъ опровергнуть ихъ, но доводы этого послѣдняго не изъ такихъ, чтобы разлетѣться въ ничто отъ одного противопоставленія другой теоріи.

Послѣдніе два отдѣла посвящены представленіямъ о загробной жизни въ классическій періодъ греческой исторіи; онѣ озаглавлены „Die Mysterien von Eleusis“ и „Vorstellungen vom Leben im Jenseits“. Послѣдняя тема, однако, далеко не исчерпана, такъ какъ соответствующій отдѣлъ обнимаетъ только представленія позднѣйшаго эпоса, комедіи V-го вѣка и Полигнота. Остальное дастъ намъ, повидимому, „вторая половина“. Что будетъ ея содержаніемъ? Въ одномъ примѣчаніи авторъ общаешь намъ изложеніе тайнаго ученія секты оркуиковъ; это будетъ очень интересно и послѣ Лобека, хотя бы въ виду того, что автору поневолѣ придется имѣть дѣло со своимъ замѣчательнымъ противникомъ Виламовицемъ, котораго онъ до сихъ поръ упорно замалчивалъ (тотъ же методъ, впрочемъ, соблюдается и съ противной стороны). А затѣмъ греческая эсхатологія все болѣе и болѣе поддается вліянію ученія философовъ, сначала Платона, затѣмъ Эпикура, наконецъ новопифагорейцевъ и новоплатониковъ; автору трудно будетъ обойти молчаніемъ эти столь важныя направленія греческой мысли. Какъ видно, интересъ книги Роде далеко не исчерпывается ея первой половиной; *μάντις εἰμ' ἐσθλῶν αἰώνων*. Но пока вернемся къ тому, что у насъ подъ рукою, т.-е. къ послѣднимъ двумъ отдѣламъ первой половины.

„Элевсинскія мистеріи“... мы врядъ ли ошибемся утверждая, что всякій, кто приступилъ къ чтенію книги Роде ради ея темы, отнесется съ особымъ интересомъ къ этому отдѣлу. Правда, въ немъ всего 20 страницъ (256—276); но именно эта краткость, не позволявшая автору пускаться въ изслѣдованіе мелочей, заставляетъ насъ ожидать изложенія главныхъ пунктовъ интересующаго насъ вопроса въ томъ видѣ, въ которомъ онъ отражается въ умѣ одного изъ лучшихъ представителей новѣйшей науки. Одинъ изъ такихъ пунктовъ — это самый фактъ тщательнаго сохраненія посвященными элевсинской тайны; какъ его объяснить? „Очень просто, auszuplaudern gab es nichts; въ элевсинскомъ ученіи не было ничего таинственнаго;

таинственными были только внѣшніе обряды". Но вѣдь эти обряды должны же были имѣть символическое значеніе, благодаря которому посвященные проникались вѣрой въ ожидающее ихъ въ загробной жизни блаженство? „О символикѣ въ смыслѣ Крейцера пора бы перестать говорить; вѣру въ загробную жизнь посвященные приносили съ собой, а обѣщаніе блаженства могло заключаться въ словѣ гіерофанта къ посвященнымъ". Но какъ же, при этомъ чисто внѣшнемъ характерѣ церемоній, объяснять себѣ ихъ глубокое вліяніе на греческую мораль? „Никакого нравственнаго вліянія элевсинскія мистеріи не имѣли, да и не могли имѣть, такъ какъ блаженство было обѣщано всѣмъ посвященнымъ, а посвящались, если исключить убійць, всѣ желающіе". Это объясненіе, конечно, очень просто, хотя и не ново; это, въ сущности, тѣ же добековскія fallaciae roratum, будто бы водившихъ за носъ лучшихъ представителей des gedankenreichsten Volkes der Welt. Но оно слишкомъ просто, и поэтому вѣрится съ трудомъ. Трудно вѣрить, чтобы Деметра, „вскормившая умъ Эсхила" и давшая міру перваго проповѣдника гуманности и любви къ врагу, не имѣла таки ровно никакого вліянія на нравственность своихъ adeptовъ; трудно вѣрить, чтобы насмѣшка Діогена: „воръ Пактеіонъ, будучи посвященъ, будетъ имѣть лучшую участь послѣ смерти, чѣмъ Эпаминондъ" была дѣйствительнымъ смысломъ элевсинскаго обѣщанія, а не пародіей на него; тѣмъ болѣе трудно, что мы имѣемъ положительныя свидѣтельства — Андокида объ обѣщаніи карать преступниковъ и спасать невинныхъ, даваемомъ посвященными, и Аристофана о томъ, что блаженство въ загробной жизни обусловливалось не только посвященіемъ, но и благочестивой жизнью, сказывающейся прежде всего въ любви къ ближнему. Отъ перваго свидѣтельства Роде попытался отдѣлаться (стр. 275, 3 wie das gemeint ist, bleibt unklar), второе онъ только вскользь упоминаетъ, не желая, очевидно, признать его важность. Та же неприязнь ко всякой эсхатологіи характеризуетъ и послѣдній отдѣлъ („Представленія о загробной жизни"), въ которомъ Роде старается выставить греческій народъ вполне невиннымъ въ тѣхъ эсхатологическихъ представленіяхъ, которыя мы встрѣчаемъ въ его поэзіи. Кербера выдумалъ Гомеръ, Харона авторъ Миніады, и т. д. Постараемся спасти, по крайней мѣрѣ, Харона; этимологическое совпаденіе именъ *Χάρων* и *Χαίρις* получаетъ особую важность, если сообразить, 1) что первый впервые упоминается въ Миніадѣ, а вторая была племенной богиней имено миніевъ, 2) что Харита была дочерью Евриномы и Зевса, а Евриномой въ картинѣ Полигнота является геніемъ тлѣнія. Очевидно *Εὐρυνόμη* = *Γῆ* (ср. *χθών* *εὐρύγυια*, *εὐρεία*), *Εὐρύνομος* = *Ζεὺς* *χθόνιος*,

ихъ дѣти — Харонъ и Харита въ мнѳологіи миніевъ. — Важнѣе утверженіе Роде, что греки не признавали до Платона суда надъ душой. Если понимать его такъ, какъ очевидно требуетъ Роде, т.-е. что, по мнѳніямъ древнихъ грековъ, участь хорошихъ и дурныхъ была послѣ смерти одинакова, то съ нимъ трудно будетъ согласиться. Во имя чего, въ самомъ дѣлѣ, умираетъ первая мученица — Антигона? *Πλείων δρόμος*, говоритъ она (стр. 74) въ оправданіе своего вѣступка, *ὄν δὲ μ' ἀρέσκειν τοῖς κατὰ τῶν ἐνθάδε*; понятны ли эти слова, если ее послѣ смерти ждетъ такая же участь, какъ и Исмену, и самого Креонта? Конечно, авторъ правъ, полагая, что кара трехъ гомеровскихъ грѣшниковъ, а равно и Данаидъ (послѣднюю онъ, кстати замѣчу, прекрасно объясняетъ на стр. 292) не имѣла прототипическаго значенія; но отсюда до полной *tabula rasa* еще далеко. Люди при жизни подвержены постоянному надзору и строгому, хотя и не скорому, суду небесныхъ боговъ, по смерти же дѣлаются подданными подземныхъ божествъ, которые знаютъ мѣлаго и немѣлаго изъ нихъ — какъ это доказываетъ знаменитое мѣсто Платонова Критона (гл. 16), въ которомъ выражено вовсе не философское, а популярное ученіе. Чѣмъ же объяснить этотъ выборъ, если не дѣйствіями человѣка въ теченіе земной жизни? *μινοντι δὲ καὶ λάθος ἀνθεῖ*, сказалъ бы Эсхиль и тутъ.

Конецъ книги Роде звучитъ диссонансомъ; при всѣхъ блестящихъ качествахъ автора ему недостаетъ одного — способности вдумываться въ *ahnungsvolle Verschwommenheit*, какъ онъ на смѣшливо выражается, народныхъ вѣрованій. Онъ обладалъ этой способностью еще въ то время, когда выступалъ защитникомъ своего друга „Діонисова пѣвца“ Фридриха Ниче, автора чарующей книги о „рожденіи трагедіи духомъ музыки“. Теперь уже не тѣ времена; Ниче давно пересталъ быть Діонисовымъ пѣвцомъ, а глаза Роде, привыкшіе къ блеску „аполлоновскаго“ міросозерцанія, ничего не различаютъ въ таинственномъ полумракѣ Діониса и Деметры. Объ этомъ можно сожалѣть; но лучше обождать „вторую половину“.

Θ. Зѣлинскій.

Imhoof-Blumer. Griechische Münzen. München 1890. (Aus den Abhandl. der K. bayer. Akad. der Wiss. XVIII. Bd. — 270 S. mit 378 Abbildungen auf 14 Lichtdrucktafeln).

Большая часть нумизматических сочинений для неспециалиста не представляет никакого интереса, и всевозможные „описанія“ и „каталоги“ монет представляют изъ себя не что иное, какъ археологическій сырой матеріалъ, понятный для специалиста и получающій лишь тогда общій интересъ, когда онъ предстанетъ въ обработанномъ видѣ изъ рукъ опытнаго нумизмата. Но, къ сожалѣнію, такихъ нумизматовъ, занимающихся нумизматикою, какъ одною изъ вспомогательныхъ наукъ исторіи, очень немного, и если я назову имена Моммсена, Саллета, Геда (Head), Гарднера, Ваддингтона, Рейнака (Reinach), Имгофъ-Блумера, то этимъ, пожалуй, и ограничится весь списокъ ученыхъ нумизматовъ, нынѣ живущихъ. Особенною неумомимостью и многочисленными трудами отличается швейцарскій нумизматъ (изъ Винтертура) Имгофъ-Блумеръ. Обладая самъ одною изъ лучшихъ въ Европѣ частныхъ коллекцій монетъ древняго міра, онъ, сверхъ того, имѣетъ богатое собраніе слѣпковъ съ монетъ европейскихъ музеевъ, что даетъ ему возможность имѣть обширный матеріалъ для изслѣдованій.

Если я перечту рядъ названій нѣкоторыхъ изданныхъ имъ въ теченіе 80-хъ годовъ сочиненій: монеты царей Пергамской династіи, портретныя изображенія на монетахъ эллинскихъ народовъ (изданіе для школь), нумизматическій комментарий къ Павсанію, изображенія животныхъ и растений на древнихъ монетахъ и геммахъ — то самыя названія говорятъ, что изслѣдованія Имгофа клонятся къ изученію монетъ, какъ вспомогательнаго матеріала къ исторіи и къ исторіи искусства.

Послѣдній его трудъ „Griechische Münzen“ есть дополненіе къ изданному въ 1883 г. Амстердамскою Академіею Наукъ обширному сочиненію „Monnaies grecques“. „Griechische Münzen“ заключаютъ въ себѣ много новыхъ, неизданныхъ монетъ, принадлежащихъ, главнымъ образомъ, Малой Азіи (европейскихъ монетъ 96, мало-азіатскихъ 817), но я не буду останавливаться на нихъ, а познакомлю вкратцѣ съ главнѣйшими результатами его изслѣдованій.

Имгофъ обратилъ особенное вниманіе на монеты Малой Азіи и преимущественно Понта, носящія цифры разныхъ эръ (лѣтосчисленій). Какъ извѣстно, въ древности огромное количество городовъ имѣли собственное лѣтосчисленіе (болѣе 60 различныхъ эръ извѣстны въ нумизматикѣ, но иногда одну и ту же эру, напр. Селевкидскую, употребляли 20 городовъ, Помпейскую

11 городовъ и т. д.), начинавшееся съ какого-нибудь важнаго для нихъ событія, но далеко не всѣ эры можно считать вѣрно опредѣленными. Имгофъ, съ помощью монетъ, точно утвердилъ начало лѣтосчисленія семи понтійскихъ городовъ:

Амасія	2 г. до Р. Х.,	считавшееся прежде съ 7 г. до Р. Х.		
Севастополя	2 "	"		
Амиса	31 "	"	"	33 "
Команы	35 "	по Р. Х.	"	40 "
Керасунта	64 "	"	"	63 "
Неокесарія	} 63 г. по Р. Х.			
Трапезунта				
Зелы (Zela)				

Главнымъ источникомъ опредѣленія эръ Имгофъ беретъ монеты упомянутыхъ городовъ, чеканенныя въ римскую эпоху; монеты этого времени, носящія изображенія императоровъ и одновременно года собственныхъ эръ, особенно удобны для опредѣленія, такъ какъ начало и конецъ правленія всѣхъ римскихъ императоровъ точно извѣстны. Особый интересъ представляетъ опредѣленіе эры Амиса: 31 годъ совпадаетъ съ годомъ Актійскаго сраженія, послѣ котораго были изгнаны, по словамъ Страбона, тиранны изъ Амиса; слѣдовательно эра Амиса есть эра Актійская. Я позволю себѣ въ дополненіе къ изслѣдованію Имгофа объ эрахъ упомянуть о пропущенной имъ эрѣ Пиеодориды, вдовы Полемона I, царя Понта. Монеты Пиеодориды носятъ цифры какого-то лѣтосчисленія, считаемаго нумизматами за эру Зелы (Zela, мѣсто пораженія Фарнака Юліемъ Цезаремъ въ 47 г. до Р. Х.), но позднѣйшія находки монетъ Пиеодориды съ новыми годами позволяютъ, безъ сомнѣнія, считать эру этой царицы Актійскою, т.-е. съ 31 г.

Интересенъ затронутый Имгофомъ вопросъ о правахъ изображенія царскаго портрета на городской монетѣ. Извѣстно, что портреты помѣщались только на монетахъ, носящихъ имя царя или вообще династа, монеты же городскія имѣли исключительно изображенія боговъ или мѣстныхъ героевъ, но догадка Имгофа, видящаго на нѣкоторыхъ монетахъ Амиса портретъ знаменитаго Митридата Эвпатора ребенкомъ, съ чѣмъ можно согласиться, заставляетъ взглянуть иначе на этотъ вопросъ и, можетъ быть, въ недалекомъ будущемъ мнимые Діонисы, Аресы (какъ ихъ объясняютъ при описаніи монетъ) получить настоящія свои имена.

Многіе изъ городовъ, упомянутыхъ древними географами, не оставили послѣ себя не только монетъ, но даже и эпитафическихкихъ памятниковъ; Имгофу удалось найти слѣдующія, интересныя для древней географіи, монеты:

Гимиліона (Himilion), вѣрности въ Пеллагоніи, упомянутой Страбономъ. Керы (Kerai) въ Писидіи — этотъ городъ, кажется, нигдѣ не упомянуть и только на одной монетѣ города Кремны съ надписью *KPMNEΩN KAI KEPAEITΩN* встрѣчается это имя. Имгофъ, по аналогіи съ другими двухъ-именными монетами, вывелъ заключеніе о существованіи города Керъ и подтвердилъ монетою съ надписью *KE*, относимою прежде къ острову Кеосу, Кераму и др., и наконецъ Термесса-Ойноанда, поселка писидійскаго Термесса; этотъ городъ извѣстенъ изъ надписей, изд. Ваддингтономъ (*Voyage*, III, № 1232) и въ *Bull. de cog. hell.* X, 216—235.

Для изобразительной мнѣологии трудъ Имгофа далъ богатый матеріалъ, особенно для иконографіи азіатскихъ божествъ; упомяну о монетѣ временъ Каракаллы сирійскаго города Аскалона съ изображеніемъ азіатизированнаго египетскаго божества въ родѣ Озириса, съ бичемъ въ рукахъ, стоящаго на трехъ львахъ; затѣмъ одна изъ изданныхъ имъ монетъ Герополя (въ Сиріи) имѣетъ интересное изображеніе храма съ помѣщенными внутри знаменами римскихъ легионовъ и съ сидящими по бокамъ храма двумя сирійскими божествами Вааломъ Кеваномъ и Атергатитою; каждое божество имѣетъ по сторонамъ по быку. — Въ заключеніе моей замѣтки долженъ упомянуть о безукоризненной внѣшности изданія, какой не достигало ни одно изъ русскихъ изданій: буквы надписей на монетахъ вырѣзаны соотвѣтственно характеру буквъ той эпохи, къ которой монета относится; монограммы и разнообразные знаки, встрѣчающіеся на монетахъ, помѣщены въ текстъ, а не на отдѣльной таблицѣ, и наконецъ фототипическія таблицы монетъ сдѣланы такъ хорошо, что вполне замѣняютъ оригиналы.

А. Орѣшниковъ.

Описаніе древне-греческихъ монетъ, принадлежащихъ Импер. Московскому Университету. Москва, 1891 г. Изданіе Кабинета изящныхъ искусствъ при Импер. Московск. Унив. 352 стр.

Это описаніе, сдѣланное умѣлою рукой А. В. Орѣшникова, представляетъ большой, изящно изданный томъ, къ которому приложены три фототипическихъ таблицы наиболѣе выдающихся экземпляровъ монетъ изъ коллекціи Московскаго Университета. Коллекція эта, основанная еще въ 1770 г., скоро, благодаря щедрымъ пожертвованіямъ частныхъ лицъ и покупкамъ самого Университета, значительно возрасла: послѣ богатаго

вклада, сдѣланнаго въ 1803 г. П. Г. Демидовымъ, московскій мундъ-кабинетъ могъ уже служить отличнымъ мѣстомъ для занятій нумизматикой; весьма значительная уже въ началѣ этого столѣтiя, коллекція Кабинета въ концѣ 70-хъ годовъ достигла совсѣмъ почтенной цифры — 19,482 экземпляровъ. Но долгое время всѣ монеты находились въ безпорядкѣ и были совершенно недоступны какъ для публики, такъ и для студентовъ. Теперь книга г. Орѣшникова дѣлаетъ эту коллекцію доступной для изученiя, за что нельзя не поблагодарить составителя описанiя, взявшаго на себя не малый и притомъ кропотливый трудъ, на который потрачено имъ нѣсколько лѣтъ. Работа исполнена необыкновенно тщательно, съ указанiемъ при каждомъ номерѣ его литературы. Приложенные указатели — географическихъ именъ и именъ царей, — равно какъ собранiе монограммъ и три таблицы наиболѣе выдающихся монетъ, несомнѣнно, весьма полезны: жаль, что нѣтъ index rerum, иногда необходимаго и для не-нумизматовъ. Въ заключенiе этой замѣтки пожелаемъ превосходной книгѣ г. Орѣшникова успѣха, чтобы она послужила средствомъ къ ознакомленiю русскаго ученаго мiра съ національною нашею коллекциею въ Москвѣ.

B. A.

Handbuch der klassischen Altertumswissenschaft, herausg. von Iwan Müller. II. Band: Griech. und Lat. Sprachwissenschaft. Zweite neubearbeitete Auflage. Nördlingen 1890 (A. Griechische Grammatik von K. Brugmann, B. Lateinische Grammatik von Fr. Stolz und I. G. Schmalz, C. Lexicographie, D. Rhetorik, E. Metrik, Anhang: Musik).

Переходимъ къ фонетикѣ и морфологiи латинскаго языка, обработанныхъ Штольцемъ.

Для того, чтобы оцѣнить по достоинству трудъ Штольца, мы должны принять прежде всего въ соображенiе нѣкоторыя обстоятельства, зависящiя съ одной стороны отъ автора, а съ другой стороны отъ самого предмета. Что касается обстоятельствъ перваго рода, то, помимо общаго неудобства для этого труда, долженствующаго выдержать параллель съ трудомъ Бругмана, Штольцъ затруднилъ свое положенiе еще и тѣмъ, что рѣшился приспособиться какъ можно ближе къ изложенiю и плану, принятымъ Бругманомъ для греческой грамматики. И если планъ сочиненiя Бругмана оказался не совсѣмъ удобнымъ даже для него же самого, то не вышелъ онъ лучше и изъ-подъ пера Штольца, вслѣдствiе чего и сочиненiе послѣдняго изобилуетъ разными методическими недостатками, общими и частными. Подобно Бругману, и Штольцъ не знаетъ напр., гдѣ и какъ приурочить слитные глаголы (= 1, 2 и 4

спряженіи); объ этомъ столь крупномъ и любопытномъ морфологическомъ вопросѣ не только не получается изъ его книги никакого цѣльнаго представленія, но даже и въ частностяхъ, разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ, преимущественно въ фонетикѣ, не дано разъясненій въ достаточной мѣрѣ. Иногда объ одномъ и томъ же предметѣ говорится частью въ одномъ мѣстѣ, частью въ другомъ; такъ напр. на стр. 271 преподается исторія двугласныхъ, хотя о двугласныхъ же была рѣчь уже раньше на стр. 259. Далѣе въ изложеніи предмета Штольца оказывается въ рѣшительной невыгодѣ передъ Бругманомъ, такъ какъ послѣдній, стоя во главѣ современной школы сравнительныхъ языковѣдовъ, не стѣсняется смѣло высказывать свои мысли въ качествѣ признаннаго авторитета, между тѣмъ какъ Штольцу, оказывающемуся болѣе воспроизводительнымъ, чѣмъ производительнымъ талантомъ, остается къ большинствѣ случаевъ просто только реферировать. Но и тутъ, вмѣсто того, чтобы вкратцѣ представить самую суть дѣла, онъ нерѣдко отдѣльвается одними ссылками на литературу даннаго вопроса. Такъ напр., на стр. 276 сформулировано одно объясненіе слѣдующимъ образомъ: „Формы *alis, Cornelis* я объяснялъ прежде такъ-то, теперь же признаю болѣе правильнымъ толкованіе Штрейтберга, изложенное тамъ-то“; въ чемъ, однако, состоитъ это „болѣе правильное“ толкованіе, предоставляется самому читателю справиться въ указанныхъ мѣстахъ, между тѣмъ какъ „менѣе правильное“ толкованіе тутъ же изложено по существу. Но и помимо этого, въ толкованіяхъ Штольца многое иногда недосказано. Такъ напр., трудно уразумѣть безъ поясненія разницу между § 52 и § 53 (индо-европ. *gh* даетъ по § 52 по-латыни *h, g, f*, а по § 53 опять-таки *h, g, f*), не говоря даже о томъ, что и распредѣленіе матеріала между этими двумя параграфами недостаточно тщательно (такъ *unguis* и *pinguis* отнесены къ § 53, между тѣмъ какъ мѣсто ихъ должно быть, по видимому, въ § 52).

Что же касается, наконецъ, самаго предмета, то латинскій языкъ является далеко не столь удобнымъ объектомъ для сравнительныхъ реконструкцій, какъ языкъ греческій, такъ какъ первый ушелъ значительно дальше втораго отъ того состоянія, которое было свойственно общему индо-европейскому языку въ моментъ возникновенія частныхъ индо-европ. языковъ, и которое составляетъ исходную и вѣсть съ тѣмъ заключительную точку всякихъ реконструкцій. Поэтому не легко придать научному изложенію этого предмета общедоступную, т.-е. по возможности элементарную форму, какая требуется назначеніемъ *Handbuch*'а, и многія схематическія объясненія могутъ показаться непосвященному читателю еще болѣе фантастиче-

скими, чѣмъ въ области греческаго языка. Кромѣ того, матеріалъ, представляемый латинскимъ языкомъ, вообще обработанъ и обследованъ далеко менѣе греческаго, чѣмъ и объясняется замѣчаемая иногда шаткость объясненій Штольца (напр. на стр. 258 подкрѣпляется толкованіе *ipse* изъ *er-so заявленіемъ совсѣмъ неосновательнымъ, будто *ipse* „eine andere Erklärung nicht gut zulässt“).

Подобно греч. грамматикѣ Бругмана, трудъ Штольца распадается 1) на введеніе, 2) фонетику и 3) морфологію съ тѣми же подраздѣленіями, въ томъ числѣ и съ *Anhang*’омъ, заключающимъ въ себѣ: а) числительныя, б) степени сравненія и с) именное словосложеніе. Впрочемъ содержаніе введенія Штольца совпадаетъ только отчасти съ введеніемъ Бругмана, уступая при этомъ послѣднему какъ въ качественномъ, такъ и въ количественномъ отношеніи, несмотря на присутствіе самостоятельнаго отдѣла, посвященнаго исторіи латинскаго литературнаго языка. Особенно нужно сожалѣть о недостаточности отдѣла (въ 1½ стр.), трагующаго объ отношеніи лат. языка къ прочимъ индо-европ. языкамъ вообще и къ италійскимъ нарѣчіямъ въ частности, и это тѣмъ болѣе, что издатели *Handbuch*’а совсѣмъ исключили изъ его программы діалектологию, какъ греческую, такъ и италійскую.

Весьма умѣстенъ отдѣлъ, поставленный во главѣ фонетики, касающійся лат. письменъ, лат. орфографіи и орфоэпій*). Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что лат. алфавитъ въ древнѣйшемъ своемъ видѣ былъ не что иное, какъ чисто греческій, а именно того типа, который извѣстенъ подъ именемъ халкидическаго и одною изъ особенностей котораго является употребленіе буквы *X* не въ значеніи русскаго *x*, а въ смыслѣ *ks*. Алфавитъ этотъ былъ въ употребленіи у кампанскихъ грековъ (въ томъ числѣ главнымъ образомъ въ Кумахъ, игравшихъ около времени возникновенія республики въ Римѣ первенствующую роль въ средней Италіи во всѣхъ отношеніяхъ); отъ этихъ грековъ перенята халкидическая азбука италійскими народами. Но тутъ-то происходитъ довольно загадочное явленіе, состоящее въ томъ, что, между тѣмъ какъ прочіе народы средней Италіи (въ томъ числѣ даже кампанскіе оски, ближайшіе сосѣди, а потомъ и соперники Кумъ) приняли свой алфавитъ не прямо отъ грековъ, а черезъ посредство этрусковъ, римляне, напротивъ, несмотря на близкое сосѣдство Этрурціи, позаимствовали свой письменъ у болѣе отдаленныхъ куманцевъ. Обстоятельство это весьма важно для освѣщенія соотвѣт-

*) Послѣднему предмету посвящено вышедшее недавно спеціальное сочиненіе В. И. Петра „Къ вопросу о латинской орфоэпій“. Кіевъ 1891.

ствующаго періода римской исторіи, и на него не лишнее было указать.

Къ замѣчаніямъ объ алфавитѣ присоединены Штольцемъ нѣкоторыя свѣдѣнія о римскихъ цифрахъ; но свѣдѣнія эти слишкомъ отрывочны и неполны. Такъ объяснены въ достаточной мѣрѣ знаки С изъ $\odot$ и М изъ $\oplus$, но не объяснены и даже не упомянуты весьма обычные знаки ∞ и $\text{C}|\text{D}$; объясненіе знака D не договорено и поэтому совсѣмъ непонятно; для знака X, хотя и дано объясненіе, но тутъ же опровергнуто, не будучи замѣнено другимъ; о знакахъ V и пр. совсѣмъ не упомянуто. Дѣло это можно бы вкратцѣ представить въ слѣдующемъ видѣ (отчасти согласно съ Т. Моммзеномъ въ *Neumes* XXII стр. 596 сл. и XXIII, стр. 152 сл.). Наличныя цифры, употреблявшіяся римлянами, состоятъ изъ двухъ наслоеній:

1) Къ древнѣйшему слою, восходящему ко времени до знакомства съ греч. письменами, принадлежатъ цифры I (II, III, IIII), V и X, при чемъ, по самому распространенному толкованію, одобренному также и Моммзеномъ, знакъ I обозначаетъ 1 палецъ (II = 2 пальца и т. д.), V составляетъ сокращенный знакъ, изображавшій всю пятерню, наконецъ X представляетъ собою изображение двухъ кистей рукъ, соприкасающихся концами ($><$ или χ);

2) второй слой состоитъ въ употребленіи нѣкоторыхъ письменъ греч. (халк.) алфавита въ значеніи цифръ. Буквы эти, оказавшіяся ненужными для лат. алфавита въ подлинномъ значеніи, слѣдующія: $\otimes$ или $\odot$, имѣвшая значеніе буквы θ , принята для выраженія цифры 100, $\oplus$ (со значеніемъ ϕ) для выраженія цифры 1000 и ∇ (со значеніемъ χ , хотя по формѣ = ψ) для обозначенія цифры 50. Знакъ $\odot$ могъ дать, путемъ, указаннымъ у Штольца, вслѣдствіе постепеннаго упрощенія, позднѣйшее С въ случайномъ соотвѣтствіи съ начальной буквой слова *centum*, какъ и ∇ дало $\downarrow$ I и, наконецъ, L безъ всякаго соотвѣтствія съ *quingenta*. Подобнымъ образомъ и знакъ $\oplus$ могъ перейти постепенно, какъ полагаетъ Штольцъ, черезъ C въ позднѣйшее M = mille; но такъ какъ этотъ знакъ для 1000 сравнительно слишкомъ поздній (со временъ Августа), то правильнѣе будетъ усматривать здѣсь сознательное нововведеніе по аналогіи съ C = *centum*. Болѣе древніе знаки для 1000 были ∞ и $\text{C}|\text{D}$, представляющіе собою видоизмѣненія основнаго $\oplus$. А такъ какъ противопоставленное CD въ $\text{C}|\text{D}$

служить какъ бы знакомъ умноженія простого С на 10, то этимъ воспользовались и для дальнѣйшаго умноженія на 10, такъ что $CC|C\bar{C}$ = 10.000, $CCC|C\bar{C}\bar{C}$ = 100.000; послѣднй же знакъ въ скорописи далъ (↓) на columna rostrata. Половина знака $\bar{C}$ или $C|\bar{C}$, т.-е. D или $\bar{C}$ послужило для обозначенія $\frac{1}{2}$ тысячи, т.-е. 500; подобнымъ образомъ $\bar{C}\bar{C}$ (т.-е. половина отъ $CC|C\bar{C}$) = 5000 и т. д.

Подобною неполнотою отличаются и прочіе вступительные параграфы фонетики; особенно безсодержательнъ § 55, трактующій о соответствіи латинскихъ звуковъ звуковому матеріалу индо-европ. праязыка.

Зато спеціальныя параграфы фонетики (начиная съ § 7) являются значительно полнѣе. Мало того, положительно замѣчается стремленіе накопить возможно болѣе примѣровъ на каждый отдѣльный случай. И какъ разъ въ этомъ и заключается главная заслуга труда Штольца, сумѣвшаго съ наибольшою жгучестью сгруппировать и освѣтить обширный языковой матеріалъ съ обильными указаніями на литературу отдѣльных вопросовъ, равно какъ и на аналогичные факты родственныхъ языковъ (преимущественно санскр. и греч.). Заслуга эта не умалется отъ того, что съ особеннымъ усердіемъ отмѣчаетъ онъ всякія менѣе обычные слова и формы (нерѣдко часто графическія), не брезгая даже матеріаломъ надписи на квиринальскомъ горшечкѣ, подлинность которой болѣе чѣмъ сомнительна.

При такомъ обиліи матеріала и въ виду выше указанныхъ невыгодныхъ условій этого труда читатель встрѣчаетъ много поводовъ для несогласій и возраженій. Мы помѣщаемъ здѣсь нѣкоторыя для характеристики работы Штольца.

Упомянутая зависимость Штольца отъ Бругмана обнаруживается напр. въ употребленіи знаковъ $\bar{c}$ и $\bar{j}$ вмѣсто обычныхъ v и j , которыя у него совсѣмъ изытаты изъ употребленія. Мотивировано это на стр. 257 (подъ чертой) слѣдующимъ образомъ: „Eine Scheidung zwischen indog. $\bar{c}$ und v durchzuführen ist noch nicht gelungen: ich schreibe also (!) $\bar{c}$ “. Почему же не наоборотъ: „ich schreibe also v “? Это было бы и проще и, можетъ быть, ближе къ истинѣ. Зато не мѣшало бы Штольцу сгруппировать хотя нѣкоторые случаи, изъ которыхъ можно заключить, что и въ лат. языкѣ существовало отчасти произношеніе $\bar{c}$, каковы напр.: 1) переходъ ev (т.-е. $-ev$) въ ov ; 2) дальнѣйшій переходъ $-ov$ (т.-е. ov) въ u ; 3) чередованіе суффиксовъ $-uo-$ (*mortuos*) и $-vo-$ (*salvos*) и др.; сюда же принадлежитъ и двухсложное чтеніе въ *quattuor*, *tenuis*, *genua* и, наоборотъ, трехсложное въ *solvo* и пр. Таково, конечно, и

односложное чтение словъ въ родѣ *paucem, ovis, ovo*; однако простымъ уравненіемъ „= падем *oivis oio*“ (стр. 262, 3) чтение это не объяснено, въ особенности при падем; послѣднее могло звучать въ небрежной скороговоркѣ просто = *paum, какъ можно судить по известному изъ Цицерона анекдоту о *Caupenas* (двусмыслие: 1. = *Caupenas*, т. е. *figus* и 2. = *caue ne eas*).

Отдѣлъ о смѣногласіи (*Vocalabstufung*, стр. 263) принадлежитъ къ числу болѣе удачныхъ во всей книгѣ, опять-таки вслѣдствіе тѣсной зависимости отъ Бругмана. Подобно послѣднему Штольцъ принимаетъ во 2-мъ изд. (вмѣсто тройной степени смѣногласія въ 1-мъ изд.) дѣленіе на двѣ главныя степени съ нѣсколькими подстепенями. Но для латинскаго языка получается тутъ нѣчто прямо невозможное и даже совсѣмъ непонятное безъ подробныхъ объясненій. Такъ напр., по книгѣ Штольца совсѣмъ непонятно, почему корни *pēt-* (*peto*), *ēs-* (*es-se*) должны быть причислены къ 1 *Hochstufe*, въ то время какъ однородный корень *pēd* (*pēd-is*) названъ *nebentonige Tiefstufe*; почему *āg-ilis* заключаетъ въ себѣ корень съ *nebentonige Tiefstufe*, *āgo*, напротивъ, съ 1 *Hochstufe*; почему при *fīdo* принимается 1 *Hochstufe* (рядомъ съ *fīdes* = *tonlose Tiefstufe*), напротивъ *vīdi* (рядомъ съ *vīdere*) объясняется какъ побочная форма низкой степени (*Doppelform der Tiefstufe*) и т. д. Мы не хотимъ тутъ разбирать, насколько все это вѣрно по существу; но во всякомъ случаѣ изъ одной книги Штольца нити не въ состояніи не то, чтобы убѣдиться, что это дѣйствительно такъ, но даже хотя бы понять, что это можетъ такъ быть.

Но и независимо отъ Бругмана многое не достаточно обдуманно. Такъ напр., въ отдѣлѣ о сліянніи двухъ разнородныхъ гласныхъ (стр. 276) дается, между прочимъ, формула: $a + \delta = \delta$, извлеченная изъ *amδ* = **ama-ı̇δ*; затѣмъ продолжаетъ Штольцъ: „*amāmus amant* (*Grundf. *amaı̇omos *amaı̇ont*) sind demnach (!) *Analogiebildungen*“. Но онъ упустилъ изъ виду, что въ послѣднихъ двухъ формахъ имѣемъ дѣло не съ долгимъ *ō*, а съ краткимъ *o*, вслѣдствіе чего получается случай, охарактеризованный немного выше самимъ Штольцемъ слѣдующимъ образомъ: „при сліянніи двухъ разнородныхъ гласныхъ преодолеваетъ первый изъ нихъ, если второй кратокъ“, вслѣдъ за чѣмъ онъ же даетъ формулу: $a + \delta = \tilde{a}$ (*mālo* изъ *maı̇olo*). Такимъ образомъ и *amāmus* изъ **amaı̇omos* и *amant* изъ **amaı̇ont* были бы совершенно правильны. Но кромѣ того незачѣмъ возводить *amāmus* къ **amaı̇omos*; вѣрнѣе предположить **amaı̇omos* съ тѣмъ же „соединительнымъ“ гласнымъ, который имѣется въ неслитномъ (3) спряженіи: *legı̇mus* изъ *legēmos. Въ такомъ случаѣ и *doceı̇mus* заключало бы въ себѣ правильное сліянніе изъ **doceı̇emos*. Наконецъ и при *docent*, хотя аналогія, пови-

димому, несомнѣнна, но не непосредственно съ *amant*, а съ формою причастія (*docens, docentis*), суффиксъ котораго признается родственнымъ суффиксу 3 мн. -nt, при чемъ не должно упускать изъ виду смѣногласіе $\frac{1}{2}$, бывшее свойственнымъ также и этому причастію (ср. у Штольца, стр. 287).

На стр. 262 объяснена форма перфекта *domui* изъ *domaui, *domoai, и подобнымъ образомъ *abluo* изъ *ablavo *abluo. Переходъ ав. въ -ov- самъ по себѣ сомнителенъ и тѣмъ болѣе въ формѣ *domui*. Что же касается сложнаго *abluo*, то изъ *ablavo могло выйти сперва *ablëvo съ ослабленіемъ а въ е во второй части сложныхъ словъ (сохранившемся впоследствии только въ закрытыхъ слогахъ, напр. *perfectus*, между тѣмъ какъ въ открытыхъ ослабилось оно даже въ *i*, напр. *perficio* изъ *perfëcio *perfäcio), а затѣмъ изъ *ablëvo должно было получиться совсѣмъ правильно *abuvo или *abuo и, наконецъ, *abluo*.

На стр. 274 дано правило: „oi переходитъ въ ū, за исключеніемъ *foedus* *Roeni* *roena*“. Но здѣсь какъ разъ было бы желательно имѣть объясненіе этого исключенія, если только „die Lautgesetze wirken ausnahmslos“. По этому же поводу сказано тамъ же, что „вмѣсто ū пишется иногда ö, напр. *pöu*“; значитъ въ дѣйствительности произносилось это слово иначе?

Колебаніе между *f* и *b* въ началѣ нѣкоторыхъ словъ (стр. 295) поддавалось бы легко объясненію, если бъ допустить здѣсь просто осско-сабинское вліяніе, какъ оно допускается напр. въ словѣ *bos*. Къ этому же вліянію можетъ быть отнесено также и различіе въ окончаніи имен. падежа собственныхъ именъ, каковы *Corneli(s)* при *Cornelio(s)*; даже собственные имена на -*sius*, -*evius*, -*ivius* (стр. 299) и еще кое-что другое. Подобнымъ образомъ на стр. 299 напрасно причислено *basium* къ *echtlateinische Wörter*; слово это привезено въ Римъ пѣвцомъ Лезбій изъ его родной Вероны и только черезъ него приобрѣло право гражданства въ римской литературѣ. Странно также замѣчаніе на стр. 310 относительно *losna*, будто „an dessen lat. Ursprunge nicht zu zweifeln ist“; *losna* навѣрно не чисто лат. форма, хотя лат. *luna* и произошло, по всей вѣроятности, изъ *loucyna, подобнымъ образомъ какъ пелигнійское *gristu* не можетъ быть названо лат. формой, несмотря на то, что лат. *grīnus* дѣйствительно могло произойти изъ *grīs-mo-s.

Статья, озаглавленная „Древнѣйшее удареніе лат. языка“ (стр. 319), составлена вполне въ духѣ Корссеновой теоріи, противъ которой мы высказывались еще въ Аор. стр. 188—190. Однако изъ матеріала, приводимаго защитниками предположенія, будто въ древнѣйшее время всякое лат. слово имѣло удареніе какъ можно дальше отъ конца, т. е. на 1-мъ слогѣ (по-

добно современному чешскому языку), можно сдѣлать совсѣмъ другіе выводы, чѣмъ тѣ, которые приводитъ Штольцъ. По нашему мнѣнію, можно положительно утверждать только слѣдующее:

а) Удареніе ставилось прежде на 3-мъ слогѣ отъ конца также въ томъ случаѣ, если предпоследній слогъ былъ долготъ только по положенію, но не по природѣ; этимъ объясняется *festra* (нѣм. *Fenster*) изъ *fēnēstra*, далѣе, ослабленіе гласнаго а въ е въ *Tarētum* изъ *Tárantum, *talētum* изъ *tálantum и др.

б) Удареніе могло стоять и на 4-мъ слогѣ отъ конца, но только въ томъ случаѣ, если гласный третьяго слога, стоявшій между *muta* и *liquida* или наоборотъ, имѣлъ характеръ сварабхактического полугласнаго, не восполняющаго обычную мору полныхъ слоговъ; этимъ объясняется напр. *bálineum* изъ *bálineum (у Плавта *balineae*) = *βαλανεῖον*.

с) Сложныя слова (и это самый крупный случай) имѣли прежде главное удареніе на первой составной части, вслѣдствіе чего оказывалась позади слога съ удареніемъ не только вся вторая часть, но и конецъ первой; этимъ и объясняется столь обычное ослабленіе кореннаго гласнаго второй части, равно какъ и нерѣдкое опущеніе конечнаго гласнаго въ первой части, напр. *officina* изъ **ópr(i)-ficina* *ópi-facina, *opifex* изъ *ópi-fac-s, *Iuppiter* изъ *Ioús-pater, *Benventod* изъ *Béne-ventod* и т. д.; сюда же принадлежит не только сложеніе съ предлогами (напр. *conficío* изъ *cón-facío, *reccídí* изъ *gé-ccídí) и съ удвоеніемъ (*cescídí* изъ *cécádí), но также съ нѣкоторыми суффиксами степеней сравненія (*ortupus* изъ *brítupus*) и даже съ другими суффиксами (изъ числа болѣе полновѣсныхъ), напр. *fersulum* изъ *férgiculum*; кстати будетъ вспомнить, что въ санскр. даже нѣкоторые падежные суффиксы подвергаются правиламъ вѣшняго *sandhi*, т.-е. формы этого рода трактуются какъ бы сложныя. Какъ сложное слово ходило также *Pollux* изъ **Pol(u)-doux* = *Polu-deuces.

Этими тремя группами исчерпываются всѣ „доказательства“ Штольца въ пользу принятой имъ теоріи, если не считать нѣкоторыхъ заимствованныхъ словъ (въ родѣ *ἀνσῶρα* при *ἀνσῶρα*), въ которыхъ, кромѣ ударенія, и просодія гласныхъ не всегда совпадаетъ съ подлинникомъ.

Ограничиваемся этими замѣчаніями по поводу нѣкоторыхъ мѣстъ изъ фонетики, чтобы не слишкомъ удлинить нашъ рефератъ. Въ этихъ же видахъ мы преднамѣренно выбрали въ предыдущемъ главнѣмъ образомъ такіе фонетическіе вопросы, которые затрогиваютъ и морфологию.

Въ общемъ сочиненіе Штольца оказывается и во второмъ изданіи не достаточно систематическимъ и далеко не цѣльнымъ

изложеніемъ мало разработаннаго предмета. Тѣмъ не менѣе значеніе этого труда немаловажно, во-первыхъ, какъ первой попытки научной обработки лат. фонетики и морфологіи въ современномъ духѣ, и во-вторыхъ, какъ богатаго сборника языкового матеріала съ научнымъ къ нему аппаратомъ. Для перваго же ознакомленія съ этими дисциплинами сочиненію Штольца слѣдуетъ предпочесть грамматику Швейцерь-Зидлера (въ новѣйшей обработкѣ) и, пожалуй, даже сочиненіе V. Henry (*Précis de grammaire comparée du Grec et du Latin*).

И. Нетушилъ.

Н. М. Благовѣщенскій, Винкельманъ и позднія эпохи греческой скульптуры. С.-Петербургъ 1891 (149 стр. in 8°, съ рисунками).

Позднія эпохи греческой скульптуры, о которыхъ говоритъ книжка подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ, были въ послѣднее время на Западѣ предметомъ немалочисленныхъ и весьма серьезныхъ изслѣдованій. Еще недавно длинный рядъ скульптурныхъ памятниковъ, которыми по преимуществу наполнены наши музеи, представлялся лишь хаотической массой, трудно поддающейся какой бы то ни было группировкѣ и классификаціи. Несмотря на нерѣдкія надписи, передающія намъ имена создававшихъ эти памятники художниковъ, значеніе этихъ послѣднихъ, ихъ цѣли, художественные приемы, самостоятельность ихъ работъ и ихъ отличія другъ отъ друга представлялись намъ въ крайне неясныхъ очертаніяхъ, и мы часто склонны были допускать извѣстную оригинальность и заслуги тамъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ мы имѣемъ лишь довольно посредственныя копіи или искаженные академической манерностью подражанія стариннымъ и болѣе совершеннымъ образцамъ. Въ новѣйшее время пролито особенно много свѣта на эти произведенія. Разборъ напр. издѣлій такъ-называемой „ново-аттической“ школы, которой еще Бруннъ¹⁾ считалъ возможнымъ приписывать переработку типа Книдской Афродиты Праксителя въ типъ Медичейской Венеры, весьма наглядно показалъ, что даже эта „сомнительная заслуга“ должна быть отнята у представителей этого направленія, что они умѣли только выбирать между „nobilia opera in toto orbe“ и что на самомъ дѣлѣ, подобно школѣ Пасителя, они были простыми подражателями или прямо копистами и реставраторами, даже и въ этой дѣятельности

¹⁾ Geschichte der griech. Künstler, I, S. 560 fg.

являвшимися послѣдователями ранѣе, какъ думаютъ, въ Пергамѣ, Афинахъ и Александріи возникшихъ направленій¹⁾. Съ другой стороны, благодаря тому же пристальному изслѣдованію, а также благодаря нѣкоторымъ новымъ находкамъ, удалось точнѣе опредѣлить историческое значеніе и тѣхъ дѣйствительно новыхъ стремленій, которыми ознаменовали себя эпохи, близко слѣдовавшія за паденіемъ политической свободы въ древней Греціи. Благодаря настойчивымъ изысканіямъ Шрейбера все болѣе и болѣе становится понятной намъ своеобразная манера александрійскихъ художниковъ²⁾; благодаря находкамъ пергамскихъ мраморовъ въ значительной мѣрѣ выясняется для насъ роль, которую играли художники III и II вѣка, дѣйствовавшіе въ Родосѣ и Пергамѣ, этихъ важныхъ, послѣ Александріи, художественныхъ центрахъ эллинистическаго Востока. Но именно выясняется, — ибо никакъ не слѣдуетъ думать, чтобы эта находка въ чемъ-либо „подрывала“ тотъ давнишній взглядъ на эту роль, который ранѣе высказывался К. О. Миллеромъ³⁾, а въ недавнее время особенно прочно установленъ былъ Гейнр. Брунномъ. Правда, въ первыя минуты ознакомленія съ пергамскими рельефами и подъ вліяніемъ сильнаго впечатлѣнія, которое они производятъ, нѣкоторые изъ наиболѣе восторженныхъ поклонниковъ всего новаго, считали себя въ правѣ придавать необычное значеніе этимъ скульптурамъ и видѣть въ нихъ какое-то откровеніе⁴⁾. Но на ряду съ ихъ головами почти тотчасъ же раздались и трезвыя предостереженія. Уже въ 1880 году, на съѣздѣ филологовъ и педагоговъ въ Штеттинѣ, грейсвальдскій проф. Прейнеръ въ тщательно обдуманномъ рефератѣ предупреждалъ противъ излишняго увлеченія пергамскими рельефами⁵⁾. Онъ тогда же указалъ и на невѣрность выставленныхъ Конце положеній насчетъ того, что этими скульптурами, во-первыхъ, „устраняется будто бы слишкомъ низкое представленіе о временахъ такъ-называемаго

1) См. Fr. Hauser, Die neu-attischen Reliefs, Stuttgart, 1889. Книга даетъ гораздо болѣе, чѣмъ обѣщаетъ ея скромное заглавіе. Цѣлый рядъ произведеній позднихъ эпохъ греч. пластики находитъ въ ней вполне научное и умѣлое разъясненіе.

2) Ср. его изслѣдованія въ Mittheil. des deutsch. archäol. Instituts in Athen, Bd. X. Heft. 4. (1886) S. 380; Die Brunnenreliefs aus Palazzo Grimani. Leipzig 1888; его изданіе эллинистическихъ рельефовъ и недавній докладъ на съѣздѣ нѣмецкихъ филологовъ въ Мюнхенѣ, содержаніе котораго сообщено въ повременныхъ научныхъ изданіяхъ.

3) К. О. Müller, Handbuch der Archäol. der Kunst, 3-te Aufl. S. 149. ff.

4) У насъ выразителемъ такихъ чувствъ явился И. С. Тургеневъ въ письмѣ въ „Вѣстникъ Европы“ за 1880 г. Письмо это слишкомъ восторженнымъ напелъ и г. Благовѣщенскій.

5) См. Verhandlungen der 35 Versammlung deutsch. Philologen und Schulmänner. Leipzig, Teubner, 1881. S. 180 и 190.

упадка“, ибо уже давно никто не сомнѣвался въ томъ, что въ III и II вѣкѣ еще были великіе художники; во-вторыхъ, что „измѣняются будто бы наши узкія представленія о пергамской школѣ“, ибо на самомъ дѣлѣ теперь только подтверждается то мнѣніе о ней, которое составилось уже на основаніи подобранной Брунномъ группы Галатовъ; въ-третьихъ наконецъ, что „этими скульптурами и вообще расширяется наше представленіе о древнемъ искусствѣ“, такъ какъ, несмотря на многіе негреческіе мотивы этихъ рельефовъ, они въ сущности только развиваютъ мотивы, зачатки конхъ встрѣчаются въ произведеніяхъ болѣе ранняго времени. Сопоставленія, которыя затѣмъ сдѣлалъ самъ Конде и ближе изучавшіе пергамскіе рельефы Кекуле, Тренделенбургъ, Murray и др.¹⁾, а наконецъ и мастерской, детальный разборъ всѣхъ отличающихся эти скульптуры особенностей, который выполненъ былъ Брунномъ²⁾, — всѣ они достаточно выяснили и степень самостоятельности работавшихъ въ Пергамѣ художниковъ и ихъ родство со всѣми другими культурными теченіями, которыя отличаютъ эпоху діадоховъ, а наконецъ точнѣе намѣтили и то развитіе, которое въ предѣлахъ даже эпохи діадоховъ замѣчается въ произведеніяхъ тогдашней скульптуры³⁾. Работа, такимъ образомъ, ведется живо и энергично по всѣмъ отдѣламъ этого періода, значеніе отдѣльныхъ направленій въ исторіи греческаго искусства отъ Александра до Антониновъ выясняется все болѣе и болѣе и, хотя попрежнему среди выдающихся археологовъ все еще находится мало такихъ, которые вмѣстѣ съ Тиршемъ и Штаромъ⁴⁾ взялись бы защищать положеніе Висконти насчетъ *l'état stationnaire de la sculpture chez les anciens depuis Periclès jusqu'aux Antonins*, хотя всѣ они заботятся лишь о пониманіи искусства известнаго періода въ связи со всей остальной культурой этихъ періодовъ и продолжаютъ такимъ образомъ дѣло Винкельмана, но, конечно, среди нихъ не найдется уже теперь такихъ завзятыхъ поклонниковъ этого перваго создателя исто-

¹⁾ См. Conze, Vorläuf. Bericht über die Ergebnisse der Ausgrabungen zu Pergamon. Berlin 1880, въ Jahrbuch der kön. preuss. Kunstsamm. Bd. 1. S. 52, 55, 60, 184, 61 f.; Kekulé, Zur Deutung und Zeitbestimmung des Laokoon (Berlin, Spemann); Ad. Trendelenburg, Die Laokoongruppe und Gigantenfries des Pergam. Altars. Berlin, K. Gaertner, 1884; A. S. Murray, A history of greek Sculpture. London 1883, vol. II, p. 376 и д.

²⁾ H. Brunn: Über die kunstgeschichtliche Stellung der Pergamenischen Gigantomachie въ Jahrbuch der kön. preuss. Kunstsammlungen V Bd. 3 Heft. 1884.

³⁾ См. особенно мѣткія замѣтки Бруна въ упомянутомъ сейчасъ изслѣдованіи, стр. 60 слѣд.

⁴⁾ Разумію Ad. Stahr, Torso. Kunst, Künstler und Kunstwerke des griech. und röm. Alterthums 2-te Ausg. 1878, одно изъ весьма талантливыхъ сочиненій по искусству, въ которомъ та же точка зрѣнія, которой держится г. Благовѣщевскій, защищается съ особеннымъ умѣньемъ и знаніемъ дѣла.

ріи античнаго искусства, которые бы раздѣляли всѣ его увлеченія. Ни одному изъ нихъ не остается неизвѣстнымъ, съ какою однообразною подборкою памятниковъ приходилось имѣть дѣло Винкельману и какъ часто долженъ былъ онъ рѣшать нѣкоторые вопросы болѣе при помощи своей гениальной дивинаціи, нежели при помощи аккуратнаго хронологическаго распредѣленія этихъ памятниковъ.

Все это мы считаемъ нужнымъ напомнить въ виду того, что читателю помѣщенной въ заголовкѣ нашей замѣтки книжки можетъ казаться, будто и сейчасъ споръ, нѣкогда ведшійся по поводу нѣкоторыхъ положеній Винкельмана между Висконти и Тиршемъ съ одной стороны и К. О. Миллеромъ — съ другой ¹⁾, сохраняетъ еще свое практическое значеніе для науки, и что до сихъ поръ такіе ученые, какъ Гейнр. Бруннъ, только по какому-то капризу смятся отстаивать свои по Винкельману составленные взгляды на эти позднія эпохи или, какъ выражается авторъ нашего этюда, только по „доктринерской косности“ (см. стр. 143) позволяютъ себѣ отрицать достоинства даже такихъ произведеній, какъ пергамская гигантомахія, не говоря уже о еще болѣе позднихъ произведеніяхъ греко-римской пластики, передъ которыми благоговѣтъ нашъ авторъ, но которыя его противниками считаются или плохими копіями съ болѣе совершенныхъ образцовъ или неудачными ихъ видоизмѣненіями. И возраженія противъ нѣкоторыхъ, нѣкъмъ уже не поддерживаемыхъ, положеній Винкельмана и нѣсколько смѣлая въ настоящее время попытка возстановить довѣріе къ основному тезису Висконти кажутся намъ несвоевременными. Смѣемъ думать, что и отъ Брунна и отъ другихъ новѣйшихъ изслѣдователей этого періода нисколько не укрылось высокое значеніе — особенно съ точки зрѣнія художественной техники — многихъ изъ упоминаемыхъ нашимъ авторомъ памятниковъ ²⁾, но что этихъ изслѣдователей не столько интересуетъ рекомендація тѣхъ или другихъ произведеній, какъ предметовъ эстетическаго наслажденія, обширной публикѣ, сколько опредѣленіе мѣста, которое они занимаютъ въ исторіи античнаго искусства. Отсюда ведетъ свое начало и интересъ къ детальному и притомъ сравнительному изслѣдованію стилистическихъ особенностей этихъ произведеній, которое такъ мало цѣнитъ нашъ авторъ; этимъ обусловливается и вниманіе къ вложенному въ нихъ содержанію, кото-

¹⁾ Ср. особенно его статьи: Die Geschichte der griech. Kunst und ihre neuesten Darsteller, 1826 и 1827 въ K. O. Müller's Kunstarchäologische Werke, hsgb. v. S. Calvary, II Bd., S. 91 fg.

²⁾ Ср. напр. то, что говорятъ Brunn (l. l. p. 37) о Лакоонѣ; о высокихъ достоинствахъ пергамскихъ рельефовъ на стр. 56 и passim.

рое въ немалой степени отличается отъ чисто греческихъ воззрѣній на дѣло.

Вотъ именно эту историческую точку зрѣнія, играющую главную роль въ произведеніяхъ археологовъ новаго времени, нашъ авторъ рѣшительно не хочетъ признать (ср. особ. стр. 136). Одинъ разъ (стр. 141) онъ даже энергически отстаиваетъ право судить о художественномъ значеніи античныхъ произведеній искусства такихъ лицъ, которыхъ онъ признаетъ „знатоками искусства (очевидно, знатоками его техники) даже и въ томъ случаѣ, если они не отличаются особенными свѣдѣніями по исторіи искусства“. (Эти лица стоятъ, въ его мнѣніи, повидимому, выше археологовъ, т.-е. свѣдущихъ по исторіи искусства лицъ).

Конечно, никто не станетъ отнимать у неспеціалистовъ права оцѣнки художественныхъ произведеній, — это право, мимоходомъ сказать, отстаивалъ уже Аристотель¹⁾, — но нельзя не напомнить, что и для произносящей приговоры публики не лишнимъ будетъ позаботиться о расширеніи своего кругозора при ознакомленіи съ этими произведеніями; отъ ученаго же, пытающагося путемъ сравненія (ср. стр. 8, 108, 133) установить достоинство извѣстныхъ памятниковъ, можно и прямо ожидать большаго вниманія къ исторіи искусства. Нельзя напр. противопоставлять пергамскую гигантомахію прямо произведеніямъ эпохи Фидія и утверждать, что въ этихъ пергамскихъ рельефахъ греческая пластика выступила будто бы впервые на путь реализма и паэоса²⁾, забывая, что здѣсь собственно является только возведеннымъ въ односторонній принципъ то, что въ извѣстныхъ предѣлахъ явилось разработаннымъ уже въ эпоху второго расцвѣта древне-греческой пластики, когда во многомъ указаны были пути для позднѣйшихъ художниковъ; нельзя безъ какихъ-либо вѣскихъ доказательствъ утверждать, чтобы римское искусство стояло въ какой-то прямой зависимости отъ пергамскаго³⁾; нельзя, наконецъ, говорить о чисто греческой обработкѣ божескихъ типовъ въ эту эпоху, когда нѣкоторые восточные мотивы подмѣчаются даже въ гигантомахіи⁴⁾.

¹⁾ Aristot. Polit. p. 1281 b 9: διὸ καὶ κρίνουσιν ἄμεινον οἱ πολλοὶ καὶ τὰ τῆς μουσικῆς ἔργα καὶ τὰ τῶν ποιητῶν, хотя, конечно, тамъ, гдѣ дѣло идетъ о *χοῖραι ἔννοιαι*, а не о научныхъ вопросахъ, и съ характеристической оговоркой: *εἰ μὲν οὖν περὶ πάντα δῆμον καὶ περὶ πάν πλῆθος ἐνδέχεται ταύτην εἶναι τὴν διαφοράν τῶν πολλῶν πρὸς τοὺς ὀλίγους σπουδαίους, ἀδελφον* (ср. Spengel. Arist. Stud. II, S. 66).

²⁾ См. особенно неточныя показанія на этотъ счетъ на стр. 7 и 59 и ср. Preuner l. l. p. 182.

³⁾ См. стр. 61 и повтореніе этого заявленія на стр. 83.

⁴⁾ Ср. Preuner l. l. p. 189.

Впрочемъ, помимо этого нерасположенія къ научной исторіи искусства, нѣсколько непріятно дѣйствуетъ на читателя пренебреженіе нашего автора къ современнымъ изслѣдователямъ, удивляетъ его незнакомство съ нѣкоторыми изъ новѣйшихъ находокъ (имъ просмотрѣно, напр., такое важное для его цѣлей произведеніе, какъ Ника изъ Самоэраки), поражаетъ, наконецъ, и то обстоятельство, оговоренное и въ предисловіи, что, взявшись говорить о позднихъ эпохахъ греческой скульптуры, авторъ всѣ свои доказательства беретъ изъ эпохи III и II в. до Р. Х., когда, конечно, не могъ еще рѣзко сказаться упадокъ скульптуры и когда, какъ признаетъ даже главный изъ знакомыхъ г. Благовѣщенскому противниковъ Тирша, К. О. Миллеръ, es keinem Zweifel unterworfen ist, dass die Kunstschulen Griechenlands... in einem blühenden Zustande waren, und in einzelnen von den Mustern der besten Zeit genährten Gemüthern noch lange der reine Kunstsinn der früheren Periode lebendig blieb (Handb. der Archäol. 3-te Aufl., § 147).

Но при всемъ томъ труду г. Благовѣщенскаго нельзя отказать въ свойственномъ его автору изяществѣ изложенія и любовномъ отношеніи къ разбираемымъ имъ памятникамъ. Эти достоинства дѣлаютъ весьма пріятнымъ и занимательнымъ чтеніе книги. При бѣдности, поэтому, нашей литературы по античному искусству, надо думать, книжка эта сослужитъ свою службу лицамъ, впервые приступающимъ къ изученію затронутыхъ въ ней вопросовъ.

А. Шварцъ.

R. Menge et S. Preuss, Lexicon Caesianum. Leipzig 1890. (Выпущены съ 1884 г.).

Осенью 1884 г. произошло нѣчто небывалое въ области классической филологіи: появились первые выпуски сразу трехъ полныхъ словарей къ Цезарю, а именно: Мергета (Merguet), Мейзеля (Meusel) и, наконецъ, Менге и Прейсса. Изъ нихъ Мергетъ довелъ до конца свой словарь въ 1886 г., вторыми же оказались Менге и Прейссъ въ 1890 г. Всѣ эти три словаря являются полными въ томъ смыслѣ, что указываютъ не только всѣ слова и ихъ значенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ мѣста, въ которыхъ читается то или другое слово въ каждомъ изъ своихъ значеній или сочетаній. Поэтому предназначаются они не столько для нуждъ школы (къ услугамъ которой имѣются у нѣмцевъ многочисленныя учебныя словари, въ родѣ словаря

Эбелинга къ обоемъ сочиненіямъ Цезаря, или Эйхерта къ *bell. gall.*, подобные русскимъ словарямъ Блюсса и Шрамека), сколько для того, чтобы служить пособіями при работахъ болѣе научнаго характера, касающихся либо энвезезы какой-нибудь части текста при помощи сравненія съ другими однородными мѣстами, либо установленія текста въ сомнительныхъ случаяхъ; весьма существенно значеніе подобныхъ пособій также и въ вопросахъ, относящихся къ исторіи того или другого грамматическаго явленія въ лат. языкѣ, равно какъ и того мѣста, которое въ историческомъ развитіи извѣстнаго явленія занимаетъ данный авторъ, насколько, конечно, эти явленія вообще поддаются лексикографической обработкѣ. Въ виду такого рода цѣлей, наименѣе удовлетворительнымъ съ точки зрѣнія научнаго пособія долженъ быть признанъ словарь Мергета, хотя и онъ имѣетъ также нѣкоторыя преимущества передъ остальными двумя, каково 1) то обстоятельство, что его словарь обнимаетъ не только несомнѣнныя сочиненія Цезаря, но также и сочиненія его продолжателей, и 2) то, что способъ составленія словаря Мергета болѣе практиченъ, чѣмъ въ обоихъ остальныхъ, дозволяя легко ориентироваться въ массѣ сообщаемаго матеріала и найти нужное мѣсто съ наименьшею тратою времени. Но достоинства эти не искупаются недостатками, вытекающими главнымъ образомъ изъ того, что книга Мергета, составленная исключительно по одной редакціи текста (Нипшердеа), не обращаетъ никакого вниманія на критику текста; изслѣдователю приходится, слѣдовательно, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ самому провѣрять текстъ по какому-либо изданію съ критическимъ аппаратомъ.

Эта потребность предумотрѣна и удовлетворена словарями Менге-Прейсса и Мейзеля, такъ какъ въ обоихъ этихъ словаряхъ приводятся не только рукописныя разночтенія, но также и данныя конъектуральной критики, при чемъ, однако, словарь Мейзеля стоитъ даже нѣсколько выше словаря Менге-Прейсса, въ особенности въ вопросахъ рукописной традиціи. Мейзель превосходитъ Менге-Прейсса также и въ томъ, что указываетъ сочиненія, трактующія объ отдѣльныхъ предметахъ изъ такъ наз. реалій, между тѣмъ какъ Менге и Прейссъ въ ссылкахъ на филологическую литературу далеко не такъ щедры. Далѣе полнота лексикальнаго матеріала понята у Мейзеля нѣсколько шире, чемъ у Менге-Прейсса, опустившихъ совсѣмъ собственныя имена. Наконецъ, у Мейзеля выписаны всѣ приводимыя имъ мѣста изъ текста Цезаря безъ всякихъ сокращеній. Такимъ образомъ словарь Мейзеля является работою, можно сказать, образцовой во всѣхъ отношеніяхъ; но зато и вышегъ онъ гораздо объемистѣе и слѣдовательно дороже словаря Менге-Прейсса. Послѣдній является какъ бы только сокращенною пере-

работкою перваго, сохраняющею, однако, всё главнѣйшія достоинства своего соперника. Оба эти словаря касаются только подлинныхъ сочиненій Цезаря; но словарь Менге-Прейсса имѣетъ свое дополненіе въ полномъ же словарѣ къ псевдо-цезаріанскимъ сочиненіямъ, изданномъ раньше (въ 1884 г.) однимъ изъ составителей новаго словаря, именно Прейссомъ.

И. Н.

K. E. Georges, *Lexicon der lateinischen Wortformen*. Leipzig 1890. (Выпусками съ 1888 г.).

Новый трудъ престарѣлаго лексикографа составляетъ весьма полезное приобрѣтеніе какъ для науки, такъ и для школы. По отношенію къ послѣдней „Словарь формъ“ является удобнѣйшимъ и вполне надежнымъ пособіемъ для всякаго рода справокъ, касающихся большей или меньшей „правильности“ какой-либо формы или какого-либо начертанія слова. Въ алфавитномъ порядкѣ приводятся здѣсь орфографическія и морфологическія (изъ такъ-наз. „этимологій“) особенности, распределенныя въ грамматикахъ систематично по соответствующимъ параграфамъ. Для каждой формы, болѣе или менѣе рѣдкой, перечисляются всё мѣста изъ римской литературы, въ которыхъ она читается въ лучшихъ современныхъ изданіяхъ, начиная съ авторовъ архаическаго періода и кончая позднѣйшими представителями серебряной латыни. Поэтому для всякаго, кто желаетъ поскорѣе навести какую либо справку, напр. о томъ, чѣмъ лучше: *glæba* или *gleba*, *parentum* или *parentium*, можетъ ли быть допущена форма *gladium* вмѣсто *gladius* и т. д., книга Георгеса вполне замѣняетъ всякія орфографическія указатели, равно какъ и пространныя справочныя этимологій лат. языка (въ родѣ Кюннера и даже Нейе).

Вмѣстѣ съ тѣмъ эта книга облегчаетъ трудъ собиранія матеріала по вопросамъ изъ исторіи латинскаго языка, насколько дѣло касается по крайней мѣрѣ морфологій. Такъ напр. составленное нами обзорнѣе депоненцій, колеблющихся между активнымъ и пассивнымъ значеніемъ своихъ медіальныхъ формъ („Залоги“ стр. 104 сл.), могло бы теперь, при помощи „Словаря формъ“ Георгеса, выйти и полнѣе и точнѣе, не говоря даже объ облегченіи и сокращеніи самаго труда. Конечно, какъ научное пособіе, „Словарь формъ“ не можетъ быть признавъ вполне удовлетворительнымъ. Во-первыхъ: приводимый имъ матеріалъ, какъ по отношенію къ самимъ формамъ, такъ и по отношенію къ ссылкамъ на мѣста, въ которыхъ онѣ читаются,

примыкаетъ исключительно къ тѣмъ редакціямъ текстовъ, которыя имѣются въ нѣкоторыхъ избранныхъ изданіяхъ. Между тѣмъ отъ вполне научнаго словаря требуется, чтобы онъ, не ограничиваясь однимъ какимъ-либо изданіемъ, давалъ намъ по крайней мѣрѣ самое существенное изъ критическаго аппарата къ каждому отдѣльному мѣсту, сообщая не только важнѣйшіе варианты рукописей, но и, насколько необходимо, результаты конъектуральной критики. Мало того: научный словарь долженъ давать также и всѣ необходимыя указанія на труды ученыхъ изслѣдователей, имѣющіе для даннаго мѣста болѣе или менѣе важное значеніе. Къ тому же „Словарь формъ“ Георгеса съ научной точки зрѣнія оказывается даже и недостаточно полнымъ, такъ какъ для исторіи латинскаго языка весьма важны тотъ громадный матеріалъ, который заключается въ изданныхъ доселѣ сборникахъ латинскихъ надписей; между тѣмъ у Георгеса надписи привлекаются лишь кое-гдѣ и случайно. Наконецъ и самое распредѣленіе словаря, какъ научнаго пособія, должно было быть нѣсколько иное. Если даже не принимать чисто корнесловнаго порядка, которымъ воспользовались напр. Bréal и Bailly въ своемъ *Dictionnaire étymologique latin* (2 изд. 1886), то по крайней мѣрѣ такіе случаи, какъ напр. сведеніе всѣхъ сложныхъ глаголовъ въ одну рубрику съ основнымъ ихъ глаголомъ, не могли бы показаться неудобными даже въ собственно учебномъ пособіи, такъ какъ въ соответствующихъ мѣстахъ алфавита въ крайнемъ случаѣ могли бы быть помѣщены ссылки на главную статью (такъ напр., глаголъ *rope* могъ бы быть помѣщенъ въ статьѣ о *ro* съ ссылкой на нее въ соответствующемъ мѣстѣ буквы *P*). Наконецъ, и нѣкоторые термины, употребляемые Георгесомъ, въ настоящее время устарѣли; такъ напр., *g* въ окончаніи неопредѣленнаго накл. страд. зал. *-ier* называется у него все еще „парагогическимъ“, т.-е. приставнымъ; род. падежъ причастій наст. вр. на *-um* (напр. *parentum* отъ *pareo*) названъ „синкопированнымъ“. Не ясно также, почему на словѣ *aidilis* поставлены *puncta diaereseos*. Кое-что, могшее найти мѣсто въ „Словарѣ формъ“, совсѣмъ пропущено, напр. *abundatus* = *abundans*, *auguro*: *auguror* и др.

И. Н.

Учебный атлас античного ваянія, составилъ Ив. Цвѣтаевъ (для студентовъ Импер. Московск. Унив.). I. Греческое ваяніе. М. 1890.

Еще разъ возвращаемся къ книгѣ, полный заголовокъ которой выписанъ выше, чтобы исправить нѣкоторую неточность, вкравшуюся, по независимымъ отъ насъ обстоятельствамъ, въ первую замѣтку о ней, помѣщенную въ предыдущей книгѣ журнала. Мы говорили тамъ о „предварительномъ оглавленіи“, тогда какъ оно уже замѣнено настоящимъ „оглавленіемъ“, напечатаннымъ въ форматѣ самого атласа и свободнымъ отъ указанныхъ нами недосмотровъ. Въ предисловіи составитель, сознавая всю трудность своей задачи, самъ указываетъ на нѣкоторые пропуски, неизбежные при новизнѣ и сложности подобной работы, обѣщая восполнить ихъ при 2-омъ изданіи, которое будетъ исполнено фототипіей и, слѣдовательно, станетъ значительно дешевле перваго. „Тамъ“, говорится въ предисловіи, — „будутъ помѣщены и желательныя дополненія, какъ образцы арханческой скульптуры съ о. Кипра, барельефы древняго храма Артемиды въ Эфесѣ, сожженнаго Геростратомъ, бронзовая статуетка Аполлона съ о. Наксоса или статуетка Аполлона, принадлежащая Британскому музею и считаемая нѣкоторыми за копію статуи Канаха, и пр.“ — Еще разъ пожелаемъ успѣха и благополучнаго оковчанія этому труду, которому, несомнѣнно, того же пожелаетъ каждый любитель изящнаго и каждый, кого интересуетъ античное искусство.

В. А.

А. Деревницкій. О началѣ историко-литературныхъ занятій въ древней Греціи. Харьковъ 1891 (VIII + 226 in 8°).

Авторъ главнымъ образомъ имѣетъ въ виду, какъ и самъ онъ говоритъ въ предисловіи, лишь одну часть трудовъ, относящихся къ александрійской эпохѣ греческой образованности и связанныхъ съ существованіемъ александрійскаго музея и птоломеевой бібліотеки — именно „таблицы“ Каллимаха и работы его ближайшихъ послѣдователей. Но этимъ трудамъ посвящена лишь вторая половина книги (гл. III и IV, стр. 105 — 222), первая же половина занята изложеніемъ исторіи двухъ названныхъ учреждений (гл. II, стр. 41—104), которому предшествуетъ краткій очеркъ историко-литературныхъ занятій въ Греціи въ до-александрійскій періодъ. Такимъ образомъ читатель долженъ вынести убѣжденіе, что труды александрійскихъ каталогизаторовъ не были явленіемъ одиночнымъ, а явились выраженіемъ давно назрѣвшей потребности, какъ бы итогомъ историко-литературныхъ занятій всего предшествовавшаго времени.

Слѣдуетъ замѣтить, что автору въ разсмотрѣніи главныхъ изъ поставленныхъ имъ вопросовъ — объ устройствѣ александрійскаго музея и бібліотеки и о каталогахъ (*πινακες*) этой бібліотеки — приходилось имѣть дѣло со скудными и разрозненными фактами, по которымъ трудно составить

полное представлѣніе о трактуемомъ предметѣ. Этимиъ объясняется та проблематичность изложенія, которая особенно бросается въ глаза при чтеніи всей книги. — Во второй главѣ авторъ сначала устанавливаетъ время учрежденія библиотеки и музея, доказывая, что ихъ учредителемъ былъ Птоломей Сотеръ, вопреки мнѣнію болѣе распространенному, по которому основателемъ этихъ учреждений былъ Птоломей Филадельфъ; затѣмъ съ особенной подробностью говорится объ организаціи музея, который, какъ доказываетъ авторъ, былъ точной копіей перипатетическаго музея Теофраста въ Аѳинахъ, и объ устройствѣ александрійскаго книгохранилища, причемъ авторъ пытается дать рѣшеніе нѣкоторыхъ спорныхъ вопросовъ (напр. о количествѣ свитковъ при Птоломеяхъ, о *βιβλοι σύμμικτοι* и *βιβλοι ἀμιγείς* и др.); наконецъ, вкратцѣ излагается конечная судьба Птоломеевыхъ учреждений. Главное содержаніе слѣдующей III главы составляетъ рѣшеніе вопроса о (недошедшихъ до насъ) каллимаховыхъ таблицахъ (ихъ заглавіе по словарию Свида таково: *Πίνακες τῶν ἐν πάσῃ παιδείᾳ διαλαμπάντων καὶ ὡν συνέγραψαν* — въ 120 книгахъ). Тутъ существенными являются вопросы о томъ, каковы были размѣры каллимахова труда, его планъ, содержаніе, его историко-литературное значеніе и, наконецъ, его судьба. Авторъ приходитъ къ такому выводу, что это былъ „толковый каталогъ александрійской библиотеки и первая попытка систематическаго распредѣленія всѣхъ наличныхъ произведеній греческой литературы по родамъ ея“ (стр. 154); приписанное же Свидю Каллимаху сочиненіе „*πίναξ τῶν κατὰ χρόνον καὶ ἀπ' ἀρχῆς γενομένων διδασκάλων*“ считаетъ „такъ сказать, зерномъ, изъ котораго выросли таблицы въ 120 книгахъ, и выѣстъ съ тѣмъ звеномъ, соединявшимъ пинакографическую дѣятельность александрійцевъ съ историко-литературными трудами Аристотеля (*Διδασκαλίαι*) и перипатетиковъ“ (стр. 170). Въ концѣ главы разбирается вопросъ объ эниграммахъ Каллимаха и объ его книгѣ *Μουσείον* и устанавливается прямое отношеніе этихъ сочиненій къ главному труду ихъ автора.

Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть о двухъ заключающихся въ книгѣ экскурсахъ: первый „О роли Писистрата въ исторіи Гомеровской критики“ — довольно большой, приложенъ къ первой главѣ, и второй — „нѣсколько словъ о стихометріи“ — при третьей главѣ и имѣетъ отношеніе къ исторіи книжнаго дѣла въ древности.

Таково въ общихъ чертахъ главное содержаніе новаго труда А. Н. Дервицкаго, даващаго уже русской ученой литературѣ солидный трудъ „О Гомеровскихъ гимнахъ“.

А. В. А.

Павсанія. Описаніе Элады или путешествіе по Греціи во II-мъ вѣтѣ по Р. X. Переводъ съ греч. съ толкованіями и съ приложеніемъ статей: Историко-литературное значеніе Павсаніи, Краткій очеркъ исторіи греч. искусства и проч. Г. Янчевецкаго. Изд. П. Луковникова. Спб. 1887—89 (839 стр. 8^о).

Недостатокъ въ хорошихъ, полныхъ переводахъ классическихъ авторовъ древности, давно живо ощущавшійся русскою образованною публикою, въ послѣдніе годы сталъ мало по малу восполняться. Труды гг. Э. Г. Мищенко, В. И. Модестова, А. А. Фета и ин. др. доставили теперь лицамъ, лишеннымъ знанія древнихъ языковъ или знающимъ ихъ недостаточно, возможность ближе ознакомиться съ выдающимися произведеніями древнихъ литературъ, каковы творенія Геродота, Фукидида, Полибія, Тацита, важнѣйшихъ римскихъ повтовъ и проч. Къ этимъ серьезнымъ и добросовѣстнымъ переводчикамъ принадлежитъ и г. Янчевецкій. Всѣмъ извѣстно изданное имъ полное собраніе сочиненій Ксенофонта въ русскомъ переводѣ съ примѣчаніями и историко-литературными свѣдѣніями объ авторѣ. Кроме того онъ напечаталъ въ „Филологическихъ Запискахъ“ (1875, V; 1876, IV) переводы изъ Теоокрита, а два года тому назадъ выпустилъ въ свѣтъ объемистый томъ, длинное заглавіе котораго приведено выше. Томъ этотъ посвященъ періегу Павсанію.

Значеніе Павсанія велико не столько вслѣдствіе литературныхъ достоинствъ его сочиненія, сколько вслѣдствіе цѣнности матеріала, имъ собраннаго. Какъ авторъ, писавшій небрежнымъ, неряшливымъ, не всегда яснымъ, утомительно безцвѣтнымъ, а порой даже и несовсѣмъ правильнымъ языкомъ, Павсаній не заслуживалъ бы и десятой доли того вниманія, которое ему оказывается, если бы, пользуясь по истинѣ изумительною начитанностью и располагая такими сокровищами древней литературы, которыя нынѣ намъ уже недоступны, онъ не сообщилъ своей книгѣ того матеріальнаго интереса, какой можетъ быть присущъ полному и аккуратному своду фактическихъ данныхъ изъ области религіи, культа, быта, искусства, преданій и политической жизни древнихъ грековъ. За неимѣніемъ твореній Племона, Артемидора, Истра и цѣлой фаланги другихъ писателей, коими Павсаній усердно пользовался частью непосредственно, частью изъ вторыхъ и третьихъ рукъ, мы поневолѣ должны высоко цѣнить его экскерпты, безъ которыхъ многія стороны культурной исторіи Греціи были бы для насъ *lettres closes*.

Изъ сказаннаго ясно, что для челоѣка, принявшагося переводить на другой языкъ „Періегезу“ Павсанія, какъ бы сама

собою устраняется одна изъ наиболѣе существенныхъ трудностей, обыкновенно представляющихся переводчику: для него вѣтъ уже огромной важности и первой необходимости сохранить въ своемъ переводѣ всѣ особенности выраженія, всѣ тонкости стили, всю, такъ сказать, физиономію подлинника въ такой мѣрѣ, въ какой это важно и необходимо напр. для переводчиковъ Эукидида, Демосеена или Тацита. Тамъ, гдѣ весь интересъ исключительно сосредоточенъ на матеріальномъ содержаніи, — гдѣ форма занимаетъ послѣднее мѣсто, никто не станетъ требовать отъ переводчика ничего, кромѣ вѣрной передачи мысли, и всякій охотно проститъ ему отступленіе отъ вѣрности подробностей *выраженія* этой мысли.

Такъ, повидимому, смотрѣлъ на свою задачу и самъ г. Янчевецкій, зачастую свободно отступающій отъ текста оригинала въ видахъ ясности и удобочитаемости перевода, — и это не худо. Худо то, что явные ошибки, происшедшія, очевидно, отъ недосмотра или торопливости, попадаютъ въ его почтенномъ трудѣ чаще, нежели слѣдовало бы. Вотъ нѣсколько примѣровъ, выбранныхъ на удачу:

I, 40, 1: „[Θεαγένης]... ἰμῶν γυναικὸς κόλιον Ἀθηναίων“ (греч. *Θεαγένης, οὗ... ἐκμνήσθη, θυγατέρα αὐτὸν συνοικίσει Κόλιον Ἀθηναίων*; при этомъ у г. Янчевецкаго сдѣлана ссылка на I, 28, 1, гдѣ совершенно правильно дочь Θεагена значится женою Килона).

II, 15, 5: „Этотъ Инахъ“ и проч. слѣдуетъ: „этотъ Фороней“ и проч., ибо греч. *τοῦτον δὲ* въ указанномъ мѣстѣ относится къ предшествующему *Φορωνεῖ*, а не къ *Ἰναχον*, что совершенно ясно и изъ дальнѣйшаго: *ὄν δὲ αὐτῷ Κηφισὸν τε καὶ Ἀστερίωνα καὶ τὸν Ἰναχον ποταμὸν*.

III, 14, 9: Фраза: „*πυκτεριναὶ δὲ ἢ τε Κολοφωνίων θυσία καὶ τῶν ἐν Λακεδαίμονι ἐφήθων καθέστησαν*“ переведена такъ: „но и въ Лакедемонѣ жертвы приносятся ночью“.

IV, 9, 1: „*δαλάνη τε γὰρ χρημάτων ἀλειρήσων [οἱ Μυσοήνιοι], ἢ τῶν πόλεων ἀνήλικον ἐς τὰς φρουράς*“ передано г. Янчевецкимъ по-русски слѣдующимъ образомъ: „сборы на содержаніе страны (?) разорили пограничные города (?)“. — Въ той же книгѣ (IV), гл. 20, 8, слова: „*μυθὸς τῆς γυναικὸς, ἣν ἔβλεπε*“ представлено такъ: „*μυθὸς τῆς γυναικὸς, ἣν ἔβλεπε*“ представляють забавный и нельзя сказать, чтобы удачный эвфемизмъ для выраженія греческаго „*τῆς ἐκ τοῦ βουκόλου μοιχευομένης ὁ ἀνήρ*“.

VI, 22, 5: „*ἡ δὲ Πυλῶς ἐκ τῆς Πυλῶς ἐκ τῆς Πυλῶς*“; въ подлинникѣ — *δυσδοήκοντα στάδια*. — Тамъ же (23, 1) длинная фраза: „*Ἐν δὲ Ἠλιδι... δρῶν καθέστηκε*“ съ ущербомъ для ясности выраженія сокращена переводчикомъ такъ: „въ Илιδѣ замѣчательна древняя гимнасія и приготовленіе въ ней атле-

товъ въ Олимпійскихъ играмъ“. Кто приготовлялъ атлетовъ и какъ они приготовлялись? — вправѣ спросить читатель, не имѣющій подъ рукою оригинала и потому не знающій, что въ текстѣ рѣчь идетъ о предварительныхъ упражненіяхъ, — такъ сказать, репетиціяхъ, предшествовавшихъ публичному выступленію атлетовъ на олимпійскихъ состязаніяхъ.

VIII, 41, 3. Слова: „*ἐς τε τὸ ἄνω καμλὰς καὶ αἰθῆς ἐκιστροφὰς παρεχόμετος πλείστας*“ оставлены безъ перевода; впрочемъ, пропускъ этотъ не единственный.

Неточности встрѣчаются въ разсматриваемомъ переводѣ также нерѣдко. I, 1, 2 словами: „корабельныя мастерскія“ переданъ греческій терминъ „*πρώβολοι*“, что, какъ извѣстно, означало и верфь, и нѣчто въ родѣ морского арсенала, и мѣсто стоянки кораблей во время прекращенія навигаціи. За неимѣніемъ вполне подходящаго выраженія въ русскомъ языкѣ слѣдовало бы дать объясненіе въ подстрочномъ примѣчаніи. — II, 14, 1 „въ пяти стадіяхъ отъ Фліунта“ и проч.; въ греч. текстѣ здѣсь указано разстояніе далеко не такъ опредѣлительно: „*πέτε πον σταδίους μάλιστα*“ (этого рода неточности въ нашемъ переводѣ очень часты). — V, 12, 7 различія между *ἤλεκτρον* = янтарь и „*ἤλεκτρον*“ въ смыслѣ особеннаго металлическаго сплава не выяснено ни въ текстѣ, гдѣ лучше было бы употребить слово „электръ“, ни въ примѣчаніи, и слова: „обыкновенный янтарь (греч. *τὸ δὲ ἄλλο ἤλεκτρον*) — смѣсь серебра съ золотомъ“ должны возбудить недоумѣніе въ русскомъ читателѣ*). — V, 15, 10 термины: „копѣй“ (*ξυλεύς*) и „дровяникъ“ одинаково темны и непонятны. — V, 16, 6: „онъ же ставитъ два хоровада: одинъ носитъ имя Фискон, другой Ипподамій“. Неясно. Въ оригиналѣ стоитъ: „*αὶ δὲ ἐκκαίδεκα γυναικας καὶ χοροὺς δύο ἰσῆσι, καὶ τὸν μὲν Φυσκόας τῶν χορῶν, τὸν δὲ Ἰπποδαμείας καλοῦσι*“. — VI, 19, 13: „на карнизѣ сокровищницы“ и т. д. Строкою ниже: „а надъ карнизомъ прибить щитъ“, и проч. Слово „карнизъ“ является здѣсь эквивалентомъ греч. „*ἀετός*“, что не совсѣмъ вѣрно: „*ἡ γὰρ ἐπὶ τοῖς προκυλαίοις κατασκευῆ) αετοῦ μίμειται σχῆμα, ἀποτεταχότος τὰ πτερά*“ (Beckk. Anecd. 343). Правильнѣе перевелъ г. Янчевецкій тотъ же терминъ на стр. 459 (V, 10, 3) гдѣ описывается храмъ Зевса въ Олимпіи: „вышина его до фронтона [орла] 68 футовъ“ и проч.

Наиболѣе удачными слѣдуетъ признать въ переводѣ тѣ мѣста, гдѣ простое описаніе смѣняется историческимъ рассказомъ, какъ напр. въ повѣствованіи о нашествіи „галатовъ“ (кстати: отчего „галатовъ“, а не „галловъ?“), о мессенскихъ войнахъ,

*) „Электръ“, т. е. металлическій сплавъ, а не „литарь“, разумѣется также и VIII, 18, 5 (у Янчевецкаго стр. 627). Наоборотъ IX, 41, 5, гдѣ г. Янчевецкій переводитъ „унизанное электромъ“, кажется, имѣется въ виду янтарь.

о войнахъ ахейцевъ, о Филопемевъ. При значительной близости къ подлиннику въ указанныхъ мѣстахъ переводъ отличается большою гладкостью, иногда даже изяществомъ, и читается съ удовольствіемъ. Напротивъ, прорисованія оракула и стихотворныя надписи переведены не искусно и не всегда понятно. Такія слова, какъ китофагъ (*κίτοφαγος* X, 12, 3, гдѣ лучше было бы принять конъектуру Шубарта *σιτοφαγος*), „килидоны“ (*Κηλιδόνες*) и т. п., нуждаются либо въ иной передачѣ, либо въ комментаріи.

О непоследовательности въ транскрипціи собственныхъ именъ можно было бы не говорить, еслибы г. Янчевецкій, пишущій „Ерма“ (Гермесъ), „Пелопоннисъ“, „Илида“ и проч., не обнаруживалъ явнаго стремленія быть въ этомъ отношеніи последовательнымъ. Похвальное стремленіе это не привело къ желанной цѣли: книга пестритъ формами, идущими въ разрѣзъ съ принятою переводчикомъ системою, — доказательство того, какъ трудно бороться съ привычною традиціею. Чтобы не быть голословнымъ, приведу два — три примѣра: стр. 361 „Фивеонъ“, но стр. 347 (и индѣ) „Фивея“ = греч. *Φοῖβαϊον*; стр. 347 „ефебы“ вм. ожидаемаго „ефивы“; стр. 454 „иперворея“, но въ слѣдующей же строкѣ „Борей“; „Птоломея“ въ первой половинѣ книги, „Птоломея“ — въ послѣдней; стр. 638 „Герей“ вм. „Ирей“ (*Ἰρείης*), „Гера“ вм. „Ира“; стр. 650 „Филоктеть“ вм. „Филоктитъ“ и проч.

Свои примѣчанія къ переводу г. Янчевецкій, какъ и самъ онъ заявляетъ въ предисловіи, заимствовалъ изъ лучшихъ нѣмецкихъ комментаріевъ Павсанія и изъ извѣстной книги Бедекера. Этотъ матеріалъ онъ дополнилъ соответствующими выписками изъ „Bulletin de correspondance Hellénique“, сдѣланными по его просьбѣ умѣлою рукою В. В. Латышева. Кромѣ того переводчикъ счелъ нужнымъ предпослать своему труду статью Шубарта объ историко-литературномъ значеніи Павсанія, составленный Кекуле очеркъ исторіи греческаго искусства, списокъ ваятелей и живописцевъ, упоминаемыхъ Павсаніемъ, (по Брунну) и рядъ родословныхъ таблицъ (по Видашу и Клинтону). Несмотря на странные подчасъ промахи, встрѣчающіеся въ переводѣ указанныхъ статей, каждый, кому понадобится Павсаній въ русскомъ переводѣ, можетъ только поблагодарить за эти статьи г. Янчевецкаго. Я позволю себѣ только выразить сожалѣніе, что переводчикъ вмѣсто означенной статьи Шубарта, стоящаго вмѣстѣ съ Гурлиттомъ, Бенкеромъ и др. на сторонѣ горячихъ поклонниковъ и защитниковъ Павсанія, не воспользовался въ должной мѣрѣ трудами ученыхъ противоположнаго направленія (Виламовица, Калькманна и друг.) и не представилъ намъ на основаніи тѣхъ пособій, которыми распо-

лагаль, самостоятельнаго этюда о Павсаніи, болѣе умѣреннаго и безпристрастнаго, нежели трудъ Шубарта.

Въ заключеніе, считая долгомъ рекомендовать разсматриваемую книгу всѣмъ любителямъ историческаго чтенія, а больше всего людямъ, интересующимся судьбами искусства, не могу не пожелать, чтобы капитальное произведеніе, о которомъ мы здѣсь говорили, не было послѣднимъ звеномъ въ длинной цѣпи переводовъ, сдѣланныхъ г. Янчевецкимъ съ усердіемъ и добросовѣстностью.

А. Деревницкій.

A. Baumeister, Bilderhefte aus dem griechischen und römischen Altertum, München 1889.

H. Rheinhard, Album des klassischen Altertums zur Anschauung für Jung und Alt, besonders zum Gebrauch in Gelehrtenschulen, 3. Aufl. Stuttgart 1891.

Das alte Rom mit dem Triumphzuge Kaiser Constantin's im Jahre 312 n. Chr. Rundgemälde von den k. Prof. J. Bühlmann und Al. Wagner in München. München 1890.

R. Engelmann, Bilder-Atlas zum Homer. Leipz. 1889.

R. Engelmann, Bilder-Atlas zu Ovids Metamorphosen. Leipz. 1890.

Развитіе въ ученикахъ чувства изящнаго составляетъ, несомнѣнно, не послѣднюю задачу классической школы: къ этому ведетъ (или, по крайней мѣрѣ, должно вести) чтеніе греческихъ и римскихъ прозаиковъ и поетовъ. Но красота внутренняя, выраженная словомъ, равно какъ и красота самого слова, мало еще понятна для юнаго возраста и, кромѣ того, при одномъ этомъ средствѣ, развитіе эстетическаго чувства было бы односторонне. Реализація прекраснаго въ созданіяхъ античнаго искусства является въ этомъ случаѣ на помощь: созерцаніе того или другаго произведенія живописи или скульптуры даетъ каждому ученику возможность, при надлежачемъ руководствѣ, выяснитъ уже жившее въ немъ смутное сознаніе прекраснаго; знакомя его съ идеаломъ древности, оно даетъ ему хоть элементарный критерій для сужденія о прекрасномъ, облагораживаетъ собственные его помыслы и возноситъ самого его до мечты объ идеалѣ. Все это дается и въ каждомъ великомъ произведеніи литературы, но, повторяю, то, что видятъ глаза, сильнѣе дѣйствуетъ, нежели воспринимаемое слухомъ, даже на человѣка необразованнаго.

Все значеніе памятниковъ древняго искусства, стремившагося создать идеалъ божественно-человѣческой красоты, для развитія вкуса учащихся

прекрасно понималъ составитель тѣхъ Bilderhefte, которыя указаны нами выше, А. Баумейстеръ, доказавшій необходимость и значеніе ознакомленія учениковъ съ этой стороною древности въ брошюрѣ: „Gymnasialreform und Anschauung im klassischen Unterricht. (München, 1889)“, представляющей введеніе къ изданному имъ атласу. Не укрылась отъ него и вторая задача подобнаго рода изданій: они должны познакомить учащагося съ нѣкоторыми сторонами и подробностями быта древнихъ, служа иллюстраціей къ тому или другому мѣсту читаемаго въ классѣ автора и, слѣдовательно, содѣйствуя полному его пониманію. Обѣ эти цѣли одинаково важны: въ одномъ случаѣ обогащается умъ новыми знаніями, въ другомъ сердце — новыми впечатлѣніями; а сплосъ и рядомъ обѣ цѣли достигаются одновременно. Поэтому понятно, почему Баумейстеръ придалъ такой разнообразный характеръ своему изданію: тутъ ученикъ, читающій Цезаря, найдетъ всѣ нужные ему предметы военного обихода; тутъ и воспитанникъ VIII кл., при чтеніи трагика, увидитъ всю театральную обстановку древности¹⁾; тутъ, наконецъ, для каждаго класса есть рядъ высоко-художественныхъ созданій искусства, какъ Зевсъ Отриколи, Гермесь Праксителя и т. д. и т. д., которыя подѣйствуютъ своей вѣчно-юной красотой. Рисунки (ихъ 872) исполнены превосходно, нѣкоторые даже красками, и сравнительная дешевизна книги (около 8 рублей) объясняется только тѣмъ, что они всѣ взяты изъ большаго собранія того же Баумейстера, уже вышедшаго вторымъ изданіемъ, въ трехъ томахъ, Denkmäler des klass. Altertums, которое, кстати сказать, должно бы быть настольною книгою каждаго учителя-филолога. Главный недостатокъ этого школьнаго атласа, отмѣченный и нѣмецкою критикою, заключается въ отсутствіи опредѣленнаго плана при распредѣленіи по мѣстамъ отдѣльныхъ рисунковъ; но онъ нѣсколько сглаживается помѣщеннымъ передъ рисунками указателемъ, гдѣ всѣ изображенія подведены подъ извѣстныя группы: 1. Оружіе, война, гимнастика, игры; 2. Изображенія боговъ и т. д. Отсутствіе текста дѣлаетъ для учениковъ затруднительнымъ пользованіе книгою безъ посторонняго руководства, но при живомъ комментаріи учителя она, несомнѣнно, окажетъ хорошую услугу въ классныхъ занятіяхъ древними авторами.

Съ такимъ же удовольствіемъ обращаюсь я и къ „Альбому“ Рейнгарда, полный заголовокъ котораго указанъ выше и который вышелъ теперь третьимъ изданіемъ²⁾. Этотъ альбомъ, заключающій въ себѣ 76 большихъ, исполненныхъ за немногими исключеніями въ краскахъ таблицъ, обнимаетъ собою всѣ отдѣлы древностей, знакомство съ которыми желательно для гимназистовъ, по крайней мѣрѣ старшихъ классовъ. Рисунки дѣлятся на 7 группъ: 1) греческія и римскія зданія и виды мѣстностей (39 таблицъ); 2) римскій домъ (40—46); 3) мнелогія и культъ (47—52); 4) театръ (53—56); 5) во-

¹⁾ Для ознакомленія съ бытовыми древностями особенно важенъ изданный Зееманомъ въ Лейпцигѣ Kulturhistorischer Bilder-Atlas, I: Griechen und Römer, bearb. v. Th. Schreiber (100 таблицъ) съ книжкою текста.

²⁾ Перепечатанъ со 2-го безъ перемѣнъ.

енное дѣло (57—63); 6) одежда, статуи, бюсты (64—73); 7) вазы, геммы и монеты (74—76 табл.). Къ каждой таблицѣ имѣется описательный текстъ, составленный хотя и кратко, но достаточно полно и ясно, и знакомящій какъ съ цѣлыми городами (Афинами, Олимпіей, Спартой, Коринтеомъ, Помпеями), такъ и съ отдѣльными памятниками и зданіями въ нихъ (акрополь, пропплея, эрехтейонъ, есейонъ, храмъ Аены на Эгинѣ, форумъ, капитолій, коллизей, храмъ Весты и т. д.); текстъ къ таблицамъ 40—46 знакомитъ съ устройствомъ римскаго дома и съ тѣми вещами, которыя извѣстны подъ общимъ именемъ *suppellex*. Вахваліи, жертвоприношенія, похоронные обряды, театральное дѣло, война на сушѣ и на морѣ, триумфальное шествіе — все это дано въ прекрасныхъ рисункахъ и съ должными разъясненіями въ текстѣ. Наибольше слабъ отдѣлъ 6-ой „статуи и бюсты“, гдѣ мы видимъ группу Лаокоона (70), Ніобу съ дочерью (71) и двѣ таблицы бюстовъ боговъ и знаменитыхъ дѣятелей и цезарей (72 и 73); съ изображеніями боговъ этотъ атласъ не знакомитъ ученика, и въ этомъ отношеніи *Bilderhefte* Баумейстера стоятъ гораздо выше, хотя, замѣтимъ кстати, мы не знаемъ лучшаго по исполненію, и въ то же время сравнительно доступнаго по цѣнѣ изданія по художественной мнелогіи, нежели *Neoen-und Götter-gestalten* Лангла. „Альбомъ“ Рейнгарда особенно цѣненъ исполненными отлично, въ мягкихъ краскахъ, видами мѣстностей и зданій; по исполненію и по объему даже той части, которая касается Рима, онъ значительно превосходить извѣстное дешевое изданіе Циглера-Ziegler. *Das Alte Rom*.

Риму вообще посчастливилось болѣе, нежели Афинамъ. Изящныя фотографіи съ картинъ художниковъ Бюльмана и Вагнера, изданныя въ видѣ панорамы — восемь отдѣльных фотограф. видовъ, соединенныхъ въ видѣ длинной складной ленты — представляютъ Римъ при Константинѣ въ тотъ моментъ, когда послѣдній послѣ побѣды надъ Максентіемъ при Мильвіевомъ мосту (312 г. по Р. Х.) совершаетъ триумфальный въездъ въ Капитолій. Если развернуть эту ленту и представить себѣ концы ея соединенными такъ, чтобы получился кругъ съ изображеніями на внутренней сторонѣ, то передъ зрителемъ, находящимся внутри этого круга, развернется панорама древняго Рима. Зритель предполагается стоящимъ на сѣв. вост. краю Капитолійскаго холма передъ храмомъ Юноны Монеты. Между храмами Юноны Монеты и Юпитера Капитолійскаго открывается видъ на Марсово поле; видна часть Марцеллова театра, театр Помпея, портикъ Октавія, циркъ Фламинія и др. зданія, а вдали мавзолен Августа и Траяна; ставъ лицомъ къ храму Юпитера Капитолійскаго и дѣлая постепенно поворотъ на лѣво, зритель видитъ Палатинъ съ прилегающимъ къ нему Большимъ Циркомъ, далѣе форумъ съ базиликами, храмами, арками, и наконецъ рядъ роскошныхъ императорскихъ форумовъ. Эти картины, полныя жизни и блеска, должны произвести сильное впечатлѣніе на зрителя и запечатлѣть въ его памяти величественное зрѣлище, являемое вѣчнымъ городомъ; съ этой стороны подобные рисунки (т.-е. реставраціи) имѣютъ большое значеніе. Руины, какъ бы онѣ ни были грандіозны и прекрасны, не такъ привлекаютъ юныя сердца, какъ восстановленіе древности въ живомъ ея видѣ; поэтому, этотъ

альбомъ отлично пополняетъ собой оба, указанные нами выше, и Рейнгарда, и Циглера ¹⁾).

Совершенно особую цѣль, наконецъ, преслѣдуютъ оба „атласа“ Энгельмана: они даютъ древнія изображенія сценъ, описываемыхъ у Гомера и Овидія, и должны ознакомить ученика съ тѣмъ, какъ сами древніе представляли себѣ описанныя у этихъ поэтовъ картины. Едва-ли и самая цѣль подобнаго рода подходитъ для гимназій, и еще болѣе сомнительно для насъ, чтобы надо было осуществлять эту цѣль такъ, какъ это дѣлаетъ Энгельманъ, собравшій въ атласъ къ Гомеру значительное число рисунковъ на вазахъ (часто архаичныхъ) и помпейскихъ картинахъ (въ большинствѣ случаевъ плохо сохранившихся) и дающій очень немного истинно художественныхъ изображеній изъ области скульптуры, какъ бюстъ Гомера (Zu Homer, Pias, 1), статуя Мелеагра (ib. 55), группа: Менелай съ трупомъ Патрокла (ib. 77), статуя дискобола (ib. 101), отдыхающаго Гермеса (ib. 110), Одиссей (Odys., 34). Остальные рисунки, — не говоря уже о томъ, что въкоторыя изъ нихъ не совсѣмъ удобны по содержанию или исполненію для показыванія въ классѣ (напр. Zu Odys. 51), — не достигнутъ рѣшительно своей цѣли отчасти по комическому исполненію въ архаическомъ стилѣ, отчасти по чрезвычайно плохой сохранности (напр. Zu Odys. 12, 17, 36, 38 и др.; zu Pias 35, 78 и др.); они способны только вызвать улыбку на лицѣ ученика и вселить въ него ложное презрительное чувство къ этимъ дѣтскимъ попыткамъ еще только нарождающагося искусства. Лишь нѣсколько не дурно исполненныхъ помпейскихъ картинъ, иллюстрирующихъ приключенія Одиссея, да весьма немного другихъ рисунковъ могутъ быть выбраны изъ всего атласа для ознакомленія съ ними учениковъ. Имъ надо предлагать лучшія произведенія древности, чтобы научить ихъ любить ее, чтобы заронить въ ихъ душу хоть искру сознанія о той великой художественной жизни, которая отличаетъ древній міръ.

„Атласъ къ Овидіевымъ метаморфозамъ“ выполненъ совершенно такъ же и столь же мало, на нашъ взглядъ, пригоденъ для школьнаго употребленія. Мы должны падать скромность воспитанниковъ; приучать же ихъ къ смакованію рисунковъ, подобныхъ 9, 10, 13, 14, 74, гдѣ мы видимъ Аполлона, преслѣдующаго Дафну, Борея, уносящаго дочь Эрехоея, сцены съ Іо и др., — едва-ли педагогично: выборъ рисунковъ для школы долженъ быть болѣе строгъ, и все, что можетъ вызвать двусмысленную улыбку, должно быть устраниено изъ школьнаго атласа, каковымъ, однако, хочеть сдѣлать свое изданіе Энгельманъ, какъ это видно изъ его предисловія къ гомеров-

¹⁾ Не мѣшаетъ тутъ отмѣтить и вышедшую въ 1886 году въ Лейпцигѣ у Зеemannа книгу Р. Menge „Einführung in die antike Kunst“ съ атласомъ, Bilderatlas zur Einf. in die ant. K. v. R. Menge. Атласъ содержитъ 36 таблицъ изображеній реставрированныхъ и нереставрированныхъ памятниковъ древняго искусства (включая и восточное) изъ всѣхъ его областей, а книга представляетъ весьма дѣльный конспектъ по исторіи древн. искусства, начиная съ египетскаго и кончая римскимъ поздней эпохи.

скому атласу. Но собранные издателем рисунки, съ краткимъ объяснительнымъ текстомъ и съ указаніемъ, откуда взять рисунокъ и гдѣ находится тотъ или другой изображенный въ атласѣ памятникъ, имѣютъ свое значеніе и интересны для археолога, какъ иллюстраціи современныхъ, или почти современныхъ, или во всякомъ случаѣ древнѣя, къ классическимъ авторамъ. Это скорѣе ученое, нежели учебное изданіе.

Единственный ¹⁾ изданный въ Россіи атласъ античнаго искусства есть пока атласъ проф. Цвѣтаева, но онъ назначенъ для студентовъ, для систематически научнаго изученія искусства; ученики же гимназій остаются до сихъ поръ безъ такого необходимаго пособія. Нѣмецкій Schüler можетъ находить удовольствіе въ изученіи класс. древности, она представляется ему въ привлекательномъ видѣ. Спрашивается, что же сдѣлали мы для того, чтобы заставить русское юношество полюбить этотъ античный міръ, этотъ міръ красоты *κατ' ἐξοχήν*?

В. Анпельротъ.

Bilder-Atlas zu Caesars Büchern de bello gallico. Mit über 100 Illustrationen und 7 Karten. Herausg. v. Raimund Oehler. Leipzig 1890. (78 стр. и XXIX таблицъ).

Движеніе, начавшееся въ Германіи, а по ея примѣру и у насъ, противъ узко-грамматическаго преподаванія древнихъ языковъ, вызвало какъ тамъ, такъ и тутъ не только краткія и упрощенныя грамматики, но и рядъ пособій для нагляднаго объясненія древнихъ авторовъ. Укажемъ у насъ напр. на прекрасныя въ общемъ таблицы С. Цибульскаго и на рядъ комментированныхъ и снабженныхъ иллюстраціями изданій древнихъ классиковъ; что касается Германіи, то тамъ различныя Bilderhefte, Bilder-Atlanten въ послѣднее время стали модой. Этому движенію остается только радоваться: ознакомленіе учащихся съ вещественными памятниками древности и наглядное изображеніе мѣстъ, гдѣ происходили описанныя у древнихъ авторовъ событія, несомнѣнно болѣе способствуютъ развитію эстетическаго вкуса и интереса къ чтенію классиковъ, чѣмъ одно грамматическое толкованіе послѣднихъ въ связи съ механическимъ переводомъ предложеннаго текста.

Къ такимъ новымъ пособіямъ принадлежитъ и книга съ выписаннымъ нами заглавіемъ.

Это изящное изданіе состоитъ изъ двухъ частей: текста и иллюстрацій. Текстъ содержитъ 1) двѣ статьи: „римское военное дѣло у Цезаря“ (войско и флотъ) и „одежда и вооруженіе галловъ“ и 2) подробныя объясненія иллюстрацій. Статья о военномъ дѣлѣ составлена по Марквардту (Röm. Staatsverwaltung Bd. II²) и, главнымъ образомъ, по Фрелиху (F. Fröhlich,

¹⁾ Не говорю о прекрасныхъ таблицахъ г. Цибульскаго, ибо онѣ преслѣдуютъ чисто практическую цѣль — ознакомленіе учениковъ съ древностями.

Das Kriegswesen Caesars, Zürich 1890¹⁾, и сообщает довольно много новыхъ взглядовъ на нѣкоторые пункты военнаго дѣла у римлянъ въ эпоху Цезаря, напр. о численности легіона, о *lixae*, объ *agger*, о штурмѣ городовъ и др. Главный недостатокъ изложенія — это краткость его и сухость, во многихъ мѣстахъ одно перечисленіе техническихъ терминовъ. Но при всемъ томъ нельзя его упрекнуть въ неполнотѣ. Нѣтъ вопроса по части военнаго дѣла, который не нашелъ бы себѣ въ разбираемой книгѣ поясненія. Авторъ даже затрогиваетъ вещи, совсѣмъ не попадающіяся у Цезаря, напр. *roemula*, *thogax stadios*, *tegebva* и др. — Совершенно новымъ является отдѣлъ о флотѣ. Собственно говоря, этотъ отдѣлъ, въ такомъ объемѣ и съ такими подробностями, съ какими онъ является у Элера, вовсе не соответствуетъ потребностямъ при чтеніи „Галльской войны“ Цезаря, гдѣ описаніе морскихъ сраженій занимаетъ весьма незначительное мѣсто, и даже Бранеръ въ своемъ обширномъ введеніи совсѣмъ не касается морского дѣла. Притомъ авторъ приводитъ столько специальныхъ терминовъ на разныхъ языкахъ (особенно много новыхъ терминовъ: *Gordings*, *Raapocken*, *Backstag*, гл. *hissen*, *fleren* и др. т. под. слова, не говоря уже о греч. и лат.), что этотъ отдѣлъ для русскихъ читателей (да, вѣроятно, и для нѣмецкихъ) является положительно неудобочитаемымъ и мало понятнымъ. — Далѣе идетъ статья объ одеждѣ и вооруженіи галловъ. Она нова и интересна, и, судя по довольно многочисленнымъ ссылкамъ на разные ученые труды, читатель можетъ полагаться на достовѣрность сообщаемыхъ данныхъ.

Текстъ оканчивается описаніемъ иллюстрацій. Но сначала поговоримъ о самыхъ иллюстраціяхъ.

Читателя поражаетъ масса рисунковъ съ барельефовъ, статуй, монетъ, моделей, реконструкцій различныхъ сооружений. Но при внимательномъ разсмотрѣніи добрая треть всего этого могла быть не помѣщена въ атласѣ даже съ пользою для дѣла. Для учащихся дѣтей негодятся тѣ античныя изображенія, гдѣ въ грубой, условной формѣ представлены, напр., *agmen quadratum* (рис. 30), какъ римскіе солдаты поджигаютъ германскую деревню (36), военный совѣтъ германскихъ вождей (37), парадъ всадниковъ (40) и др. под. Такія изображенія вызовутъ у ученика смѣхъ, а не интересъ. Не годятся также ничего не говорящіе ученику рельефы, какъ: Траянъ раздаетъ солдатамъ дары, (32) или: триумфъ имп. М. Аврелія (39), или: хозяева купеческихъ кораблей, стоящихъ въ гавани (55). Нѣкоторыя изображенія неизвѣстно какъ и попали въ Атласъ къ „Зап. о галльской войнѣ“, какъ напр. 16: Августъ какъ полководецъ (статуя въ Ватиканѣ) или 54: египетскій корабль 1700 года до Р. Х. Наиболѣе же интересными и поучительными являются изображенія различнаго оружія, римскаго и

¹⁾ Авторъ пользовался лишь первой частію (I. Schaffung und Gestaltung der Kriegsmittel). Вторая и третья части (II. Ausbildung und Erhaltung der Kriegsmittel. III. Gebrauch und Führung der Kriegsmittel) вышли послѣ изданія его труда. Книга Фрелиха, можно сказать, упразднила известное соч. Рюстова: *Heerwesen und Kriegführung C. Julius Caesar*. 2. Aufl. Nordhausen 1862.

гальскаго, вооруженныхъ воиновъ (съ надгробныхъ памятниковъ), но особенно реконструкціи, валр. катапульты и баллисты, моста черезъ Рейнъ, воздвигнутой подъ Аварикомъ осадной плотины, профиль осаднаго вала и устроенныхъ подъ Алезіей препятствій, гальскаго стѣны (хотя ея реконструкція совсѣмъ не согласуется съ описаніемъ Цезаря, В. G. VII, 23). Послѣдніе рисунки (кромя катапульты и баллисты) сдѣланы съ моделей, находящихся въ Сень-Жерменскомъ музеѣ, гдѣ собраны богатѣйшія коллекціи галло-римскихъ древностей. — Удивительно, что кромя мало говорящаго ученику изображенія цезарева лагеря у р. Аксоны (Aisne) по Геллеру, лагерь римскій почти совсѣмъ не иллюстрированъ. Нельзя же удовольствоваться рельефомъ (45) трайновой колонны, изображающимъ, какъ императоръ приносить жертву въ лагерь.

Что касается картъ, то этотъ отдѣлъ весьма не полонъ. Помѣщено всего семь картъ, изъ которыхъ пять исполнены по Наполеону и двѣ по Кампену. Существеннымъ упущеніемъ можно считать отсутствіе карты къ В. G. I 23—26 (пораженіе гельветовъ), къ I 42—53 (пораженіе Аріовиста) и къ V 24—37 (истребленіе 15 римскихъ когорть). Атласъ Кампена и Рейнгардовское изданіе Цезаря въ этомъ случаѣ имѣютъ большое преимущество передъ атласомъ Элера. Наконецъ, отмѣчу также отсутствіе общей карты Галліи съ показаніемъ путей Цезаря, какъ это сдѣлано на картахъ Гелера и Рейнгарда.

Описаніе рисунковъ чрезвычайно полно и обстоятельно; всякій разъ указывается, откуда взять рисунокъ, и разъясняются даже мелкія подробности. Тутъ много интереснаго и поучительнаго.

Вообще разсмотрѣнный атласъ къ Цезарю представляетъ собою, во полнотѣ собранія иллюстрацій, весьма полезное пособіе при классномъ чтеніи Цезаря, разумѣется, для учителя, хотя нѣкоторые рисунки могутъ быть показаны ученикамъ и даже должны не мало ихъ заинтересовать. — Кстати замѣчу, что въ скоромъ времени выйдетъ въ свѣтъ же автора атласъ къ Ливію (предполагается около 30 картъ и плановъ того жъ др. рис.). Это будетъ первой попыткой подобнаго рода и весьма интересной новинкой.

А. В. А.

П. Овидій Назонъ, Избранныя стихотворенія. Латинскій текстъ съ введеніемъ и указателемъ собственныхъ именъ, составленными Андреемъ Адольфомъ. Москва 1890. — П. Овидій Назонъ, Избранныя стихотворенія. Съ введеніемъ, примѣчаніями, 66 рисунками и картою звѣзднаго неба. Объяснилъ проф. И. Нетушилъ. Царское Село 1891.

Единственное почти пособіе по Овидію, изданіе Смирнова - Павлова, съ честью служившее русской классической школѣ въ теченіе столькихъ лѣтъ (съ 1869 г.), имѣло одинъ крупный недостатокъ, повлекшій за собою, хотя и не существенное, но все же весьма замѣтное послѣдствіе для поколѣній, пользовавшихся этой книгой. Дѣло въ томъ, что изданіе Смирнова-Павлова заключаетъ въ себѣ только „Избранныя басни изъ Метаморфозъ“,

т.-е. изъ сочиненія, написаннаго гексаметромъ; изъ сочиненій же, составленныхъ элегическимъ стихомъ, въ книгу Смирнова-Павлова не вошло ни одного отрывка. А такъ какъ, кромѣ Овидія, въ гимназии читаются по-латыни изъ поэтовъ еще только Вергилій и Гораций, у которыхъ элегическаго размѣра не имѣется, то изъ гимназій выходили многочисленныя выпуски, въ глаза не выдавшіе латинскаго элегическаго двуступія, равно какъ и греческаго, если не считать случайныхъ оракуловъ у Геродота. Такой нѣсколько странный пробѣлъ и послужилъ, очевидно, причиною къ тому, что выше указанные издатели „Избранныхъ стихотвореній Овидія“, почти одновременно и во всякомъ случаѣ независимо другъ отъ друга приняли въ составленныя ими сборники, сверхъ отрывковъ изъ „Метаморфозъ“, также и нѣкоторыя части изъ сочиненій, написанныхъ элегическимъ размѣромъ.

Такимъ образомъ въ изданіе Адольфа вошли отрывки изъ Скорбей (10 писемъ), изъ Понтійскихъ писемъ (3 письма), изъ Герондъ (2 письма) и изъ Фастовъ (10 отрывковъ) при 35 рассказахъ изъ Метаморфозъ. Все это составляетъ около 7½ тысячъ стиховъ. Каждому номеру предпослано сжатое, но изложенное съ достаточною полнотою содержаніе отрывка. Въ началѣ книги, въ введеніи, помѣщенъ очеркъ жизни и поэтической дѣятельности Овидія, а въ концѣ — указатель собственныхъ именъ съ необходимыми для цѣли книги поясненіями. Изъ предисловія видно, что составитель надѣется со временемъ издать отдѣльной книгой объясненія къ настоящему сборнику.

Въ изданіи проф. Негушила текстовый матеріалъ гораздо болѣе ограниченъ, представляя собою лишь около 2½ тысячъ стиховъ. Сюда вошли 22 отрывка изъ Метаморфозъ, 1 изъ Фастовъ и 2 изъ Тристій (Скорбей) и, кромѣ того, рядъ изреченій (*sententiae*) Овидія, состоящихъ изъ 1—6 стиховъ. Введеніе заключаетъ въ себѣ слѣдующія статьи: 1) біографію поэта; 2) перечень и изложеніе содержанія главнѣйшихъ сочиненій Овидія; 3) характеристику поэзіи Овидія; 4) языкъ стихотвореній Овидія; 5) краткія свѣдѣнія изъ просодіи и метрики; 6) краткій очеркъ римской міеологіи; 7) замѣчанія объ астрономіи и метеорологіи у Овидія; въ концѣ введенія приложенъ указатель именъ, встрѣчающихся въ очеркѣ римской міеологіи. Въ комментаріи главное вниманіе сосредоточено на возможно точной и удачной передачѣ латинскаго текста на русскій языкъ, основанной на правильномъ пониманіи мѣста.

Текстъ въ обоихъ изданіяхъ представляетъ собою школьную вульгату, основанную главнымъ образомъ на изданіи Меркеля. Тѣмъ не менѣе редакція нѣкоторыхъ мѣстъ оказывается различною; ср. напр. интересный въ критическомъ отношеніи заключительный стихъ въ рассказѣ о Филемонѣ и Бавкидѣ; въ изданіи Адольфа читается онъ такъ:

Cura pii dis sunt, et qui coluere, coluntur,

въ изданіи же Негушила онъ имѣетъ слѣдующій видъ:

Curae dum di sint, et qui coluere, colantur.

И. П.—минъ.

Латинская грамматика. По Штегману составилъ В. Никифоровъ. Изд. второе, исправленное. Москва, 1891 (стр. 294, in 8°).

Грамматика г. Никифорова, представляющая съ нѣкоторыми измѣненіями переводъ очень распространеннаго теперь въ Германіи руководства Карла Штегмана, основана исключительно на языкѣ классической прозы: особенности другихъ авторовъ, напр. поэтовъ и Ливія, совершенно игнорируются¹⁾. Въ этомъ отношеніи разсматриваемая нами книга едва ли удовлетворяетъ вполне настоящей программѣ. Но такъ какъ у насъ еще не существуетъ руководства, вполне удовлетворяющаго теперешнимъ потребностямъ школы, да и едва ли оно можетъ быть скоро издано, то книга г. Никифорова является однимъ изъ лучшихъ учебниковъ латинской грамматики на русскомъ языкѣ: она имѣетъ то преимущество предъ другими руководствами, что изучаемый матеріалъ въ ней, согласно требованіямъ программы, сокращенъ почти до минимума. Кромѣ того, какъ самъ Штегманъ, такъ и его переводчикъ, употребляли всѣ возможные средства, чтобъ облегчить изученіе грамматики: правила изложены коротко, ясно и точно; чтобы ученикъ обратилъ вниманіе на какое-либо слово, оно напечатано особымъ шрифтомъ²⁾; основныя правила отличены отъ менѣ важныхъ также шрифтомъ. Г. Никифорова можно упрекнуть за то, что онъ иногда ужъ чрезмѣрно старается приспособить свое изложеніе къ пониманію учениковъ или, вѣрнѣе сказать, къ пониманію плохихъ учениковъ: такъ, въ § 207, говоря о послѣдовательности временъ въ предложеніяхъ слѣдствія, зависящихъ отъ *praeteritum*, и упомянувъ о томъ, что при глаголахъ со значеніемъ „случаться“ ставится *coni. imparf.*, онъ въ концѣ параграфа еще прибавляетъ: „само собою разумѣется, что *coni. imparf.* бываетъ при этихъ глаголахъ въ томъ случаѣ, если они поставлены въ одномъ изъ прошедшихъ временъ“. Переводъ г. Никифорова сдѣланъ правильно и тщательно; внѣшній видъ

1) Въ переводѣ г. Никифорова мы замѣтили только въ двухъ мѣстахъ отступление отъ этого: на стр. 150 онъ дѣлаетъ замѣчаніе объ употребленіи *accusativus Graecus* у поэтовъ и на стр. 228 упоминаетъ объ употребленіи *coniunctivus* при *antequam* и *priusquam* у Ливія и Непота въ чисто временномъ значеніи. Въ первомъ изданіи его грамматики такихъ замѣтокъ было нѣсколько больше.

2) Впрочемъ г. Никифоровъ иногда злоупотребляетъ этимъ средствомъ: нѣрѣдко страница его книги представляется совершенно пестрой вслѣдствіе обилія различныхъ шрифтовъ; у него мы насчитали 9 шрифтовъ: обыкновенный, жирный, курсивъ, жирный курсивъ, разставка, простой мелкій, мелкій жирный, мелкій курсивъ, мелкая разставка. Такое обиліе шрифтовъ едва ли приноситъ много пользы: оно скоро утомляетъ вниманіе читателя и, слѣдъ, не достигаетъ своей цѣли.

книги также прекрасный. Отъ перваго изданія второе мало отличается въ существенныхъ чертахъ, но мелкихъ измѣненій очень много: кое-что выпущено, кое-что добавлено, многія правила иначе изложены, менѣ важные правила, напечатанныя въ первомъ изданіи крупнымъ шрифтомъ, теперь напечатаны мелкимъ; въ примѣрахъ часто дается переводъ отдѣльныхъ выраженій, которыя могли бы затруднять ученика; кромѣ того, въ концѣ книги приложена глава о тропахъ и фигурахъ и списокъ уклоняющихся глаголовъ для II класса; наконецъ, цѣна книги нѣсколько понижена.

Нѣкоторыя правила являются въ грамматикѣ Никифорова, согласно новѣйшимъ изслѣдованіямъ, въ болѣе правильномъ видѣ, чѣмъ они излагались до сихъ поръ, напр. о глаголахъ долженствованія и возможности въ *apodosis*'в условнаго періода § 231 (ср. напр. Элл. - Зейф. § 272, 3, пр. 1); о способахъ выраженія будущаго въ *coniunctivus*, когда глаголъ не имѣетъ *partic. fut. act.* или поставленъ въ страд. зал. § 208, прим. (ср. Элл. - Зейф. § 246) и т. д. Но при всѣхъ этихъ достоинствахъ, трудъ г. Никифорова, какъ всегда бываетъ, имѣетъ и недостатки, — *errare humanum est*; на нѣкоторые изъ нихъ я считаю излишнимъ указать.

Г. Никифоровъ, слѣдуя Штегману, подводитъ подъ рубрику *genetivus partitivus* такіе случаи, какъ *modius frumenti*, *multum pecuniae* и даже *tria milia equitum*; то же самое мы встрѣчаемъ и въ другихъ грамматикахъ, какъ напр. у Элл. - Зейф. Что род. пад. въ этихъ случаяхъ совсѣмъ иного типа, чѣмъ напр. въ *quis mortalium*, *maior fratrum*, это всякому видно даже изъ русскаго перевода, и Мадвигъ, — умный и точный Мадвигъ, на грамматикѣ котораго слишкомъ мало у насъ обращаютъ вниманія, — тщательно отдѣляетъ такіе родительные другъ отъ друга (*Lat. Sprachlehre*, 3. Aufl. §§ 284 — 285), обозначая ихъ названіями *gen. partitivus* и *gen. generis*; различаетъ эти два случая также и г. Петушиль въ своемъ малоизвѣстномъ нашемъ педагогамъ учебномъ и подробномъ изслѣдованіи „о падежахъ“ (стр. 154), называя такой род. какъ „фунтъ золота“ — обозначающимъ отношеніе мѣры къ измѣряемому, *gen. quantitatis*. — Приводя таблицу дѣленія временъ лат. глагола на главные и историческія (стр. 195), г. Никифоровъ причисляетъ *perf. praes.* къ временамъ главнымъ, а *perf. hist.* — къ историческимъ. Такое дѣленіе намъ кажется непоследовательнымъ. Сами римляне едва ли ясно сознавали разницу между этими перфектами, какъ и мы не сознаемъ ее въ такихъ предложеніяхъ, какъ „Ливій написалъ свою исторію въ такомъ-то году“ и я „уже написалъ письмо“. Въ практическомъ отношеніи это дѣленіе тоже неважно, потому что и *perf. praes.* по отношенію къ послѣдова-

тельности временъ разсматривается, по большей части, также какъ историческое время. Наконецъ, если включать такое дѣленіе въ таблицу, то слѣдовало бы и *praesens* дѣлить на двѣ части, такъ какъ и оно по отношенію къ послѣдовательности временъ принимается то за главное (собственно *praes.*), то за историческое время (*praes. hist.*), и греч. *αοριστή* также, потому что онъ употребляется и въ собственномъ *αοριστικῶς* значеніи, и въ значеніи *περὸ ἑκτα* (напр. *ἡλθον* иногда = *ἐλήλυθα*), при чемъ въ послѣднемъ случаѣ въ предложеніяхъ цѣли послѣ него можетъ стоять и *coniunctivus* совершенно такъ же, какъ послѣ лат. *perf. praes.*, и *optativus*. Такимъ образомъ, достаточно лишь въ текстѣ указать на двойное значеніе лат. *перфекта*, а въ таблицѣ его отнести только къ историч. временамъ.

Эти недостатки принадлежатъ Штегману, и г. Никифоровъ только перенесъ ихъ въ свой переводъ. Но есть нѣсколько ошибокъ и недосмотровъ, въ которыхъ виноваты исключительно переводчикъ. Такъ, въ § 161, пр. 1, онъ переводитъ фразу „за три года до смерти Сципіона“ между прочимъ посредствомъ *tribus annis, quibus (или cum) Scipio mortuus est*, что можетъ значить только „спустя три года послѣ смерти Сц.“— Въ § 233 онъ говоритъ, что *nisi* „ставится обыкновенно въ томъ случаѣ, когда главное предложеніе отрицательное; *si* по употребленію обыкновенно при противоположеніяхъ“: какъ же передать тогда наше „если не“, когда нѣтъ противоположенія и когда главное предложеніе утвердительное? Ясно, что правило о *nisi* невѣрно, такъ какъ этотъ союзъ свободно можетъ стоять и послѣ утвердительнаго главнаго предложенія; а правило о *si* по неполно, потому что *si* по ставится еще и тогда, когда отрицаніе относится къ отдѣльному слову предложенія.

Упомянемъ еще о нѣкоторыхъ менѣе важныхъ пунктахъ. Говоря о временахъ неопредѣленнаго наклоненія (§ 185), слѣдовало бы упомянуть, что *inf. praes.* означаетъ не только дѣйствіе, современное съ дѣйствіемъ *verbi finiti*, но и предстоящее, именно послѣ *verba voluntatis*; кромѣ того, было бы хорошо здѣсь дать практическое правило, что *inf. perf.* и *fut.* ставятся лишь тогда, когда по-русски стоять союзъ „что“ съ прош. или буд., а наше неопред. накл. (за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда оно зависитъ отъ глаголовъ „объщать, надѣяться“ и т. д.) и предложенія съ союзомъ „чтобы“ (конечно, когда они должны быть переведены чрезъ инфинитивную конструкцію) выражаются посредствомъ *inf. praes.* Въ § 192 говорится о переводѣ русскаго дѣепричастія между прочимъ посредствомъ предложенія съ союзомъ *cum* съ *coni. plqr.*: здѣсь, очевидно, не предусмотрѣны такіе случаи, какъ „пріѣхавши въ Римъ, я на-

пишу тебѣ“ (*cum venero*), „возвращаясь домой, я ложусь спать“ (*cum redii*); не упомянуто въ томъ же § о возможности переводить дѣепричастіе съ отрицаніемъ посредствомъ предлога *sine* с. abl. (*dimisi eum sine laudatione* = „не похвалить“) и чрезъ предложеніе съ союзомъ *antequam* (*antequam verbum faceret, de sella surrexit atque abiit* = „не сказавъ еще ни слова“; *membris utimur, priusquam didicimus, cuius ea utilitatis causa habeamus* = „еще не понимая“). — Въ § 193, прим., говоря о переводѣ русскихъ отглагольныхъ существительныхъ чрезъ герундивъ или герундій и *part. perf. pass.*, г. Никифоровъ упоминаетъ лишь о томъ значеніи герундива, когда онъ указываетъ на дѣйствіе предстоящее по отношенію къ *verbum regens*, хотя самъ же приводитъ примѣръ *Brutus in liberanda patria est interfectus*, гдѣ дѣйствія герундива и главнаго глагола современны.

Въ § 199, пр. 2, не упомянуто о самомъ простомъ переводѣ *impf. de sonatu* посредствомъ нашего прош. несов. вида въ родѣ „давалъ“¹⁾. — Неполно ученіе о *plqr. и fut. II* въ §§ 200 и 201, такъ какъ пропущены тѣ случаи употребленія *plqpf. и fut. II* въ главныхъ предложеніяхъ, которые соотвѣтствуютъ греческимъ *plqpf. и fut. III* и о которыхъ счелъ нужнымъ упомянуть даже Штерманъ, а также описательныя формы, состоящія изъ *part. perf. pass.* съ глаголомъ *esse*, которыя Мадвигъ (§ 344) называетъ временами „*des bewirkten Zustandes*“: именно потому, что эти описанія, вмѣстѣ съ описаніемъ посредствомъ глагола *habeo* съ *part. perf. pass.*, служатъ лучшимъ средствомъ для передачи греч. *perf., plqpf. и fut. III* на лат. яз. — Невѣрнымъ кажется намъ также и слѣд. правило относительно *fut. II* (§ 201, 2): „*fut. II* ставится и въ главномъ предл., если дѣйствіе послѣдняго отождествляется съ дѣйствіемъ придаточнаго, выраженнымъ посредствомъ *fut. II*“, въ доказательство чего приводится примѣръ: *pergratum mihi feceris, si* (если = тѣмъ, что) *de amicitia disputaris*; вѣрнѣе сказать, что это бываетъ тогда, когда дѣйствіе гл. предл. оканчивается въ одно время съ другимъ (Мадв. § 340, Anm. 2): во многихъ случаяхъ, напр. *Per. Eram. c. 10 huius de virtutibus vitaeque satis erit dictum, si hoc unum adiescero*, ни о какомъ отождествленіи дѣйствій не можетъ быть и рѣчи. Въ § 204 г. Никифоровъ говоритъ, что дѣйствіе *прнд. предл.* можетъ быть или одновременнымъ, или предше-

¹⁾ На этомъ конативномъ значеніи нашего прош. несов. вида основана между прочимъ слѣд. шутка: А. спрашиваетъ Б.: „поднималъ ли ты колоколъ Ивана Великаго?“ Б. отвѣчаетъ: „нѣтъ; а ты?“ А. говоритъ: „а я поднималъ“, добавляя при этомъ: „только не поднял“. Эта шутка возможна именно благодаря двусмысленности формы „поднималъ“, которую Б. понимаетъ просто какъ прош. продолженнаго вида, а А. какъ попытку къ дѣйствію (= „пробовалъ поднять“).

ствующимъ дѣйствию гл. предл., забывая при этомъ, что оно можетъ быть и послѣдующимъ по отношенію къ дѣйствию гл. предл. (напр. въ предложеніяхъ съ союзомъ *antequam*). Въ § 209 не совсѣмъ ясно опредѣляется разница между *ignoscere debes* „ты долженъ былъ бы простить = ты долженъ простить“ и *ignoscere debebas* „ты долженъ былъ бы простить, но ты не прощаешь“; кажется, Примъ въ своемъ изслѣдованіи *Die irrealen Bedingungssätze bei Cicero und Caesar* въ *Philologus V. Supplementband*, p. 303, вполне справедливо утверждаетъ, что въ подобныхъ случаяхъ, именно когда нельзя подразумѣвать никакого условія, различія между *ind. praes.* и *ind. impf.* замѣтнаго нѣтъ; только въ относительныхъ предложеніяхъ *impf.* значительно болѣе употребителенъ, а въ фигурѣ *praeteritio*, напротивъ, употребляется исключительно *praesens*. Да и вообще весь этотъ § объ употребленіи изъяснит. накл. *vm.* сослагат. отъ глаголовъ, обозначающихъ возможность и долженствованіе, слѣдовало бы изложить болѣе точно и подробно на основаніи вышеупомянутаго изслѣдованія, такъ какъ во многихъ случаяхъ *coniunct.* отъ этихъ глаголовъ даже болѣе употребителенъ, чѣмъ *indicativus*.

Неправильно, по нашему мнѣнію, опредѣляетъ г. Никифоровъ потенциальную форму условія: „условіе и слѣдствіе представляются лишь возможными или вѣроятными“ (§ 231, 2). О вѣроятности условія не можетъ быть и рѣчи: во-первыхъ, иногда дѣлается предположеніе, которое на самомъ дѣлѣ вовсе осуществиться не можетъ (напр. въ извѣстномъ мѣстѣ изъ Цицерона, приводимомъ и у г. Никифорова безъ всякаго даже поясненія: *haec si tecum patria loquatur, nonne impetrare debeat?*); во-вторыхъ, даже предположеніе о чемъ-либо возможномъ нерѣдко высказывается говорящимъ посредствомъ этой формы условія въ такомъ смыслѣ, что говорящій все-таки не ожидаетъ, чтобъ оно на самомъ дѣлѣ сбылось (*Madv.* § 347). Строго говоря, даже названіе этого случая возможнымъ не вѣрно, по справедливому замѣчанію Миллера (*Cic. Lael. ed. Seyffert - Müller*, p. 54); хорошо опредѣляетъ его Риманъ въ своей грамматикѣ (*Syntaxe latine d'après les principes de la grammaire historique par O. Riemann. Paris 1886*) § 206: „предположеніе выражается этой формой просто какъ идея, какъ продуктъ воображенія, и этотъ оборотъ употребляется какъ для выраженія предположенія, не осуществимаго на самомъ дѣлѣ, когда оно относится къ будущему, такъ и предположенія, осуществимаго на самомъ дѣлѣ, хотя болѣе или менѣе сомнительнаго“. — Неполно сформулировано у г. Никифорова правило о формѣ *apodosis*'а ирреальнаго условія въ *асс. с. inf.*: „предыдущее остается безъ переменны, а въ послѣдующемъ *vm. coni. imperf.* ставится (очень рѣдко) *infip.* на *um esse*, *vm. coni. plqp.* ста-

вится *infin. na uigum fuisse*“ (§ 232, 1). Что же ставится *часто* вм. *coni. impf.*? Равнымъ образомъ, и въ примѣчаніи къ этому §: „если глаголѣ не образуетъ *part. fut. act.* или поставленъ въ страдат. залогѣ, то употребляется (впрочемъ очень рѣдко) описаніе *futurum fuisse ut* (съ *coni. impf.*)“ — слѣдовало бы сказать, что дѣлается обыкновенно въ такомъ случаѣ.

Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ пропускахъ и добавленіяхъ сравнительно съ подлинникомъ тамъ, гдѣ, по нашему мнѣнію, не слѣдовало бы отступать отъ него. Въ § 210, 1 — г. Никифоровъ пропускаетъ довольно важное примѣчаніе Штегмана о томъ, что *coni. potentialis*, за исключеніемъ 1 л. ед. ч. и вопросовъ съ *quis*, употребляется только при неопред. подлежащемъ, а въ другихъ случаяхъ бываютъ иные обороты. Въ § 237, пр. 1 опущено интересное наблюдение Штегмана, что въ относит. предложеніяхъ, заключающихъ въ себѣ оттѣнокъ причины, слѣдствія и уступленія, можетъ стоять какъ *coni.*, такъ и *indic.*, смотря по тому, желаетъ ли говорящій выразительно указать на этотъ оттѣнокъ, или нѣтъ. Въ § 241, пр. 3 г. Никифоровъ законически выражается: „*non quare, quae te causa impulerit* — я не спрашиваю о причинѣ, которая побудила тебя“, откуда ученикъ ничего не выведетъ; Штегманъ говоритъ объ этомъ подробнѣе: „объектъ глагола *sentiendi* или *dicendi* вмѣстѣ съ относит. предложеніемъ, опредѣляющимъ его, по-латыни обращается въ косв. вопросъ“. — Нѣкоторыя примѣчанія г. Никифорова намъ кажутся, наоборотъ, излишними, напр. § 231, 2, пр. 1 объ употребленіи *si* или *ut si* съ *coni. praes.* и *perf.* въ *exempla ficta*, такъ какъ этотъ случай ничѣмъ не отличается отъ всякаго другого условія въ потенциальной формѣ. Безполезно также и пр. 2 въ этомъ же § о томъ, что иногда протазисъ первой формы соединяется съ аподозисомъ второй: или надо сказать, когда это бываетъ, или совсѣмъ пропустить такое примѣчаніе.

С. Соболевскій.

Краткая грамматика латинскаго языка. Примѣнительно къ учебнымъ планамъ 1890 г. составилъ Н. Санчурскій. Ч. I-я. 1. Этимологія. 2. Начальныя правила синтаксиса. С.-Петербургъ 1891 (стр. VIII+88).

Прежнія грамматики переполнены исключеніями и перечнями. Заучиваніемъ огромной массы исключеній, отступленій и перечней думали достигнуть основательности знанія. Правда, если правило есть обобщеніе всѣхъ однородныхъ случаевъ, а исключеніе есть указаніе нѣсколькихъ, строго опредѣленныхъ част-

ныхъ случаевъ, не могущихъ войти въ родовое обобщеніе, то къ методически-точному и несомнѣнному выводу мы приходимъ только тогда, если сначала перебираемъ мысленно всѣ исключенія, а потомъ уже обращаемся къ правилу. Прежде чѣмъ примѣнить правило, мы должны удостовѣриться, не нужно ли въ данномъ случаѣ примѣнить исключеніе; а иначе мы рискуемъ ошибиться, и тѣмъ больше нашъ рискъ, чѣмъ меньше знаменатель дроби, выражающей отношеніе исключенія къ правилу. Если мы хотимъ избѣжать всякаго риска, мы должны при переводѣ каждаго слова припомнить мысленно всѣ исключенія, относящіяся ко всѣмъ грамматическимъ категоріямъ, по которымъ разбирается данное слово, и если въ 20-ти фразахъ ученикъ встрѣчаетъ 60 именъ, то ему 60 разъ придется припомнить всѣ исключенія относительно рода и окончаній даннаго склоненія, относительно употребленія падежей и т. д.; переводъ одной фразы будетъ сопровождаться мысленнымъ „повтореніемъ“ цѣлой сотни примѣчаній и исключеній, на каждомъ урокъ придется много разъ „повторять“ всю грамматику со всѣми примѣчаніями, въ теченіе года придется повторить ее не одинъ десятокъ тысячъ разъ... Къ счастью, нашъ мыслительный процессъ совершается обыкновенно въ обратномъ порядкѣ: такъ какъ число случаевъ, обнимаемыхъ правиломъ, неизмѣримо больше числа случаевъ, подходящихъ подъ исключеніе, то къ правильному результату мы приходимъ обыкновенно по закону математической теоріи вѣроятности, вовсе и не обдумывая исключеній. Если словъ на *из* мужескаго рода 2000, а къ исключеніямъ ихъ относится 10, то въ 1990 случаяхъ, даже не зная объ исключеніяхъ, мы не ошибемся въ родъ въ силу закона теоріи вѣроятностей. Въ ежедневной мыслительной работѣ мы пользуемся несравненно менѣе точными обобщеніями; многія научныя области довольствуются выводами, основанными только на теоріи вѣроятности. Что же касается учениковъ, то они всегда идутъ вторымъ путемъ: это нашъ нормальный процессъ мышленія. Если же при обычномъ ходѣ мысли мы игнорируемъ исключенія, а руководимся непосредственно законами и правилами, то для чего же посвящается столько школьнаго времени на заучиванье безконечныхъ исключеній? Степень основательности нашихъ знаній обратно пропорціональна числу исключеній: чѣмъ больше мы принимаемъ въ расчетъ исключеній, тѣмъ менѣе основателенъ и точенъ нашъ выводъ, и высшей основательности знанія мы достигнемъ тогда, когда вполне увѣрены, что исключеній нѣтъ. Учитель обязанъ всякими мѣрами доводить ученика до этой увѣренности въ несомнѣнной точности своихъ выводовъ и знаній. Если же ученику вслѣдъ за правиломъ сейчасъ же сообщили исключенія,

то его сразу поставили на самую шаткую почву, сразу принудили дѣйствовать на-авось, потому что идти постоянно первымъ путемъ — отъ исключеній къ правилу — немислимо, а второй путь неразлученъ съ постоянными опасеніями ошибиться. Ученикъ идетъ вторымъ путемъ, а исключенія остаются совершенно въ сторонѣ при его умственной работѣ, и вся роль ихъ чисто отрицательная: они парализуютъ основательность знанія, сами не принося никакой пользы. Пока не приобрѣтена прочность знаній, исключенія совершенно неумѣстны: дисциплинировать умъ необходимо на методически-точной работѣ, а не на случайностяхъ и вѣроятностяхъ.

Чѣмъ рѣже встрѣчается данное исключеніе на практикѣ, тѣмъ бесполезнѣе его заучивать предварительно, до того момента, когда оно встрѣтится на практикѣ. Какихъ только „раритетовъ“ не преподносятъ мальчугану лѣтъ 11—12, который долженъ безъ всякаго употребленія свято хранить ихъ лѣтъ 5—7 въ своей памяти, пока они не встрѣтятся (если только встрѣтятся) у какого-нибудь автора. Не проще ли было бы знакомить съ этими рѣдкостями при самомъ чтеніи текста, безъ предварительнаго механическаго заучиванія?

Въ виду вышеуказанной отрицательной роли исключеній нельзя не сочувствовать появленію „краткихъ“ грамматикъ, въ которыхъ сообщается только необходимое, а отдѣлъ исключеній и перечней по возможности урѣзанъ. Въ лежащей передъ нами книгѣ этимологія изложена всего на 75-ти страничкахъ, но и при такомъ объемѣ нѣкоторыя статьи пригодны скорѣе для справокъ при чтеніи текста, чѣмъ для систематическаго изученія (напр., о словахъ на *ит* въ род. мн. 2 скл., о сокращеніи род. на *ii*, дат. на *ii*, о греческихъ окончаніяхъ, дробяхъ, архаическихъ формахъ глагола, о словахъ съ оконч. *e* и *i* въ 3 скл., и др.), а нѣкоторыя статьи прямо излишни, напр. о долготѣ гласныхъ въ стихахъ (3 стр.), о *mobilia* (это совершенно излишняя категорія), о дѣленіи существительныхъ по значенію, о дѣленіи падежей на прямые и косвенные (все это умѣстнѣе въ русской грамматикѣ), о прилагательныхъ, не имѣющихъ степеней сравненія, и о разныхъ *defectiva* и *abundantia*. Въ самомъ дѣлѣ, почему, напр., изъ тысячи прилагательныхъ, не имѣющихъ сравн. ст., только четыре удостоились чести попасть въ грамматику? Вѣдь этой степени не имѣютъ не только всѣ относительныя прил., но и цѣлая масса качественныхъ, означающихъ такіе признаки, которые не могутъ измѣряться по степени. Если *falsus*, *sacer*, *diversus* не имѣютъ сравн. ст., то это не потому, что этой степени не допускаетъ грамматика, а потому, что одинъ предметъ не можетъ быть „ложивѣ“, „священнѣе“ или „различнѣе“ другого, и пре-

восх. ст. этихъ словъ указываетъ не на превосходство даннаго предмета передъ остальными, а на высокую степень качества, безъ отношенія къ другимъ предметамъ; точно такъ же и возрастъ человѣка означается не степенями одного слова, а разными словами, такъ что вмѣсто превосходной степени отъ *iuvenis, adolescens* мы сказали бы *puer* и т. д. Или вотъ, напр., перечисляются существительныя, имѣющія „во мн. ч. особое значеніе, котораго въ ед. ч. не имѣютъ“ (19). Во-первыхъ, странно, что эти слова попали въ разрядъ *defectiva*, когда у нихъ формъ даже больше, чѣмъ нужно; во-вторыхъ, мы не видимъ во мн. ч. „особыхъ“ значеній. Если намъ говорятъ, что *rostra* значитъ „ораторская кафедра“, то вмѣсто перевода намъ даютъ объясненіе, вмѣсто конкретнаго предмета означаютъ неопредѣленно-родовое понятіе (то же было бы, если бы, напр., иностранцы московскій Кузнецкій Мостъ называли словами, которыя въ переводѣ значили бы „главная улица“, „лучшая улица“ и т. п.). *Finis* въ ед. ч. значитъ „предѣлъ“ и во мн. „предѣлы“; если же намъ говорятъ, что *finis* значитъ „область“, то это показываетъ только то, что въ послѣднемъ случаѣ на предметъ смотрятъ съ другой стороны, а не съ той, какъ въ первомъ (*finis* указываетъ на границы страны, „область“ — на то, что страна объединена властью — „область“); точно такъ же на „письмо“ мы смотримъ, какъ на нѣчто „написанное“, а римляне смотрѣли, какъ на собраніе „буквъ“, и т. п.; съ другой стороны, и ед. ч. *auxilium, soris* можетъ указывать на войско, *pars* на партію, *fortuna* на матеріальное довольство и т. д. Суженіе и расширеніе понятій есть самое обычное явленіе при переводахъ, но урегулированье этихъ суженій и расширеній — трудъ, совершенно непосильный для элементарной грамматики.

Но считая нѣкоторыя статьи лишними, въ другихъ мѣстахъ мы желали бы встрѣтить больше полноты, напр. въ отдѣлѣ о неправильныхъ степеняхъ сравненія, гдѣ нѣтъ даже перевода словъ *maior, plus* и др., не говоря уже объ особенностяхъ употребленія. Многія статьи отличаются слишкомъ конспективной формой, требующей со стороны учителя не мало объясненій. Кромѣ того есть мѣста, гдѣ желаніе быть краткимъ повело къ неясности и неточности. Приведемъ образцы. Родъ опредѣляется окончаніемъ, „а также и значеніемъ“ (5), — при такой редакціи правила ученикъ не будетъ знать, гдѣ и какой критерій предпочитается. Числ. разд. ставятся будто тогда, если „число при нѣсколькихъ предметахъ (?) относится (?) къ каждому въ отдѣльности“ (27). *Quis* „имѣетъ болѣе слабое значеніе, чѣмъ *aliquis*, и потому (?) употребляется энклитически“ (32), а ниже поясняется, „т.-е. ставится позади какого-нибудь слова“.

Но что такое „слабое значеніе“ и не всякое ли слово можетъ стоять позади другого слова? Туманно объясненіе терминовъ „отлож. залогъ“ („потому что они отложили (?), утратили“ одинъ залогъ, какъ будто „отложить“ значить „утратить“), *verbum finitum* (неужели причастіе, напр., менѣе „опредѣленно выражаетъ понятіе о дѣйстви или состояніи“, чѣмъ *coniunctivus*?). Передача на лат. яз. русскихъ причастій наст. д. з. и прош. стр. з. объяснена такъ: „хвалимый, будучи хвалимъ=тотъ котораго хвалятъ; (is) qui laudatur, или = когда (если) хвалятъ — cum, si laudatur, и т. п.“ (36). Что чему равно въ этомъ причудливомъ уравненіи? неужели, напр., „будучи хвалимъ“=тотъ, котораго хвалятъ? Что значить такая фраза: „нѣкоторые глаголы употребляются безлично только въ опредѣленномъ значеніи: *arraget* очевидно (*arrageo* являюсь)? — Изъ прил. на *ilis* немногія образуютъ степени ср.“ (23), „на *us* съ предыдущею гласною (а также и другія прил.)“ (*ib.*), „на вопросъ: въ какомъ году? (и на подобные вопросы)“ (27), въ тв. ставятся „названія времени (и другія слова)“ (81), — какое реальное содержаніе имѣютъ для ученика всѣ эти таинственные слова „и другія“, „и подобные“, „немногія“? Въ таблицъ неопр. мѣстоименій трудно понять, когда обозначеніе „сущ.“ и „прил.“ относится ко всѣмъ родамъ и когда къ одному среднему, почему *quidam* „сущ.“ значить „одинъ“, а *quidam* „прил.“ не имѣетъ этого значенія; почему нѣтъ значеній, образованныхъ съ помощью частицъ *to* и *libo*, почему при *nullus* нѣтъ самаго употребительнаго значенія „ни одинъ“, почему изъ нѣсколькихъ значеній *aliquis* взято одно, и т. д. Мѣст. *hic* „указ. на 1 л.“, *iste* „указ. на 2 л.“, — безъ примѣровъ это непонятно, да и не точно: мѣстоименія эти указываютъ не на самыя лица, а на предметы, принадлежащія или относящіяся къ этимъ лицамъ. — „*Quis? quid?* склоняется во многомъ не такъ, какъ *qui*“. Числ. разд. употребляется „при *plurale tantum* (если оно означаетъ одинъ предметъ и переводится ед. числомъ)“ (27), — но развѣ напр. *denae litterae* переводится ед. числомъ? „На слѣдующую строку переносится столько согласныхъ, сколько ихъ можетъ стоять въ началѣ лат. слова“ (2), — но вѣдь „столько“ указываетъ на число, а не качество буквъ. Впрочемъ, если бы даже сказано было „тѣ группы, съ которыхъ можетъ начинаться лат. слово“, ученикъ все-таки не могъ бы воспользоваться этимъ правиломъ, пока не узналъ бы всего словаря словъ. Н есть „только знакъ придыханія, поэтому“ (?) не произносится (2), — совершенно непонятна въ такомъ случаѣ роль этого знака.

Иногда сообщаются данныя, которыя могутъ быть понятны только послѣ знакомства съ деталями синтаксиса. Напр., на стр. 28 говорится, что мѣст. 3 л. „замѣняется возвратнымъ

reflexivum: sui себя". Правило это поставить ученика въ полный тупикъ, не говоря уже о томъ, что оно противорѣчитъ правилу, сообщаемому на слѣдующей же страницѣ, что „m̄st. sui себя употребляется только въ возвратномъ значеніи“ (мы, собственно говоря, не понимаемъ, для чего это говорится: вѣдь это все равно, что сказать: ego употребляется только въ значеніи я). Есть правила, заключающія простую тавтологію: „количество времени... называется количествомъ“ (2). Есть положенія, съ которыми трудно согласиться: Богъ читается Бохъ и не даетъ понятія о произношеніи h; въ страд. знач. безлично употребляются далеко не „всѣ глаголы вообще“ (56); прямая рѣчь не то же, что „подлинная“ (55); каждое данное окончаніе именъ, измѣняясь по падежамъ и числамъ, далеко не всегда измѣняется по склоненіямъ (5); едва ли умѣстно въ спряженіе гл. по вставлять формы fore, futurum esse (близость и даже тождество значеній не даетъ права для смѣшенія грамм. формъ) или различать два глагола: differo различаюсь и differo откладываю (если въ первомъ значеніи нѣтъ у глагола perf., то это потому, что этого не допускаетъ смыслъ, и по-русски нѣтъ формы „различился“). Многія мѣста неточны или неясны вслѣдствіе неполноты выраженія. Особенно рѣзка неполнота въ переводѣ глагольных формъ, помѣщенныхъ въ парадигмахъ; напр. въ таблицѣ правильного спряженія не указана цѣлая масса значеній: ты долженъ похвалить, gerund. похвалить, меня будутъ хвалить, я буду хвалить, sup. прочесть, прочти, быть прочтеннымъ, прочитанный, я буду разрушать, разрушь, ger. и sup. разрушить, буду слушать, меня будутъ слушать, слышанный, быть услышаннымъ и т. д.; зато есть такіа выраженія, какъ „меня читаютъ“, „меня разрушаютъ“, — изъ цѣлаго словаря не выбрать глаголовъ, которые годились бы во всѣхъ формахъ! Точно такъ же неполно указаны способы перевода формъ опис. спряж. и отлож. гл. Другіе случаи неполноты выраженія: „при подл. 1 и 2 л. берутся м. ego и tu“ (29), нужно добавить „для перевода русскаго себя“; „на теи ср. р., но на еп м. р.“ (15), — нужно добавить „безъ буквы th“; „ср. р. прилагательныхъ“ (78), — нужно добавить „и мѣст.“; у недост. глг. infinitivus есть, а недостаетъ не только praesens (54); если satisfacio = удовлетворяю, то неясно, что значитъ satisfio; неизвѣстно, что значитъ inferus (вѣдь не значитъ же оно „Тосканскій“ (24), и т. п. Отмѣтимъ наконецъ неправильныя выраженія и разныя необычныя слова: „q всегда сопровождается буквою u и = kv“ (не q = kv, а сочетаніе qu); „мужчины, рѣки“ и т. д. — муж. р. (5, 9); „погодникъ“ (?) (12), „сопровожденный“ (48), „долженствованіе“ (?) (47), „книги не суть“ (79), „остаюсь въ остаткѣ“ (62), „по причинѣ

денегъ“ (60). Неудобны и такія сокращенія, какъ: „я во главѣ ч. л.“ (?), „g.—d.—ас.: vim“, и др.

Въ предисловіи авторъ говоритъ, что онъ „старался быть самостоятельнымъ“, перечисляетъ русскіе, нѣмецкіе, англійскіе и французскіе источники и указываетъ 7 пунктовъ, въ которыхъ его учебникъ „представляетъ особенности“: I. „Склоненіе существительныхъ изложено по одному общему плану“. V. „Опис. спряженіе и отчасти спряженіе глаголовъ отлож. изложены въ болѣе наглядной и простой формѣ“. По этимъ пунктамъ мы, по правдѣ сказать, не нашли въ грамматикѣ ничего особеннаго. II. „Третье склоненіе въ значительной степени упрощено, благодаря а) болѣе краткому и простому правилу о родѣ именъ и б) болѣе наглядной и послѣдовательной параллели между особенностями сущ.—ыхъ и прил.—ыхъ“. Правильно о родѣ изложено такъ: „на *o* и *r* — муж. р., на *s* и *x* — женск. р., на *e*, *ta* и согласныя (кромѣ *g*, *s*, *x*) — ср. р.“ Благодаря такой редакціи, окончанія *at*, *ur*, *os*, *ex*, неравн. на *es* попали въ исключенія. Изъ приведенныхъ нами соображеній о роли исключеній вполне очевидно, что такая редакція значительно портитъ дѣло. Въ самомъ дѣлѣ, если руководствоваться правиломъ, то рискъ ошибиться въ каждомъ данномъ случаѣ почти равняется вѣроятности опредѣлить родъ правильно; поневолѣ приходится въ каждомъ случаѣ перебирать мысленно всѣ исключенія (даже самыя неважныя), а мы видѣли, насколько это исполнимо. Но этого мало: подъ огромнымъ обобщеніемъ „на согласныя“ на самомъ дѣлѣ скрывается два слова *lac* и *sarut* и двѣ буквы *l* и *n*. Такъ какъ исключенія при обычной мыслительной работѣ обыкновенно игнорируются, то при формулированіи ихъ вся задача должна быть направлена къ тому, чтобы они какъ можно легче вспоминались, гдѣ нужно. Самая удобная форма изложенія — это перечисленіе всѣхъ словъ, отступающихъ отъ правила. Если ученикъ училъ, что „ignis, rapis, crenis, finis — муж. р.“, то, встрѣтивъ въ текстѣ ignis, онъ безъ труда припомнитъ и особенность этого слова; но несравненно труднѣе вызвать ассоціацію, если правило будетъ изложено такъ: „слова на *nis* — муж. р.“ (15). Если намъ скажутъ, что *ubus* имѣютъ „двусложныя слова на *cus*“ (16), то, чтобы не ошибиться, мы должны въ каждомъ случаѣ постановки дат. или тв. мн. 4-мъ скл. спросить себя, не двусложное ли данное слово и не оканчивается ли оно на *cus*. Чтобы устранить эту бесполезную работу, стѣбитъ только вмѣсто ненужнаго обобщенія замѣтить, что *ubus* имѣютъ слова: *lacus*, *arcus*, *ficus*, *quecus*. Къ неудачнымъ обобщеніямъ мы относимъ и правило, какъ спрягается *sario*: „подобно глаголамъ 4-го спр. съ тою только разницею, что *i* всегда кратко и передъ *g* и на концѣ

слова переходитъ въ е⁴ (46), — а сарі? Но вѣдь эта разница и дѣлаетъ 4-ое спр. третьимъ.

Далѣе авторъ ставитъ себѣ въ заслугу, что онъ внесъ правила о переводѣ слова свой, о тв. и род. при степеняхъ сравненія, объ употребленіи числ. раздѣлительныхъ (п. III) и представилъ „сильно уклоняющуюся отъ общепринятаго типа“ таблицу спряженій (п. IV). Но уклоненія мы нашли только въ томъ, что въ таблицѣ опущено пов. стр. (давно пора!) и сослаг. поставлено не рядомъ съ изъяв., а на другой страницѣ, послѣ повел., но зато сколько опущено русскихъ значеній и какой хаосъ въ видовыхъ формахъ русскаго глагола! Далѣе авторъ останавливаетъ вниманіе на своей системѣ въ перечнѣ глаголовъ, отступающихъ въ образованіи *perf.* и *sup.* (п. VI), но какая тутъ польза въ системѣ? Не думаемъ, чтобы нашлись педагоги, которые заставляли бы заучивать эти глаголы подъ рядъ. Да и самая система далеко не завидная: вотъ, напр., три группы перваго спряженія: 1. *ui, itum (tum)*, 2. *si, —*, 3. *i, tum*, но бѣда въ томъ, что ко второй группѣ ничего не относится, а къ третьей группѣ можно отнести всѣ глаголы: вѣдь *perf.* гдѣ угодно на *i*, да и *sup.* въ 1-мъ спр. вездѣ на *tum*. Къ этимологіи присоединено 10 страницъ синтаксическихъ правилъ (п. VII), изложенныхъ „индуктивнымъ методомъ“. Отъ обычнаго это изложеніе отличается впрочемъ только тѣмъ, что здѣсь напечатаны сначала примѣры, а потомъ правила, а не наоборотъ. Правила изложены не всегда удачно. Мы думаемъ, напр., что на вопросъ „развѣ ты не читаешь?“ можно иногда отвѣтить и „нѣтъ“, а на вопросъ „развѣ ты читаешь?“ возможенъ отвѣтъ „да“.

Нельзя сказать и того, чтобы грамматика эта пыталась выпутаться изъ обычной путаницы въ терминологіи. Тутъ встречаемся и съ „мѣстоименными прилагательными“, которыя въ то же время могутъ быть даже еще „числительными“ (33), и съ „непереходнымъ значеніемъ“ дѣйств. залога (41), и съ *impregativus passivi* въ отложительномъ глаголѣ (44), и съ наклоненіемъ (неопредѣленное), не относящимся къ наклоненіямъ (34).

На послѣдней страницѣ книги находимъ приложение „выраженій церк.-слав. и русск. яз., сходныхъ въ синтаксическомъ отношеніи съ латинскими“. Что поучительнаго въ этихъ формахъ? Другое дѣло было бы, если бы эти церк.-сл. формы были органическимъ продуктомъ этого самаго языка, а то вѣдь это гречизмы, рабское подражаніе греческому тексту, не имѣющее корней въ самомъ духѣ языка. Но ужъ совершенно странно встрѣчать такіе „раритеты“ изъ Державина и Дмитріева, какъ: „Тебя душа моя быть чаеть. Имъ печатный каждый листъ быть кажется святымъ“. Мало ли гдѣ встрѣчается всякихъ

курьезныхъ искаженій языка, всякихъ странныхъ и „самодѣльныхъ“ оборотовъ, но съ какой же стати собирать ихъ въ элементарныя грамматики латинскаго языка? Латинская грамматика учитъ, чѣмъ отличается латинскій языкъ отъ русскаго, а сходство съ латинскимъ имѣетъ русскій языкъ не въ этихъ самодѣльныхъ фразахъ, а въ той огромнѣйшей массѣ явленій, которыя потому и не входятъ въ латинскія грамматики, что не отличаются отъ соответственныхъ явленій въ латинскомъ языкѣ.

II. *Первоѣ.*

Schularbeit und Hausarbeit. Ein Vortrag von H. Schiller. Berlin 1891 (51 стр. 8°).

Брошюра эта принадлежитъ извѣстному филологу и знатоку классической школы, директору гимназій въ Гиссенѣ и автору весьма распространенной практической педагогики для учителей гимназій. Она заключаетъ въ себѣ рѣчь, составленную авторомъ для берлинской конференціи и состоящую въ рѣшеніи одного изъ поставленныхъ конференціей вопросовъ: насколько возможно, даже при уменьшеніи общаго числа учебныхъ часовъ, перенести центр тяжести ученическихъ занятій въ классъ, особенно для младшаго возраста, посредствомъ интенсивнаго методическаго преподаванія?

Что касается до уменьшенія числа учебныхъ часовъ, то авторъ ограничивается замѣчаніемъ, что это уменьшеніе безъ измѣненія самой цѣли преподаванія древнихъ языковъ поведетъ только къ увеличенію домашней работы и нисколько не рѣшитъ вопроса о „переутомленіи“, которое въ данномъ случаѣ имѣется въ виду конференціей. Рѣшеніе же этого вопроса заключается, по мнѣнію автора, въ установленіи правильнаго отношенія домашнихъ занятій учениковъ къ занятіямъ класснымъ подъ руководствомъ учителя. На послѣдній пунктъ авторъ обращаетъ особое вниманіе и высказываетъ рядъ такихъ замѣчаній и педагогическихъ аксіомъ, которыя, по нашему мнѣнію, не могутъ не заинтересовать и русскаго педагога.

Классныя занятія, предварительно замѣчаетъ Шиллеръ, никогда не могутъ и не должны упразднить домашнихъ занятій ученика. Послѣднія должны дать уму и волѣ учащагося такое направленіе, какого не можетъ дать имъ школа, опираясь только на себя. Значеніе домашнихъ занятій для духовнаго развитія учащихся прекрасно охарактеризовано было еще въ постановленіи школьной медицинскон комиссіи отъ 10 дек. 1883 года. „Конечно, не все равно, говорится въ ея постановленіи, какаѧ работа предлагается на домъ; одна механическая работа, напр. списываніе, простое заучиваніе наизусть, въ весьма малой степени и даже совсѣмъ не развиваетъ искусства самопомощи въ умственныхъ занятіяхъ. Ученикъ долженъ прежде всего выучиться самостоятельно пользоваться своимъ словаремъ, грамматикой и другими учебниками; онъ долженъ безъ торопливости упорядочить

запоминаемый матеріалъ, чтобы въ случаѣ надобности, воспроизводить его и создавать между отдѣльными фактами необходимымъ связъ; онъ долженъ отдѣльное явленіе постигать во всевозможныхъ модуляціяхъ и критически отнестись къ каждой изъ нихъ. Такимъ-то путемъ развивается въ полной мѣрѣ способность и охота къ труду. Разумѣется, школа должна дать къ тому толчокъ и указать пути, но возлагать на нее задачу достигнуть всего существеннаго на урокахъ въ классѣ — значить указывать ей слишкомъ узкія цѣли. Такимъ образомъ домашнія занятія имѣютъ свое особое значеніе и особая, хотя и обусловленная классной работой, цѣли.

Несмотря однако на признаніе въ теоріи такого разграниченія этихъ двухъ видовъ ученическихъ занятій, педагогическая практика значительно расходится съ теоріей; предметомъ домашнихъ занятій на практикѣ часто дѣляется то, что должно служить предметомъ классныхъ занятій, вслѣдствіе чего первая подчасъ бываетъ причиной обремененія учащихся.

Сознавая этотъ недостатокъ современной школы, Шиллеръ и дѣлаетъ попытку указать путь къ избавленію ея отъ указанной аномаліи. Попытка автора тѣмъ любопытна, что онъ не нарушаетъ основного характера гуманистической школы и остается на чисто дидактической почвѣ. Мы послѣдуемъ за нимъ въ его аргументаціяхъ и выводахъ.

При преподаваніи должно принимать въ соображеніе тройкую духовную дѣятельность учащагося: воспріятіе (внѣшнее и внутреннее), мышленіе и воспроизведеніе (или упражненіе). Всѣ три эти вида дѣятельности должны входить въ каждый актъ ученія, такъ какъ изъ нихъ совокупности возникаетъ истинное знаніе, которое вмѣстѣ съ тѣмъ есть и дѣятельная сила. Искусство учителя состоитъ въ томъ, чтобы готовить этотъ процессъ ученія; но, дѣятельно помогая ученикамъ младшаго возраста, оно должно отступать на задній планъ по мѣрѣ того, какъ ученикъ становится все болѣе самостоятельнымъ духовно. Раньше всего можно предоставить ученику въ качествѣ самостоятельной дѣятельности (иначе говоря, домашней работы) дѣятельность воспроизведенія; позже всего — дѣятельность воспріятія и мышленія. Указать въ точности, когда должно сдѣлать послѣднее, разумѣется, невозможно, но такъ какъ для школы необходима схематизація, то приблизительно можно установить предѣлы, основываясь на томъ наблюденіи, что у большинства учениковъ между 12 и 14 годами проявляется уже нѣкоторая самостоятельность воспріятія и мышленія.

Этотъ-то принципъ и долженъ быть регулирующимъ началомъ въ распределеніи классныхъ и домашнихъ занятій.

Переходя затѣмъ къ класснымъ занятіямъ, авторъ ставитъ вопросъ: что же надо понимать подъ интенсивнымъ методомъ преподаванія? и отвѣчаетъ на него такъ: подъ интенсивнымъ методомъ преподаванія надо разумѣть упрощеніе преподаванія на установленныхъ психологіей основаніяхъ безъ устраненія цѣнныхъ воспитательныхъ моментовъ преподаванія. Въ конкретномъ видѣ это требованіе представится такъ:

1) Учебный матеріалъ на всѣхъ ступеняхъ слѣдуетъ ограничить элементами знанія.

2) Такъ какъ знанія имѣютъ тѣмъ болѣе цѣнности для духовнаго развитія учащагося, чѣмъ въ большей зависимости они находятся отъ выводовъ изъ приобретенныхъ уже знаній или отъ наблюдений, которыя составляютъ основу воспріятія, то выработку знаній надо предоставить главнымъ образомъ преподаванію, которое должно вызывать къ дѣятельности умственныя силы учащихся; знанія эти должны служить исходнымъ пунктомъ для дальнѣйшей работы.

3) Отдѣльные предметы преподаванія должно свести въ органическое цѣлое и тѣмъ преобразовать преподаваніе въ духѣ единства.

Для осуществленія требованій пунктовъ 1-го и 2-го авторъ прежде всего рѣшительно требуетъ замѣны практикующейся нынѣ предметной системы преподаванія системой классной, т. е. предоставленія одному преподавателю возможно больше предметовъ (хоть бы и всѣхъ) въ одномъ классѣ. Онъ указываетъ на то зло, которое внесено въ нѣмецкую гимназію спеціалистамп, ушедшими въ своихъ требованіяхъ далеко за предѣлы элементовъ знаній, нужныхъ для общеобразовательной школы. Упрекъ прежде всего относится къ древнимъ языкамъ, но и другіе предметы не чужды этого недостатка. Классная система, по мнѣнію автора, должна устранить изъ школы крайнюю спеціализацію въ преподаваніи и благодѣтельно отозваться на упрощеніи послѣдняго, не говоря уже о нравственныхъ послѣдствіяхъ этой реформы. Пока она не будетъ осуществлена, до тѣхъ поръ всѣ заботы объ ограниченіи учебнаго матеріала грамматики древнихъ и новыхъ языковъ, объ установленіи лучшихъ способовъ заучиванія вокабулъ, точныхъ программъ по отдѣльнымъ предметамъ и др. под. — не принесутъ благодѣтельныхъ послѣдствій, такъ какъ указанные вопросы лучше рѣшаются въ общемъ ходѣ обученія, на который именно и не обращается вниманія.

Существенное также значеніе для достиженія требованій 1-го и 2-го имѣетъ и правильно-методически поставленное преподаваніе отдѣльныхъ предметовъ. Мы останавливаемся на латинскомъ языкѣ, такъ какъ и авторъ останавливается на немъ ради примѣра. Было время (16-й и первая половина 17-го вѣка), когда этотъ языкъ изучался для чисто практической цѣли, ибо былъ языкомъ образованнаго общества. Тогда при изученіи латыни важную роль играли вокабуларіи и фразеологич., грамматика же отодвигалась на задній планъ; *legere, scribere, loqui* — вотъ что нужно было для учениковъ, и эта цѣль достигалась единствомъ учебнаго матеріала и преподаванія. Въ нашъ вѣкъ потребности кореннымъ образомъ пзмѣнились. Такъ назыв. формальное образованіе стало цѣлью обученія. Грамматика получила значеніе какъ практическая логика, письменный переводъ съ отеч. яз. какъ примѣненіе этой логики, и для упражненій въ немъ были составлены даже особыя книжки. При этомъ вокабуларіи и мн. др. осталось попрежнему какъ будто говорить по-латыни все еще составляло цѣль изученія языка. И вотъ начала все больше и больше сказываться разрозненность въ преподаваніи: одинъ матеріалъ находилъ ученикъ въ вокабуларіи, другой — въ хрестоматіи, еще другой — у автора, опять новый — въ книгахъ упражненій и грамматикѣ. А число учебныхъ часовъ, назначенныхъ для латинскаго языка,

все уменьшалось. Послѣдствіемъ всего этого явилось обремененіе памяти учениковъ массою разрозненнаго, ничѣмъ не связаннаго матеріала и жалобы на скудость результатовъ, достигаемыхъ обученіемъ. Новѣйшая педагогика вновь хочетъ восстановить прежнее единство, группируя все преподаваніе латинскаго языка вокругъ чтенія авторовъ. Задачей преподаванія лат. языка является уже ознакомленіе учащихся съ римской литературой; содержаніе авторовъ и хорошій ихъ переводъ на отечествен. языкъ составляютъ главное дѣло. Рядомъ съ этимъ преслѣдуются и цѣли „формальнаго образованія“, но грамматика является уже только средствомъ и занимаетъ подчиненное положеніе. Слѣдствія, произтекающія отсюда, весьма значительны, но и теперь еще они не вездѣ сознаны и не вездѣ строго проведены въ школьную практику. Даже учебные планы (прусскіе 1882 г.), стоящіе на этой методической точкѣ зрѣнія, иногда допускаютъ другую тенденцію и содержатъ внутреннія противорѣчія. Для устраненія ихъ авторъ требуетъ:

1) полного изгнанія вокабуларіевъ и фразеологій. Языковой матеріалъ должно почерпать изъ чтенія авторовъ, ибо лат. яз. теперь изучается для чтенія и пониманія этихъ послѣднихъ. Это отразится на облегченіи домашнихъ работъ, такъ какъ несравненно легче изучать тѣ же вокабулы и фразы въ живой связи языка.

2) Всѣ упражненія должны примыкать къ чтенію авторовъ. Печатные тексты для переводовъ на лат. яз. должны быть замѣнены устными упражненіями (обратный переводъ и перифразы) въ связи съ читаемымъ текстомъ автора.

3) II грамматика должна примыкать къ чтенію. Лучше всего ученикъ пойметъ извѣстное явленіе языка, которое должно быть имъ усвоено, только тогда, когда онъ усматриваетъ его въ живой, связной рѣчи. Эта психологическая аксіома, къ сожалѣнію, слишкомъ часто забывается. Если бы ея не забывали, то ученики изучали бы грамматику при чтеніи автора подъ руководствомъ учителя путемъ собственнаго наблюденія и исходя отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, а не выучивали бы ее только догматически по учебнику. Лишь первымъ путемъ — его называютъ индуктивнымъ — и изощряется самостоятельность наблюденія и мышленія. Но при этомъ достигается еще двоякая выгода. Во-первыхъ, вся грамматика выучивается при чтеніи, не отнимая особыхъ часовъ, и, во-вторыхъ, само собой и единственно-раціональнымъ путемъ достигается ограниченіе учебнаго матеріала тѣми явленіями, которыя нужны ученику для пониманія автора. При этомъ можно и не отказываться отъ систематики; ученики время отъ времени могутъ обозрѣвать систематически всѣ попадавшіяся явленія, но опять-таки подъ руководствомъ учителя.

Всѣ указанная мѣры были осуществлены авторомъ въ своей гимназій и черезъ 13 лѣтъ онъ далъ слѣдующіе результаты: ученики обнаруживали хорошее пониманіе авторовъ и не особенно обширныя, но зато очень прочныя свѣдѣнія изъ языка и реалій.

Что сказано о латинскомъ языкѣ, то Шиллеръ считаетъ обязательнымъ и для другихъ языковъ. Но въ виду упрощенія преподаванія языковъ въ гимназіяхъ, авторъ считаетъ нужнымъ высказать одно соображеніе общаго свойства. Если, говорить онъ, при изученіи какого-либо языка изучены основы его грамматики, то при изученіи грамматики другихъ языковъ упоминанія заслуживаютъ только ихъ особенности сравнительно съ языкомъ изученнымъ. Педагогика давно уже сознала это, и краткая параллельная грамматика весьма желательна. Но все сдѣланное въ этой области удовлетворяетъ скорѣе требованіямъ науки, нежели преподаванія. Пока нѣтъ такой идеальной грамматики, существующія грамматики должны подвергаться сокращеніямъ и упрощеніямъ. Авторъ при этомъ считаетъ нужнымъ упомянуть, что для потребностей его гиссенской гимназіи греческій синтаксисъ изложенъ на 6½ страницахъ, при чемъ главную часть его составляетъ собраніе примѣровъ въ метрической формѣ, которое можно назвать сборникомъ нравственныхъ изреченій грековъ.

На этомъ мы заканчиваемъ свой рефератъ о любопытной брошюрѣ Шиллера; мы не исчерпали и половины ея содержанія: такъ мы совсѣмъ не коснулись третьяго пункта, гдѣ авторъ высказываетъ оригинальный и глубокомысленный взглядъ на объединеніе всѣхъ предметовъ, преподаваемыхъ въ отдѣльныхъ классахъ, въ одно органическое цѣлое, проникнутое определенной идеей, при чемъ мимоходомъ касается многихъ весьма важныхъ сторонъ школьнаго обученія. Но за всѣмъ этимъ любопытныхъ отсылаемъ къ самой брошюрѣ.

А. В. А.

III. ОБЗОРЪ ЖУРНАЛОВЪ.

а) Русскіе журналы.

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. LX (1891). 4, 5, 6 (апр., май, июнь).

4. Критика и библиографія. — S. Sobolewski, De praepositio-
num usu Aristophaneo, стр. 437—447. „Не удивительно, что работа,
исполненная такъ добросовѣстно, съ такимъ знаніемъ и умѣніемъ, дала не
мало результатовъ, полезныхъ и для греч. грамматики, и для изученія Ари-
стофана, и для разныхъ другихъ отдѣловъ греч. филологіи (напр. метрики)“.
П. Н. — Книжныя новости. Н. Благовѣщенскій, Винкельманъ и
позднія эпохи греч. скульптуры, стр. 463. „Кромѣ солидной учености,
авторъ обнаруживаетъ и блестящій даръ изложенія“.— Отдѣлъ класс. фило-
логіи. С. Селивановъ. Нѣсколько неизданныхъ родосскихъ над-
писей, стр. 1—24. Текстъ шести надписей и толкованіе ихъ особенно по
отношенію къ алфавиту. Въ заключеніи высказывается догадка, что Арте-
мида Кекійская почиталась въ мѣстности, назыв. нынѣ Еримокекія (= Ἐρη-
μοκέκιοι).— О. Мищенко, въ Полибію, стр. 25—32. Указавъ на важность
VI кн. Полибія и на разнообразіе источниковъ, изъ коихъ она была воз-
становлена, авторъ переходитъ къ толкованію VI, 19,2—3 (ed. Hultsch), гдѣ
признаетъ пробѣлъ передъ τῶν λοιπῶν, понимаетъ κείσοι въ обоихъ слу-
чаяхъ какъ противоположеніе ἰππεῖσι и вм. εἴχοσι читаетъ (вм. съ Казобо-
номъ) δεκαεῖς (= ἕξ καὶ δέκα, Bütner); и въ VI, 24,4: τῶν δὲ ὑποφορέων
τοὺς ἐπιβάλλοντας κατὰ τὸ πλῆθος ἴσους ἐπὶ πάντα τὰ μέρη διένειμανъ
прини-
маетъ переводъ Казобона: velites vero, prout ipsorum numerus est, aequa-
biliter in omnes partes dividunt (считая неточнымъ переводъ Швейггей-
зера). — О. Шеборъ, Къ Плавту, стр. 33—44. Въ *Antiq.* 425 читаетъ:
Tene! Co. — At hercle cum magno malo tuo, si hoc caput sentit, гдѣ tene
приписывается Евклиону (вм. sine, относимаго къ словамъ Конгріона). Но
вѣрнѣе всего, что послѣ sine въ рукоп. пропускъ, можетъ быть читалось
такъ: Co. Sine. Eu. At nōn sinam, scelus viri: iam vāpulis. Co. At hercle
etc. В. Владиславлевъ, Изъ римскихъ поэтовъ. Изъ Марціала, Ка-
тулла и Бибакула (перев. въ стих.), стр. 45—48.

5. М. Буторга, Изъ неизданныхъ его сочиненій, стр. 78—120.
Водвореніе на Западѣ изученія эллинизма съ эпохи Возрожденія, гл. 1—3;
въ послѣдней гл. идетъ рѣчь о дѣятельности Димитрія Халкондила, Іоанна
Ласкариса, Альда Мануція и др. издателей эллин. авторовъ въ XV и XVI в.—
Критика и библиографія. В. Latyshev, Inscriptiones antiquae

orae septentr. Ponti Euxini. vol. II, стр. 171—182. „Обширный энциграфич. матеріалъ... вывъ собранъ воедино въ надежной и вѣрной обработѣ“. Юл. Булаковский. — Отдѣлъ класс. филологіи. Н. Холоднѣвъ, Horat. Sat. II, 3, 25—28, стр. 49—57. Авторъ комбинируетъ роли Дамасиппа и Горация слѣд. обр. Damas. ...unde frequentia Mercuriale Imposuere mihi cognomen compta. Horat. Novi Et miror, morbi purgatum te illius; atqui Emovit veterem mire novus.... Damas. Ut solet: in cor Traiecto lateris miseri capitivise dolore.... Horat. Ut lethargicus hic, cum fit pugil, et medicum urget; Dum ne quid simile huic, esto ut libet! Damas. O bone, ne te etc. — „Аѳинское государственное устройство“ Аристотеля, русск. переводъ, гл. 1—18, стр. 58—70.

С. М. Буторга, Изъ неизданныхъ его сочиненій (продолж., гл. 4—6), стр. 216—251. Эллиство за предѣлами Альпъ, Агрикола, Эразмъ, Рейхлинъ, Скалигеръ и др. Эллинская литература у византійскихъ грековъ; новогреч. языкъ. Вліяніе изученія эллиства на развитіе европейскихъ народовъ. — Отдѣлъ классич. филологіи. — „Аѳинское государственное устройство“ Аристотеля (перев.), гл. 18—28, стр. 71—79. — **И. Негушнѣвъ**, Объ основныхъ значеніяхъ греческихъ временъ, стр. 81—108. Категория временъ, равно какъ морфологическое ея обозначеніе при индо-европ. глаголѣ есть явленіе позднѣйшее. Основное понятіе, обусловившее первоначальное главное различіе глагольныхъ формъ въ инд. языкахъ есть понятіе совершеннаго и несовершеннаго видовъ. Эти виды употребляются сообразно съ тѣмъ, желаетъ ли говорящій отмѣтить только исходный или заключительный моментъ какого-либо дѣйствія, или же наоборотъ — все протяженіе времени, въ теченіе котораго развивалось дѣйствіе, и рѣзко отличаются отъ того, что мы называемъ теперь временемъ. — Установивъ для греч. языка только двойной видъ дѣйствія, авторъ затѣмъ рассматриваетъ времена а) соверш. вида, б) несоверш. вида и с) „времена, составляющія сравн. позднія нововведенія“ — perf. и fut.

Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета. LVIII (1891). Кн. вторая и третья.

Кн. С. В. Л. Переводы изъ греческихъ поэтовъ (размѣромъ подл.), стр. 64—74. Изъ стихотвореній Солона. Семьцы человѣческой жизни. — Стих. Эзопа. — Эпиграммы Демодока — Изъ анакреонт. пѣсенъ. Ужаленный Эроть. — Изъ Теоокрита. Идилліи: VIII (Пѣвцы Дафниды и Меналк.). XXI (Рыбаки). — На смерть Адониса (стих. неизв. поэта). — **Д. Шестаковъ**. Аѳинско-аргосскій союзный договоръ 420 года до Р. X. и передача его Фукидидомъ, стр. 75—92. Вопреки Кирхгофу (Hermes XII, 368 слѣд.) доказывается, что подлинный текстъ надписи, содержащей отрывки этого договора (найденной на ае. акроп. въ 1877 г.), не даетъ намъ ни въ одномъ мѣстѣ к.-л. дополненія или поправки къ содержанію договорнаго акта у Фукидида (V, 43—46), всѣ уклоненія котораго отъ надписи ограничиваются незначительными измѣненіями въ слогѣ, вызванными стре-

мніємъ къ простотѣ и сжатости литературнаго изложенія.— Крит. и библ. *Ἀθηναίων πολιτεία* Аристотеля, стр. 276—287. Послѣ краткаго изложенія содержанія Д. Б. отмѣчаетъ важность трактата для исторіи аѳинскаго государственнаго устройства.

Кіевскія Университетскія Извѣстія. XXXI (1891), 1—6 (январь—июнь).

№ 1. С. Лихотинскій, Очеркъ употребленія причастій у Тацита. Гл. I (вмѣсто введенія). Общія замѣчанія о причастныхъ оборотахъ.— Выводы сводятся къ слѣд. Причастные обороты, имѣя основнымъ своимъ значеніемъ обозначать рядъ дѣйствій, независимыхъ другъ отъ друга и „связанныхъ“ между собою только послѣдовательностію во времени, находятъ однако примѣненіе въ двухъ случаяхъ, гдѣ требуется обозначить, повидимому, не одну только послѣдовательность фактовъ, именно: гдѣ обозначаемые факты находятся между собой въ т.-наз. „противительномъ“ отношеніи и 2) гдѣ они представляются вліяющими на дальнѣйшія дѣйствія. Такимъ образомъ являются зачатки перехода причастныхъ констр. въ тѣ области, которыя принадлежатъ собственно инымъ построеніямъ, но при этомъ значеніе ихъ и формы (т.-е. формальныя условія употребленія) остаются неизмѣнными. У Тацита же замѣчается и развитіе самыхъ формъ прич. конструкцій.

№№ 5 и 6. А. Гиляровъ. Источники о софистахъ. Платонъ, какъ историческій свидѣтель. (Это изслѣд. вышло отдѣльной книгой; см. ниже „Новыя книги“).

Русскій Филологическій Вѣстникъ, (XIII) 1891. 1, 2.

№ 2. М. Покровскій, Лингвистическія замѣтки въ области латинской грамматики, стр. 272—287. § 1. Взаимодѣйствія во второмъ и четвертомъ склоненіяхъ. Главной причиной этого взаимодѣйствія авторъ считаетъ старинную двойственность основы во многихъ именахъ (напр. *do-pus* и *mn. др.*) и категоріяхъ именъ (им. на *tus*, отглагол. сущ. съ основой на *ti-* и др.). § 2. Связь основъ на *ti-* и на *ti-* (*t-*); основа на *u-* параллельно съ основой на согласную безъ *u*. Этими явленіями объясняются образованія, какъ *alituus*, *ritu* и *rite*, *postu* и *poste*.

Гимназія. IV (1891), 4—6 (въ одной книгѣ).

H. Schiller, Методика преподаванія предметовъ въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ (перев., продолженіе), стр. 67—108. Преподаваніе роднаго языка; въ V кл. рекомендуются сочиненія на темы изъ Цезаря или Овидія, которыя должны быть подготовлены на урокѣ латинскаго автора. Переводы изъ Овидія и Цезаря на родной языкъ не рекомендуются. — **К. Ф. Негембахъ, Вѣроученіе Гомера, перев. подъ ред. Г. Янчевецкаго, XXI+12.** — **Ж. Буланжъ, Къ вопросу о веденіи письменныхъ упражненій по древнимъ языкамъ, стр. 50—62.** Авторъ разъясняетъ нѣкоторые пункты учебн. плановъ, касающіеся переводовъ съ

древнихъ яз. и на древніе языки. Что касается первыхъ, то, по мнѣнію автора, достаточно восьми такихъ работъ въ годъ, но слѣдуетъ въ этомъ предоставить свободу преподавателю; если послѣдній плохо владѣетъ русскимъ яз., то ему лучше дѣлать поменьше письменныхъ переводовъ. Кромѣ дѣльныхъ отрывковъ, уже въ младшихъ классахъ (лат. съ III, греч. съ IV кл.) можно предлагать для перевода отдѣльныя предложенія (исправлять въ классѣ же). Работу слѣдуетъ производить обычнымъ порядкомъ, аккуратно и грамотно; исправленіе ея учителемъ русскаго яз. едва ли необходимо, ибо главная цѣль такой работы — пониманіе текста. Для урегулированія требованій признается важнымъ просмотръ этихъ работъ (по временамъ) директоромъ. — С. Гинтовъ, Условія, при которыхъ изученіе древнихъ языковъ въ гимназіяхъ можетъ имѣть общевоспитательное значеніе, стр. 63—70. При выборѣ автора (или его сочиненія) для чтенія должно руководиться только педагогическими соображеніями о его воспитательномъ значеніи; напр. рѣчь Цицерона pro Roscio Amerino не соотвѣтствуетъ воспитательнымъ цѣлямъ. — С. Воскресенскій, Изъ жизни классической школы, стр. 70—75. Разумное чтеніе авторовъ съ пользою для развитія учениковъ не возможно безъ обстоятельнаго знанія грамматики. — Нельзя ограничиваться только переводами новаго и нечитаннаго, безъ предварительной подготовки, чтобы прочесть больше, ибо это ведетъ къ полужнанію. — Недостаточность теоретическаго знанія рус. яз. мѣшаетъ ученику отчетливо усвоивать синтаксисъ древнихъ яз., которые должны проходить параллельно. — П. Первовъ, Преподаваніе латинской грамматики. III. Спряженіе глаголовъ. 1. Залогъ, стр. 75—86. Съ одной стороны несоотвѣтствіе залоговъ въ латинскомъ и русскомъ языкахъ и съ другой стороны невозможность, при первоначальномъ ознакомленіи съ лат. языкомъ, различать смысловыя категоріи (= залогі) лат. глагола (если мы ихъ и различаемъ, то основываемся исключительно на русскомъ значеніи слова), заставляетъ 1) установить строгое различіе между залогомъ и тою другою грамматич. категоріей, которая смѣшивается съ залогомъ и неправильно называется его именемъ, и 2) овести смысловую категорію залога на формальную категорію рода глагола, какъ единственно доступную для непосредственнаго пониманія. Терминомъ для обозначенія формальныхъ грамматич. категорій авторъ беретъ *genus* (родъ) и устанавливаетъ ихъ двѣ: *genus activum* (по-русски простой родъ, amo, fio) и *genus passivum* (сложный родъ, amatus sum, hortor, morior). — Критика. Н. Санчурскій, Латинская грамматика, ч. 1 и 2, стр. 138—142. Этимологія при весьма маломъ объемѣ даетъ въ простой формѣ все необходимое для пониманія авторовъ. Полезны и прибавленныя къ ней „начальныя правила синтаксиса“ (особ. для 2-го кл.). С. Гинтовъ. — Horatii Carmina, гес. I. Scheber, стр. 142—143. „Цѣнный вкладъ въ нашу филологическую литературу“. С. Гинтовъ. — Латинская грамматика Ходобая, въ обраб. А. Адольфа, стр. 143—147. „Послѣдняя обработка, нужно надѣяться, еще болѣе упрочитъ популярность этого учебника“. М. Кукулинъ. — 41-й съѣздъ нѣмецкихъ филологовъ и педагоговъ въ Мюнхенѣ, С. Николаева.

Вѣра и Разумъ. VIII (1891), 7—12 (апрѣль, май, іюнь).

№ № 9 и 12. Отд. философіи. **И. Курсунскій**, Ученіе Аристотеля и его школы (перипатетической) о Богѣ (продолженіе, В. и Р. VII, № 23 и VIII, № 6), стр. 361—384, 518—538. Изложивъ самое ученіе Аристотеля о божествѣ, авторъ разсматриваетъ отношеніе философа къ народной религіи и отмѣчаетъ при этомъ, что Ар., относясь къ народной религіи положительно, различалъ въ ней *θεῖον* и *μυθικόν*, а въ міеахъ старался отыскать религіозно-философскую идею. Затѣмъ разъясняется отношеніе Аристотеля къ его предшественникамъ, Анаксагору и Платону, и наконецъ вкратцѣ излагаются взгляды на божество учениковъ Аристотеля и послѣдователей его школы.

№ 12. Отд. философіи. **А. Введенскій**, Демоніонъ Сократа, стр. 483—517. Послѣ разсмотрѣнія исторически засвидѣтельствованныхъ фактовъ проявленія демоніона въ жизни Сократа, авторъ переходитъ къ психологическому объясненію этого феномена. Авторъ считаетъ демоніонъ сложнымъ психологическимъ явленіемъ и видитъ въ немъ слѣдующіе психологическіе моменты: 1) интуицію, т.-е. усмотрѣніе въ себѣ полусознательныхъ воспріятій, — чувствованій, идей и т. п.; 2) доходившую до наѳоса, энтузіазма любовь Сократа (эросъ) къ истинѣ и благу, обусловливавшую живость интуиціи, и ея частную форму — симпатію, обусловливавшую живость предчувствія по отношенію къ другимъ; 3) вѣру въ божественный характеръ явленія и, наконецъ, 4) нѣкоторую психологическую иллюзію, т.-е. невольную объективацию субъективнаго процесса. Съ метафизической точки зрѣнія г. Введенскій склоненъ видѣть въ демоніонѣ дѣйствіе Высшей Силы, проявившейся въ Сократѣ, какъ одна изъ формъ естественнаго откровенія Божія.

Прибавленія къ Твореніямъ Святыхъ Отцевъ въ русскомъ переводѣ, изд. Моск. Духовной Академіи, 1891, кн. I—IV.

Кн. IV. I. Татарскій, Религіозный элементъ въ эпосѣ Гомера, стр. 577—620. Отмѣтивъ то огромное значеніе, какое для естественнаго образованія религіозныхъ представленій древнихъ грековъ имѣлъ гомеровскій эпосъ, гдѣ прежде космогоническое и чисто стихійное значеніе эллинскихъ божествъ уступаетъ мѣсто развитію духовныхъ характерныхъ свойствъ каждаго бога въ его личныхъ сношеніяхъ съ человѣкомъ, авторъ задается цѣлью показать, какъ это осуществилъ Гомеръ (гл. I) и какимъ образомъ міеологія, просвѣтленная у него поэзіей, въ свою очередь благоприятно отразилась на человѣческомъ кругѣ его эпопей (гл. II). Великую заслугу Гомера авторъ полагаетъ въ томъ, что онъ въ своемъ эпосѣ сдѣлалъ наглядною высокую истину божественнаго руководительства въ важнейшихъ предпріятіяхъ человѣка при полномъ сохраненіи послѣднимъ своей индивидуальной независимости.

Историческій Вѣстникъ, XII (1891). 4, 5, 6 (апрѣль, май, июнь).

Кн. 4. Отдѣлъ критики и библиографіи. Новый источникъ для исторіи Аѳинъ (по поводу Кеніонова изд. новооткрытаго трактата Аристотеля), стр. 241—244. *А. Н. Деревницкій* вкратцѣ излагаетъ содержаніе трактата и отмѣчаетъ его важное значеніе для исторической науки.

Кн. 5. Отдѣлъ критики и библиографіи. *И. Г. Дройсенъ*, Исторія эллинизма, перев. *М. Шелгунова* съ французскаго изданія. Т. I. Исторія Александра Великаго. М. 1891 г., стр. 738—740. Это выдающееся научное сочиненіе страдаетъ основнымъ недостаткомъ: пристрастіемъ къ личности Александра Великаго и преувеличеніемъ воздѣйствія на восточные народы занесенныхъ къ нимъ Александромъ началъ эллинской образованности. *С. А.—въ.*

Пантеонъ Литературы, IV (1891). 1, 2.

2. Лукіанъ въ пер. *В. Алексѣева* (XI—XVIII). Зевксидъ, Гармонидъ, Скіопъ, О печали по умершимъ, Гишпій, Гераклъ, Разговоръ съ Гесіодомъ, Желанія. — Послѣдняя элегія Проперція (IV, II), переводъ размѣр. подл. *А. Адольфа.*

Русское Обзорніе, II (1891). 4, 5, 6 (апрѣль, май, июнь).

Кн. 6. Отдѣлъ критики и библиографіи. Марціалъ. Біографическій очеркъ графа *Олсуфьева*, стр. 913—918. „Трудъ гр. Олсуфьева является весьма цѣннымъ приобрѣтеніемъ русской филологической науки“. *Д. Павловъ.*

Русскій Вѣстникъ. Томы 212, 213, 214 (1891), кн. 1—6 (январь—июнь).

Кн. 4. Отдѣлъ критики. Винкельманъ и позднія эпохи греческой скульптуры. *Н. М. Благовѣщенскаго*, Спб. 1891, стр. 372—385. „И въ этомъ новѣйшемъ трудѣ мы встрѣчаемъ всѣ выдающіяся достоинства учено-литературнаго таланта нашего маститаго автора, его широкое эстетическое образованіе и прелесть его изящнаго, художественнаго слова, какими владѣютъ немногіе“. *И. Цветаевъ.*

Кн. 6. *Н. А. Любимовъ*, Изученіе природы въ древности и въ новое время, стр. 3—43 (продолженіе, см. Р. В. 1890 г. кн. 9). Гл. V. Платоново-Аристотелево мировоззрѣніе. Общая характеристика ученія Платона. Гл. VI. Вѣрованія Платона. Гл. VII. Философское ученіе Платона.

Русская Мысль, (XII) 1891. 4, 5, 6 (апрѣль, май, июнь).

Кн. 4. Отдѣлъ библ. Aristotle on the const. of Athens, ed. by Кеуон 1891. Содержаніе и значеніе трактата — очень важны.

Кн. 5. Отдѣлъ библ. Н. М. Влговъщенскій, Винкельманъ и т. д. „Интересный предметъ, умное изложеніе, прекрасно исполненные рисунки пророчать книгѣ успѣхъ среди любителей изящнаго“.

Кн. 6. Отдѣлъ библ. Histoire ancienne. Egypte, Assurie, par. S. Maspero. P. 1890. Книга заслуживаетъ особаго вниманія, какъ полезное чтеніе для юношества.

Наблюдатель, X (1891), 1—6 (январь—іюнь).

Кн. 3. Отдѣлъ „Новыя книги“. Дройзенъ, Исторія эллинизма, пер. М. Шелгунова. Т. I, М. 1891. Въ книгѣ есть излишнія примѣчанія и приложенія. Основная мысль сочиненія, что походы Александра распространили на Востокъ эллинизмъ, есть парадоксъ. Языкъ перевода правильный и литературный.

Кн. 6. Отдѣлъ „Новыя книги“. Исторія педагогикки, Карла Шмидта. Т. I. До-христіанская эпоха. Перев. Э. Циммермана. М. 1891. Переводъ этого классическаго сочиненія по педагогикѣ, сдѣланный тяжелымъ, часто неправильнымъ языкомъ, несмотря на его недостатки, нужно признать цѣннымъ приобрѣтеніемъ.

в) Иностранные журналы.

Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes. XV (1891), livr. 1. 2.

1. Н. Well, Du discours de Lysias sur le rétablissement de la démocratie athénienne, p. 1—5. Отдавая должное изданію рѣчи *Περὶ Λυσίου* Діонисія Галикарнаскаго, выполненному гг. Devgousseaux и Egger на основаніи коллаціи всѣхъ манускриптовъ, авторъ указываетъ на возможность иного толкованія и чтенія нѣкот. мѣстъ. — L. Havet, Laeviana, p. 6—13. Критическія замѣтки. — L. Vernier, La versification latine populaire en Afrique: Commodien et Verecundus, p. 14—33. Особенность указ. авторовъ заключается въ произвольномъ пользованіи долгими и краткими гласными, различіе между которыми въ ихъ время, повидимому, было утрачено: Верекундъ, начиная стихъ съ *Cūr ābōrtivō*, думалъ, что онъ подражаетъ Виргиліеу *aut illaūdati*, ибо слова эти имѣютъ одинаковое число слоговъ и одинаковую акцентуацію, краткости же а онъ не чувствовалъ. — O. Riemann, Remarques sur diverses questions de syntaxe latine (продолженіе), p. 34—40. Описание inf. на *uim esse* замѣняетъ собой *coniunct. potentialis (scribam)*, а на *uim fuisse* — *conj. irrealis imperf. et plusquampr.* (и *scriberem* и *scripsissem*), что подтверждается примѣрами. Примѣровъ же, гдѣ бы inf. на *uim esse* замѣнялъ *conj. irrealis imperf.* — нѣтъ, ибо четыре существующихъ примѣра (изъ Цицерона и Цезаря) сомнительны [у Цезаря, *De bello gall. V, 29, 1—2 Vassis* читаетъ *Eburones... venturos* (т.-е. *fuisse*). *Sese* (вм. *esse*) *non hostem etc.*]. — Fr. Plessis, Propertiana, p. 41—45. Толкованіе мѣстъ IV, 1, 17—20, гдѣ

celebrare (ст. 19) принимается за *infin.*, зависящій отъ *nulli cura fuit*, а *Pallia qualia nunc* — дополнение къ *celebrare*; *assenso faeno* (ст. 19) = причѣмъ зажигались соломенные костры (черта, характеризующая древнiя Палліи). — IV, 1,78: авторъ читаетъ: *aversis lacrimas* (глаголь) *chartis*; *aversus Apollo*. — II, 1,37—38 — необычное значеніе *hic* и *ille* подтверждается стихами изъ *Ovid. Trist. I, 2,23—24*. — II, 13,19: авторъ читаетъ *pec multa longa etc.* — J. Martha, Note sur la composition du ch. XIV du „Brutus“, p. 46—50. Возраженія на статью Г. Иордана (въ *Hermes*, VI, p. 198—213). — H. d'Arbois de Jubainville, *Juliae Alpae ou Vallis Duriae*, p. 51—55. Отвергается поправка Мадвига, читавшаго у Ливіа V, 34, 8, *per Taurinos saltus vallemque Duriae Alpae transcenderunt* (Галлы въ Италію ок. 400 г. до Р. Хр.) вм. *per Taurinos saltusque Juliae Alpae transcenderunt*, гдѣ заключается, повидимому, несообразность, ибо *Alpae Italiae* и *Taurini* далеки другъ отъ друга; но, м. б., Ливій имѣлъ въ виду двѣ арміи галловъ, вступившихъ сразу въ Италію съ сѣв.-вост. и сѣв.-зап. — S. Desson, A propos de la question de Tacite, p. 56—58. Цитатами изъ писателей начала XV в. по Р. Хр. доказывается, что уже тогда сочиненія Тацита были извѣстны (вопреки мнѣнію—Hochart'a). — E. Audouin, Note sur quelques passages du „De bello civili“, p. 59—60. Къ I, 15, гдѣ данныя Цезаремъ цифры для гарнизона Корфиніа расходятся съ показаніями Помпея (*Cic. ad Att. VIII, 11 A* и др.), что 12 когорть было у Домиціа, 14 у Вибулліа и 5 у Гирра; авторъ отдаетъ предпочтеніе показанію Помпея. — Къ I, 30: соглашается съ поправкою Гофмана „*cum legionibus II*“ вм. III. — L. Navet, *Noniana*, p. 61—64. — L. Navet, *Enniana*, p. 65—75. Критич. замѣтки. — G. Donceux, De qui sont les élégies 2—6 du livre IV de Tibulle, p. 76—81. Элегіи 2, 4, 6 исходятъ отъ одного Тибулла, 7—12 принадлежатъ только Сульпиціи, 3 и 5 — обоимъ вмѣстѣ, причѣмъ первой принадлежитъ идея, чувство, нѣсколько выразительныхъ стиховъ, а второму — композиція и прелесть поэзіи. — G. D., Examen d'une correction de Baehrens à la „Vita Tibulli“, p. 82. Вм. *Albius Tibullus, eques regalis* Бэренсъ предложилъ *A. T., eques R. e Gabis*, гдѣ *R.* = *Romanus*, (откуда ясно возникновеніе рукоп. *regalis*) но грамм. вѣрнѣе будетъ: *eques R. Gabis*; во всякомъ случаѣ теперь понятны слова Горациа въ *Erist. I, 4* къ Альбію (Тибуллу): *in regione Pedana*, ибо Габіи лежатъ между Пренесте и Педумомъ. — O. R., *Platon, République*, III, p. 405, b—c, p. 83—84. Въ словахъ Сократа послѣ *ὑστάζοντος δικαστοῦ*; *R.* прибавляетъ *ἢ οὐ*; — тѣмъ и объясняется слѣдующій отвѣтъ Главкова. — *Bulletin bibliographique*, p. 86—96. — Въ приложеніи обзоръ нѣмецкой журн. литературы за 1890 г., p. 1—16.

2. R. Dareste, Un nouveau fragment des lois de Solon, p. 97. Въ новыхъ женевскихъ схоліяхъ къ Гомеру читаются слѣд. слова Солона: *ἐξούλης· ἐάν τις ἐξέλλῃ ὡν ἄν τις δίκην νικήσῃ, οὐ ἄν ἄξιον ᾖ, καὶ εἰς δημόσιον ὀφλανεῖ καὶ τῷ ἰδιώτῃ, ἐκατέρους.* — R. Haussoullier, *Aristotele Ἀθηναίων πολιτεία*, p. 98—100. Возстановляетъ текстъ о дикастеріяхъ, по Кеніону, p. 161—162. — A. Jahn, *Chemica graeca, e codic. mss. Monacensi 112*

et Bernensi 579, p. 101—115: текстъ и критич. примѣч. на латинск. яв. — J. Keelhoff, *Ἐπιπλα, ἐπίπλα*, p. 116. К. восстанавливаетъ у Herodot. I, 94 *ἐπιπλα* вм. *ἐπίπλα*, нигдѣ болѣе не встрѣчающагося. — L. Veraler, *Notes sur Commodien*, p. 117—130. Критич. замѣтки. — L. Navet, *Assiana*, p. 130, 131. Критическія замѣтки. — H. Lebègue, *Nouveaux problèmes de comrut*, p. 132—133. Замѣтки и поправки къ подписямъ на среднев. рукописяхъ древ. авторовъ, опредѣляющимъ время ихъ происхожденія. — Colonel Stoffel, *Remarques sur l'ouvrage intitulé: Das Kriegswesen Sazars*, par M. Franz Fröhlich, p. 139—155. Указываются нѣкоторыя погрѣшности этой книги. — J. Psichari, *Sophocle*, El. 1—10 et 159, p. 155—156. Переходъ нѣсколькихъ километровъ на протяженіи десяти стиховъ объясняется устройствомъ сцены: нѣсколько шаговъ, сдѣланныхъ актерами, производили, безъ труда, иллюзію перемѣщенія ихъ изъ одного города въ другой (ст. 1—10: Аргось, храмъ Геры, Микены). Къ ст. 159 *κρυπτῆ τ' ἀχέων ἐν ἡβᾶ*, по сравн. со ст. 19, дается переводъ „несчастная юность“ (*jeunesse de malheurs = jeunesse malheureuse*). — *Bulletin bibliographique*, p. 156—160. — Въ приложеніи обзоръ нѣмецкихъ журналовъ (продолженіе), p. 17—64.

Revue des études grecques. Tome IV, (1891). №№ 13, 14.

№ 13. Association pour l'encouragement des études grecques en France, p. I—XXXII. Уставъ общества. — Рѣчь президента Маснеро. — Отчетъ секретаря за 189^о/₁ годъ, изъ коего видно, что трудъ Б. В. Латышева *Inscriptiones etc.*, за свои крупныя достоинства, награжденъ половиною преміей Зографа. — Денежный отчетъ и списокъ членовъ-учредителей. — R. de Tascher, *Les cultes ioniens en Attique et les origines de l'histoire athénienne*, p. 1—23. Являясь сторонникомъ гипотезы о переселеніи іонянъ въ Аттику изъ Малой Азіи черезъ острова, авторъ ищетъ подтвержденія ея въ мѣстныхъ аттическихъ религиозныхъ преданіяхъ и культурахъ іоническихъ боговъ и героев (Аполлонъ, Посейдонъ, Ксуеъ, Іонъ, Эгей, Тесей, Эрисихтонъ). Мѣстности, гдѣ ихъ культъ сохранился въ историческую эпоху, указываютъ на путь іонянъ (восточное побережье Аттики), а преданія — на ту борьбу, которую пришлось вести пришлымъ богамъ съ туземными. *Ἀπόλλων πατρίος* явился, вѣроятно, во время уже окончательнаго сліянія іонянъ съ автохтонами. Исторія Тесея является отголоскомъ революціи въ социальныхъ и политическихъ условіяхъ страны, а самъ онъ мнѣнч. олицетвореніемъ древне-іоническаго элемента. — Sylvain Lévi. *La Grèce et l'Inde d'après les documents indiens* p. 24—45. Въ памятникахъ древняго Индостана находимъ много указаній на то впечатлѣніе, которое оставили греки (Уавала по инд. произношенію = *Ἰάβονες*) среди индусовъ, при своемъ соприкосновеніи съ ними. Но дѣятельныя сношенія грековъ съ Индіей начались уже послѣ Александра Македонскаго. Греки имѣли большое вліяніе на науки, искусства и м. б. на литературу индусовъ. Греція также обазана Индія той извѣстностью, которою она пользовалась въ средніе вѣка. Авторъ дѣлаетъ много экскур-

совъ въ область лингвистики и приводитъ массу словъ и собственныхъ именъ, перешедшихъ отъ грековъ въ индоставскіе языки. А. Н. Saucе. *Inscriptions grecques d'Égypte*. p. 46—57. Charles Baron. *De l'unité de composition dans le Phèdre de Platon* p. 56—62. Небольшая замѣтка, въ которой авторъ доказываетъ единство композиции въ указ. діалогѣ, основная мысль котораго — вести къ благу черезъ любовь. — Notes et documents. — H. Oment, *L'édition de la palaeographia Graeca de Montfaucon*, p. 63—69. — E. Legrand, *Poésies inédites de Theodore Prodrome*, p. 70—73; *Contribution a la biographie de Simon Portius*, p. 74—81. — Th. Reinach, *La constitution de Dracon et la constitution de l'an 411, d'après Aristote*, p. 82—85. Въ изложеніи Драконовой конституціи у Арист. *Ἀθην. пол.* гл. 4 авторъ видитъ тенденціозную интерполяцію какого-то приверженца умѣренной олигархіи, который для чаемой имъ конституціи желалъ имѣть историческій прецедентъ. Авторъ исправляетъ текстъ Кеніона посредствомъ радикальныхъ перестановокъ предложений. — Th. Reinach, *Un poème grec sur la mort de Louis XVI*, p. 86—88. Стихотвореніе изъ 53 гексам. взято изъ современнаго событію журнала *Ἐφημερίς*, изд. въ Вѣнѣ.

№ 14. D-r G. Costomiris, *Études sur les écrits inédits des anciens médecins grecs*, p. 97—110 (продолженіе, см. *ib.* II, p. 343; III, p. 145). Рѣчь идетъ о врачахъ: Александрѣ софистѣ и царѣ (Алекс. Великій обладалъ медицинскими познаніями), Тимоеѣѣ грамматикѣ, Львѣ философѣ, Теофанѣ Ноніѣ и о τὰ ἐφόδια (переводъ съ арабскаго, конца X в.) и ихъ рукописяхъ. — G. Schlumberger, *Scéaux byzantins inédits*, p. 111—142. (см. *ib.* II, p. 245), съ рисунками медалей. — Th. Reinach, *Aristote ou Critias*, p. 143—158: Главы: IV (о законодательствѣ Драконта), начало гл. VIII (о выборной системѣ, введенной Солономъ) и большую часть гл. XXV (о ролиThemistocle в политическомъ приниженіи Ареопага), изъ недавно найденнаго соч. *Ἀθηναίων πολιτεία* авторъ считаетъ не согласными съ исторической истиной и не принадлежащими Аристотелю; они вставлены александрийскимъ глоссаторомъ изъ сочиненія извѣстнаго олигарха Критія, которое также назыв. *Ἀθηναίων πολιτεία*. — P. Girard, *Thespis et les débuts de la tragédie*, p. 159—170. Въ гл. I указывается предполагаемое содержаніе трагедій Тесписа, который ввелъ въ свои пьесы національныя легенды въ качествѣ фабулы (напр. его *Ἠίδεοι*, несомнѣнно, говоритъ о Тесеѣ, освободившемъ Афины отъ дани Минотаврѣ). Въ гл. II выясняется заслуга Тесписа по отношенію къ внѣшней сторонѣ драматическаго представленія, гдѣ онъ добился болѣе сценической иллюзіи: главнымъ нововведеніемъ его было изобрѣтеніе особыхъ масокъ (бѣлыхъ) для женскихъ ролей, что онъ, можетъ быть, заимствовалъ отъ Эмареса, впервые ставшаго рисовать женскія лица бѣлою краскою (Эмаресъ относится къ полувнѣ VI в., а Тесписъ участвовалъ въ первомъ трагическомъ состязаніи въ 535 г.). — Notes et documents. T. R. *Inscription archaïque d'Argos*, p. 171—173. — Al.-Emm. Contoléon, *Inscriptions d'Asie Mineure*, p. 174 сл. (4 надписи изъ Фіатирѣ въ Лидіи). — T. R. *Bulletin*

archéologique, p. 189—193.—D. V. Correspondance grecque, p. 194—197.—Nouvelles diverses, p. 198—204.—Bibliographie, p. 205—207.

Journal des Savants. 1891. 1—6. (Janvier — Juin).

1. Charles Lévêque, Damascius, стр. 17—29. По поводу сочинений Дамаскія, изданных Рюэллемъ, авторъ излагаетъ біографію этого послѣдняго представителя неоплатонизма въ Аѳинахъ и говоритъ о значеніи его для своего времени (V в. послѣ Р. X). — Jules Girard, Un empereur Byzantin au X siècle. I article; стр. 30—45. Продолженіе въ март. кн., стр. 162—174 и оконч. въ апр. кн., стр. 226—236. На основаніи сочиненія Schlumberger'a о Никифорѣ Фокѣ описываются обычаи и порядки, господствовавшіе въ Византіи при этомъ императорѣ. — E. Dareste, Assemblées provinciales dans l'empire Romain, стр. 46—54. На основаніи сочиненія Поля Гиро о провинціальныхъ собраніяхъ во времена римской имперіи, авторъ устанавливаетъ главнѣйшія черты этихъ учрежденій, не имѣвшихъ, правда, политическаго значенія, но составлявшихъ посредствующее звено между провинціальной администраціей и императоромъ.

2. M. Berthelot, Sur la trace des Écrits alchimiques grecs conservés dans les écrits latins et sur la transmission des doctrines alchimiques au moyen âge., стр. 124—132.

4. H. Well, Aristote. — Constitution d'Athènes, стр. 197—214. На основаніи Кеніонова изданія и факсимиле папирусовъ обсуждается вопросъ о подлинности соч. объ аѳ. политикѣ и о времени его составленія. Оказывается, что трактатъ былъ оконченъ въ 323 году до Р. X.; дагѣ, что въ гл. 5 заключается не замѣченный Кеніономъ пентаметръ Солона *τὴν τε φιλαργυρίην τὴν θ' ὑπερφάνην*. Наконецъ авторъ останавливается на изображеніяхъ у Аристотеля нѣк. политическихъ личностей.

5. H. Well, Aristote. — Constitution d'Athènes, стр. 257—273. Излагаются черты государственнаго устройства Аѳинъ по второй части Арист. трактата. — Ch. Lévêque, по сочиненію Chaignet, Histoire de la psychologie des Grecs (2 и 3 томы), излагается метафизическая психологія грековъ, стр. 274—285.

6. Georges Perrot, Rapport sur les fouilles de Troie, стр. 338—346. На основаніи сочиненій Шлимана: „Ilios“ и „Bericht ueber die Ausgr. in Troia im J. 1890“, авторъ сообщаетъ результаты раскопокъ покойнаго археолога на мѣстѣ древней Трои. Выводъ: историческая основа Иліады не находится въ непосредственной связи съ мѣстностью и исторіей Трои; древнее сказаніе подверглось свободной повѣстической обработкѣ и, когда оно было приурочено къ Троѣ, то для изображенія театра событій были заимствованы черты троянской мѣстности. — M. Berthelot, Traditions techniques de la chimie antique chez les alchimistes latins du moyen âge, стр. 370—384.

Neue Jahrbücher für Philologie und Pädagogik. CXLIII и CXLIV (1891), 4—6.

4. Heft. I. S. Brandt, Lactantius und Lucretius, стр. 225—259. Приводя мѣста изъ Лактанція, гдѣ послѣдній цитируетъ Лукреція, авторъ останавливается на тѣхъ изъ нихъ, въ которыхъ Лактанцій оспариваетъ эвик. теорію познанія, физику, естественную исторію культуры и ученіе о богахъ, и приходитъ къ тому заключенію, что Лактанцій трактуетъ эти вопросы какъ риторъ. Далѣе доказывается, что Лактанцію было совершенно неизвѣстно сообщаемое Геронимомъ преданіе о помѣшательствѣ и самоубійствѣ Лукреція, и, такъ какъ это преданіе оставалось неизвѣстнымъ и въ школѣ Арнобія, то отсюда слѣдуетъ выводъ, что сообщеніе Светонія, передаваемое Геронимомъ, не опиралось на общеизвѣстную традицію и теряетъ всякую достовѣрность. — F. Poland, Zu Arist. *Αθη. πολιτ.* стр. 260. — F. Hultsch, Das Pheidonische Masssystem nach Aristoteles, стр. 262—264. Фейдонова мѣра сыпучихъ и жидкихъ тѣлъ была на $\frac{1}{12}$ меньше аттической. — F. Polle, Ueber die Bedingungssätze, стр. 264—266. Устанавливаются слѣдующіе случаи условныхъ періодовъ: 1) теоретическій (si habeo, do; *εἰ ἔχω, δίδωμι*). 2) практическій (si habeo [accipero], dabo; *εἰν ὄρω, δάσω*), 3) возможный (si habeam, dem; *εἰ ἔχομι, δίδοιην ἄν*) и 4) противоп. дѣйствительности (si habeream, daream, *εἰ εἶχον, ἐδίδοον ἄν*). — F. Knoke, Über den Gebrauch von *plures* bei Q. Curtius Rufus, стр. 267—278. Авторъ утверждаетъ, что какъ у Тацита, такъ и у Курція Руфа, *plures* имѣетъ значеніе сравнительной степени. — A. Somny, Rhagae — Thaga — Tabae, стр. 277—280. Эти три названія, приводимыя Аппіаномъ, Юстиномъ и Курціемъ при описаніи преслѣдованія Александромъ Дарія, означаютъ одну мѣстность. — Polle, Zu Ciceros Catilinarien, стр. 280. Предлагается въ III, 5 чтеніе: bipertito latuerunt. — P. Selliger, zu Platons Phaidros (246 b—c), стр. 286—287. — Zu Aristoteles Nikomachischer Ethik (A, I, 1094 a l.).

5. Heft I. G. F. Unger, Die Glaubwürdigkeit der kapitolinischen Consultafeln, (стр. 288—321; продолж. будетъ). Авторъ защищаетъ противъ Моммсена (*Röm. Forschungen*) и Цихоріуса (*De fastis consularibus antiquissimis*) достовѣрность капитолійскихъ (такъ наз. по нынѣшнему мѣсту ихъ храненія) консульскихъ списковъ. — H. Stadtmüller, Zur Anthologia Palatina, стр. 322—335. Критическія замѣтки къ тексту (1—16). — Fr. Blass, Zu der naxischen Inschrift der Timandre, стр. 336—337. Замѣчанія касаются алфавита надписи. — L. Mendelssohn, Analecta Tulliana, стр. 337—352 (продолж. см. Heft. I.). Крит. замѣтки къ письмамъ Цицерона. — J. H. Schmalz, Ersatz des fehlenden Particips von esse, стр. 352. Указываются случаи употребленія *constitutus* въ значеніи *ἔω* (въ поздней лат.). — A. Teuber, Zur Kritik der Terentius-scholien des Donatus, стр. 353—368.

II. Th. Vogel, Eine Lücke in der lateinischen Classenlectüre der Gymnasien, стр. 209—218. Не одобряя погони за ознакомленіемъ учениковъ съ тонкостями языка, авторъ настаиваетъ на расширеніи круга читаемыхъ писателей. Съ этою цѣлю, въ дополненіе къ читаемымъ въ послѣднемъ классѣ „Анналамъ“ и „Германіи“ Тацита, онъ рекомендуетъ составить хрестоматію изъ писателей „argenteae aetatis“, преимущественно Сенеки, Квинтиліана, Плинія Старшаго. Выборъ отрывковъ долженъ быть сдѣланъ исключительно на основаніи эстетическихъ и культурно-историческихъ соображеній. Въ этомъ отношеніи названные писатели даютъ особенно благодарный матеріалъ. Они гораздо доступнѣе чисто-человѣческимъ интересамъ, нежели писатели классическаго періода, всецѣло поглощенные идеей государственности.

G. Heft I. R. Peppmüller, Über die incertae sedis fragmenta Homerica, стр. 369—383. Эти отрывки отчасти представляютъ собою гомеровскіе стихи въ свободной передачѣ, отчасти могутъ быть отнесены къ кикладамъ, а нѣкоторыхъ нельзя отнести ни къ Гомеру, ни къ кикладамъ. — Fr. Pölle, Zu Verg. Aen. VII, 378, стр. 384. Предлагается чтеніе *materque Mycenae* вм. *mediaeque M.* — O. Crusius, Die Anwendung von Vollnamen und Kurznamen bei derselben Person und Verwandtes, стр. 385—394. Собраніе относящагося сюда матеріала въ дополненіе къ данному, собраннымъ у Фикка (Die griech. Personennamen) и другихъ. — Ch. Gron, Zu Thukydides, стр. 395—401. Слова въ VII, 86, 5... *διὰ τὴν πᾶσαν ἐς ἀρετὴν γεννησάμενην ἐπιτίθενσιν* толкуются по отношенію къ общему смыслу всего мѣста (о печальной участи Никія) и значенію отдѣльныхъ словъ, особ. *ἀρετὴν* (авторъ понимаетъ въ см. *καλόν*) и *γεννησάμενην*. — E. Wölgel, Zu Platons Phaidon (66°), стр. 402—404. Гл. *φρονῆσαι* авторъ понимаетъ въ смыслѣ „познать“, а слова: *ἐπ' αὐτῶν* (т.-е. *σώματος*) *οὐδὲ φρονῆσαι ἡμῖν ἐγγύγεται οὐδέποτε οὐδέν* въ виду предыдущаго *τὸ λεγόμενον* считаетъ за цитату изъ какого-то поэта, только въ свободной передачѣ. — K. Niemeyer, Zu Arist. 'Aθ. πολ., стр. 406—415. Критическія замѣтки къ нѣк. мѣстамъ Арист. трактата и рассмотреніе наиболѣе важныхъ пунктовъ теорій Кауера и Юліуса Шварца, изъ которыхъ первый приписываетъ трактатъ одному изъ аристотеликовъ, второй — Деметрію Фалерскому. — E. Hase, Artikel und Pronomen des Dualis beim Femininum im attischen Dialekt, стр. 416—418. На основаніи надписей авторъ устанавливаетъ случаи употребленія указ. формъ. — F. Hultsch, Zu Polybios, стр. 419—420. Въ IV, 18, 8 предлагается чтеніе *κατασχευασμένον* вм. *κατασχεύασμα*. — R. Oehler, Sagunt und seine Belagerung durch Hannibal, eine topographische Studie, стр. 421—428. Выводы: 1) Древній Сагунтъ лежалъ только на возвышенности, 2) къ сдачѣ онъ могъ быть принужденъ только голодомъ; 3) Ливій въ двухъ мѣстахъ (XXI, 8, 2 и 5. 11, 11) допускаетъ риторическія преувеличенія, которыя доказываютъ, что онъ самъ (или авторъ, служившій ему источникомъ, — Целій Антипатръ) не видѣлъ Сагунта. — G. Goetz, Zu dem Gronovscholiasten des Cicero, стр. 429—432.

Hermes. XXVI (1891). 2.

J. Vahlen, *Varia*. XXXVIII, стр. 161—169. Объясняются *ambigue dicta* у Цицерона, *ad Att.* I, 16 *tribuni non tam aerati quam ut appellantur aerarii*, и у Аристофана, *Eq.* 428. — H. Holländer, *Zur Ueberlieferung der Homerischen Hymnen*, стр. 170—177. I—III. Устанавливается взаимная зависимость нѣкоторыхъ кодексовъ и принадлежность ихъ къ тому или другому классу. IV. О нѣкот. чтеніяхъ, исходящихъ отъ рапсодовъ. — E. Maase, *Theokrits Dionysos aus einer Inschrift erläutert*, стр. 178—190. *Ἰερὸς λόγος* у Теоокрита ид. XXVI, приуроченный къ Дракану, мысу на о-вѣ Косѣ, совершенно тождественъ съ описаніемъ культа въ одной позднегреческой надписи изъ Магнезій на Меандрѣ; на Косѣ, куда черезъ Эивы занесенъ былъ изъ Эпира культъ Діониса, было, по крайней мѣрѣ, три праздника въ честь этого бога и, вѣроятно, столько же святилищъ. — U. v. Wilamowitz-Möllendorf, *Die sieben Thore Thebens*, стр. 101—242. На основаніи личныхъ наблюденій и мѣстныхъ изслѣдованій въ 1890 году авторъ рѣшительно опровергаетъ Фабриція, который также на основаніи собственныхъ наблюденій установилъ направленіе еивскихъ стѣвъ, которыя будто бы въ древнѣйшія времена охватывали три холма и имѣли въ окружности 43 стади, равно какъ положеніе семи вратъ. Эти семь вратъ В. относитъ въ область фантазій и доказываетъ, что во времена Эврипида еивскій акрополь лежалъ между источникомъ Диркой и рѣчкой Исменомъ. Прослѣдивъ исторію города Эивъ отъ 480 года до македонской эпохи, авторъ дѣлаетъ выводъ, что во времена трагиковъ еивская крѣпость представлялась для того времени грандіознымъ сооруженіемъ и могла заслужить въ отношеніи къ мнѣческимъ временамъ эпитеты *καλλίπυρος* и *ἐκτάπυλος*; въ позднѣйшую же эпоху это старинное укрѣпленіе не существовало. Указанія на семь вратъ у Эсхила, Эврипида, Стація, Аполлодора и Павсана даютъ двѣнадцать или тринадцать различныхъ именъ, за которыми авторъ признаетъ не топографическое, а поэтическое значеніе. „Семь вратъ“ ведутъ начало отъ „Эиванды“ Эсхила и въ дѣйствительности никогда не существовали. „Только для нападенія на семь вратъ имѣетъ значеніе то обстоятельство, что насчитывалось семь аргивскихъ героевъ; только для нападенія семи на Эивы послѣднія являются семивратнымъ городомъ“. Лишь загадочныя для насъ имена воротъ: *Ἥλεκτρα Προπίδες Νήται*, б. м. соотвѣтствуютъ дѣйствительно существовавшимъ врагамъ гомеровскихъ Эивъ. — H. Diels, *De Dionysii et Photii lexicis*, стр. 243—261. Нѣтъ никакихъ слѣдовъ второй рецензій Діонисіева лексикона въ XII стол. — Единственный кодексъ Фотіева лексикона (Galeanus), помимо отсутствія цѣлыхъ листовъ, во многихъ мѣстахъ не полонъ. — K. Strecker, *Zu Erotian*, стр. 262—306. Главнымъ источникомъ его словаря къ Гипократу служатъ лексиконъ Бакхейя. — R. Reitzenstein, *Die Inhaltsangabe im Archetypus der Kallimachos Hss.* стр. 308—314. Кринагоръ въ *Anthol.* IX. 545, излагающій

содержаніе Калимаховой Гекалы, имѣетъ источникомъ только предисловіе самого Калимаха; также и другія строки Бринагора о Гекалѣ являются свободнымъ переложеніемъ изъ Калимаха—Miscellen. A. Behr, Zu Plinius s. h. VI, 5, 121, стр. 315; мѣсто это есть легкомысленная выписка изъ Геродота I, 181. — W. Kroll, Zum Archipresbyter Leo und Julius Valerius, стр. 316. — B. Kindt, Zu Sext. Aurelius Victor de Caesaribus, стр. 317—318. — R. Meister, Weihinschrift eines bronzenen Stufenbasis.

Philologus. Band I (1891), Heft 1.

E. Rehdé, Die Abfassungszeit des Platonischen Theaetet, стр. 1—12 (продолженіе). Отвѣтъ на статью Целлера въ Archiv f. Gesch. d. Philosophie IV стр. 189 слѣд. (см. ниже въ рефератѣ объ этомъ журналѣ). Авторъ доказываетъ основательность своихъ аргументовъ въ пользу предположенія, что діалогъ написанъ не ранѣе 371 г. до Р. X. — **R. Opitz**, Über den Weiberspiegel des Semonides von Amorgos, стр. 13—30. Стихотвореніе Симонида „Зеркало женщинъ“ (fs. 7) написано совершенно въ гесиодовскомъ духѣ (*Ζεὺς γὰρ μέγιστος τῶν ἐποίησεν κακὸν Γυναικάς*, срв. Hes. Th. 600), но ямбическій поэтъ идетъ еще дальше, производя различные типы женщинъ отъ животныхъ. Послѣдняя мысль не оригинальна и коренится въ народныхъ воззрѣніяхъ. Доказавъ это, авторъ далѣе разсматриваетъ стих. Симонида со стороны его композиціи. — **J. M. Stahl**, Kratippos und Thukydides, стр. 31—42. Авторъ защищаетъ свой взглядъ на Кратиппа какъ продолжателя Фукидидова сочиненія, не бывшаго современникомъ знаменитаго историка и задававшагося цѣлью пополнить рассказъ Фукидида изложеніемъ позднѣйшихъ событій, до которыхъ тотъ не дошелъ. Въ этомъ смыслѣ надо понимать слова Діон. Галик. (de Thuc. iud. c. 6), что Кратиппъ *συνήγαγε τὰ παραλειφθέντα ἐπ' αὐτῶν (т.-е. Θουκυδίδου)*. — **K. Tümpel**, Zur Analyse und Kritik von Diodorus V, 55, стр. 43—48. — **K. Prächter**, Metopos, Theages und Archytas bei Stobaeus Flor. I, 64, 67 ff; стр. 49—57. Указанные мнимо-пифагорейскіе отрывки этического содержанія содержатъ, по мнѣнію автора, перипатетическое ученіе 1-го вѣка по Р. X. — **A. E. Anspach**, Librorum de re publica a Cicerone scriptorum loci nonnulli emendati, стр. 58—64. — **O. Günther**, Zur Textkritik des Ammianus Marcellinus, стр. 65—73. — **Ed. Ströbel**, Zu Ciceros Tusculanen, 81—85. — **G. Busolt**, Kallias, des Kalliades Sohn, стр. 86—92. Доказывается, что тотъ Каллій, который внесъ финансовый законъ 435/4 года, и тотъ, который въ 433/2 предложилъ союзъ съ Регіумомъ и Леонтинами, равно какъ и тотъ, который одержалъ побѣду подъ Потидеей глѣтомъ 432/1 года, есть одно и тоже лицо — Каллій, сынъ Каллиада, по дѣму *Ἀζονεύς*, выдающійся политическій другъ Перикла. — **O. Crusius**, Die Epiphanie der Sirene, стр. 93—108. Приводятся доказательства въ пользу причающей (gespensterhafte) и связанной съ культомъ усопшихъ природы сиренъ; съ этой точки зрѣнія авторъ объясняетъ одинъ рельефъ (у Schreiber'sa Reliefbilder, Taf. LXI),

изображающій явленіе сирены. — А. Mommsen, Die attischen Skirgäusche, стр. 108—130. Первоначальное значеніе скирофорій, празднествъ въ честь Деметры и Аенны, состояло, по мнѣнію автора, въ принесеніи этимъ божествамъ *Σκίρα*, Земледѣльской жертвы изъ *γῆ σκίρας*, т.-е. известки, употреблявшейся въ качествѣ удобрения почвы. Авторъ сначала рассматриваетъ словоупотребленіе, этимологию и прѣжнія объясненія этого загадочнаго празднества (Преллера и Роберта), затѣмъ трактуетъ о значеніи гипса и известки въ древнемъ земледѣліи и объясняетъ смыслъ и значеніе лѣтнихъ и осеннихъ скирофорій. Наконецъ, на основаніи сдѣланныхъ выводовъ толкуется сколія въ Лукіану, изданная Э. Роде въ Rhein. Mus. XXV, стр. 549. — Th. Ziellinski, Ergysichthon, стр. 131—162. Передать рассказъ объ Эрисихтонѣ по Овидію (*Metam.* VIII, 728 слѣд.), авторъ устанавливаетъ четыре главныя его отличія отъ болѣе древней Каллимаховой передачи того же рассказа (въ шестомъ гимнѣ): 1) Срубленное Эрисихтономъ дерево у Калимаха есть только любимое дерево Деметры, а не мѣсто жительства Дриады, 2) у Калимаха нѣтъ рѣчи о „Голодѣ“, Деметра непосредственно сама наказываетъ преступника, 3) Эрисихтонъ у Калимаха юнъ и не имѣетъ дочери; эпизода съ Местрой нѣтъ у Калимаха 4) у Калимаха Эрисихтонъ дѣлается нищимъ и не поѣдаетъ самъ себя, какъ у Овидія. Авторъ доказываетъ, что черты, свойственныя только Овидіеву рассказу, носятъ на себѣ древній и подлинно сказочный характеръ. Изъ четвертаго пункта видно, что Овидій слыгъ двѣ традиціи: одну, Каллимахову, по которой Эрисихтонъ умеръ отъ голода, и другую, по которой онъ въ сумасшествіи терзалъ свое тѣло (древность этой трагедіи видна изъ вложеннаго въ нее принципа соотвѣтствія наказанія съ преступленіемъ). Второе отступленіе Овидія отъ Калимаха, послыка „Голода“, есть матеріализація метафоры — олицетвореніе въ чисто-римскомъ духѣ. — Что касается до эпизода съ Местрой, то древность его авторъ доказываетъ 1) именемъ ея отца (*Αἰθων* — сынъ Геліоса [*αἰθων* „*Ηλιος*“], слѣд. Местра ввучка солнца), 2) ея собственнымъ именемъ (*Μήστρα* значитъ „мудрая“ [*μήδομαι*] и т. обр. тождественна съ Медеей, тоже ввучкой солнца), 3) самымъ содержаніемъ рассказа, древность и сказочный характеръ котораго доказывается путемъ сравненія его съ сказками другихъ временъ и народовъ, схожими съ нимъ по основному мотиву (способность превращенія). — Наконецъ отвергнувъ „антропологическое“ толкованіе мѣта объ Эрисихтонѣ, предложенное О. Крузіусомъ (см. Roscher. Lex. d. Myth. I, столб. 1373 слѣд.), по которому Эрисихтонъ, какъ показываетъ имя, есть „взрыватель земли“, т.-е. героизированный земледѣлецъ, и все сказаніе получаетъ этический характеръ, — проф. Зѣлинскій локализируетъ преданіе, приурочивая его къ тріопическому святилищу, и объясняетъ Эрисихтова гипостасой Посейдона, а въ легендѣ о немъ видитъ сказаніе о спорѣ изъ за земли между Посейдономъ и Деметрой, двумя главными (и единственными до дорійскаго вшествія) божествами тріопическаго святилища. — O. Crusius, Ein Liederfragment auf einer antiken Statuenbasis, стр. 163—172. — Miscellen, стр. 173—184.

Rheinisches Museum für Philologie. XLVI (1891), 2.

A. Papadopulo-Keramens, Apollodori bibliothecae fragmenta Sabbaitica, стр. 161—192. Сообщаются отрывки из „Аполлодоровой Библиотеки“ по одной рукописи, находящейся в Иерусалимском собрании рукописей, устроенном стараниями патриарха Никодима I. — **K. Bugesch, GEGONAN und anderes Vulgärgriechisch**, стр. 193—232. Для знакомства съ александрійско-египетскимъ діалектомъ главнымъ, но не вполне еще опѣненнымъ, источникомъ служатъ унциальныя рукописи Новаго Завета; формами этого діалекта слѣдуетъ считать тѣ необыкновенныя образования, которыя попадаются напр. въ синайскомъ кодексѣ; таковы между прочимъ формы 3 plur. perf., какъ напр. *υέυοναν*. — **Fr. Bicheler, Altes Latein**, стр. 233—243 (продолженіе). XVI. Форма *acieris* (въ отр. Плавта) такъ относится къ *acies*, какъ *spres* къ *spes*; уменьшительное къ ней — *acisculus*. XVII. *terruncius* (Plaut. *Capt.* 477) — таково правильное начертаніе: *terr* (изъ *ters*) есть древняя форма числит. нарѣчія. XVIII. Первоначальнымъ знакомъ для *centum* было *O = Θ* (какъ для 1000 Φ, для 50 Χ). XIX. У Присціана форма *compes* показана какъ древняя къ *compos* (*compotis*). — Форма *compes* (отъ *pes pedis*) какъ *Nom.* вовсе не существовала въ лат. яз.; только въ эпоху Августа къ употреблявшемуся въ см. существительнаго прил. (мн. ч.) *compedeis* (*sc. catenae*) *compedium* образовано было по аналогіи съ основой *ped-* единственное число; уравненіе основы *compedi-* съ *ped-* повлекло за собой измѣненіе въ родѣ: первонач. женск. р. переходить въ муж. только во времена Горація. — **F. Sauer, Omphale**, стр. 244—249. Мнѣзъ объ Омфалѣ указываетъ на первенствовавшее въ семьѣ положеніе лидійскихъ женщинъ, являясь отголоскомъ т.-наз. „материнскаго права“, отчасти сохранившагося у древнихъ народовъ Малой Азіи. Въ лидійскомъ героѣ, который, будучи подданнымъ своей жены, царицы, совершаетъ великіе подвиги, греки признали своего Геракла, а чтобы оправдать фактъ подчиненія его женщины, придумали двоякій мотивъ, психологическій и правовой (искупленіе за убійство). Послѣдній мотивъ является въ позднѣйшихъ источникахъ. — **I. M. Stahl, Über athenische Amnestiebeschlüsse**, стр. 250—286. Разсматривается шесть болѣе или менѣе точно извѣстныхъ намъ аѳинскихъ амнистій: 1. солоновская, 2. одна изъ временъ персидскихъ войнъ, 3. патроклидова, 4. выговоренная по Лисандрову миру, 5. объявленная послѣ изгнанія тридцати и 6. послѣдовавшая послѣ геронойской битвы. — **C. Hosius, Symbola ad poetas latinos**, стр. 287—298. Приводятся рукописныя чтенія нѣк. мѣстъ Ювенала, Овидія, Присціана, Клавдіана и Марціала. — **Th. Kock, Euripides Fragm.** 935 (Nauck²), стр. 299—310. Опровергаются доводы, выставленные Виламовицемъ противъ подлинности отрывка. — **O. Rossbach, Schediasma criticum**, стр. 311—317. Критич. замѣтки къ Петронію, Силію Италику, Фроянтину, Апулею и Симмаху. — **Miscellen. O. Crusius, Babriana**, стр. 318—321. — **C. Fr. Mueller, Ignatii Diaconi acrostichon alphabeticum**, стр. 320—323. — **M. Ihm, Zu Iosephus Flavius**, стр. 323. — **B. Kühler, Ad**

Dionem Cassium, стр. 324—326. Исправляются въкоторыя мѣста.— Fr. Susemihl, Zu Diogenes Laertios VII, 54, стр. 326 слѣд.— С. Wachsmuth, Zur Topographie von Athen, стр. 327—329. На основаніи Аристотеля *Ἀθ. πολ.* р. 42, 9 слѣд. (Кеп.) подтверждается сообщеніе Павсанія, что *Θεσβίων* лежалъ близъ Анаксіона; въ концѣ статьи говорится о назначеніи *Ἀκτῆ* (близъ Пирея).— С. Wachsmuth, Pentadenbände der Handschriften klassischer Schriftsteller, стр. 329—331. Доказывается, что пергаментныя рукописи болѣе обширныхъ историческихъ сочиненій древности обыкновенно дѣлились на пятикнижія.— O. R. Propertius, стр. 331—333, IV, 2. Предлагается чтеніе *curvarier*; 13 слѣд.: *huic* трижды *vm. hic*; 19: *iacies falsus*; 4, 47: *potabitur*; 83 слѣд.: *ascensus dubiis... remissus — praemia erant somno*; 94: *praemia fontis*; 9, 24: *laurus vm. lucus*; 34: *hospita valla*; 60: *unda fluit*. — O. R. Reden des Sallust, стр. 333. Подъ словами: *orationes Sallustii* у Sen. *controv.* 3 *praef.* 8 надо разумѣть рѣчи, произнесенныя самимъ Саллюстіемъ и изданныя отдѣльно отъ его историческихъ сочиненій.— J. Schmidt, Zur politischen Geographie der africanischen Provinzen, стр. 334—336.

Archiv für Geschichte der Philosophie. Band IV (1891), 2.

E. Zeller, Die Abfassungszeit des Platonischen Theätet, стр. 189—214. Опровергая выводы Эрвина Роде (въ *Philol.* XLIX, 2; см. выше) о времени составленія Платономъ своего діалога „Θεαίητες“, Целлеръ защищаетъ свои собственные взгляды на этотъ предметъ (*Gesch. d. griech. Phil.* II, 2° стр. 461 слѣд.; *Sitzungsber. d. Berl. Akad. d. W.* 1886 и 1887), причемъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ исправляетъ ихъ и дополняетъ. Коринескою войной, о которой говорится во вступленіи діалога, можетъ быть только война 394-го и слѣд. годовъ, а не 368-го. Отвѣтъ Эвклида Терпсіону (142 А „Я ходилъ на пристань встрѣтить Θεαίητες, котораго везли въ Аонны изъ коринескаго лагеря“) понятенъ только тогда, когда составленіе діалога падаетъ на самое время корине. войны или на время непосредственно слѣдовавшее за нею. Сравненіе въ 165 D несомнѣнно намекаетъ на Ификрата и его пелтастовъ, и примѣненіе его въ данномъ мѣстѣ получаетъ смыслъ лишь при томъ предположеніи, что Платонъ имѣетъ въ виду недавнія событія. Доказательство, почерпаемое Роде изъ *Theät.* 174 E слѣд. и направленное противъ Целлера, неудачно. Потомкомъ Геракла съ двадцатью пятью предками не можетъ быть ни Агесилай, ни его сынъ Архидамъ. Да и согласно греческому словоупотребленію подъ словами *πρῶτοναι* и *ἀπογόναι* не слѣдуетъ разумѣть только предковъ и потомковъ, связанныхъ непосредственнымъ родствомъ; эти слова имѣютъ болѣе широкій смыслъ, обнимающій и побочныхъ къ мужской линіи родственниковъ; въ спискахъ же спартанскихъ царей, по всей вѣроятности, предки совпадали съ предшественниками по трону. Царь, котораго Платонъ имѣлъ въ виду, есть Агесиподисъ I; за послѣдняго говорить и то обстоятельство, что, на ряду съ Агесилаемъ, онъ является единственнымъ спартанскимъ царемъ времени коринеской войны 394-го года. На основаніи этихъ данныхъ, а также по

внутренним причинам, как напр. развитіи платоновскаго ученія, отношеніе „Феетета“ къ другимъ діалогамъ и тѣмъ др., написаніе разсматриваемаго діалога слѣдуетъ относить во времени между 392 и 390 годами, вѣроятнѣе всего къ 391 г.—P. Sellger, *Platons Phaidros*, стр. 215—238. Взглядъ Боннда, полагающаго главный смыслъ Федре во второй его части и отрицающаго самостоятельное значеніе рѣчей первой части, уже потому неправиленъ, что онъ признаетъ связь по содержанию только между третьей рѣчью и развиваемыми во второй части риторическими положеніями, не принимая въ расчетъ двѣ первыя рѣчи, хотя онѣ касаются того же предмета, что и третья рѣчь, именно любви. Изъ 266A и слѣд. вытекаетъ, что первая рѣчь Сократа составляетъ необходимое восполненіе второй; къ тому же приводитъ и точное сравненіе содержанія обѣихъ рѣчей. Подобное отношеніе существуетъ между рѣчами: Лисія и первой сократовской. На три рѣчи нельзя смотрѣть только какъ на примѣры къ теоретическимъ положеніямъ второй части. Въ первой части Платонъ говоритъ о философскомъ стремленіи въ человѣкѣ, которое есть не что иное, какъ стараніе души припоминать и восстанавливать идеи, созерцавшіяся ею въ жизни до-мірной, и о любви, какъ о восторженномъ выраженіи этого стремленія. А эта тема (о созерцаніи идей) приводитъ его къ рѣчи о до-мірномъ существованіи души вообще и затѣмъ о безсмертіи. Пространность изложенія происходитъ отъ желанія Платона показать способъ раскрытія философскихъ вопросовъ. Во второй части и слѣдуетъ изложеніе діалектическаго метода. Риторика таиннымъ образомъ должна стоять въ такомъ же отношеніи къ діалектикѣ, какъ любовь въ двухъ первыхъ рѣчахъ къ любви въ третьей рѣчи, и весь діалогъ, по содержанию и по формѣ, даетъ какъ бы очеркъ платонической философіи.—H. Hoffmann, *Der Platonische Philebus und die Ideenlehre*, стр. 239—242. Въ „Филебѣ“ Платонъ даетъ совершенно новую постановку своему ученію объ идеяхъ. Покидая идеалистическую точку зрѣнія, онъ ставится на сторону реалистическаго міровоззрѣнія и выводитъ идею высшаго блага, это солнце въ мірѣ идей по его ученію въ „Государствѣ“, изъ взаимодействія двухъ факторовъ, предѣльнаго и безпредѣльнаго. Высшее благо, τὸ ἐν καὶ πολλὰ τῆς ἡδονῆς καὶ φρονήσεως, является здѣсь продуктомъ компромисса, которому Платонъ даже не рѣшается приписать *οὐσίαν*. „Филебъ“ представляетъ собою послѣднюю реалистическую фазу платоновской мысли, ту фазу, высшимъ выраженіемъ и завершеніемъ которой являются „Законы“.—J. Dräseke, *Zwei Bestreiter des Proklos*, стр. 243—250. Авторъ доказываетъ, что было два Николан Мееоскихъ; свои „Опроверженія Прокла“ они писали: старшій въ тридцатыхъ годахъ XII стол. по Р. Х., младшій лѣтъ сто спустя. — Остальныя статьи не имѣютъ отношенія къ древней философіи.

Zeitschrift für die oesterreichischen Gymnasien. XLII (1891), 4—6.

4. E. Holzner, *Zu Euripides*, стр. 294—296. Авторъ читаетъ *El.* 1019: οὐχ ὡστα θνήσκιν οὐς ἐγυιάνμην ἐγώ, fr. 426: τὰ τοι μέγιστα πάντ' ἀπειργασται βροτοῖς τολμῶσι νικᾶν, fr. 608: ἐν τοῖσι μὲν δεινοῖσι ἀσφαλαῖς

philoi.—J. M. Stowasser, Zu Placidus (76.24).—K. Wotke, Wie verfuhr man beim Abschreiben der Handschriften im Mittelalter, стр. 296—297. Судя по одной рукописи IX столѣтія, авторъ доказываетъ, что въ тѣ времена былъ обычай раздѣлять, назначенную для переписки рукопись на нѣсколько частей и отдавать ихъ одновременно нѣсколькимъ переписчикамъ.—Критика и библиографія.

Б. A. Polasehek, Vielhaber in Pseudocæsarianos adnotationes criticae, стр. 386—389. Замѣтки къ тексту Bellum Hispaniense по Черновыцкому манускрипту 1861 года.—A. Kornitzner, Zu Ciceros vierter Rede gegen Catilina, стр. 389—392. Авторъ приводитъ всѣ мѣста, доказывающія, что 4-я рѣчь противъ Катлины была произнесена не въ храмѣ Юпитера Статора, но въ храмѣ Согласія.—R. Novák, Zur Historia Augusta, стр. 392—394. Въ *Hadr.* XXII, 47 index означаетъ городского префекта, замѣстителя императора.—Zu Quintilianus: *Inst.* I, 1, 32; *Decl.* p. 292, 2 Ri; 370, 9. — Критика и библиографія.

Б. J. Simon-Krems, Epigraphische Beiträge zum Griechischen Thesaurus, стр. 481—493. Дополненія къ лексикону Куманудиса (1883).—F. Löbl, Zur Genusbestimmung der Substantiva der konsonantischen Deklination im griechischen Elementarunterricht, стр. 536—542. — Критика и библиографія.

Zeitschrift für das Gymnasialwesen. XLV (1891), 4—6.

4. Jahresberichte: E. Naumann, Homer.

Б. R. Schenk, Das Bildungsziel des Gymnasiums und die Privatlectüre, стр. 264—280. Вся реформа гимназій должна состоять въ возвратѣ къ ихъ старому типу, сила котораго заключалась въ замкнутомъ единствѣ образовательныхъ элементовъ. Должно возстановить основную идею гимназій: воспитаніе къ самостоятельной научной дѣятельности; дѣль гимназій не въ томъ, чтобы сообщить воспитаннику нѣчто готовое и непосредственно приложимое къ жизни, *τὸ εἰδέναι*, а въ пробужденіи въ немъ научнаго интереса, *τὸ ἀρεῦσθαι τοῦ εἰδέναι*. Для этой дѣли въ преподаваніи древнихъ яз. особенную цѣнность имѣетъ частное чтеніе авторовъ. Оно должно имѣть задачей — закруглить и завершить т. наз. стартарное чтеніе. Абитуриентъ не долженъ только „отвѣдать“ всевозможныхъ авторовъ, нѣтъ, онъ долженъ посредствомъ усиленаго чтенія немногихъ избранныхъ авторовъ глубоко окунуться въ потокъ духовной жизни древнихъ. — Исходя изъ этихъ положеній авторъ излагаетъ рациональный методъ и точно устанавливаетъ объемъ частнаго чтенія. — Рецензій — Jahresberichte: E. Naumann, Homer (окончаніе); H. I. Müller, Livius.

Б. R. Tieffenbach, Verteilung des geschichtlichen Lehrstoffs, стр. 321—330.—Рецензій. — Jahresberichte: H. I. Müller, Livius; H. Kalenberg, Herodot.

Gymnasium. IX (1891), 1—12.

A. Ahlhelm, Beitrag zur Behandlung der Vergillektüre, стлб. 1—8. Образец класснаго разбора отрывка из Энеиды (II 750—796) и совмѣстной съ учениками выработки плана для сочиненія на тему: „заслуживаетъ ли Эней эпитета pius?“ — J. Weisweller, Eine wissenschaftliche lateinische Schulgrammatik, стлб. 189—202 и 229—244. Основательный и подробный разборъ синтаксическаго матеріала латинской грамматики съ дидактической точки зрѣнія. — H. Eichler, Zur Bedeutung der Leistungen im extemporierten und im präparierten Herübersetzen für die Beurteilung der Schüler, стлб. 270—278. Доказывается, что для оцѣнки познаній и умственнаго развитія ученика гораздо большее значеніе имѣетъ переводъ автора, предварительно имъ приготовленный, нежели переводъ ex tempore. M. Wetzell, ред. журнала, въ примѣчаніи къ этой статьѣ, нѣсколько ограничиваетъ выводъ автора, требуя, чтобъ оцѣнка ученика, главнымъ образомъ, основывалась на устныхъ и письменныхъ переводахъ не читанныхъ еще мѣстъ; въ такихъ переводахъ и должны состоять почти всѣ письменныя работы, исполняемыя въ классѣ. — H. Hageliken, Über Mustersätze zu den syntaktischen und stilistischen Regeln im lateinischen, стлб. 374—378. Авторъ, обращаясь къ составителямъ латинскихъ грамматикъ, предлагаетъ давать примѣры не на каждое отдѣльное синт. или стилист. правило, а такіе, которые бы заключали въ себѣ примѣненіе нѣсколькихъ правилъ. Заучиваніе черезчуръ многихъ примѣровъ бесполезно и обременительно для учащихся.

Listy Filologické. XVIII (1891), 1—3.

V. Steinmann, Studie homerské, стр. 1—23. Нѣкоторыя гомеровскія формы глаголовъ: *ἴζω*, *ἐπέπλεγον*, *χέω*, *φημί* (какъ *φάμενος*, *φαίην* и др.) имѣютъ въ текстѣ значеніе аориста и потому должны или считаться, или (именно формы отъ *ἴζω*) замѣняться формами аористическими. — F. Krječić, O myšlu Platónové, стр. 23—30 и 161—170. Отмѣтивъ важное значеніе встрѣчающихся у Платона миеовъ для пониманія платоновской философіи и строгое различіе, какое дѣлаетъ Платонъ между *λόγος* (мысль, основанная на дедукціи) и *μῦθος* (мысль, опирающаяся на авторитетъ — боговъ, жрецовъ, пѣвцовъ), авторъ доказываетъ, что миеы у Платона служатъ 1) подтвержденіемъ его теоретическихъ выводовъ, 2) выраженіемъ того, что мысль, въ нихъ заключающаяся, есть только гипотеза, 3) риторическимъ средствомъ для болѣе рельефнаго выраженія мысли; наконецъ разсматриваетъ взгляды нѣк. ученыхъ, изъ которыхъ одни видѣли въ миеахъ Платона слабую сторону его филос. системы, другіе смотрѣли на нихъ, какъ на литературный приемъ, третьи, наконецъ, приписывали имъ особенный мистическій смыслъ; и доказывается ихъ неосновательность. — F. Krsek, Literatura římska na Rusi, стр. 170—177 (начало статьи).

Отд. критики. S. Sobolewski, De praepositionum usu Aristophaneo, стр. 136—138. *F. Cada* отмѣчаетъ тщательность и научную точность этого обильнаго результатами изслѣдованія.

Berliner Philologische Wochenschrift*). XI (1891), 1—26.

H. Haupt, Neue philologische Erscheinungen aus Russland, стлб. 125—128. Краткая характеристика изданій: журнала „Гимназія“, Павсанія въ пер. Г. Янчевецкаго; Основы библіографіи по ист. римск. лит. Д. Нагуевского; In quaestiones Sarrh. observ., его же; Федеративная Эллада и Полибій Θ. Мищенко; Периклѣ В. Бузескула и Къ вопросу о началѣ Рима Ю. Кулаковскаго. — Val. v. Schoeffler, рец. книги А. Шукарева „Изслѣдованія въ области каталога ае. архонтовъ III в. до Р. X.“, стлб. 144—148. Выводъ: сочин. А. Ш., несмотря на нѣк. недостатки въ частностях, представляетъ явленіе въ высшей степени цѣнное по своимъ результатамъ. — H. Stadtmüller, рец. книги: J. Lunák, Quaestiones Sarrhicae, стлб. 453—456. Выводъ: рядомъ съ результатами весьма сомнительной достовѣрности въ книгѣ есть много достойнаго вниманія и для ученыхъ, не согласныхъ съ выводами автора. — J. Netušil, Zur Etymologie von pontifex und der ursprünglichen Bedeutung des Kollegiums, стлб. 867—868. Высокое положеніе коллегіи понтификовъ въ жреческой іерархіи не было таковымъ первоначально, а явилось съ теченіемъ времени. Первоначально это была (какъ показываетъ этимологія: *pons* въ древн. знач. есть „путь“ „дорога“) свѣтская коллегія, обязанность которой состояла въ проложеніи дорогъ (улицъ) въ городъ и сохраненіи ихъ въ хорошемъ состояніи. Религіозное значеніе коллегіи получила вслѣдствіе того значенія, какое имѣло хорошее состояніе общественныхъ дорогъ (особенно въ низкихъ, затопляемыхъ частяхъ Рима) для многочисленныхъ религіозныхъ процессій. Со временемъ она стала представлять собою какъ бы центральный органъ этихъ процессій и приняла на себя наблюденіе за процессіоннымъ календаремъ и точнымъ отбываніемъ процессій — въ чемъ и состояла основа всѣхъ позднѣйшихъ правъ и обязанностей коллегіи. Юридическія ея функціи явились уже въ сравн. позднія времена.

Jahresbericht über die Fortschritte der classischen Alterthumswissenschaft, begr. v. C. Bursian, heraus. v. Iwan Müller, XIX (1891), Heft 6. 7. Помѣщены обзорѣнія научной литературы:

- по Пиндару за 1888—1890 L. Vornemann'a 1. Abth. стр. 1—16 (оконч. будетъ);
- по Теренцію и прочимъ сценическимъ авторамъ, кромѣ Плавта, за 1884—1888, A. Spengel'я 2. Abth. стр. 177—240 (продолженіе);
- по исторіи школъ съ древними яз. за 1887 и 1888, K. Hartfelder'a 3. Abth., стр. 97—112 (окончаніе);
- по греческимъ сакральнымъ древностямъ (6. Art.: Elis), 3. Abth. стр. 113—144.

*) Въ еженедѣльныхъ журналахъ отмѣчаются только труды русскихъ ученыхъ и статьи по поводу книгъ, изданныхъ въ Россіи.

IV. НОВЫЯ КНИГИ.

а) Вышедшія въ Россіи.

- Алекѣевъ, В.** Хрестоматія по исторіи древней Греціи въ отрывкахъ изъ древне-классическихъ писателей. Для старшихъ классовъ гимназій. Вып. I.— 60 коп.
- Аристотель, Афинское государственное устройство**, перев. Н. Шубина, СПб. — 40 к.
- Бласъ, Фр.** Герменевтика и критика, перев. Л. Ф. Воеводскій. Одесса.
- Вегуславскій, Е.** Интересъ изученія древне-римской литературы. Изд. 2, дополн. Екатеринбургъ. — 25 к.
- Вейсенфельсъ, О.** Гораций. Значеніе для цѣлей гимназическаго преподаванія и принципы толкованія въ классѣ. Изд. журнала „Гимназія“. Митавъ.
- Виноградовъ, Н.** Начальный курсъ латинскаго языка. Учебная книжка для 1-го класса. Изд. 2-е. М. — 60 к.
- Вышеславцевъ, М.** Анекдоты, изреченія и пословицы изъ жизни древняго міра. Новгородъ.
- Геродотъ.** Греко-персидскія войны. Греческій текстъ съ примѣчаніями и статьями о Геродотѣ и ново-ионическомъ діалектѣ, сост. I. Гобзой. Съ картой. Изд. 2-е. М. — 1 р.
- Гиляровъ, А.** Источники о софистахъ. Платонъ, какъ историческій свидѣтель. I. Методологія и овидѣтельство о софистахъ. Кіевъ. — 2 р. 50 к.
- Гоу и Рейнахъ, Минерва.** Введеніе къ изученію школьныхъ классиковъ. Пер. П. Первовъ. Рига. — 1 р.
- Григоревскій, М.** Сборникъ греческихъ и русскихъ примѣровъ для упражненій въ греческой этимологіи. Сост. по Везенеру. Изд. 5-е. СПб.
- Гуляевъ, А.** Предбрачный даръ въ римскомъ правѣ и въ памятникахъ византийскаго законодательства. Дерить.
- Гуссѣ, Г.** Знаменитыя куртизанки древнихъ вѣковъ (Аспазія, Клеопатра и Феодора). СПб. — 1 р.
- Демосенъ.** Рѣчи: Олинеская и первая противъ Филиппа, съ 2-мя рисунками и картой Греціи. Изд. Н. Кореньковъ. — М. — 1 р.
- Дютинскіе.** Олимпъ. Миеологія древнихъ римлянъ и грековъ. Перев. съ нѣмецкаго М. Корнъ. Съ 6-ю гравюрами и 47-ю рисунками въ текстѣ. СПб. — 1 р. 50 к.
- Исаенковъ, Вл.** Учебникъ греческаго синтаксиса. — 80 к.
- Исократъ.** Торжественное похвальное слово. Переводъ Н. Коренькова. Калуга. — 50 к.
- Казанскій, А.** Ученіе Аристотеля о значеніи опыта при познаніи. Одесса. ц. 2 р. 50 к.
- Кеммерлингъ, Мих.** Первая латинская книга для трехъ младшихъ классовъ гимназій и прогимназій. Ч. I. Упражненія. Ч. II. Словарь. Изд. 2-е. СПб. — За обѣ части 1 р. 25 к.
- Крашенинниковъ, М.** Римскіе муниципальные жрецы и жрицы. Этнографическое изслѣдованіе. СПб. — 1 р. 75 к.
- Лонатинскій, Л.** Руководство для первоначальнаго обученія латинскому языку въ трехъ низшихъ классахъ. Ч. I. Краткая латинская грамматика. Изд. 5-е. М. — 45 коп.

Михайлевоній, М. Латинская грамматика. Этимология и синтаксисъ. Изд. 4-е. СПб. — 80 к.

Муссалюсъ, В. Русско-латинскій словарь. СПб. — 2 р. 50 коп.

Мюллеръ, Максъ. Наука о мѣсяцѣ. Перев. В. Чуйко. СПб. — 2 р. 50 к.

Павловичскій, К. и Исаенковъ, В. Книга упражненій по латинской этимологии. Сост. по Везенеру. Изд. 4-е, вновь переработанное. М. — 1 р.

Плутархъ, Тесей и Камиллъ; русск. перев. В. Алексѣева. Дешевая библ. II. — 15 к.

Радецкій, С. Введеніе къ чтенію Гомера. М. — 35 к.

Саженичъ, Ив. Вокабуларій ко Пчастилатинскойхрестоматіи. М. — 5 к.

Sobolewski, S. Syntaxis Aristophanæe capita selecta. De sententiarum condicionalium temporalium relativarum forma et usu. М. — 1 р. 50 к.

Софоклъ. Электра. Трагедія. Перев. съ греч. М. Занкова. (Дешевая бібліотека). СПб. — 12 к.

Стефановъ, А. Элементарный порочный и практическій курсъ грече-

ской этимологии, съ програмою или вопросами для повторенія. 1—2 курсъ (3—4 класса). СПб. — 2 р. 15 к.

Сыровѣчковскій, Евгений. Начальная латинская хрестоматія для 3-хъ первыхъ классовъ гимназій. Вып. I. Курсъ 1-го класса. Изд. 2-е. М.

— Вокабуларій къ курсу перваго класса начальной латинской хрестоматіи. Изд. 2-е.

Цицеронъ, М. Туллія. Рѣчи противъ Катинны. Переводъ В. Алексѣева, съ введеніемъ и примѣчан. СПб. — 85 к.

Цицеронъ. Рѣчь о назначеніи Гнея Помпея полководцемъ. I. Текстъ. II. Комментарій, сост. А. Гофманомъ. Изд. 4-е. СПб. — За обѣ части 70 к.

Шефферъ, В. Аеннское гражданство и народное собраніе. Часть I. Основы государства и дѣленіе гражданъ въ Аеннахъ. Москва.

Шрамекъ, И. Lhomond. De viris illustribus Romæ a Romulo ad Augustum. Обработано для русскихъ учебныхъ заведеній. Съ картой. Изд. 4-е. СПб. — 90 коп.

b) Вышедшія за границей.

Apelt, O. Beiträge zur Geschichte der griech. Philosophie. Leipzig. — 10 M.

Arbets de Jubainville, Les noms gaulois chez César et Hirtius (De bello Gallico). Avec la collaboration de E. Ernault et G. Dottin. I. Bouillon. — 4 fr.

Aristoteles, πολιτικά Ἀθηναίων, edd. G. Kaibel et U. de Wilamowitz-Moellendorf. Berlin. — 1, 80 M.

Aristotelis qui fertur liber Ἀθηναίων

πολιτικά. Post Kenyonem edid. H. van Herwerden et J. van Leeuwen. Leiden. — 6 M.

Arnold, Th. Die griechischen Studien des Horaz. Neu herausg. von W. Fries. Halle. — 2 M.

Audouin, E. Etude sommaire des dialectes grecs littéraires (autres que l'Attique) homérique, nouvelionien, dorien, éolien. Préface par O. Riemann. Paris. 3 fr.

- Baenitz, M.** Das neue Gymnasium und das neue Realgymnasium. Berlin.— 1 M.
- Bahnsh, Fr.** Die Zukunft des griech. Sprachunterrichts auf den Gymnasien.— 0,50 M.
- Bartholomae, Chr.** Studien zur indogermanischen Sprachgeschichte. II. Halle.— 7 M.
- Bauer, Ad.** Litterarische und historische Forschungen zu Aristoteles' *Ἀθηνοπολιτεία*. München.— 3 M.
- Beurlier, Le culte impérial, son histoire et son organisation, depuis Auguste jusqu'à Justinien.** Thorin.— 7, 50 fr.
- Boltz, A.** Die Kyklopen ein historisches Volk. Sprachlich nachgewiesen.— 1 M.
- Cauer, Fr.** Hat Aristoteles die Schrift vom Staate der Athener geschrieben? Ihr Ursprung und ihr Wert für die ältere athenische Geschichte. Stuttgart.— 1 M.
- Ciceros Rede de imperio Cn. Pompei nach pädagogischen Gesichtspunkten** erkl. von Dr. F. Thürmen.— 1, 40 M.
- Croiset, A. et M.** Histoire de la littérature grecque. III. Thorin.— 8 fr.
- Curtius, E.** Die Stadtgeschichte von Athen. Berlin.— 16 M.
- Erhardt, L.** Ueber die Grundlagen uns. höh. Schulbildung, Berlin.— 1 M.
- Gardthausen, V.** Augustus und seine Zeit. Leipzig. I.— 10 M.; II.— 6 M.
- Gebhart, Fr.** Gedankengang Horazischer Oden in dispositioneller Uebersicht, nebst einem kritisch-exegetischen Anhang. München.— 1, 50 M.
- Gemoll, W.** Die Realien bei Horaz. I Heft, (Tiere u. Pflanzen,—Kleidung u. Wohnung).— 1, 80 M.
- Haupt, C.** Livius-Kommentar f. d. Schulgebrauch. III: Kommentar zu Buch III. Leipzig.— 0, 80 M.
- Herzog, E.** Geschichte und System der röm. Staatsverfassung. 2 Bde. Leipzig.— 33 M.
- Homers Odyssee in verkürzter Ausgabe.** Für den Schulgebrauch von A. Christ (mit 13 Abb. u. 1 Karte). Leipzig.— 1, 70 M.
- Horatius, rec. Guil. Mewes.** II. Berlin.— 1, 80 M.
- Keller, O.** Latein. Volksetymologie und Verwandtes, Leipzig.— 10 M.
- Klötzer, J.** Die griechische Erziehung in Homers Ilias und Odyssee. Ein Beitrag zur Geschichte der Erziehung im Altertum. Diss. Leipzig.— 1, 25 M.
- Körber, W.** Erziehung, Unterricht und Idealismus, Breslau.— 1 M.
- Kreyher, J.** L'Annaeus Seneca und seine Beziehungen zum Urchristentum.— 5 M.
- Livius.** Ab urbe condita liber IX. Für d. Schulgebrauch erkl. von F. Lutterbacher. Mit 1 Karte der furculae Caudinae. Leipzig.— 1, 20 M.
- Mahaffy, A.** A history of classical Greek literature. I. 3rd ed.— 4, 6 sh.
- Mayr, A.** Ueber Tendenz und Abfassungszeit des Sophokleischen Oedipus auf Kolonos. Gel. München.
- Meyer, P.** Des Aristoteles Politik und die *Ἀθηναίων πολιτεία*. Nebst einer Litteraturübersicht. Bonn.— 1, 20 M.
- Müller, A.** Die neueren Arbeiten aus dem Gebiete des griech. Bühnenswesens, Göttingen.— 2, 50 M.
- Phillipson, Alf.** Der Peloponnes. Versuch einer Landeskunde auf geologischer Grundlage (съ рис.). 1 Abt. Berlin.— 45 M.
- Plato, Protagoras,** ed. by B. T. Turner. Percival.— 6 sh.
- Seignobos, Histoire narrative et descriptive de la Grèce ancienne.** Colin.— 4 fr.

Schuchhardt, C. Schliemanns Ausgrabungen, 2 Aufl. Leipz. 405 стр.—8 M.

Sittl, K. Die Patrizierzeit der griechischen Kunst (mit 3 Tafeln). Würzburg.— 2 M.

Sonntag, M. Vergil als bukolischer Dichter. Leipzig.— 5 M.

Sophocle, Oedipe à Colone. Texte grec, avec des notes philologiques et littéraire en français, par M. Feuillatre, Belin.

Stadelmann, F. Erziehung und Unterricht bei den Griechen und Römern. Triest.— 3, 50 M.

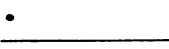
Vidal-Lablache, Atlas historique et géographique, 7 livr. Colin.— 1, 25 fr.

Welse, O. Charakteristik der lateinischen Sprache. Ein Versuch. Leipzig.— 2, 40 M.

Welaweller, J. Die Litteratür und Geschichte des klass. Altertums im Dienste der nationalen und patriot. Jugenderziehung. Paderborn.—0, 60 M.

Zemmerich, J. Toteninseln und verwandte geographische Mythen (mit 1 Karte). Diss. Leipzig.

Zielinski, Th. Βορρειαῖον. Gel. München.

О. И. ПѢХОВСКІЙ

(некрологъ).

Печальное извѣстіе о смерти незабвеннаго моего учителя Осина Ивановича Пѣховскаго, послѣдовавшей въ Варшавѣ 27-го іюня сего года, дошло до меня всего лишь двѣ—три недѣли тому назадъ, и я спѣшу почтить память покойнаго этими, къ сожалѣнію, за-
поздалыми строками.

О. И. Пѣховскій, отставной заслуженный профессоръ Харьковскаго университета, принадлежалъ къ числу выдающихся знатковъ литературы, искусства и быта народовъ классической древности и около сорока лѣтъ состоялъ на службѣ въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, дѣйствуя съ неутомимымъ рвеніемъ на поприщѣ преподаванія древнихъ языковъ сперва въ Москвѣ, а съ 1870 г. — въ Харьковѣ. Онъ родился въ Познани въ 1816 г. и первоначальное образованіе свое получилъ въ познанской гимназій. Послѣ двухлѣтняго пребыванія „кандидатомъ дополнительнаго педагогическаго курса“ онъ былъ принятъ въ іюль 1839 г. въ число студентовъ Московскаго университета, прямо на третій курсъ философскаго факультета, по первому (словесному) отдѣленію послѣдняго. Повидимому, тогдашніе московскіе профессора скоро замѣтили въ молодомъ человѣкѣ и недюжинныя способности, и трудолюбіе, и интересъ къ предметамъ классической филологій, такъ какъ тотчасъ по окончаніи курса Пѣховскій былъ ими оставленъ при университетѣ для приготовленія къ высшимъ ученымъ степенямъ, со включеніемъ въ число питомцевъ Педагогическаго Института. Два года занимался онъ въ этомъ учрежденіи, а въ августѣ 1843 г. состоялся приказъ о командированіи его за границу для изученія римской словесности и древностей. Пѣховскій оставилъ Москву, чтобы посѣтить Берлинъ, Лейпцигъ и другіе университетскіе города Германіи, а затѣмъ отправиться въ Италію, въ Римъ.

Не мѣшаетъ припомнить, что въ началѣ сороковыхъ годовъ филологическая наука имѣла на Западѣ, особенно въ Германіи, множество блестящихъ представителей. Это было время, когда въ

Кенигсбергѣ пожинали лавры Лобекъ и Лерезъ, въ Боннѣ — Велькеръ и Ричль, въ Бреславлѣ — К. О. Мюллеръ, въ Гёттингенѣ — Шнейдевинъ, въ Галле — Бердгарди, когда въ Лейпцигѣ дѣйствовалъ еще Готтфридъ Германъ, основатель и глава критико-грамматической школы, а въ Берлинѣ читалъ лекціи Августъ Бёкъ, самый крупный представитель историко-антикварнаго направленія. Овруженные многочисленными учениками, почитателями и послѣдователями, Германъ и Бёкъ соперничали другъ съ другомъ. Они находились между собою, по выраженію самого Бёка, „въ странныхъ отношеніяхъ дружбы, поддерживаемой постоянными взаимными нападеніями“ (in dem sonderbaren Verhältniss einer durch wechselseitige Befehdungen unterhaltenen Freundschaft). О. И. Пѣховскій слушалъ не только ихъ обоихъ, но и многихъ другихъ знаменитыхъ профессоровъ того времени; однако тѣснѣе всего применилъ онъ къ кружку Германа и на всю жизнь сохранилъ благоговѣйную память объ этомъ гениальномъ человѣкѣ, подъ вліяніемъ котораго въ немъ самомъ развился интересъ и вкусъ къ изслѣдованіямъ въ области языка, къ критическому изученію рукописнаго преданія, къ вопросамъ метрики, къ чтенію и эстетическому толкованію поэтическихъ произведеній древности. Особенно же близко сошелся онъ съ зятемъ Германа Морцемъ Гауптомъ, извѣстнымъ издателемъ Вергілія, Горация, Катулла и другихъ римскихъ поэтовъ.

Въ августѣ 1848 г. Пѣховскій возвратился въ Россію и въ слѣдующемъ году былъ опредѣленъ на службу въ Московскій университетъ адъюнктомъ по кафедрѣ греческой словесности. Въ 1854 г. онъ защищалъ свою магистерскую диссертацию, въ 1868 г. получилъ степень доктора, а съ 1870 г., какъ сказано, перешелъ на службу въ Харьковъ, гдѣ и состоялъ профессоромъ греческой словесности вплоть до 1885 г. Тяжелая болѣзнь заставила его выйти въ отставку и, оправившись отъ нея, онъ уже не возвращался въ преподавательской дѣятельности. Послѣдніе годы своей жизни онъ проводилъ частью въ Краковѣ, частью въ Варшавѣ, гдѣ и умеръ.

О. И. Пѣховскій въ высокой степени обладалъ знаніемъ своего предмета. Читая въ продолженіе многихъ лѣтъ лекціи по греческимъ древностямъ и по исторіи греческой литературы, онъ успѣлъ обработать эти два предмета въ видѣ прекрасныхъ курсовъ, отличавшихся строгою систематичностью, полнотою и самостоятельностью

сужденія. Они остались неизданными и извѣстны лишь его непосредственнымъ ученикамъ. Кромѣ того покойный профессоръ отводилъ въ своихъ лекціяхъ мѣсто и толкованію древнихъ авторовъ, и можно сказать, что самую сильную сторону его составляла критика и экзегеза греческихъ поэтовъ, особенно же Гомера, Софокла и Эсхила. Глубина пониманія соединялась въ немъ съ горячимъ воодушевленіемъ. Онъ умѣлъ не упустить изъ виду при объясненіи ни одной мало-мальски важной детали, умѣлъ подмѣтить и истолковать малѣйшіе оттѣнки въ выраженіи мысли, умѣлъ выяснитъ значеніе каждой части въ экономіи дѣлага. Онъ никогда не забывалъ, что въ поэтическомъ произведеніи смыслъ отдѣльныхъ мѣстъ долженъ прежде всего опредѣляться ихъ отношеніемъ къ идеѣ дѣлага, и при оцѣнкѣ предлагаемыхъ эмендацій текста эта мысль служила для него основнымъ критеріемъ. Какъ критикъ, онъ придерживался консервативнаго направленія. Его честолюбіемъ было по возможности защититъ и отстоять преданіе, и онъ дѣлалъ это съ рѣдкою основательностью и замѣчательнымъ остроуміемъ. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда чтеніе подлинника оказывалось явно и безнадежно испорченнымъ, онъ прибѣгалъ къ конъектурѣ, но при этомъ, подобно Герману, онъ отдавалъ предпочтеніе критикѣ дивинаторной передъ дипломатическою.

Писалъ онъ мало, и кромѣ нѣсколькихъ мелкихъ статей, напечатанныхъ въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ и въ „Приложеніяхъ къ протоколамъ засѣданій совѣта Имп. Харьк. унив.“, намъ извѣстны лишь два крупныхъ его сочиненія: „De Horatii Flacci epistola ad Pisones“ и „De ironia Iliadis“. Оба они составлены на латинскомъ языкѣ, которымъ покойный владелъ въ совершенствѣ. При этомъ нельзя не отмѣтить того обстоятельства, что въ гомеровскомъ вопросѣ, который затронулъ имъ въ трактатѣ „Объ ироническомъ въ Иліадѣ“, Пѣховскій совершенно разошелся съ Германомъ, допустившимъ, какъ извѣстно, для Иліады существованіе различныхъ поэтовъ въ силу разнаго рода внутреннихъ противорѣчій, несходствъ въ языкѣ и метрѣ, различій въ поэтической обработкѣ сюжета и проч. Пѣховскій напротивъ применилъ къ представителямъ консервативной критики и пытался доказать единство Иліады въ томъ же духѣ, хотя и иными приѣмами, какъ доказывалъ единство этой поэмы Нитушъ. Своимъ воззрѣніямъ, высказаннымъ въ названномъ сочиненіи,

покойный оставался вѣрнѣе до конца, считая какъ бы святотатствомъ всякія посягательства на неприкосновенность Иліады и не признавая даже примирительныхъ теорій Грота, Шёмана и др.

О. И. Пѣховскій не былъ узкимъ специалистомъ. Онъ отличался рѣдкою любознательностью и широкимъ энциклопедическимъ образованіемъ. Начитанность его была огромна. Онъ равно интересовался и исторіей, и философіей, и искусствами, и языкованіемъ, и политикой. Санскритскому и литовскому языкамъ онъ началъ учиться уже въ преклонныхъ лѣтахъ. Этою его многосторонностью, этою чисто юношескою отзывчивостью на высшіе запросы духа, этою горячею любовью къ знанію въ такой же мѣрѣ, какъ и нравственною высотой личности покойнаго объясняется тотъ авторитетъ и то уваженіе, которымъ пользовался Осипъ Ивановичъ въ кругу не только своихъ учениковъ, но и вообще лицъ, знавшихъ его близко.

Кончина его не была ни для кого чѣмъ-нибудь неожиданнымъ. Онъ давно завершилъ поприще общественной дѣятельности и умеръ въ глубокой старости. Тѣмъ не менѣе многимъ изъ его бывшихъ слушателей всгрустнется, когда они узнаютъ, что не стало ихъ добраго, безконечно преданнаго своему дѣлу наставника.

Sit tibi terra levis, molliter ossa cubent!

А. Деревницкій.

13 ноября, 1891 года.

КРАТКІЙ ОБЗОРЪ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ КРУЖКА ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ДРЕВНИХЪ ЯЗЫКОВЪ.

Среди преподавателей древнихъ языковъ въ Москвѣ возникла мысль образовать кружокъ для обсужденія вопросовъ по классической филологіи, имѣющихъ отношеніе къ преподаванію древнихъ языковъ въ средней школѣ. Предположено было съ этой цѣлью собираться одинъ разъ въ мѣсяць, и 4-го февраля 1889 г. состоялось первое собраніе преподавателей древнихъ языковъ, на которомъ были выработаны основныя положенія, опредѣляющія цѣль, составъ и предполагаемый образъ дѣйствій Кружка. Затѣмъ въ ожиданіи окончательной выработки и утвержденія правительствомъ устава Кружка рѣшено было собираться подъ временнымъ предсѣдательствомъ одного изъ членовъ. Наконецъ 30-го іюня 1890 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ утвержденіи устава. 15-го сентября того же года состоялось первое послѣ официального утвержденія собраніе, на которомъ единогласно избранъ былъ предсѣдателемъ Владиміръ Дмитріевичъ Исаенковъ, окружный инспекторъ Московскаго учебнаго округа.

По 1-ое августа 1891 года Кружокъ имѣлъ двадцать три засѣданія. На нихъ были прочитаны и обсуждались слѣдующіе рефераты:

В. Г. Анпельрота: Разборъ книги Тегге: „Учебникъ латинской синонимики“ въ перев. С. Рожанковскаго. — *А. В. Адольфа*: О сочетаніи методическихъ принциповъ въ преподаваніи латинскаго языка, преимущественно въ низшихъ классахъ гимназій. — *И. Ѳ. Збраславскаго*: Объ употребленіи *cum tempore*. — *А. С. Владимірскаго*: Сравненіе грамматики Зейфферта съ грамматикой Гарре. — *И. Г. Семеновича*: Сравненіе синтаксисовъ Зейфферта и Шульца въ ихъ русской обработкѣ. — *В. Г. Анпельрота*: О преподаваніи греческой этимологіи въ гимназіяхъ. — *А. С. Владимірскаго*: Біографія Лукіана (опытъ введенія въ школьное изданіе

Л.). — *И. Θ. Збраславскаю*: Нравственное учение Сократа по Ксенофонту. — *А. Н. Быкова*: Учение Цицерона о дружбѣ. — *В. П. Недачина*: Къ вопросу о преподаваніи лат. яз. въ четырехъ низшихъ классахъ. — *В. Д. Исаенкова*: Глава изъ учебника греческаго синтаксиса. — *В. Θ. Эйморна*: Разборъ книги Мейрера „Pauli sextani liber“. — *А. В. Адольфа*: О значеніи древнихъ поэтовъ для эстетическаго воспитанія и о толкованіи ихъ въ классѣ. — *Ею же*: Опытъ эстетическаго разбора Овидіева разсказа о Ніобѣ (Metam. V I, 146—312) и Виргиліева — о деревянномъ конѣ (Aen. II, 1—66). — *В. Г. Аппельрота*: Поэтика Аристотеля въ гимназическомъ преподаваніи. — *В. Н. Фаминскаю*: О чтеніи древнихъ авторовъ въ старшихъ классахъ гимназій. — *А. С. Владимірскаю*: Разборъ греческой грамматики Курца и Фризендорфа. — *Я. А. Левенштейна*: Введеніе къ школьному изданію Ксенофоновыхъ „Воспоминаній о Сократѣ“. — *С. И. Любомудрова*: О классномъ чтеніи Цезаревыхъ записокъ о галльской войнѣ. — *В. П. Недачина*: Опытъ выработки методическихъ положеній для стилистической передачи на русскій яз. латинскихъ прозаиковъ. — *А. В. Адольфа*: О возможныхъ сокращеніяхъ и упрощеніяхъ въ школьномъ латинскомъ синтаксисѣ.

Въ настоящее время Кружокъ состоитъ изъ предсѣдателя, шести почетныхъ членовъ (попечителя Моск. уч. окр. графа П. А. Капниста, помощника попечителя К. И. Садокова, и профессоровъ: Г. А. Иванова, Θ. Е. Корша, И. В. Цвѣтаева и А. Н. Шварца) и тридцати восьми дѣйствительныхъ членовъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1892 ГОДЪ

на журналъ классической филологіи и педагогики, подъ названіемъ

„ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“.

Программа журнала: 1. Оригинальныя статьи и замѣтки научнаго характера по классической филологіи и дидактическаго — по преподаванію классическихъ языковъ и совмѣстно съ ними русскаго. 2. Рецензін и замѣтки о книгахъ и статьяхъ по классической филологіи и по педагогикѣ. 3. Краткія свѣдѣнія о статьяхъ по классической филологіи и по педагогикѣ въ текущей журнальной русской и заграничной литературѣ. 4. Отчеты о засѣданіяхъ ученыхъ и педагогическихъ обществъ. 5. Библиографія. 6. Объявленія. — Въ приложеніи: греческіе и римскіе классики въ русскомъ переводѣ (будутъ помѣщаться только съ 1893 года).

Сроки выхода: четыре раза въ годъ (въ февралѣ, апрѣлѣ, октябрѣ и декабрѣ) книжками. Двѣ книжки будутъ составлять отдѣльный томъ въ объемѣ двадцати печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна съ пересылкой: на годъ (съ 1 янв.) шесть рублей, на полгода три рубля. Двѣ книжки 1891 года стоятъ три рубля съ пересылкой. — Доставка журнала съ наложеннымъ платежемъ не принимается. — За перемѣну адреса подписчики доплачиваютъ двадцать коп. марками. — Частныя объявленія отъ книгопродавцевъ и издателей — по расчету, считая за страницу 25 рублей.

Подписка принимается въ редакціи „Филологическаго Обозрѣнія“ (адресъ Почтамту извѣстенъ) и въ книжныхъ магазинахъ: А. Ланга (Москва, Бузнецкій Мостъ, д. кв. Гагарина) и А. Суворина (въ Москвѣ и С.-Петербургѣ).

Редакторы-издатели: *А. Адольфъ, В. Анпельротъ.*

Отъ редакціи.

1. Обратную пересылку рукописей редакція принимаетъ на себя только за счетъ авторовъ.

2. О пригодности или непригодности рукописи для напечатанія редакція извѣщаетъ авторовъ только въ томъ случаѣ, если для этой цѣли приложена семи-коп. марка; свѣдѣнія такого рода редакція можетъ дать автору не ранѣе, чѣмъ черезъ двѣ недѣли.

Редакція обращается къ гг. авторамъ и издателямъ книгъ, имѣющихъ отношеніе къ классической филологіи и педагогикѣ, съ просьбой присылать въ редакцію по экземпляру ихъ изданій для своевременнаго оповѣщенія о выходѣ ихъ въ отдѣлѣ „Новыя книги“. О каждой присланной въ редакцію книгѣ будетъ помѣщена библиографическая замѣтка, а о болѣе выдающихся — критическій отзывъ въ одной изъ книжекъ журнала.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Открыта подписка на 1892 г. (3-й годъ изданія).

„ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ“

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

предназначаемый для родителей и воспитателей.

Цѣль журнала — возможно широкое распространеніе среди русскаго общества разумныхъ свѣдѣній о возможно правильномъ установленіи вопросовъ воспитанія въ семьѣ и школѣ. Съ этою же цѣлью въ теченіе 1892 г., кромѣ ряда общепедагогическихкихъ статей, предполагается дать рядъ очерковъ педагогическихкихъ взглядовъ лучшихъ русскихъ педагоговъ, а для систематическаго знакомства съ воззрѣніями иностранныхъ педагоговъ предполагается въ приложеніяхъ напечатать переводъ книги англійскаго педагога Quick'a, подъ заглавіемъ: „Реформаторы воспитанія“.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА СЛѢДУЮЩАЯ: 1) Оригинальныя и переводныя статьи. — 2) Критика и библиографія. — 3) Мелкія сообщенія — (рефераты). — 4) Хроника. — 5) Приложенія — (литературно-педагогическіе очерки, рассказы, воспоминанія и т. д.). — 6) Объявленія.

Къ журналу будутъ прилагаться рисунки.

Срокъ выхода восемь разъ въ годъ (въ первые и послѣдніе мѣсяцы года, а въ теченіе четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ журналъ выходитъ не будетъ).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: въ годъ безъ доставки 5 р., съ доставкой и пересылкой 6 р., съ пересылкой за границу 7 р. 50 к.; для студентовъ и недостаточныхъ людей плата съ подписной цѣны уменьшается на 1 р.; кромѣ того допускается разсрочка уплаты въ два срока.

Подписка и объявленія принимаются: въ конторѣ редакціи (Москва, Бурлинская Садовая, Софійская Дѣтская Больница, кварт. главн. д-ра) и во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ общаго столич. Гг. иногороднихъ просить обращаться прямо въ редакцію журнала.

Редакторъ-издатель д-ръ Е. А. Покровскій.

Продолжается подписка на 1892 годъ на ежемѣсячный общепедагогическій журналъ

„РУССКАЯ ШКОЛА“.

Въ вышедшихъ книжкахъ „Русской Школы“ за 1891 годъ напечатаны между прочимъ слѣдующія статьи: 1) Страничка изъ исторіи воспитанія въ Россіи конца прошлаго вѣка. Изъ воспоминаній А. П. Степанова; 2) Изъ мнѣній школьныхъ воспитаній А. А. Фета; 3) Забытый міръ (изъ пансіонскихъ воспоминаній) И. В. Засодимскаго; 4) Начальное образованіе и народныя училища въ западной Европѣ и въ Россіи въ XIX вѣкѣ, Н. Х. Весселя; 5) Императрица Марія Феодоровна въ ея заботахъ о Смольномъ институтѣ, М. И. Радомской; 6) О мѣрахъ къ ограниченію распространенія заразныхъ болѣзней въ школахъ, проф. Н. И. Быстрова; 7) Механизмъ вниманія, проф. Н. Н. Ланге; 8) Педагогическая и философская подготовка учителей среднихъ учебныхъ заведеній, М. И. Демкова; 9) Современныя французскія идеи о воспитаніи, П. Ф. Каптерева; 10) Картинки семейнаго воспитанія, А. Е. Молотова; 11) что такое дѣтская книга и дѣтскій журналъ и чѣмъ они должны быть, К. Н. Модзалевскаго;

12) Дѣти и птицы, проф. Д. Н. Кайгородова; 13) Отношеніе семьи и школы къ вопросу о ренетаторствѣ, М. И. Крыгина; 14) Къ вопросу о переутомленіи учащихся, С. А. Вудневскаго; 15) Профессиональная школа и подъемъ отечественной промышленности, М. Л. Песковскаго; 16) Цѣль и средства преподаванія низшей математики, С. И. Шохоръ-Троцкаго; 17) Къ вопросу о преподаваніи естественныхъ наукъ въ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, П. Ф. Лесгафта; 18) Преподаваніе географіи въ послѣднее пятидесятилѣтіе и желательная постановка этого предмета въ нашихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ, А. И. Пулковскаго; 19) Очерки частной инициативы въ дѣлѣ народнаго образованія въ Россіи (народныя чтенія, частныя воскресныя школы и народныя бібліотеки), Я. В. Абрамова; 20) Народное образованіе въ Московской губерніи (къ двадцатипятилѣтію земскихъ учрежденій), И. П. Вѣлюковскаго; 21) Народное образованіе въ Восточной Сибири. Его же; 22) Къ вопросу о значеніи и задачахъ русской народной школы. А. М. Тютрюмова; 23) Спеціальныя практическія задачи русской народной школы. Н. А. Феликсава; 24) Какія училища нужны для Петербурга. К. Е. Сентъ-Илера; 25) Къ вопросу о журналѣ для народа и народной школы (по поводу „Читальни народной школы“ за 1890 годъ). А. М. Калмыковой; 26) Къ вопросу о книгѣ въ жизни нашихъ дѣтей и юношества (Разборъ десяти новыхъ книгъ для дѣтскаго чтенія). Ея же.

Въ вышедшихъ книжкахъ помѣщены также рецензіи на нѣкоторыя педагогическія сочиненія, брошюры и руководства, дано обзорнѣе нѣсколькихъ педагогическихъ журналовъ, иностранныхъ и русскихъ, за 1890 г., рядъ статей по хроникѣ школьной жизни въ Германіи и въ Россіи и наконецъ библиографическій указатель педагогическихъ сочиненій, учебниковъ и книгъ для дѣтскаго и народнаго чтенія, вышедшихъ съ 1-го ноября 1890 г. по 1-е апрѣля 1891 года.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи (уголъ Лиговки и Васейной, гимназія Гуревича) и въ главныхъ отдѣленіяхъ конторы: въ книжныхъ магазинахъ Карбасникова, „Новаго Времени“, а также и въ книжныхъ складѣ А. М. Калмыковой. Подписная цѣна въ Петербургѣ безъ доставки — *шесть рублей* въ годъ; съ доставкой *шесть рублей пятьдесятъ копеекъ*; для иногороднихъ съ пересылкой — *семь рублей*. Гг. учителямъ и учительницамъ сельскихъ и начальныхъ городскихъ школъ дѣлается съ подлинной платы одинъ рубль уступки.

Въ „Русской Школѣ“ принимаютъ участіе слѣд. лица: Я. В. Абрамовъ, М. Ф. Анненскій, М. А. Антоновичъ, В. Л. Борнштаммъ, Н. И. Билибинъ, С. И. Буличъ, И. П. Бѣлюковскій, проф. Н. И. Быстровъ, проф. В. Г. Васильевскій, П. И. Вейнбергъ, Н. Х. Весель Е. Н. Водовозова, В. А. Воскресенскій, З. Б. Вулихъ, Е. М. Гаршинъ, В. П. Геннингъ-М. Ю. Гольдштейнъ, Н. Г. Дебольскій, М. И. Демцовъ, П. В. Засодимскій, проф. Д. Н. Кайгородовъ, А. М. Калмыкова, П. Ф. Каптеревъ, проф. Н. И. Картевъ, проф. А. И. Мирличниковъ, Я. И. Новальскій, проф. Ю. А. Нулаковскій, проф. А. Н. Лагге, проф. П. Ф. Лесгафтъ, І. Э. Мандельштаммъ, В. В. Михайловъ, К. Н. Модзалевскій, проф. В. И. Модестовъ, П. О. Морозовъ, Л. Е. Оболенскій, проф. Н. А. Осokinъ, А. Н. Острогорскій, В. П. Острогорскій, І. И. Паульсонъ, М. Л. Песиковскій, Н. И. Позняковъ, В. Л. Розенбергъ, Д. Д. Семеновъ, В. Д. Симовскій, К. К. Сентъ-Илеръ, В. И. Срезневскій, А. Н. Страннолюбскій, проф. А. С. Трачевскій, Н. Ю. Цируль, Вл. А. Шидловскій, проф. В. А. Шидловскій, С. И. Шохоръ-Троцкій, проф. Эрисманъ и нѣкоторые другіе.

Редакторъ-издатель Я. Г. Гуревичъ.

Въ книжномъ магазинѣ АЛЕКСАНДРА ЛАНГА

Москва, Кузнецкій мостъ домъ князя Гагарина (Телефонъ № 921)

продаются слѣдующія книги:

- Аппельротъ, В. Г.* «Для моихъ учениковъ». Употребленіе временъ и наклоненій въ греч. яз. (Главнѣйшія правила греч. синтаксиса). 1889. Цѣна 20 к.
- Гераклиды. Трагедія Еврипида, русскій пер. 1890. Цѣна 40 к.
  - Персы, трагедія Эсхила. 1883 г. Ц. 30 к. Одобр. Учен. Ком. Мин. Нар. Пр.
  - Семь противъ Фивъ, трагедія Эсхила. 1888 г. Ц. 30 к. Одобр. Учен. Ком.
  - Прикованный Прометей, трагедія Эсхила. 1888 г. Ц. 40 к. Одобр. Учен. Ком.
  - Краткій синтаксисъ греч. яз. 1891 г. Цѣна 45 к. въ перепл. Одобр. Уч. Ком.
- Боннель.* Реальный латинскій словарь съ приложеніемъ пословицъ и изреченій для 1-го и 2-го кл. гимн. обработанъ С. Любомудровъ. 1888 г. Ц. 30 к. Одобр. Уч. Ком.
- Везенеръ.* Латинскій этимологическій вокабулярій съ указаніемъ на главнѣйшіе фразеологическіе обороты, встрѣчаемые у Корнелія Непота и Цезаря. 1886 г. Цѣна 25 к. Одобренъ Учен. Ком. Мин. Нар. Просв.
- Веллеръ, Г.* Латинскій Геродотъ, для второго класса гимназій обработанъ С. Любомудровъ. 1887 г. Цѣна 60 к. Одобр. Учен. Комит. Мин. Нар. Просв.
- Любомудровъ, С. И.* Латинская хрестоматія для младшихъ классовъ гимназій. 1890. Цѣна 50 к. Одобр. Уч. Ком.
- Менге, Г.* Матеріалы для повторенія греческаго синтаксиса въ русской обработкѣ А Адольфа и Е. Сырничковскаго.
- Матеріалы для повторенія латинской грамматики по руководствамъ Эдлената - Зейфферта и Шульца - Ходобая, обработанное А. Адольфомъ и Е. Сырничковскимъ, изданіе 2-е. Цѣна 1 р. 80 к.
- Сперанскій и Аппельротъ.* Этимология греческаго языка. Цѣна 1 р. Реком. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв.
- Сатиры Ювенала.* Стихотворный переводъ и объясненія А. Адольфа; съ приложеніемъ латинскаго текста. Роскошное изданіе съ оригинальными винь. етками и инициалами. Москва 1888 г. Рекоманд. Учен. Комит. Мин. Нар. Просв. для фонд. библ. гимн. и прогимн. Цѣна 8 р., въ переплетѣ 10 р.
- Тъге, д-ръ.* Учебникъ латинской синонимики. Перевелъ и приспособилъ въ русскіе гимназійскіе С. Рожанковскій, 1889 г. Цѣна 50 к. Одобр. Учен. Ком.

При магазинѣ складъ русскихъ и иностранныхъ изданій. Большой выборъ учебниковъ и классиковъ на латинскомъ и греческомъ языкахъ. Заказы исполняются скоро и аккуратно.

ЛАТИНСКАЯ ГРАММАТИКА (по ШТЕГМАНУ).

Сост. В. Никифоровъ. Москва 1891 г. Цѣна 1 р. Изданіе второе, обработанное примѣнительно къ учебнымъ планамъ 1890 г.

Эта книга *одобрена* Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. и Уч. Ком. при Св. Синодѣ въ качествѣ *учебнаго руководства* по латинскому языку.

Складъ въ книжномъ магазинѣ В. В. Думнова подѣ фирмою „Насл. бр. Салаевыхъ“ (въ Москвѣ, на Мясницкой ул.).

Гг. преподаватели, желающіе получить учебникъ для ознакомленія съ нимъ, благоволятъ обращаться къ *составителю* (адресъ: Москва, Поварская ул., пятая гимназія).

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ СОБРАНИЕ
ГРЕЧЕСКИХЪ И РИМСКИХЪ КЛАССИКОВЪ

СЪ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМИ ПРИМЪЧАНІЯМИ,
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
ЛЪВА ГЕОРГІЕВСКАГО и СЕРГІЯ МАНИШТЕЙНА.

Поступили въ продажу новыя выпуски:

Гомеръ. Одисея II. п. съ введ., примѣч. и 12 рис. Объясн. *С. А. Радский*. 50 к.
Воспоминанія о Сократѣ. I кн. съ введ., примѣч. и 8 рис.
Объясн. *К. В. Гибель*. 40 к.

Не позже января 1892 года нѣтъ выйти изъ печати:

Геродотъ. Скиѣя и походъ дарія на скиѣвъ. Объясн. *Г. О. фонъ Гаазе*.
Гомеръ. Одиссея. VI п. Объясн. *Н. А. Счастливцевъ*.
Саллюстій. Заговоръ Катилины. Объясн. проф. *Д. И. Навуевскій*.

NB. Ни съ однимъ изъ лицъ, издающихъ ключи къ древнимъ авторамъ, редакція иллюстрированнаго собранія греческихъ и римскихъ классиковъ ничего общаго не имѣетъ.

П р о б и с и: русскія, французскія, нѣмецкія, латинскія и греческія; шрифты церковно-славянскій, готическій, старо-готическій рондо и куле. Ц. 80 п. Составилъ и издалъ учитель 3-ей Московской мужской гимн. *М. Майми-стовъ*. (Продаются у Дацаро, Брокмана и въ книжномъ магазинѣ Думнова бывш. братьевъ Салаевыхъ).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1892 ГОДЪ
на общепонятно-научный иллюстрированный журналъ
„НАУКА И ЖИЗНЬ“.

Единственный въ Россіи журналъ, дающій возможность неспециалистамъ слѣдить за успѣхами знанія. — Текстъ иллюстрируется множествомъ роскошныхъ гравюръ, изъ коихъ многія исполнены въ Парижѣ. Въ годъ дается до 500 гравюръ. — Въ годъ выходитъ 52 №№, каждый въ два печатные листа на превосходной велевеновой бумагѣ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА: 1) Общепонятныя статьи по всѣмъ отраслямъ естественныхъ и физико-математическихъ наукъ; приложенія наукъ къ практической жизни и промышленности; открытія, изобрѣтенія, усовершенствованія. 2) Медицина (особенно гигиена), сельское и домашнее хозяйство, лѣсоводство. 3) Статьи по исторіи наукъ и промышленности; научная хроника и смѣсь; бібліографія. 4) Научныя игры и развлечения; задачи; почтовый ящикъ. 5) Всякіе рисунки, относящіеся къ тексту. 6) Объясненія. Журналъ „НАУКА и ЖИЗНЬ“ Ученикъ Комитета Министровъ Народнаго Просвѣщенія ОДОВРЕНЪ для ученическихъ (старшаго возраста) бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Новые подписчики на 1891 г. получаютъ съ № 1. — № для ознакомленія высылаются за двѣ 7-коп. марки. — Полные экземпляры за 1890 годъ высылаются по уменьшенной цѣнѣ, — за три руб — ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ перес. и доставк. на годъ ПЯТЬ и на полгода ТРИ руб. — АДРЕСЪ: Москва. Мал. Дмитровка, д. Шильбахъ.

Ред.-изд. Dr. *М. Глубоковский*.

ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

